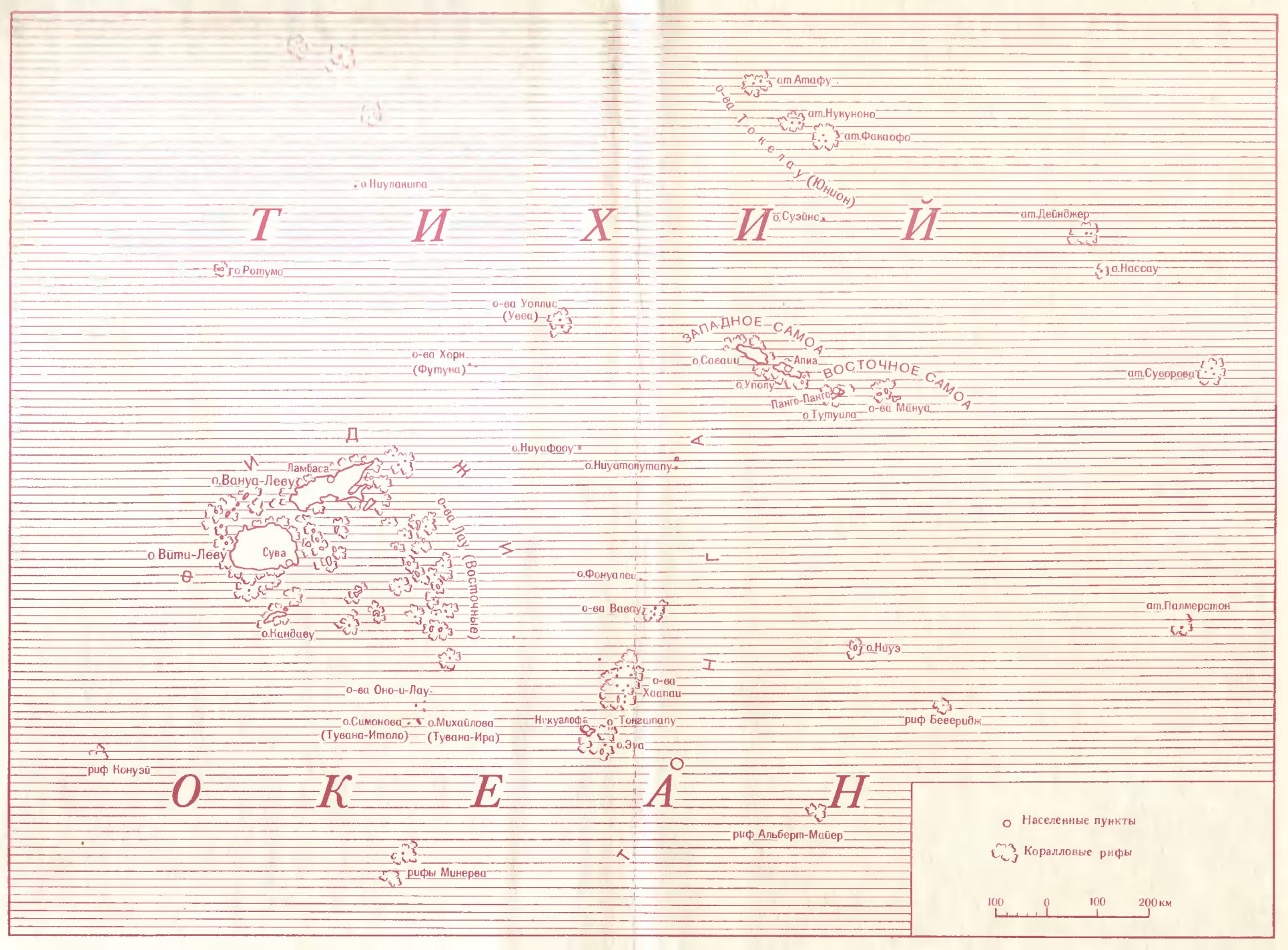
мифы, предания и сказки Западной Полинезии

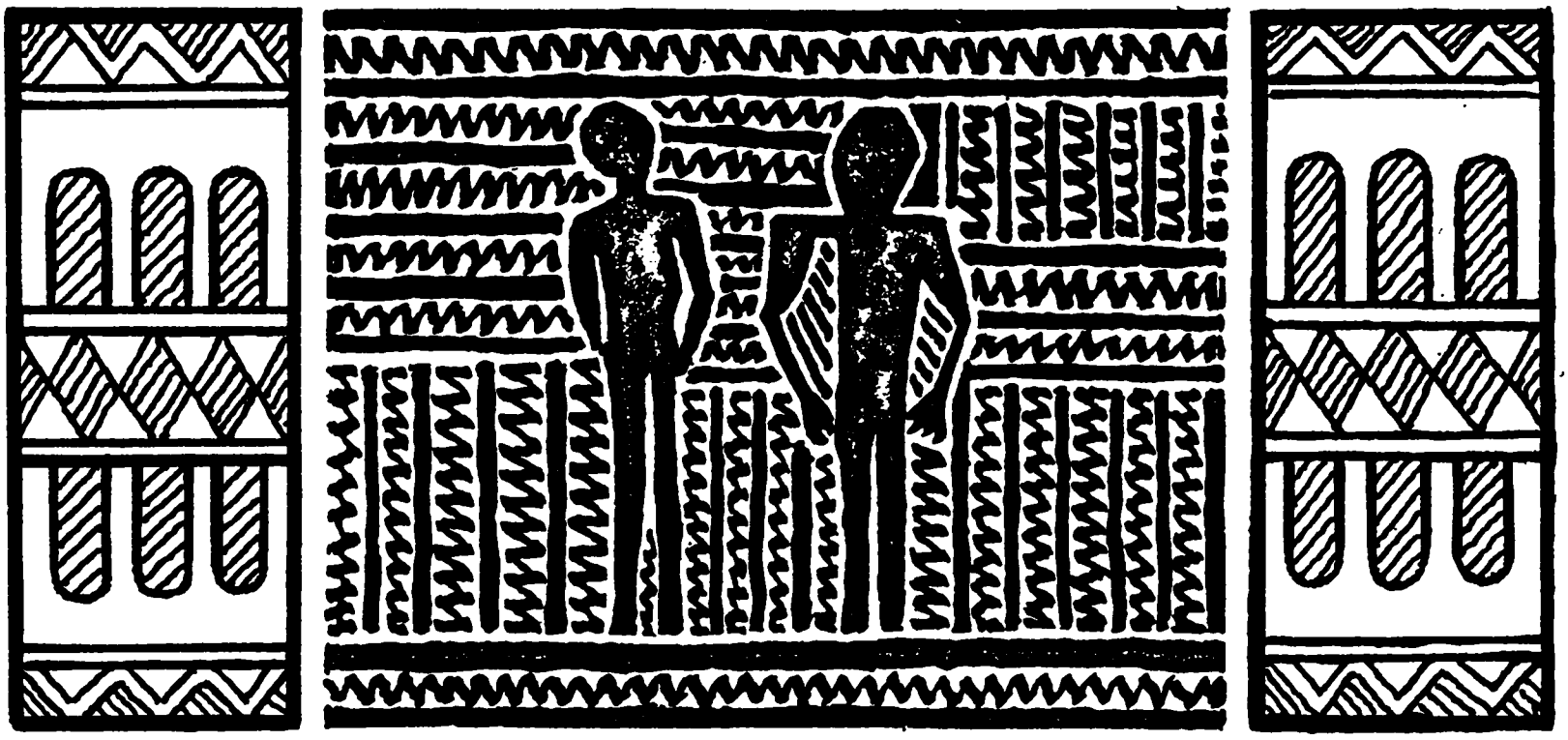


ат.Атафу
о-ва Токелау (Юнион)
ат.Нукуноно
ат.Факаофо
о.Ниулакита
Т И Х И Й
о.Суэйнс
ат.Дейнджер
о.Ротума
о.Нассау
о-ва Уоллис (Увеа)
ЗАПАДНОЕ САМОА
о.Саваии
Апиа
ВОСТОЧНОЕ САМОА
о-ва Хорн (Футуна)
о.Уполу
ат.Суворова
Панго-Панго
о.Тутуила
о-ва Мануа
о.Ниуафооу
о.Ниуатопутапу
Ламбаса
о.Вануа-Леву
о-ва Лау (Восточные)
о.Вити-Леву
Сува
о.Фонуалеи
о-ва Вавау
ат.Палмерстон
о.Кандаву
о.Ниуэ
о-ва Хаапаи
о-ва Оно-и-Лау
о.Симонова (Тувана-Итоло)
о.Михайлова (Тувана-Ира)
Никуалофа
о.Тонгатапу
риф Беверидж
о.Эуа
риф Конуэй
О К Е А Н
риф Альберт-Майер
рифы Минерва
Населенные пункты
Коралловые рифы
100 0 100 200 км

СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

мифы, предания и сказки Западной Полинезии



острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1986

ББК 82.33
М68

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Б. Л. РИФТИН,
С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, перевод с самоанского, тонганского, ниуэанского, ротуманского и английского языков, предисловие и примечания
М. С. ПОЛИНСКОЙ

Мифы, предания и сказки Западной Полинезии (острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума). Составление, перевод с самоанского, тонганского, ниуэанского, ротуманского и английского языков, предисловие и примечания М. С. Полинской. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

352 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора автохтонного населения Западной Полинезии. Сопровождается предисловием и примечаниями.
Рассчитана на взрослого читателя.

М $\frac{4703000000\text{-}068}{013(02)\text{-}86}$ 121-86 ББК82.33

Мифы, предания и сказки
западной Полинезии

(острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума)

Утверждено к печати редколлегией серии «Сказки и мифы народов Востока»

Редактор И. Л. Елевич. Младшие редакторы И. И. Исаева и Н. Л. Петрова. Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректор Л. М. Кольцина

ИБ № 15524

Сдано в набор 04.09.85. Подписано к печати 14.02.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. п. л. 22. Усл. кр.-отт. 22,25. Уч.-изд. л. 25,92. Тираж 75 000 экз. Изд. № 5794. Зак. № 1041.
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы 103031, Москва К-31,
ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва И-473,
Краснопролетарская, 16.

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истлевает камень, не истлевает слово.

Самоанская пословица

В этой книге представлен повествовательный фольклор островов Самоа, Тонга, Ниуэ́ и Роту́ма (Океания). Конечно, по четырем народам трудно судить обо всем океанийском мире, мире «мореплавателей солнечного восхода», искусных резчиков по дереву, мастеров плетения и плотницкого дела, земледельцев и рыболовов, строителей лодок и каменотесов, сказителей, художников, воинов. И все же названные острова, лежащие почти в самом центре этого островного мира, интересны и как звено в непрерывной цепи, связывающей воедино всех островных австронезийцев — от островной Юго-Восточной Азии до о-ва Пасхи, и как прародина расселившихся восточнее народов, и, наконец, как пример своеобразной, подчас непонятной европейцу культуры, представленной, в частности, повествовательным фольклором.

Предисловиям положено начинаться с истории, и мы попытаемся хотя бы вкратце рассказать здесь о реальных и предполагаемых событиях жизни четырех народов. Своеобразие океанийской истории в целом заключается в том, что островные общества XIX—XX вв.— прямые потомки более древних обществ, испытавших относительно мало внешних влияний. Предполагаемых событий в истории островов больше, чем реально известных: европейцы появляются здесь сравнительно недавно, и о прошлом океанийцев приходится догадываться по археологическим данным и отчасти по мифам и преданиям, которые приобретают в связи с этим не только художественную, но и историческую ценность.

Истоки истории — на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Предположительно к этому времени (1500—1000 гг. до н. э.) на островах, ныне носящих названия Тонга и Самоа, появились первопоселенцы. Так было положено начало освоению островов Полинезии человеком: Тонга и Самоа стали тем трамплином, с которого был затем совершен гигантский прыжок дальше на восток (ср. [1; 16]).

Проблема заселения Полинезии волновала умы многих ученых уже в середине прошлого века. В 1846 г. замечательный американский исследователь Горацио Хейл высказывает предположение о том, что предки полинезийцев жили сначала в районе Молуккских островов, а оттуда через Меланезию достигли Тонга и Самоа, расселившись затем по всей территории нынешней Полинезии. С. Перси Смит, новозеландский океанист, записавший, в частности, приведенные в этой книге ниуэанские предания, пятьдесят лет спустя предположил, что предки полинезийцев попали на свои земли из более далеких краев — из Индии, через Индонезию и Фиджи. За Хейлом и Перси Смитом последовала плеяда ученых, пытавшихся ответить на вопрос о том, как полинезийцы попали в Полинезию. Те Ранги Хироа (П. Бак), автор известной книги «Мореплаватели солнечного восхода», переведенной на рус-

ский язык [12], в другой своей книге [18] высказал гипотезу о том, что предки полинезийцев попали из Микронезии в центр «полинезийского треугольника»[1], откуда и расселились по всем прочим островам (при этом неизвестно, как и откуда попали они в Микронезию). Гипотеза Т. Хейердала о том, что предки полинезийцев двигались в Полинезию из Азии через Японию, Британскую Колумбию и Южную Америку, осталась недоказанной. Большинство современных ученых склоняются к мнению о том, что предки полинезийцев и меланополинезийцев прибыли на острова Фиджи, Тонга и Самоа с востока Индонезии или с Филиппин. Путь их лежал скорее всего через Меланезию. В пределах Западной Полинезии (см. ниже) и сложились затем полинезийский этнос и культура (ср. [1; 16]).

Строилось немало догадок о том, что толкало жителей островов в дальние плавания — те самые плавания, которые и привели к освоению человеком всей восточной части Океании. Едва ли можно поверить, что в открытое море выходили «те, что плывут без цели, плывущие, чтоб плыть, глотатели широт» (Ш. Бодлер). Скорее всего это были люди, знавшие, на что они идут, пускавшиеся в целенаправленное плавание, иначе довольно трудно объяснить распространение на островах людей одной расы, говорящих на близкородственных языках, выращивающих одни и те же растения, пользующихся одними и теми же орудиями[2]. Историю освоения Полинезии вряд ли можно свести и к случайным дрейфам на утлых рыбачьих лодках. Видимо, целые группы людей снимались с насиженных мест, движимые подчас страхом (острова постоянно лихорадило от усобиц), подчас голодом и неуверенностью в будущем. Так уплывает на поиски о-ва Ротума самоанец Рахо (№ 1, 2), так прибывают на будущий остров Ниуэ пятеро духов (№ 104).

Возможно, какие-то экспедиции уплывали и на разведку чужих земель, с тем чтобы потом вернуться, но, передумав, оставались на новом месте; так могли быть, например, заселены тонганцами о-ва Анута и Тикопиа. Двусторонние плавания были затруднены тем, что полинезийцы, прекрасно маневрируя на своих лодках с балансиром, замечательно ориентируясь по движению облаков и по звездам[3], не умели, однако, определять долготу и оценивать смещение с курса, вызванное подводными течениями (об этом подробно пишет Э. Шарп [53]).

О первопоселенцах, проникших к началу I тысячелетия до н. э. на Тонга и Самоа, известно немного. Их принято называть носителями культуры керамики лапита, или лапитоидной керамики[4]. Отличительной чертой керамики лапита был рисунок, выполненный в виде насечек и выдавленный на глине зубчатым штампом. Поразительна повторяемость мотивов в этой керамике: одни и те же неизменные узоры обнаруживаются на черепках, найденных на Новой Каледонии и Новой Британии, с одной стороны, и на Самоа — с другой. Но самое замечательное в том, что на керамику лапита очень похожи гончарные изделия, найденные при раскопках пещеры Каланай на о-ве Масбате (Филиппины) и стоянки Ша-Хюнь (СРВ). Помимо самой керамики, давшей название всей археологической культуре, при раскопках на различных островах было найдено много других характерных предметов. На Тонга, и прежде всего на крупнейшем из этих островов — Тонгатапу, были обнаружены гончарные изделия лапита, рыболовные крючки, иглы, тесла, костяные орудия, браслеты.

До 1973 г. считалось, что носители культуры лапита окончили свой путь на восток именно на тонганской земле, но в начале 1973 г. в лагуне у берегов Мулифануа (запад о-ва Уполу, Западное Самоа) археологи обнаружили следы берегового поселения «лапитоидов». По данным радиоуглеродного анализа, это поселение существовало на Самоа около 1000 г. до н. э. По-видимому, именно островам Самоа,

заселенным несколько позже, чем Тонга, принадлежит ключевая роль в дальнейшей истории полинезийской культуры.

Носители культуры лапита, следы которой рассеяны по столь многочисленным и удаленным друг от друга островам Океании, были отважными мореплавателями, в совершенстве владевшими искусством ориентирования по природным объектам. Они уже умели строить лодки с балансиром, пригодные для дальних плаваний, иначе едва ли за полтора тысячелетия, с 1500 г. до н. э. и до начала нашей эры, им удалось бы расселиться по большей части Океании — от северных районов Новой Гвинеи до Самоа. Жизнь носителей культуры лапита полностью зависела от океана: океан кормил их, служил им дорогой и домом, давал материал для орудий. По-видимому, носители этой культуры держали свиней и домашнюю птицу, умели использовать плоды и листья кокосовой пальмы. Главными в их рационе были продукты моря. У них уже были лук, праща, копье и дротик. Видимо, они умели строить дома на земляных и каменных платформах; пищу они запекали в земляных печах, доставшихся от них по наследству и современным жителям островов. От этих первопоселенцев идут, по-видимому, монголоидные черты, обнаруживаемые в антропологическом типе нынешних жителей Фиджи и Полинезии.

Полинезия — «множество островов», на которых живут близкие по языку и культуре народы. Первое разделение этого островного мира — на Полинезию западную и восточную. Западная Полинезия, прародина всех полинезийцев, обычно ассоциируется с о-вами Тонга и Самоа. На этих островах развилась высокая культура, общества этих островов были организованы весьма сложно; жители Тонга и Самоа совершали дальние плавания, результатом которых явилось распространение их материальных и духовных ценностей.

Первым европейцем, увидевшим земли Полинезии, считается Ф. Магеллан: в 1521 г. он открыл один из островов в архипелаге Туамоту, назвав его Сан-Пабло. Острова Тонга были открыты голландцами: в 1616 г.— Якобом Лемером (Ле-Мером) и Виллемом Схоутеном (Схаутеном, или Шоутеном,— по-русски его имя передается по-разному), а в 1643 г.— Абелем Тасманом. Честь открытия Самоа принадлежит Якобу Роггевену (1722 г.). В 1774 г. капитан Дж. Кук подошел к берегам о-ва Ниуэ, а в 1791 г. английский капитан Т. Эдвардс на судне «Пандора» пристал к берегам Ротума. В историю открытия островов Полинезии навсегда вошли также имена А. Менданьи, де Кироса, Л. А. де Бугенвиля, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу.

Эти мореплаватели, а вслед за ними и другие европейцы — моряки, миссионеры, торговцы, ученые — оставили немало ценных заметок, по которым можно как-то представить себе традиционную жизнь тропических островов.

На коралловых и вулканических островах издавна научились выращивать таро (важнейший сельскохозяйственный продукт на Самоа; считается, что таро принес и рассадил по всем островам архипелага самоанский культурный герой Пили — см. ниже и № 59), ямсовые бобы (главнейшая культура у ротуманцев и тонганцев, см. этиологические мифы о происхождении ямса — № 70, 74, 75). Кокосовая пальма, банан, панданус, хлебное дерево — все эти растения, насчитывающие десятки разновидностей, давали полинезийцам пищу, строительный материал, материал для плетения. Недаром им посвящено столько преданий и сказок.

Почти на каждом острове существовали предания, повествующие о происхождении дикого перца, из корня которого готовили ритуальный напиток полинезийцев — каву, или сахарного тростника, или тутового дерева (бруссонеции), луб которого шел на изготовление знаменитой полинезийской материи — тапы.

Полинезийцы держали собак, свиней и кур, которые попали на Тонга и Самоа, по-видимому, еще в период культуры керамики лапита. Жители о-ва Ниуэ ко времени первых контактов с европейцами не имели свиней и собак, эти животные появляются на острове только в середине XIX в. Тем не менее в языке ниуэ и в ряде топонимов острова присутствует общеполинезийское слово puaka «свинья»; возможно, свиньи, а также собаки прибыли на Ниуэ с первыми поселенцами, а затем по каким-то причинам перевелись здесь. Свиньи (и иногда куры) фигурируют как в этиологических мифах, так и в мифах об избавлении людей от каннибализма.

Полинезийцы «держали» и рыб: кормили их в специальных затонах, ухаживали за ними (ср. № 12, 96, 118, 119, 140). На островах сооружались искусственные заводи: у берега, на неглубоком рифе, ставилась загородка, так что получался небольшой огороженный водоем с солоноватой водой. Подобные же водоемы устраивали, отгораживая своеобразной дамбой дельту водного потока от него самого.

Традиционной у океанийцев была рыбная и растительная пища; свинина обычно была привилегией вождей и жрецов, ее ели во время пиров и торжеств (ср. № 4, 16, 44, 102). Пищу готовили в земляных печах (полинезийское umu, ротуманское koua). Земляная печь — это неглубокая яма, на дно которой закладывается топливо, а на него — камни или коралловая крошка, при нагревании дающие жар. Сверху кладется завернутая в листья пища, и затем яма покрывается специальным слоем листьев, которые служат как бы крышкой. Диаметр ямы не должен быть очень большим, иначе жар будет слишком быстро выходить из печи; существует даже ротуманская поговорка «Словно коуа с большим отверстием» — так говорят о бесполезном, никчемном человеке.

В пищу шли травы, ягоды, плоды, дикие коренья — все, что можно было взять от тропической флоры, не слишком-то милостивой к жителям островов. Мы нередко представляем себе жизнь островитян чуть ли не райской,— может быть, эта иллюзия идет еще со времен первых европейцев, потрясенных не одним только видом и образом жизни туземцев, но и тем многообразием и многоцветьем, которое их окружало. Но это именно иллюзия, и опровергнуть ее достаточно просто — стоит только вникнуть в рассказы о голодных временах или в легенды о неземном крае изобилия. Более того, будь жизнь островитян действительно райской и беззаботной, едва ли научились бы они запасать пищу впрок, а ведь замечательным достижением полинезийцев было искусство хранения ферментированных (заквашенных) продуктов в особых ямах (см. № 44, 57, 87). Фактически на островах знали приемы примитивного консервирования.

Готовую пищу раскладывали обычно на естественных «тарелках», в качестве которых использовали листья кокосовой пальмы, банана. Ели, сидя на земле скрестив ноги. У ротуманцев было также принято ставить перед вождем или очень знатным гостем некое подобие стола — слегка вогнутую доску на четырех невысоких ножках. На такой стол также клали «тарелку» — банановый лист.

Полинезийцы издавна знали много способов ловли рыбы: неводом, сетью, при помощи верши [5], на всевозможные приманки. Сети плели из растительных волокон и прикрепляли к ним грузила — раковины различных моллюсков. По легенде, искусство плетения сетей приносят на острова культурные герои вроде самоанского Пили (№ 59) или духи (№ 115).

Сети плелись не только для рыболовного промысла, но и для голубиной охоты, которая наравне с некоторыми другими видами охоты, метанием копий и дротиков, борьбой составляла одно из самых изысканных развлечений и нередко привилегию одних только вождей.

Плетение — одно из важнейших полинезийских ремесел — не ограничивалось одними сетями. Из растительных волокон изготавливали прочные веревки и бечеву, циновки (от громадных напольных до крохотных, тончайших, служивших подарком и украшением), опахала — подковообразные, треугольные; плели самые разные корзины (для даров и подношений, для хранения реликвий, для переноски пищи, для улова и т. д.), плели шляпы. Наконец, плели пояса — из растительных волокон, волос, собачьей шерсти, птичьих перьев. Некоторые пояса, настоящие произведения искусства, ценились так же высоко, как и самые тонкие циновки. Пояса и циновки (первыми особенно славился Ниуэ, вторыми — Самоа) служили денежным эквивалентом. Цвет пояса был социально значим: пояса из красных и желтых птичьих перьев носили только люди высокого происхождения, аристократы.

Одеждой полинезийцам служили набедренные повязки из тапы, юбочки или переднички из тапы и листьев. Именно в таком наряде зарисовывали их первые европейцы, побывавшие на островах в составе экспедиций Я. Роггевена, Дж. Кука, Ж.-С. Дюмон-Дюрвиля, О. Е. Коцебу [6].

Мужчины и женщины носили украшения из живых цветов, листьев, акульих и собачьих зубов, дерева и кости. Головные уборы делались из скрепленных плетеным шнуром листьев, из намотанной ряд за рядом бечевы (с теменным щитком), из перьев. Головные уборы вождей, воинов, жрецов различались, и по убору можно было судить о социальном положении владельца.

Из кости и дерева делали длиннозубые гребни. В одной ниуэанской сказке такой гребень спасает человека: убегая от преследующего его морского угря, человек бросает державший его волосы [7] красивый гребень, и угорь приостанавливается, чтобы причесаться им [42, с. 202].

Важнейшим украшением, указывавшим помимо всего прочего и на социальное положение носителя, была татуировка. Правила татуировки тела были разными для мужчин и женщин и различались от острова к острову. И хотя в Западной Полинезии искусство татуировки было развито меньше, чем в Восточной (а на Ниуэ вообще отсутствовало), многие народы, например самоанцы, передавали из поколения в поколение предания о родоначальницах и покровительницах этого искусства (ср. № 44, 45). Так, по самоанским представлениям, Таэма и Тила-фаинга приносят искусство татуировки с Фиджи, причем, окоченев от плавания в холодной воде, все путают и велят татуировать не женщин, как на Фиджи, а мужчин (ср. № 45). Ротуманцы верили, что искусство татуировки пришло к ним с других островов (возможно, тоже с Фиджи) или было принесено духами из подводного мира. Любопытно, что покровительствуют татуировке, по представлениям народов этого региона, именно женщины (ср. ротуманский персонаж из № 18, несомненно тоже соотносимый с представлением о женщине со сверхъестественными способностями, хранящей тайны ремесла). Татуировку наносили на тело зубчатым инструментом, напоминающим резец; изготавливали его из черепашьего панциря или кости (см. также примеч. к № 45).

Во многих сказках и легендах описано традиционное полинезийское жилище. Даже не зная его реального устройства, можно уяснить себе по крайней мере две характерные черты островного дома: во-первых, дома часто строились на возвышениях-платформах, земляных или каменных (последние нередко были привилегией знатных людей и вождей), во-вторых, дома не имели обычных в нашем понимании стен — стенные и дверные проемы завешивались плетеными циновками-шторами (см. № 7, 51). Самоанские дома, внешне несколько напоминающие ульи, имели одну или две закругленные в плане стены (см. № 42, 43). Внутри дом мог быть раз-

горожен (обычно на две, реже на три части) — так образовывались внутренние покои. Двух- или четырехскатная крыша устилалась сухими стеблями сахарного тростника, листьями кокосовой пальмы или пандануса. Обычный дом имел столбовую конструкцию: в середине дома ставились один или несколько опорных столбов. Столбы скреплялись со стропилами плетеной бечевой, которую завязывали очень сложным узлом (по некоторым преданиям и мифам, искусство завязывать такие узлы происходит от богов, духов или героев вроде Мауи). Под потолком хранились съестные припасы (ср. № 10, 96): Пол посыпали коралловой крошкой, устилали циновками. Спали на циновках, используя деревянные подголовники.

Помимо обычных жилищ строили и общинные дома — место собраний, приема гостей, проведения некоторых церемоний. Дома эти обычно имели свою, особую архитектуру. Вот как описывает самоанский общинный дом Те Ранги Хироа: «Крыша выпуклой формы от коньковой балки до карниза имеет закругленные концы. Изгиб достигается использованием гибких стропил, которые для сохранения кривизны подпираются рядом поперечных бревен. Закругленные концы образуются косыми дужками из коротких кусков дерева, укрепленных с помощью замыкающих соединений. На знатность вождя указывает число поперечных бревен... Каждому из гостей отводится особый [опорный] столб, соответственно его рангу» [12, с. 235].

Известны были также кухонные дома; на самом деле это были, собственно, не дома, а невысокие навесы. О таких домах несколько раз говорится в ротуманских текстах (ср. № 7 и примеч. к нему).

Для строительства домов и лодок, для работы по дереву и другим материалам, естественно, требовались инструменты, и главным было тесло. Существует даже особое понятие «полинезийское тесло» — это инструмент с прямоугольным или плоско-выпуклым поперечным сечением. Перед началом всякой работы тесла (как и другие виды орудий и оружия, см. ниже) проходили ритуальное испытание, а мастера просили покровителя их ремесла наделить инструмент силой и сноровкой. Теслам давались особые названия, о необыкновенных теслах складывались легенды (ср. № 104). Не менее важны были и другие инструменты из раковин, камня, кости: скребки, ножи, режущие пластины, резцы, терочники. Главным земледельческим орудием была заостренная палка-копалка, которой взрыхляли землю под ямс, таро, батат, маниоку. По самоанской легенде, такую палку-копалку вместе с мотыгой и махалкой от мух завещает своим детям или кому-то одному из них культурный герой Пили.

Оружием и одновременно орудием служила полинезийцу палица. Палиц, круглых, заостренных, веерообразных, насчитывалось множество, причем каждый вид имел и свое название, и свое предназначение. Из твердых пород дерева вырезали особые ритуальные палицы. Перед началом военных действий оружие освящалось (ср. № 41, 124); считалось, что в палице заключена магическая сила (см. ниже). В ниуэанском предании о Лауфоли (№ 126) герой не только устрашает врагов своим оружием, но и использует палицу как топор, срубая ею крепчайшее дерево.

Целые тома написаны о полинезийских лодках и о плаваниях, совершенных на них[8]. Небольшие рыбачьи суда; челноки, предназначенные для недалеких плаваний вдоль берега; военные корабли и катамараны; богато украшенные ладьи вождей; многокорпусные суда для дальних плаваний с закрытыми помещениями на палубах, способные поднять на борт сотни людей и тонны грузов,— вот неполный перечень того, что обычно скрыто для европейца за одним довольно расплывчатым понятием «каноэ».

Ритуал строительства лодок начинался с освящения инструментов и с задаб-

ривания духа деревьев, духа леса; необходимо было, заручившись его поддержкой, выбрать хорошее дерево[9]. Приводимая в этой книге легенда о Сине и Лата (№ 62) — самоанская версия известного общеполинезийского сказания о Рата, который повалил дерево для лодки без разрешения духов. На глазах у изумленного Рата дерево само поднимается с земли (в самоанской версии дерево, которое мастера Сины рубят на лодку для Лата, заставляет подняться дух леса).

Спуск готовой лодки на воду, оснащение ее веслами и парусами, первое плавание — все было связано со сложными и непонятными непосвященному человеку ритуалами, задабриванием духов моря, молением о благоприятном ветре и хорошей погоде. Отголоски этих ритуалов сохранились и в сказаниях. Народы, фольклор которых представлен в этой книге, совершали далекие плавания, за исключением, пожалуй, ниуэанцев, которые были наименее «плавучими». Жители небольшого, довольно изолированного острова, они нередко принимали у себя гостей, но о плаваниях своих соотечественников рассказывают как о чем-то необычном. О плаваниях тонганцев и самоанцев на другие острова (Увеа, Футуна, Фиджи, Ротума) говорят не только предания, но и реальные следы их пребывания там. Славой отважных и искусных мореплавателей издавна пользовались на соседних островах ротуманцы.

Конечно, полностью полагаться на предания о плаваниях древних полинезийцев нельзя, но доля истины в рассказах о путешествиях на чужие земли, ведомые и неведомые, названные и безымянные, есть, и плавания такого рода — один из главных сюжетов островного фольклора.

В преданиях о великих правителях Тонга, Самоа, Фиджи, других больших островов не раз говорится о том, как далеко простиралась их власть, из каких краев везли им дары, жители каких островов платили им дань, где добывали для них камень — для гробниц, платформ, памятников, откуда привозили им знахарей (см. № 27, 99).

Одна из возможных этимологий слова Самоа — «семейство (люди) океана» (от sā-moana, где moana — общеполинезийское слово со значением «океан, море», см. [26]). Если эта этимология верна, то уже в самом названии островов заключено указание на характернейшую черту древних их жителей, проникших «за небесную завесу к востоку от Фиджи», обладавших «мужеством, чтобы дерзать, волей и искусством, чтобы побеждать» [12, с. 21]. В плаваниях, некогда предпринятых отважными тонганцами, фиджийцами, самоанцами, были освоены и небольшие острова Ниуэ и Ротума, о которых идет речь здесь.

Тонга и Самоа — крупные архипелаги, государства, названия которых известны всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с картой Океании. Ниуэ и Ротума — маленькие, затерянные в океане островки. Фольклор ниуэанцев и ротуманцев близок тонганскому и самоанскому во многом именно благодаря великим переселениям «викингов Тихого океана»: осваивая и заселяя другие острова, тонганцы, самоанцы, фиджийцы несли на них не только свою материальную культуру, но и духовные ценности, дошедшие до нас в виде мифов, сказаний, сказок, легенд, песен, пословиц и поговорок.

По языку и культуре о-в Ниуэ ближе к Тонга, Ротума — к Самоа. Мы рассмотрим их здесь последовательно, попытаемся выделить главные, наиболее специфические черты культуры и общества всех четырех народов.

* * *

Ниуэ — небольшой приподнятый атолл, на котором поднимаются над уровнем моря две естественные террасы. Предания острова сохранили его старые поэтические названия: Нуку-лафалафа, «Плоская Земля», Нуку-ту-таха и Моту-ту-фуа, «Одиноко Стоящий Остров», Моту-те-фуа, «Голый Остров». Действительно, остров расположен достаточно изолированно; кроме двух естественных возвышений, на нем нет ни гор, ни холмов, так что он вполне заслуживает название плоского. Что же касается плодородия, то в этом отношении Ниуэ не сильно отличается от других экологически бедных тропических атоллов. Предания сохранили печальные истории о голоде и засухе, но такие же предания рассказываются практически везде, на всех атоллах. Заслуживает внимания одна особенность ниуэанской флоры: здесь почти не растет дикий перец, и поэтому ниуэанцы в отличие от всех прочих полинезийцев не пили кавы [10].

На некотором расстоянии от берега проходило кольцо дороги, соединявшей воедино все важнейшие точки острова. От этой основной дороги отходили, как радиусы, более мелкие, ведшие в глубь острова. По преданию, некогда в самом центре Ниуэ находилось священное селение Палуки (его название сохранилось в названии местности, см. № 124), где проходили встречи и советы вождей.

Из ниуэанских преданий выясняется, что первые люди прибыли на остров издалека, из чужих краев. Мифическую прародину ниуэанцев Тулиа (о ней идет речь, например, в № 104) локализовать на карте Океании не удается; что касается Тонга, о которой также часто говорится в мифах о первых жителях острова, то это может быть не реальная, а любая далекая «чужая» земля.

По-видимому, во второй половине I тысячелетия н. э. остров был заселен выходцами с Тонга, с Самоа и, возможно, с Фиджи. Заселение Ниуэ явилось результатом нескольких последовательных миграций. Язык ниуэ, объединяемый в одну подгруппу с тонганским, имеет целый ряд грамматических и лексических черт, сближающих его с восточнополинезийскими языками и выделяющих его среди всех прочих полинезийских языков. Изучение прошлого этого языка могло бы принести несомненную пользу и изучению полинезийской истории.

Исходно остров делился на одиннадцать поселков (сейчас их двенадцать), и уже из их названий можно судить об истории Ниуэ. Название северо-восточного поселка Лакепа соотносится с фиджийским Лаке(м)ба (один из островов Фиджи); Намукулу и Тамакаутонга напоминают тонганские топонимы; есть в топонимике острова и самоанский пласт. Помимо деления на поселки Ниуэ четко делился на две противопоставленные территориальные единицы — север (Моту) и юг (Тафити). Граница между севером и югом проходила примерно посередине острова. Деление на север и юг, подкреплявшееся противопоставлением диалектов моту и тафити (сейчас диалектные различия практически утрачены), явно было следствием неодновременности заселения острова. Северные ниуэанцы, моту, по антропологическому типу не отличались от выраженных полинезийцев: это были люди высокого роста, плотного сложения, с крупным скуластым лицом и довольно тонким носом, со светло-коричневой или желтоватой кожей и прямыми черными волосами. В то же время рядом с этим на острове бытовал и другой антропологический тип: люди среднего роста, менее плотного телосложения, с характерными волнистыми или курчавыми волосами, широким носом, более темной кожей, выдающимися челюстями (прогнатизм). В целом этот антропологический тип близок к меланезийскому.

Различия во внешнем облике жителей острова бросились в глаза уже первым европейцам, побывавшим здесь, например Дж. Уильямсу (ср. [55]). Фактически

остров был разделен на две эндогамные половины, постоянно враждовавшие друг с другом.

Первоначально (видимо, около 700 г. н. э.) остров был заселен предками моту[11]. С. Перси Смит, работавший на Ниуэ, считал, что основная масса этих поселенцев происходила с Самоа (выдвигалось даже предположение о том, что они прибыли именно с запада о-ва Саваии, а не с какой-либо другой территории Самоа); кроме того, в их числе должны были быть тонганцы и фиджийцы, в то время активно контактировавшие друг с другом. Смит перечисляет топонимы острова, восходящие, по его мнению, непосредственно к самоанским, например: Хамоа (=Самоа), Матафеле, Тутуила, Ваэа[12], Туапа. Ниуэанское название летучей лисицы — хале-вао — соотносится с именем одного из самоанских духов — Сале-вао (см. № 51).

Тафити[13], поселенцы второй волны, появились на острове позже. Именно эта волна переселенцев принесла с собой выраженный меланезийский элемент. По мнению С. Перси Смита, предки тафити появились на Ниуэ лет на пятьсот позже предков моту; это время — XIII в.— характеризовалось интенсивными контактами Западной Полинезии и Фиджи.

Поселенцы первой волны, предки моту, предстают в ниуэанских легендах как духи-тупуа (№ 104—106, 110), но имена тупуа не дают никаких определенных указаний на племенную принадлежность первых поселенцев. Гипотеза С. Перси Смита кажется вполне вероятной, но все же она остается пока именно гипотезой.

Постоянные усобицы между севером и югом создали ниуэанцам славу неустрашимых воинов. Репутация эта была подкреплена впечатлениями первых европейцев, появившихся здесь. Когда 20 июня 1774 г. капитан Дж. Кук пристал к берегам Ниуэ, прием, оказанный ему и его товарищам, оказался весьма далеким от радушного: на все попытки войти с островитянами в контакт те отвечали устрашающими гримасами, громкими воинственными криками, бросались на европейцев с копьями, дротиками, камнями. Кук поспешил отплыть от ужасного острова, дав ему название Савидж — Дикий (от англ. savage)[14].

В 1831 г. на остров прибыл миссионер Дж. Уильямс, оставивший много ценных наблюдений о природе острова, внешнем облике и обычаях местных жителей. Уильямса ждал на острове тоже довольно враждебный прием, а его намерение обратить ниуэанцев в христианство осталось неосуществленным. В 40—60-е годы XIX в. на острове появляются другие миссионеры, преимущественно из числа самоанцев. Им удается обратить жителей острова в христианство и несколько умерить вражду севера и юга. К концу XIX в. усилиями миссионеров на Ниуэ создаются школы; вводится письменность на латинской основе. Многие из легенд и сказок, приведенных в этой книге, были записаны по просьбе миссионеров и этнографов учителями-ниуэанцами в конце XIX — начале XX в.

В 1900 г. над Ниуэ провозглашается английский протекторат, а в 1901 г. остров присоединяется к Новой Зеландии. В наши дни о-в Ниуэ — самоуправляемая территория, состоящая в свободной ассоциации с Новой Зеландией. Из одиннадцати тысяч ниуэанцев семь живут сейчас на Новой Зеландии и сильно ассимилированы.

Доказывая, что предки моту прибыли на Ниуэ с Самоа около 700 г., С. Перси Смит опирался, в частности, на то, что на Самоа тогда еще не было верховной власти «высоких вождей», или «королей», и что ниуэанцы унаследовали именно такую, более архаичную систему правления[15]. В этой, более традиционной, нежели поздняя самоанская или тонганская, системе власть принадлежала выборным, а не наследственным вождям, причем возможности их были крайне ограниченными. Реальная власть сосредоточивалась в руках преуспевающих военачальников. Они

контролировали все земли острова и, значит, полностью управляли его судьбой.

О знаменитых воинах существует значительно больше преданий, нежели о «королях». Пожалуй, самый прославленный среди военачальников — Лауфоли (см. № 126); помимо ниуэанских преданий существует и самоанская легенда о нем, и в этой легенде он назван «настоящим ниуэанцем — отважным воином». По самоанской версии, Лауфоли, выросший вместе с Фити-ау-муа, сыном супругов с Мануа (Самоа), приплывших жить на Ниуэ, провожает своего сверстника на Самоа, а через некоторое время, не дождавшись его возвращения, отправляется на поиски. (Далее выясняется, что Фити-ау-муа погиб во время своих скитаний по свету.) Лауфоли сражается с мануанцами и побеждает их, затем он одерживает победы на о-вах Тутуила, Уполу, Саваии. Покинув замиренные земли Самоа, он с триумфом возвращается к себе на родину[16]. Не менее известным, чем Лауфоли, воином был Тала-махина, несколько раз упоминаемый в преданиях (см. № 131, 132).

Общества, подобные традиционному ниуэанскому, американский ученый И. Голдмен назвал открытыми — в противоположность стратифицированным сословным обществам, которые существовали, в частности, на Тонга и Самоа времени первых европейцев (ср. [32]). По открытому принципу строилась и социальная организация ротуманцев: выборные правители Ротума обладали весьма ограниченной властью, существенная же роль отводилась советам вождей и других людей знатного происхождения, военачальникам (ротуманские предания сохранили некоторые их имена — Фээфе, Алили, Масиа) и правителям отдельных округов, на которые делится остров (см. № 2, 4).

Подобные же открытые общества существовали на о-вах Мангаиа, Пасхи. Знаменательно, что они характерны для небольших, относительно изолированных и экологически бедных островов. Как остроумно замечает П. Беллвуд [16, с. 33], такие острова — идеальное место для проведения уникального «полинезийского эксперимента» на выживание.

Бóльшие общества были организованы сложнее; в их структуре важную роль играл институт наследственных вождей. Характерной чертой таких обществ было наличие большого слоя аристократии и жесткая социальная стратификация в целом.

Статус отдельного вождя в общей иерархии, действовавшей в данном социуме, как правило, находился в прямой зависимости от его происхождения; отсюда — настоятельная необходимость в сохранении длиннейших генеалогий, некоторые из которых возводились прямо к богам (ср. № 23, 25, 99)[17]. В стратифицированных обществах важная роль отводилась знатокам генеалогий, хранителям традиций и преданий каждой местности.

Огромное значение придавалось в сословных обществах материальным знакам власти, различного рода регалиям, дани, дарам, свидетельствовавшим о могуществе одариваемого (см. № 80, 92, 99), и, наконец, разнообразным титулам. На Самоа, где система титулов достигла наибольшего развития, со временем титул стал куда более важным фактором в приобретении политической власти, нежели знатное происхождение, как таковое (см. № 36 и примеч. к нему). Фактически на Самоа нередко шла борьба не людей, т. е. личностей, а именно носителей титулов.

Сакральные и светские привилегии в стратифицированных обществах различались и обычно принадлежали разным лицам; вождь, которому удавалось сосредоточить в своих руках и те и другие, мог считать себя достигшим вершины власти и славы.

Несмотря на сложную иерархическую структуру общества, тип расселения, характерный для Полинезии, препятствовал полной централизации: практически

везде островитяне жили мелкими, разбросанными хуторами. До прихода европейцев на островах не существовало централизованной власти, и лишь некоторым исключением можно считать Тонга, где после 1200 г. н. э. «королям» островов — Туи Тонга — периодически удавалось сконцентрировать в своих руках полную (хотя и не слишком реальную) власть над всеми тонганскими землями.

Трудно, видимо, даже вообразить, какими могущественными представлялись эти Туи Тонга: они действительно правили целым островным миром. Около 150 островов, составляющих архипелаг Тонга, растянулись длинной цепью между 18^0 и $23^030'$ южной широты и $173—177^0$ западной долготы. Примерно на расстоянии 400 миль от них лежат острова Самоа, 200 миль — Фиджи. Тонганские земли традиционно принято делить на три островные группы: Вавау на севере, Хаапай (Хаапаи) в центре и Тонгатапу на юге. По преданиям, одни острова, самые древние, были сотворены небесными богами и сброшены в океан с неба, другие же, более молодые, были выловлены из-под воды Мауи с помощью чудесного рыболовного крючка (ср. № 70, 73). В первом случае обычно имеются в виду вулканические острова (самые гористые, нередко считающиеся и самыми древними среди них — острова Эуа и Као), во втором — коралловые.

Крупнейший остров архипелага, давший имя всей южной группе островов, носит также названия Тонга-лахи («Большой, Великий Тонга») и Тонга-эики («Тонга Вождей»). Именно на этом острове искони находилась резиденция верховных тонганских правителей: сначала они жили в Хекета, затем — в Муа (см. ниже), и оба поселка неоднократно упоминаются в тонганских текстах. Для тонганцев не существовало ничего более священного, чем личность верховного, великого вождя, и, возможно, поэтому сам остров, на котором жили священные вожди, стал называться священным — тапу (табу).

Капитан Дж. Кук и члены его экипажа, побывавшие на Тонга в 1777 г. [18] и заставшие там одно из самых развитых полинезийских обществ того времени, с изумлением наблюдали почести, которые воздавались тамошним вождям. Они видели, как склонялись простые общинники, чтобы поцеловать след ноги вождя, оставшийся на песке, или коснуться его пятки, как несущийся по волнам катамаран вождя сбивал попадавшиеся ему на пути лодочки простых людей, как все и вся простирались ниц перед вождем. Дж. Кука, а вслед за ним У. Маринера [44] и миссионеров, прибывших на судне «Дафф», поразила та пышность, с которой обставлялись все действия вождя, все его перемещения, церемонии встречи гостей и питья кавы, которая, кстати, была исключительной привилегией вождя и его приближенных. Уделом одних лишь вождей считалась вечная жизнь в мире духов, т. е. в загробном мире; христианство с его совершенно иной идеей бессмертия души сыграло существенную роль в десакрализации статуса полинезийских вождей.

Организация тонганского общества, увиденного Дж. Куком, У. Маринером, первыми миссионерами,— сложилась в результате сложного переплетения ритуальной (сакральной) и политической систем. Все общество делилось на три четко дифференцированных социальных слоя: высшая аристократия, или высокие вожди (хоуэики), матапуле и туфунга, состоявшие при этих вождях, и, наконец, общинники (туа).

Аристократия, в свою очередь, не была единой: все вождеские линии на Тонга имели строго определенный статус в иерархии знатности, важнейшую роль при этом играла генеалогия. Наиболее знатными и священными (табу) считались представители династии Туи Тонга, о которых пойдет речь ниже, и тамаха — дочери «королев» (женщин из династии Туи Тонга) [19]. «Королевы» Тонга, как правило,

приходились мужчинам Туи Тонга старшими сестрами; высокий сан они принимали по приказу своих братьев, при дворе которых или неподалеку от которых обычно и жили. Титул свой эти женщины носили пожизненно, даже если они переживали братьев.

По тонганским правилам «королевы» считались более знатными и священными, чем их венценосные братья. Подобный высокий ранг связан с известным на Тонга и Самоа (и не зафиксированным нигде больше в Полинезии) обычаем, регулировавшим отношения между сестрой и братом, а также их детьми явно в пользу сестринской линии (тонганское название этого обычая — фаху, под фиджийским названием вазу или васу, он описан у Те Ранги Хироа [12], который справедливо полагает, что тонганцами и самоанцами он заимствован именно у фиджийцев). Брат и сестра были табу друг для друга (в частности, это выражалось в том, что они в соответствии со строго определенными правилами должны были избегать друг друга), брат обязан был оказывать сестре знаки особого уважения [20]; дети сестры считались фаху по отношению к детям брата: они были выше по положению и пользовались преимущественными правами во всех спорных вопросах.

Хотя высший ранг в ритуальной иерархии принадлежал женщинам (выше «королев» стояли тамаха, однако они были полностью выключены из социальной структуры), реальная политическая и во многом административная власть принадлежала мужчинам Туи Тонга[21]. Вся земля на островах формально принадлежала вождям (ср. в некоторых текстах упоминания о землях Туи Тонга или Туи Канокуполу, расположенных там-то и там-то), но на деле она распределялась между общинниками, составлявшими, естественно, наиболее многочисленный класс общества.

И на Тонга, и на Самоа важная роль отводилась состоявшим при высоких вождях советникам — вождям-ораторам. Произнесение сложных и длинных речей, построенных в строгом соответствии с заданными формулами, составляло немаловажный элемент полинезийских ритуалов. Вожди-ораторы служили высоким вождям везде (ср. ротуманских мафуа, ниуэанских хангаи, упоминаемых в текстах), но статус их был особенно высок на Тонга и Самоа.

Формально вожди-ораторы считались незнатными по происхождению людьми; на Тонга матапуле находились даже как бы вне структуры общества, поскольку нередко вели свое происхождение от фиджийских или самоанских иммигрантов. Тем не менее они купались в лучах славы того вождя, при котором несли службу. Их собственный статус отражал ранг высокого вождя, и власть, принадлежавшая им, определялась уже тем, что они могли пользоваться привилегиями высоких вождей (например, есть пищу вождя, которая была табу для всех других). Иначе говоря, речь идет о знатности, но иной, чем у Туи Тонга и других вождей,— знатности по положению, а не по происхождению.

В тонганских преданиях упоминаются разные семейства матапуле, в частности постоянные придворные Туи Тонга — матапуле из семьи Фале-фа; служившие вождю, присматривавшие за его землями и работами на них, обеспечивавшие вождя одеждой и пищей (по тонганским правилам верховный вождь получал определенную часть первого сбора урожая и часть улова). Политическая власть, принадлежавшая представителям Фале-фа, была очень значительной. По тонганским легендам, первыми матапуле Фале-фа были Туи Лолоко, Малиэ-по, Туи Фолаха и Мата-кехе, служившие сыну неба Ахо-эиту (см. № 99).

Особые, четко ограниченные, замкнутые группы составляли на Тонга (как практически во всех океанийских обществах) мастера ремесел — туфунга. Кланы

туфунга, складывавшиеся с течением времени, считались хранителями необычайных, сверхъестественных тайн; во многих преданиях с большим восхищением и почтением говорится о мастерах того или иного ремесла, прежде всего, конечно, о строителях лодок, рыболовах, плотниках, мастерах плетения. Нередко либо само ремесло, либо мастера этого ремесла происходят с неба или каким-то иным образом связаны со сверхчеловеческим (ср. № 41, 59, 107, 115). Многие семьи туфунга имели свою генеалогию, причем возводили ее к весьма знатным особам (ср. № 100).

Тонганские и самоанские предания, как и предания большинства народов мира, четко следуют одному правилу: в них почти ничего не рассказывается о простых общинниках, которые составляют как бы «общий фон» всякого повествования и попросту выключены из него, но необыкновенно много говорится о высоких вождях. Именно поэтому мы позволим себе несколько подробнее остановиться на главных вождеских семьях Тонга, о которых уже шла речь здесь и которые постоянно упоминаются в текстах самого разного содержания, причем не только в тонганских.

Главной и самой знатной династией тонганских «королей», как уже говорилось, были Туи Тонга. Генеалогия линии Туи Тонга, возводимых к божественному предку, прослеживается с 950 г. н. э. (см. № 99). К 1200 г. Туи Тонга, как мы уже видели, приобретают наибольшую власть: она простирается даже за пределы Тонга, на некоторые самоанские земли. Около 1500 г. светская власть переходит к другой династии — Туи Хаа Така-лауа (см. № 99), а век спустя эту династию сменяет династия Туи Канокуполу. Туи Тонга продолжают сохранять сакральные привилегии вплоть до христианизации островов (середина XIX в.), и формально Туи Канокуполу считаются менее знатными и благородными, чем богоподобные Туи Тонга. Название династии Канокуполу связывается с названием их резиденции, расположенной к югу от Муа, резиденции Туи Тонга. Тонганское Куполу соответствует самоанскому Уполу: по легенде, Туи Канокуполу происходят от самоанки, приплывшей с о-ва Уполу, и тонганского вождя.

Судя по преданиям, тонганцы подчиняли себе соседние острова: Увеа (острова Уоллис), Футуна (острова Хорн), Ротума и др. Они поддерживали постоянные контакты с самоанцами и фиджийцами. Последние тем не менее воспринимались как потенциальные враги и держали тонганцев в постоянном страхе. Любопытно, что, по тонганским этиологическим мифам, растения, обычаи, имена происходят с Самоа, из мифической земли Пулоту, с небес, но только не с Фиджи [22].

Совершенно уникальное место в тонганской истории и в тонганских преданиях принадлежит Туи Хаамеа, носившему также имя Лоау [23]. Легендарный вождь, военачальник, отважный мореплаватель, он мог быть реальным историческим лицом, но ни в одной из тонганских генеалогий не упоминается. Считается, что именно Лоау познакомил тонганцев с церемонией питья кавы, наиболее сложной и существенной в тонганских ритуалах (см. № 93). Имя Лоау связывается с местностью Хаамеа на Тонгатапу. Резиденция Лоау, расположенная в этой местности, называлась Маананга. Существовало поверье, что, находясь в Маананга, Лоау знает все, что происходит на всем Тонга (отсюда — тонганская поговорка о «знании в Маананга», т. е. о всеведении).

О тонганском прошлом рассказывают и предания, и памятники, сохранившиеся на некоторых островах и повсеместно упоминаемые в преданиях. Прежде всего это знаменитый трилит Хаамонга-а-Мауи, о котором уже шла речь (примеч. 3; ср. также № 93, 99 и примеч. к ним). Кроме того, это разнообразные насыпи и каменные конструкции, значение которых было раскрыто учеными нашего времени.

Наибольший интерес представляют ланги — места захоронения Туи Тонга.

Ланги — это прямоугольные в плане могильники, выложенные каменными плитами (в знак могущества тонганских вождей камни для их захоронения доставлялись с самых дальних островов, например с Увеа; см. № 92, 99) и нередко имеющие террасную структуру. Ланги, как и сами вожди, похороненные в них, были табу, располагались в уединенных местах и содержались в строгой неприкосновенности, так что одинокая гробница Тала-фаивы, жены одного из Туи Тонга (см. № 99), не была чем-то необычным.

Всего на Тонга обнаружено сорок пять ланги, большинство из них — рядом с Муа. В XI в. Муа становится своеобразной столицей Тонга, а в начале XV в. превращается в крепость: строятся мощные каменные заграждения, единственные в своем роде на тонганской земле. «Где власть, там и крепость» (Л. Тик). В центре Муа, как и во всех тонганских и самоанских поселках, располагалось малаэ (мараэ). Полинезийское мараэ [24] — это святилище, где совершались ритуалы и моления, проходили встречи и состязания, произносились речи, сталкивались соперники. В отличие от Восточной Полинезии, где на мараэ сооружались внушительные здания храмового типа, в Западной Полинезии просто расчищали квадратную или прямоугольную площадку и хранили там лишь некоторые реликвии; кое-где на западнополинезийских малаэ сооружались домики мертвых, реже — дома богов (духов).

Первые европейцы, побывавшие на островах Западной Полинезии, нередко называли тамошние малаэ именно «открытыми» или «зелеными» площадками (соответственно англ. open и green); такой перевод вошел и во многие словари.

Возможно, у читателя этой книги тоже возникнет некоторое удивление в связи с выражениями типа «вошел на святилище», «на малаэ», ведь для нас привычнее «в святилище, в храме». Но эти выражения не случайны: они отражают реальное устройство полинезийских святилищ.

В XIX в. традиционная тонганская религия сменяется христианством: старые святилища пустеют, на островах начинают строиться церкви. Появление европейцев ускоряет процесс консолидации тонганцев и создания единого государства (ср. [16]). В 1845 г. провозглашается государство Тонга. Первым королем Тонга становится Георг I Тупоу (Георг Тауфаахау Тупоу), перешедший в христианство и находившийся под сильным влиянием миссионеров. В 1875 г. принимается тонганская конституция. В 1900 г. Тонга попадает под протекторат Англии, сохранявшийся до 1970 г. В наши дни Тонга — королевство с суверенным статусом, входящее в Британское содружество.

История Тонга, сохранившаяся хотя бы отчасти в памятниках материальной и духовной культуры, дорога современным тонганцам; вторая половина нашего века ознаменована несомненным ростом интереса к традиционной культуре (об этом см., например, [8]). В 1975 г. тонганка Тупоу Посеси Фануа выпускает сборник сказок [59] на родном и английском языках. Одни сказки представляют собой более или менее точное воспроизведение тех историй, которые писательница девочкой слышала от своей бабушки, другие сочинены ею самой на основе традиционных тонганских сюжетов, параллели которым можно найти и в текстах этого сборника. Забегая вперед, скажем, что стремление зафиксировать как можно больше традиционных фольклорных текстов характерно и для других обществ современной Полинезии: на Самоа, например, в 50—70-е годы нашего века вышло в свет несколько сборников самоанских сказок, басен, на Ниуэ издаются детские сказки и легенды о Мауи (они используются и как учебные пособия), на Ротума — сборник пословиц и поговорок с пояснительным текстом (также для целей обучения).

Тонганские предания, как мы уже видели, сохранили многие эпизоды тонганской истории, в том числе историю тонганского вторжения на Самоа в конце XII в., во времена десятого Туи Тонга, носившего имя Момо (№ 92, 94, 99). А в правление Тала-каи-фаики, пятнадцатого по счету Туи Тонга, тонганцы потерпели сокрушительное поражение от самоанцев. Честь победы над тонганцами принадлежит, согласно преданиям, самоанским вождям Туна и Фата (№ 41). Побежденный тонганский вождь, признавая доблесть победителей (а восхваление победителя побежденным составляло необходимый компонент полинезийской воинской этики), обратился к ним со словами: «Добрые воины, славная [была] битва!» («Малиэ тоа, малиэ тау») [25]. Эти слова последнего тонганского вождя, правившего на самоанской земле, дали начало одному из важнейших самоанских титулов — Малиэтоа (Малиетоа).

Перейдем же к островам Самоа. Здесь выделяются два наиболее крупных острова — Саваии и Уполу. Современные самоанские острова делятся на два государства (см. ниже), но говорить об их истории и традициях можно, только рассматривая архипелаг как единое целое.

Природные условия на Самоа хуже, чем на Тонга, острова более гористые, почвы менее плодородные. Существует тонганская легенда, объясняющая различия между природными условиями в двух группах островов. Прежде чем отправиться в свое знаменитое плавание за новыми землями (ср. № 71, 87), культурный герой Мауи идет за чудесным рыболовным крючком к Туи Мануа, вождю и правителю островов Мануа (см. ниже). В это время никаких самоанских земель, кроме Мануа, еще не существует. Не застав Туи Мануа дома, Мауи соблазняет его жену, которая и дает ему чудесный крючок. Едва успев выловить из-под воды все самоанские острова, Мауи бежит прочь, преследуемый разгневанным Туи Мануа. Подобная вынужденная поспешность заставляет Мауи оставить самоанские земли такими, какими он вылавливает их,— неровными и гористыми. В положенное время у жены Туи Мануа рождается от Мауи сын, которого называют Тонга. Мауи, выловив из-под воды следующие острова, дает им имя своего сына и в знак любви к нему делает эти острова ровными и гладкими, без гор и холмов. Вот почему, заключает легенда, земли Тонга и Самоа такие разные: одни — ровные и плоские, другие — гористые.

По самоанским легендам (так же как, кстати, и по некоторым тонганским), острова Мануа были сотворены и заселены раньше всех других земель. К тому же, если верить фольклорной традиции, мануанцы жили на своих островах всегда, а не приплыли сюда откуда-то извне. Это представление было распространено повсеместно на Самоа и вошло практически во все описания самоанской мифологии, где непременно указывается, что самоанцы считают себя «людьми из ниоткуда», настоящими автохтонами, сотворенными на Мануа. Что касается мифов и преданий островов Мануа (см. [40, раздел «Мануа»; 36]), то это, видимо, верно. Однако за пределами Мануа были известны и другие легенды, пусть менее популярные, в которых рассказывалось о том, что первые поселенцы приплыли на Самоа по океану (ср. здесь № 26). Откуда? Об этом легенды молчат, гораздо охотнее рассказывая о дальнейших продвижениях самоанцев, в том числе на восток. Недаром восточнополинезийская Гаваики — легендарная земля героев и предков, Гаваики, в которой Те Ранги Хироа и Э. Бест искали прародину всех полинезийцев,— это почти наверняка самоанский остров Саваии.

Итак, Мануа — земля богов, земля, первой сотворенная богами (№ 23, 25), «пуп Самоа». Знатнейшие самоанские вожди по традиции возводились к предкам

с Мануа — земли, во всем отличной от всех других. Верховным вождям Мануа, Туи Мануа, оказывался особый почет: самоанцы считали их выше и знатнее всех других самоанских вождей и выше Туи Фити или Туи Тонга.

Однако, как уже говорилось, полнота власти не связывалась на Самоа с одним только божественным происхождением. Вся система социальной и политической интеграции здесь регулировалась иерархией рангов — титулов. Титул мог носить всякий, кто обладал не только «сносной» генеалогией, но и необходимыми личными качествами (№ 34).

Наиболее значимыми титулами традиционно считались те, которые носили «священные вожди» — алии паиа. Это были следующие титулы: Малиэтоа, Туи-атуа (Туи Атуа) и Туи-аана (Туи Аана). Титулы эти носили верховные вожди трех соответствующих территориально-политических единиц (вождеств, или «королевств»), на которые делился крупнейший самоанский остров — Уполу. В каждом из вождеств — Туамасанга, Атуа и Аана — носителем титула мог стать тот, кто сочетал достаточно высокое происхождение с доблестью, умом, отвагой и упорством в борьбе за власть. Титулы Туи-аана и Туи-атуа вместе с двумя другими — Нгато-аителе и Тама-соалии (см., например, № 36, 40) — составляли папа — важнейшие и самые престижные для верховного вождя титулы. В принципе носителем всех их мог стать один вождь: он либо завоевывал их в упорной борьбе с соперником, либо получал титул от вождей соответствующих местностей по их доброй воле, что бывало значительно реже. Вождь, приобретший папа, нарекался тафа-ифа — «держатель [всех] четырех [титулов]» (т. е. всех названных здесь, кроме титула Малиэтоа, который рано начинает выделяться из числа других).

К перечисленным здесь вождеским титулам могли присоединяться и другие, например титул Пуле-о-Салафаи — «Властитель Саваии». Приобретение всех титулов верховных вождей давало их носителю символическую власть над «всем Самоа», за исключением Мануа (см. № 2, 25), и делало его «королем» (тупу) Самоа (подробнее об этом см. [28; 37; 46]).

Краеугольным камнем в лидерстве на Самоа было право контроля земельных угодий; в самоанском обществе с его небогатыми природными ресурсами, требовавшими постоянного перераспределения, это право значило куда больше, чем в тонганском. Современное самоанское слово malo «правительство» на старом Самоа означало группу победителей, завоевавших право распоряжаться землями и прочими богатствами, а также право заставлять общинников работать на себя (ср. № 44, 46, 47, 57). За это право постоянно боролись между собой самоанские вожди, претендовали на него и чужеземцы — тонганцы, фиджийцы.

Кстати, если в тонганских легендах Фиджи и фиджийцы почти не упоминаются, то в самоанских, напротив, они фигурируют очень часто. Фиджийские обычаи нередко превозносятся и называются лучшими, чем самоанские. По некоторым преданиям, правители самоанских островов и даже сами острова приплывают с Фиджи (№ 26, 29). Культурное влияние Фиджи на Самоа несомненно и, видимо, более значимо, чем, например, на Тонга.

Организация самоанского общества, увиденная первыми европейцами, дошла и до наших дней. Самоанцы и сейчас живут большесемейными общинами (аинга). Глава каждой аинга носит определенный титул — как правило, пожизненно. Носители титулов (матаи) собираются на советы (фоно) своего поселка или нескольких поселков. Фоно призван решать все административные проблемы. В целом же самоанское общество основывалось и по-прежнему основывается на

сложной системе взаимного контроля и постоянного взаимодействия и выравнивания разных общественных сил и влияний. На старом Самоа крупные острова были буквально раздроблены на отдельные местности, округа, районы и подрайоны, каждая более или менее значимая территориальная единица возглавлялась своим вождем. Вожди постоянно враждовали друг с другом, «политическая карта» Самоа менялась непрерывно, перекраиваясь вследствие междоусобных войн и беспрестанного взлета и падения авторитетов.

Наиболее влиятельными ко времени европейской колонизации были две группировки вождей — семейство Тупуа и семейство Малиэтоа. Именно представителям второго семейства принадлежали в XIX в. реальные успехи в деле централизации островов. До середины прошлого века централизованной власти на Самоа фактически не было (если не считать символической власти тупу). В период с 1830 по 1841 г. верховным правителем Самоа становится Малиэтоа Ваи-ину-по. В 1873 г. после длительных усобиц, немалая роль в разжигании которых принадлежала европейцам, «королем» становится Малиэтоа Лаупепа, а в 1889 г. в Берлине Германия, Англия и США соглашаются признать независимость самоанского королевства во главе с ним [26].

Независимость Самоа просуществовала лишь до 1899 г., когда произошло разделение островов на два государства — Западное и Восточное. Западное Самоа в 1962 г. первым среди тихоокеанских государств приобретает полную независимость. Восточное же по-прежнему является владением США.

Тем не менее фольклорные традиции связывают острова Самоа воедино; разделение мифологий Западного и Восточного Самоа было бы крайне искусственным, тем более что большинство текстов, переводы которых приведены в этой книге, были записаны еще до разделения Самоа. Аналогии многим сюжетам, записанным, естественно, в какой-то одной конкретной местности, можно найти повсеместно на Самоа. Кроме того, параллели самоанскому фольклору обнаруживаются и за пределами Самоа — на тех островах, куда часто плавали самоанцы и где они, по-видимому, основывали свои поселения, например на Токелау, Тувалу (острова Эллис), Футуна. Несомненно самоанское влияние и на о-в Ротума, фольклор которого представлен в этом сборнике.

Современный остров Ротума является административной территорией Фиджи (остров входит в Восточный округ Фиджи) и обычно относится не к Полинезии, а к Меланезии. Жители острова считаются меланезийцами или меланополинезийцами. Ротуманский язык входит в группировку восточноавстронезийских языков, однако классифицируется как особая ветвь в ней.

Необычный статус острова отчасти объясняется его географическим расположением: Ротума лежит на перекрестке морских путей, связывающих Меланезию, Микронезию и Полинезию. Собиратель ротуманских преданий К. М. Черчвард [21] назвал свое издание ротуманского фольклора «Сказки уединенного острова», но и известная и даже предполагаемая (во многом опирающаяся на предания) история острова не согласуется с такой характеристикой.

Ротуманцы испытали несомненное и очень существенное влияние полинезийцев (прежде всего самоанцев), меланезийцев (в первую очередь фиджийцев) и микронезийцев. По-видимому, они плавали на о-ва Тикопиа, Малекула, Нанумеа, Тонга, Фиджи и др. На самом острове сохранились кладбища гилбертцев, тонганцев. Ротуманский язык очевидным образом сложился в результате скрещивания меланезийского, микронезийского и полинезийского компонентов, причем последний был наиболее существен.

По антропологическому типу ротуманцы сходны с полинезийцами, но цвет кожи у них светлее. Сами они нередко называют себя «светлыми людьми» в противоположность другим издавна известным им островитянам — «черным». По ротуманским преданиям, белые люди были известны жителям острова всегда (ср. упоминания об альбиносах в № 17, 21). Капитан П. Диллон, посетивший Ротума в 1827 г., писал: «Жители острова принадлежат к той же расе, что жители островов Дружбы (Тонга), но женщины не следят здесь за собой так тщательно и не столь хороши собой, как на Тонгатапу. Обычно они натираются смесью куркумы и кокосового масла, и от этого их тела кажутся красноватыми. И у женщин и у мужчин волосы длинные и кольцами спадают на плечи и на спину» (цит. по [29, с. 581]).

О древней истории острова можно только строить догадки. Предания сообщают об освоении Ротума самоанцами, о последующем тонганском завоевании (происшедшем, по-видимому, лет через двести после самоанского, которое, в свою очередь, относится предположительно к VII—VIII вв. н. э.).

Европейская колонизация начинается с открытия острова капитаном Т. Эдвардсом. Через шесть лет после прибытия англичан, в 1797 г., на острове появляется группа миссионеров с судна «Дафф». С начала XIX в. Ротума становится излюбленным местом стоянки американских китобойных судов. Сюда стекаются беглые моряки, прибывает группа беглых заключенных из Нового Южного Уэльса (Австралия). Одновременно начинается миграция ротуманцев на Самоа, несколько позже — на Тонга (уже упомянутый капитан П. Диллон пишет об отбытии 100 ротуманских семей на Тонга). В 1842 г. самоанские миссионеры-методисты обосновываются на острове, а в 1864—1868 гг. сюда прибывает несколько европейских миссионеров. Для Ротума христианизация совершенно неожиданно оказывается губительной: часть ротуманцев принимает католичество, часть — методизм, и в 1871—1878 гг. разгорается настоящая война между новообращенными католиками и методистами. Начавшееся кровопролитие и страх перед проникновением на остров французов побуждают вождей Ротума передать остров — путем присоединения к Фиджи — под протекторат Великобритании. Этот протекторат устанавливается в 1881 г., и сразу же большое число ротуманцев устремляется на Фиджи.

В наше время миграция ротуманцев на основные острова Фиджи продолжается; многие ротуманцы постоянно живут на Вити-Леву.

О социальной организации ротуманцев, общество которых строилось по открытому принципу, шла речь выше. Остров делился на шесть (позже — на семь) иту. И само слово «иту», и принцип деления острова на более или менее независимые округа — вождества, дробившиеся, в свою очередь, на множество мелких местностей, поселков, хуторов, восходят к самоанским. Каждый округ представлял собой федерацию относительно автономных большесемейных общин по типу самоанских. Ядром общины являлась территориальная единица — кауанга (букв. «едящие вместе»). В нее могли входить также кровные и названые родственники, жившие в других местах. У ротуманцев вследствие фиджийского или самоанского влияния существовали обычаи, регулирующие взаимоотношения между дядей с материнской стороны и племянниками (авункулат, ср. № 2, 9), и обычай, по которому вдова могла выйти замуж за брата покойного мужа (левират, ср. № 2). Важную регулирующую роль в жизни ротуманского общества играла система ритуального обмена — факсоро (букв. «передача, перенос из одного места в другое»). Ритуалы и церемонии ротуманцев напоминали самоанские

и тонганские, но отличались от них куда меньшей пышностью. Главным церемониймейстером, как и в Полинезии, был вождь-оратор (ср. № 20).

Однако основанием для объединения ротуманских мифов, преданий и сказок с полинезийскими служит не столько антропологическая или этнографическая общность народов, сколько сходство самих фольклорных традиций. Уже при беглом знакомстве с ротуманским фольклором выясняется, что существенную часть его составляют именно полинезийские сюжеты. Это сюжеты о Хине и Тинирау, или Синилау (№ 16), о китах Тинирау (№ 12, ср. № 96), на Ротума превращающихся в акул, об угре Хины, о путешествии на небо (так, у маори существует сказание о путешествии на небо двух братьев — Тафаки и Карихи [10, с. 60]), о разделении сиамских близнецов, об обнаружении прячущегося по смеху (№ 15). В отличие от большинства меланезийских и микронезийских мифологий, реализующих исключительно представления о духах природы и духах предков, в ротуманской мифологии, как и в полинезийской, присутствует представление о небесных богах (№ 4, 8), о небесном мире или нескольких таких мирах.

Несомненно, в ротуманском фольклоре угадываются и меланезийские мотивы. В первую очередь это рассказы о разного рода духах, о духах-людоедах (характерный мотив — победа ребенка над духом-людоедом), о великанах (ср. № 18 и [11, № 97]). Для полинезийской мифологии типична бóльшая схематичность в изображении духов, и столь характерный для Меланезии сказочный элемент в их описании отсутствует (за некоторым исключением самоанского фольклора, где духи также изображаются весьма экспрессивно, натуралистично, «приземленно»).

Ротуманский Мауи напоминает и микронезийского Мотикитика, и полинезийского культурного героя, ротуманские астральные мифы обнаруживают существенно больше сходства с меланезийскими и микронезийскими. В целом же ротуманская мифология по сложности приближается к полинезийской, более развитой, чем мифологии Меланезии и Микронезии. В то же время она, несомненно, архаичнее полинезийских мифологий и, как представляется, прошла менее сложный путь развития, чем мифологии Самоа или Тонга. Этим отчасти объясняется композиционное расположение материала: сборник открывается ротуманскими мифами, сказками и преданиями, за которыми следуют собственно западнополинезийские.

* * *

Одна из существенных отличительных черт полинезийской мифологии (в сопоставлении с мифологиями других океанийцев) — наличие достаточно большого количества абстрактных понятий. Так, в самоанском мифе творения (№ 23) фигурируют Даль, Бесконечность, Протяженность, Простор, Дух, Дума, Мысль и т. д.

Для полинезийской мифологии характерно также совмещение в одном мифе нескольких этиологических мотивов. Иначе говоря, происхождение некоего объекта или явления возводится одновременно к нескольким первоисточникам. Для мифологий Океании вообще свойственно называть ряд источников одного и того же явления или объекта. Так, рыбы могут появляться из пучины моря, создаваться богами, рождаться земной женщиной, твориться из тела человека. Но, пожалуй, только в Полинезии такое переплетение этиологических мотивов возможно в рамках одного мифа или одной песни. В самоанских или тонганских песнях творения [27] небесные боги создают человека на небе, затем, сойдя на землю, из

останков червя, растений или глины творят других людей. Существуют рассказы, по которым одни сорта таро (или других культурных растений) добываются с небес, а другие происходят с земли или из-под земли.

Этиологических мифов, связанных с растениями, особенно много, и это неудивительно: все растения, о которых идет речь в этих мифах, составляли естественный, с детства привычный элемент окружения всякого островного жителя. Каждое растение имело свое предназначение, свое название, а многие помимо бытовых наименований получали и особые, поэтические.

Итак, растения появляются из разных источников: падают или оказываются сброшены с неба, доставляются на землю из подводного или подземного мира — обиталища духов и первопредков, реже — приплывают по океану из чужих краев (это может быть и трансформацией предыдущего мотива, и свидетельством исторического факта появления тех или иных растений на островах), вырастают на могиле умершего родственника, происходят от земной женщины (чудесное рождение). Растения — это начало человека, его предки: люди либо происходят от них, как в ниуэанском мифе (№ 103), либо создаются из их корней, обрубков, черенков, листьев.

Возможно, уже из этого перечня этиологических мотивов видно, насколько рассматриваемая здесь мифология ориентирована на структурирование мира по вертикали. Горизонтальное представление подчас либо вообще игнорируется, либо сводится к данному локусу, в то время как вертикали «верх — низ» придается огромное значение. Выделяются подземные или подводные миры, один или несколько небесных миров. Герои поднимаются вверх, на небо, по чудесному дереву (например, в № 15), в решающие моменты карабкаются на скалы и горы (ср. № 9). В известном сюжете о китах (черепахах, акулах) и неблагодарном Каэ (№ 12, 64, 96) его в качестве наказания кладут на гору, сложенную из корзин (в ротуманской версии — просто на возвышение в доме, служащее постелью), это тоже прохождение вертикали «верх — низ», но уже как элемент погребального обряда (см. об этом в [7]).

Наиболее отчетливо стремление к членению мира по вертикали сказывается в полинезийском представлении о небесных мирах (ср. № 23, 106). Мы приведем здесь тонганскую песнь о небесах, весьма интересную в этом отношении:

Слушай, о поющий, слушай,
Я расскажу о небесах.
Вот первое, вот второе небо.
Их Мауи толкнул, чтобы стали выше.
Резко, с натугой они подались!
Нам, людям, отведены два края —
Предел небесный и нижние земли.
А в небе третьем и в небе четвертом
Живут невидимые и свободные.
И еще есть небо — небо дождя,
Оно закрывает чистое небо.
В пятом же небе и в небе шестом
Живет тонущее в крови солнце,
И с ним живут там малые звезды,
Что чередой идут друг за другом,
Подобно цветам одного ожерелья.
Снизу на них взирают люди...

В небе седьмом и в восьмом небе
Живет Хина, живет Синилау;
И это, должно быть, небо грома,
Там могучий рождается голос,
Гремящий гневом в преддверье несчастья.
Девятое же и десятое небо
Устланы перьями дикой цапли... [30, с. 18].

В полинезийской мифологии небеса были жилищем высших богов, богов — покровителей ремесел (№ 106—108) и некоторых легендарных предков. В отличие от Восточной Полинезии, где пантеон включал плеяду небесных богов, по значимости равных друг другу (Тане, Тангароа, Ту, Ронго [28]), в Западной Полинезии почитался прежде всего Тангалоа, и подчас он один.

В мифах Западной Полинезии Тангалоа многолик и выполняет множество разных ролей: он и демиург, и бог света, и властелин моря, и хозяин радуги или ветра. У ниуэанцев (как, по-видимому, и у мориори, вымершего народа островов Чатем) он считался также богом войны, и именно ему возносились молитвы перед началом военных действий. Согласно ряду мифов, Тангалоа не бог, а поднявшийся на небо дух предка; нередко Тангалоа считается предком определенных вождей, недаром к нему возводятся генеалогии тонганских и самоанских «королей». На островах Вавау именно Тангалоа (а не Мауи, как в подавляющем большинстве других мифологий) приписывался подвиг вылавливания островов из-под воды; считалось, что первым выуженным островком был Хунга. Тонганцы почитали также Тангалоа, или Тангалоа-туфунга,— патрона плотников.

Кажущееся однообразие пантеона Западной Полинезии (в сравнении с Восточной) компенсировалось и наличием представлений о семействе Тангалоа, в котором различались Тангалоа-демиург, Тангалоа-прорицатель, Тангалоа-правитель. Тангалоа-мудрец, Тангалоа-посланник, Тангалоа-мастер, Тангалоа-воин. В ниуэанском фольклоре ряд функций, приписываемых в других мифологиях семейству Тангалоа, переходят к семейству духов (или богов) Хуанаки (№ 104—106, 110, 111). Переплетение в образе Тангалоа черт собственно божества, демиурга, легендарного предка и хозяина стихий даже побудило Те Ранги Хироа предположить [12, с. 228], что Тангалоа был реальной исторической личностью, хотя, конечно, трудно в такой степени полагаться на реализм мифологического творчества.

В пестрой и на первый взгляд разноречивой мифологии Тонга и Самоа есть и такие рассказы, в которых Тангалоа появляется и начинает действовать не сразу. Сначала из Ничего (ср. самоанское Леаи — «Ничто») или из Пустоты (Простора) появляется некоторое обиталище для Тангалоа, а уже потом — он сам. Он либо создает — долго и мучительно — первые острова, либо спускается по великой вертикали «верх — низ» на уже готовые земли, где сходится с земной женщиной. Именно так, по некоторым тонганским мифам, появляются первые вожди.

Сотворение человека тоже деяние Тангалоа. Нередко, однако, он сам не совершает акта творения, а посылает на землю кого-то из подвластных ему духов, принимающих облик человека или птицы. Непосредственный акт творения сопровождается столь же существенным, дублирующим его актом имяположения: человеку и частям его тела обязательно даются имена.

Мотив называния — называние живых существ, объектов неживой природы, местностей, островов, явлений — вообще крайне популярен в полинезийской мифологии (ср. № 23, 24, 43, 50, 70, 118). Большинство имен, появляющихся в мифах, не случайны: они мотивированы как ролью персонажа, так и собствен-

ной внутренней формой. Это объясняется типичным для мировых мифологий представлением о силе, заложенной в имени, о внутренней связи имени и его носителя.

При таком восприятии имени становится актуальной и проблема его сокрытия, оберегания: имя — это человек, его дух, а значит, имя — табу. Несомненно, с этим связана одна из характернейших черт океанийского фольклора: имена персонажей в фольклорных текстах называются куда реже, чем это привычно для европейца. Будучи один раз назван, т. е. введен в рассказ, персонаж далее обозначается словами «он», «этот», «тот» и т. п. Мы постарались, насколько это возможно, передать эту особенность текстов и в переводе.

В некоторых мифах сотворению человека предшествует длительное взаимодействие объектов неживой природы — огня, камня, воды, растений. Повторяемость этих мотивов в полинезийской мифологии совершенно исключительна: с несущественными вариациями они присутствуют в фольклоре большинства островов — от Тонга до о-ва Пасхи (см. [5, раздел I]) [29].

Другой, не менее важный этиологический мотив — возникновение земли вообще и отдельных ее островов. В полинезийских мифах различаются три рода земель: земли, существовавшие всегда (в явном или неявном виде они соотносятся с Основанием Мира, ср. № 23, с его женским началом), земли, созданные богами и сброшенные с неба (чаще всего в виде камней, которые тоже могут являться частью Скалы — основы мироздания [30]), и земли, выловленные из вод океана.

Верхний, небесный и нижний, подводный или подземный миры, будучи противоположны друг другу по вертикали, нередко симметричны и наделяются одинаковыми функциями. Оба эти мира, противопоставленные, в свою очередь, зримому миру земли, как уже говорилось, фигурируют в мифах как прародина растений (многие из этих растений — чудесные, но свои необычные свойства при перемещении на землю они теряют), животных, огня.

Огонь добывает Мауи, океанийский Тор, как его иногда называли, самый знаменитый из всех сверхъестественных существ полинезийской мифологии, кстати, куда более популярный, чем иные небесные боги. Для того чтобы понять, каков статус Мауи в полинезийской мифологии, необходимо представить себе иерархию сверхъестественных личностей, принятую в этой мифологии, что само по себе непросто. Дело в том, что различия между категориями здесь очень нечетки, нередко одно и то же сверхъестественное существо получает разные характеристики. О такой нерасчлененности представлений следует помнить при систематизации имеющихся полинезийских концепций богов и духов.

Можно выделить тем не менее по крайней мере следующие категории сверхъестественных существ, фигурирующих в полинезийской мифологии: небесные божества; обожествленные духи предков и легендарных героев; духи (самоанское аиту, ротуманское атуа, тонганское атуа, фаахикехе, ниуэанское тупуа), которые происходят либо от давно умерших людей [31], не прославленных ни знатным происхождением, ни геройскими подвигами, либо от высших божеств; полудухи и люди со сверхъестественными способностями (это либо люди, в которых вселился некий дух, либо существа, рожденные от человека и духа); духи недавно умерших.

Особую категорию духов составляют духи живых людей, представление о которых связано не столько с верой в сверхъестественное, сколько с идеями жизни и смерти; недаром многие слова для обозначения таких духов буквально означают «жизнь», «здоровье» (в тонганском существовали особые слова со зна-

чением «здоровье, дух», обозначавшие соответственно дух тамаха или Туи Тонга и дух знатного человека).

Для фольклора малых островов, где, как правило, отсутствовала эзотерическая традиция, хранимая в первую очередь жрецами, характерно полное забвение высших небесных божеств или низведение их до положения духов. И на Ниуэ и на Ротума почитались более всего именно духи — духи предков и духи природы. Тонганцы и самоанцы, передававшие из поколения в поколение рассказы о небесных богах, тоже придавали куда большее значение именно духам: боги представлялись как некоторая весьма далекая, застывшая во времени данность, а мир духов казался разнообразнее, живее, ближе человеку. Все это вело к увеличению удельного веса волшебной сказки — жанра, наиболее четко выделяющегося в островном фольклоре (ср. № 9, 18, 50, 107, 110).

Духи в полинезийских представлениях — наиболее обширная группа сверхъестественных созданий, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько категорий: 1) духи природы, «хозяева» леса, деревьев, вод, океана и т. д., 2) враждебные человеку духи (реже — полудухи), обычно странствующие по разным местностям (см. № 4, 52, 54, 56, 79, 113), расположенные к человеку духи и собственно духи-покровители (см. № 53, 74, 75, 114, 128). Особое внимание к последним характерно для тонганской и самоанской мифологий, в которых функции духов-покровителей приписываются иногда и небесным божествам. Существовали даже особые наименования для духа-покровителя индивидуальной семьи (или одной только женщины-матери), опекающего и детей в этой семье (ср. № 8, где за братом и сестрой, оставшимися без родителей, присматривает чудесный помощник).

Духи нередко предстают перед человеком в зооморфном облике, многие духи — оборотни. Соответственно животные, в которых они могут воплощаться [32], также наделяются сверхъестественными способностями. Существенно, что, по представлениям всех народов, о которых идет здесь речь, духи могут воплощаться далеко не во всех животных. Обычно животные, в которых вселяются духи, это акула, ящерица, осьминог, собака, летучая лисица, цапля, дрофа. Нередко определенный дух ассоциируется с каким-то одним животным. Так, в тонганских и ротуманских рассказах упоминается дух Тауфа [33] (см. № 101), которого нередко называли «духом-акулой»: по большинству представлений, Тауфа принимал именно облик акулы (см. также примеч. к № 101). Повсеместно на Тонга и в местности Мафтау на Ротума считалось, что если к стволу дерева привязать вырезанный из листа кокосовой пальмы силуэт акулы, то участок земли вокруг этого дерева будет находиться под покровительством Тауфа. Возможно, с аналогичными поверьями связаны и ротуманские фапуи (листья-знаки), о которых идет речь в № 1, 2.

Сверхъестественные качества приписывались и всем необычным — по размерам или по окраске — животным (ср. № 11, 54, 55, 117). Для самоанца или для тонганца самой священной была светлая летучая лисица. На Тонга, скажем, верили, что появление такой летучей лисицы предвещает скорую смерть вождю о-ва Ата (см. об Ата № 70, 99). По белой летучей лисице гадает Пунга о том, что происходит в его отсутствие в его доме (№ 90). На западе Тонгатапу, в Коловаи, в священной казуариновой роще, постоянно обитала большая стая летучих лисиц, среди которых также выделялась особо лисица-альбинос.

Вообще же отношение к различным отклонениям от «естественной нормы», особенно от нормы человеческой, было у океанийцев, как и у многих других народов, двойственным (по крайней мере можно утверждать, что такая двойст-

венность уже имеет место в историческое время, когда на островах начинают фиксировать повествовательный фольклор). Особенно ощутима эта двойственность в представлениях о людях с теми или иными физическими дефектами или отклонениями: слепых, глухих, хромых, сиамских близнецах или альбиносах. С одной стороны, существа с подобными физическими отклонениями — носители сверхъестественного, надчеловеческого начала, они вызывают трепет и восхищение, восторг и почтение, страх и благоговейный ужас. С другой же — они воспринимаются не только как сверхъестественные, но и как противоестественные существа, рождение которых связывается с чем-то плохим, постыдным (собственно говоря, двойственность закономерно развивается из некогда цельного ощущения потустороннего, надчеловеческого, а значит, нечеловеческого и противного человеческой природе).

Так, Э. Шульц [52, с. 114] приводит самоанскую пословицу «Напрасно прятали белокожую девушку, все равно скрыть не смогли» (употребляется в значении, сходном с русским «Шила в мешке не утаишь») и дает к ней следующее пояснение. У одной самоанской пары рождается дочь-альбинос, родители, устыдившись, прячут ребенка в пещере неподалеку от своего поселка и оставляют там на произвол судьбы. Девочка каким-то образом остается в живых, вырастает и встречается со своим братом, который соблазняет ее и затем рассказывает о необычной встрече своим родителям.

В текстах, приводимых в этой книге, можно встретить и насмешливые или даже нейтральные описания слепых, близнецов и альбиносов (ср. № 6, 15, 17, 83, 116), и вполне серьезные, отвечающие архаичному представлению «близнецы-духи», «слепой дух», «альбинос-дух» (№ 21, 40, 44, 46, 79, 95, 116).

Духи могли воплощаться и в обычных людях, однако и здесь особую группу составляли медиумы или жрецы: на Тонга таких жрецов называли «якорем духов» (см. выше о животных — «лодках духов»). «Говорящим с духами» — так тоже нередко называли медиумов,— естественно, приписывались сверхчеловеческие способности, которые, однако, могли быть утрачены с нарушением табу.

Понятия табу и магической силы — маны — неразрывно связаны с представлением о сверхъестественном. По Дж. Фрэзеру, табу — это «совокупность негативных предписаний» [13, с. 30]. По мифологическим представлениям о мире, табу — указание на обязательства человека перед скрытыми силами, непостижимыми и неподвластными ему. За исполнением этих обязательств следят многочисленные духи, божества, сами люди, и всякое нарушение неизбежно влечет за собой кару. Мана — это результат действия таинственных, сверхъестественных, сверхчеловеческих сил, всего того, что освящено и табуировано. Магическая сила заключена, согласно традиционным представлениям, в различных органах человека. Когда Нуджкау и Нуджманга (№ 15) или духи, убивающие женщину с сыном (№ 8), выливают в специальный сосуд кровь жертвы, они некоторым образом овладевают той маной, которая заключена в этом человеке. Когда Апа-ула (№ 66) просит сохранить для нее голову убитого сына, когда Мёс-тото с сестрой уносят кости съеденной Пуак-левы (№ 17), когда оставшаяся в живых акула заглатывает останки убитой сестры — во всех этих случаях они пытаются помешать врагам воспользоваться той самой силой, которая заключена в останках погибшего. С верой в силу, заключенную в другом человеке, несомненно, была связана и практика ритуального каннибализма. По-видимому, он был наиболее характерен для меланезийцев, а на востоке Океании носил строго ограниченный характер, причем являлся привилегией жрецов и высоких вождей, что отчасти объясняется складывавшимся у полинезийцев культом вождей. Тем не менее, если судить по

преданиям, то может показаться, что каннибализм имел значительно более широкое распространение, чем было на самом деле: о нем идет речь в очень многих отрывках (ср. № 8, 12, 17, 18, 35, 39, 43, 65, 66, 87, 88) [34].

Как носители особой силы — не потенциальной, скрытой, а действенной, актуализованной — выступают в полинезийской мифологии богатыри и герои. Первый среди них — великий Мауи. В иерархии сверхъестественных существ он стоит ниже бессмертных небесных богов. Это легендарный герой, совершивший все главнейшие подвиги, о которых только повествуют полинезийские мифы. Ему принадлежат подвиги разделения неба и земли, добывания огня, вылавливания островов, собирания ветров, добывания культурных растений. На деле Мауи сочетает черты культурного героя, трикстера, демиурга и персонажа волшебной сказки. На разных островах и даже в разных рассказах о нем, имеющих хождение в одной и той же местности, может актуализироваться та или иная из его характерных черт. В этой книге представлены рассказы о Мауи, записанные на всех четырех островных группах; бросается в глаза не только повторяемость сюжетов и отдельных ситуаций, но и различная трактовка сходных персонажей.

В ротуманской и ниуэанской мифологиях Мауи (ротуманский Моэа-тикитики) — «бедный сиротка», покинутый младенец, разыскивающий своих родителей и демонстрирующий свою чудесную силу. На первый план выступают здесь черты героя волшебной сказки и культурного героя (чудесное спасение, необыкновенное развитие, прохождение различных испытаний). У самоанцев Малыш Мауи (Тиитии, сын Мауи Старшего, см. № 60) прежде всего трикстер, проказливый мальчишка, как бы перерастающий затем в культурного героя. Во многом он сходен с тонганским Мауи, но в тонганских мифах гораздо подробнее разработана тема семьи (рода) Мауи: функции, приписываемые в мифологиях других островов одному только младшему Мауи, распределены в тонганском фольклоре между несколькими представителями этой семьи, в первую очередь между отцом, Мауи-созидателем, воплощающим черты демиурга, и младшим Мауи.

В мифологиях островов есть и другие культурные герои, дублирующие функции Мауи. Это самоанские Пили и Лоси, доставляющие на Самоа с небес или из подземного мира таро, а также наделяющие самоанцев умением плести сети; ротуманский Мёс-тото, в образе которого наиболее существенны черты героя-богатыря; тонганский Муни (№ 90, 91) и ниуэанские Тафа-хе-моана (№ 105) и Лауфоли (№ 126).

В Западной Полинезии менее популярны, чем в Восточной, такие сюжеты, как борьба Мауи со смертью, путешествие Мауи на небо, соперничество его со старшими братьями. В восточнополинезийском фольклоре Мауи часто связывается с Хиной (Синой), которая выступает как его мать, сестра или жена (см. [2; 3; 43; 11, 210, 211, 213, 229]); в западнополинезийских мифах эта связь не прослеживается. Хина ассоциируется здесь чаще всего с духами, происходящими от небесных богов и живущими на небе [35], Мауи же нередко соотносится с хтоническими силами.

С хтоническими силами связан и хозяин земли мертвых Пулоту. У самоанцев он носит имя Савеа Сиулео, у тонганцев — Хикулео. В ротуманской мифологии ему соответствуют, по-видимому, несколько духов (ср. № 9, 10). Нередко этот властелин мертвых предстает в образе морского угря, пожирающего своих земных родственников, или воплощается в птице, рожденной, как и он сам, из сгустка крови (№ 49), или приобретает обличье дряхлого старика. В самоанских мифах о Нафануа (№ 44, 46, а также [11, № 153, 154]) Савеа Сиулео предстает также как дух предка.

Хозяин подземного мира — единоличный владелец замечательных растений — ямса, таро, сахарного тростника, батата, которые удается похитить у него лишь хитростью. Для рассказов о духах вообще характерны этиологические концовки, причем большинство из них связано с темой добычи пищи. Изобилие, свойственное неземному миру, будь то небесный мир или подземный край вроде тонганской мифической земли Лалофонуа,— типичный мотив мифологий народов Океании, в жизни которых, как уже говорилось, периоды относительного довольства перемежались с тяжелыми голодными временами.

Многие рассказы, в которых фигурируют духи, посвящены столкновению земного, «человечьего» с запредельным, сверхчеловеческим. В повествованиях о встрече и состязании человека и духа особенно силен элемент волшебной сказки; у самоанцев такие повествования носят даже специальное название фангонго — «вечерние сказки» [36]. Ряд таких сказок носит явно дидактический характер: они как бы призваны напомнить человеку о бдительности — ведь духи подстерегают его повсюду (ср. самоанские рассказы о Мосо — Нифо-лоа).

В других волшебных сказках обычные люди, волей или неволей встречающиеся с духами, успешно дурачат их (№ 8, 10, 18, 57, 98, 114) и, избавляясь от них, приобретают порой принадлежащие духам сокровища и знания. Любопытно, что антагонистами духов чаще всего оказываются персонажи, стоящие вне привычного социума: это или чужеземцы, почему-либо оказывающиеся в данной местности (№ 8, 98, 126), или дети (№ 6, 8). В последнем случае в сказках трансформируются сюжеты о «бедном сиротке» (в Полинезии они менее популярны, чем в Меланезии или в Микронезии) или сюжеты близнечных мифов.

Как мы уже говорили, при всей нерасчлененности жанров океанийского фольклора волшебная сказка как самый частотный и, наверное, самый популярный жанр выделяется наиболее четко. В волшебных сказках сложным образом преломляется мифологический эпос, их героями оказываются не только духи и люди, но и необыкновенные деревья, птицы, киты, черепахи, рыбы. Предстают в этих сказках и одухотворенные явления природы: ветры, солнце, звезды, планеты (чаще всего Венера и Марс). Возможно, в их персонификации — отголосок тотемных представлений о мире, свойственных сознанию древнего человека.

Почти на всех островах Океании рассказываются сказки, в основе которых лежит универсальный мифологический сюжет «дитя солнца». В полинезийских сказках дитя солнца (у одних народов — девочка или девочки-близнецы, у других — мальчик) с рождения отличается необыкновенными способностями, растет не по дням, а по часам, а вырастая, совершает героические подвиги.

Волшебно-героические сказки на основе солярных мифов повествуют о великой борьбе с солнцем (мотив «солнце-людоед», в редуцированном виде представленный в самоанском мифе, см. № 43) и об охоте за солнцем.

В волшебно-мифологических и волшебно-героических сказках, в которых фигурируют растения и животные, подчеркивается их сверхъестественная сила, причем эта сила может быть направлена против человека (наиболее частый мотив здесь «животное-людоед», ср. № 87), а может идти и на пользу ему (в сказках могучие киты, рыбы, черепахи, птицы переносят героев на дальние расстояния, спасая их от врагов, чудесные деревья дают героям кров, одежду, пищу).

Совершенно иной характер имеют сказки о животных, нередко приближающиеся по типу к анекдотам, и сказки о растениях, имеющие характер басен. Любимые персонажи таких сказок — крыса, осьминог, летучая лисица, различные птицы (полинезийские ржанка, скворец, бекас, голубь, цапля, птица-фаэтон), рыбы, че-

репахи, насекомые, кокосовая пальма, банан, хлебное и железное дерево. Как отмечает Е. М. Мелетинский [3, с. 28], большое число таких сказок в самоанском и тонганском фольклоре[37] свидетельствует об особенно сильном сохранении реликтов тотемизма. Однако сказок такого рода немало и на других островах Западной Полинезии, в частности на Ниуэ. Кроме всего прочего следует иметь в виду, что с христианизацией островов полинезийцы с необычайной легкостью освоили именно европейские сюжеты сказок о животных; так, в начале XX в. Э. Луб на Ниуэ и Дж. Браун на Самоа записывают сказки о войне птиц и пресмыкающихся, в точности повторяющие известные европейские басни [42, с. 194—195; 17, с. 172—177].

Помимо темы войны между животными разных видов в сказках-анекдотах и дидактических сказках часто разрабатываются сюжеты о ссорах и состязаниях двух животных (ср. № 136, 137, 142, 143), о хитрости и мудрости одних животных или растений в противоположность другим. В ниуэанских сказках о животных сохраняются и весьма архаичные черты, проявляющиеся, в частности, в наличии этиологических мотивов (например, в сказке об угре объясняется, почему у него такая форма тела, в сказке о сове — откуда у совы такой клюв). Прослеживается в этих сказках и откровенно дидактическая тенденция, особенно характерная для сказок о деревьях, насекомых (например, № 139, 140, 141).

В повествованиях, включенных в этот сборник, присутствует крайне характерный для древних мифологий инцестуальный мотив (№ 44, 46, 84). В древней мифологии инцест, как правило, воспринимается и трактуется как сакральный акт, соотносимый с актом творения. Отголосок древней разработки этого мотива можно усмотреть в том, что кровосмешение совершают именно боги и духи (полудухи), но никак не обычные люди. При этом сама трактовка инцеста носит поздний, негативный характер. По-видимому, здесь, как и в трактовке других сюжетов, нельзя отвлечься от европейского влияния.

Существенно, что духи и боги, совершившие кровосмешение (как правило, по неведению), ждут наказания и суда извне и в то же время сами наказывают себя, судят себя собственным моральным судом. Это проявление иных, надчеловеческих возможностей: обычный человек за нарушение табу может караться лишь свыше и лишен в искуплении вины какой-либо активности и инициативы.

* * *

Сравнивая мифы и сказки четырех народов, представленные здесь, мы видим, как переплетаются в них мотивы разного рода: универсальные (например, «дитя солнца», сюжет о чудесной жене), общеокеанийские (например, многие сюжеты о Мауи), чисто полинезийские и, наконец, типичные для данного острова.

В качестве примера сюжетов последнего типа рассмотрим происхождение кокоса. В большинстве океанийских мифологий известен и преобладает этиологический мотив «кокос из головы»: из спрятанной или зарытой в землю головы убитого животного вырастает кокосовая пальма. На основе этого мотива строятся известные полинезийские сюжеты о Хине и ее возлюбленном — морском угре (см. здесь № 28, а также [3, с. 24; 12, с. 241]). Однако в ниуэанском фольклоре, где этот сюжет, по свидетельству Э. Трейджера, также известен, оказывается более популярной совершенно иная, «частная» версия происхождения кокосов, связанная, по-видимому, с реальным историческим фактом: кокосы привозят с Тонга легендарные герои-мореплаватели (см. № 120).

Уже из беглого анализа фольклорных текстов видно, что для самоанского

фольклора характерно наличие особенно большого числа сказок о духах природы, враждебных человеку; на Ниуэ довольно много сказок басенного типа; ротуманские сказания изобилуют сюжетами, связанными с конкретными местностями и их историей (по-видимому, относительно позднего происхождения). Обращает на себя внимание, например, то, что известно относительно мало самоанских преданий о мире умерших (особенно по сравнению с тонганским фольклором). Однако это, как и многое другое, может быть просто следствием того, что какие-то предания и мифы подобного рода были утрачены до появления на островах европейских миссионеров, начавших записывать самоанский фольклор. Кроме того, именно в представлениях о загробном мире, может быть, более ясно, чем в каких-то других, чувствуется различие между языческой и христианской мифологическими системами, и, возможно, первые миссионеры не фиксировали соответствующих текстов вполне сознательно.

В тонганском фольклоре по сравнению с фольклором других островов больше исторических преданий, которые нередко смыкаются с волшебно-героическими сказками. В этом отношении тонганский повествовательный фольклор может соперничать с гавайским (см. [11, раздел «Гавайи»]) или рапануйским [5]. Знакомство с историческими преданиями особенно ясно позволяет понять характернейшую черту полинезийских фольклорных памятников, о которой уже шла здесь речь,— неразграниченность мифологических жанров. Миф, как таковой, волшебная и бытовая сказка, героическое и историческое предание, анекдот, быличка — все эти жанры легко соединяются в рамках одного произведения. Синкретизм жанров, естественно, сказывается и на характеристиках самих персонажей, которые нередко совмещают черты героев мифа и предания, сказки и басни и т. д.

Не менее интересны, чем параллели между фольклором народов, о которых идет здесь речь, и те соответствия, которые можно усмотреть в фольклоре ближайших их соседей, и прежде всего в фиджийском. Наибольшее число параллелей фиджийским мотивам обнаруживается в самоанском и тонганском фольклоре, что отчасти объясняется не только тесными генетическими связями, но и интенсивными длительными контактами более позднего времени. Наибольшее число фиджийско-самоанских соответствий прослеживается в этиологических мифах, причем любопытно, что в фиджийских версиях прародиной описываемого животного, растения, явления или правила оказывается Самоа, а в самоанских — именно Фиджи (ср. мифы о происхождении свиней, кавы — № 27—30, 33). Фиджийско-тонганские параллели наиболее очевидны в разработке сказочных и сказочно-мифологических сюжетов («дитя грома», «дитя радуги», рассказы о черепахе Сангоне, ср. [11, № 150]). Подчас сюжет может быть универсальным или по крайней мере общеокеанийским (например, «дитя солнца», или «сын солнца»), но его фиджийская и тонганская трактовки совпадают почти во всех деталях.

Но каким бы представительным ни казался корпус имеющихся фольклорных текстов, каким бы подробным ни был анализ мифологии, следует помнить, что картина, которую нам дано восстановить, всегда останется неполной. Мы располагаем лишь некоторой частью фольклорных памятников этого региона, и даже то, что имеется, могло подвергнуться существенным изменениям и редукции. Все те рассказы, которые позволяют получить представление об отдельных фрагментах некогда единого полотна, сохранялись только в устной традиции. Записаны они были относительно поздно — во второй половине прошлого и в первой половине нашего века, и, какая бы роль ни отводилась в традиционном полинезийском обществе мнемоническим упражнениям, многое из фольклора оказалось непопра-

вимо утраченным. Подчас это сильно чувствуется: то путается и рвется менявшийся от поколения к поколению рассказ, а сам рассказчик просит у слушателей прощения за возможные ошибки — ведь он из «нынешних», из молодых (№ 89), то называются древними, безнадежно далекими события конца XVIII —начала XIX в. (№ 4, 86, 99). Наконец, на исконно океанийские мотивы накладываются сюжеты Библии и европейских сказок [38]. О некоторых мотивах и сюжетах, вообще не дошедших до нас в виде текстов, можно судить косвенно, по описаниям, оставленным миссионерами и учеными, торговцами и путешественниками, врачами и чиновниками, которые бывали и работали на островах в конце XVIII — начале XIX в.

* * *

Все те, кто собирал и записывал фольклорные тексты, проделали огромную работу, результатами которой могут пользоваться теперь специалисты разных профессий. На Ротума работал английский ученый Дж. Гардинер, первым подробно описавший быт и традиции ротуманцев [29]. Вслед за ним на острове побывал известный этнограф, фольклорист и лингвист А. Хокарт [35; 36]. Администратор и фольклорист-любитель А. Гордон, живший на Ротума в начале нашего века, оставил популярный очерк ротуманской мифологии и ротуманских обычаев (см. ссылки в [49] [39]). Наиболее подробно фольклор и язык острова были описаны К. Черчвардом, который прожил здесь около двадцати лет. В настоящее время ученые-океанисты продолжают заниматься фольклором (О. Парк) и этнографией (А. Хауард) Ротума.

Из трех источников ротуманского фольклора, использованных при составлении этой книги, самой полной, научной и наиболее адекватно отражающей общий этнокультурный контекст является книга К. Черчварда [21], работавшего непосредственно с информантами и записывавшего тексты на языке оригинала. Ему же принадлежат единственный, прекрасно составленный словарь ротуманского языка и подробная грамматика; знание языка, несомненно, сказывается и на качестве записи текстов. Некоторые тексты, приведенные у К. Черчварда, находят параллели в записях Дж. Гардинера [29], который, однако, почти не владел ротуманским и работал с английским пересказом. Записи Гардинера несколько беллетризованы и в ряде случаев напоминают скорее беглый пересказ содержания. Тем не менее у Гардинера дается много интересных замечаний, связанных с реалиями (многие из которых уже Черчварду не были известны), и его материал не утратил своего значения и сейчас. Тексты, приводимые У. Расселом [49], носят вспомогательный характер: фактически это приложение к этнографическому очерку; элемент беллетризации и пересказа здесь весьма ощутим.

Пожалуй, наилучшим образом сохранился и дошел до нас самоанский фольклор, записывавшийся в первую очередь английскими и немецкими миссионерами, работавшими на Самоа с середины прошлого века. И материалы, и возможности выбора здесь гораздо обширнее, чем в фольклоре других островов; приведенные в настоящем сборнике тексты отнюдь не исчерпывают всех фольклорных записей, сделанных на разных островах Самоа (при составлении была сделана попытка учесть не только наиболее многочисленные записи, осуществленные на крупных островах Уполу и Саваии, но и записи с Мануа, Тутуила, более редкие).

Большое число прозаических и песенных, или поэтических текстов (соло), на самоанском языке было записано в конце прошлого века Дж. Праттом (автором одной из первых самоанских грамматик и составителем первого словаря), мис-

сионером Т. Пауэллом и австралийским исследователем Дж. Фрэзером. Многие из этих текстов, а также английский пересказ некоторых сюжетов, записанных также при непосредственной работе с информантами, были опубликованы Дж. Фрэзером в первых томах «Журнала Полинезийского общества» [51]. Это очень подробные записи с большим количеством интересных этнографических и фольклористических комментариев. Конечно, и в этих и во всех других текстах конца XIX—первой половины XX в. есть немало языковых неточностей (особенно отличаются этим тексты О. Сириха и О. Штейбеля [54; 57]), прежде всего в самой системе записи (слитное и раздельное написание, неточности в расстановке знаков гласных *a* и *o*, отсутствие знака гортанной смычки, путаница *n* и *ng*), однако они очень точны с фольклорной точки зрения и не подвергнуты никакой литературной обработке.

Наиболее полный свод самоанских фольклорных текстов представлен у А. Кремера [40], побывавшего на Самоа в составе немецкой тихоокеанской экспедиции под руководством П. Хамбруха. А. Кремер работал и с более ранними источниками; тексты органично вплетаются в очень подробное общее описание самоанских островов. Несомненным достоинством текстов, приводимых в [40], является их соотнесенность с конкретными местностями на Самоа, большое число региональных вариантов одного и того же сюжета, толкование многих реалий.

В текстах, записанных О. Штейбелем [57], неясностей довольно много, причем большинство неточностей, создающих особые трудности при переводе, являются следствием именно записи. Тексты записаны от информантов и удачно дополняют многие тексты А. Кремера. Записи О. Сириха [54] и О. Штейбеля во многом дублируют друг друга, так же как и более поздние и несколько беллетризованные записи О. Нельсона, который, кстати, в нескольких случаях взял на себя труд уточнить самоанский текст своих предшественников (при переводе № 28 уточнения О. Нельсона были использованы).

Наконец, совершенно особую группу самоанских текстов составляют толкования пословиц и поговорок, приведенных у Э. Шульца [52] [40]. Несколько текстов-толкований (на английском языке), конечно не таких полных и адекватных оригиналу, как записи [40; 54; 57], были использованы здесь, поскольку в них представлена интересная трактовка некоторых этиологических мотивов, отсутствующих у других исследователей.

В предшествующем сборнике «Сказки и мифы Океании» [11, № 156—159] были использованы только записи А. Кремера и О. Сириха [41], причем перевод был осуществлен с немецкого языка; однако в немецком параллельном тексте, в большинстве случаев сопутствующем самоанскому [40; 54; 57], нередки ошибки и неточности.

Тонганские тексты представлены меньшим числом источников (к сожалению, при подготовке книги остались недоступными сборники тонганского фольклора Э. Коллокотта и Ч. Палмера [42]).

Тонганский фольклор записывался французским миссионером П. Рейтером [48] (несмотря на большое число ошибок в тонганских текстах, многие неточности в комментариях и неразбериху в параллельном французском тексте, записи Рейтера не утратили своего значения для фольклористики). Некоторые тонганские тексты записал в начале XX в. А. Кайо [19], в его книге содержится много интересных лингвистических и фольклорных данных, однако тексты крайне неточны с точки зрения языка и требуют большой дополнительной обработки.

Наиболее полным источником тонганского фольклора является работа Э. Гиффорда [30] (см. также [31], где, однако, значительно меньше собственно фольклорных текстов и текстов на тонганском языке). Э. Гиффорд, как и А. Кремер, провел большую подготовительную работу с предшествующими источниками. Записи Э. Гиффорда довольно подробны, у него приводится много текстов на языке оригинала (языковые неточности, связанные, как и в других случаях, с системой записи, легко преодолеть, работая с прекрасным тонганским словарем К. Черчварда). Тексты либо вообще не беллетризованы, либо обработаны весьма незначительно; приводятся тексты, записанные в разных местностях и на разных островах.

Язык и фольклор ниуэанцев первыми исследовали новозеландские ученые С. Перси Смит и Э. Трейджер, специалисты по полинезийской культуре в целом. В их работах, включающих ряд публикаций в «Журнале Полинезийского общества», статьи о языке и обычаях ниуэанцев, словарь и комментированные записи сказок и мифов, фольклор Ниуэ рассматривается в контексте общеполинезийской духовной культуры. Часть текстов, приводимых в журнальных публикациях С. Перси Смита [55], записаны на ниуэанском или на английском им самим или Э. Трейджером со слов информантов, большинство же записано на языке оригинала грамотными ниуэанцами. Тексты беллетризованы в очень незначительной степени, хотя, несомненно, в них сказывается некоторая тенденция подражать европейской повествовательной традиции (эта тенденция вообще очень характерна для ранних записей океанийского фольклора, сделанных носителями языка, уже испытавшими — при литерализации — существенное европейское влияние).

В подробной работе Э. Луба, посвященной истории и этнографии о-ва Ниуэ [42], учтены достижения С. Перси Смита и Э. Трейджера; автор приводит довольно точные, близкие к жанру устной традиции короткие тексты на языке оригинала и несколько обработанные английские пересказы ряда сюжетов (в основном это исторические предания и былички).

Итак, можно видеть, что качество и специфика записи материала оказываются различными у разных исследователей — все зависит от конкретных целей, знания языка и реалий. Нередко при переводе приходилось выверять те или иные имена или топонимы по более точным изданиям, от каких-то текстов пришлось отказаться из-за недостаточно адекватной их записи. В некоторых случаях — для ряда самоанских и тонганских текстов — были возможны дополнительные уточнения благодаря наличию двух параллельных записей (соответственно [40 и 54; 57]; [30 и 19; 48]).

Основная часть текстов, приводимых в этой книге, переведена с автохтонных языков. Ниуэанский фольклор переводится на русский язык впервые. Представляется, что при обращении к культурам, столь далеким от европейских, перевод с языка оригинала может дать существенно больше, нежели перевод с самого надежного европейского подстрочника: только при обращении к оригиналу можно учесть все те оттенки значения и специфику сочетаемости, которые и делают текст цельным, доступным художественному восприятию, живым и ярким. В каких-то случаях при переводе мы старались сохранить максимальную точность, пусть даже в ущерб красоте русского слога.

В то же время не хотелось бы отказываться от многих текстов, записанных на европейских языках. Такие тексты, не имеющие соответствия на языке оригинала, переводились нами в том случае, когда они могли сюжетно дополнить общую

картину корпуса переводов с океанийских языков или представляли собой какой-то особый вариант сюжета, записанного на языке оригинала.

В подавляющем большинстве случаев тексты имеют те заглавия, которые представлены в подлиннике. Некоторые из них могут показаться не соответствующими содержанию, поскольку традиция придания текстам значимых заглавий не была известна на островах и была привнесена сюда европейцами. Нередко текст озаглавливали по его начальным словам или по его первому предложению. Тексты, не имевшие заглавий, были озаглавлены переводчиком (эти заглавия заключены в квадратные скобки); в ряде мест были добавлены некоторые сюжетно необходимые вставки, также заключенные в квадратные скобки.

Комментарии к текстам в большинстве случаев принадлежат переводчику и составлены с привлечением словарей, этнографических и этнокультурных описаний. В тех случаях, когда комментарий заимствован из другого источника (чаще всего при этом комментарий принадлежит тому, кто записывал соответствующий текст), это специально оговаривается. Для нескольких текстов в комментариях не указано место записи, поскольку его не удалось установить. Обычно толкование реалий дается в комментарии или в глоссарии, однако в ряде случаев оно вносится в перевод (например, «сосуд-халава», «дух-аиту» и т. п.). Это сделано для облегчения восприятия текста русским читателем; кроме того, подобные тавтологические элементы присутствуют и в некоторых текстах на языках оригинала; возможно, здесь сказывается ориентация рассказчика, стремящегося объяснить слушающему его чужеземцу какие-либо особо неясные места. И подобные повторы, и введение в тексты европеизмов (см. примеч. к № 26, 35) еще раз подтверждают поздний характер записи текстов, «поправку» на который неизбежно приходится делать.

* * *

В задачу этой книги входит познакомить читателя исключительно с повествовательным фольклором островных народов. Здесь не представлен жанр песен, крайне распространенных в Океании (см. выше), жанр загадок. Примером популярных у океанийцев пословиц и поговорок могут служить данные в Приложении ротуманские, самоанские и тонганские пословицы и поговорки. Для рассматриваемого повествовательного фольклора вообще характерно использование многих известных в данном регионе пословиц и поговорок, нередко с народными этимологиями (ср. № 44, 87).

Со времени выхода в свет сборника «Сказки и мифы Океании» [11] прошло уже немало лет. Переводы, приведенные здесь, опираются на традицию, заложенную этим сборником и другими публикациями по Океании на русском языке. Тем не менее в перевод реалий и в транслитерацию имен внесены некоторые изменения.

Здесь принято дефисное написание антропонимов, мотивированное, во-первых, тенденцией к сокращению и усечению имен и, во-вторых, значимостью имен персонажей, составленных из легко вычленимых компонентов (в ряде случаев, однако, выделяются только наиболее значимые компоненты имен, а служебные элементы, которые также следовало бы выделять дефисным написанием, даются вместе с одним из значимых элементов; ср. самоанское имя Лупе-о-валу, которое записывается здесь как Лупе-овалу, и т. п.). Топонимы, за исключением некоторых ниуэанских (см. тексты) и очевидных многокомпонентных образований, даются в слитном написании.

Особенно много изменений было внесено в транслитерацию ротуманских

имен собственных — для более точной по сравнению с переводами в [11] передачи фонетического облика ротуманских слов.

Наконец, в целях более адекватной и единообразной передачи полинезийских имен в ряде случаев допускаются отклонения от имеющейся русской традиции (например, Саваии, а не Савайи).

Что касается передачи отдельных звуков, то звук /ŋ/, в латинской записи текстов на языке оригинала часто представляемый через g (ср. его передачу как «г» в [11]), передается здесь буквосочетанием «нг»; следующий за гласным звук /e/ везде передается как «э», а не как «е».

* * *

При подготовке рукописи к печати много полезных замечаний было высказано И. Г. Гуровой и П. С. Гуровым, М. А. Журинской, В. Я. Петрухиным, В. А. Шнирельманом и особенно В. И. Беликовым и Б. Н. Путиловым, взявшими на себя труд полностью ознакомиться с текстом. Всем им приносится самая искренняя благодарность.

М. С. Полинская

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Полинезийским треугольником» принято называть основную область расселения полинезийцев, действительно напоминающую треугольник, в вершинах которого расположены о-ва Тонга, Гавайи и о-в Пасхи.

[2] Упомянем здесь только одну из многочисленных работ по вопросу об освоении Полинезии — книгу М. Левисона и соавторов [41], доказавших путем модельных расчетов на ЭВМ невозможность случайного, дрейфового заселения Полинезии. Авторы полемизируют с Э. Шарпом [53], считавшим освоение Полинезии именно результатом случайных дрейфов.

[3] Полинезийцы, по-видимому, достигли высокого уровня навигационных и астрономических знаний. Существует, в частности, гипотеза, что знаменитый памятник Хаамонга на Тонгатапу (сооружен ок. 1200 г. н. э., см. № 99) — полинезийский Стоунхендж, т. е. что-то вроде древней обсерватории.

[4] Название «лапита» происходит от названия местности на о-ве Новая Каледония, где в 1900—1920 гг. археологи обнаружили первые в Океании характерные образцы такой керамики.

[5] На Ниуэ даже известен миф, в котором верша выступает как живое существо, которое опускается на морское дно и заглатывает там всю рыбу (ср. № 115).

[6] В состав экспедиции О. Е. Коцебу входил Хорис, альбом зарисовок которого, изданный в Париже, долгое время был одним из главных источников сведений об Океании.

[7] Полинезийцы независимо от пола традиционно носили длинные волосы.

[8] В одной только замечательной монографии А. Хэддона и Дж. Хорнелла об океанийских лодках [34] бóльшая часть текста посвящена именно полинезийским лодкам.

[9] Самыми древними судами были лодки-долбленки, выбор дерева для которых был особенно важен. Лодки из скрепленных бечевой досок научились строить много позднее.

[10] Тем не менее в языке ниуэанцев есть слово kava (из праполинезийского); оно входит как компонент в некоторые топонимы острова.

[11] Название происходит от общеполинезийского слова motu «остров».

[12] Современный поселок на Ниуэ называется Ваиеа (Ваиэа).

[13] Тафити — букв., по-видимому, «люди [с] Фиджи», причем Фиджи здесь (как нередко и Тонга) может означать не реальную, а любую далекую землю. Таким образом, тафити — «чужестранцы».

[14] Русская транслитерация дается в соответствии с традицией.

[15] Этому противоречит упоминание о древних пату-ики в некоторых преданиях острова (см. № 134). Возможно, затем институт верховной власти был упразднен; известно, что в середине XVIII в. он вновь был введен — очевидно, под самоанским и тонганским влиянием.

[16] Перевод этой самоанской легенды опубликован Дж. Фрэзером [27]; эту же легенду пересказывает С. Перси Смит в описании о-ва Ниуэ [55].

[17] Наибольшее количество генеалогий удалось записать на Самоа; генеалогии большинства вождеских семейств собраны у А. Кремера [40]. Генеалогии приводятся и в некоторых старых словарях полинезийских языков.

[18] Дж. Кук назвал острова Тонга Дружественными (островами Дружбы); встреча с тонганцами сильно отличалась от того враждебного приема, который был за три года до этого оказан ему жителями «дикого острова» — Ниуэ.

[19] Первая из упоминаемых в тонганских преданиях и генеалогиях тамаха — дочь Сины Первой (старшей сестры Туи Тонга Фата-фехи, тридцатого в династии Туи Тонга, ср. № 99 и примеч. к нему) и фиджийского вождя Фоно-ки-моана (его имя, упоминаемое в генеалогии, тонганское).

[20] Возможный рефлекс этого обычая, в различных вариантах более известного в Меланезии, представлен в ротуманском рассказе о «чудесной жене» и ее брате (№ 16; ср., однако, примеч. к тексту).

[21] Различение сакральной и светской власти подтверждается и наличием разных названий для вождей-жрецов (они назывались традиционно эики, ср. Тонга-эики) и верховных вождей-правителей (туи, отсюда Туи Тонга и др.).

[22] На эту особенность тонганской мифологии указывает записывавший тонганский фольклор Э. Гиффорд [30].

[23] Лоау упоминается в «Путешествии Каэ» (№ 96); по-видимому, в некоторых преданиях происходит объединение двух персонажей — Лоау и Туи Татуи (см. № 92, 99 и примеч. к № 92, 93).

[24] Звуку /r/ одних восточноокеанийских языков, в частности некоторых полинезийских, соответствует звук /l/ других; на Тонга и Самоа святилище называлось малаэ; в европейской традиции более устоявшимся является вариант мараэ.

[25] По тонганской легенде, слова эти вождь произносит, удаляясь от самоанских берегов на своей огромной военной лодке, по самоанской (см. № 41) — взойдя на прибрежную скалу.

[26] Фактически с этого времени над Самоа был установлен совместный протекторат трех этих стран, в равной мере претендовавших на острова.

[27] Существенно, что многие памятники повествовательного фольклора полинезийцев, в том числе и некоторые из приведенных в этой книге, являются своего рода «объяснением» к песенному фольклору, т. е. вторичны по отношению к длинным поэтическим текстам, составлявшим важнейший компонент океанийского устного творчества. Так, некоторые тонганские прозаические тексты, приводимые в [30; 31], следуют за поэтическими и называются факаматала (букв. «объяснение»). Нередко, однако, поэтический текст утрачивался и «объяснение» становилось единственной версией данного сюжета. Кроме того, в некоторых случаях фиксировался именно прозаический текст: по замечаниям многих исследователей, поэтические тексты были труднее как для понимания, так и для записи. Об океанийском поэтическом и песенном фольклоре см. [8; 51; 56].

[28] См. о них в работах Е. М. Мелетинского [3; 4].

[29] См. тонганские и туамотуанские мифы аналогичного содержания в [11, № 140, 141, 166].

[30] Ср. приведенный в этой книге самоанский миф творения, где идет речь о скале-основе Папа (№ 23).

[31] Особенно важен этот момент давно прошедшего для ротуманских представлений о духах (см. также [35; 36]).

[32] Такие животные назывались опорой, вместилищем или лодкой духов (ср. рус. *судно — сосуд* или англ. vessel, имеющее оба значения).

[33] Тонганцы верили, что Тауфа обитает в одной из пещер острова Эуа и ни один человек, идущий туда с недобрыми намерениями, не может приблизиться к этой пещере.

[34] На Ниуэ и Ротума каннибализм, по-видимому, вообще не был известен. Любопытно, что ниуэанцы приписывали ужасы людоедства тонганцам, а в тонганском сказании о потомке Мауи (№ 88) с явной гордостью говорится о том, что каннибализм свойствен лишь фиджийцам, но никак не тонганцам. Здесь, конечно, следует учитывать, что такая трактовка могла сложиться уже в позднее время и не без европейского влияния.

[35] Местом обитания Хины и ее семейства считается «низкое», т. е. ближнее к земле, небо; такая близость к земле и отличает Хину от подлинных небесных богов, живущих выше.

[36] Иногда их называют «страшными сказками». По традиции, такие сказки рассказывались на ночь, когда все члены семьи располагались в доме, готовясь ко сну. Уже это отграничивало их от мифов о богах или героях, которые рассказывались (а точнее, распевались) в общинном доме или на святилище, во время торжеств.

[37] Некоторые из этих сказок представлены в сборнике «Сказки и мифы Океании» [11, № 147, 155, 159].

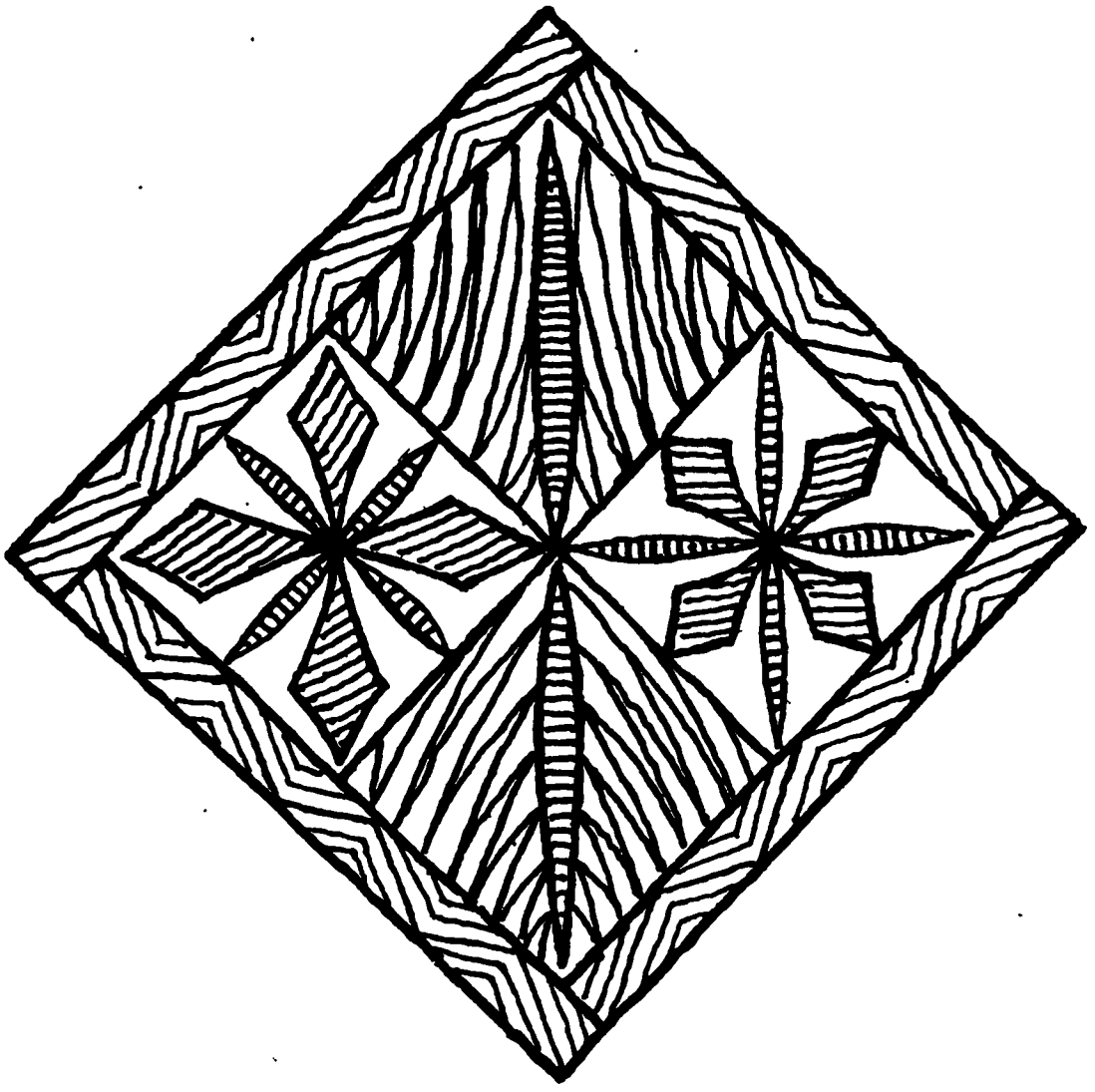
[38] Под влиянием христианизации в XIX в. на некоторых островах Океании возникли синкретические культы (наибольшую известность получил маорийский культ бога Ио); ассоциируемые с этими культами тексты подчас вводили в заблуждение первых фольклористов и этнографов.

[39] К сожалению, сама книга А. Гордона (G o r d o n A. J. L. Raho: onward and upward [n. d.]) осталась для нас недоступной.

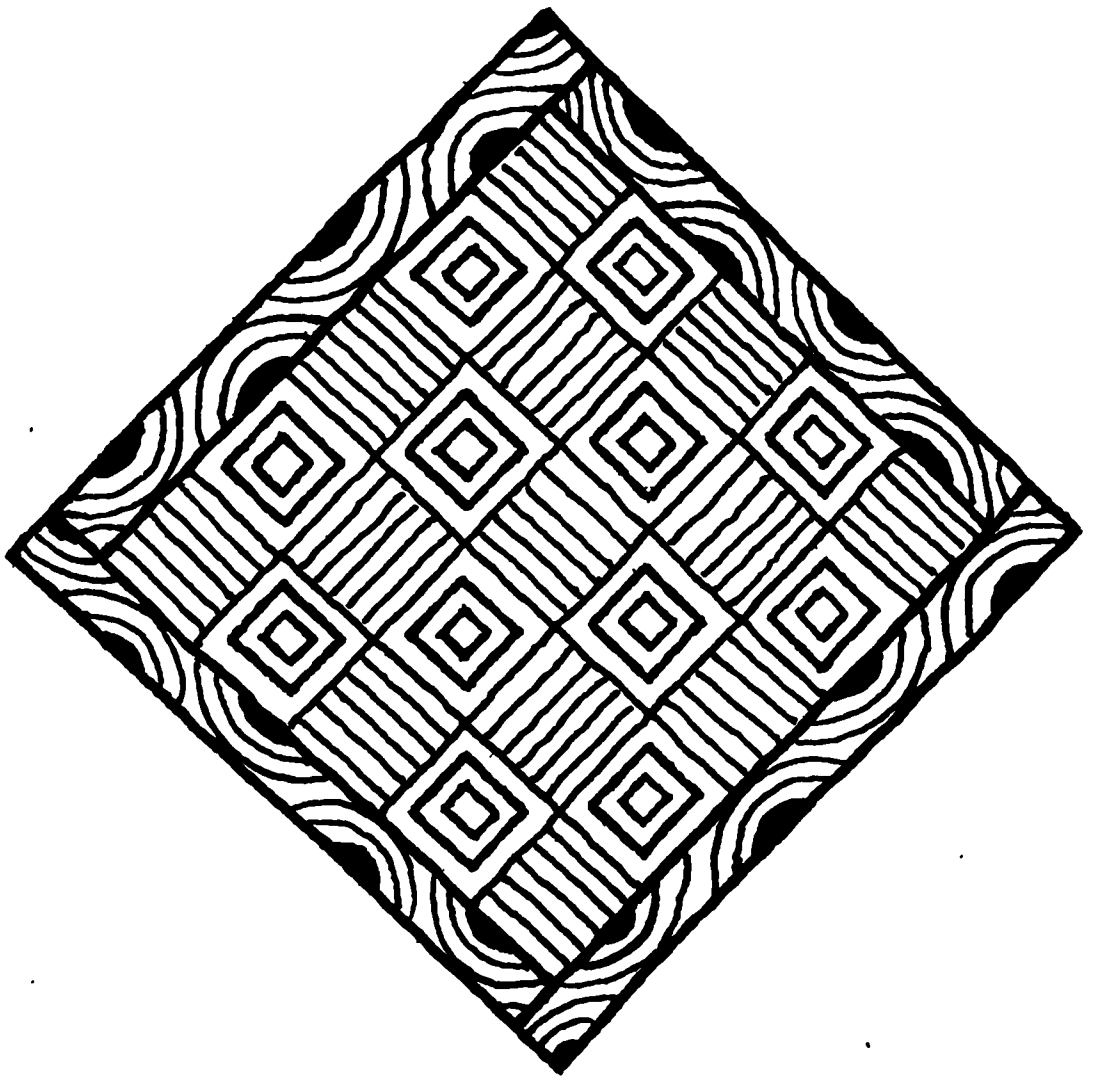
[40] При подготовке пословиц к печати в серии монографий «Журнала Полинезийского общества» многие неточности, имевшиеся в более раннем варианте (опубликованном сначала в миссионерском издании, а затем в нескольких выпусках «Журнала Полинезийского общества»), были устранены.

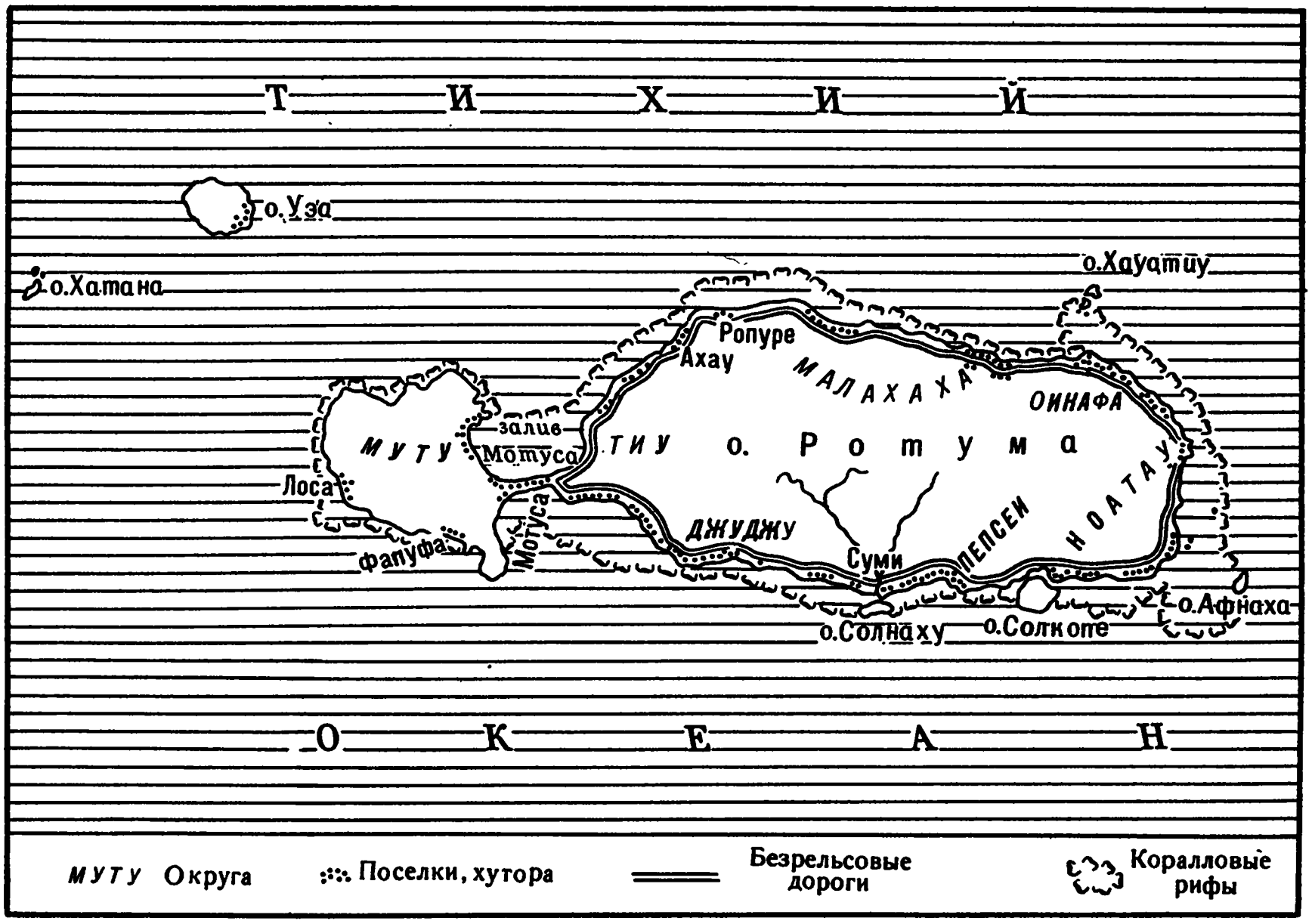
[41] Мы не останавливаемся на существенно беллетризованных текстах Суапаиа, также использованных в [11]; что касается английских текстов, в разное время публиковавшихся в «Журнале Полинезийского общества» (один из таких текстов использован в [11, № 160]), то они были учтены при подготовке этой книги; часть этих текстов дублирует записи А. Кремера, О. Сириха и О. Штейбеля.

[42] Collocott E. E. Tales and poems of Tonga. Honolulu, 1928; Palmer C. S. Tales of Tonga. Nashville, 1959. Некоторое представление о первой книге можно составить по журнальным публикациям самого Э. Коллокотта, а также по отсылкам и цитатам в [30; 31].



Ротума




Т И Х И Й
о. Уза
о. Хатана
о. Хауатиу
Ропуре
Ахау
МАЛАХАХА
ОИНАФА
залив
Мотуса
МУТУ
ТИУ
о. Ротума
Лоса
Мотуса
ДЖУДЖУ
ЛЕПСЕН
НОАТАУ
Суми
фапуфа
о. Афнаха
о. Солнаху
о. Солкопе
О К Е А Н
МУТУ Округа
Поселки, хутора
Безрельсовые дороги
Коралловые рифы

1. Как был насыпан остров Ротума

На Самоа жил знатный и благородный господин по имени Рахо, а с ним — три его сестры. Старшую звали Мама-эре, вторую сестру звали Мама-фиовере, младшую звали Мама-фиарере. Младшая сестра властвовала над всем островом Саваии, а старшая управляла землями, где жил Рахо [1].

У старшей сестры был такой обычай: когда солнце садилось, она отправлялась на западную сторону своего дома и ложилась спать там, а когда солнце всходило, она поднималась и шла к восточному выходу дома, чтобы там продолжить свой сон.

Шло время, и вот Мама-эре понесла [2]; уже все тамошние жители заметили, что женщина беременна, но никто из них не осмеливался сказать об этом благородному Рахо: ведь у его сестры не было мужа.

Наконец и Рахо понял, что сестра его скоро родит. Тогда он созвал всех своих людей и стал допрашивать их, кто виновен в беременности его сестры. Люди же отвечали, что никто из них к Мама-эре и не приближался. Тогда Рахо приказал им готовиться к рождению ребенка.

Пришел положенный срок, у женщины начались схватки, и Рахо послал всем своим людям приказ собраться и ждать. Схватки продолжались весь день до наступления темноты, продолжались всю ночь, и только с восходом солнца женщина наконец родила — произвела на свет девочку. Новорожденная тут же покатилась к выходу, к тому, что был обращен на восток, докатилась до самого порога и, сев там, позвала своего старшего:

— Рахо!

Тот подошел; оказалось, что девочка хочет есть.

Рахо велел своим людям принести еду. Они принесли все, что было припасено для торжеств по случаю рождения ребенка,— принесли гроздья бананов и свинину. Приготовили кушанье и накормили девочку.

А что до ее матери, то у нее продолжались схватки.

Покончив с едой, девочка встала и отправилась играть, сказав при этом Рахо:

— Рахо, я ухожу играть вон туда. Знай, что зовут меня Нуджманга [3].

Скоро и этот день подошел к концу, солнце стало садиться, и тут Мама-эре родила вторую девочку. Эта крошка тоже сразу

окликнула Рахо по имени, сказав ему, что хочет есть. Рахо вновь приказал принести еды — из тех запасов, что были приготовлены для торжеств по случаю рождения ребенка. Его люди снова принесли бананы и свинину и этим накормили ребенка. Едва девочка покончила с приготовленной для нее едой, как она встала и тоже отправилась играть, сказав Рахо:

— Запомни, мое имя — Нуджкау [4].

Обе девочки предупредили Рахо, что он не должен их беспокоить, пока в них не возникнет подлинной необходимости. Звать их можно только тогда, когда без них уже никак нельзя обойтись.

У Мама-фиовере, средней сестры Рахо, не было детей. У Рахо же была дочь по имени Ваи-мараси. Эта Ваи-мараси была женой знатного самоанца, вождя, носившего имя Тю-тонга [5]. А Тю-тонга жил еще и с другой женщиной, с самоанкой. Из двух его жен самоанка забеременела первой и уже была на сносях, когда Ваи-мараси только понесла. Самоанцы уже начали готовиться к торжеству по случаю рождения первенца, по случаю родов той, что была из их числа. А на беременность Ваи-мараси никто не обращал никакого внимания. Рахо это очень не нравилось: самоанцы готовятся к родам своей, а до беременности Ваи-мараси им и дела нет.

И тогда Рахо приготовил богатые дары и позвал тех двух девушек, Нуджманга и Нуджкау, что до сих пор играли на песчаном берегу; они тотчас явились к нему и спросили, зачем он вызвал их. Рахо сказал им:

— Надо, чтобы Ваи-мараси разрешилась от бремени раньше, чем та самоанка.

Девушки отвечали:

— Как это ни прискорбно, но та женщина уже вот-вот родит, а Ваи-мараси только понесла.

Но Рахо все равно требовал, чтобы Ваи-мараси родила раньше, чем та самоанка. Тогда девушки сказали:

— Здесь, на Саваии, случится небывалое, противоестественное, и произойдет это по твоей воле, по твоей вине.

Когда у самоанки начались схватки, эти девушки пошли к ней и так надавили на ножки ее ребенка, что он сразу вошел обратно в живот, а схваток у нее как не бывало. Затем девушки пошли к Ваи-мараси и стали давить на плод, чтобы скорее начались роды. Они давили и напирали на плод до тех пор, пока женщина не разродилась. Вот так вышло, что торжество — праздник по случаю рождения первенца, подготовленный самоанцами, состоялось в честь ребенка Ваи-мараси.

У Ваи-мараси родилась девочка, которую назвали Маива.

Как только праздник закончился, у той самоанки возобновились схватки. Вскоре она родила мальчика, которого было решено назвать Фумару.

Дети росли и воспитывались вместе. Однажды, когда дети уже немного подросли, они пошли играть на берег и принялись ловить там маленьких рачков. Итак, они занялись поисками, и вот Маиве попался красноватый рачок, которого звали Туа-наквалу; она

поймала его и пустила в плошку с водой. Фумару же нашел там этого рачка, взял и нарочно спрятал его у себя за щекой — да-да, спрятал рачка, пойманного его сестрой. Пришла Маива, а ее питомца нет — он исчез. Девочка отправилась к Фумару и велела ему выпустить ее рачка. Но брат не отдавал его, и тогда Маива отправилась к своему деду Рахо, разрыдалась и рассказала про проделки брата. Рахо стал утешать внучку, но она никак не могла успокоиться.

Тогда Рахо снова позвал девушек, игравших на песчаном берегу; они пришли и узнали от Рахо, что случилось с его внучкой. Теперь Рахо пожелал найти для внучки такую землю, которая лежала бы на некотором расстоянии от Самоа.

И вот девушки взяли две корзины и насыпали в них земли. Одна корзина была особая — для даров, подношений, торжеств; она называлась Фуареи. Другая корзина была обыкновенная, обыденная; она называлась Фуаа [6]. Затем девушки поставили обе эти корзины в лодку, построенную из дерева афтеа, а потом они сами и вместе с ними Рахо и все жившие при нем люди сели в эту лодку и поплыли сюда — насыпать вот этот остров — Ротума.

* * *

Говорят, когда Рахо пустился сюда, к этой земле, об этом прослышали знатные люди на Тонга и на Самоа. И вот когда Рахо и все его люди отплыли, один знатный господин, по имени Тока-иниуа (неизвестно, тонганец он был или самоанец), взяв с собой своих людей, отправился следом за Рахо.

Наконец Рахо со всеми своими людьми приплыл сюда; среди морских волн приплывшим открылись два скалистых уступа, между которыми плескалась вода, одна только морская вода. Туда-то девушки-близнецы и высыпали землю, привезенную в корзине для даров,— и так возник остров.

После этого девушки приказали Рахо и его людям оставаться на новом острове, а сами, взяв вторую корзину с землей, поспешили к Футуна [7]. Мигом примчались они туда и на том месте опорожнили вторую корзину, обыкновенную — так возник остров Алофи [8].

Потом девушки вернулись туда, где остался Рахо со своими людьми, и сказали Рахо, что ему следовало бы закрепить свои права на остров, сделать его навеки своим, пометив, оставив на нем свой фапуи [9]. Тогда бы уже никто не мог явиться на остров и завладеть им как ничейной землей.

Рахо так и сделал, оставил на новом острове свой фапуи: он пометил ствол дерева феси, что росло в Факпаре, зеленым листом кокосовой пальмы. А затем он сказал девушкам, чтобы они плыли на Тонга и доставили ему оттуда все необходимое для кавы.

Девушки отбыли на Тонга. А Тока-иниуа со своими людьми успел тем временем заметить новый остров и теперь направлялся к нему. Эти мореплаватели прибыли в Оинафа. Оттуда Тока-иниуа добрался до округа Малхаха и там увидел знак, остав-

ленный Рахо на дереве феси, что росло в Факпаре. Тока-иниуа сразу заметил, что лист, обернутый вокруг ствола феси, был совсем свежим, зеленым. И тогда он решил сделать вот что: взял желтый, высохший лист кокосовой пальмы и оставил его как свой фапуи [10].

Спустя некоторое время Рахо набрел на Тока-иниуа — тот стоял подле дерева феси. На дереве же был знак, оставленный Тока-иниуа,— сухой лист кокосовой пальмы. Тут между двумя вождями завязался спор. Рахо твердил, что это его земля, а Тока-иниуа говорил, что его — ведь его фапуи был здесь уже давным-давно, а Рахо оставил свой знак совсем недавно.

Впав в страшный гнев, Рахо ударил Тока-иниуа и сшиб его с ног. Тут пришел сааиту [11], остановил Рахо, а Тока-иниуа спрятал в земле, у корней дерева феси, чтобы Рахо больше не видел его.

Но Рахо уже успел принять решение — разрушить остров, чтобы только он не достался Тока-иниуа. Рахо отправился на западную оконечность острова со своей палкой-копалкой, воткнул ее в землю и принялся крушить все в этой местности. Так возникли Уэа, Хатана и Хафлиуа [12].

Но тут женщина, жившая вдали от берега, в зарослях деревьев и кустарника, заметила, что Рахо творит что-то ужасное на этой земле [13]. Бросившись к нему, она склонилась у его ног и стала просить его успокоиться и пощадить, не разрушать эту бедную землю: ведь Тока-иниуа хотел заполучить ее обманом, а на самом деле земля эта, конечно, принадлежит Рахо.

И тут Рахо сказал:

— Ну что же, если так — хорошо.

Он вытащил палку-копалку из земли, поднял ее на плечо и отправился назад в Малхаха [14].

Рахо добрался до Мотуса, а там двинулся по дороге, ведущей в глубь острова. Так он достиг деревушки в Ваи, миновал ее, зашел за стоящие в ней дома, снял с плеча палку-копалку, воткнул ее в землю и двинулся дальше, волоча палку-копалку за собой. И там, где он вот так прошел, образовалось русло ручья — теперь этот ручей, что в Алюстенгтенге [15].

Когда Рахо пришел наконец к себе на берег, оказалось, что кавы еще нет. А дело было вот в чем. Те две девушки, приплыв на Тонга, сразу послали оттуда корень кавы для Рахо, послали его самого по себе, чтобы он сам, без их помощи, доплыл до Ротума. Корень кавы действительно достиг Ротума, но тут как раз Рахо в гневе отправился крушить и ломать несчастный остров. Пришлось корню кавы покинуть Фалта, пуститься в глубь острова и остановиться у женщины-сау в Фангута [16].

Через некоторое время вернулись сами девушки. И тут выяснилось, что Рахо еще не пил кавы. Он велел девушкам снова плыть на Тонга и привезти ему оттуда корней кавы, завернув их в пальмовые листья.

Наконец кава для Рахо была приготовлена; чашей для приготовления служил камень Камеа. Углубление, в котором готовили

каву, до сих пор видно на этом огромном камне. Рядом с этим камнем — ключ, водой которого и промывали корни кавы [17].

А когда кава была выпита, Рахо и обе его родственницы, Нуджкау и Нуджманга, отправились на Хатана [18].

2. Происхождение Ротума

У Рахо, вождя с острова Саваии, были внук и внучка. Внучку Рахо звали Маива. Однажды дети пошли ловить раков и поссорились: мальчик — а он был хромой — сказал, что Маива украла у него часть улова.

Оскорбленная Маива отправилась к Рахо просить его, чтобы он нашел ей какое-нибудь место подальше от Саваии — туда бы она и отправилась жить. И вот они покинули Саваии в своей лодке, взяв с собой корзину земли.

После многих дней плавания Рахо наконец высыпал землю из корзины в открытое море — так возник остров Ротума. Высадив внучку на этом острове, Рахо пустился обратно на Саваии. А в его отсутствие на острове появилась женщина-дух Ханите-масу [1]. Ей были подвластны все растения — деревья, травы. А еще в это время на острове находились духи берега, девушки-близнецы, которых звали Хенлеп-ихеруа [2].

Ханите-масу, считая остров своим, стала повсеместно метить его [3]. По всему берегу в западной части острова она оставила листья и веточки деревьев.

А тут как раз с Саваии вернулся Рахо; разгневанный, он принялся метить своими знаками остров с востока.

Наконец Рахо и Ханите-масу встретились, и между ними разгорелся спор. Ханите-масу настаивала на своих правах: ведь листья на фапуи Рахо были совсем зелеными, а ее знаки были сухими и увядшими [4].

Разъяренный Рахо пригрозил разломать остров на мелкие куски и рассеять их по океану. Он схватил свою палку-копалку и изо всех сил воткнул ее в землю — так возникла глубокая яма Мамфири, что на западе острова.

Но близнецам Хенлеп-ихеруа удалось уговорить Рахо отступиться от своего намерения. Было решено всем жить вместе в согласии. Вскоре Рахо снова отплыл на Саваии и вернулся со многими верными ему людьми, которые и поселились на Ротума. Рахо и его потомки — вожди и знатные люди Ротума.

3. Тока-иниуа

Однажды, когда на Ротума еще не было никого, две женщины, Сина-тафитукуру и Сина-джарололо, отправились к воде натираться куркумой. Натершись куркумой, они взяли четыре зеленых кокоса, наполнили их водой, заткнули пробками и так оста-

вили на ночь [1]. На следующее утро из них появилась девочка, которую звали Сина-такуву. Те женщины заготовили еще пять кокосов, из которых на следующее утро появился мальчик, названный Туи Сава-рара.

Сина-такуву поселилась в Хотахаруа, Туи Сава-рара — в Сукоаки. Однажды они повстречались, соединились, и Сина-такуву понесла. Поняв, что они натворили, оба стали горевать: ведь они были брат и сестра. И они решили скрыться в лесных зарослях в глубине острова. По дороге туда Сина-такуву наказала Туи Сава-рара не оборачиваться: если он обернется, ребенок родится прямо на дороге.

Но когда они достигли места, которое называлось Керекере, Туи Сава-рара обернулся — и ребенок тотчас же появился на свет. Сина-такуву бросила этого ребенка на Туи Сава-рара, а сама убежала в лес и стала хозяйкой этого леса — Ханите-масу.

Туи Сава-рара решил убить новорожденное дитя, но заметил, что за ним следит дух, живущий на горе Сатуруа, и побоялся. Ребенок же лежал в это время на большом камне, и с тех пор у этого камня начались месячные, точно как у женщины [2]. И вот Туи Сава-рара лег на ребенка и решил провести духа — заставить его думать, что перед ним женщина, а не мужчина. Дух действительно поверил, что перед ним женщина, подошел к тому месту, и тут Туи Сава-рара взял ребенка и показал его духу, сказав, что это ребенок, рожденный от него. Дух отказался от ребенка, и Туи Сава-рара пошел прочь, думая, как же ему все-таки избавиться от новорожденного.

Решив просто выбросить ребенка, Туи Сава-рара кинул его с холма в Керекере на холм Сака, а оттуда — на холм Ифилала. Когда Туи Сава-рара снова подошел к мальчику — а звали этого мальчика Тока-иниуа,— тот попытался сразиться с ним. Было это в местности Хафупопо. Туи Сава-рара снова отшвырнул мальчика, и тот оказался в Сукоаки, где жил сам Туи Сава-рара. Оттуда он швырнул мальчика на Ниуафооу.

На Ниуафооу мальчик вырос и стал могучим и сильным вождем. Зрелым мужчиной он вернулся на Ротума, чтобы найти себе там помощника в военных делах. Однажды, когда он стоял на скале Хафумеа [3], собираясь закинуть сеть, камень раскрылся, и из него появился ребенок, которого звали Пил-хафу [4]. Он весь был каменный, только один глаз и большой палец одной ноги у него были как у обыкновенного человека. Тока-иниуа забрал Пил-хафу к себе на Ниуафооу и там, кидая в него копье, убедился в непобедимости нового спутника. Но случайно он попал копьем в живой глаз Пил-хафу, и тот, оскорбленный, вернулся на Ротума. Тока-иниуа же последовал за ним.

4. Первые сау на Ротума

Говорят, на небесах был один край, которым управлял сау по имени Тю-ротома, а муа при нем состоял Тю-феуа [1]. Однажды, взглянув вниз и увидев внизу Ротума, эти два знатных и благородных господина решили послать туда кого-нибудь, чтобы узнать, хороша та земля или плоха.

Сау стал думать, кого же из подданных послать на землю, на разведку неведомого края. Говорят, был выбран человек, которого звали Титофо. Титофо был спущен на землю, прибыл в этот край и оказался в Фауфано, что в местности Пепхауа [2]; а там жил дух-тупуа [3], звали его Товаэ. Титофо поселился в Фауфано вместе с этим тупуа, но на месте сидеть не стал, а все время путешествовал и интересовался каждым уголком, чтобы понять, какова же эта земля. Вот так он изучал эту землю, и оказалось, что она очень хороша и в ней нет ничего опасного или дурного. И наконец Титофо решил вернуться на небо и доложить сау, что земля внизу вполне хороша.

Сразу по прибытии Титофо сказал сау:

— Благородный вождь, земля там, внизу, воистину прекрасна.

Тогда сау послал вниз своего сына Фанга-тарироа, а муа послал вниз свою дочь, которую звали Пэреанг-сау; этим двоим надлежало спуститься на землю, принять эту землю во владение и управлять ею. А двум своим людям сау велел сопровождать Фанга-тарироа и Пэреанг-сау, поселиться при них на нижней земле и ухаживать за ними.

Итак, все четверо спустились с небес и поселились в Пепхауа. Кстати, о тех двоих: одного звали Моэа-уита, другого — Ори-ваи.

Они зажили вчетвером на этой земле, прожили там немало времени, и вот Пэреанг-сау понесла от Фанга-тарироа. Увидев, что женщина ждет ребенка, те двое разгневались и отправились на небо, оставив Пэреанг-сау и Фанга-тарироа внизу одних. Прибыв на небо, оба этих человека рассказали сау и муа, как поступили их дети, добавив, что это очень скверно. Но сау сказал им в ответ:

— Вам не следует сердиться на наших детей. Ведь мы послали их вниз именно с тем, чтобы в будущем потомки их заселили всю ту землю.

Тогда те двое вернулись вниз на землю, чтобы продолжать ухаживать за молодыми. В положенное время женщина родила мальчика, которого назвали Муа-сио. Вскоре она понесла вновь и родила второго сына, которому дали имя Сема-рефеэнга. Рахо же, жившему на Хатана, ничего не было сообщено о рождении этих детей. Прошло еще время, и у супругов родился третий ребенок, и только тогда те двое, служившие им, отправились на Хатана сообщить Рахо о рождении этого мальчика. Прибыв на место, они сказали Рахо:

— У Фанга-тарироа и Пэреанг-сау только что родился сын; вот мы пришли сообщить тебе об этом и узнать, как быть дальше.

Рахо же ответил им:

— О, мне уже давно все известно: я знаю, что еще до этого появились на свет двое их детей, о которых вы не доложили мне. Ну да ладно, ступайте и дайте этому ребенку имя Туи-те-ротума — ему править как сау на этой земле. Пусть в Халафа приготовят все для него; там будет его дом и святилище [4]. Итак, он будет жить недалеко от меня, и селение его пусть называется Марики.

Вернувшись с Хатана, эти двое передали Фанга-тарироа и его супруге слова Рахо, а сами потом отправились на небо, чтобы и там рассказать, как они живут на земле. К тому же они собирались запастись там свининой для предстоящего торжества. Прибыли они на небо, рассказали обо всем сау, потом сау дал им свинью для торжества (говорят, это был неслыханных размеров хряк), и вот, нагруженные такой ношей, они двинулись обратно — готовить торжественный пир.

По пути, когда они еще не успели добраться до своего дома, встретили они Сема-рефеэнга. Сема-рефеэнга отнял у них свинью, забил и положил в земляную печь готовиться. Запеченную свинью Сема-рефеэнга разрезал поперек на две равные части и затем сказал тем двоим:

— Переднюю часть можете отнести Рахо на остров Хатана, заднюю же я возьму себе.

Они взяли переднюю часть и понесли на Хатана в дар Рахо. Прибыли они к нему, но, как только Рахо увидел, какое ему принесли угощение, он воскликнул:

— Разве я не говорил вам, чтобы вы не смели приносить мне начатое, не появлялись ни с чем, что было отрезано от большего куска? Разве не велел я вам приходить ко мне только с целыми дарами, от которых не было взято ни кусочка? Кто же это надоумил вас принести мне половину, оставив вторую половину на съедение кому-то еще?

И рассерженный Рахо швырнул принесенную половину свиной туши в открытое море — от нее и образовалась близ Хатана глубокая морская воронка; она существует и по сей день.

А те двое ушли с Хатана и отправились выполнять все, что сказал Рахо,— ведь надлежало провозгласить Туи-те-ротума сау. Итак, они собрали людей, привели их в Халафа и там расчистили место и устроили святилище для сау; теперь он мог поселиться в этой местности. Так сау поселился в Халафа, и так было выполнено приказание Рахо о том, что сау надлежит жить недалеко от него, а значит, недалеко от Хатана.

Прошло немало времени. Однажды сау захворал и вскоре умер. Опять те двое отправились к Рахо на остров Хатана и доложили ему, что сау скончался. Рахо велел им возвращаться к себе, созвать всех, соорудить гроб для сау [5] и на плечах пронести его по всему их краю. И Рахо сказал, что он пошлет вперед двух птиц — за ними и надлежит следовать с гробом на плечах.

Вернувшись в Халафа, эти двое собрали людей, чтобы сладить гроб. И вот гроб был готов, в него положили тело сау и подняли

его на плечи, чтобы нести по всему краю. Тут появились две птицы, присланные Рахо. Одна из них называлась Ман-теифи, другая — Ман-теафа [6]. Эти две птицы летели впереди, а носильщики с гробом на плечах следовали за ними.

Так они шли и шли, пока не оказались в глубине острова за селением Лопта, что в местности Муасоло. Тут маленькие проводники, похоже, решили остановиться. Носильщики стали и принялись следить за птицами, но вскоре оказалось, что те не собираются садиться: полетав немного вокруг того места, они улетели прочь. А Моэа-уита и Ори-ваи велели носильщикам опустить гроб с телом сау на землю: ведь Рахо предупредил их, что в том месте, где птицы будут кружить над землей совсем низко, словно собираясь сесть, там и следует похоронить Туи-те-ротума.

Итак, ноша была опущена на землю, могила вырыта, и сау был похоронен в Муасоло. А Рахо еще сказал тем двоим такие слова:

— Местность, в которой будет похоронен Туи-те-ротума, будет давать богатые урожаи и кормить весь наш остров.

Так на Ротума появилось первое кладбище, и на этом кладбище первым был похоронен сау Туи-те-ротума [7]. Это кладбище находится в местности Муасоло, за деревушкой в Хуо-Лопта.

Когда все это было сделано, новым сау был провозглашен брат Туи-те-ротума, но который из двух — неизвестно.

Прошло совсем немного времени, и скончался Фанга-тарироа, муж Пэреанг-сау. Его тело отнесли в глубь острова, за селение Тангкороа, что в Малхаха, и там похоронили. Так появилось на Ротума второе кладбище.

Фанга-тарироа похоронили, а вскоре на Ротума приплыли мореходы с Самоа. Главным среди них был человек по имени Фило. Говорят, один знатный господин из числа приплывших остался здесь. Он поселился на Хатáна при Рахо. Звали этого человека Фуанофо. Со временем этот Фуанофо проникся любовью к Пэреанг-сау, жене покойного Фанга-тарироа. И Фуанофо взял Пэреанг-сау в жены; от них-то и пошли первые ротуманцы, в жилах которых течет самоанская кровь.

Фуанофо и Пэреанг-сау соединились, прошло время — оно было долгим, это время,— и наконец Пэреанг-сау родила сына, которому дали имя Така-лахо-лаки. Затем у супругов родился второй ребенок — мальчик, названный Туку-масуи. Потом у них родился третий сын, которого назвали Муамеа.

Рассказывают, что со временем, когда умерли старший и средний братья Туи-те-ротума, власть сау перешла к Така-лахо-лаки, сыну Пэреанг-сау от Фуанофо. Со смертью Така-лахо-лаки стал править средний брат — Туку-масуи. А когда и Туку-масуи не стало, сау был провозглашен младший брат — Муамеа.

Говорят, когда сау был Туку-масуи, знатные люди из Ноатау собрали целое войско и решили убить сау. Войско их выступило вперед, состоялось сражение, и победа досталась воинам сау. Воинам из Ноатау пришлось обратиться в бегство — так и не

удалось убить сау. Говорят, то было первое сражение, состоявшееся на этом острове.

А вот какой случай произошел при сау Муамеа. Один человек из Ноатау, по имени Моэа, взял в жены женщину из Малхаха. Звали ее Панаи. А потом — так говорят — она понравилась сау, и он уговорил ее оставить мужа, Моэа, и сойтись с ним. Панаи предала мужа и изменила ему с Муамеа. Говорят, то была первая измена на Ротума.

Что до Моэа, то он в глубокой печали вернулся в Ноатау и рассказал своим родственникам о том, что произошло с ним в Малхаха. Велика была его обида на Муамеа за то, что он сделал; велика была и любовь к ушедшей жене. Но делать было нечего — она предпочла сау ему, Моэа.

А Ханфакиу, сестра Моэа, сказала:

— Не горюй. Оставайся здесь, я же добьюсь для тебя того, чего ты хочешь. Но только не плачь, а то выходит, что ты, взрослый мужчина, ведешь себя совсем как маленький ребенок.

И вот что задумала эта женщина: жителям Ноатау пойти войной на Малхаха и убить сау Муамеа.

Ханфакиу скрылась в своем доме и там принялась себя душить. Так она умерла. Умершая Ханфакиу отправилась в округ Малхаха, чтобы встретиться там с женщиной-духом, атуа [8] по имени Пенуа. Шла она, шла и наконец добралась до того места, где обитала Пенуа. Пенуа сидела у себя. Повернувшись на звук шагов Ханфакиу, Пенуа увидела, как ужасен облик гостьи, и воскликнула:

— О Ханфакиу, что с тобой? Почему у тебя такой ужасный вид?! У тебя же глаза налиты кровью, а язык висит наружу!

В ответ Ханфакиу сказала:

— Я пришла к тебе по одному важному делу. Прошу тебя, будь так добра, не откажи мне, помоги.

Пенуа спросила, в чем же она должна помочь. На это Ханфакиу сказала:

— Я жажду смерти сау: только так я смогу отомстить ему за то зло, которое он причинил моему младшему брату.

И Пенуа велела ей:

— Ступай к дереву феси, что в Факпаре. Там лежит Тока-иниуа: он был сшиблен с ног ударом Рахо, а потом сааиту скрыл его от людских глаз под этим деревом, и он лежит там по сей день [9]. Так что ступай туда и смотри во все глаза: как сумеешь высмотреть большой палец его ноги, хватайся за этот палец крепко-крепко и сразу дергай — надо, чтобы Тока-иниуа тут же встал. Если это у тебя получится, то и твое желание исполнится.

И вот женщина пошла к месту, которое назвала ей Пенуа. Там она увидела холмик у самых корней дерева феси. Она долго высматривала и наконец смогла заметить большой палец ноги Тока-иниуа. Заметив его, Ханфакиу схватилась за него что было сил, резко дернула — и Тока-иниуа тут же оказался стоящим на ногах.

Женщина сказала ему:

— Отправимся в Ноатау, соберем войско и пойдем войной на Муамеа и его людей. Если мы выйдем победителями, тебе достанется округ Оинафа.

Тока-иниуа тотчас же ответил:

— Прекрасно! Спешим!

Прибыв в Ноатау, они собрали войско и двинулись с ним на округ Малхаха — на сау Муамеа с его людьми. Войско Ноатау возглавил Тока-иниуа.

Прибыв в Малхаха, они тут же вступили в бой с воинами этого округа, и бой продолжался до тех пор, пока не пал сау и победа не досталась войску из Ноатау.

Теперь право власти перешло к Ноатау; вернувшись в свой округ, жители Ноатау назвали сау из числа своих — им стал Риамкау из Савеа. Теперь наивысшие почести следовало воздавать Риамкау, новому сау. А Тока-иниуа получил округ Оинафа: вся земля от Ремоа, восточной оконечности Ротума, до скалистого берега между Хуо и Малхаха перешла во владение Тока-иниуа после победы в том сражении.

А с тех пор сау острова Ротума стали выбирать по очереди от каждого округа.

5. Сина-пуале-тафа и Сина-пуале-киаа

В одной деревне жили некогда муж с женой. Когда жена понесла, она спросила у мужа:

— Как мы назовем ребенка, который должен родиться?

Муж ответил:

— Вот когда ты родишь, тогда я и скажу тебе, как назвать ребенка.

Пришел положенный срок, и женщина родила дочь.

Муж вышел за порог дома, а в это время солнце уже садилось, но еще не наступила темнота. Муж вернулся в дом и сказал жене:

— Имя нашей дочери будет Сина-пуале-тафа, Дочь Яркого Света.

Через некоторое время, когда девочка уже немного подросла, женщина снова понесла. И она обратилась к мужу с тем же вопросом, что и прежде:

— Как мы назовем нашего ребенка?

Муж же сказал:

— Наберись терпения! Когда родишь, я скажу тебе, как его назвать.

Пришел положенный срок, у женщины начались схватки, и она снова родила девочку. Снова муж выглянул за порог дома, увидел, что солнце уже село, а на небе остался красноватый свет заката. Муж вернулся к жене и сказал:

— Имя этой девочки будет Сина-пуале-киаа, Дочь Заката.

Сестры росли вместе. Но в скором времени их мать умерла.

Отец похоронил ее перед домом, и на могиле выросло дерево хана. Прошло еще немного времени, и отца тоже не стало. Дочери похоронили его рядом с матерью, и на его могиле выросло второе дерево хана.

Вскоре оба дерева начали цвести. Девушки подбирали опадавшие цветы и делали себе из них ожерелья. А неподалеку был мыс, и на этом мысу стояла гробница Тинрау, одного давно умершего знатного человека, родственника великого вождя [1]. Атуа — дух этого Тинрау — пришел к сестрам и спросил их:

— Что это вы делаете?

Девушки переглянулись, но ничего не ответили.

Дух снова обратился к ним:

— Я спрашиваю, что вы делаете?

Сестры опять переглянулись, но ничего не ответили.

Тогда дух Тинрау сказал:

— Ну что ж, ждите меня завтра.

С этими словами Тинрау ушел, а дух отца этих девушек принял облик дряхлого-дряхлого старика, явился к сестрам и спросил у них:

— Не приходил ли к вам кто-нибудь в последнее время?

Сестры отвечали:

— Вот только что приходил приятного вида человек, несколько раз обращался к нам, но мы не стали отвечать ему. И он сказал нам, чтобы мы ждали его завтра.

На это дух отца сказал:

— Вот как! Ну что ж, давайте-ка собираться: мы с вами отправимся в путь, я скоро приду за вами.

А в то время там неподалеку жили два славных человека: одного звали Туи-рарупе, другого — Фасокони.

И вот этот атуа, дух отца осиротевших сестер, отправился к Туи-рарупе и Фасокони и спросил у них:

— Не замечали ли вы вон там чего-нибудь особенного?

— Знаешь ли,— ответили они,— в ясную погоду мы смотрели туда вниз и видели, что там мерцает какой-то красноватый свет.

Отец девушек сказал им на это:

— Так вот, знайте, что там живут две прекрасные девушки. Хотите ли вы соединиться с ними?

И оба мужчины ответили:

— Да.

Тогда старик вернулся к дочерям и сказал:

— Собирайтесь, да поскорее! Знайте, что красавец, только что приходивший сюда и говоривший с вами,— Тинрау, дух умершего родственника вождя. Он похоронен вон там, внизу, на песчаном мысе. Так что завтра он придет сюда, с тем чтобы съесть вас обеих.

Так старик отвел обеих девушек к тем женихам и отдал дочерей им в жены. Но вскоре оказалось, что Туи-рарупе и Фасокони — плохие мужья, дурно обращаются со своими женами и всячески обижают их. Тогда старшая сестра сказала младшей:

— Сестра, нам с тобой приходится сносить столько плохого! Видно, наши мужья совсем нас больше не любят.

Сина-пуале-киаа отвечала старшей сестре:

— Сестра, я думаю, что, раз ты старше, тебе и решать, что нам делать, как поступить.

— Давай превратимся в россыпь небесных звезд,— предложила Сина-пуале-тафа.

И они превратились в созвездия: старшая сестра стала созвездием Плеяд, Маленькими Глазами Небес [2], а младшая превратилась в Небесное Опахало [3].

6. Моэа-тикитики

Тангароа, главный аиту, жил на небесах. У него был сын Лу, а у Лу была жена по имени Мафи. Старшего сына Мафи и Лу звали Моэа-лангони, вторым их сыном был Моэа-мотуа. Во время третьей беременности у Мафи случился выкидыш. Лу взял плод и выбросил его в кусты.

Увидев все это сверху, Тангароа послал на землю ливень, который омыл плод и оживил его. А потом появилась птица веа, взяла младенца к себе в гнездо и там выкормила. И из выброшенного плода вырос здоровый и сильный мальчик. Птица рассказала ему, кто его родители и где они живут.

Однажды, когда малыш Моэа-тикитики бродил вокруг родительского дома, он увидел свою мать — и сразу убежал. А своей приемной матери, птице веа, он рассказал об этом. Веа велела ему назавтра снова пойти к родительскому дому и убежать, если кто-нибудь покажется; на третий же день Моэа-тикитики должен был прийти туда, остаться там и открыться родителям.

Моэа-тикитики сделал все, как было сказано. На третий день он открылся своим родителям, и радости их не было границ. Сразу же в земляную печь положили готовиться богатое угощение, устроили праздник, все были счастливы. Так Моэа-тикитики остался жить со своими родителями и двумя старшими братьями — Моэа-лангони и Моэа-мотуа.

Когда Моэа-тикитики подрос, ему стало любопытно, куда все время ходит его отец. И вот однажды он решил, что утром пойдет следом за отцом. Когда отец уснул, Моэа-тикитики привязал конец своей набедренной повязки к отцовской. Как только Лу встал, Моэа-тикитики тоже проснулся. Отец взглянул на сына, но тот вовремя притворился спящим. Тогда Лу развязал узел на набедренной повязке и ушел, решив, что это была просто детская шутка.

А Моэа-тикитики пошел следом за отцом. Он увидел, что в одном месте отец отодвинул камень, спустился под землю и снизу поставил камень на прежнее место. Немного подождав, мальчик пошел тем же путем и сразу увидел внизу земли Тонга, бескрайние земли, конца которым не было видно.

Прямо под его ногами была верхушка малайской яблони — по этому дереву и спустился вниз его отец. Моэа-тикитики тоже

спустился по этому дереву и, прежде чем сойти на землю, сорвал одно яблоко, оставил на нем след, подобный следу от клюва птицы, и бросил в отца. А отец стоял внизу под деревом и полол.

Яблоко полетело в Лу, да с такой силой, что он упал на землю. Поднявшись, он рассмотрел яблоко и решил, что это птицы клевали его, пока он полол внизу. Тут мальчик сорвал второе яблоко, оставил на нем след, подобный следу от клюва птицы веа, и опять бросил в отца. Отец снова без чувств упал на землю. Когда он пришел в себя, мальчик сорвал третье яблоко, надкусил его самым обычным образом и снова швырнул в Лу, который опять упал без чувств. Очнувшись, Лу заметил, что яблоко надкушено человеком. Лу поднял глаза и увидел, что на дереве сидит Моэа-тикитики.

Лу приказал сыну спуститься и принялся бранить его за то, что тот так провел его. Затем он послал Моэа-тикитики к одному дереву, чтобы тот срезал с него гроздь бананов. Это были бананы паримеа [1]. Вокруг грозди вились две большие птицы, не дававшие Моэа-тикитики срезать бананы. Моэа-тикитики убил этих птиц и вместе с бананами отнес к отцу. Отец же послал его за корнем кавы.

Мальчик нашел каву, и оказалось, что ее охраняют два огромных муравья-бульдога. С ними пришлось повозиться, но Моэа-тикитики в конце концов одолел их и убил.

Когда мальчик пришел к отцу с кавой, Лу твердо решил, что сын его должен умереть. И вот он послал его к старику, что жил неподалеку; мальчик должен был получить у этого старика огонь, а на этом огне они могли бы приготовить себе пищу.

Мальчик пришел к дому старика, но тот не дал ему огня. Они долго спорили и наконец решили, что им надлежит сразиться друг с другом: головня же пусть достанется победителю. Старик принялся кружить и трясти мальчика, потом подбросил его высоко-высоко, но мальчик благополучно приземлился на ноги и сам схватил старика. Теперь уже старику пришлось взлететь в воздух, и куда выше, чем до этого Моэа-тикитики. Итак, старик потерпел поражение и отдал головню мальчику. А еще старик сказал, что в будущем он еще поможет Моэа-тикитики и известит его об этом через птицу веа, приемную мать мальчика.

Когда мальчик вернулся к отцу и принес с собой огонь, Лу решил, что больше не стоит и пытаться погубить мальчишку: ничего из этого не выйдет. Они поели и отправились домой.

А вскоре все три брата вышли в море ловить рыбу. Раньше всех клюнуло у Моэа-лангони. Он попросил братьев угадать, какая рыба попалась к нему на крючок. Моэа-тикитики сказал, что это рыба каири [2], и оказался прав. А когда Моэа-мотуа подцепил рыбу на свой крючок, Моэа-тикитики тоже угадал, что это за рыба. На этот раз попалась акула.

Наконец Моэа-тикитики сам почувствовал: что-то попалось и ему на крючок. Братья стали гадать, что это за рыба, и тут Моэа-тикитики услышал с берега голос птицы веа. Он сразу

вспомнил про обещание того старика, сказавшего, что он еще поможет Моэа-тикитики. И Моэа-тикитики сказал братьям, что ему попалась не рыба, а земля — земля Тонга. И вот он вытащил Тонга из моря.

Тангароа, смотревший на все это с небес, страшно рассердился. Он забрал всех братьев на небо и превратил их в тупуа [3]. Эти тупуа и есть три звезды [4], стоящие на небе в ряд; когда-то они были людьми — Моэа-тикитики, Моэа-мотуа и Моэа-лангони.

7. Происхождение краснолистной драцены и гигантского таро

Говорят, жил когда-то в Оинафа, у горы Соллалонга, один человек. Он часто ходил на берег за рыбой, крабами, моллюсками — всем этим он и питался. Но он никогда ничего не ловил, совершенно не утруждал себя этим: он просто ждал прилива, а с наступлением прилива с рыбной ловли всегда возвращались тамошние женщины. У них-то и брал он себе любую рыбу, брал все, что ему приходилось по вкусу, и с этим шел к себе в Соллалонга. Так этот человек поступал всегда. Говорят, когда бы ни приставали к берегу рыбачьи лодки, он подходил или подплывал к каждой по очереди и брал все, что ему нравилось. Чем больше было лодок, тем лучше было для него.

А наверху, на небе, как раз над той местностью, находилось селение. Небесным жителям, наблюдавшим за тем человеком сверху, дела его очень не нравились. Вот однажды, когда целая вереница рыбачьих лодок отправилась в море, этот человек, как водится, явился на берег. Вскоре лодки вернулись в Оинафа, и этот человек занялся своим обычным делом: он плавал в своей лодчонке от лодки к лодке, у каждой лодки останавливался и брал себе часть улова.

Небесным жителям, в который раз смотревшим на это, стало очень неприятно. И тут они спустили вниз большой плоский камень и, водрузив на него этого самого человека, подняли его к себе на небо. Там они поселили его в одном из домов, строго-настрого приказав ему никогда не открывать в этом доме один проем [1]. А открывать этот проем нельзя было потому, что выход из него вел прямо на Соллалонга и, значит, приходился как раз над домом этого человека.

Но вот однажды, некоторое время спустя, этот человек все же решил узнать, что там, за запретной стеной. Он подошел к закрытому проему и увидел, что плетенка, заслонявшая его, лишь привязана веревкой. Рассмеявшись, он воскликнул:

— Можно подумать, что мне не под силу открыть это!

С этими словами он потянул веревку на себя, резко ее дернул, и плетенка тут же рассыпалась. Куски ее остались валяться на полу дома. Выглянув на миг из проема, этот человек увидел, что внизу стоит его собственный земной дом. Тогда он вышел из небесного дома и заметил, что тут же, совсем рядом с домом, растет

лала, краснолистная драцена. Он стал внимательно рассматривать ее: внизу, в Оинафа, ему никогда не приходилось видеть такое растение. Сорвав одну ветку драцены, он бросил ее вниз, к своему земному дому. Ветка полетела и воткнулась в землю перед самым домом. Собираясь уже уходить, этот человек вдруг заметил, что тут же растет еще и таро вара. Он принялся внимательно рассматривать и его, ведь ничего подобного этому гигантскому таро он не встречал у себя внизу, в Оинафа. Вырвав вара из земли, он и его тоже бросил вниз, к своему дому. Клубень полетел вниз и опустился на землю возле его кухонного дома [2]. А уж оттуда оба растения никуда не могли деться. Так они и остались там, на тех местах, куда упали с неба, прижились и с тех пор растут.

8. Эеатосо

Жили неподалеку от берега [1] две женщины, две сестры. Старшую звали Раки-тефуру-сиа, младшую — Сина-теароиа. А в Фоа жили два брата: старший — по имени Тити-мотера, младший — Тити-мотеао. Родителями этих братьев были Кау-нофеаки и Хафмеа, а через них братья восходили к двум банановым деревьям — сэе и парсика [2]; деревья эти приходились братьям дедом и бабкой [3]. Это были не простые банановые деревья, а деревья, в которых обитали духи атуа: предки братьев вселились в эти деревья после смерти.

Однажды братья повстречали девушек, тех, что жили неподалеку от берега; девушки понравились братьям, и они решили соединиться с ними. И вот уже родители тех братьев в сопровождении множества сватов отправились просить Раки-тефуру-сиа и Сину-теароиа в жены для своих сыновей. Сваты были радушно приняты родителями девушек, и вскоре состоялись две свадьбы: Раки-тефуру-сиа была выдана замуж за старшего брата, за Тити-мотера, а младший, Тити-мотеао, получил в жены Сину-теароиа. Когда свадебные торжества подошли к концу, молодые отправились в Фоа, туда, где жили братья.

Все четверо поселились там. Прошло немало времени, и у старшей пары родился сын. Его назвали Эеатосо. А у Тити-мотеао и Сины-теароиа не было детей.

Главным занятием обоих братьев был рыбный промысел. Говорят, что всякий раз, когда они возвращались с рыбной ловли, их женам надлежало относить часть добычи в дар Кау-нофеаки и Хафмеа, родителям братьев [4]. Одаривать частью улова свекра и свекровь должны были обе женщины, но на самом деле было не так. Сина-теароиа действительно всегда носила свежую рыбу родителям мужа, Раки-тефуру-сиа же, хоть и выходила из своего дома в путь с рыбой, никогда не добиралась с нею до дома свекра и свекрови. Неизвестно, что делала она по дороге с этой рыбой: может, съедала ее сама, а может, выбрасывала.

Итак, предками братьев были два банановых дерева. Отправляясь на рыбный промысел, мужья всегда наставляли своих жен,

строго-настрого запрещая им притрагиваться к двум большим кистям бананов, что висели на тех деревьях. Но напрасно мужья ни разу не удосужились объяснить своим женам, откуда взялся такой запрет, не сказали им, что речь идет не об обыкновенных деревьях, а о деревьях, над которыми властвуют атуа, их предки. Скажи они это, женщинам бы все стало совершенно ясно.

Однажды братья, по обыкновению, отправились ловить рыбу в открытое море, а женщины в их отсутствие залюбовались теми чудесными банановыми гроздьями, что росли на запретных деревьях. Сестрам ужасно захотелось именно этих бананов. И одна из них предложила сорвать бананы, а другая согласилась, сказав при этом:

— Конечно! Отчего же нам не сорвать их, если так хочется попробовать? Мало ли что еще вздумают запрещать нам наши мужья!

И женщины сорвали бананы, прогневав и оскорбив этим предков своих мужей. Бананы они положили готовиться в нагретую земляную печь [5], а черенки, на которых висели банановые гроздья, выбросили в воду.

В это самое время мужья их рыбачили неподалеку от двух островков, что лежат на запад от Ротума, и вдруг увидели: по воде плывут два банановых черенка. Они тотчас узнали в них те самые черенки, на которых висели запретные банановые гроздья у них в Фоа. Посовещавшись, мужчины решили плыть домой: стало ясно, что их жены нарушили запрет.

Женщины же дали бананам приготовиться в земляной печи, открыли ее и стали ждать мужей. Вот уже ночь спустилась на землю, вот уже луна показалась в небе, а мужья все не возвращались. Наконец женщины устали ждать, взяли приготовленные в печи бананы, поднялись на ближний холм, уселись там на камень и принялись за еду. Но им очень хотелось добавить к бананам чего-нибудь более основательного. Рассказывают, что одна из сестер заметила:

— Чего явно недостает в нашей трапезе и чего очень хочется, так это птичьих яиц с прибрежных скал. Они бы замечательно подошли к нашим бананам.

Не успела она договорить, как снизу, из-под камня, послышался голос:

— О, даже самый скверный лист лепа [6] был бы мне недурным ужином!

Женщины услышали это и тут же вспомнили о запрете — том самом, про который столько раз напоминали им их мужья. Обе вскочили и со всех ног побежали домой, туда, где всегда спали. Страху их не было предела: они уже ждали, что в отсутствие мужей произойдет с ними какое-нибудь ужасное несчастье.

Раки-тефуру-сиа с Эеатосо на руках летела к своему дому; следом за ней к своему спешила Сина-теароиа. Едва каждая успела добраться до своего жилья и лечь, как послышался жуткий, наводящий ужас шум. Он раздавался у самого порога дома,

где жила Раки-тефуру-сиа. Подняли этот шум те самые атуа, предки ее мужа: они пришли погубить и Раки-тефуру-сиа, и ее сына.

— Кто там? — спросила Раки-тефуру-сиа.

Атуа, стоявшие у самого порога, ответили:

— Ах, ты еще и спрашиваешь, кто там! Сейчас узнаешь! Немного осталось тебе ждать, совсем немного. Сейчас мы мигом расправимся с тобой.

Тут атуа ворвались в дом, схватили бедную женщину, разорвали ее пополам, кровь ее вылили в халава [7], принадлежавший ее мужу Тити-мотера, а разорванное на куски тело проглотили. После этого они накинулись на Эеатосо, его тоже убили и мигом съели. Только потом ушли атуа из этого дома.

Сина-теароиа же осталась в живых, ее не тронули: ведь она никогда не забывала относить часть улова Кау-нофеаки и его жене, своим свекру и свекрови. И значит, Раки-тефуру-сиа и ее ребенка погубили сразу два проступка: во-первых, она всегда пренебрегала своим долгом невестки, а во-вторых, вместе с сестрой посягнула на запретные банановые гроздья. Вот за все это атуа и съели ее и ее сына.

Тем временем мужья наконец вернулись с промысла. Подойдя к дому, Тити-мотеао окликнул свою жену; она отозвалась, и он велел ей принести халава. Жена подала ему сосуд, он вылил из него воду на себя, умылся и вытерся.

Тити-мотера тоже подошел к дому и тоже позвал жену, но ответила ему не она, а атуа. Муж сказал:

— Подай-ка мне сосуд с водой.

Атуа немедленно подал ему халава. Вылив на себя его содержимое, Тити-мотера сразу почувствовал запах свежей крови. Он спросил:

— Э, что это такое?

— Что это такое, спрашиваешь! — вскричал в ответ атуа.— Ну погоди, сейчас я доберусь и до тебя!

Мигом прыгнул атуа на несчастного Тити-мотера, разорвал его на две части и проглотил.

А другие супруги, младшие, слышали все, что происходило в соседнем доме. Сина-теароиа сказала мужу:

— Нам надо сейчас же, пока есть еще время, бежать отсюда на берег. Ведь если мы здесь останемся, нас тоже съедят.

В ответ на это муж воскликнул:

— Конечно! Бежим же скорее!

Они вскочили и пустились бежать по направлению к родной земле Сины-теароиа — туда, где они жили с сестрой до замужества. Жена бежала впереди, муж — следом за ней. На бегу женщина приказала:

— Обернись и посмотри, видны ли еще наши дома в Фоа.

Оглянувшись, муж не увидел домов и сказал:

— Дома наши уже далеко, они совсем скрылись из виду.

Тогда женщина решила:

— Это место будет теперь называться Римаомао, Дома Далеко.

Но все же они не остановились там, а продолжали бежать и бежали до тех пор, пока бедная женщина совсем не обессилела. Наконец она сказала мужу:

— Я думаю, теперь мы уже в безопасности. Можно остановиться и передохнуть немного.

Они присели отдохнуть, и женщина сказала мужу:

— Это место будет называться Аофноа, Привал.

А в Раэсеа, что в Феаваи, жил один человек, родом из чужих краев. Говорят, он был тонганец. Это был человек большой доброты. В то самое время он как раз гостил на Уэа. И вот в утренний час, когда бежавшая из Фоа пара остановилась на привал в Аофноа, он тоже оказался там. Так они встретились.

Тонганец спросил супругов, откуда они. Те ответили доброму человеку:

— Мы бежали из Фоа, боясь гнева наших предков, который они были готовы обрушить на нас.

И они рассказали ему, как духи атуа съели тех — старших мужа и жену. На это тонганец сказал:

— Вот оно что! Ну теперь вам нечего бояться: я берусь вам помочь. Идемте, я покажу вам хорошее место, где вы сможете поселиться.

Они вышли на берег, а оттуда добрый тонганец повел их в Мутиа. Там он сказал:

— Вот готовое основание для вашего будущего дома [8]. Оставайтесь, живите здесь. Мне же тогда будет совсем просто присматривать за вами и охранять вас от врагов.

Супруги поставили себе новый дом в Мутиа, а тот добрый человек поднялся немного выше — дальше от берега — и поставил себе дом на мощном каменном основании. Дом его стоял у самой дороги, так что ни одному атуа не удалось бы так просто проникнуть к супругам в Мутиа.

Муж и жена зажили в Мутиа, и Тити-мотеао вернулся к своему привычному делу — снова стал ловить рыбу. Всегда, когда на море было тихо, он брал сети и выходил на промысел. Так прожили супруги немало времени, и наконец жена понесла. В положенный срок родился у них сын, которого назвали Эеатосо. Вскоре женщина снова забеременела и родила дочь, которую назвали Ракитефуру-сиа. Дети получили эти имена в память о несчастной женщине и ее сыне, загубленных атуа в Фоа.

Однажды Тити-мотеао, как всегда, отправился ловить рыбу, а Сина-теароиа, сидя дома, занялась выделкой луба. Едва Тити-мотеао закинул свой невод, как на его лодку напала огромная рыба. Она разом потопила лодку и сожрала несчастного Тити-мотеао. Уцелел один только надколенник. Этот-то надколенник и достиг дома, где жили супруги.

Перед входом в дом стояла какая-то посудина с водой; надколенник плюхнулся в нее и стал там плескаться, да так шумно, что звук дошел до женщины, сидевшей в доме за работой. Услышав плеск воды, женщина решила посмотреть, в чем дело, но

надколенник ловко выскочил из воды и мигом оказался в углу дома — там были сложены циновки для сна [9]. Он так быстро спрятался под одну из циновок, что женщина не успела ничего заметить. Она вернулась к своей работе, а надколенник покинул новое укрытие и опять принялся плескаться в воде. Женщина снова пошла взглянуть, что же там такое, а надколенник выпрыгнул из воды и вновь подкатился под одну из циновок. Тут уж Сина-теароиа стала внимательно искать на полу и наконец увидела надколенник — один только надколенник, явно принадлежавший человеку. Тогда она поняла, что муж ее погиб и что подстроено это атуа.

Сина-теароиа тотчас решила бежать: было ясно, что, если она останется, ее тоже съедят. Она вскочила и бросилась на берег, туда, где обычно стояли лодки. Там она прыгнула прямо в воду и быстро поплыла к Ротума.

А ее дети остались вдвоем играть возле покинутого ею дома. Им обоим было совершенно неведомо, что мать бросила их и уплыла на Ротума.

Сина-теароиа тем временем плыла не останавливаясь. Вот уже Хауа скрылся из виду — за тем мысом, что близ Ропуре. Тут только она обернулась, бросила взгляд на Уэа, горько заплакала о своих покинутых детях и сказала:

— Отныне это место будет называться Оунга, Рыдания.

И она поплыла дальше, а достигнув Лулу, вышла на берег. Но она не знала, что в тех местах тоже водились атуа. Там было десять атуа, и у всех было разное число голов: у первого атуа была одна голова, у второго — две, у третьего — три, и так в строгом порядке — до десятого атуа, у которого было десять голов [10].

Эти атуа объявили Сине-теароиа, что они сейчас съедят ее. Женщина стала молить их о пощаде и сама посоветовала им отправиться на Уэа и съесть там обоих ее детей, оставив ее за это в живых. Атуа согласились:

— Хорошо, если так — ступай.

Женщина тут же отправилась в Мафтоа; она шла туда вдоль берега, шагая по прибрежным скалам. Так она достигла Фаниуа, а оттуда двинулась в селение, что в местности Таркеи. Там, в Таркеи, она и решила обосноваться. И там она вышла потом замуж — за человека по имени Джаомаджа.

[А тем временем на Уэа происходило следующее.] Тот добрый тонганец увидел, что дети продолжают играть, даже не подозревая, что их мать бежала прочь и оставила их совсем одних. Он пошел к сироткам и сказал:

— У вас больше нет родителей, вы остались совсем одни.

Дети стали расспрашивать его, где же их родители, что с ними случилось. Добрый человек отвечал им:

— Когда ваш отец вышел в море на промысел, его целиком проглотила громадная рыба. От него остался один только надколенник, который сейчас здесь, в вашем доме, под одной из циновок. А ваша мать, поняв, что означает смерть вашего отца, в испуге

бежала на Ротума. Так что теперь вы остались вдвоем и вам не на кого рассчитывать.

Услышав эти слова, дети стали молить его о сострадании и о помощи. Наконец тот человек сказал:

— Ну хорошо! Ведь это я привел ваших родителей жить в эти места, я обещал помогать им и присматривать за ними. Теперь же, когда их уже нет здесь, я должен присматривать за вами, их детьми. Идите сейчас в дом, там в одной из циновок спрятался надколенник вашего отца. Эту самую циновку вы должны взять и вынести из дома. Один будет держать ее за один край, другая — за другой. Смотрите же будьте осторожны и внимательны: надколенник начнет спрашивать вас, куда вы его несете. На это вы ответите, что, желая угодить ему, решили пойти с ним прогуляться. Сами же идите на вершину вон той прибрежной скалы. Оттуда кинете надколенник прямо в море.

Дети пошли в дом и сразу обнаружили надколенник: в том месте, где он лежал, верхние циновки топорщились. Крадучись, подобрались они к нему, брат взялся за один край циновки, сестра — за другой, они подняли циновку и собрались вынести ее из дома. Тут с циновки раздался голос — надколенник спросил:

— Ну-ка, дети, куда это вы меня несете?

Дети ответили:

— Нам хочется хоть немного развлечь тебя, вот мы и решили пойти с тобой погулять.

И, держа циновку за края, дети забрались на вершину прибрежной скалы, раскачали циновку и прокричали:

— Поднимайся, поднимайся выше, лети-и-и!

С этим возгласом они бросили надколенник вниз, он с шумом упал в воду, а дети пошли к себе домой.

В глубине того острова жил уарепа [11]. Он решил съесть несчастных детей. Однако добрый тонганец успел предупредить их о замысле уарепа, он пришел к детям и сказал:

— Завтра ступайте к каштановому дереву, что растет возле логова уарепа. Залезайте на него и трясите — надо натрясти как можно больше каштанов. Когда натрясете гору каштанов, соберите их и заполните ими дупло этого самого дерева. Затем положите рядом с деревом большую циновку и скорее прячьтесь неподалеку. Через некоторое время явится сам уарепа, наестся досыта ваших каштанов, и тут вы предложите ему лечь отдохнуть на вашу циновку. Как он уляжется, скорей тащите его сюда, на берег.

Дети пошли к указанному каштану и пришли туда как раз тогда, когда уарепа где-то бродил. Они забралились на дерево и принялись трясти его. Натрясли множество каштанов, собрали их, забили ими дупло и быстро спрятались. Вскоре появился сам уарепа; он сразу оценил увиденное им: все дупло было забито каштанами, которые дети успели натрясти с дерева. Не раздумывая уарепа набросился на угощение.

Он ел не останавливаясь, и наконец не осталось ни одного

каштана. Тут дети вышли из своего укрытия, показались уарепа, и он сказал:

— Благодарю вас. Вы сумели так угодить мне! Я никогда еще столь сытно не ел.

А дети расстелили приготовленную циновку и сказали уарепа:

— Ложись на циновку, мы отнесем тебя на берег, и там ты сможешь хорошо отдохнуть.

— Благодарю вас,— ответил дух,— это будет просто замечательно.— И он улегся на циновку.

С этой тяжелой ношей дети отправились на берег. Они достигли скалы Мосеанга Хити, Необыкновенное Ложе, и оттуда скинули чудовище в море. Так наступил его конец.

Вскоре снова пришел к детям тот добрый и сердечный человек из Раэсеа и сказал:

— Мне очень жаль, дети, но ничего не поделаешь: ваша мать, покинувшая вас, навлекла на вас новое несчастье. Две беды миновали вас, но теперь грядет третья.

Дети стали умолять его:

— О благородный господин, пусть так, только пожалей нас, помоги нам!

Он отвечал:

— Хорошо, я не оставлю вас и на этот раз. Слушайте же меня. Ваша мать предала вас многоголовым атуа из Лулу. И теперь они собираются сюда, чтобы съесть вас. За это только они и оставили ее в живых. Вот какой ценой удалось ей отделаться от атуа. Она отправилась в Мафтоа, сейчас она живет там. Да, она сохранила себе жизнь, а вас выдала атуа — на верную смерть. Вы должны погибнуть, она же останется жить. Но все же не бойтесь: я научу вас, как избежать смерти.— И он стал наставлять их:

— Возьмите два деревянных барабана — по барабану каждому. Потом пусть каждый возьмет по курице с выводком цыплят — их надо крепко привязать, чтоб не убежали. Потом найдите две витые раковины [12] и отыщите веревки, из которых ваши родители плели свои сети и неводы. Как только сплетете низ сети, сразу подвесьте к нему грузила из раковин тутуре [13], а потом без передышки плетите сеть дальше. Ведь одно из этих чудовищ уже собирается сюда за вами.

— Спасибо тебе за твою доброту,— поблагодарили его дети.— Мы сейчас же примемся за дело.

И они бросились на поиски всего того, что назвал им этот добрый человек. Наконец все было найдено и собрано, и тогда они позвали своего советчика: он должен был сказать им, что же со всем этим делать. Он велел детям:

— Все сложите вот здесь, а сами садитесь в доме и начинайте плести сеть. Когда атуа появится, он сразу спросит, что вы делаете. Отвечайте ему на это: «Мы плетем сеть, чтобы поймать и засадить в нее многоголовых атуа из Лулу». Он разозлится на вас за эти слова и кинется к вам. Вот тут смотрите будьте внимательны: как только атуа к вам бросится, хватайте сеть и трясите ее, чтобы

раковины погромче застучали одна о другую. Еще бейте в свои барабаны и трубите в раковины. Тут как раз и куры ваши должны закудахтать во весь голос. Все это до смерти напугает атуа, и он убежит. Так вы останетесь целыми и невредимыми.

Детям очень понравилось все, что придумал этот добрый человек. Они сделали, как он велел, и, не зная ни сна ни отдыха, принялись плести сеть. Через некоторое время их спаситель снова пришел к ним и сказал, что первым на Уэа явится атуа с одной головой и что ждать его надо завтра.

Наступило утро следующего дня, и дети со всем тщанием приготовились к появлению атуа.

Прошло совсем немного времени, и они увидели, как к ним по воздуху стремительно приближается атуа. Вот уже бедные сироты услышали шум над своим домом, еще немного — и атуа, совершенно обессилевший от полета, оказался на земле, у порога их дома.

Отдышавшись, ужасное существо спросило:

— Ну-ка, дети, скажите, чем вы занимаетесь?

Они отвечали:

— Да вот, плетем сеть, хотим поймать в нее одноглавого атуа из Лулу.

Услышав такой ответ, атуа вскричал:

— Ах так! Ну ладно, сейчас я вам покажу!

Тут дети ударили в барабаны, застучали грузилами — раковинами тутуре, задудели в витые раковины. Куры, вторя им, громко закудахтали.

Услышав все эти страшные звуки, атуа очень испугался, разогнался, с шумом поднялся в воздух и улетел обратно в Лулу.

А там его уже ждали девять его братьев. Увидев, что одноглавый атуа возвращается один, без добычи, они стали спрашивать его:

— Почему ты один, где же дети?

Атуа рассказал:

— Я встретил там страшный прием. Ничего подобного я в жизни не видел и не слышал. Боюсь, что, если эти дети всех встречают так, как меня, нам их никогда не захватить. Они до того меня напугали, что я с ними ничего не мог сделать.

Тут выступил атуа с двумя головами и сказал:

— Ты слишком нежен и робок! Ждите меня здесь, братья. За детьми отправлюсь я, и скоро вы увидите их, а потом мы их съедим.

— Вот такие слова приятно слышать,— сказали восемь других атуа.

А одноглавый атуа тихонько пробормотал:

— Отправляйся, отправляйся, сам увидишь, что это такое, и вернешься, как и я, ни с чем.

Итак, атуа о двух головах вскочил и понесся по воздуху на Уэа. Вскоре дети услышали над своей крышей шум, а затем увидели и самого атуа — духа с двумя головами. Он немедля обратился к ним:

— Дети, а дети, чем это вы занимаетесь?

— Да вот, плетем сеть, хотим поймать в нее двухголового атуа из Лулу,— отвечали дети.

Услышав такой ответ, атуа вскричал:

— Ну погодите, сейчас я вас съем!

Он бросился в дом, но в проходе была уже натянута сеть, и он запутался в ней.

А дети забили в барабаны, затрясли грузилами сети — раковинами тутуре; во весь голос стали вторить им куры. Атуа насмерть перепугался, взмолился о пощаде, стал отчаянно выпутываться из обвившей его сети, наконец освободился и стремглав помчался обратно в Лулу.

Когда он прибыл туда, одноглавый атуа поднял его на смех: хвастуну не удалось захватить детей, хоть он и обещал это сделать. Все другие атуа стали расспрашивать двухголового, что же произошло. Двухголовый отвечал:

— Боюсь, что, даже если мы все по очереди перебываем на Уэа, нам не удастся захватить этих детей. У них там что-то непостижимое, ужасное.

Тут выступил атуа с тремя головами:

— От меня они не уйдут. Вы и оглянуться не успеете, как я уже буду здесь вместе с этими детьми. Начинайте-ка готовить печь, пусть разогреется к моему возвращению.

С этими словами трехголовый поднялся в воздух и полетел на Уэа. Опустившись на крышу дома, в котором жили дети, он спросил их:

— Дети, чем это вы там занимаетесь?

Дети отвечали:

— Да вот, плетем сеть, хотим поймать в нее трехголового атуа из Лулу.

Атуа воскликнул:

— Замечательно! Вы плетете сеть, чтобы поймать меня, а я сам унесу в ней вас, и сейчас же!

Но тут дети подняли такой же шум, как при появлении тех двух атуа. Заслышав страшные звуки, трехголовый атуа мигом бросился прочь и умчался к себе в Лулу.

То же самое было и со всеми остальными атуа: все они по очереди перебывали на Уэа, и всех ждало там одно и то же. Так им и не удалось захватить брата с сестрой.

Наконец, когда все кончилось, добрый человек из Раэсеа вновь пришел к детям и сказал им:

— Вот теперь все хорошо. Все несчастья, о которых я знал и о которых предупреждал вас, миновали. Жизнь ваша наконец в безопасности. Оставайтесь здесь, живите спокойно, я останусь на своем прежнем месте и буду присматривать за вами, как прежде.

И дети остались жить на Уэа. Но участки, на которых трудился Эеатосо, были в Лулу. Туда приходилось ему плавать, чтобы возделывать землю, чтобы собирать урожай.

Всякий раз, когда брат уплывал в Лулу, Раки-тефуру-сиа, готовясь к его возвращению, пекла птицу, собирала плоды и коренья, жевала каву для вечерней трепезы. Так было всегда, когда Эеатосо отправлялся в Лулу.

Во время своих плаваний в Лулу юноша был замечен сверху небесными жителями, и они решили спуститься за ним на землю: ему надлежало подняться на небо.

Вот однажды Эеатосо отправился в Лулу возделывать свои земли. День был уже на исходе, и Раки-тефуру-сиа, зная, что брат скоро должен вернуться, уселась готовить каву, а сама при этом то и дело поглядывала, не плывет ли лодка Эеатосо.

Она обычно спускалась к берегу и помогала брату причаливать, а потом выгружать лодку.

Вот наконец показалась лодка, вот уже юноша достиг знакомой бухты, и тут сестра увидела, что на прибрежном утесе Кама стоят какие-то три человека и что они собираются помочь Эеатосо причалить. Девушка решила: если так, ей не надо спускаться к брату. Она встала и принялась наблюдать за этими людьми. Они ухватились за край лодки, придержали ее, Эеатосо уже собрался выйти на берег, но они неожиданно столкнули лодку на воду, впрыгнули в нее и все вместе, с Эеатосо, поплыли прочь, в сторону мыса Ура.

Девушка успела заметить, что брат даже не повернулся в ее сторону, не взглянул на нее. Она по-прежнему не сводила с него глаз, но вскоре уже видела только спины гребцов. Тогда Раки-тефуру-сиа стала звать брата, стала причитать:

Эеатосо! Эеатосо!
Вернись испить кавы, она процежена!
Готов к каве ямс, готова к каве птица!
Вернись выполоскать рот у тростника матаноно [14]!

Эеатосо опустил весла и прокричал сестре:

О Раки-тефуру-сиа!
Ты остаешься одна, прощай!
С неба пришли за мной, с неба,
Но не знаю я даже,
Зачем на небо меня уводят...

Бедная девушка поняла наконец, что брат уплывает навсегда, оставила свою каву и бросилась вслед за лодкой. Она долго бежала вдоль берега, пытаясь нагнать лодку, но те четверо по-прежнему оставались далеко впереди. И Раки-тефуру-сиа стала снова звать брата:

Эеатосо! Эеатосо!
Вернись испить кавы, она процежена!
Готов к каве ямс, готова к каве птица!
Вернись выполоскать рот у тростника матаноно!

Брат же прокричал ей в ответ:

О Раки-тефуру-сиа!
Возвращайся назад и прощай!
С неба пришли за мной, с неба,
Но не знаю я даже,
Зачем на небо меня уводят...

Девушка посмотрела: гребцы по-прежнему удалялись и удалялись от нее... Снова побежала она догонять лодку. Через некоторое время ей удалось почти поравняться с лодкой, и она стала снова звать брата. Он же опять умолял ее вернуться домой. Но теперь девушка уже видела: еще немного — и ей удастся освободить Эеатосо. Последнее усилие — и она бросилась за братом и его спутниками на гору Сарафуи. Те четверо были уже высоко: они успели достичь вершины Сарафуи, тогда как бедная девушка только начала свое восхождение. Изо всех сил карабкалась она вслед за ними. Вот уже с вершины горы им стало видно, как она упрямо лезет вверх. Но тут как раз все четверо вошли в сеть, приготовленную для них на вершине горы. Девушка принялась кричать, звать, брат успел крикнуть ей слова прощания — и сеть медленно поплыла вверх, в небесный край.

Несчастная девушка села на вершине горы и зарыдала. Рыдая, она уперлась пяткой в землю, и под ее пяткой в земле образовалась ямка. Она так долго сидела, упершись пяткой в землю, что в конце концов получилось что-то вроде маленького колодца. Этот колодец вместил в себя все ее слезы.

Раки-тефуру-сиа решила не возвращаться домой. Она осталась на Сарафуи и там, на том самом месте, где сидела, встретила смерть. Тело ее осталось совершенно целым, таким, как при жизни, и поэтому казалось, что она сидит живая.

Эеатосо же достиг неба и оказался в прекрасном краю, до того прекрасном, что невозможно и описать. Там его поселили в одном доме. Из нескольких дверных проемов этого дома один, плотно закрытый, открывать было строжайше запрещено [15]. Но однажды, когда Эеатосо остался в доме совсем один, ему очень захотелось посмотреть, что же там, за запретной циновкой. Юноша растворил дверной проем и увидел внизу Сарафуи и на вершине горы сестру. Выйдя из дома, юноша осмотрелся по сторонам и заметил растущий поблизости краснолистный маиро [16]. Он отломил одну веточку и бросил вниз, к ногам сестры. Веточка упала прямо перед сидящей девушкой, но она даже не пошевелилась. Тогда Эеатосо сорвал побег бамбука эфу [17] и тоже бросил вниз, но девушка и на это не обратила внимания. Эеатосо сорвал плод пандануса и бросил его к ногам сестры, но девушка и его не заметила. Вырвав из земли огромный клубень таро (это было, кстати, таро папаи [18]), он бросил его вниз, но сестра и тут даже не пошевелилась. Тогда юноша наконец понял, что сестра его мертва.

Сев у порога дома, Эеатосо зарыдал. Люди вернулись и застали его в слезах у запретного проема.

Они стали корить его:

— Разве не запрещали мы тебе выглядывать из дома с этой стороны? А ты все же ослушался.

Но в конце концов они согласились спустить его вниз, на гору, и приготовили все необходимое для этого. Юноша был отправлен на Сарафуи, бросился к телу сестры, обнял его, и в его объятиях сидящая девушка рухнула, рассыпалась в прах.

Юноша долго и неутешно горевал по сестре, но потом все же вернулся на небо и остался там жить. А все то, что он кидал с небес к ногам сестры,— все эти растения, все до единого, пустили корни на нашей земле. С тех пор и до наших дней растут они на Уэа.

9. Орои

Наши предки верили, что Орои, Невидимый Край,— это то место, куда после смерти попадают люди. Они верили, что после смерти, после того как тело умершего относят на кладбище, дух его — ата [1] — отправляется на четыре дня в Орои. На пятый день он возвращается на землю, чтобы взглянуть на оставленное тело. Говорили, что, придя на кладбище, он находит свое тело, видит, что оно начало разлагаться, и тогда навеки уходит в Орои.

Издавна Орои был далеким пристанищем, где жили атуа. Находился же Орои не на суше, нет. Отцы говорили, что он был скрыт в пучине моря. Рассказывали, что в том краю есть много разных местностей и каждая носит свое название. У жителей Ноатау был там свой предел, у умерших из Оинафа — свой, у всех других жителей Ротума — свои [2].

Еще отцы рассказывали, что жилища атуа стояли прежде и здесь, на берегу; значит, не все их жилища находились под водой. Но считалось, что жилища атуа, стоящие на берегу, не принадлежат Орои. Это были просто жилища других духов, и было принято говорить: вот там живет атуа, и там, и вон там. Все эти жилища называли по именам тех селений, вблизи которых они стояли. А еще говорят, что в былые времена некоторые селения, находившиеся в Орои, вдруг всплывали над поверхностью моря. Да, так это было, и люди твердо знали это, верили в это. Порой людям даже удавалось увидеть, как поселки всплывают над поверхностью воды, а потом снова уходят под воду.

10. Тону-ава

На островке Солкопе, что к югу от округа Пепсеи [1], по вечерам появлялся атуа из Орои, Невидимого Края [2]. Звали этого атуа Мата-вао. Он обыкновенно появлялся на берегу в то время, когда дети играли там на песке. Однажды вечером Тону-ава из Пепсеи подошел к атуа и пригласил его к себе на ужин. Мата-вао согласился.

За ужином Тону-ава заметил, что от каждого блюда Мата-вао брал совсем немного — только попробовать. Разговаривая с атуа,

Тону-ава сказал, что хотел бы побывать в Орои. Мата-вао пригласил его в Орои, но сказал, что там Тону-ава увидит много необычного; к тому же, когда на Ротума день, в Орои — ночь. И вот они договорились, что в назначенную ночь Мата-вао примет гостя в Орои.

В положенный вечер Мата-вао прибыл на островок, когда там по обыкновению играли дети. Потом они поужинали и отправились в путь. К рассвету они достигли деревни Самоа [3], что близ Мотуса, а когда рассвело, они были в деревне, что в Руахау [4]. Там недалеко от берега коралловый риф, по которому они и двинулись в море. Мата-вао велел Тону-ава ступать точно по его следам. Дойдя до края рифа, они нырнули в воду. Тону-ава схватился за руку Мата-вао, и Мата-вао приказал ему не издавать ни звука, когда они прибудут в Орои.

Наконец они прибыли туда. Мата-вао мог и не предупреждать Тону-ава о том, что надо молчать: Тону-ава не в силах был произнести ни звука, и волосы у него стали дыбом от страха.

Они достигли центра селения. Там стоял дом вождя, а по обе стороны от него — дома знатных жителей. В один из этих домов Мата-вао и повел своего гостя. Тону-ава заметил, что под потолком дома были сделаны полки и эти полки ломились от еды [5]. Мата-вао же сказал, что еда эта набралась здесь за то время, пока его не было: ведь где бы он ни находился, ему все равно приносили положенную долю пищи.

Они разговаривали допоздна, а потом Мата-вао отвел гостя наверх. Тону-ава оказался довольно высоко и из окошка мог хорошо рассмотреть местность. Утром Тону-ава было велено оставаться там, где он спал, не показываясь никому на глаза. Прошло немного времени, и Тону-ава услышал страшный шум: приближалась какая-то большая толпа. Тону-ава разобрал, как атуа выкрикивают имена ротуманцев, многих из которых он знал. Потом появились еще какие-то атуа, потом еще, и вот уже Тону-ава услышал, как выкрикивают имена его родственников и имя его близкого друга — Рафаи из округа Джуджу.

Тону-ава спросил у Мата-вао, в чем дело, и тот сказал, что всякий раз, когда на Ротума ночь, атуа из Орои отправляются туда искать людей, в тела которых они могли бы переселиться. Завладев таким человеком, дух возвращается в Орои, а его жертва вскоре прибывает за ним следом. И теперь скорая смерть ждет Рафаи и всех названных: их духи уже здесь, в Орои.

После этих слов наступило молчание. Выглянув на улицу, Тону-ава заметил, что уже наступила ночь. И кстати, день и ночь не так уж сильно различались в Орои: ночь была не слишком темной, а день не был таким ярким и светлым, как на Ротума.

В конце концов Тону-ава вернулся домой, прихватив с собой из Орои полку, неизвестный до тех пор на Ротума сахарный тростник атуанасу [6], петуха и курочку.

11. Атуа по имени Куре

Жил в округе Ноатау злой атуа. Однажды ему стало известно, что все жители Ноатау собираются на празднество в Саукамо [1], деревню, где тогда жил сау. И вот Куре — так звали этого злого атуа — тоже отправился на торжество: пошел туда вместе со всеми жителями Ноатау. А те и не подозревали об этом: ведь он был атуа.

По окончании торжеств все жители Ноатау вернулись домой, а Куре остался, вселившись в одну из свиней. А потом он нашел там одну женщину и возымел власть над ней. Ведь этот атуа делает так: если ему встречается какая-нибудь женщина, он превращается в мужчину и в облике мужчины отправляется к той женщине, чтобы на ней жениться; если же ему встретится красивый мужчина, он обращается в женщину, и мужчина женится на этой женщине. Так вот, он принял облик человека и женился на той женщине, возымев над нею власть. Скоро все стали спрашивать, не мучит ли ее хворь. Но она не могла этого понять.

Тогда спросили об этом у апе-аиту [2]. И он сказал, что во всем виноват Куре, злой атуа из Ноатау. И апе-аиту велел вождю Риамкау [3] назвать место, где Куре следует поселиться. Только тогда та женщина могла бы поправиться. Риамкау принял решение: Куре должен поселиться в колодце, который находится в Ут-хета [4]. Вот так к женщине вернулось здоровье. Куре же с тех пор стал жить в колодце, что в Ут-хета.

Если кому-то из местных жителей случится найти на берегу мертвую рыбу, есть ее нельзя, ни за что нельзя. Если тело рыбы нигде не повреждено, ее нельзя есть, потому что на самом деле эта рыба не мертвая: в нее вселился Куре, злой атуа. Тот, кто съест подобную рыбу, найденную на берегу, сам умрет. Куре умеет оборачиваться змеей, а еще умеет принимать облик любой рыбы. Этот Куре — атуа, дух давно умершего человека [5].

12. Две акулы

В Факпои, неподалеку от деревушки, что носит название Савелеи, жили муж и жена. Они всегда ходили ловить рыбу в Хусила, что в местности Феаваи. Однажды супруги пришли в Хусила как раз тогда, когда там собралось немало рыбаков со всего предела Феаваи. Супруги решили присоединиться к этим рыбакам. Рыбачьи лодки вышли в море, рыбаки раскинули свои сети и ловили рыбу до самого прилива, пока главный среди них не сказал, что пришла пора возвращаться на берег.

Вернувшись на берег, рыбаки стали делить улов. Мужу с женой досталась большая акула, самка. Она была в тягостях. Супруги вскрыли ей брюхо, а там двое акулят. Муж сразу сказал, что детенышей надо выбросить, но жена уговорила его пощадить малышей, пообещав, что она сумеет их вырастить.

И супруги пожалели рыбок, оставили их и унесли оттуда в глубь острова, к себе в Факпои. Там они запустили рыбок в продолговатую миску, в которой обычно держали воду. Рыбки прижились, откормились и скоро заполнили уже всю посудину. Пришлось перенести акулят в круглую посудину, побольше. Но скоро и она стала тесной для рыбок, и точно муж с женой отнесли их на берег и выпустили в воды ручья, что течет в Хусила и впадает в море; вода в этом ручье чуть солоноватая. Но рыбы продолжали расти и вскоре заполнили собою весь ручей. Тогда супругам пришлось забрать их оттуда; они понесли рыбок дальше — мимо скалистого берега, что в местности Феаваи, мимо следующего за ним песчаного берега и так до местности Тарсуа. А там они нашли такое место, где скалы стояли так, что получился маленький заливчик, и в этом заливчике оставили своих питомцев. А оттуда им пришлось их перенести в бухточку побольше — она была скрыта между скалами в Тарсуа. Там супруги продолжали подкармливать своих рыб, те росли, росли и заполнили собой новое жилище, так что места им снова стало мало. Тогда муж с женой выпустили их прямо в открытое море. Рыбы обжились там, но каждый день приплывали к устью того ручья, что течет в Хусила. Супруги приносили им туда еду, кидали ее в устье, и рыбы всегда были сыты.

В доме супругов жил чужестранец — тонганец [1]. Шло время, он прожил у них немало, и ему очень захотелось вернуться к себе на Тонга. Наконец он стал просить мужа с женой разрешить ему вернуться на родную землю. Супруги согласились отпустить его и велели собираться: с наступлением следующего дня он мог отплыть в свой край.

Муж с женой легли спать, а когда настало утро, они вместе со своим тонганцем спустились на берег, направились в Хусила и подошли к устью ручья. У самого устья плавали две их рыбы. Супруги окликнули их, и они подплыли еще ближе, задрав носы над водой. Тогда муж с женой велели тому человеку сесть верхом на рыб, которым надлежало доставить тонганца на родную землю.

Он в мгновение ока оказался на спине у рыб. Супруги же сказали ему:

— Когда приплывешь на Тонга, будь любезен, возьми пресной воды и промой глаза нашим рыбам. Потом поверни их мордами в сторону Ротума, и тогда они легко смогут вернуться домой.

— Хорошо,— ответил тот человек.

Муж с женой велели ему отправляться; тонганец и обе акулы пустились в путь на Тонга, супруги же вернулись к себе в Факпои.

Долго несли рыбы того человека по волнам и наконец достигли его родной земли. Там он сразу вышел на берег и отправился к своим, даже не вспомнив о словах супругов, наставлявших его насчет акул. Рыбы же остались у того берега, к которому доставили тонганца, и плавали там, плавали и терпеливо ждали, когда он наконец придет промыть им глаза свежей водой — тогда им можно будет возвращаться домой. Так они ждали, ждали, когда тонганец

промоет им воспаленные глаза, и все попусту. А что до того тонганца, то, вспомнив наказ, данный супругами, он просто решил, что выполнять его и не стоит.

Но скоро среди жителей той местности пошел слух о том, что в прибрежных водах плавают две рыбы, необычные рыбы — ручные, послушные человеку. И тут этот самый тонганец надоумил своих убить бедных рыб и полакомиться их мясом.

Все жители того края собрались на берегу, и им удалось поймать одну из рыб. Вторая же успела уйти от них в открытое море.

Пойманную акулу люди положили в печь. А вторая акула не стала уплывать домой: она осталась недалеко от берега и все думала, как же ей вернуть к жизни убитую сестру.

Люди дождались, когда рыба будет готова, открыли земляную печь и сели пировать. Закончив пир, они побросали объедки прямо в воду. А та рыба, которой удалось уйти, заметила это, подплыла к куче объедков и нашла среди всех прочих отбросов кости сестры. Она подобрала все, что там было, не оставив ни единой косточки, мигом проглотила все это, повернулась хвостом к той земле и поплыла к себе на Ротума.

У берегов Ротума она отрыгнула все проглоченные кости; и не успела она их выплюнуть, как сестра ее вернулась к жизни. И снова обе акулы стали плавать у устья того ручья, что течет в Хусила. Вскоре к ним спустились те муж и жена, их кормильцы.

Супруги спросили рыб, как прошло их плавание, и те поведали им обо всем, что с ними случилось. Тогда супруги сказали:

— Ничего, наберитесь терпения — в скором времени вы будете отомщены.

Прошло несколько дней, и муж спустился в Хусила, забрался на спину рыбам, и все трое отплыли на Тонга. Плыли они, плыли и прибыли к берегам Тонга, когда на землю уже спустилась ночь.

Мужчина вышел на берег и сразу отправился на поиски. Тихонько переходил он от дома к дому, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Так он скользил между домами, прислушивался и наконец добрался до общинного дома, где собирались молодые люди [2]. Прислушавшись к тому, что делается в доме, он разобрал, что там идет какая-то беседа и что кто-то рассказывает о Ротума. Вникнув в слова, мужчина понял, что это говорит тот самый человек, и пробормотал:

— Ну, теперь уж тебе не уйти!

Приплывший отошел от общинного дома и стал дожидаться, пока все в нем заснут: тогда ему уже не составило бы никакого труда похитить нужного ему человека. Он долго прислушивался, и наконец все смолкло. Теперь он мог подойти к дому — в нем все спали, раздавался только храп.

Мужчина прокрался в дом, осмотрелся и нашел среди спящих нужного ему человека.

И вот что он сделал. Он протиснулся между тем, кто был ему нужен, и его спящим соседом, лег и принялся ворочаться, словно спящий, толкаться, брыкаться, точно как во сне; наконец все, кто

спал рядом с нужным ему человеком по одну сторону, скатились с циновки [3]. А дальше мужчина поступил так. Он перелез через того тонганца, лег рядом с ним по другую сторону и принялся снова толкаться и брыкаться, чтобы и с этой стороны циновки спихнуть всех спящих. Наконец все спящие скатились с циновки, и теперь в нее можно было заворачивать того, кто был ему нужен. А завернутым в циновку его легко можно было унести прочь.

Вот так, ворочаясь, словно бы во сне, приплывший сумел скинуть с циновки всех, кто мешал ему.

Затем он быстро поднялся, завернул в циновку того скверного, дурного человека, который совсем недавно рассказывал своим истории про Ротума, взвалил его на спину и понес на берег. Там он кликнул своих рыб, уложил им на спины свою ношу, уселся сам — и они поплыли назад.

Плыли они, плыли и наконец достигли берегов Хусила. Мужчина вышел на берег, взял спящего и потащил к себе в Факпои. Увидев, как он пыхтит и задыхается под какой-то невероятной ношей, жена спросила:

— Ой, что это у тебя? Что это ты несешь, такое большое и длинное, да еще в такую позднюю пору?

Муж шепотом ответил ей:

— Не шуми! Это тот самый господин завернут у меня тут в циновку. Я думаю, он проснется, когда запоет петух.

Тут женщина сошла с того места, где они с мужем всегда спали, а муж проворно положил туда спящего тонганца. Супруги же легли в середине дома и стали переговариваться шепотом, чтобы не разбудить того человека.

Прошло совсем немного времени, и вот закукарекал петух, всегда ночевавший на дереве рангкари возле дома супругов. Тут супруги услышали с постели голос того тонганца. Он воскликнул:

— Люди, а люди, эй! Слышите, как поет петух — точно, как пел петух в Факпои.

Муж с женой переглянулись и рассмеялись.

Прошло еще немного времени, птица забила крыльями, зашумела и снова подала голос. И опять супруги услышали, как тот человек сказал с постели:

— Люди, а люди, эй! Прислушайтесь-ка к голосу петуха: он поет точно как тот петух, что всегда спит на дереве рангкари, это дерево растет возле дома тех супругов, у которых я жил в Факпои. Вот, слышите, слышите вы?

Произнеся эти слова, он вскочил и выглянул на улицу, а там уже начало светать. Приглядевшись, он наконец увидел, что он и в самом деле в Факпои и что лежит он на постели в доме тех самых супругов. Тут он снова опустился на постель и заплакал. А супруги обратились к нему со своего места:

— Вот ты как теперь! А ведь это ты дурно поступил с нами. Хоть и жаль нам тебя, делать уже нечего. Это ты взял с собой наших воспитанников, и это ты поступил с ними по-своему, не выполнил нашего наказа. Ты забыл, как говорили наши отцы: невыпол-

ненное обещание рождает беду. Теперь уже все, твой час настал.

Тот человек стал молить о пощаде, но все напрасно: муж с женой уже были у постели; они схватили плачущего тонганца и потащили на берег. Донеся его до Хусила, супруги подошли к устью ручья, где резвились обе их рыбы. Супруги бросили тонганца в воду, прямо к рыбам, и сказали:

— Вот вам еда. Когда прикончите этого, плывите прочь. Вы уже совсем взрослые, и пора вам самим добывать себе пропитание. Больше не приплывайте к нам в надежде на угощение; мы никогда уже не накормим вас так, как кормили прежде, пока вы были еще маленькими.

И акулы, проглотив брошенную им жертву, уплыли прочь. Что до супругов, то они вернулись в Факпои.

13. Как произошло отделение округа Муту от округа Тиу

Иту Муту — округ Муту — появился позже других. И возник он, будучи отделен от округа Тиу [1].

В прежние времена на Ротума сау выбирали по очереди от каждого округа. Кроме того, каждый округ по очереди должен был давать сау пристанище [2]. Итак, один округ выдвигал нового сау, а другой округ селил этого сау у себя, и жители этого округа должны были прислуживать сау. Вот подошло время округу Оинафа назвать нового сау, а жителям округа Тиу — поселить этого сау у себя и служить ему. Новый сау прибыл в округ и поселился в Ооангруру, что в Мафтоа. Однажды из Оинафа пришли к сау гости. А в то время округом Тиу правил Фэре из Мофману. И вот Фэре, как вождь округа, отправился в Ооангруру встречать гостей, прибывших из Оинафа [3]. После роскошного пира гости двинулись обратно, к себе в Оинафа; Фэре же пошел домой в Мофману. Одному из знатных гостей, прибывшему из Оинафа, господину по имени Манава, было по пути с Фэре.

В тот день шел дождь; когда они еще были в пути, начало темнеть. Разговаривая, двое путников шли себе по дороге, ведущей в Мофману. Так они достигли ручья, что в Пала, и тогда Фэре сказал Манава:

— День сегодня дождливый, сырой, к тому же на землю уже опускается ночь, а до Оинафа еще очень далеко. Давай останемся здесь, переночуем, а утром пойдем дальше.

Но Манава ответил:

— О, это прекрасная мысль, и ты очень добр, мой благородный господин, но все же я поспешу в Оинафа, потому что здесь мне вряд ли удастся согреться.

В ответ на это Фэре ничего не сказал. Путники перешли ручей и оказались на той стороне, откуда можно было попасть в Упу. Тут Фэре обратился к своему спутнику со словами:

— Что ты говоришь, Манава?

Манава повторил:

— Я говорю, мой благородный господин, что если я останусь здесь, то едва ли смогу согреться.

Тогда Фэре обернулся и, посмотрев назад, спросил:

— А если бы от этого ручья до той горы пролегла граница округа и если бы вон с той стороны она доходила до моря, скажи, это согрело бы тебя?

Манава ответил:

— Хм, наверное, согрело бы, но только самую малость: ведь половина всегда хуже, чем целый кусок.

Они двинулись дальше и дошли до Упу; тут Фэре повернулся к Манава и снова спросил:

— А если граница округа ляжет здесь? Тебе наверняка уж будет тепло. Если же и это не сможет согреть тебя, тогда, делать нечего, придется отпустить тебя в Оинафа.

Манава ответил:

— О, если здесь — это будет превосходно, мой благородный господин; я уверен, что прекрасно согреюсь здесь.

Вот так Манава все же остался ночевать с Фэре, а та западная часть острова перешла к Манава и стала отдельным округом. Вот и теперь всякий, кто принимает власть над этим округом и начинает управлять им, должен принять титул манава.

14. Как на Ротума образовался перешеек

Некогда с Тонга [1] прибыл на Ротума высокий, сильный, могучий человек по имени Сери-мана [2]. Вслед за ним на цветке кокосовой пальмы приплыла сюда его дочь Сулу-мата [3], прекрасная и отважная девушка. Немало времени прожили они на Ротума, и вот Сулу-мата вышла замуж за смелого воина по имени Фоума. На холме Соророа [4] поставил он себе большой дом и взял жену к себе. Сери-мана же остался жить в Саваиа [5].

Некоторое время спустя с Тонга приплыл целый караван лодок; мореплаватели с Тонга нашли Сери-мана и остались жить при нем. И вот однажды вечером тонганцы играли на берегу, гонялись за прибрежными птицами и даже изловчились поймать одну из них. Это очень взволновало Сери-мана, увидевшего, как сильны и быстры стали эти тонганцы. Сери-мана послал за Фоума, и тот без труда поймал несколько птиц.

На другой вечер тонганцы играючи перекинули лодку через крышу дома Сери-мана; с другой стороны дома несколько тонганцев тут же поймали брошенную лодку. Но Фоума и его люди смогли сделать то же самое, и это успокоило Сери-мана.

На следующий вечер тонганцы поставили по всему берегу в Саваиа высокий каменный забор [6], ставили они его тоже играючи. Вот тут Фоума был побежден и пристыжен. Тонганцы же стали подумывать о том, что можно по-настоящему сразиться с Фоума и Сери-мана. Сери-мана, узнав об этом, стал подначивать их. Между тем Фоума сумел договориться о союзе и помощи с Онуну-фануа,

силачом из Солели. Этот Онуну-фануа был к тому же левшой. Он сказал, что, если Фоума хочет, он может прибыть на помощь на пятый день с начала сражения. Фоума же сказал, что он сможет выстоять один до десятого дня схватки. Возвращаясь от Онуну-фануа, Фоума перепрыгнул пролив и поспешил домой.

Прошло еще много времени; тонганцам все же было страшно начинать сражение. Но вот однажды, возвращаясь с рыбной ловли, Фоума увидел дым над холмом Соророа, увидел, что дом его в огне. Он бросился туда и нашел там множество тонганцев с палицами и копьями наготове. Они кинулись на него, еще когда он только поднимался по склону холма, но он сумел отгородиться от них своей сетью и подняться выше. А когда они бросились бежать, он накрыл их своим кири [7] и так поймал человек пятьдесят. Все они задохнулись в сети.

Попав наконец в свой дом, Фоума увидел, что больше половины его палицы уже сгорело. Но он схватил остаток палицы, бросился в Мафтау и там вступил в сражение с тонганцами и сражался целых пять дней.

А тем временем весть о битве дошла до Онуну-фануа, и на пятый день он пустился в путь, на помощь. По дороге он услышал, как два старика, Сока-нава и Мофу-моа, говорили, что хорошо будет, если убьют Фоума. Онуну-фануа беззвучно взмахнул палицей над их головами, занес ее, и они, заметив тень от палицы, подняли глаза. Онуну-фануа спросил их, что это за речи они ведут. Напрасно пытались старики отвлечь или обмануть его — он сказал, что слышал все и что простит их, только если они за ночь смогут засыпать пролив, который мешает ему переправиться на ту сторону. Старики сделали все, как он велел, а наутро, прощаясь, сказали ему вот что: силы Фоума уже на исходе, ему удастся победить, если только Онуну-фануа сумеет одной левой рукой, с одного взмаха свалить огромное дерево хифо.

Прибыв на место сражения, Онуну-фануа бросился биться с тонганцами. Когда же они начали теснить его, он вспомнил о данном стариками совете. И вот, отбивая врагов одной рукой, правой, он приблизился к тому дереву и с размаха снес его одной рукой, левой. Щепки от него полетели во все стороны, свалив замертво половину тонганцев. Остальные же в страхе кинулись к своим лодкам и поспешно уплыли прочь. Фоума же, зная, что это по вине Серимана тонганцы напали на него, сказал жене, что собирается убить ее отца. Женщина, рыдая, отправилась к Сери-мана, но, боясь мужа, ничего ему не сказала. На следующий день Фоума пришел в дом Сери-мана и одним ударом палицы снес и Сери-мана, и его дом.

15. Нуджкау и Нуджманга

Жили на свете двое кровных родственников — сестры по имени Нуджкау и Нуджманга [1]. Однажды они пошли в лес расставлять силки на птиц. Один силок они установили на маленькой лесной

тропинке. Когда немного погодя они пришли на это место, то увидели, что в силок попалась птица калэе [2]. И Нуджманга сказала своей сестре Нуджкау:

— Давай сделаем так. Сейчас я положу эту птичку в рот. Если вся она у меня во рту не поместится, то та часть, что останется снаружи, твоя. А если мне удастся всю ее засунуть в рот, если она поместится у меня во рту целиком и снаружи ничего не будет видно, тогда тебе не есть ее. Хорошо?

— Хорошо,— согласилась Нуджкау.

И вот Нуджкау стала следить за тем, что делает сестра. А той удалось засунуть всю птицу целиком в рот. Тут Нуджкау заплакала, а Нуджманга сказала ей:

— Не плачь, не стоит расстраиваться. Когда мы поймаем другую калэе, она вся достанется тебе.

— Ну хорошо,— сказала Нуджкау, прекратив плакать.

Они снова поставили свой силок и ушли оттуда. Долго не ходили они смотреть, что в силке, но зато что увидели, когда наконец пришли! О! В их силок попалась женщина с внуком! Женщина эта сказала сестрам:

— Не ешьте нас, а возьмите к себе, будем жить все вместе.

Сестры согласились:

— Хорошо, пусть будет так.

И все четверо отправились в дом сестер, где и зажили вместе.

Вот прошло некоторое время, и однажды та женщина сказала сестрам:

— Присмотрите-ка за моим внуком, а я пока схожу наловлю рыбы — будет нам что поесть.

— Хорошо,— согласились они.

А имя внука было Кау-утуфиэ.

Женщина отправилась ловить рыбу. Пока она была в море, эти двое перерезали Кау-утуфиэ горло, кровь вылили в кокосовую скорлупу, отрезанную голову спрятали, а тело мальчика съели [3].

Наконец бабка Кау-утуфиэ вернулась с рыбной ловли, села разбирать свою добычу, но тут почуяла запах свежей крови. Она стала спрашивать сестер:

— Чем это пахнет?

Сестры сказали ей:

Сбита камнем птица калэе,
Будет ребенок накормлен ею.

Тут женщина им:

Давайте ему что помягче, давайте что посочнее,
Давайте самое нежное, чтоб не подавился.

— Да, да, конечно — согласились сестры.

Разобрав всю рыбу, женщина прошла в дом, чтобы обсушиться и обогреться. А сестрам она сказала:

— Дайте-ка мне воды умыться.

Они в ответ:

— Кау-утуфиэ не дает.
Женщина сказала:
— Дайте мне мою циновку фарао [4].
Они в ответ:
— Кау-утуфиэ не дает.
Женщина сказала:
— Дайте мне мою циновку эапа [5].
Они в ответ:
— Кау-утуфиэ не дает.
Женщина сказала:
— Дайте мне мою юбочку из апеи [6].
Они в ответ:
— Кау-утуфиэ не дает.
Женщина сказала:
— Дайте мне мою юбочку из луба [7].
Они в ответ:
— Кау-утуфиэ не дает.
Женщина сказала:
— Дайте мне мой плетеный поясок [8].
Они в ответ:
— Кау-утуфиэ не дает.
Тогда женщина сказала:
— Ну пойдите и нарвите хотя бы листьев драцены — запечем в них нашу рыбу.
— Хорошо,— ответили те.

И они отправились туда, где росла драцена. По дороге Нуджкау случайно наступила на лежавшую на земле половинку кокосовой скорлупы, та перевернулась, откатилась в сторону, сестры взглянули, что под ней: а там росло молодое деревце мамарава [9]. Тут обе присели на корточки и стали разговаривать с ростком. Вот что говорили они мамарава:

— О мамарава, расти скорее, расти скорее, достань до неба!

И вдруг дерево разом поднялось, вытянулось и уперлось в небо. Тогда сестры стали карабкаться по нему, а поднимаясь, сдирали со ствола кору, чтобы он стал гладким и скользким: когда та женщина придет их искать, она не сможет забраться наверх вслед за ними.

Они карабкались, поднимались, поднимались и наконец достигли неба. И увидели они, что небо — тоже живой, населенный край. Они пошли по нему и увидели дом. Нуджкау и Нуджманга вошли и увидели двух существ, которые были заняты приготовлением ямса. Эти двое были соединены друг с другом, слеплены спина к спине. И к тому же оба они были совершенно слепы. Тут Нуджкау и Нуджманга вспомнили, как люди на земле рассказывали про небесных близнецов, соединенных спинами [10]. Итак, сестры вошли в их дом и теперь решили отнять у близнецов ямс, который те перебирали. А у близнецов было по десять клубней ямса — десять у одного и десять у другого.

Нуджкау и Нуджманга взяли для начала два клубня — по

одному у каждого. А те близнецы как раз в это время принялись на ощупь проверять свои запасы, и оказалось, что по десять клубней уже не набирается.

Один брат сказал другому:

— Было у меня десять клубней, а теперь только девять.

Второй ответил:

— И у меня тоже почему-то осталось только девять клубней ямса.

Тогда первый сказал:

— Мне кажется, в нашем небесном доме кто-то появился.

Нуджкау и Нуджманга тем временем успели отойти к стене дома и хихикали, стоя там. А оба клубня, украденные у близнецов, уже были съедены.

Немного погодя сестры тихонько подкрались к близнецам и стащили у каждого еще по одному клубню. Потом уселись и съели этот ямс. А близнецы вновь пересчитали ямс на ощупь, и оказалось, что его стало еще меньше. Оба страшно рассердились. Но Нуджкау и Нуджманга продолжали таскать у них ямс до тех пор, пока его не осталось вовсе.

Тут бедные близнецы посовещались между собой и решили проделать что-нибудь смешное, а по смеху обнаружить того, кто забрался к ним в дом. И вот близнецы поднялись на ноги и принялись гримасничать. Долго пришлось им гримасничать и кривляться, но наконец Нуджкау и Нуджманга не удержались и рассмеялись. Тогда те два создания спросили:

— Так это вы дурно обошлись с нами?

Нуджкау обратилась к ним:

— Не надо на нас сердиться. Давайте-ка лучше мы обе останемся здесь, у вас. Будем жить все вместе.

— Хорошо,— согласились близнецы,— пусть будет так. Но есть одна помеха этому: мы ведь совершенно слепы.

На это Нуджкау и Нуджманга сказали:

— Мы можем сделать так, чтобы ваши глаза стали видеть.

— О, это было бы так хорошо! Если бы вы только могли это сделать, уж как бы мы стали благодарить вас! — воскликнули близнецы.

Тогда Нуджкау и Нуджманга пошли и набрали разных букашек: красных муравьев, черных муравьев, сороконожек, жуков, паучков, гусениц, всяких мелких мошек. Всю эту живность они принесли в дом и положили прямо на глаза близнецам. Букашки мигом принялись выедать все лишнее, что наросло на глазах у близнецов, и наконец глаза у обоих стали совершенно чистыми. Вот так они обрели зрение и отделились друг от друга [11].

Как велика была их радость, как благодарили они Нуджкау и Нуджманга!

А потом все зажили вместе в том самом доме, где близнецы жили прежде, когда они еще были соединены спинами.

Так заканчивается этот рассказ.

16. Тиаф-тото

В одной деревушке жили муж и жена. Поселение это было кочевым, оно то и дело снималось с места, переезжало на другое, прилеплялось к какой-нибудь еще деревне.

Прошло время, и у супругов родился сын, которого назвали Миармиар-тото [1]. Затем у них родился второй ребенок — это была девочка, которую назвали Тиаф-тото [2]. И эта девочка никогда не выходила из дома, никогда не занималась никакой работой, не прикасалась ни к чему — она была окружена чрезвычайным вниманием и заботой и жила в раковине.

Спустя какое-то время оба родителя умерли, и дети остались вдвоем — теперь при них состояли только их люди. Неподалеку от них была расположена деревня, где жил сау; и вот их деревушка снялась с места, отправилась к поселению сау и прилепилась к нему с краю. Однажды вечером Тинрау, сын сау, пошел прогуляться на окраину деревни, набрел на те дома и стал рассматривать их.

Миармиар-тото обратился к Тинрау:

— Здравствуй, благородный господин! Ты оказался в моей деревушке, а в нее редко кто приходит.

На это Тинрау сказал:

— Не гневайся, благородный господин. Я просто гулял здесь и, заметив это поселение, решил подойти и посмотреть на него поближе. Не гневайся, я был бы рад, если бы завтра днем ты со своими людьми посетил меня.

— Хорошо,— согласился Миармиар-тото.

На следующий день Миармиар-тото и его люди отправились к Тинрау и развлекались у него до тех пор, пока не пришло время есть. Когда угощение было готово, Тинрау пригласил Миармиар-тото и всех прочих гостей отведать его. И все гости, собравшиеся на торжество, уселись есть.

У Тинрау и его людей было заведено так: этот ел свое, тот — свое, и каждый ел сам по себе. А что до людей Миармиар-тото, то они все следили за своим господином: он брал кусок — и они брали, он откусывал — и они все откусывали, он опускал кусок — и они опускали, все одновременно. Так что Тинрау и его люди просто не сводили глаз с Миармиар-тото и его свиты.

Когда торжество окончилось, Миармиар-тото пригласил Тинрау прийти к нему на следующий день со всеми своими людьми. Итак, на следующий день Тинрау и его люди явились к Миармиар-тото. И вот Миармиар-тото велел одному из своих юношей отправляться и готовить печь: нужно было приготовить пять клубней ямса, два клубня таро и свинину.

А у людей Миармиар-тото было заведено так: выходя из дома, человек всегда поворачивался спиной в ту сторону, куда шел, так что лицо его было обращено к дому, из которого он выходил.

Итак, юноша вышел от Миармиар-тото и отправился в кухонный дом. Тинрау тоже пошел с ним туда. Когда они пришли в кухонный дом, Тинрау спросил:

— Хватит ли нам всем этих нескольких клубней и одной свиньи?

Тот человек ответил:

— О да, нам было бы достаточно и половины этого. Ведь в нашем поселении всего четыре дома: дом Миармиар-тото и его свиты, дом сестры Миармиар-тото, женский дом и вот этот кухонный дом.

Тинрау стал расспрашивать юношу про все эти дома, и тот сказал:

— Вон тот дом, знай, принадлежит сестре Миармиар-тото.

— А где же она? — спросил Тинрау.

На это юноша сказал:

— Знаешь ли, благородный господин, эту женщину никому нельзя видеть. И даже наш хозяин, если ему надо поговорить с нею, зовет ее, дуя на птичье перо.

Когда игры и танцы подошли к концу, Миармиар-тото велел женщинам пойти и достать угощение из печи. Выходя, женщины, как и полагалось, повернулись лицом к дому, из которого выходили, и спиной ко всему другому.

Угощение было подано, Тинрау и его свита поели, и затем люди Тинрау ушли, а сам он остался. Миармиар-тото спросил у него, чего бы еще ему хотелось.

Тинрау сказал:

— Не гневайся, благородный господин, но я осмелюсь просить тебя о свидании с твоей сестрой.

Миармиар-тото отвечал на это:

— Хорошо. Но я думаю, что сначала тебе надо будет подождать здесь. Я пойду к ней первым, и мы с ней поговорим. А если и ты пойдешь со мной, у нас ничего не получится.

Итак, Миармиар-тото пошел первым, но Тинрау, не имея сил ждать, последовал за ним. Миармиар-тото вошел в дом сестры, подошел прямо к опорному столбу, что посередине дома, взял птичье перо и подул на него. Раковина его сестры чуть приоткрылась, но едва женщина заметила Тинрау, как тут же захлопнула раковину.

Миармиар-тото ждал-ждал, но, как ни старался, сестра не стала говорить с ним. И ему пришлось уйти.

Выйдя из дома, Миармиар-тото сказал:

— Мне кажется, Тинрау, ты подслушивал снаружи. Поэтому-то моя сестра и не стала, не смогла говорить со мной. Я думаю, что лучше будет, если ты все же удалишься и не станешь мешать мне.

Тинрау отошел, а Миармиар-тото снова вошел в дом, взял птичье перо и дунул на него. Сестра спросила:

— Кто это?

Он ответил:

— Это я.

Женщина переспросила:

— Кто ты?

Он сказал:

— Это я, Миармиар-тото.

Тут раковина отворилась, и женщина спросила:

— Чего тебе нужно?

Он рассказал ей о том, что говорил Тинрау. Сестра расплакалась и сказала:

— Ты же прекрасно знаешь, Миармиар-того, что за мной следует ухаживать, что заботиться обо мне надо особенно. Ты знаешь, что я не могу выполнять никакую работу. Но все же я сделаю так, как ты хочешь. Если же однажды меня постигнет беда, это будет по твоей вине, а не по моей.

И после этого Миармиар-тото позвал Тинрау:

— Все хорошо. Теперь ступай к себе и думай об одном — на какой день назначить свадьбу.

Вернувшись домой, Тинрау рассказал обо всем сау и своим людям. День свадьбы был назначен.

После свадьбы Тинрау забрал жену к себе, и они зажили у него. Но другие женщины, прежние возлюбленные Тинрау, продолжали домогаться его, и вскоре он стал угрюм и плох со своей женой. Тогда она оставила его и отправилась к брату в свое родное селение.

Тинрау пошел туда, чтобы вернуть жену, но деревушка уже успела сняться с места. Тинрау поплакал, погоревал и решил оставить все, как есть.

Вот так кончается этот рассказ.

17. Мёс-тото

Стояла некогда одна деревня; это была главная деревня округа — в ней жил сау. И сам сау, и все состоявшие при нем люди были людоедами. И заведено у них было так: они отбирали себе жертв по кругу, начинали с одного края деревни и постепенно доходили до другого. Каждый день убивали одного человека и доставляли в дом сау.

На краю той деревни жили супруги с тремя детьми. Старшую сестру звали Пуак-лева [1], вторую сестру — Пуак-нифо [2]. Младшим был брат по имени Мёс-тото. И вот пришел черед этой семьи. Когда родители были прикончены и дети остались одни, они стали решать, как быть дальше. Одна сестра сказала, что лучше ей умереть, другая сестра сказала, что лучше ей умереть, брат сказал, что лучше умереть ему.

Но все же старшая, Пуак-лева, настояла на своем; она сказала брату и сестре:

— Оттого что вы умрете, ничего не изменится; а если меня убьют, может, потом какая-нибудь польза и будет.

И она дала брату и сестре такой наказ: когда ее убьют и приготовят из нее кушанье, они должны отнести кушанье в дом сау и там всячески угождать сау и его людям. А когда те поедят, они

должны собрать все ее кости. Потом же, когда будет выпита кава, они должны сложить кости в корзину, отнести их к своему дому и зарыть в землю рядом с домом.

И вот Пуак-нифо и Мёс-тото убили Пуак-леву и, приготовив из нее кушанье, отнесли его в дом сау. А там они стали просить сау и его людей не выбрасывать никуда кости их убитой сестры, чтобы потом они могли забрать эти кости с собой. Когда трапеза была окончена, люди сау собрали кости Пуак-левы, а брат с сестрой сложили их в корзину, отнесли домой и зарыли в землю. Словом, они поступили так, как им говорила Пуак-лева.

Прошла ночь. Утром они поднялись и пошли посмотреть, не появилось ли чего-нибудь там, где они зарыли кости. И оказалось, что из костей сестры поднялись ростки кавы, а еще на том месте появилась свинья с пятью поросятами.

Прошло немного времени, и брату с сестрой снова настал черед потчевать сау. Тогда они взяли одного поросенка и приготовили из него кушанье, которое требовалось. Сами же они остались живы.

Когда кушанье для сау было готово, они открыли земляную печь и взяли немного кавы, которая теперь росла у них.

А сау и его люди уже ждали их; даже время питья кавы успело пройти, а пищу все никак не несли. И сау сказал:

— Н-да, непонятно, почему Пуак-нифо и Мёс-тото так задерживаются.

Едва он произнес это, как кто-то воскликнул:

— О, вон они идут!

Брат с сестрой подошли, поставили принесенное кушанье на землю, и Мёс-тото приказал женщинам начинать готовить каву. Когда уже и кава была выпита, сау подозвал Мёс-тото и спросил его:

— Где ты добыл такую замечательную еду? Если у тебя много всего этого, давай разделим между собой. Мы тоже станем разводить свиней, как ты, растить каву, как ты. И я думаю, тогда мы сможем перестать питаться человечьим мясом.

Затем сау со своей главной женой [3] пошел к себе, и все люди тоже разошлись по домам.

Спустя некоторое время, когда стемнело, сау и его главная жена вышли из дома на прохладу. Жена сказала, обращаясь к сау:

— Какой замечательный человек этот Мёс-тото! Не будь его, в нашем селении по-прежнему бы ели человечье мясо.

И тут в душе сау зародились ревность и злоба на Мёс-тото, которого так восхваляла его жена.

А было известно, что в одном далеком краю живет один белый-белый человек — альбинос [4]. И вот сау решил, что надо послать Мёс-тото разведать, где же эта земля. Пусть Мёс-тото привезет этого альбиноса, чтобы сау мог взглянуть на него. Итак, все легли спать, а как только рассвело, сау велел своему глашатаю пойти и сказать людям, чтобы готовили лодки, да побольше: пора

собираться в плавание за тем белым-белым существом. Его надо отыскать и доставить перед очи сау.

Люди принялись готовить плавучий караван, и Мёс-тото сказал, что в его лодке должно быть только три места.

Наконец все было готово, лодки нагружены всем необходимым. Уже приготовились к отплытию. Мёс-тото со своей сестрой Пуакнифо взошел на борт — и их было только двое. Но когда люди взглянули на его лодку с берега, они увидели в лодке уже троих: там появилась Пуак-лева, сестра этих двоих, убитая и съеденная в доме сау [5].

И вот лодки отплыли от берега и поплыли одни в одну сторону, другие — в другую. Мёс-тото и его сестры гребли, гребли и наконец достигли пологого песчаного берега, у которого купался какой-то человек. Он сказал:

— Здравствуй, Мёс-тото!

— Здравствуй и ты, Саре-феке [6],— сказал Мёс-тото.

Саре-феке спросил, куда они направляются. Мёс-тото сказал ему, что они плывут за альбиносом, которого велено доставить к сау.

Тогда Саре-феке сказал:

— Поверни-ка вот так свою лодку, чтобы я мог сесть в нее.

Мёс-тото повернул лодку, и Саре-феке забрался в нее. Они отплыли от того места, и вскоре Саре-феке сказал Мёс-тото:

— Пока мы проходим здесь, будь внимателен: когда волны начнут набегать одна на другую, не пугайся и старайся изо всех сил увести лодку в сторону.

На это Мёс-тото ответил:

— Хорошо.

Прошло совсем немного времени, и вот первая сильная волна налетела на их лодку; волна за волной стали биться о борт лодки, но тут Мёс-тото собрал все силы и провел лодку целой через весь этот ужасный шквал. Наконец волны кончились, и впереди показалась какая-то земля. Они поплыли к ней, достигли берега, причалили лодку и решили отдохнуть.

Но вот Саре-феке сказал Мёс-тото:

— Иди вон к тем зарослям. Заберись повыше на дерево и внимательно смотри вдаль. Как увидишь, что вдали что-то белеется, слезай, возвращайся сюда, и мы с тобой пойдем к тому месту. И главное, помни, не теряй из виду то белое пятнышко.

Мёс-тото пошел к зарослям, влез повыше на дерево, посмотрел вдаль и действительно заметил там что-то белое. Не теряя времени, он слез на землю и направился к тому месту, где они укрепили у берега свою лодку.

Когда он подошел. Саре-феке спросил:

— Заметил?

— Да, заметил,— отвечал он.

Тогда его спутник сказал:

— Ну идем же.

И они пошли в ту сторону и наконец добрались до необыкно-

венно светлой кокосовой пальмы, что росла перед каменным домом, в котором и жил тот самый альбинос. Кокосовая пальма была такая же белая, как и он сам.

А что до Саре-феке, то у него была человеческая голова и тело осьминога.

Они оба вошли в дом альбиноса, а Пуак-нифо осталась ждать снаружи. Вошли они в дом, Мёс-тото сел, а Саре-феке принялся танцевать, чтобы развлечь и ублажить альбиноса. Но альбинос, разобрав, что за создание танцует перед ним — наполовину человек, наполовину осьминог,— ужасно испугался, бросился в дальний угол дома, весь сжался там и не издавал ни звука. А тут Саре-феке выбросил вперед свои щупальца, крепко обхватил ими белокожего человека, отволок его к лодке, бросил в нее, и они поплыли в обратный путь.

Поплыли они и наконец достигли того песчаного берега, где Саре-феке всегда купался. Там он вышел из лодки, ступил на свою землю и распрощался со спутниками. Сестра и брат вместе с альбиносом поплыли дальше, а Саре-феке остался у себя.

Так Мёс-тото привез альбиноса на Ротума, и сау смог увидеть его. Затем Мёс-тото пустился с альбиносом в обратный путь, чтобы доставить его в родной край. И альбинос был благополучно доставлен туда, а Мёс-тото вернулся на свою землю.

Прошло еще некоторое время, и вот однажды поздно вечером жена сау вновь принялась хвалить Мёс-тото, говоря:

— Ах, до чего же славный человек Мёс-тото: что бы он ни делал, все выходит хорошо.

Услышав от жены такие слова, сау страшно рассердился. Едва занялось утро, сау отправил к Мёс-тото посланного: сау приказывал Мёс-тото отправляться на поиски ририкуиа [7] — вождю хотелось посмотреть и на это чудо.

Мёс-тото сказал посланному:

— Передай сау вот эти мои слова: «Хорошо, все будет исполнено. С наступлением дня я отправляюсь на поиски этого ририкуиа».

А сестре Мёс-тото сказал вот что:

— Собирайся, сестра. На этот раз все не так, как раньше: если мы отправимся на поиски и не найдем этого самого ририкуиа, со мной непременно случится что-нибудь скверное, я это чувствую.

И вот скоро на земле стало совсем светло, и Мёс-тото велел сестре стаскивать лодку в воду. Настало время им отплывать. Они спустили лодку на воду и пустились в плавание. Они плыли долго и наконец достигли какой-то земли. Там они принялись ходить по берегу, но так никого и не встретили, ни одного человека.

Шли они, шли по берегу и наткнулись на норку берегового краба. Они уже собирались идти дальше, но тут из норки вылез сам краб, и Мёс-тото спросил у него, не видал ли он где-нибудь ририкуиа. На это краб сказал:

— О да, как раз когда я отправлялся сюда, ририкуиа был внизу, под песком. Ройте прямо здесь и достанете его.

Брат с сестрой принялись копать, долго работали и наконец нашли то, что искали: это было существо, похожее на краба, но красноватого цвета и гораздо красивее.

Брат и сестра сели в лодку и поплыли назад, к себе на землю. Плыли они, плыли и, прибыв к своей земле, увидели, что на берегу собралось множество людей — посмотреть на ририкуиа. Мёс-тото осмотрелся: на берегу были все, кроме самого сау. Тогда он бросился бегом в дом сау, напал на сау и сразу убил его. Потом тоже бегом он вернулся на берег и сказал там людям, что довольно глазеть на ририкуиа — пора нести его к сау, чтобы вождь наконец смог бы увидеть, что это такое. Ведь он так долго ждал, так давно мечтал увидеть ририкуиа!

Люди расступились, Мёс-тото взял ририкуиа и первым пошел с ним к дому сау, а все остальные последовали за ним. Он делал все так, как будто бы и не подозревал, что сау уже нет в живых.

Шли они, шли, пришли к дому сау, долго звали его, но никто так и не откликнулся. Тогда жена сау вошла в дом и нашла вождя лежащего мертвым прямо на полу.

Всем жителям деревни было велено собраться по случаю смерти сау. Все пришли, было приготовлено угощение для торжественной трапезы. Тем временем была вырыта могила, и сау был похоронен. Так все было кончено.

На этом кончается наш рассказ.

18. Киркир-саса

Жила некогда одна женщина, звали ее Киркир-саса. Эта женщина жила в Таркеи (есть такая местность в Мафтоа); обе подмышки у нее были покрыты татуировкой, да так, что казались совершенно черными [1].

При этой госпоже жили простые женщины, прислуживавшие ей. Вся одежда этих незнатных женщин состояла из надетых на талию юбочек из араара [2].

Вот однажды Киркир-саса велела своим прислужницам:

— Возьмите свои сосуды из выдолбленных кокосовых орехов и ступайте в Фаниуа. Там наберете морской воды, и мы зальем ее в зеленые кокосы. Ведь мы еще вчера приготовили кокосы, а воду туда еще не заливали [3].

— Хорошо, госпожа,— ответили обе женщины.

Они пошли за своей утварью и затем отправились в путь, как было приказано. Шли они быстро и очень скоро оказались в Фаниуа.

Там они не стали сразу набирать морскую воду, а решили сначала пойти прогуляться в Фохапа. Только они направились туда, только успели пройти совсем немного по маленькому прибрежному пляжу, как вдруг услышали страшный храп — он доносился от подножия горы, что возвышалась там. Посмотрев в ту сто-

рону, женщины увидели, что там лежит настоящий великан. Рот у него был раскрыт невероятно широко, а зубы напоминали тлеющие угли — до того они были красными.

Увидев все это, женщины вспомнили, что именно таковы ужасные великаны. Немного подумав, они решили забросать пасть чудовища камнями. Они сразу принялись за дело: каждая брала камень за камнем и швыряла прямо в рот великану.

Так они обе кидали камни очень долго, и наконец великан проснулся.

Проснувшись, чудовище уселось, а обе женщины тут же бросились бежать. Великан окликнул их, но женщины даже не оглянулись и только кинулись бежать еще скорее. На берегу их юбочки из араара развевались, по этим юбочкам великан успел заметить их и бросился вдогонку.

Как только обе женщины, посланные за морской водой, прибежали запыхавшись к своей госпоже, она спросила:

— Что за несчастье с вами случилось?

Женщины в ответ:

— О, ужасное несчастье, госпожа. Со времени появления на свет нам не приходилось видеть ничего ужаснее.

— Неужто вы навлекли на нас зло? — спросила хозяйка.

— О госпожа,— отвечали женщины,— не гневайся, на нас надвигается великое несчастье. Мы не исполнили твоего приказа сразу, решили сначала заняться совсем другим. И в общем получилось так, что мы растревожили великана, на которого натолкнулись в Фохапа. Видимо, он скоро будет здесь, у нас. Мы убежали от него, но он пустился следом за нами.

На это Киркир-саса сказала:

— Вы отвратительные трусихи. Но теперь уж ничего не поделаешь. Садитесь здесь и ждите — придет великан и вас съест. Ведь люди никогда не должны делать ничего такого, чем можно разгневать великана. И уж теперь не смейте никуда убегать от него.

Очень скоро со всех сторон послышался страшный шум, все загремело, загрохотало. Не успели они оглянуться, как великан уже был перед ними.

— Ну подождите,— воскликнул он,— дайте только я передохну, а уж потом покажу вам, гадкие вы люди. Кто это мог надоумить вас швырять камни прямо мне в рот?

Тут к великану вышла Киркир-саса и сказала:

— Привет тебе, благородный господин! Присядь и отдохни здесь, если желаешь, а я тем временем спою и станцую для тебя. Потом же ты съешь этих моих людей, раз ты за ними пришел.

Великан согласился:

— Да, это будет неплохо. Ну танцуй.

Женщина встала прямо перед великаном и запела:

Подниму я руки перед знатным мужем, уэ, уэ,
Подниму руки, и он изумится, уэ, уэ!

Итак, Киркир-саса пела и танцевала, и танец ее был вот каким: она поднимала руки вверх то так, то этак, поднимала руки, била себя по подмышкам, вытягивала руки, подпрыгивала, как только умела, опять поднимала руки, чтобы великан мог увидеть татуировку у нее под мышками.

Великана все это ужасно рассмешило, и дошло уже до того, что, когда женщина наклонялась в одну сторону, великан от смеха тоже наклонялся вслед за ней.

Наконец женщина остановилась, и великан спросил:

— Я заметил что-то необыкновенное у тебя под мышками. Скажи, как это получается?

— А что, тебе нравится это? — спросила его Киркир-саса.

— О да! — воскликнул великан.— Если бы ты смогла украсить мои подмышки так же, как свои, я не стал бы тогда есть этих женщин.

Киркир-саса ответила:

— О, мне не составит никакого труда сделать твои подмышки такими же, как мои, но только если ты действительно очень хочешь этого.

Великан сказал:

— Хочу, на самом деле хочу. Приступай же, и тогда я пощажу твоих людей.

Тут госпожа велела своим людям разжечь огонь в земляной печи и доложить ей, когда камни в печи накалятся докрасна. Сама же она тем временем принялась беседовать с великаном.

Наконец камни накалились докрасна, один из людей пришел доложить об этом Киркир-сасе, и она сказала тогда великану:

— Ну вот, теперь идем украшать твои подмышки.

Они пошли, и женщина приказала:

— Теперь ложись вот здесь, между опорными столбами, а мы займемся украшением твоих подмышек.

Великан улегся там, женщины принесли смотанную веревку и этой веревкой крепко-накрепко привязали его руки и ноги к опорным столбам дома [4]. Когда все было сделано, госпожа велела принести ей один раскаленный камень из земляной печи. Камень был принесен, и Киркир-саса положила его прямо под мышку великану.

Тут великан взревел от боли, но женщина сказала:

— Не кричи попусту, ничего страшного тут нет. Если будешь так кричать, ничего хорошего не получится.

Великан завопил:

— Ну погодите, вот я высвобожусь и всех вас съем.

Женщины же отвечали ему:

— А как ты можешь высвободиться? Как освободиться тому, кто крепко-накрепко привязан?

И тут все, кто там был, стали подносить раскаленные камни. Кто клал камни под мышку великану, кто катал их по его животу, кто засовывал ему камни в нос и в глаза. Так они мучили его долго-долго, и наконец великан умер.

Когда с великаном было покончено, госпожа Киркир-саса стала корить своих служанок и еще долго наставляла всех остальных, кто был там, чтобы они никогда ничего подобного не совершали, иначе на них обрушится большое несчастье, которого уж никак нельзя будет избежать. Ведь хотя им и удалось спастись на этот раз, больше такого быть не должно.

А те две женщины стали взывать к прощению Киркир-сасы, говоря, что все произошло из-за их легкомыслия.

19. Тонганцы, приплывшие на Ротума во главе с Маафу

Мореплаватели, о которых пойдет речь, высадились в округе Ноатау и решили остаться там. Более того, они затеяли там сражение и вышли из него победителями. А победив, они разослали во все местности Ротума знатных людей из своих: повсюду ротуманцам надлежало поселить у себя какого-нибудь знатного, высокородного тонганца и всячески угождать ему. Так было на всем Ротума: во всех деревнях, во всех округах поселились знатные тонганцы. А сам Маафу остался жить в Ноатау, и многие из его людей остались при нем.

Знатные тонганцы, которые жили повсюду на Ротума, непрестанно давали непосильные задания тем, кто должен был служить и угождать им. Каждый день несчастным ротуманцам доставалась новая тяжелая работа, давались новые и новые уроки: то надо было приготовить какое-нибудь изысканное блюдо, то требовалось отыскать что-то совершенно немыслимое. И даже от самого невероятного задания нельзя было уклониться. Вот, говорят, один житель Тангмеа [1] должен был заниматься таким делом. Когда он видел лодку, плывущую с запада на восток Ротума, он делал ей знак зайти в Тангмеа; лодка заходила в Тангмеа, и тут этот человек обязан был расцарапывать ногтями головы всех гребцов подряд, начиная с сидящего на носу и кончая тем, что на корме [2]. Только когда все было кончено, гребцы могли отправляться дальше. А если появлялась лодка, плывущая с востока на запад острова, он тоже должен был подать ей знак, а когда лодка подходила к берегу, должен был делать то же самое; и он на самом деле расцарапывал ногтями головы всем гребцам подряд. Только после этого лодка могла плыть дальше. И он не смел пропустить ни одной лодки, всем гребцам он обязан был делать знак, прося их зайти в Тангмеа, а когда они заходили — расцарапывал им головы.

Тонганец, посланный в округ Муту, жил в местности Офоангсау. И всему округу выпало немало горя из-за жестокости тонганца. Впрочем, так было везде, на всем Ротума: говорят, все чужестранцы были одинаково грубы и жестоки в обращении с жителями острова.

Вот так все шло, и скоро все ротуманцы прониклись ужасным страхом перед приплывшими властителями.

В Лопта [3] жил один человек, обладавший необыкновенной силой. Это был не тонганец, а благородный и знатный человек Ротума. Звали его Фээфе. Все уважали его, но помочь ему в борьбе против тонганцев было некому, он оказался совершенно одинок в этом. И вот Фээфе решил, что уж лучше уплыть прочь, навек покинуть Ротума, но только не оставаться здесь и не прислуживать больше господам с Тонга.

А в округе Муту был могучий силач по имени Алили [4]. Известно, что он беспредельно ненавидел приплывших на остров тонганцев. И он решил проверить — погадать, настанет ли когда-нибудь такое время, когда ротуманцы осилят чужеземцев, или оно не придет никогда.

Вот что сделал Алили: он выкопал из земли каштан ифи, росший довольно далеко об берега, дотащил его до самого берега в Мафтоа и посадил там, сказав при этом:

— Если это дерево по-прежнему будет зеленым и приживется здесь, значит, настанет день, когда Ротума сбросит гнет чужестранцев.

И посаженное на берегу дерево прижилось, продолжало расти и вовсе не собиралось засыхать. Спустя некоторое время Алили пришел проведать его и увидел, что оно прекрасно растет на новом месте.

А Алили знал, что Фээфе задумал оставить Ротума, и вот он сказал самому себе: «Как было бы хорошо, если бы Фээфе, покинув родные места, приплыл сюда и остановился бы у моего дома!»

Пока Алили вот так раздумывал, Фээфе успел закончить все приготовления и уже спускал на воду в Хуо свою лодку, собираясь отплыть. Он сказал жителям Лопта:

— Простите меня, женщины, простите меня, дети. Я ухожу насовсем: ведь мне не с кем объединиться, нет никого, кто мог бы пойти со мной и помочь мне.

У Фээфе были две птички армеа [5], он поместил их в лодку, собираясь взять с собой. Лодка отплыла, достигла берегов Малхаха, и тогда Фээфе выпустил своих птичек. Они полетели в глубь острова, но вскоре вернулись, и Фээфе сказал:

— Хорошо, поплывем дальше.

Лодка поплыла дальше и достигла Ропуре. Фээфе снова выпустил обеих птичек. Малютки-армеа полетели в глубь острова, но вскоре вернулись. И лодка двинулась дальше. Плыла она, плыла и оказалась у берегов Мотуса, где Фээфе снова выпустил своих птичек. Они полетели в глубь острова и тут же вернулись к лодке. Значит, плавание должно было продолжаться. Через какое-то время лодка достигла берегов Мафтоа, и Фээфе вновь отправил своих малюток в полет над сушей. Ждал он их, ждал, но они так и не вернулись к лодке.

И тогда Фээфе сказал своим гребцам:

— Давайте остановимся здесь, в этих местах должна быть пресная вода.

Они повернули лодку к берегу и подошли к Фаниуа. В это время к берегу за морской водой спустились несколько женщин из Мафтоа. Подойдя к самому берегу, женщины увидели, как там укрепляют лодку, увидели, что на берег выходит Фээфе со своими гребцами.

Женщины разглядели Фээфе, а он весь был покрыт волосами: все его лицо, и все тело, и руки, и ноги — все было в волосах. Женщины перепугались и кинулись бежать оттуда.

Увидев задыхающихся, запыхавшихся женщин, Алили спросил:

— Что с вами случилось?

Женщины отвечали:

— Там прибыл какой-то великан, он на берегу в Фаниуа.

— Каков он из себя? — спросил Алили.

Женщины рассказали:

— Вообще-то это человек, но вид его ужасен. Все его тело сплошь покрыто волосами.

Тут Алили рассмеялся и сказал:

— Это никакой не страшный великан. Я знаю, кто это, это Фээфе.

Алили велел женщинам взять белую циновку, сложить ее должным образом и отправляться на берег к Фээфе, чтобы там приветствовать его по всем правилам [6]. Женщины передали Фээфе, что Алили приглашает его и всех его людей к себе. Так Фээфе со всеми своими отправился в дом Алили и поселился у него.

Алили открылся Фээфе в своей ненависти к приплывшим на остров тонганцам. И вдвоем они стали думать, что же, о что же им делать: ведь они одинаково ненавидели завоевателей. Алили рассказал Фээфе и о каштане ифи, что он посадил на берегу. Фээфе же поведал Алили о двух своих птичках армеа, которых он взял с собой и столько раз по пути выпускал летать над разными землями острова. И Алили сказал:

— Вот что. Нам надо предупредить всех благородных и знатных ротуманцев — пусть они ждут нашего знака, пусть смотрят внимательно, что происходит здесь, у нас, и в ночь, когда на холме Соророа [7] они увидят костер, пусть сразу убивают живущего у них нахлебника-тонганца.

Фээфе согласился:

— Хорошо придумано.

И они послали ко всем своего гонца. Наконец гонец вернулся и доложил им, что все знатные ротуманцы согласны поступить так.

И вот пришла условленная ночь, Фээфе и Алили развели на холме знаменательный костер, а сами бросились на того тонганца, что жил в Офоангсау, и убили его. Как только ротуманцы увидели костер, все они кинулись убивать тонганцев: тонганца убили здесь, тонганца убили там, тонганцев убили во всех округах. Наступило утро, а ни одного тонганца уже не было в живых.

Маафу узнал об этом, собрал свое войско и двинул его на Алили и Фээфе. Они же успели собрать своих людей на западе острова

и уже ждали Маафу в Мотуса. Едва воины Маафу прибыли, как завязалась битва — битва при Нгасафа.

В ротуманском войске был отряд, называвшийся Хап-мафау [8], во главе его стоял Алили. А во главе отряда, который носил название Мака [9], стоял Фээфе.

Битва продолжалась долго, но наконец младшему брату Маафу стало ясно, что тонганцы терпят поражение, что скоро они будут совсем побеждены. Тогда он подошел к Маафу со словами:

— Я же говорил тебе, что не надо мучить и оскорблять жителей этой земли. Эта земля очень хороша; она досталась нам, и мы вполне могли бы спокойно жить на ней — и ты и я. Но ты сделал жизнь здешних людей слишком горькой. Теперь распутывай все сам, а я отправляюсь назад на Тонга и там расскажу обо всем этом.

Тут младший брат снял с головы Маафу суру [10], украшенный птичьими перьями, надел его на себя и с криками и возгласами угрозы приблизился к тому отряду ротуманцев, который носил название Хап-мафау. Алили бросился на него и снес половину перьев с его суру [11]. Тогда тонганец направился к тому отряду, который носил имя Мака, а там на него кинулся Фээфе и снес с его убора остальные перья. Остались только два больших пера посередине. Тогда младший брат вернул суру старшему, Маафу, и сказал:

— Прощай, я отправляюсь на родину

Лодка младшего брата была приготовлена к плаванию, люди его собрались, и вот, не дожидаясь конца сражения, они уплыли на Тонга.

А сражение продолжалось, и наконец пал Маафу. Маафу уже был убит, когда Алили заметил, что Фээфе превзошел его и сумел продвинуться гораздо дальше в бою. Тогда Алили оставил свой отряд, бросился к отряду Мака, неожиданно напал на Фээфе и убил его.

Воины увидели, что Алили убил Фээфе, и тут же у многих пропало всякое желание биться дальше. На этом и окончилось сражение.

А Алили убил Фээфе вот почему. Увидев, что Фээфе превзошел его в бою, он испугался, что после сражения Фээфе, оставшись в живых, получит право на весь остров Ротума, а ведь Алили сам хотел получить его. Вот поэтому-то он и оставил воинов своего отряда, бросился к отряду Мака и убил Фээфе. Вот каков Алили: если ему ясно, что надо избавиться от соперника, он немедля нападает на любого.

И об Алили вспоминают, когда хотят сказать, что у кого-то слово не расходится с делом.

20. Как была передана власть из Мофману в Фангута

Некогда власть над Ротума принадлежала одному человеку из Мофману, звали его Фэре. А в Фангута жил один знатный человек — благородный вождь Пуроу-манфиу. У него был свой мафуа.

Однажды ночью этому мафуа, состоявшему при Пуроу-манфиу, приснился сон. Мафуа видел, как Фэре плывет вдоль берега в своей лодке кариэ, как он достигает того места, где в Фангута стоит дом Пуроу-манфиу, там поворачивает лодку к берегу, причаливает, выходит на берег, спешит к казуариновой роще, что рядом с домом Пуроу-манфиу, снимает там свой красивый пояс и обвязывает этим поясом самую большую казуарину [1].

Наутро все люди Пуроу-манфиу подкрепились и отправились на участки в глубине острова. Проработав там целый день, они вернулись домой к вечеру, когда настало время готовить ужин. Вот все расположились в кухонном доме [2] и принялись там готовить, а мафуа обратился к Пуроу-манфиу:

— Мой благородный господин, я бы хотел рассказать тебе, какой сон я видел.

— Хорошо,— сказал Пуроу-манфиу,— рассказывай, я слушаю.

И мафуа рассказал:

— Сегодня ночью мне приснилось, что Фэре плывет сюда в своей лодке. Вот он подплывает прямо к нашему дому, и тут я вижу, как его лодка направляется к нашему берегу, как она пристает здесь, у нас, как из лодки выходит человек, и я вижу, что это и есть Фэре из Мофману. Не говоря ни слова, он идет к казуариновой роще, что у нас здесь, возле дома, там снимает с себя свой красивый пояс и обвязывает им одно дерево, а дерево это — самая высокая казуарина из всех, что растут в роще.

На это Пуроу-манфиу заметил:

— О, это все пустое. Неужели ты веришь, что мы сможем когда-нибудь так возвыситься? Нет-нет, такому не бывать никогда.

— Что ж! — сказал мафуа.— Я рассказал тебе, мой благородный господин, только то, что видел во сне.

Прошло некоторое время, и вот однажды мафуа приснилось, как явился к ним Фэре со своим ожерельем из перламутровых раковин и украсил им шею Пуроу-манфиу [3]. Наутро все в доме встали, позавтракали и отправились в глубь острова возделывать свои земли. Проведя там целый день, вернулись только к вечеру готовить ужин. А это было время сбора ямса, и на ужин был принесен ямс, один только ямс.

Вот все вошли в кухонный дом, сложили там принесенный ямс и принялись готовить ужин. А мафуа обратился к Пуроу-манфиу со словами:

— Мой благородный господин, я бы хотел рассказать тебе, какой сон я видел.

Вождь сказал мафуа:

— Тебе просто везет на сны! Ну что ж, рассказывай.

И мафуа рассказал:

— Сегодня ночью мне приснилось, что Фэре пришел к нам сюда со своим ожерельем из перламутровых раковин и украсил этим ожерельем твою шею, мой благородный господин.

Рассказывая это, мафуа сидел и очищал ямс.

Пуроу-манфиу сказал:

— О нет, я не верю во все это. Но все ж давай проверим твои сны. Если они не подтвердятся, тебе придется покинуть нас: я возьму себе другого мафуа, а тебя отошлю от себя. Сделай-ка вот что: отрежь корешок от ямса, который ты чистишь, вырой ямку вот здесь, в углу кухонного дома, и посади в нее этот корешок. Сверху накрой его половинкой кокосовой скорлупы. Если ямс вырастет мясистым, а листья его будут маленькими и их не будет видно из-под кокосовой скорлупы, значит, твой сон правдив. Но если ямс вырастет плохим, тощим, а листья у него будут большими, значит, все твои сны — пустое.

Итак, мафуа отрезал корешок от ямса, отнес этот корешок в угол кухонного дома и исполнил все, что сказал Пуроу-манфиу.

Прошло время, весь урожай ямса, росшего в том краю, был собран, настало время сажать новый ямс. Все отправились в глубь острова засаживать участки ямсом, и тут начал подниматься тот самый ямс, который посадили в уголке кухонного дома. Подошло время собирать новый урожай ямса, а из-под кокосовой скорлупы еще не появилось ни одного листка. Но было видно, что сам ямс растет хорошо. Наконец скорлупу сняли, ямс выпрямился, сбросил с листьев землю, и выяснилось, что вырос он большим и мясистым.

Увидев, какой ямс вырос из корешка, посаженного по его же приказу, данному затем, чтобы проверить правдивость снов мафуа, Пуроу-манфиу решил, что теперь надо действовать согласно тому, что предвещали сны. И вот Пуроу-манфиу приказал вырыть этот ямс, сохранить его и, созвав всех жителей Фангута, велел им готовить подношения для Фэре из Мофману. Эти дары нужно было затем отнести к Фэре — так надлежало просить его о передаче власти Пуроу-манфиу.

Вскоре все жители Фангута приготовили и собрали подобающее угощение.

Наутро Пуроу-манфиу сказал своему мафуа:

— Ступай в Мофману и доложи Фэре, что я скоро буду у него и буду просить его передать мне власть.

Мафуа отправился в Мофману. Прибыв туда, он рассказал Фэре, с чем идет к нему Пуроу-манфиу в сопровождении своих людей. Услышав это, Фэре приказал своим поставить большой навес, крытый листьями кокосовой пальмы. Под этим навесом он собирался принять Пуроу-манфиу и его людей. Тут же растолкли корень куркумы, и прибывший мафуа — тот самый мафуа, что состоял при Пуроу-манфиу,— был натерт куркумой, украшен перламутровым

ожерельем, которое до этого носил тамошний советник и оратор, и усажен под навес — словом, был облечен новой, большей властью [4].

А тем временем в Мофману прибыл с дарами его господин в сопровождении своих людей. Тут они увидели, что все уже готово, что мафуа сидит под навесом, натертый куркумой, и на шее у него новое перламутровое ожерелье. Пуроу-манфиу и его люди принялись снимать с плеч ношу — корзины с дарами. Поставив их на землю, они зашли под навес. В этот миг Фэре выскочил из дома с палицей в руках — он размахивал ею, как во время сражения. Так под радостные крики людей он долго размахивал палицей и наконец приблизился к Пуроу-манфиу. Сняв с шеи ожерелье из перламутровых раковин, он украсил им Пуроу-манфиу. Затем, усевшись под навесом, он произнес речь, и так совершилась передача власти Пуроу-манфиу [5].

После этого была разлита и выпита кава, Пуроу-манфиу со своими людьми вернулся в Фангута, а Фэре остался жить у себя в Мофману.

21. Два альбиноса, приплывшие с Тонга

С Тонга однажды прибыли сюда два человека; ротуманцы говорят, что это были альбиносы. Оба они обладали необыкновенной силой и к тому же были чрезвычайно искусны в бою. Некоторое время они жили в Ноатау, и, пока они жили там, их лодка всегда стояла у берега. Отправляясь на противоположный конец острова, они останавливались в Валсесеэ и тогда оставляли лодку там, укрепляя ее у берега близ Аилала [1].

От ротуманцев эти двое были наслышаны об одном человеке из Малхаха. Звали его Фики-мараэ, и он тоже был наделен невероятной силой. Он, этот Фики-мараэ, во всяком сражении имел с собой двенадцать дротиков, которые он один за другим посылал во врагов. Он был невероятно искусен и ловок в метании копья и дротика.

И вот два альбиноса прибыли в Валсесеэ, что в местности Мотуса, и там узнали, что жителям Ханхап Мака [2] и всего западного побережья острова приходится очень плохо: тот силач угнетает их, непрестанно насылает на них своих людей, а его люди отбирают у местных жителей все съестные припасы. Где бы ни появлялись люди Фики-мараэ, они тут же начинали грабить сады и участки местных жителей, отнимать у них свиней.

Альбиносы стали расспрашивать местных жителей, как же тот силач пускает в ход двенадцать дротиков, которые берет с собой в каждое сражение. На это люди сказали:

— Всякий раз, когда он бросает в бою свои дротики, ему удается в один из бросков метнуть сразу два.

— В который же из бросков ухитряется он сделать это? — стали спрашивать альбиносы у местных жителей.

Те отвечали:

— Не угадаешь — это всегда бывает по-разному. Иногда он посылает во врага два дротика сразу в самом начале боя, иногда — в середине, а бывает, что он делает это в конце сражения.

И тогда альбиносы решили тут же отправиться в гости к Фики-мараэ и посмотреть на его необычайное искусство.

Они отправились в местность Малхаха. Фики-мараэ жил в Ваи. Они достигли его дома, обменялись с Фики-мараэ приветствиями, и тогда он спросил:

— Что привело вас ко мне?

Они отвечали:

— Мы наслышаны о твоем искусстве метать копье и дротик. Будь же добр, покажи нам, как ты делаешь это.

— Хорошо,— сказал Фики-мараэ.— Раз вы просите, я конечно же покажу вам это. Давайте сначала выпьем кавы, а потом вы увидите мое искусство.

Когда они угостились кавой, Фики-мараэ приказал одному из юношей, живших при нем, пойти и сорвать двенадцать дротиков — двенадцать стрелок маранты [3].

Юноша вернулся с двенадцатью побегами маранты и отдал их Фики-мараэ. А Фики-мараэ спросил у альбиносов, кто из них первым согласится встать перед ним, чтобы послужить ему мишенью.

— Я,— сказал старший из альбиносов.

И Фики-мараэ приказал ему:

— Вставай вон там.

Старший альбинос встал лицом к Фики-мараэ, и тот сделал первый свой бросок. Но альбинос успел отскочить в сторону, и Фики-мараэ промахнулся. Снова прицелился Фики-мараэ, и снова альбинос отпрыгнул в сторону. Так ему удавалось увернуться, пока не осталось всего два дротика. И тут Фики-мараэ метнул их оба сразу: один пролетел высоко в воздухе, другой — совсем низко. Тут альбинос кинулся на землю, но, прежде чем он успел плашмя растянуться на ней, дротик, летевший низом, задел его шею. А второй дротик, посланный высоко, пролетел мимо.

Альбинос сказал:

— Это превосходно, благородный господин. Теперь я вижу: все, что мне говорили,— чистая правда. Ты действительно великолепно владеешь этим искусством.

Тут второй альбинос попросил:

— Попробуй-ка и на мне.

Фики-мараэ приказал:

— Принесите дротики, которые я только что кидал.

Младший из альбиносов собрал все двенадцать дротиков, принес их Фики-мараэ и встал на то самое место, где только что стоял старший из альбиносов. Опять повторилось то же: сколько дротиков ни метал Фики-мараэ, альбинос все время уворачивался и все дротики летели мимо. Фики-мараэ метал дротик за дротиком, но без конца промахивался. И вот уже у него осталось всего два дро-

тика. Он взял их, прицелился в правую руку альбиноса и послал вперед оба дротика сразу. Оба они взвились на одну и ту же высоту. Альбинос успел отпрыгнуть влево, но один дротик попал ему в грудь. Второй пролетел мимо.

И оба альбиноса сказали Фики-мараэ:

— Превосходно, благородный господин. Сегодня мы наконец-то убедились, что только ты один на всем острове Ротума можешь так искусно метать дротик. А теперь прощай, благородный господин, нам пора идти.

Попрощавшись, альбиносы пошли назад в Мотуса, а Фики-мараэ остался у себя.

Вернувшись в Мотуса, альбиносы рассказали знатным людям Ханхап Мака, жителям Мотуса и разным другим людям, которые были тогда на западе острова, как они убедились в искусстве и мощи Фики-мараэ. И они сказали, что есть только один путь: если найдется хоть один человек, готовый пасть жертвой Фики-мараэ, тогда им вдвоем затем удастся убить злодея.

В Ханхап Мака был один человек, по имени Титупу, отличавшийся необыкновенной отвагой. Было ясно, что жизнь под гнетом Фики-мараэ невыносима, и поэтому Титупу сказал:

— Я готов умереть, готов пасть от руки Фики-мараэ, чтобы только потом наши жены, наши дети и все, кто будет после нас, смогли жить счастливо.

Тогда альбиносы велели:

— Если так, зовите всех, соберем войско и пойдем войной на Фики-мараэ и его людей.

Тут же было сообщено об этом всем вождям, всем знатным и простым людям, которые жили на западе острова. Собралось большое войско и двинулось на Малхаха.

Когда воины прибыли туда, Фики-мараэ уже поджидал их со своим собственным войском. Как только началось сражение, Титупу с громким криком бросился на Фики-мараэ, и между ними завязалась схватка.

Тем временем альбиносы спрятались в засаде, ожидая, когда Фики-мараэ изведет все свои двенадцать дротиков, тогда его можно будет сразу убить.

Итак, схватка продолжалась; альбиносы не сводили глаз с двенадцати дротиков Фики-мараэ. Наконец они увидели, что осталось всего два дротика; вот Фики-мараэ схватил их и метнул в Титупу. Один дротик пролетел мимо, но другой попал в цель: поверженный, Титупу рухнул на землю. Тут альбиносы выскочили из засады и бросились за Фики-мараэ. Они гнали его вперед, мчась за ним в самой гуще битвы, гнали до тех пор, пока силы совершенно не оставили Фики-мараэ. А тогда они накинулись на врага и убили его.

Известие о том, что альбиносам удалось настичь Фики-мараэ и убить его, разнеслось в один миг. Сражение закончилось, и воины разошлись по своим домам. Так был убит Фики-мараэ.

22. Масиа и его верные товарищи

Некогда на наш остров напал ужасный голод, скосивший множество жителей; не осталось почти ничего, и никому на острове не удавалось поесть досыта. Появилось немало людей, взявших за правило красть: голод толкал их на воровство. На всем острове не было ни одного человека, которого можно было бы назвать счастливым: ведь голод был совершенно ужасен.

В Ноатау жил в то время один человек, звали его Масиа [1]. Он стоял во главе своего селения, и многие люди там были очень преданы ему. Однажды он предложил своим людям попробовать отвлечься хоть немного — устроить какое-нибудь действо, станцевать. Но оказалось, что люди уже не в силах веселиться, настолько они ослабели от голода. Многие из них стали подумывать о том, как бы поживиться чужим добром, а многие были на самом деле так слабы, что не могли ни петь, ни танцевать.

Тогда этот знатный господин собрал всех верных ему людей (говорят, их было человек сто), чтобы рассказать им, о чем он думает.

Когда они пришли, он спросил:

— Что, не надо ли подождать еще кого-нибудь?

— Нет,— отвечали они,— мы все уже здесь. Ждать никого больше не надо.

И тогда он принялся рассказывать им, что тревожит его. Вот что он сказал:

— Послушайте меня все. Вы сами видите, что сейчас Ротума переживает тяжелые времена. Но Ротума сумеет пройти сквозь это, пережить все, и тогда опять воцарится благополучие. Я хочу, чтобы ни один из нас не остался запятнан бесчестьем — воровством. Мы должны помнить, мои благородные друзья, и о своей собственной чести, и о чести нашего края.

При этих словах все потупились, не смея взглянуть на своего предводителя. А Масиа встал и сказал:

— Если есть среди вас те, кто согласен со мной, пусть идут за мною.

Не успел он договорить, как двадцать преданных ему людей поднялись со словами:

— Мы никогда не прикоснемся к чужому. Мы пойдем за тобой и умрем с честью.

Масиа ответил им:

— Мы с вами обойдем весь остров, чтобы всякий, кто пожелает, мог присоединиться к нам. И мы умрем с честью, не запятнав себя кражей.

И он тут же пустился в путь со своими верными людьми. Они проходили по всем селениям, и всюду за ними шел каждый, кто, видя их, постигал значение их шествия.

Так они обошли остров и наконец достигли местности, которая называлась Маиси [2]. Там они остановились отдохнуть. Осмотревшись, они заметили, что нигде нет ни души: кого постигла

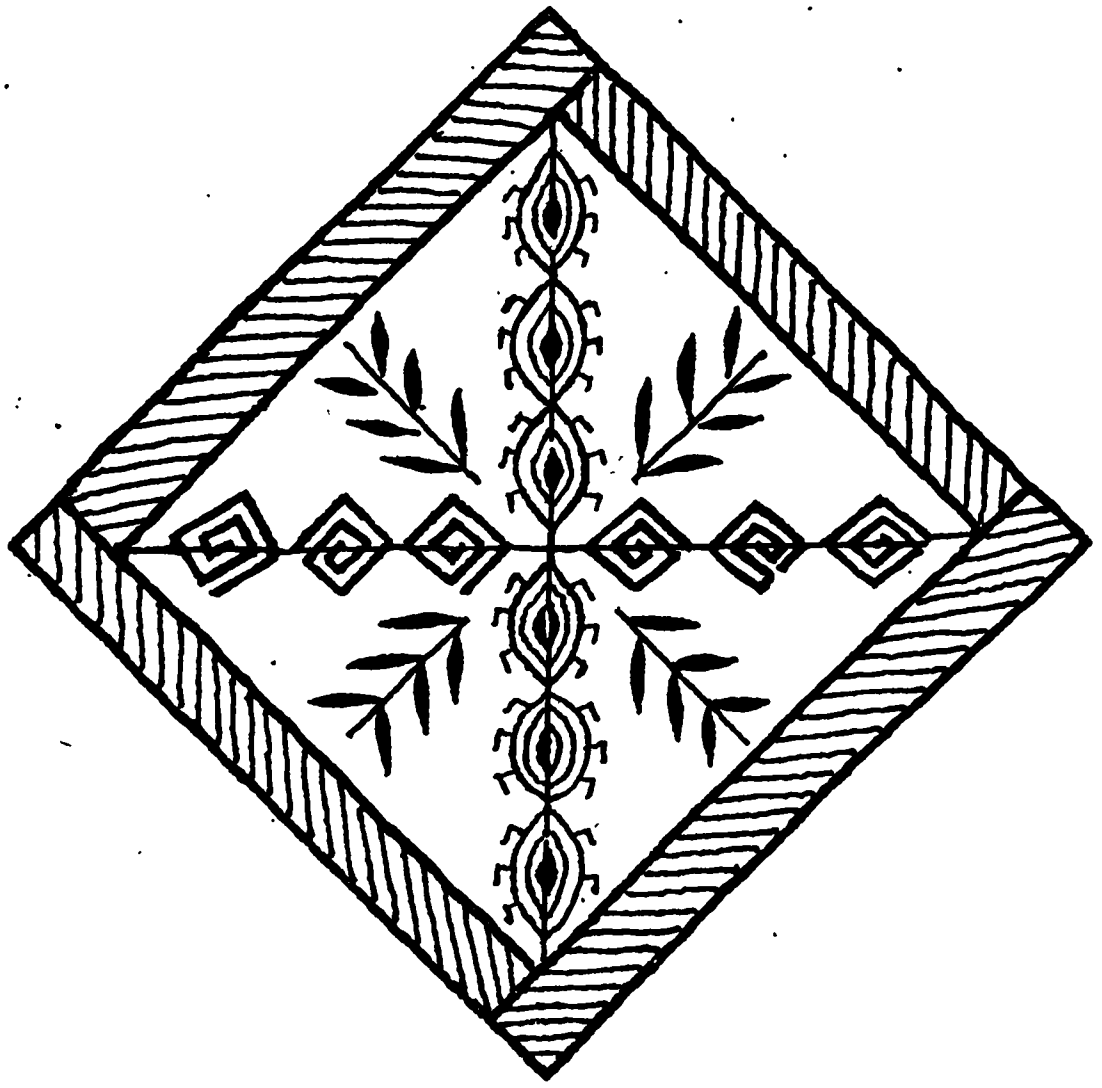
смерть от голода, кто отправился на нечистый промысел в чужие места.

Спутникам Масиа захотелось пить, и они пошли поискать пресной воды. За деревушкой оказался источник. Они напились из него, но легче им не стало: они были уже совсем слабы от голода, и рассудок их помутился.

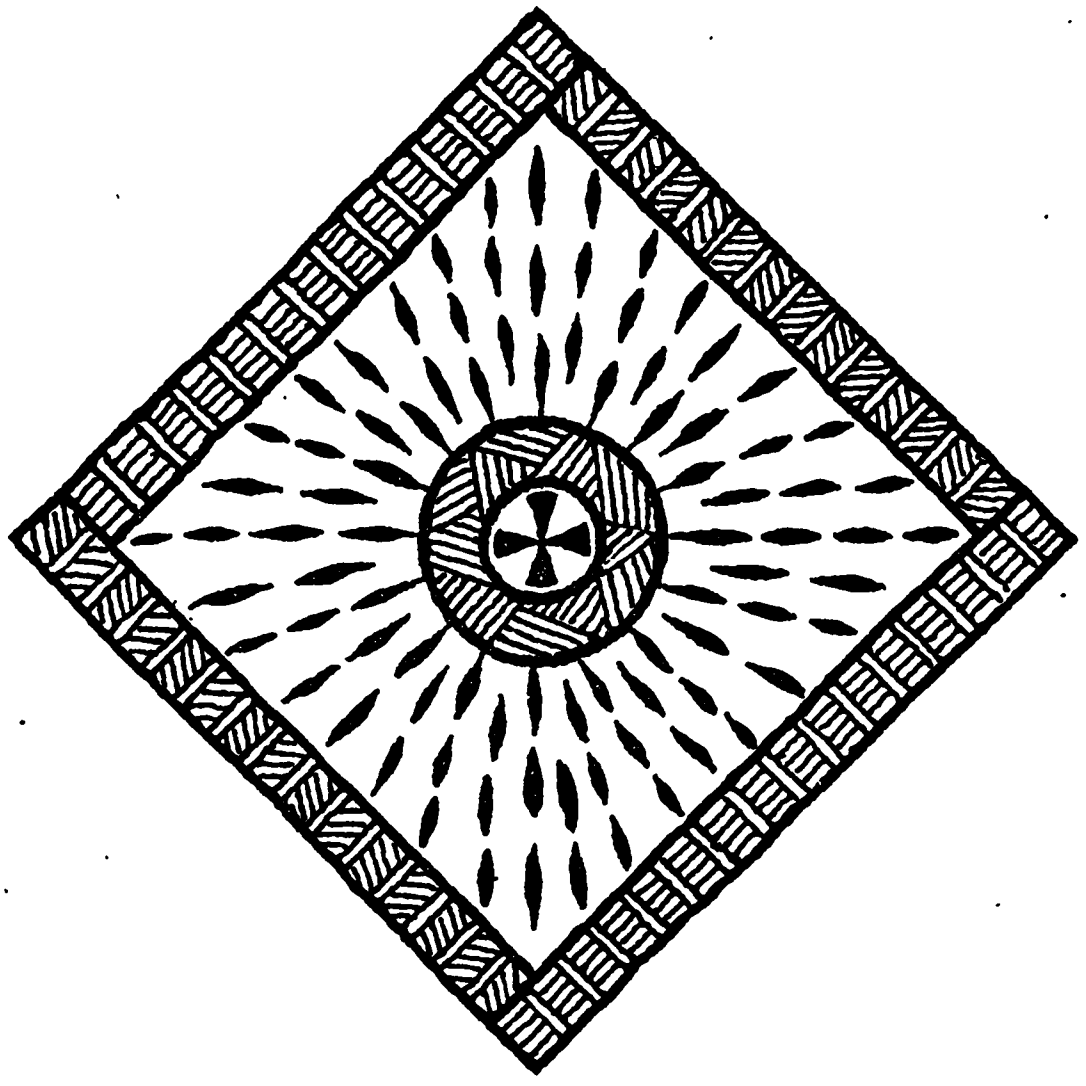
Как раз в это время над деревушкой веял приятный легкий ветерок. Почувствовав его, Масиа сказал своим верным товарищам:

— Нам лучше остаться здесь и здесь принять честную смерть.

И до сих пор у дороги, что проходит в Маиси, видна насыпь — основание дома, на котором они лежали в ожидании смерти.



Западное и Восточное Самоа



Населенные пункты

Безрельсовые дороги

ААНА Округа

Коралловые рифы

230 0 230 460км

Т И Х И Й

З А П А Д Н О Е

С А М О А

Ю Ж Н О Е С А М О А

О К Е А Н

Фангамало

Сафуне

Фалеалупо

о.Саваии

Салаилуа

Туасиви

Салеимоа

АПИА

о.Аполима

о.Маноно

ААНА

Лауалии

Тиавеа

ТУАМАСАНГА

ФАДЕАЛИЙ

Лотофанга

Салани

о.Уполу

о.Тутуила

ПАНГО-ПАНГО

Аманаве

о.Офу

о.Тау

о-ва Мануа

Лума

23. Происхождение Мануа и всего Самоа

Атуа Тангалоа жил в бескрайнем просторе. Это он создал все, что вокруг нас. Он был тогда, когда не существовало еще ни небес, ни земли, что служит нам домом. Он один бродил в бескрайнем просторе. Не было еще ни Океана, ни Тверди, и лишь там, где жил Тангалоа, стояла скала, Папа [1]. Звали этого атуа Тангалоа-фаатутупунуу, Тангалоа — Творец Земель, ибо это он сотворил все, до него же ничего не существовало. Не было неба, вообще ничего не было, и лишь одинокая Папа стояла там, где стоял сам Тангалоа.

И сказал Тангалоа скале:

— Разверзнись, расколись на части!

И появился на свет Папа-таото, Лежачий Камень. И еще появился Папа-соло, Пемза, и Папа-лауааy, Риф, и Папа-аноано, Скважистый Камень, и Папа-эле, Утес, и Папа-ту, Кремень, и Папа-амуаму, Коралл. Таков перечень их всех.

Тангалоа стоял, обратив взгляд на запад, и говорил со скалой. И вот он ударил по скале правой рукой, и скала раскололась с правой стороны. Так появилась Твердь (а от нее потом пошли все люди, что живут на земле), и так появился Океан.

Воды Океана накрыли Папа-соло, Пемзу, и Папа-таото сказал:

— Благословен Папа-соло, омытый морской водой!

Папа-соло же отвечал:

— Не стоит называть меня одного благословенным, ведь морская вода покроет скоро и тебя.

И на самом деле, все камни и скалы были омыты благословенной морской водой.

Тангалоа же обратил свой взгляд на правую сторону скалы, и появилась пресная вода. И Тангалоа снова отдал скале приказ: «Разверзнись» — и возникло Небо.

Снова обратился Тангалоа к скале, и она родила Небесные Опоры [2].

А затем появились на свет Илу, Бесконечность, Мамао, Даль (это была женщина), и Ниу-ао, Беспредельность [3].

Снова обратился Тангалоа к скале, и вот появился на свет Луа-о, мальчик; Тангалоа еще раз заговорил со скалой, и вот родилась Луа-ваи, девочка. Их Тангалоа нарек семейством Туа-ланги [4].

Снова обратился Тангалоа к скале, и вот появился на свет Ао-алало, мальчик, а вслед за ним родилась Нгаонгао-о-ле-таи,

девочка [5]. Затем появился на свет Тангата, Человек, затем — Анганга, Дух, затем — Лото, Сердце [6], затем — Финангало, Воля, затем — Масало, Дума [7].

На этом кончается перечень созданий Тангалоа, рожденных скалой Папа. Все они плавали в водах Океана, потому что прочного пристанища у них еще не было.

Тангалоа и скала Папа стали решать, как быть дальше. И вот что было решено.

Лото и Анганга, Финангало и Масало — Сердце и Дух, Воля и Дума — должны были слиться воедино в человеке. Они соединились в нем, и так человек обрел мудрость. Человек же соединился с Элеэле, Землей, и союз этот был назван союзом Фату и Элеэле, мужчины Фату и женщины Элеэле.

Илу и Мамао было приказано:

— Соединитесь и ступайте на небо — вы будете жить там вместе с вашим сыном Ниу-ао.

Они последовали приказу Тангалоа и отправились в бескрайний небесный простор, а тогда в нем еще не было ничего, на чем мог бы задержаться взгляд.

Луа-о и Луа-ваи было приказано:

— Отправляйтесь в ту сторону, где пресная вода, и заселите ее. Ваше потомство тоже будет жить там.

Ао-алало и Нгаонгао-о-ле-таи были посланы в воды Океана, с тем чтобы заселить его и чтобы их потомки тоже жили там.

Фату и Элеэле были отправлены в южную сторону, по левую руку Тангалоа, точно напротив северного предела Туа-ланги. Этим супругам было приказано поселиться здесь, на нашей земле.

Небесным Опорам Тангалоа приказал:

— Идите поддерживать небо.

Они взвалили на себя небо, и оно поднялось высоко. Но удержать небо им не удалось, и оно обрушилось вниз. Тогда Небесным Опорам пришлось позвать могучие травы — Масоа и Теве [8]. Те пришли и взвалили небо на себя. Теперь его уже наверняка можно было удержать. (Эти травы, масоа и теве, появились первыми, а все другие растения появились позже.) Итак, небо было уже высоким, но в нем по-прежнему не было ничего, совершенно ничего, на чем мог бы задержаться взгляд. Был один только бесконечный простор, в котором парили Илу и Мамао.

У Илу и Мамао родились там дети. Первым родился Ао, День, за ним — По, Ночь. И еще Тангалоа приказал им произвести на свет Мата-о-ле-ланги, Небесный Глаз — Солнце. Затем Илу и Мамао произвели на свет Небо — так появилось Второе Небо. Небесные Опоры отправились поддерживать его. Илу и Мамао заселили его и затем родили еще одно Небо. И это небо легло на плечи Небесных Опор; Это было Третье Небо. Илу и Мамао заселили и его и вскоре произвели на свет новое небо, это было Четвертое Небо. И его взвалили на себя Небесные Опоры, и Илу и Мамао заселили и его тоже. Потом у них родилось Небо, ставшее пятым. И это новое небо отправились подпирать Небесные Опоры, а Илу и Мамао за-

селили и его. Следующее небо появилось на свет — Шестое Небо. Небесные Опоры взвалили его на себя, Илу и Мамао отправились заселять его.

Следующее небо появилось — Седьмое Небо. И оно легло на плечи Небесных Опор, и его заселили Илу и Мамао, родившие вскоре следующее небо — Восьмое. Восьмое Небо тоже опустилось на Небесные Опоры и стало домом потомкам Илу и Мамао.

И еще одно небо появилось на свет — Девятое Небо. Оно тоже осталось покоиться на Небесных Опорах, а Илу и Мамао заселили его и сами поселились на нем. Здесь кончается перечень потомков Илу и Мамао, всего же они произвели на свет девять небес [9].

И прежде всех жил Тангалоа, известный как Тангалоа-фаатутупу-нуу, Тангалоа — Творец Земель. И он же создал Тангалоа-ле-фули, Тангалоа-асиаси-нуу, Тангалоа-толо-нуу, Тангалоа-савали; еще он создал Тули и Лонго-ноа [10].

Тангалоа-фаатутупу-нуу, Творец, приказал Тангалоа-ле-фули:

— Ступай на небо, ты будешь небесным вождем.

И Тангалоа-ле-фули стал знатным и благородным вождем Небес.

А Тангалоа-фаатутупу-нуу, Творец, приказал Тангалоа-савали:

— Ты будешь служить посланным на небе, будешь ходить по всем небесным пределам — от Восьмого Неба до Первого — и будешь звать всех на сбор в край Тангалоа-ле-фули — на Девятое Небо, где восседает он.

Ему же было приказано подниматься на совет на Девятое Небо и спускаться на Первое Небо, к потомству Дня и Ночи.

Тангалоа-савали отправился на Первое Небо и обратился к Ао и По, Дню и Ночи:

— Есть ли у вас еще дети?

Те отвечали:

— При нас двое детей — Ланги-ули и Ланги-ма [11].

Все звезды, что светят на небе,— это тоже потомство Дня и Ночи, но имена этих звезд забыты, утрачены.

День и Ночь сказали также:

— Есть у нас еще четверо детей, которым пока не нашлось никакого предназначения. Их имена Мануа, Самоа, Ла, Солнце, и Масина, Луна.

Вот откуда пошли названия островов Самоа и Мануа — от детей Ао и По, Дня и Ночи. Полное имя одного из них было Сатиа-и-ле-моа, что значит «пораженный болезнью еще в утробе матери». И действительно, ребенок этот еще не родился, когда какая-то хворь напала на него в материнском чреве. Вот почему его назвали потом Сатиа-и-ле-моа, а уж отсюда — Самоа [12]. Что же касается другого ребенка, то, когда он появился на свет, тело его было как бы разъедено с одной стороны. Ао спросил у По:

— Что это, не ранен ли он чем-то? Похоже, рана серьезная, мануа-теле.

Вот откуда пошло его имя — Мануа-теле.

Так вот, выслушав все, Тангалоа-савали сказал:

— Хорошо. Теперь же мы отправимся на Девятое Небо — мы должны собраться там на совет.

И они все собрались на Девятом Небе, где восседали два Тангалоа — Тангалоа-фаатутупу-нуу и Тангалоа-ле-фули. И там, на Девятом Небе, они все собрались на святилище Малаэ-а-тотоа [13].

Так начался совет на Девятом Небе. Было решено, что дети Илу и Мамао, расселившиеся по Восьмому Небу, станут мастерами и спустятся с неба сюда, на нашу землю. Всего их, этих мастеров, было безмерно много [14], и все они, как один, носили имя Тангалоа [15]. Это они воздвигли дом для Тангалоа-ле-фули, ведь на Девятом Небе не было своих собственных мастеров-строителей. Дом Тангалоа был назван Фале-ула, Главный Дом.

Затем Тангалоа-фаатутупу-нуу сказал, обращаясь к Ао и По, Дню и Ночи:

— Пусть двое ваших детей спустятся вниз, на землю, где живут потомки Фату и Элеэле, и станут править этим пределом. И пусть навсегда останутся их имена. Властитель Девятого Неба — Тангалоа-ле-фули. Что же до властителей тех земель, они будут называться Туи-о-Мануа-теле-ма-Самоа-атоа, верховные правители островов Мануа и всего Самоа [16].

И еще Тангалоа-фаатутупу-нуу сказал Ао и По такие слова:

— Двое других детей, Ла и Масина, Солнце и Луна, пусть следуют за вами. Куда бы ни шел День, Солнце всегда должно следовать за ним по пятам. Куда бы ни направлялась Ночь, за ней должна идти Луна.

И всем на земле известно, что Солнце и Луна — две тени Тангалоа, так и говорят: «Луна Тангалоа».

Этот же Тангалоа, Тангалоа-Творец, приказал:

— Пусть эти двое детей всегда ходят одним и тем же небесным путем. И для звезд тоже должен быть всегда один, назначенный путь по небу.

Вскоре Тангалоа-савали отправился повидать новые земли. Свое путешествие он начал с островов, что на востоке. Все эти острова показались из моря, и он отправился посмотреть, выросли ли уже острова Фиджи. Но идти туда было слишком далеко и трудно для него. Тогда он поднял глаза на небо, к Тангалоа-фаатутупу-нуу и Тангалоа-ле-фули. Они же заметили взгляд Тангалоа-савали — и вот уже стали подниматься, расти острова Тонга. Так образовалась твердь, по которой мог пройти Тангалоа-савали.

Потом он собрался идти туда, где теперь Мануа, и снова поднял глаза на небо: ведь ему негде было пройти к Мануа. Тангалоа-фаатутупу-нуу и Тангалоа-ле-фули обратили свои взоры вниз — и вот уже вырос остров Саваии, появилась твердь, по которой мог пройти Тангалоа-савали.

Вернувшись на небо, Тангалоа-савали сказал:

— Немало земель уже выросло внизу. Есть там острова на востоке, и острова Фиджи, и острова Тонга, и Саваии.

Создав все земли, Тангалоа-фаатутупу-нуу на Туче отправился взглянуть на них. Острова пришлись ему по сердцу, и он сказал:

— Очень хорошо.

Он прошел по вершинам гор и холмов и утоптал их ногами, чтобы людям потом было легче ходить и жить там. И наконец он вернулся назад, сказав Тангалоа-савали:

— Ступай вниз снова, иди прежней дорогой, и пусть с тобой будут те, кто примет во владение восточные острова.

Люди, живущие там, происходят все от одной пары, от мужа и жены, спустившихся с неба, от Тангалоа.

А затем Тангалоа-савали спустился на острова Фиджи и взял с собой другую супружескую пару, тоже из числа потомков Тангалоа.

Потом он спустился на Тонга и туда тоже отвел супружескую пару, потомки которой заселили все острова Тонга. А те двое тоже были от Тангалоа.

Потом же Тангалоа-савали отправился на Мануа, в край, где жили Фату, Элеэле и их дети. Ведь Тангалоа-фаатутупу-нуу приказал им спуститься на землю и поселиться именно на этой земле. Теперь же Валуа и Тиапа отправились на Саваии, чтобы заселить и этот остров. Валуа и Тиапа были детьми Фату и Элеэле, они происходили с Мануа, и потому Саваии и Мануа едины. Валуа и Тиапа родили Ии и Сава: дочь они назвали Ии, сына — Сава. А уже от них пошли все люди на острове, и остров этот был назван Саваии [17].

Снова отправился Тангалоа-савали на Мануа, а на пути своем остановился и взглянул на небо, исполненный надежды. Увидел его Тангалоа-фаатутупу-нуу — и вот возник могучий остров Уполу. А Тангалоа-савали вновь поднял глаза вверх; Тангалоа-фаатутупу-нуу поймал этот взгляд — и вот уже вырос остров Тутуила.

Вернувшись на небо, Тангалоа-савали сказал:

— Теперь внизу есть еще две земли, на которых можно остановиться.

Тангалоа-фаатутупу-нуу, Творец Земель, приказал ему:

— Иди же туда, возьми с собой Фуэ, возьми и посади его под лучами солнца. Пусть он остается там, пока не даст потомства. Когда же ты увидишь, что появилось потомство, ты доложишь мне.

Так Фуэ был взят на землю и посажен в Салеа-ау-муа [18], на святилище, что называется Малаэ-ла, Святилище Солнца. А Тангалоа-савали остался бродить там, дожидаясь, когда Фуэ даст потомство. И вот наконец появилось потомство Фуэ. Теперь можно было возвращаться к Тангалоа-фаатутупу-нуу с обещанным известием.

Тут Тангалоа-фаатутупу-нуу отправился вниз вместе с посланным, сошел на то святилище и увидел, что Фуэ произвел на свет нечто, похожее на червей. Червей этих было великое множество. Тангалоа-фаатутупу-нуу принялся мять и вертеть этих червей, и вот уже можно было узнать голову, руки, ноги, туловище человека, появлявшиеся под руками Тангалоа. Наконец тело человека было готово, и готовому телу были приданы сердце и дух. Так были созданы четыре человека, которые и заселили две новых земли. Появились Теле и Уполу, дети Фуэ. Появились Туту и Ила, тоже дети Фуэ. Итак, всего их было четверо: Теле и Уполу, Туту и Ила.

Теле и Уполу отправились жить на острове Уполу-теле [19]. Туту и Ила поселились на земле, которая получила имя Тутуила [20].

Фуэ, сын великого Тангалоа, сошедший с небес, носил два имени — Фуэ-тангата и Фуэ-са [21]. От него и пошли люди, расселившиеся по двум названным островам.

Покидая землю, Тангалоа сказал:

— Никто не смеет распоряжаться землей Мануа по своей воле. Со всяким, кто нарушит закон Мануа, случится горе. Пусть же всякий, кто ищет власти, правит лишь на своей, ему предназначенной земле.

На этом кончается рассказ о сотворении Самоа и Мануа; рассказ кончается прощальными словами Тангалоа, сказанными на святилище Малаэ-ла, Святилище Солнца.

24. Происхождение земли и людей

Жили некогда супруги, мужа звали Афи-му-саэсаэ, что значит Жаркий Огонь, жену — Муталали, Горящее Пламя. У них родился сын Папа-эле, Утес. Этот Папа-эле взял в жены Папа-соло, Пемзу, и у них родился сын Папа-нофо [1]. Папа-нофо, Огниво, женился на Папа-ту [2], Кремне, и произвел на свет Фатуту, Яркий Свет. Фатуту женился на Мата-аноа [3], Зенице, и у них родился сын Тапу-фити, Священный Блеск. Тапу-фити женился на траве Мутиа [4], и у них родился сын — цветок Мауутонга [5]. Мауутонга взял в жены траву Сефа [6], а потом Сефа вышла замуж за побег Ваофали [7]. Он же, этот Ваофали, затем взял в жены Таатаа, Быстро Бегущую, и они произвели на свет Маутофу [8]. Маутофу, кустарник, женился на дереве Таваи [9], и у них родился Тои [10], Мыльное дерево. Тои женился на дереве Фуафуа [11], и они родили дерево Масаме [12]. Этот Масаме женился на дереве Мамала [13], и у них родился Мамалава [14]. Мамалава, лесное дерево, взял в жены Малили [15], высокую поросль долин. Потом же Малили вышла замуж за Тапуна, побег омелы, и у них родился кустарник Ваи-лоа [16].

Тогда взглянул вниз Тангалоа-аланги, Тангалоа Небожитель, и увидел, что деревья и травы слишком высоко поднялись на земле. И он послал вниз, на землю, своего слугу, которого звали Фуэ, Лиана. Фуэ опутал все верхушки деревьев, и они склонились вниз. Тангалоа-аланги же послал вниз другого своего слугу — по имени Тули, Посланный [17]. Побывав внизу, Тули вернулся и сказал Тангалоа-аланги, что земля хороша, но очень уж скверно, что деревья больше не могут свободно расти на ней: Фуэ с невероятной силой пригнул их книзу.

На это Тангалоа-аланги сказал:

— Возьми толстую палку и отправляйся назад на землю. Этой дубинкой ты побьешь Фуэ.

Итак, Тули сошел вниз, взяв с собой дубинку, и сильно поколотил ею Фуэ. Фуэ упал на самую землю и пустил на ней пышные побеги. А Тули отправился к Тангалоа-аланги и доложил ему:

— Теперь все должно быть хорошо. Пойду-ка я снова проведаю землю.

Снова спустился Тули вниз и увидел там, что, лежа на земле, Фуэ успел загнить, а в его останках завелось великое множество червей.

Опять пошел Тули к Тангалоа-аланги и сказал:

— Господин, останки Фуэ загнили, и в них завелось множество червей.

Тогда Тангалоа-аланги велел Тули спуститься на землю с аиту по имени Нгаио [18]. И из тех самых червей Нгаио принялся творить людей.

Сначала была сотворена голова. И Нгаио сказал:

— Это голова.

А Тули попросил:

— Включи и мое имя в ее название.

Вот откуда пошло слово тулиули — затылок.

Потом Нгаио сказал:

— Вот туловище.

Тули снова стал просить его:

— Пусть и мое имя будет в каком-нибудь названии.

Вот откуда пошло слово тулиманава — живот.

Потом Нгаио сказал:

— А это рука.

И опять попросил Тули:

— Включи и мое имя в одно из названий.

Вот откуда пошло слово тулилима — локоть.

Потом Тули еще не раз просил у Нгаио:

— Пусть мое имя будет в этом названии, и в этом, и в этом.

Вот откуда названия тулилима — локоть — и туливае — колено [19].

25. О детях По и Ао

У По, Ночи, и Ао, Дня, были сыновья Ита-ао, Ала-тауа, Туи-самоа и дочь Масина-ауэле. Все они отправились на восточные острова в поисках земли, где можно было бы поселиться. И тут их заметили с неба великие Тангалоа; они увидели, что дочь Ао и По очень хороша собой. Было решено: «Эта девушка достойна благородного Тангалоа-фаатутупу-нуу, Тангалоа — Творца Земель». Тангалоа взял ее в жены, и она родила ему сына, которого назвали Ле-афи-му-мамао [1]. А родственники Масины оскорбляли и беспрестанно унижали ее, и наконец Тангалоа-фаатутупу-нуу сказал Масине-ауэле:

— Довольно, тебе не стоит больше жить здесь, на востоке, надо отделиться от братьев. У тебя должна быть собственная земля. Ступай же в край, где ты будешь жить без них и где я не только поселю вас, но и наделю властью Ле-афи-му-мамао.

И вот появился остров Мануа, где Тангалоа и поселил своего сына. Этот юноша стал первым Туи Мануа [2].

А Тангалоа-фаатутупу-нуу собрал на совет всех других Тангалоа: Тангалоа-пуле, Тангалоа-Властителя, и Тангалоа-вааи, Тангалоа-Прорицателя, и Тангалоа-тау-савали, Тангалоа-Посланника. И сказал Тангалоа — Творец Земель своему брату Тангалоа-Властителю:

— Пусть будет справедливым и добрым твое правление. Люби же земного правителя Ле-афи-му-мамао.

Затем он обратился к Тангалоа-Посланнику:

— Пусть будут успешными все твои посольства и путешествия. Люби же земного правителя Ле-афи-му-мамао.

Тангалоа-пуле и Тангалоа-тау-савали с этого времени пытались во всем противостоять, как только можно, Тангалоа-феаи, Тангалоа Свирепому. И действительно, правление сына Тангало оказалось счастливым, и вместе с ним жила в его землях сестра тех троих — Иту-ао, Ала-тауа и Туи-самоа.

26. Происхождение самоанцев

Предки самоанцев приплыли на эти острова по морю. Известно о них лишь то, что некогда они высадились на этих землях, а откуда они прибыли, никто не знает. Первыми появились люди на Мануа [1]. И до сих пор тело всякого вождя с Уполу и с Саваии проносят после смерти по родному его селению и восклицают при этом: «О Туи Мануа, вот один из твоих знатных и благородных людей!»

Вслед за жителями Мануа на Самоа прибыли Туа, Ана и Санга. Предел, в котором поселился Туа,— Атуа на Уполу — был затем разделен на три части: первая из них — Салеаа-аумуа, голова Атуа, вторая — Фалефа, сердце Атуа, и третья — Фале-а-лили, хвост Атуа [2].

Лили было имя одного фиджийца, изгнанного с родной земли за дурной нрав и нарушение законов. Он прибыл на Самоа тогда, когда благородные вожди Атуа уже успели собраться и посовещаться между собой. Уже было решено, что местность Алеипата станет главной, улу, а столица расположится в Луфилуфи [3]. По прибытии Лили было решено, что местность, в которой он поселится, станет называться Хвостом Атуа. Итак, местность Алеипата стала улу, главной местностью, столица была устроена в Луфилуфи, а Фале-а-лили назвали Хвостом Атуа. Лили построил себе дом в Сатало, и вся его земля стала носить название Фале-а-лили, Дом Лили [4].

Когда все это уже было сделано, туда прибыл Ваэ-нуу, носивший также имя Лили-ита. Он прибыл из края, где правил Туи-алии. Это он — дух, покровительствующий семейству Малиэтоа [5]. Знак его — лист бананового побега мамаэ. С наступлением июня [6] в его честь устраивается празднество с целью задобрить его и отвести от земли болезни.

27. Откуда пошло растение, из которого делают каву

Был в Ваилеле вождь по имени Фале-сеу. Звали же его так потому, что больше всего на свете он любил охотиться на голубей [1]. Вот однажды он отправился на обычный свой промысел, в одно из тех мест, где на деревьях у него были устроены особые укрытия — тиа [2]. Было это в лесных зарослях в глубине острова, за Лаулии. Прошло некоторое время, и к вождю отправились две его дочери — узнать, не надо ли ему чего-нибудь. Одну из девушек звали Тину-поула, другую — Сина-афалуа. И в Ваимаунга говорят, что именно эти девушки и получили первыми каву — первыми на Самоа.

Так вот, искали, искали они отца, но так и не нашли. Расстроенные и недовольные, они пошли прочь от того места. В огорчении они и не заметили, как дошли до Сиуму. Оттуда направились к Мулифануа. А придя туда, они увидели лодку, которая собиралась уже отплывать. Плыла она на Фиджи. Фиджийцы, что сидели в лодке, приплывали на Самоа в поисках говорящего с духами — знахаря-таулаиту [3]: нужно было вылечить захворавшего властителя Фиджи — Туи Фити.

Девушки окликнули гребцов и попросили взять их с собой. Но гребцы не хотели пускать их в лодку и принялись поскорее грести. Лодка же их стала неподвижно и, сколько они ни старались, оставалась на месте. Тогда один из них сказал, что надо бы посадить девушек в лодку: может, они колдуньи и знахарки, и тогда только в их власти заставить лодку плыть.

Итак, девушки спустились к воде, подошли к гребцам, и, как только сели в лодку, она тут же сдвинулась с места и поплыла на восток. Плыли они, плыли и достигли мыса, что недалеко от Фалефа. Называлось то место Фатауа.

Там на высоком берегу они нарвали себе кокосов и взяли их с собой. Опять лодка пустилась в открытое море. Наевшись кокосов, гребцы побросали скорлупу кокосовых орехов в воду, а девушки подобрали скорлупки, наполнили их морской водой и положили в лодку.

Отправляя мореходов, Туи Фити давал им такой наказ: «Если вы будете возвращаться на Фиджи вместе со знахарем, проведите лодку по проходу кефали — Ава-о-анаэ. Если же не будет с вами на борту знахаря, пусть лодка идет проходом макрели — Ава-о-атуле».

На Фиджи уже успели заметить, что лодка приближается, и теперь ждали, в который из двух проходов она войдет. Как только все увидели, что лодка приближается к проходу кефали, Ава-о-анаэ, сразу поняли, что в лодке сидит долгожданный знахарь. Слух об этом вмиг разнесся по всему острову, и тут же собралось множество людей. Едва лодка вошла в проход Ава-о-анаэ, как в нее попрыгали рыбы: это была кефаль, и было ее столько, что почти вся лодка мигом заполнилась рыбой. Девушки спросили, что это такое.

— Это будет ваша пища,— ответили гребцы.

Наконец лодка подошла к самому берегу, и Туи Фити спросил у девушек:

— Это вы знахарки?

Девушки же спросили:

— Что за болезнь мучает тебя?

Туи Фити ответил:

— Я маюсь животом.

Тогда девушки велели принести морскую воду, которую они набрали во время плавания, и вскипятить ее в кухонном доме. Эту воду дали выпить вождю, и он тут же оправился от болезни. И сказал Туи Фити своим прежним женам, женщинам незнатного происхождения:

— Ступайте прочь, возвращайтесь к своим родным. Теперь со мной останутся эти двое, и будет у меня только две жены.

У них родились дети. Первого мальчика назвали Суа-сами-авааава, второго — Соала-тетеле-упенга-о-фити. Потом появилась на свет девочка. Тогда Туи Фити спросил у женщин:

— Откуда вы родом?

— Из Ваилеле,— отвечали они.

Туи Фити спросил тогда:

— А что есть приметного в ваших краях?

— Есть маленький-премаленький источник; даже в устье его воды так мало, что она и пятки не покроет.

И Туи Фити решил тогда:

— Имя моей дочери будет Мули-ваи-леле, Устье Речки [4].

Через некоторое время Суа-сами-авааава заболел. Умирая, он сказал матери, брату и сестре такие слова:

— Скоро я умру. На моей могиле не сажайте ничего. А то, что само вырастет на ней, возьмите с собой, когда отправитесь в гости на Самоа: это будет моим подарком тамошним родственникам.

Мать и брат хорошо запомнили эти слова.

Вот однажды пошли они повидать могилу Суа-сами-авааава и увидели там малюсенький росток, похожий на ноготь. Решили: «Пусть растет дальше». Спустя некоторое время они снова пришли посмотреть, а росток уже вытянулся и стал напоминать палец. Это был росток кавы. Вскоре родственники снова пришли на могилу, а там показался другой росток, тоже похожий на ноготь. Стали они ждать, пока и этот росток не поднимется, и увидели, что стебель весь в узлах — то был сахарный тростник.

Оба ростка становились все больше и больше. Однажды родственники пришли и увидели, что на могилу приползла крыса и принялась грызть стебель кавы. Вдруг они заметили, что крыса распростерлась на земле с ошалелым видом, с совершенно помутившимися глазами. Потом крыса повернулась к сахарному тростнику, и ее глаза опять стали чистыми. Вот почему святилище в Ваилеле назвали Нинива, Опьянение: ведь крыса опьянела там от кавы.

И вот Соала-тетеле-упенга-о-фити решил, что настало время отправиться в гости к родственникам на Самоа, взяв с собой все, что выросло на могиле брата, ведь именно таков был последний наказ Суа-сами-авааава. Так и было сделано. Но в плавании их настиг шторм, а земли в это время еще не было видно. Наконец их прибило к берегу Фангалеле, что на Саваии [5]. Там им пришлось остаться, потому что ветер не утихал, а становился все сильнее.

Там они построили дом и посадили каву. Она разрослась подле того дома. Это место и называют до сих пор Аи-ава, Начало Кавы.

28. Сина и ее родители, или Как на Самоа появились кокосы

Жили некогда супруги, звали их Паи и Паи. У них была дочь Сина, девушка необыкновенной красоты.

Однажды родители пошли ловить рыбу. Одну из пойманных рыбок — это был угорь — они отдали дочери. Сина оставила рыбку жить. Довольная тем, что у нее теперь есть питомец, девушка поместила угря в водоем Пуналуа и стала подкармливать.

Вскоре питомец Сины подрос, и девушка перенесла его в другой водоем, побольше; этот водоем назывался Пунателе.

Угорь кормился там и продолжал расти, и вот уже его пришлось перенести в водоем, что в устье источника Ваилоа, там, где он впадает в море. Это то место, где проточная вода вливается в море, а вода та и есть источник Ваилоа.

Как-то Сина пришла туда купаться. У самой воды росла гардения. Сина стала срывать цветы гардении, а они падали в воду. Протянув руку за одним из упавших в воду цветков, Сина оступилась и оказалась в воде. И тут ее питомец набросился на нее и лишил ее невинности.

Оскорбленная, разгневанная, Сина тут же бросилась прочь и отправилась на Саваии. Угорь последовал за нею. А Сина, нигде не найдя утешения, обошла весь остров Саваии и снова вернулась на Уполу.

Там она стала бродить по Аана, но нигде ей не было покоя, и тогда она отправилась в Туамасанга. В местности Фуаиуполу она остановилась.

А в Фуаиуполу в это время собрались на совет вожди. Им и поведала Сина о своем горе. Выслушав ее, благородные вожди встали и пошли собирать горькие, ядовитые травы, чтобы поднести их обидчику девушки вместе с кавой и так отравить его.

Угорь же понял, что его хотят отравить, и позвал девушку:

— Прошу тебя, Сина, поди сюда.

Сина спустилась на берег, и угорь сказал ей:

— Послушай, Сина. Когда все будет кончено и меня не станет, а вы будете делить мое тело на части [1], возьми себе мою голову. Зарой ее в землю у ограды, сложенной из камней, и из головы выра-

стет для тебя кокосовая пальма. Из кокосовых волокон ты сможешь плести циновки, изящные опахала — и все это будет знаком моей к тебе любви. Потом на пальме появится кокос; когда ты соберешься выпить его содержимое, мы сможем снова увидеть друг друга [2]. К тому же, когда у тебя будут кокосы, ты сможешь готовить из них разные кушанья и угощать всех своих.

И еще напоследок угорь сказал Сине:

— Хотя сейчас и придет моя смерть, мы не расстаемся с тобой, мы по-прежнему будем вместе.

О да, Сина, с любовью простимся,
Сейчас убит я буду врагами,
Ты же голову мою получишь.
Сохрани, посади ее в землю,
В зе́млю зарой у ограды из камня,
И она оживет плодами,
Из которых сможешь напиться
И в которых хранить будешь воду.
Ты увидишь — вырастут листья,
Чтобы стлать их на крышу дома;
Нежный ветер приносит их веер.
Мы с тобою увидимся снова...

И вот питомец Сины умер, его тело разрубили на части, Сина взяла себе его голову и сделала все, как он сказал.

А о самой Сине сложили такие слова:

Прекрасная Сина, дочь Паи,
Срывала цветы, в воду роняла,
Сама за ними прыгала в воду,
И там жестокий ее обесчестил.

29. Как появился остров Маноно

На Самоа считается, что Маноно — не исконная самоанская земля и что жители Маноно отличаются от всех прочих самоанцев. Коренные самоанцы говорят, что земля эта приплыла сюда от берегов Фиджи; хозяином и правителем ее был тогда вождь Лаутала. Он прибыл на Самоа, собираясь завоевать все самоанские земли. Приплыл он на Самоа на своем острове и сначала хотел установить его между Мануа и Тутуила. Но тут оказалось, что остров Тутуила получается уж слишком далеко. Тогда вождь покинул те воды и поплыл к острову Уполу. Но там тоже оказалось, что расстояние между островами слишком велико, и вождь двинулся в пролив, что разделяет Уполу и Саваии. Там он и решил остаться, потому что Уполу и Саваии оказались совсем недалеко друг от друга.

Итак, Лаутала решил, что это место подходит ему больше всего, и оттуда пошел войной на соседние земли. Многие самоанцы погибли тогда, в той войне: вождь Лаутала был бесстрашным и сильным воином. Когда сражения закончились, Лаутала и его люди

принялись пересчитывать тела убитых самоанцев и увидели, что им никогда не сосчитать их: там было столько трупов, что и представить невозможно. И они бросили считать. Вот почему земля, на которой жил и правил Лаутала, получила имя Маноно, что значит «без счета» [1].

Когда же Лаутала умер, власть перешла к Луа-туту и Луа-фатаалии. Эти вожди зачастую действовали безрассудно. Стали они решать, где каждому из них жить, и придумали вот что. Луа-туту должен был поселиться в Салуа вместе со всеми своими людьми, ораторами, советниками. А Луа-фатаалии со всеми его людьми должен был жить в Леиатуа [2].

У каждого из вождей был свой покровитель, у Луа-фатаалии — Лаалаомао, Радуга, а у Луа-туту — ржанка. Вожди ублажали их дарами и подношениями. Но у этих духов не было своих святилищ, где можно было бы приносить им жертвы. Поэтому все жертвы, все подношения им посвящали там, где жили сами вожди. У обоих вождей были святилища там, где они жили. Святилище Луа-фатаалии называлось Фалеу, святилище Луа-туту — Утуангианги.

А еще у вождей было такое правило: если один из них задумывал какое-нибудь дело, он всегда советовался с другим. Они извещали друг друга обо всем через гонцов. У Луа-фатаалии был на посылках Маина [3], Свет, у Луа-туту — птица таваэ.

Если жители Маноно собирались сражаться, то прежде всего они готовили богатое угощение для своих вождей. Вожди же немедля наделяли своих духов-покровителей кавой и должной долей пищи. Все, что полагалось духам, несли на святилище. Сражения же всегда велись на рифе между Маноно и Мулифануа, оттого-то этот риф и носит имя Ааулоа [4], Риф Смерти. Как только сражение подходило к концу, жители Маноно спешили к своим лодкам и плыли назад на свой остров.

30. [Как на свете появились летучие лисицы]

На Фиджи жили некогда люди, умевшие летать. Их так и называли — крылатые фиджийцы.

Однажды они решили отправиться на Самоа. Прибыли в Малиэ [1] и стали хозяйничать на поле, засаженном ямсом. А эта земля принадлежала Малиэтоа Фаинга. Великий вождь, заметив, что с его поля исчез ямс, пустился вместе со своим человеком — его звали Леапаи — на поиски этого ямса и грабителей. В Фалелетаи им повстречался вождь Фонуа-ну-теле из Фангаиофу [2]. Этот вождь слышал ночью, как над головой у него пролетали крылатые фиджийцы. Из их слов он понял, что они-то и украли ямс Малиэтоа.

Тогда Малиэтоа приготовил и расставил большую сеть. Воры попались в нее и признались, что спрятали ямс в Пулоту. Малиэтоа в наказание превратил их в летучих лисиц и прогнал на Тонга.

За тем ямсом был отправлен Леапаи. Он дошел до Пулоту и увидел, что вход туда заложен огромными камнями. В нелегком положении он оказался: вернуться без ямса — значит навлечь на себя гнев Малиэтоа, пробираться в Пулоту — камни велики и устрашающи.

Отсюда и пошла пословица: «Хочется ямса, да камни страшны».

31. [Почему на Самоа нельзя проходить между срединными опорными столбами дома]

Тити-лимулиму, дочь Туи-аана Тоо-пелу, вышла замуж за благородного вождя Фиаме из Саматау [1] и понесла. А сроки ее пришли как раз тогда, когда она купалась в море, и прямо в море родила она двух ящериц. Она очень испугалась, тут же побежала домой и рассказала об этом мужу. Фиаме велел двум своим людям, Веве и Сиипа, пойти и посмотреть, где те ящерицы и что делают. Те нашли ящериц сидящими в углублении на скале. Ящерицы пристально смотрели на дом своих родителей. Веве и Сиипа вернулись к Фиаме и сказали ему:

— Вон там они сидят и пялятся на твой дом.

Фиаме очень не понравилось, что его люди в таких выражениях говорят о его ящерицах, и он поправил их:

— Не пялятся, а смотрят.

Но Веве и Сиипа снова повторили слово «пялиться», и тогда взбешенный вождь бросился на них и убил их.

А ящерицы, огорченные и обиженные тем, что с ними так обошлись, умерли от горя. Похоронили их посередине дома Фиаме, между срединными опорными столбами. Вот почему на всем Самоа запрещено проходить между этими срединными столбами.

И с тех самых пор пошла пословица: «Из-за неверно сказанного слова много горя обрушилось на Ниуапаи [2]». Так говорят, когда в несчастье повинна чья-нибудь глупость и несговорчивость.

32. Рассказ о том, как у нас появились москиты

Однажды с востока приплыли сюда двое, муж с женой — Тои-э и Тои-пата. В лодке они везли два сосуда для воды. Их увидела и поспешила им навстречу одна девушка с островка Аунуу. Она окликнула их:

— Приставайте к нашему берегу!

И лодка пристала к берегу Аунуу.

Девушка спросила супругов:

— Есть ли что-нибудь хорошее, что-нибудь съестное у вас в лодке?

— Нет,— ответили ей Тои-э и Тои-пата,— ничего у нас с собой нет, вот только два сосуда с водой.

И девушка попросила:

— Дайте мне один.

Они дали ей один сосуд, второй оставили себе, а сами поплыли дальше, к Уполу и Саваии.

Вот так на Самоа появились москиты [1], так из-за этих мужа с женой жители наших островов стали терпеть ужасные муки. Москиты размножились в мгновение ока и тут же принялись терзать всех и вся на Самоа [2]. И было решено: когда те двое появятся, предать их смерти.

А Тои-э и Тои-пата узнали, что им грозит гибель, и поспешно направили свою лодку прочь от берегов Саваии. Пронеслась их лодка мимо Саваии, помчалась на Тутуила. Но и здесь их хотели предать смерти. А когда они вновь достигли берегов Аунуу, они обратились в камень. И камни эти сохранились до наших дней.

33. Самоа-нангало

Фиджиец Фути женился на самоанке по имени Сао. У них родилась дочь Сина. Сина вышла замуж за Лауифиа из Сафоту и родила Маусау-теле, ставшего затем вождем деревни Паиа, что стоит вдали от морского берега в местности Сафоту. Маусау-теле женился на Сине-лалотава, дочери Сооало из Самаунга, и у них родился сын Таума-таму. Этот Таума-таму взял в жены Муо-ле-пусо из Сили, и у них родился сын. А жили они девятнадцать поколений назад.

Как-то Таума-таму решил отправиться на Уполу. Море было бурным в тот день, и, оказавшись на Уполу, он решил остановиться в Мулифануа, чтобы хоть немного подкрепиться и отдохнуть. Муо-ле-пусо положила сына под деревом и прислуживала мужу. А в это время совсем рядом находился отряд тонганцев, которые собирались отплывать к себе на родину. Решив, что перед ними враг, тонганцы бросились на Таума-таму и его людей и погнали их к лодкам. Дитя осталось под деревом, и вспомнили о нем слишком поздно — уже тогда, когда лодки самоанцев были в море, а тонганцы заняли их место на суше. Произошло это все милях в двух западнее Мулифануа — там и поныне растет высокий баньян. Называется это место Фатуософиа [1], в память о том нападении тонганцев, выгнавших самоанцев к прибрежным скалам. Кстати, вскоре после того как путешественники с Саваии покинули то место, полил дождь, и тонганцы не могли отплыть оттуда.

А покинутый малыш проснулся от шума дождя, увидел, что рядом с ним появились какие-то незнакомцы, и тихонько ускользнул от них. Он направился чуть восточнее и поставил себе навес от дождя. Навес этот он сделал из кораловых глыб — больше было не из чего. С тех пор то место, где он поставил некогда навес, носит название Фале-пунга, Дом из Коралла [2].

Тонганцы же в конце концов нашли мальчика и решили назвать его Самоа-нангало, Покинутый, Забытый Самоанец. Тонганцы взя-

ли мальчика с собой и доставили его Туи Тонга. Самоа-нангало был очень мил, и Туи Тонга, полюбив его, оставил его при себе, так что мальчику не пришлось влачить участь невольника. Дочь Туи Тонга, которую звали Фити-маупо-лонга, полюбила Самоа-нангало, и из-за этого он решил покинуть дом Туи Тонга. Он поселился в пещере, но на следующий же день узнал, что в пещере скрывается не он один. Там оказался еще один беглец — Леса, с детских лет живший в укрытии. Леса так давно не видел людей, что уже почти забыл человеческий язык. К тому же он был весь покрыт волосами, точно зверь.

Юноша рассказал ему о своей беде и узнал, что Леса бежал от людей по такой же точно причине. Леса полюбил Самоа-нангало, и они зажили там словно отец с сыном. Прошло время, и вот они узнали, что у Фити-маупо-лонга родился сын — это был сын Самоа-нангало.

Самоа-нангало решил похитить Фити-маупо-лонга и ребенка, чтобы вместе с ними вернуться на Самоа. Леса, привыкший к юноше и не желавший расставаться с ним, долго отказывался ему помочь, но наконец согласился. А в это время на Тонга как раз появились свиньи — с Фиджи. Свиньи эти прижились, стали плодиться. Туи Тонга отдал тогда такой приказ: всех чужеземцев, прибывающих на Тонга, надлежит угощать свининой, но никто из них не смеет увозить с собой живых свиней.

Теперь о Леса. Хотя он и скрывался в пещере, куда бежал некогда, страшась гнева Туи Тонга, проступок его давно был забыт. Теперь его считали не простым человеком, а сверхъестественным созданием. Он же продолжал жить в пещере, не желая ни с кем говорить, за что и получил имя Леса-налала, Леса Молчаливый.

Итак, Леса согласился наконец помочь юноше и сказал ему:

— Чтобы достичь берегов Самоа, тебе нужна хорошая лодка. Она должна быть прочной, должна противостоять волнам, которые будут налетать на вас, должна быть просторной, чтобы вместить все то, что тебе надлежит взять с собой. Когда судно твое будет готово и нагружено всем необходимым, я приведу Фити-маупо-лонга и ее ребенка. В тот же миг вы должны будете отплыть. Вас будут преследовать, но с вами поплывут мои верные люди, которые помогут вам. Если погода не будет вам благоприятствовать, ложитесь в дрейф, пусть даже преследователи будут дышать вам в затылок. Делайте все, чтобы лодка не получила пробоин и не затонула. С собой вы возьмете двух забитых свиней и запасы птичьего мяса — все это вы сложите в одном месте. А еще вы возьмете с собой живых свиней — одного хряка и двух маток. Их накроете кучей листьев, потому что, если свиней запрятать и плотно накрыть, они задохнутся. Как только выйдете в открытое море, снимите все листья и пустите свиней бегать по палубе. Наконец, надо получше запастись питьевой водой, а для Фити-маупо-лонга и ее ребенка приготовить удобное место: ты должен показать, что достоин дочери Туи Тонга. Сына своего ты назовешь моим именем — Леса-налала.

И вот лодка была готова, и Самоа-нангало, Фити-маупо-лонга

и их сын отплыли, оставив Леса горевать: ему было очень тяжело расставаться с Самоа-нангало. А Самоа-нангало к тому времени был тоже уже известен, и его бегство с дочерью Туи Тонга, с украденными живыми свиньями открылось очень скоро. Туи Тонга послал своего сына Лату-иваи преследовать беглецов. Лату-иваи удалось подойти к ним очень близко. Но Самоа-нангало помнил слова Леса, и, когда задул порывистый ветер, он лег в дрейф. Что до Лату-иваи, то он не хотел медлить, не думал об осторожности — и лодка его вскоре перевернулась. С тех самых пор пошли вот эти три поговорки; самоанские ораторы нередко вставляют их в свои речи. Когда говорят о каком-нибудь упрямом человеке, вспоминают поговорку «Лодка Лату-иваи идет против ветра». А желая похвалить человека разумного, прислушивающегося к доводам, говорят: «Лодка Леса-налала преодолевает препятствия». Третья поговорка связана со спрятанными под листьями свиньями. Когда кого-то призывают помириться и открыто высказать все, что скрыто, что мешает пониманию и миру, говорят: «Пусть появится на палубе лодки все то, что скрыто под густым ворохом листьев».

Лодка Леса-налала подплыла к южному берегу Уполу, близ местности Сафата. Приплывшие расположились на берегу, приготовили каву, свинину, а в это время туда спустился один из знатных людей Сафата, вождь по имени Фунга. Они приветствовали его: «Мауава!» [3] — и пригласили в свой торжественный круг. На второй день и на третий Фунга опять пришел к ним, и они так же приветствовали его.

Леса-налала [младший] поселился в Сафата. Имя его дошло до наших дней: знатные и благородные вожди здесь именуются Саналала. Фунга же назвал своего сына Мауава, в память о том, как прибывшие приветствовали его. До сих пор главные тулафале, советники и ораторы, в местности Сафата носят титулы фунга и мауава [4]. До сих пор ко всякому гостю обращаются «мауава», приглашая его испить кавы, кто бы он ни был.

А от хряка и маток, привезенных на той лодке, пошли все свиньи на Самоа.

34. Происхождение скал на берегу Леауваа

Жили в местности Леауваа [1] супруги. Мужа звали Тане, жену — Тоноа. У них была дочь по имени Сина, девушка неописуемой красоты. Она была столь хороша собой, что слава об этом разнеслась по всем уголкам Самоа. Со всех островов Самоа женихи слали к ней своих соа [2], надеясь добиться ее расположения. Слава о ее красоте достигла даже Тонга. А на Тонга в те времена жил один знатный красавец, по имени Тонга-ми-ланги [3].

Так вот, все женихи Самоа со своими соа и соа Тонга-ми-ланги, того знатного красавца с Тонга,— все собирались в доме Сины. Однажды и женихи и сваты были немало удивлены, увидев в доме девушки еще какого-то чужого человека. Никто не видел его прежде,

и о его хозяине ничего не было известно. Сина спросила его:

— Кто ты, откуда ты пришел?

— Я Уила, Молния, сват Тангалоа-аланги,— ответил он.

Много дней Уила вместе с другими соа служил и угождал девушке. Но вот однажды все увидели, как к берегу подплывает вереница лодок: Тонга-ми-ланги снарядил их и приплыл делать Сине предложение. Это была огромная вереница лодок, мощный, могучий караван.

Увидев красоту и благородство Тонга-ми-ланги, Сина тут же захотела стать его женой. Она пошла к родителям и сказала им:

— Я хочу быть женой Тонга-ми-ланги.

— Хорошо, будь его женой,— отвечали ей родители,— но что скажет на это Уила? Пойди-ка сначала и спроси у него, почему он носит такое имя, ведь Уила значит Молния.

Сина отправилась к Уила и спросила:

— Почему ты носишь такое имя?

Он же сказал:

— Если я, Уила, разгневаюсь на какую-нибудь землю, на какой-нибудь род, я сверкну в небе молнией с севера на юг, и вся та земля, весь тот род разом погибнут.

Девушка пошла к родителям и передала им эти слова. Они же сказали:

— Подумай, что сделает Уила, если ты станешь женой Тонга-ми-ланги. Страшен будет его гнев!

Но девушка не отступилась: она очень полюбила Тонга-ми-ланги. И пришлось все же женихам Самоа разойтись по домам, и Уила тоже отправился назад к Тангалоа-аланги.

А тонганцы сели в свои лодки, готовясь отплыть домой со своим вождем и его молодой женой. Увидев, что лодки приготовились к отплытию, Тангалоа-аланги приказал, чтобы Уила и Понги-са [4] спустились на землю и погубили всех тонганцев, и Сину, и Тонга-ми-ланги.

Засверкала в небе молния, опустилась на землю тьма. И тут же погибли все тонганцы, тут же ничего не осталось от их лодок. А Сину и Тонга-ми-ланги смерть застигла у самого берега, и они превратились в прибрежные камни. Вот откуда пошло название прибрежных скал, что похожи на людей, выходящих в море,— они называются Леауваа, Команда Лодки, в память о погибших мореплавателях с Тонга.

35. Тапуитеа

Когда планета[1] Тапуитеа появляется на небе вечером, ее называют Красным Глазом, а когда она выходит в небо на рассвете, ее называют Утренней Звездой, звездой света.

Жили в Фалеалупо супруги[2]. Женщину звали Фаангало, мужчину — Туи-масеве. У них родилась дочь, которую назвали Тапуитеа. Потом у них родилась вторая дочь, и эту крошку, свою родную

сестру, Тапуитеа тут же проглотила — всю целиком, даже не жуя. Спустя некоторое время родился третий ребенок, и с ним Тапуитеа сделала то же самое. Потом то же случилось с мальчиком Сеуэа.

В страхе перед Тапуитеа супруги убежали в лес, и там у них родился сын, которого назвали Тоива.

Однажды Тоива отправился в Салиа искупаться в водоеме, что находится там. Тапуитеа же выследила его. Она забралась в тот водоем, а мальчик тем временем залез на высокий панданус, росший у самой воды. Сидя на дереве, он чуть пошевелился, и его тень упала на большой камень, что лежал в воде. Приняв тень за самого брата, Тапуитеа кинулась туда и принялась грызть камень.

Тут мальчик окликнул ее:

— До чего же ты скверная сестра! Ты уже съела всех, кто родился прежде меня, а теперь решила и меня уничтожить. Нет уж, уходи, уходи прочь!

И тогда ответила ему Тапуитеа:

— Хорошо, я уйду, но я не исчезну совсем: на рассвете и по вечерам я буду появляться в небе и дарить свет тебе и нашим родителям. Отправитесь вы расставлять силки в зарослях деревьев, а я буду светить вам.

А западный ветер, ветер Лаи[3], называют к тому же ветром Тоива.

36. Происхождение высших самоанских титулов
папа и ао

В начале существования Самоа у вождей разных краев и земель не было никаких особых титулов. Просто говорили «благородный и знатный Туи-атуа[1]», «благородный и знатный Малиэтоа[2]», «благородный и знатный Туи-аана[3]». Вот наступило время правления Малиэтоа Уиту-аланги. У него родился сын, которого назвали Лааули.

Лааули вырос очень красивым юношей и обзавелся множеством жен. Двух из них, наделенных самой совершенной красотой, он любил больше других. Случилось так, что отец Лааули тоже заметил красоту этих женщин и возжелал их. У него созрел замысел, как получить их. Он сказался тяжелобольным, измученным ужасными болями. В Фалеалупо был послан гонец объявить об ужасной болезни несчастного вождя. Тут же главные советники вождя, Туи-самау и Ауи-матанги, примчались к одру больного. Известие о болезни отца было послано и Лааули, которому тоже было велено спешить к страдающему больному, чтобы не опоздать непоправимо. Посланному, принесшему это известие, Лааули сказал:

— Вождь лжет: он ничем не болен. Но что бы то ни было, я иду.

И Лааули пошел к тем двум своим женам и сказал им:

— Решите, которая из вас пойдет со мной и ляжет с моим отцом.

Первая по красоте жена ответила:

— Я пойду и лягу с твоим отцом.

— Хорошо,— ответил Лааули,— тогда идем. Когда мы придем в дом моего отца, нам надлежит сесть напротив друг друга. Ты сядешь в ногах вождя и будешь поглаживать его.

И вот Лааули с женой отправились к отцу. Когда они пришли в его дом, там уже успели собраться многие преданные вождю люди, готовые ухаживать за ним. Лааули вошел, сел в головах вождя и положил руку на изголовье. А жена Лааули села напротив, в ногах, и принялась гладить его колени. Малиэтоа спросил:

— Кто сидит у меня в головах?

Ухаживавшие за ним люди ответили:

— Это Лааули.

— А еще кто пришел? — спросил Малиэтоа.

Лааули ответил:

— Пришла одна женщина, готовая лечь с тобой.

Тут Малиэтоа сбросил тапу, которой был накрыт, сел и обратился к Лааули:

— Благодарю тебя за твою доброту. Когда у тебя родится первенец, об этом будет сообщено громким кличем: все сразу узнают, что родился наследник, который получит потом все высшие титулы. Пусть никогда не прекратится твой род. А Туи-атуа тоже теперь будут иметь особые титулы.

Всем своим слугам и всем людям, что толпами стекались в дом больного вождя, Малиэтоа велел разойтись, сказав, что теперь он излечился от болезни.

А сын Лааули получил при рождении особые титулы — ао и папа — титулы чести, как и обещал Малиэтоа Уиту-аланги, Малиэтоа Великий. Всего есть четыре титула, завещанные этим Малиэтоа потомству за то, что сын отдал ему свою жену. Вот откуда пошли высшие титулы вождей Самоа: они были завещаны Малиэтоа потомкам Лааули.

37. Дети Тафа-ингата

Тафа-ингата был сыном Ата. В жены себе Тафа-ингата взял Сау-опуалаи. Детьми их были Велета-лола и Тали-ау-соло, Мата и Афа.

А дом, в котором они жили, был домом аиту[1]. И вот когда Сау-опуалаи разрешилась от бремени, муж сказал ей:

— Пойди в дом и посмотри, что лежит у того проема, который выходит на море.

Сау-опуалаи вернулась к Тафа-ингата — а он в это время нянчил ребенка — и говорит:

— Там только мата — резак и афа — плетеная веревка.

На это Тафа-ингата сказал:

— Так вот, имена наших детей будут Мата и Афа.

И добавил:

— Теперь настало время собрать здесь всех Тау-аиту[2].

Им он сказал такие слова:

— Послушайте все. Этот мальчик будет вашим вождем. Это ему следует приносить дары, ему должны вы доставлять тонкие циновки тонга[3]. А имя его отныне будет титулом ао[4].

Вот с той речи Тафа-ингата и установился в Фалеата титул матаафа[5].

38. Откуда пошло имя Матаафа

Благородный вождь Пипили[1] совершал путешествие по Мануа — было это в те времена, когда на Саваии еще не знали войны. Итак, он двигался в глубь острова по дороге. А на этой дороге лежало поваленное дерево — кокосовая пальма ниуафа[2].

Вождь нагнулся, сорвал кокос, очистил его и принялся жевать мякоть, а потом сказал:

— Имя мое теперь будет Матаафа, Разглядевший Кокос Ниуафа, ведь я с первого взгляда понял, что кокосы на этом дереве очень хороши.

А в скором времени на Саваии началась война. Шла она в глубине острова, у самых гор, в местности Леалателе. Фааули и Ума воевали там. Докатилась битва и до земель Пипили, до его укреплений. Пипили сказал этим двоим — Фааули и Ума:

— Останьтесь со мной, будете охранять меня, иначе придут сюда чужие воины и убьют меня.

И юноши остались охранять Пипили.

Вот наконец окончились сражения, и сказал Пипили:

— Благодарю вас за вашу службу. За все, что вы сделали, я награждаю вас своим титулом ао[3]. Отправляйтесь теперь жить на Уполу, это — моя благодарность вам, ведь без вас мне не удалось бы остаться в живых в этой войне.

И юноши-воины, облеченные титулом матаафа[4], отправились на Уполу, в местность Фалеата.

39. Как был положен конец человеческим жертвам

Вот одна история из жизни Малиэтоа. Речь пойдет о вожде Малиэтоа Уила-ма-туту Жестоком, который питался человечьим мясом. Людей для ежедневных трапез вождя присылали из всех краев Самоа. Несчастных, которых отправляли к нему, принято было называть «ежедневным подношением вождю».

Жил этот вождь в местности, что между Афенга и Малиэ. Его земля называлась Туаланги [1] и располагалась в некотором отдалении от главной дороги. Каждый день вождь съедал двух человек; ежедневно служившие ему знатные придворные сидели у порога его дома в ожидании новых жертв. И каждый день два человека из какой-нибудь самоанской деревни приходили туда. Когда они

всходили на порог дома вождя, советники вождя или другие члены его свиты приветствовали их и говорили:

— Благодарим вас.

Потом этих несчастных посылали к юношам-прислужникам, которые убивали пришедших и запекали в земляной печи.

У них там был особый камень, длинный и совершенно гладкий. Жертву сажали на этот камень и убивали. После этого можно было готовить кушанье для вождя. Убитому привязывали руки к телу, скрещивали ноги и вот в такой позе сажали его в печь, что была в кухонном доме. Казалось, что сидит живой человек. Его запекали в земляной печи, затем несли в дом вождя, а там разрезали на части. Вождю всегда полагалась лучшая часть — та, что у основания шеи, загривок. Остальное делили между собой знатные люди из свиты вождя, его советники и ораторы, его слуги, все их родственники. Никто не знает наверняка, ели ли на этих трапезах внутренности, подобно тому как едят внутренности свиньи. Но доподлинно известно, что сердце жертвы съедал сам вождь[2].

Во владениях вождя всегда было очень много народу: самые сильные воины из разных краев были собраны там, чтобы охранять вождя. Они тоже приходили на эти трапезы и ели человечье мясо.

Вот однажды, когда вождь Малиэтоа был уже немолод, к нему прибыли очередные жертвы. Это были два человека, приплывшие с Саваии, из местности Фафине, что в Фаатоафе. Они плыли всю ночь, чтобы успеть к положенному часу. А в ту самую ночь сын вождя Полу-леулингана лег спать на мысе, что к востоку от Малуа. Это место до сих пор называется Фатиту[3].

Лодка подплыла к этому мысу как раз тогда, когда забрезжил рассвет. Несчастные негромко переговаривались между собой; один из них сказал, что этот рассвет означает их скорую смерть.

— О, если бы мы могли остаться жить!

Так, горюя, они вышли на берег и переоделись в красивую одежду по случаю скорой смерти. А сын вождя Малиэтоа услышал стоны несчастных, подошел к ним и спросил:

— Кто вы?

Они отвечали:

— Мы присланы сюда в жертву Малиэтоа.

Сердце юноши сжалось от горя. Он пошел к кокосовой пальме, нарвал листьев и приказал тем двоим:

— Идите сюда, запеленайте меня в эти листья.

Они завернули его в листья кокосовой пальмы, и тогда он велел:

— Несите меня к вождю.

Они принесли его к вождю, и тот спросил:

— Что это такое?

Те двое ответили:

— Это священная рыба, подношение тебе.

Вождь позвал своих советников, сидевших у порога дома, и сказал:

— Делайте свое дело.

Они развернули пальмовые листья и увидели сына вождя.

И они позвали Малиэтоа:

— Вождь, это не рыба, это твой Полу-леулингана.

И вождь вскричал, обращаясь к сыну:

— Ах, каким жестоким сыном ты оказался! Но теперь я все понял. Я согласен — больше не будет у нас прежних трапез. Теперь всем людям на Самоа будет сохранена жизнь, а мы станем питаться только рыбой.

Вот так был положен конец ужасным трапезам, и сам Малиэтоа больше никогда не ел человечьего мяса.

40. Тама-ле-ланги

Нгато-аителе, Нгасоло и их отец, великий Малиэтоа[1], жили в Фалеула[2]. Однажды вождь по имени Фола-саиту пришел туда и сел вместе с другими женихами, сватавшимися к дочерям Малиэтоа. Малиэтоа и Ауи-матанги[3] решили, что надо выдать Нгато-аителе за Фола-саиту.

А в числе женихов был еще знатный Ала-тауа, и еще там был Сангала-ала. Из всех их Нгато-аителе полюбился один Сангала-ала. И тогда Нгато-аителе сказала своей сестре Нгасоло:

— Прошу тебя, выполни желание отца — выйди за Фола-саиту. Я же мечтаю стать женой Сангала-ала.

Сестра согласилась, а Нгато-аителе стала так наставлять ее:

— Если Фола-саиту будет плох с тобой, отправляйся жить ко мне: мы обе будем женами Сангала-ала.

Фола-саиту на самом деле оказался плох с Нгасоло, и она ушла от него. Она отправилась к сестре, там соединилась с Сангала-ала, стала его женой, понесла и родила благородного Лало-ви-мама. Потом она родила дочь, названную Ваэо-тамасоа, а потом снова родила дочь, названную Ле-ато-нгаунга-а-Туитонга.

Прошло время. Однажды правитель Аана, Туи-аана Ваэма, пришел со своими советниками Тутуила и Апе свататься к Ваэо-тамасоа, но был отвергнут: девушка заметила, что ноги вождя были все в болячках.

Тогда Тутуила и Апе обратились к Се-ланги-нато[4], прося его взять Ваэо-тамасоа в жены.

Се-ланги-нато и Ваэо-тамасоа поженились, и вскоре женщина понесла. Тутуила и Апе отсчитали от того времени десять лун и пришли к ней как раз тогда, когда она рожала. Прибыв в Таэлон-галомо, они обрили свои головы, оделись в лохмотья и пошли к тому месту, где она рожала. А она только что родила. Тутуила и Апе тут же схватили новорожденного и убежали с ним. Немного погодя женщина попросила ребенка, но его не нашли.

Алатауа[5] бросился в погоню за Тутуила и Апе, унесшими ребенка. Место, где все это случилось, называют Аоао, Исход. А Тутуила и Апе уже успели достигнуть вершины горы, и помогал им дух Ли-оле-ваве.

Вот перешли они горы, стали спускаться по противоположному

склону и только тогда решили осмотреть похищенное благородное дитя. Лицо его оказалось совершенно белым[6]. То место, где они впервые заметили это, называется Ниу Театеа, Белый Кокос.

Стали они спускаться дальше к морю. По дороге они решили накормить ребенка, но его стошнило, и место, где это случилось, называется Луаи, Тошнота. Они же продолжали спускаться к морю.

Так они принесли ребенка в главную деревню[7], чтобы там объявить его вождем. Принеся его туда, они сделали ему подголовник для сна. Потому-то это место перестали называть Малаэ-о-вавау, Древнее Святилище, а стали называть Леуло-моэнга, Подголовник для Сна.

Украденный ребенок знатного рода остался там и был наречен Туи-аана Тама-ле-ланги, Дитя Небес[8]. Его называли Тама-ле-ланги еще и потому, что он был взят прямо с родильного ложа и вырос без матери. А пищей ему служили только таро и плоды хлебного дерева.

Потом Тама-ле-ланги женился на знатной Ваэтоэ, дочери Туи Тонга. Она понесла и родила дочь, которую назвали Сала-масина. Это была первая королева Самоа[9].

41. Добрые воины, славная битва

В старое время на Самоа были верховные правители — короли. А к тому же в каждой местности был свой правитель, но ни один из таких правителей не имел высшей, верховной власти над всеми островами Самоа. И вот как-то, еще в те старые времена, Уполу и Саваии попали под власть верховного правителя Тонга: он захватил их. Назывался он Туи Тонга, а имя его было Тала-аи-феии.

Этот Туи Тонга Тала-аи-феии отправился со всей своей свитой в триумфальное шествие по Самоа. Так он прибыл на Саваии, в местность Сафоту. Все самоанцы были согнаны туда — сооружать для Туи Тонга каменную платформу.

На восток от Сафоту был мыс Матауэа, и там лежал огромный камень, закрывавший всю дорогу. Тала-аи-феии приказал Туна и Фата убрать с дороги этот камень, грозя им смертью, если они не смогут сделать этого. Туна и Фата же решили прежде всего отправиться на Уполу, чтобы там посоветоваться со своими родственниками.

Там они взяли себе в помощь сына своей сестры из Фалелатаи, юношу по имени Улу-масуи. Втроем вернулись они на Саваии. А Улу-масуи сумел придумать, что делать.

Они достигли местности Матауту, и там юноша пошел на болото, лежавшее за деревней Манасе. На болоте он поймал двух угрей, положил их в глину, набранную там же, и так понес с собой. Обоих угрей он спрятал под тот огромный камень, а сам пошел на коралловый риф, поймал там осьминога, набрал соленой воды, запустил осьминога в посудину с соленой водой и тоже отнес под камень[1].

Затем все трое принялись расшатывать камень. Наконец он

зашатался. Тут Улу-масуи обратился к Туна и Фата и сказал, что теперь им точно удастся перевернуть камень. Туна и Фата продолжали помогать юноше, а сами приговаривали:

—Эй, угри, эй, осьминог, катите камень, катите камень, он уже сдвинулся с места.

И наконец камень перевернулся, а значит, Туна и Фата смогли сохранить себе жизнь. Камень же по сей день стоит во владениях верховного вождя.

Итак, они остались в живых и пошли обратно на Уполу. В это время великое множество людей собралось в местности Сангафили, что в земле Аана, посмотреть на триумфальную процессию Туи Тонга. Тут Туна, Фата и Улу-масуи пошли к главной лодке Туи Тонга и вытащили оттуда колья. Эти колья были сделаны из железного дерева. Ведь в то время на Тонга и на Самоа еще не знали настоящих якорей и все лодки укрепляли у берега, привязывая к трем вогнанным в землю длинным колам. Их было три у каждой лодки. Один конец кола был заточен остро-остро: он легко входил в песок или прибрежный ил и крепко там держался. К носу лодки привязывали веревку, а другой ее конец обвивали вокруг этих якорных кольев. Вот так и укрепляли лодку у берега. А Туна, Фата и Улу-масуи вытащили из лодки вождя эти колья и убежали с ними в Фалелатаи.

Там они распилили колья на куски, и то место, где это случилось, стало называться Асотипи, Место Распиливания.

Распилив колья на части, они отобрали лучшие куски дерева и вырезали из них палицы. С этими палицами они отправились в другую местность, где всю ночь просидели на страже, без сна, с палицами наготове. С тех пор то место стало называться Местом Ночного Бдения[2].

Затем они пошли к себе и подвесили палицы под потолком своего дома. Посмотреть на палицы собралось немало людей, и всем им велено было рассматривать палицы сидя, стоять же было запрещено.

И то место получило название Матанофо, Смотри Сидя, и название это сохранилось до сих пор.

Все это братья делали потому, что решили: пора побежденным самоанцам восстать против власти тонганцев. Они задумали убить верховного правителя, приплывшего с Тонга. Пустившись вслед за его процессией, они сумели настичь ее в местности Алеипата. Там на святилище Туна и Фата зарыли свои палицы.

В Алеипата жил один человек, по имени Тапу-лоа, отважный и деятельный. Вот с ним и встретились братья, чтобы посоветоваться, как им перебить тонганцев. И они решили устроить танцы и пение — как бы затем, чтобы угодить Туи Тонга. Вот какую песню они запели:

Будь начеку, смотри, смотри,
Бей, самоанец, не промахнись,
Бей тонганца, бей его больно!
Тряхни головой, топни ногой,

Дотронься рукой до земли,
Срази тонганца страшным ударом!

Множество тонганцев собралось на святилище посмотреть на тот танец. А танцующие тем временем все ближе и ближе подбирались к тому месту, где были зарыты их палицы. Наконец они смогли вытащить их, схватили и, бросившись вперед, словно дикие звери или птицы, кинулись на тонганцев. Завязалась жестокая битва. Самоанцы пустились преследовать тонганцев, разбили их отряд, одних погнали по одной дороге, других — по другой. По одной дороге тонганцев гнали Туна и Тапу-лоа, по другой — Фата и Улу-масуи. Расставаясь, они договорились, что все должны достичь Фатуософиа. Тот, кто первым окажется в Мулифануа, должен отправиться на помощь другим.

Туна и Тапу-лоа быстро достигли Мулифануа, а Фата и Улу-масуи задержались в Фалеасеэла. Там их приостановил аиту Лема, живший в Саэфу. Он сказал:

— Вы останетесь здесь, пока не наступит утро.

Пришлось им остаться: аиту не пропускал никого до тех пор, пока тень путника не проходила вперед, перед этим путником. Когда настало утро, Фата и Улу-масуи снова пустились в погоню.

Наконец и они достигли Мулифануа. Оказалось, что одни преследователи прибыли в Фатуософиа, другие — в Тулиаэпула. Им удалось окружить врагов на песке в Нуусунгале[3], как раз там, где стояли лодки Тала-аи-феии, правителя Тонга. Всех тонганцев загнали в лодки и выставили в море, а Туна и Фата смогли наконец остановиться и отдохнуть.

У Туи Тонга было много жен, и все были очень хороши собой. Двух из них он послал на берег, и, прежде чем идти туда, они натерлись куркумой. С наступлением утра женщины вернулись к Тала-аи-феии, и он увидел, что тела их по-прежнему желты, и очень обрадовался этому.

И Туи Тонга взошел на прибрежную скалу в Фатуософиа (та скала называлась Тулатала) и сказал:

— Малиэ тоа, малиэ тау: справедливой была битва, справедливыми оказались воины. Добрые воины, хорошая битва. Что до меня, то я больше не буду воевать с вами и буду навещать вас только как гость, идущий с добром. Никогда больше тонганцы не пойдут войной на Самоа.

Это обещание самоанские ораторы называют обещанием, данным со скалы Тулатала. Такое обещание крепко.

Некоторое время спустя Туна и Фата затеяли спор, кому из них носить титул Малиэтоа[4]. Поссорившись, они стали бороться, и оба погибли в схватке — замертво упали на землю. Тогда Савеа, их брат, стал молиться, чтобы к обоим вернулась жизнь. Вот откуда пошла поговорка «Молиться за Туна и за Фата», что значит желать добра обеим сторонам.

В конце концов же было решено сделать самого Савеа Малиэтоа. Он получил титул Малиэтоа и стал правителем.

42. Строители лодок, присланные Тангалоа с неба

У Тангалоа-аланги[1], Тангалоа-Небожителя, была дочь по имени Мата-итеите. Раз Мата-итеите принялась просить отца отпустить ее вниз, на землю: она хотела найти себе там мужа. Как его искать, она уже знала: мужем ее должен был стать тот, чье имя будет звучать красиво в сочетании с ее собственным именем — Мата-итеите.

Итак, девушка эта спустилась на землю и оказалась на Фиджи. Там она добралась до верховного правителя Фиджи, Туи Фити, и остановилась у него. Сложив имя вождя со своим, она получила Мата-итеите Туи-фити. Нет, эти имена совершенно не сочетались друг с другом; пришлось девушке отправиться дальше. Она прибыла на Тонга и решила поселиться у Туи Тонга. Сложила она его имя со своим — получилось Мата-итеите Туи-тонга. Нет, эти имена тоже не сочетались. Тогда девушка отправилась на Самоа и решила остаться у вождя Мата-итаи. Остановившись у него, она сложила его имя со своим — получилось Мата-итеите Мата-итаи, что тоже звучало плохо.

Тогда Мата-итеите направилась в Леалателе[2]. Там она повстречала идущих за водой дочерей Мата-талало. Благородная Мата-итеите спросила у них:

— Чьи вы дети?

— Мы дочери Мата-талало,— отвечали девушки.

Тут Мата-итеите сложила это имя со своим — получилось Мата-итеите Мата-талало, и стало сразу ясно, что эти два имени прекрасно звучат вместе.

Тогда она сказала девушкам:

— Здесь я нашла себе мужа: наши с Мата-талало имена очень подходят друг другу.

И девушкам было велено идти к отцу и сообщить, что скоро сама гостья будет у него. На это девушки возразили:

— Тебе не стоит даже ходить к нашему отцу: он уже стар, а к тому же совершенно болен — все его тело покрыто язвами.

Но Мата-итеите повторила свой приказ:

— Ступайте к отцу и ждите меня.

Итак, девушки пошли к отцу и сказали ему, что в их дом направляется одна знатная госпожа.

— Эта госпожа спросила нас, кто наш отец. Мы назвали твое имя, и вот теперь она идет сюда.

Тут старик велел им:

— Расстелите циновки в тала[3]. Пусть эта госпожа сядет там. Сюда же ко мне ее нельзя пускать ни за что.

Но когда под вечер гостья явилась, она сразу же спросила, где Мата-талало.

И, не обращая никакого внимания на приказ сидеть в тала, она мигом вбежала во внутренний покой, прямо к лежавшему там старику. И Мата-талало тотчас же поправился, вся хворь ушла из его тела.

Так Мата-итеите стала женой Мата-талало. Их первенцем был Мало-матау. Затем у них родился сын, названный Мало-тои.

Дом их стоял совсем рядом с берегом. И вот Мата-итеите пришло в голову, что неплохо было бы завести лодку. Мата-талало тоже хотелось иметь лодку, но у него не было мастеров, которые могли бы построить ее. Тогда его высокородная жена сказала:

— Хорошо, я найду строителей, но лодка должна быть слажена здесь, в нашем краю, и нигде больше.

И она послала сына наверх, на небо, к своему отцу Тангалоа-аланги, прося его прислать небесных мастеров для строительства лодки.

Тангалоа-аланги согласился:

— Хорошо, я пришлю мастеров. Но смотрите не забывайте ухаживать за ними и всячески о них заботиться. Если их чем-нибудь рассердить или обидеть, они не станут заканчивать работу. Ведь это не простые мастера, и характер у них тяжелый: если что-то будет не так, они убегут, не доделав начатой работы.

И вот мастера спустились вниз и тут же принялись за дело. Но никому из жителей той местности не удавалось увидеть их: было только видно и слышно, как валят в лесу деревья. Сами же мастера оставались невидимы.

Готовить и относить мастерам пищу должны были местные жители. А подходя к тому месту, где работали необыкновенные мастера, люди всегда начинали шуметь, чтобы строители лодок знали: к ним кто-то идет.

Но вот однажды все тамошние мужчины отправились куда-то делать другую работу. Готовить мастерам еду остались одни женщины. Подойдя к месту, где строилась лодка, женщины не стали шуметь. Они решили подкрасться туда совсем тихо, неожиданно: уж очень им хотелось посмотреть на диковинных мастеров. Но стоило женщинам приблизиться, как мастера тут же бросились врассыпную, взвились в воздух и улетели прочь. Вот так они навеки скрылись в небе. А работали они без всякой одежды, совершенно обнаженные.

Больше мастера не возвращались на то место, а ведь они могли зубами перегрызать стволы деревьев и зубами же, без всяких инструментов, обрабатывать дерево.

43. [Тангалоа-ауи, сын Солнца]

Жил юноша по имени Туфунга-ули[1]; он спал всегда в тала[2], у самой стены. Женщины же обычно сидели в другом углу дома. Раз Туфунга-ули услыхал, как они судачат о Солнце, всячески понося его. Он решил пойти к Солнцу и рассказать ему, что говорят о нем женщины у него за спиной. А говорили они вот что: «От этого Солнца нет никакого проку. Только взбежит оно наверх и тут же стрелой несется вниз. Совершенно никакого проку, никакой пользы нет от него».

Так вот, знатный и высокородный Туфунга-ули отправился к Солнцу и передал ему эти слова.

Солнце же на это сказало:

— Раз так, я покажу им, кто я. Отныне я буду злым и жестоким, тогда они узнают и запомнят меня. Я буду вставать рано поутру, показываться всем людям высоко в небе, а достигая края земли, за который я буду заходить, я буду нести этим людям смерть[3].

[...] Горюя, стали говорить юноша по имени Луа и сестра его Уи[4]:

— О горе, горе, горьким будет для нас завтрашний день, горе принесет нам появление Солнца.

Луа сказал:

— Первым быть мне.

Уи принялась спорить с ним:

— Нет-нет, ты останешься здесь, первой быть мне.

Брат с сестрой заспорили, и наконец после долгих уговоров Уи удалось убедить брата. Вот забрезжил рассвет, Уи встала и пошла к тому месту, откуда Солнце начинало свое восхождение в небо. Там она легла, раскинув ноги и повернувшись лицом к тому самому месту, откуда должно было появиться Солнце. Не успело Солнце подняться, как оно увидело девушку, лежащую раскинув ноги, лицом к нему.

Солнце сказало ей:

— Если ты станешь моей женой, я не буду больше пожирать людей, а буду просто выходить в небо и затем заходить, спускаться. Ни одного человека не трону я, если только ты пойдешь за меня. Сейчас отправляйся к себе домой, а я потихоньку пойду своим путем. Когда родишь, назови ребенка так, чтобы в имени его сочеталось мое имя и твое. Смотри: меня зовут Тангалоа, тебя — Уи. Ребенку надлежит дать имя Тангалоа-ауи. Теперь, когда ты родишь, собери циновки и мягкую тапу, предназначенную для нашего малыша, вынеси на улицу и оставь греться на солнце. Я же не замедлю появиться. Всякий раз, показавшись в небе, я буду скользить по нему над землей, заселенной людьми, и уходить прочь. Ты, может быть, не знаешь еще, что таков мой обычай: я ни на чем не задерживаюсь долго. Я бываю всюду и всегда плавно скольжу по небу.

Итак, женщина вернулась к себе, к своему брату, и оба они решили:

— Ну что ж, теперь нам следует бежать прочь, поскорее оставить этот край.

Они поспешили к морю и отплыли на восток, к земле Атафу[5]. Первой землей, которой они достигли, был остров Лулуту[6]. Остров этот был плоский, начисто лишенный гор или холмов. Остров был совершенно пустынным, никто на нем не жил.

Брат и сестра подплыли к острову, достигли рифа и решили покататься по волнам на доске. А там уже появился до них один человек. Звали его Лии. Он тоже решил покататься по волнам. Напуганный жестокостью Солнца, пожиравшего людей, он, как Луа

и Уи, покинул свой родной край и тоже направлялся на остров Афату. Оставляя родную землю, он взял с собой птицу и морскую раковину панеа[7]. Птица, плывшая с ним, так и называлась — птица Лии, ману-а-лии[8]: она плыла вместе с этим самым Лии, и, значит, имя его должно было запечатлеться в ее имени.

Оба эти создания, птица и раковина, оставались ждать Лии в открытом море. Отверстие раковины было обращено на восток, а оттуда как раз в это время дул ветер. Ветер залетал в отверстие раковины и гудел там — раковина словно звала кого-то или пела. И птица пела вместе с ней, тоже как бы призывая кого-то.

Лии скользил по волнам на доске и даже выходил на берег острова, а оба его подопечных завывали, звали его из открытого моря. В это самое время и подплыли туда брат с сестрой, Луа и Уи. Подплывая к острову, они оказались как раз на том месте, где оставались ждать подопечные Лии — птица ману-а-лии и раковина панеа. Брат с сестрой решили взять их себе. Пока знатный хозяин птицы и раковины носился по волнам, ни о чем не подозревая и ничего не замечая, Луа и Уи успели похитить то, что ему принадлежало.

Брат с сестрой поплыли дальше на восток и добрались до Мануа, оказавшись у берега местности Саýа[9]. Они достигли рифа, и там не стало Луа, а вместе с ним исчезла и поющая раковина панеа, украденная им у Лии. Что же до его сестры, то она благополучно достигла берега, а с нею — и украденная птица ману-а-лии. Оказавшись на суше, птица пустилась прочь и скрылась в зарослях деревьев. А Уи родила там, на берегу.

Когда она родила, к ней прилетела птица тули[10] и сказала:

— Пусть у твоего ребенка будет что-нибудь с моим именем.

Так в названиях частей тела появилось имя птицы: туливаэ — колено, тулилима — локоть, тулиулу [11] — затылок.

Улетела птица тули, а тут прилетела другая птица — мити. Она стала облизывать нос младенца. Вот откуда пошла поговорка, которую всегда произносят при рождении ребенка: «Пусть будет облизан его нос!»[12]. А с тех пор и осталось имя той птицы, которая облизывала нос новорожденного,— мити[13].

А мать с ребенком отправилась затем в заросли кокосовых пальм: там был поставлен их дом. С тех пор и появилась в местности Саýа деревня Фале-ниу[14], именно там был поставлен дом Уи и ее ребенка.

Уи назвала ребенка Тангалоа-ауи — так, как приказано было Солнцем; ведь покидая ее, Солнце сказало: «Назови ребенка именем Тангалоа[15]».

Мать с сыном прожили там немало времени, но вот — о горе! Уи умерла. После ее смерти Тангалоа отправился на поиски мест, где жили бы какие-нибудь люди. Стал он бродить по местности Саýа. Дорога, приведшая его в дремучий лес, оказалась очень тяжелой: ему все время приходилось продираться сквозь густые заросли, нащупывая свой путь в них. Шел он, шел и наконец набрел на какой-то дом[16]. Дом этот стоял над бегущим ручьем. В доме оказалось двое детей. Тангалоа спросил их:

— Мальчики, чьи вы?

— Мы дети Пава[17],— отвечали они.

Тогда Тангалоа вошел в дом и сказал:

— Мальчики, один из вас должен пойти к отцу и привести его сюда. Доложите ему, что в доме появился гость.

Один из мальчиков тут же отправился к Пава и сказал ему:

— Знатный гость, посетивший наш дом, велит тебе прийти.

— Ступай и скажи, что я сейчас буду,— приказал Пава сыну, и мальчик поспешил обратно.

Пава же еще не знал, кто появился у него в доме.

Мальчик вернулся к себе и сказал:

— Отец еще там, но скоро придет сюда.

Тангалоа решил тем временем пойти искупаться. И как раз когда он пошел купаться, Пава у себя на участке в глубине острова принялся рвать листья таро. Нарвав множество листьев, он весь завернулся в них, так что его самого уже не было видно,— получился огромный сверток из листьев таро. В таком вот виде он пустился вниз, по течению того самого ручья, в котором купался Тангалоа. Вскоре Тангалоа увидел, что к нему по воде плывет огромный сверток — множество накрученных друг на друга листьев таро. Дав свертку подплыть совсем близко, Тангалоа-ауи бросился разворачивать его. И тут из листьев выскочил Пава и давай смеяться над Тангалоа!

Тангалоа же было совсем не до смеха. Так и не искупавшись, он вышел из воды; было видно, что он разгневан. Обращаясь к Пава, он произнес следующие слова, которые звучали как песня, сопровождающая танец[18]:

— Скверный человек Пава, раз он так испытывает пришедших к нему!

На это Пава сказал:

— Смягчись, не гневайся больше. Прошу тебя, входи в мой дом, располагайся там. А я пойду пока поищу каву.

Тангалоа сел в доме и вскоре увидел, как Пава возвращается с собранными растениями. Тут он вышел навстречу Пава и поблагодарил его:

— Приветствую и благодарю тебя за прием!

И Тангалоа приказал молодым прислужникам прийти и заняться кавой, сказав:

— Юноши, приготовьте каву для трапезы двух благородных вождей.

Юноши занялись кавой, а Тангалоа и Пава сели беседовать. Речь шла о том, откуда пришел Тангалоа и откуда вообще он появился. Вот как шла эта беседа.

Пава спросил:

— Благородный вождь, откуда пришел ты к нам?

Тангалоа ответил:

— Я пришел из края, что носит имя Фале-ниу-са, из густого леса кокосовых пальм. Я жил там с матерью Уи, но она умерла, и я покинул те места.

И еще добавил он:

— Увы, как ни горестно, но я пришел сюда в печали. А теперь рассудок мой совсем помутился — и от кавы, и от тягостей того пути, который привел меня сюда.

Вот откуда пошло название той местности — Сауа-э-ава, Опьянение Кавой[19].

Так шел их разговор. И Пава задал гостю новый вопрос:

— Кто твой отец?

Тангалоа отвечал:

— Мать говорила мне, что мой отец — Солнце, властитель острова Атафу.

Беседуя с Пава, Тангалоа краем глаза заметил, что маленький мальчик, сын Пава, играет прямо над чашей с кавой[20]. Тангалоа воскликнул:

— Эй, Пава, посмотри, что мальчик делает! А ведь это кава для Тангалоа.

На это Пава сказал:

— Оставь это, давай продолжим беседу.

Мальчик же продолжал играть и прыгать возле чаши с кавой.

Снова сказал Тангалоа:

— Эй, Пава, посмотри, что мальчик делает, останови его!

И снова отвечал ему Пава:

— Оставь это, давай продолжим беседу.

Но тут этот самый мальчик упал прямо в таноа, и кава выплеснулась за края чаши. Тангалоа бросился на озорника и схватил его. Отхлестав мальчишку листом кокосовой пальмы, он бросил его рядом с Пава и сказал:

— Эта половина — тебе, эта половина — мне. Вот и есть нам кушанье к каве.

И тут Тангалоа запел такую песню:

Предупреждал же я, Тангалоа,
Тебя, неразумного Пава, предупреждал я:
«Пава, присмотри за мальчишкой,
Пока каву готовят для Тангалоа».
Но наконец схватил Тангалоа
Черенки кокосовых листьев
И отхлестал ими мальчишку.
Теперь получить может каждый
По куску его мяса к каве.
Но не станет есть это Пава,
Ведь он-то мальчика любит.

Затем он взял тело мальчика и заживил на нем все рубцы. Так мальчик остался жить. После этого была подана кава; радости Пава не было границ — ведь его сын остался жить. Вожди вернулись к своей беседе, и оба были очень довольны. Наконец Тангалоа стал собираться ко сну, и разговор их закончился на том, что они порешили на следующий день выпить кавы на противоположном берегу ручья.

Настал новый день, и они встретились на том берегу ручья. Пава принес все необходимое для приготовления кавы, и они стали ждать; Пава же позвал молодых прислужников и препоручил им приготовление кавы; те занялись всем необходимым, а вожди в ожидании напитка сели беседовать между собой.

Тангалоа спросил Пава:

— Пава, что будет подано к сегодняшней каве? Ведь она уже скоро будет готова, а у нас к ней ничего нет.

И потом пришлось Тангалоа еще раз попросить Пава поискать какое-нибудь угощение к каве; очень просил Тангалоа, потому что ему тяжело было пить каву, ничем ее не заедая. В ответ на его просьбы Пава сказал:

— Все будет сделано. Кава не сейчас еще подоспеет, так что и угощение к ней успеет появиться.

Наконец, когда кава была процежена, Пава запел. Пел он так:

Откуда берется угощение к каве?
В море плавает угощение к каве.
Там и нежные рыбки атаата,
Там и толстые манини саупата,
И акулы ангаанга, и рыбы аваава,
И голубые акулы, и рыбки инганга,
И рыбы алоама, и морские ежи,
И много всего другого,
Что водится в морских волнах [21].

Не успел он пропеть это, как собралось множество морских созданий, так что в доме даже стало тесно. Тут Пава запел новую песню:

Откуда берется угощение к каве?
На суше водится угощение к каве.
Тут и кудахчущие куры,
Тут и жирные свиньи,
Тут и бананы, и плоды пата [22],
И хлебные плоды, и маафала [23],
И ямс, скрывающийся в земле.

Тотчас же дом переполнился всем, что только растет и водится на суше.

Тангалоа, увидев наконец, сколь богатое угощение будет подано к каве, чрезвычайно обрадовался.

А местность у того берега ручья, где на сей раз проходило торжество, называлась Намо. Дважды встречались Тангалоа и Пава за чашей кавы, два дня подряд: один раз — в Саua, другой раз — в Намо.

Но вот Тангалоа простился с Пава [24] и направился в Маиа [25]. Достигнув Маиа, он услышал, как кто-то окликает его; это был еще один Тангалоа. Услышав оклик, Тангалоа-ауи стал сам звать кричавшего — то был Тангалоа-моэ-и-тауме. Тангалоа-ауи кричал:

— Кто меня зовет? Я везде уже посмотрел, но никого не вижу.

Потом он прошелся туда-сюда и снова позвал:

— Кто здесь, отзовись! Я повсюду посмотрел, но никого не нашел.

Тогда он внимательно осмотрел весь берег, никого не нашел, углубился в заросли деревьев и тоже никого не нашел. Наконец он услышал смешок: он раздался откуда-то сверху, с кокосовой пальмы. Именно там, на самом верху кокосовой пальмы, подстелив себе копру, и лежал Тангалоа. За это он и получил имя Тангалоа-моэ-и-тауме [26]. А еще он носил имя Тангалоа-лео-ава, Тангалоа — Страж Кавы: он располагался как раз напротив того места, где росла кава, и сторожил ее.

Так вот, Тангалоа-ауи так сказал об этом Тангалоа:

— Скверное создание этот самый Лео-ава, раз он так испытывает и дразнит путников!

С тех пор и пошло название той местности, где все это произошло,— Лефанга, Ловушка. Там Тангалоа-ауи решил остаться, там он и прожил до самой кончины.

44. Рассказ о сестрах-близнецах Тити и Тити

В местности Тау [1] было селение, которое называлось Фонгаолоула. Оно было расположено на некотором расстоянии от берега, на север от широкого прохода между рифами. Жили там Фаималиэ и Фаитамаи, дети Малаэ и Вавау, тех самых, чьими родителями были Фату и Элеэле [2]. Фаималиэ родила девочек-близнецов, соединенных спинами так, что они не могли видеть друг друга. Девочкам этим дали одинаковые имена — Тити и Тити.

Как-то, когда девочки уже подросли, они пошли гулять на берег того длинного пролива, что был недалеко от их селения. И вот девушки увидели плывущие по воде нечистоты. Одна из сестер сказала:

— Вот какое имя у меня будет — Таэма, Плывущие Нечистоты.

Они продолжали прогуливаться по берегу, и в них все росло желание отправиться куда-нибудь, в неизвестные места.

— Давай пустимся в путь,— предложила одна из сестер.

И вот уже они поплыли прочь. Отец закричал им вслед:

— Вернитесь, вернитесь же!

Сестры отвечали ему:

— Отпусти нас, пожалуйста. Мы вернемся!

— Если так,— воскликнул отец,— возьмите вот этот камень на прощание!

И девушки получили камень-амулет, помогающий в плавании; получив его, они сразу пустились прочь.

Они уже были в открытом море, недалеко от берегов Тутуила, когда вдруг рядом с ними показался качающийся на волнах обломок мачты. Его несло прямо к девушкам. Как ни боролись они с течением, им не удалось отплыть от этой мачты — и тут спины их

разделились, волны отбросили их друг от друга. Так впервые они увидели лица друг друга [3].

Теперь Тити смогла найти себе имя; она сказала сестре, той, что носила имя Таэма:

— Мое имя будет теперь не Тити, а Тила-фаинга, Плывущая Мачта.

Так сестры стали называться Тила-фаинга и Таэма.

Сестры поплыли к берегам Тутуила и скоро приблизились к Пангопанго. Они вышли на берег Ванга, близ которого проходит дорога духов. Называется она так именно с тех пор, как эти две девушки высадились там. Сестры посадили в тех местах таро, а ведь почва там каменистая. Таро это так и называется клубнем Таэмы.

В том месте сестры увидели супружескую пару и двух женщин; они вынимали из ямы маси. Сестрам очень захотелось этого маси. Они стояли и смотрели на работающих и наконец сказали:

— Дайте, пожалуйста, немного маси.

На это супруги сказали им, что хорошо бы иметь хоть какую-нибудь корзинку, чтобы в нее положить кушанье. Девушки кинули им шляпу, сплетенную из волокон хлебного дерева, и сказали:

— Вот сюда положите нам немного маси.

Работавшие отвечали им:

— В эту крохотную штуковину поместится совсем немного маси — хорошо если по кусочку на каждую.

— Ничего,— сказали сестры,— кладите.

Те принялись накладывать маси в шляпу и, сколько ни накладывали, никак не могли наполнить ее [4]. Сестры открыли рты и принялись заглатывать маси — шляпа же никак не могла наполниться. Вот уже маси стало подходить к концу, вот уже две женщины, работавшие там, бросились бежать прочь, крича на ходу, что все кончилось, что маси больше нет. Девушки отвечали им:

— Так что же вы говорили, что в эту пустячную шляпу ничего не поместится?

Женщины, поняв, что перед ними аиту, страшно испугались и еще быстрее побежали прочь.

Сестры же покинули ту местность и двинулись по горам в Полоа, где и поселились. Из корня куркумы они готовили себе пищу, порошком куркумы натирали тела, и от этого кожа их становилась все желтее и желтее [5]. Как-то Тила-фаинга набрела на место, которое называлось Илоааилетоа; там лежало большое копье. Сестры разрезали его на две части и сделали себе из них палицы. Одна палица была для Тилы-фаинга, другая — для Таэмы. Палицы эти были необычными: они могли сами обрушиваться на людей, избивая их.

Прошло еще какое-то время, и Тила-фаинга сказала сестре:

— Давай уйдем отсюда, хватит нам жить здесь. Наши родные места совсем близко отсюда. Давай уплывем, отправимся на поиски другой земли и другого занятия.

Итак, они поплыли, и каждая плыла отдельно. Наконец они

достигли берегов Фиджи. В то время, когда они подплыли к берегам Фиджи, начал заниматься день. Сестры увидели, как неподалеку от берега идут два человека. Тила-фаинга сказала:

— Сестра, мне бы очень хотелось узнать, что это за люди и куда они направляются. Давай подойдем к ним и спросим, куда они идут.

Так они и сделали, а в ответ услышали:

— Нас зовут Туфоу и Филелеи. Наше дело — наносить татуировку, и мы носим с собой лишь необходимые для этого инструменты, у нас даже нет ничего съестного. А кто вы такие?

Сестры отвечали:

— Таэма и Тила-фаинга.

— Зачем прибыли вы сюда?

— О, нас привела сюда жажда странствий. Возьмите нас с собой.

— Хорошо,— согласились Туфоу и Филелеи,— пойдемте.

Так их стало четверо. Сестрам нашлось кое-что поесть, и, поев, они пустились в путь вместе со своими благородными товарищами. Шли они, шли и наконец стали просить Туфоу и Филелеи:

— О знатные, о благородные люди, что вы скажете, если мы попросим научить нас вашему ремеслу?

Те ответили:

— Хорошо, давайте поселимся вместе и вместе будем заниматься одним ремеслом. Для начала нам нужна земляная печь.

— О нет,— возразили сестры,— лучше дайте нам все необходимое для нанесения татуировки, сложите все это в корзинку и отпустите нас.

Туфоу и Филелеи согласились, положили в корзинку все необходимое для нанесения татуировки, отдали эту корзинку сестрам и сказали:

— Вот все, о чем вы просите. Не забывайте только всякий раз, приступая к делу, упомянуть наши имена [6].

— Хорошо,— сказали сестры.

Вот откуда пошел танец мастеров татуировки, танец, во время которого они поют:

О Филелеи, украшенный зубом китовым,
Помоги тем, кто помощи ищет и просит,
О Туфоу, благородный и знатный Туфоу,
О Туфоу, обрати свои взоры на нас!

Вот уж спускается вечер на землю,
Взгляни на собравшихся, о Филелеи!
Взгляни, как прекрасны листья и травы,
О Туфоу, Туфоу, к тебе взываем!

Итак, сестры покинули те места и отправились на Саваии. Высадившись в Фалеалупо, они пошли к дому На. В то время жители западного края влачили жизнь побежденных, а победителями, упивавшимися властью, были жители восточной части Саваии.

В доме На сестры застали только двух девочек, дочерей хозяина; родители же в это время работали в лесу. Тила-фаинга спросила девочек:

— Кто ваш отец?

— На.

— А чей это дом?

Девочки ответили:

— Это дом На, дом На.

— А чья это земля? — спросила Тила-фаинга.

Те в ответ:

— Это земля На.

А потом, помолчав, снова нараспев:

— Это земля На, земля На, На-фануа.

И тут Тила-фаинга сказала:

— О, вот какое я возьму себе имя — Нафануа.

Еще сестры спросили девочек:

— Что это висит у вас под потолком дома?

— Это съестные припасы, которые мы должны отдавать победителям, властвующим над нами,— отвечали девочки.

— Ну-ка спустите сюда эту корзину и дайте нам поесть,— приказали сестры.

Девочки стали отказываться:

— О нет, нам страшно.

— А где ваш отец? — спросили Тила-фаинга и Таэма.

— В лесу.

— Ступайте к нему и скажите, что в вашем доме появились знатные, высокородные гости.

Узнав об этом, На тут же явился в дом и сказал:

— Приветствую вас.

Они устроились и начали беседу.

— Кто вы и откуда? — спросил На.

Сестры ответили:

— Нас зовут Тила-фаинга и Таэма. Край, из которого мы прибыли, очень далеко отсюда. Мы голодны и потому спросили, что это за припасы подвешены у вас под потолком дома.

Хозяин сказал на это:

— Припасы эти приготовлены для мало [7], пришедших из чужой земли, они теперь властвуют над нами. Но я спущу корзину сюда и угощу вас.

— Прекрасно,— сказали сестры.— Если же ты, благородный господин, соберешь для нас все, что приготовлено на твоей земле для нынешних властителей, мы наберемся неимоверной силы и сумеем отомстить за ваше поражение.

Жителям того края тут же было дано знать, и, счастливые, они принесли все, что у них было. Слух об этом полетел и на восток, к победителям, которые сразу начали готовиться к сражению. При этом они сказали:

— Нам обязательно надо выпить кавы, а завтра, рано утром, мы вступим в бой.

Таэма страшилась предстоящей битвы, но Нафануа велела ей следовать за нею и все предоставить ей.

Тамошних жителей Нафануа спросила:

— По какой дороге придут сюда победители?

Ей ответили:

— Сюда ведут три дороги, но всего вернее, что враги придут по средней дороге.

— Если так, мы с сестрой станем на этой дороге. Вы же все пойдете по двум другим, расставите там воинов и спрячетесь. Битву начнем мы.

Вот появились враги, и сестры бросились на них. Началось сражение, и уже на одной из боковых дорог выскочили из засады воины и кинулись на врага, а за ними также кинулись на врага воины из второй засады. Бились они, бились, и наконец прежние победители были разбиты. Жители запада радовались беспредельно и воздавали все возможные почести сестрам. С того времени на всем острове Саваии и почитают их как аиту.

Сестры же оставили ту местность и снова пустились в путь. Наконец они достигли деревни Амоа. Было решено, что здесь они расстанутся, простятся друг с другом. Нафануа сказала сестре:

— Ступай, отправляйся на Тутуила и живи там, живи там и занимайся татуировкой — это твое дело. Я же по-прежнему буду заниматься делами войны [8].

На прощание сестры испили кавы. Разливая каву, Нафануа произнесла такие слова:

Преподносится эта кава
Великим Фату и Элеэле,
Фаималиэ и Фаитамаи,
Чтобы были они благосклонны
И вели нас нашей дорогой.

И еще Нафануа сказала сестре:

— Пусть будет благословен край, в котором ты поселишься. Когда же ты будешь заниматься своим делом, зови меня и вспоминай меня — успех всегда будет сопутствовать тебе.

Итак, Таэма стала собираться на Тутуила. На прощание Нафануа велела ей выслушать напутственное слово. Вот что услышала Таэма:

— Ступай. Будь благословен твой край. Отныне не остается ничего общего между моим делом и твоим. Грядет усобица между этим краем и Мануа, краем, где остались наши родители. Когда начнется между этими землями сражение, ты должна повернуться спиной к Мануа, лицом к Уполу. И тогда с Саваии по-прежнему будут благословлять твое ремесло. Но если же ты повернешься лицом к Мануа, тебя ждет проклятие и горе.

Таэма пустилась на Тутуила, прибыла к берегам острова и поселилась там. Нафануа и ее занятию она возносила хвалы, а ее саму почитали на Тутуила. Ее ремеслом на Тутуила стала татуировка. Принято говорить так:

Украшает мужчину татуировка,
Украшают женщину ее дети.

Таэма жила в местности Полоа. Однажды туда прибыл благородный вождь из Саилеле, Туи Атуа, которого звали Мосо. Он пришел к Таэме и сделал ее своей женой.

А Нафануа осталась жить на Саваии, занимаясь делом войны.

45. Происхождение татуировки

Две сестры, две знатные госпожи с Фиджи, пустились в плавание. Лодка их приплыла к берегам Самоа. Всю дорогу, пока плыли, они приговаривали так:

— Женщине — татуировка, мужчине — ничего не нужно [1].

Итак, они подплыли к берегам Фалеалупо. И тут одна из них посмотрела за борт лодки и увидела на дне красивую раковину. Выпрыгнула она из лодки, нырнула за раковиной, чтобы взять ее себе, а сестра в это самое время спросила ее:

— Ну-ка, скажи, как мы с тобой говорили?

И та ответила:

— Мужчине — татуировка, женщине — ничего не нужно [2].

Сестры поплыли дальше, к берегам Сафоту. Там они решили направиться прямо к высокородному Лавеа [3]. Еще издали прокричали они ему:

— Послушай! Мы несем сюда новое искусство, новое ремесло прибыло с нами на Самоа!

Тогда же, не останавливаясь, поплыли они дальше [4], в Салевалу, к знатному и благородному Мафуа [5]. Но и он не снизошел к ним, не восхитился новым искусством, и тогда они поплыли в Сафата и решили пойти там к вождям из рода Суа.

Самого вождя тогда не было дома: он ушел в глубь острова возделывать свои земли. Когда лодка гостей подошла к берегу, ее увидела дочь вождя. Эта знатная девушка вышла навстречу прибывшим узнать, кто они [6]. И они сказали ей:

— Послушай! Мы несем сюда новое искусство, новое ремесло прибыло с нами на Самоа!

И девушка поблагодарила их, а они отдали ей свою тапу и корень куркумы [7]. Она снова поблагодарила их.

Тогда они сказали ей:

— А вот здесь хранятся все наши инструменты [8], ими и наносят на тело узор татуировки. И в этом наше ремесло, неизвестное на ваших островах.

Тут были принесены чаши для кавы, кава была разлита и чаши розданы, а знатные гостьи сказали девушке:

— Когда разольют каву по чашам и станут раздавать — первая чаша тебе [9]. Если же ты не сможешь выпить эту каву, следует оставить ее — это кава духу. А в круге пьющих каву людей первая чаша всегда тебе.

Раньше других искусство татуировки стало известно знатным людям двух семейств с острова Саваии [10]. Третьим узнал об этом искусстве мастер, служивший при Туи-аана. Вот почему говорят о трех первых мастерах татуировки, и еще говорят о «доме трех мастеров».

Того, кто служил при Туи-аана и кто первым нанес узор на тело высокого вождя, звали Паули [11]; его потомки и по сей день живут в Салелолонга.

Вожди из рода Тулауэнга посвятили искусству татуировки два малаэ — Лалоталиэ и Фангалеле [12]; а вожди Суа посвятили этому искусству малаэ Фаамафи и Сафата [13].

46. Таэма, Тила-фаинга и Нафануа

Савеа Сиулео был одним из главных духов аиту, и многие другие аиту подчинялись и служили ему. Савеа Сиулео и Малиэтоа, верховный вождь и правитель Самоа, обменялись титулами. Разные духи низкого происхождения и духи умерших должны были ловить рыбу для Савеа Сиулео. А правил Савеа Сиулео в Пулоту — подземном мире.

Савеа Сиулео восходит к роду морских угрей. Отцом его был Алаоа, матерью — Туа. Он появился на свет не ребенком, а сгустком крови, и испуганные родители отнесли его на берег моря и там спрятали под грудой камней.

Потом у его матери родился другой ребенок. Сгусток крови тут же приказал родителям бросить новорожденное дитя в море. Не смея ослушаться, они так и сделали, а сгусток крови мигом проглотил младенца всего целиком [1].

Потом родился еще один ребенок, и опять произошло то же самое. Затем женщина родила снова, и сгусток крови поступил так же. Когда женщина снова забеременела, супруги убежали в лес.

Там у них родился сын, которого назвали Улу-фануа-сесеэ, Бродящий Повсюду, потому что он очень любил даже в самый сильный ливень бродить по лесным зарослям.

Однажды этот мальчик залез на кокосовую пальму и увидел вдалеке полоску моря. Он спросил у родителей:

— Что это там такое?

— Море,— ответили они. Затем они прибавили: — Мы убежали оттуда, потому что там свирепствует твой брат: он съел всех остальных твоих братьев.

Тогда мальчик сказал, что ему хочется попробовать соленой морской воды. Родители испугались и строго-настрого запретили ему спускаться к морю, но он не стал их слушать.

Итак, мальчик отправился к морю. Набрав морской воды, он оставил ее в Матаэнаэна, а сам решил покататься по волнам на доске. Малыш заскользил по глади моря на темной доске, а за ним следом помчался Савеа Сиулео на светлой доске [2]. Вот Савеа Сиулео

рывком догнал брата и принялся грызть доску, на которой тот стоял. А Улу-фануа-сесеэ направился к берегу со словами:

— До чего же ты скверный брат! Ты уже расправился со всеми моими братьями, а теперь хочешь погубить и меня.

Савеа Сиулео ответил:

— Да, ты прав, я дурной брат. Отныне меня не будет здесь: я ухожу искать себе другую землю, мы же с тобой встретимся и соединимся в наших потомках [3].

Спустя некоторое время Улу-фануа-сесеэ женился на Сине-атафуа. Потом он взял в жены Сину-лалофуту, и она родила ему двух девочек-близнецов[4].

На Самоа был вот какой обычай: если кто-то возвращается из леса с вязанкой дров, он должен, прежде чем бросить ее на землю, попросить извинения за тот шум, который ему придется поднять. Но однажды случилось так, что один из родственников девушек пришел из леса и без всяких слов бросил дрова на землю. Девушки-близнецы вскочили и в испуге бросились прямо в море [5].

В то время у них еще не было имен. Пустились они вплавь по морю и на поверхности воды увидели отбросы. Тогда одна из них сказала:

— Я назовусь Таэма, Плывущие Нечистоты.

Вторая сказала на это:

— Очень хорошо. Но у меня еще нет имени.

Поплыли они дальше, и им встретилась плывущая по воде мачта, и вторая сестра сказала:

— Вот и я получила имя — Тила-фаинга, Плывущая Мачта.

Наконец девушки достигли острова Тутуила. На берегу уже никого не было, но в домах были расстелены циновки для сна, а перед домами горели вечерние костры. На берег к девушкам сошел один знатный человек, которому очень понравилась Таэма. Он взял девушек к себе [6].

У этого человека было такое правило: он вставал очень рано и сразу отправлялся возделывать таро на своем участке. Возвращался же он только с наступлением темноты. Но однажды девушки решили усыпить его, чтобы он не проснулся рано утром.

И вот когда он проснулся, солнце стояло уже высоко. Этот знатный человек очень испугался и устыдился, потому что на голове у него был петушиный гребень. Девушки, увидев этот гребень, тут же решили бежать: ведь человек оказался аиту. Но Таэме как раз пришел срок родить. Она родила и бросила свое дитя, и обе они кинулись прочь с Тутуила. Но у Таэмы не шел из головы ее ребенок, и она решила отправиться назад, на Тутуила.

Тила-фаинга же продолжала плыть и достигла Пулоту, где соединилась с Савеа Сиулео, братом своего отца. И от него она родила сгусток крови, который спрятала под камнями. Из этого сгустка крови появилась девочка, названная Нафануа, что значит Сокрытая в Земле [7].

А в то самое время родственники Савеа Сиулео, жившие наверху, на земле, попали под власть жителей чужой земли. Став

рабами новых господ, они влачили горестную жизнь побежденных. Один знатный человек, по имени Таии, залез на кокосовую пальму и стал там причитать, вздыхать, жаловаться на тяготы такой жизни. Савеа Сиулео услышал эти причитания у себя в Пулоту [8] и сказал Нафануа:

— Дочка, иди туда и призови к оружию всех своих, ведь это члены нашей семьи, наши родные.

Девушка отправилась на землю, достигла Фалеалупо и там зашла в один дом, где жили родители с двумя детьми. Там стало ясно, что ее прихода уже ждали, потому что в том доме было приготовлено и освящено множество всякой пищи: и сахарный тростник, и ямс, и кава, и свинина, и куры, и таро.

Девушка застала дома только малышей: родители их были на работах. Нафануа сказала:

— Дети, отломите мне кусочек сахарного тростника.

На это дети ответили:

— Девушка, не гневайся, но этот тростник приготовлен для старшего родственника.

Девушка же велела им:

— Делайте, как я сказала, а не то я побью вас.

Когда родители подошли к дому, дети вышли им навстречу и сказали, что в доме их ждет какая-то девушка. Родители сразу догадались, кто это. Они вошли в дом и спросили:

— Значит, ты уже здесь?

— Да, я уже здесь,— ответила девушка.

Она стала расспрашивать супругов об их жизни, и они сказали:

— Наше поражение мучительно горько для нас.

На это девушка сказала мужчине:

— Я хочу, чтобы вы обошли всю свою землю, всю местность Фалеалупо. Ты пойдешь в одну сторону, твоя жена — в другую. Скажете всем, что завтра вы уже не будете побежденными, перестанете быть рабами этих незваных господ.

Супруги принялись возражать:

— Мы боимся идти.

Но девушка повторила свой приказ:

— Вы должны сказать всем своим, что завтра вы уже не будете побежденными. Утром вы оба станете по одну сторону дороги, я же засяду по другую сторону — ту, что ближе к морю. Но если вы покинете свою сторону дороги, вас ждет смерть. И я умру, если перейду на вашу сторону дороги.

Наутро состоялось сражение, и прежние властители были разбиты. Их противники преследовали бывших господ до Фалелима и Неиафу. Увидев, что все их родственники перешли на другую сторону дороги, ту, что была ближе к морю, супруги тоже бросились туда преследовать врага. Но не успели они оказаться там, как упали, сраженные палицей Нафануа [9].

Нафануа закрыла свою грудь, и все думали, что это мужчина. Но в разгаре битвы, когда сражение перешло в Саматаитаи, порыв ветра сорвал покров с ее груди. Тут все закричали:

— О горе, это девушка!

Приказ Савеа Сиулео был гнать врага до Фуаланга. Так и было сделано; после этого Нафануа ушла жить в местность Филимапулету, а оттуда перешла в Ауваа.

Потом Нафануа отправилась в Сапапалии, а там присоединилась к путешествующим аиту и двинулась вместе с ними на Уполу. Духи поплыли по морю и миновали Маноно, где ловил рыбу Леиатауа. У него в это время еще не было ни одной рыбки. Леиатауа сказал:

— Приветствую вас, проплывающих мимо меня.

Они же спросили его:

— О благородный господин, ты, наверное, главный рыболов здесь, под палящим солнцем?

На это знатный Леиатауа ответил:

— Я еще не поймал ничего, но похоже, что, явись вы попозже, у меня бы нашлось кое-что для вас.

Лодка аиту двинулась дальше, в Леулумоэнга. Там путешественники встретили дочь Алипиа. Она несла воду, и аиту попросили у нее напиться. Но дочь Алипиа даже не ответила им, до того она была исполнена высокомерия и презрения ко всему вокруг.

Отправившись обратно, духи вновь прибыли к рыболову Леиатауа. Тут он велел им подойти к правому борту лодки, в которой они плыли, и отдал им весь свой улов. Тем временем Нафануа перешла в него, овладела его духом, и он с дикими криками бросился к себе на Маноно. Все жители Маноно решили, что старик потерял разум.

А в то время высшая власть принадлежала жителям Сафуне и Фалеата: они были обладателями власти, главными победителями. Леиатауа напал на них и одержал над ними верх.

Потом этот Леиатауа Лолонга женился на Лоалоа, дочери Туи-аиле-мафуа. У них родился сын, названный Тама-фаинга, который вырос страшно жестоким[10]. Он не щадил ни одной красивой женщины на Самоа.

47. Тама-фаинга

Вот история об аиту по имени Тама-фаинга. Отцом Тама-фаинга был Лолонга, носивший также имя Леиатауа Леса, а матерью — Лоалоа, дочь благородного Туи-аиле-мафуа из Сафуне.

Леиатауа, отцу Тама-фаинга, однажды выпала большая удача. То, как эта удача была ему послана, уже знаменовало счастье: ему повстречались две благородные и знатные девушки-аиту из рода Нафануа [1], а ведь Нафануа — одна из главных, самых сильных аиту; она родом из Пулоту.

Девушки проплыли в своей лодке мимо Леиатауа, когда тот ловил рыбу близ берегов Маноно. Взглянув на плывущих, Леиатауа сразу понял, что перед ним знатные и благородные аиту. Он обратился к ним:

— Что это, не лодка ли господ проплывает мимо меня?

— Ты угадал, благородный рыболов,— отвечали они,— это та самая лодка.

Тогда Леиатауа сказал:

— В неудачное время приплыла сюда лодка благородных дам. Мне не удалось поймать еще ни одной рыбки. Но если вы соблаговолите вернуться сюда попозже, вы найдете у меня кое-какой улов.

И дети Нафануа отправились в Леулумоэнга, где повстречали дочь Алипиа. Они попросили ее:

— Девушка, будь добра, дай нам напиться.

Девушка же ответила им:

— И не стыдно вам просить, когда вы можете наклониться к воде и напиться, не выходя из лодки?!

Тут благородные аиту рассердились и, очень недовольные, поплыли назад к Маноно.

Они застали Леиатауа на прежнем месте, и он сказал:

— Вот, посмотрите, я трудился не напрасно. Пусть теперь лодка благородных дам подплывет к правому борту моей лодки — она уже полна рыбы.

Весь свой улов, до единой рыбки, Леиатауа переложил в лодку аиту. А тем временем одна из приплывших аиту вошла в него и завладела его духом [2].

В ту пору власть на Самоа принадлежала жителям Сафуне и Сафоту, что на Саваии, жителям округа Туамасанга и жителям одной местности в земле Атуа — все они были победителями. А Леиатауа отправился к своим, к жителям Маноно, и сказал им:

— Садитесь все ко мне в лодку. Мне был дан знак: Нафануа кивнула мне из Пулоту, и, значит, настала пора выходить нам на поле сражения в Леулу.

(А Леулу — это местность на Саваии, между Сафуне и Матауту.) И состоялось там сражение, и прежние властители оказались побеждены. Власть перешла к новым победителям, жителям Маноно, Сафоту-лафаи и Аана.

Когда Леиатауа заболел и умер, власть перешла к его сыну Тама-фаинга. Этот Тама-фаинга был полудух, получеловек. Он решил затеять новое сражение между Сафоту и Матауту.

В то время верховным вождем был Малиэтоа Ваи-нуу-по [3]. Малиэтоа и некоторые жители Фаасалелеанга объединились с побежденными жителями Сафуне и Сафоту. А победившие их жители Аана и Маноно объединились со всеми прочими жителями Фаасалелеанга. И вот состоялось новое сражение, в котором те, что стояли за Малиэтоа, были побеждены.

Войско Тама-фаинга вернулось к себе, а люди Малиэтоа бежали в Атуа, на Уполу. Но сам Малиэтоа со всеми своими родственниками и слугами остался жить на Маноно и всячески показывал тогдашним властителям, что еще сможет сам стать победителем. Тогда и было задумано новое сражение, в котором Малиэтоа решил объединиться с жителями Атуа. В этой битве жители Атуа очень быстро потерпели поражение и были вынуждены бежать.

Горьким оказалось их поражение. Победители заставляли побежденных забираться на кокосовые пальмы и там сбивать кокосы ногами, без помощи рук. И еще много всего другого жестокого и страшного придумали победители. Не успели прийти в себя жены Атуа, как победители бросились насиловать их прямо на глазах у мужей. Ни одна женщина не смогла избежать этого. Невинных девушек мог взять любой — хоть старый, хоть горбатый, хоть весь покрытый язвами. Даже самым знатным женщинам не удалось избежать насилия, всем им пришлось лечь с простолюдинами — до того был велик страх побежденных перед победителями.

Но вот однажды, когда многие жители Фалеасиу, что в пределе Аана, сошлись на работы, на них напали воины с Маноно и жестоко побили их. Дело в том, что жителям Маноно не нравилось, что жители Аана так жестоки к людям из Сафуне и Сафоту и изнуряют их работой на землях Аана.

Тама-фаинга пришел затем к жителям Сафоту и Сафуне, трудившимся на землях Аана и Ваиалауа, и сказал им:

— Довольно вам изнурять себя тяжким подневольным трудом. Ступайте домой возделывать свои собственные земли.

Так они и сделали.

А в Фаситоо жила тогда одна красавица, по имени Леу-теифуи-оно. Тама-фаинга послал к ней сватов, которые сообщили девушке, что вождь желает соединиться с нею. Та ответила:

— Хорошо, скажите высокородному господину, чтобы сейчас же шел сюда.

Так и было доложено Тама-фаинга. А тем временем жители Фаситоо, и знатные и простолюдины, составили заговор против Тама-фаинга, задумав убить могучего аиту.

Итак, Тама-фаинга отправился к красавице, собираясь провести с ней ночь. С собой он взял трех своих сватов [4]. Заговорщики из Фаситоо выследили их и окружили дом красавицы. Двоих людей они поставили с той стороны дома, что выходила к дороге, остальных — с той стороны, которая была обращена к морю. Выведав, что вождь уже у девушки, они схватились за оружие и бросились прямо в дом к ней. Первыми пали сваты Тама-фаинга; сам же Тама-фаинга успел выскочить из дома, броситься бегом на главную дорогу и достичь Леписи. Там он кинулся в море, собираясь спастись вплавь. Но пока Тама-фаинга бежал по дороге к морю, его успели заметить и узнать: ведь на нем по-прежнему был его пышный головной убор из тутовых листьев [5].

Тама-фаинга был настигнут в море, схвачен и убит. Тело этого человека, столько раз оскорблявшего прекрасных женщин Самоа, разрезали на мелкие части. И многие из его сторонников тоже погибли тогда.

Оставшиеся в живых люди Тама-фаинга спаслись бегством и некоторое время прятались. Собравшись же вместе, они решили снова сразиться с жителями Аана. Так состоялась битва между жителями Атуа, с одной стороны, и жителями Аана и Фаитасинга — с другой. Немало жителей Аана полегло в той битве, безмерно

горьким оказалось их поражение. Желая приумножить позор Аана, победители развели огромный костер, в который вместо дров бросали тела жителей Аана. Разведен был этот костер на святилище в Фаситоотаи. Победители хватали всех: мужчин, женщин, детей — и живыми бросали их в огонь. И именно в это время на Самоа появились первые люди, верующие в Христа.

Правление Тама-фаинга окончилось, и вождь Малиэтоа вступил в свои права. Он и принял первых христиан, нарекших его затем именем Тевита [6].

48. Фалеула

У Феэпо было трое детей: сыновья Малала-теа и Леа-тионгиэ и дочь, которую звали Сина. Ее взял в жены Туи Мануа [1]. Девушка должна была отправиться жить к нему. Они отбыли на Мануа, прожили там четыре дня, а на пятый Сина увидела там своего брата Малала-теа: он прибыл повидать сестру. Только за этим — навестить сестру — и явился он туда. Но как раз в то время, когда он прибыл, местные вожди собрались на совет.

Увидев брата, Сина заплакала и сказала:

— О горе, горе, тебя ждет смерть. Местные вожди как раз собрались на совет. Я боюсь, что они схватят тебя. Но все же иди к ним, только помни: если они дадут тебе какой-нибудь наказ, сразу возвращайся ко мне. Я скажу тебе, как быть.

Юноша отправился к вождям, заседавшим на совете. Вожди же сказали ему:

— Поди и принеси нам рыбы к каве. Ты должен найти самую кровожадную и свирепую рыбу.

Юноша поспешил к сестре.

— Что ж, ступай за рыбой. Как придешь на берег, сразу брось в воду камень. Он разбудит рыбу, что пока спит под водой. И тут тебе надо бросить второй камень — бросишь его на самую кромку берега. Рыба увидит этот камень и сама кинется на берег. Ты тотчас хватай ее за жабры и тащи!

Таков был наказ Сины. Юноша в точности исполнил его.

Когда властитель острова увидел, что юноша тащит рыбу, которую приказано было принести, удивлению его не было предела. Он сказал:

— Он не человек, а сауаи-тангата [2]!

И тогда он отдал юноше другой приказ:

— Пойди и принеси нам кавы!

Снова поспешил юноша к сестре. Сина сказала:

— О, это все делается для того, чтобы тебя погубить. Так вот, ступай и вырви вот такой, совсем короткий, корень кавы. Иди, иди же. Вырвешь, размахнись и ударь по нему, чтобы он разломился. Ударишь, размахнись снова и ударь еще раз, чтобы он еще раз разломился. Ударив, снова размахнись, так же как перед этим, и снова ударь по нему, чтобы он еще раз разломился.

Пришел юноша, а побеги кавы спят. Бросился он на каву, исполнил все, как сказала сестра, и вырвал корни из земли. С этой кавой он отправился к вождям, сидевшим по-прежнему на совете. Властитель острова увидел, что юноша несет корни кавы, и изумлению его не было предела.

Доставив каву на место, юноша отправился к сестре [3]. Ей он сказал:

— Сестра, пойдем, бежим отсюда!

Сестра тотчас же поднялась, и они поспешили к лодке юноши. Властитель острова заметил их и понял, что сестра решила уплыть вместе с братом. Бросился он к ним и стал уговаривать их обоих остаться. Но оба беглеца, и брат и сестра, наотрез отказались его слушать. Тогда вождь сказал:

— Как же это объяснить, по какому праву покидаете вы этот край?

Сина даже не ответила ему, и тогда он воскликнул:

— Послушай же, благородная госпожа, если уж ты никак не можешь остаться, отправляйся в Фалеула, к своим! Здесь, в лагуне, водятся всякие морские существа, так возьми их с собой. Возьми раковины нгау, возьми себе морских огурцов, возьми медуз алуалу [4], возьми фунгафунга [5] и лоли — все возьми.

И вот брат с сестрой покинули тот предел, а все морские создания, что назвал им вождь, привезли в Фалеула, на Уполу.

49. Птица сенга

Жила на свете Сина-инофоа, дочь Таотуа и Салелолонга, и спала она с Тангалоа-аланги, Тангалоа Небожителем [1]. Однажды она пошла купаться и во время купания родила большой сгусток крови, превратившийся затем в птицу сенга [2]. А потом у нее родилась дочь, которую назвали Сина-алела. Эта Сина-алела выросла и уплыла на Фиджи, к Туи Фити, властителю тех краев. Она стала его женой.

Однажды Туи Фити увидел того самого сенга, что происходил от Тангалоа-аланги, и велел Сине-алела пойти и поймать для него эту птицу. На это Сина сказала:

— Я не могу выполнить твой приказ, ведь это мой брат. Есть, правда, другой выход: подстереги его и поймай сам, своими руками.

Туи Фити удалось поймать сенга, и так эта птица впервые появилась на Фиджи.

Тогда сошел с небес на землю Таэ-тангалоа, другой сын Тангалоа-аланги и Сины-инофоа, и пустился на поиски сенга. Спустился он с небес на землю Мануа, а там как раз стояла у берега лодка, отплывающая на Уполу. Таэ-тангалоа попросил гребцов:

— Возьмите меня с собой.

Они же не захотели взять его и принялись поспешно грести, но,

сколько ни гребли, лодка не трогалась с места. Пришлось им согласиться:

— Ну иди же, садись к нам.— И тотчас после этого лодка двинулась и понеслась по волнам [3]. Но на Уполу эта лодка так и не попала: она направилась на Фиджи.

А на Фиджи в то время был страшный голод, местные жители уже начали поедать друг друга. Когда лодка приплыла на Фиджи, Таэ-тангалоа еще издалека увидел свою сестру Сину-алела. Она сошла к лодке и сказала:

— Привет вам, мореплаватели. Увы, здесь у нас царит ужасный голод. Люди уже стали поедать друг друга.

Тогда юноша сказал своей сестре:

— На, возьми это. Вот ветка хлебного дерева, а это — ветка кокосовой пальмы. Возьми их и ступай, взмахни ими над фиджийской землей.

Как только Сина-алела сделала это, из земли поднялось множество хлебных деревьев и кокосовых пальм. Наступило великое изобилие.

А Таэ-тангалоа отплыл назад на Самоа, взяв с собой сенга. По дороге его лодка встретилась с лодкой Луу-уа-фато. У Луу была замечательная лодка, быстрая как ветер. Таэ-тангалоа предложил Луу обменяться лодками. А лодка Луу называлась Мата-эмо [4]. Они обменялись, Луу получил лодку вместе с сенга, а Таэ-тангалоа получил замечательную лодку Луу. Луу же был очень доволен, что ему достался сенга. Перед смертью Луу приказал похоронить его вместе с сенга.

Но сенга исклевал и съел тело Луу и потом еще долго летал над его могилой. А затем сенга принялся пожирать и других людей. До сих пор прилетает время от времени этот сенга и забирает с собой немало людей — это жертвы для торжеств Савеа Сиулео [5].

50. Нгенге и аиту с острова Саваии

До аиту, живущих на Саваии, дошел слух, что в местности Фалеалии [1] живет аиту, которого зовут Нгенге. Узнав это, аиту Саваии решили:

— Отправимся-ка мы на Уполу и силой захватим аиту Нгенге. Раз он толст, нам будет чем поживиться [2].

И вот все аиту, жившие на Саваии, сели в лодки и пустились в путь. Но к тому времени, как они достигли Фалеалии, Нгенге уже успел кое-что придумать. Он пошел и набрал много клешней разных крабов и раков: были там клешни мангровых крабов, клешни прибрежных крабов, клешни раков-отшельников. Собрал он великое множество всего этого. Дома Нгенге сварил все, что собрал.

Прибыли аиту с Саваии к дому Нгенге и сказали:

— Здравствуй, Нгенге.

И Нгенге приветствовал их в ответ.

— Что это у тебя? — спросили они.

Тут Нгенге взял клешню краба в рот, и она захрустела у него на зубах. Он же небрежно ответил аиту:

— Да это так, кости людей, что я тут как-то поймал.

Услышали аиту с Саваии, как страшно хрустят людские кости на зубах у Нгенге, и решили:

— Зря мы пришли сюда. Это страшный людоед.

Бросились прочь аиту с Саваии, приготовили свои лодки к отплытию, а тут-то Нгенге настиг их и нескольких убил.

Увидев, как Нгенге расправляется с их товарищами, оставшиеся в живых аиту с Саваии взмолились о пощаде и стали обещать:

— Отныне придет конец враждебным походам с берега Салафаи [3] сюда. Если же хоть кто-нибудь с Салафаи придет сюда со злом, пусть его постигнет смерть, пусть будет он стерт в порошок. Теперь всякий, плывущий сюда с Салафаи, будет прибывать только с добром.

И тогда Нгенге пощадил аиту.

Их договор остается в силе до наших дней. Ни один воин с Саваии не смеет ступить на мыс, где живет Нгенге. Если из деревни, что расположена там [4], взглянуть на сам берег, можно увидеть высокие прибрежные скалы. Это аиту, убитые Нгенге.

51. Сале-вао

Сале-вао — полудух-получеловек. Отцом Сале-вао был знатный, благородный Уа-лоту из Сивуао, матерью — Фулу-ула-алефануа, дама из Амоа. Другое имя самого Сале-вао — Матулу-фоту. Главное занятие Сале-вао — охота на голубей, для этого у него есть множество охотничьих навесов в горах Сатауа и Асау [1].

Вот раз Сале-вао с Мосо, другим духом, занялись ловлей голубей. Сале-вао наловил много голубей и решил спуститься с гор за едой, ведь он всегда ходил на промысел один, никто из юношей не прислуживал ему там.

Итак, он пошел вниз, а в это время в Сатауа ночевало несколько путников, пришедших из Амоа. Сале-вао пошел к ним и попросил:

— Позвольте мне оставить у вас вот этого голубя.

Но путешественники прогнали его прочь. Тогда Сале-вао тихонько, ползком пробрался за дом и там увидел сидящую снаружи старую женщину. Она сказала ему:

— Здравствуй.

— Здравствуй,— ответил Сале-вао,— позволь мне оставить здесь у тебя этого голубя.

— Входи в дом,— сказала старуха.

А те путники уже успели уснуть. Все циновки, сплетенные из кокосовых листьев, были спущены; поднятой оставалась только одна [2]. Заметив, что путешественники спят мертвым сном, Сале-

вао взял свою сеть для ловли голубей и растянул ее в том самом проеме, который не был задернут циновкой из кокосовых волокон. Духи тех путников, вышедшие на ночь из их спящих тел, попались в эту самую сеть, и все люди умерли, не просыпаясь [3].

Вот почему на Самоа нельзя оставлять большие циновки, что закрывают проемы в домах, поднятыми на ночь. Они должны быть опущены все до одной — тогда только считается, что дом закрыт. Или, напротив, все они должны быть убраны: тогда дом открыт.

Так вот, наступило утро, и жители Сатауа стали готовиться к приему тех путешественников, что остановились у них. Думая, что они слишком долго спят, хранительница того дома отправилась будить их. Но пришла она уже поздно: все путники лежали замертво.

А камни в Сатауа и по сей день носят название Алунгалоа, Длинный Подголовник.

52. Моco

Моco появился и вырос из сгустка крови, найденного на коралловом рифе у берега Сатауа. Его нашли там рыбаки. Еще он носит имя Сепо.

Некогда Моco вместе с другими путниками отправился на Уполу, собираясь поселиться там со своей женой Маупуэна. Итак, он пришел на Уполу, а в это время жители Салеимоа [1] были заняты рыбной ловлей. Моco жестоко избил их своим дорожным посохом и многих погубил — в живых осталась лишь горстка людей. Сам же Моco отправился назад, в Фангалеле [2].

Однажды шли путники в Матауту [3], и по дороге им встретился старик — то был Моco,— выпалывавший сорняки. Путники имели несчастье попросить этого старика забраться на кокосовую пальму [4]. Моco залез на пальму и принялся трясти ее с ужасной силой. Увидев это, путники не на шутку испугались. А Моco схватил один кокос и закричал им сверху:

— Ну, подходите, берите кокосы!

Но путники в страхе убежали. Тогда Моco пустился за ними, настиг их и всех убил.

И поныне Моco живет в Фангалеле. Известно, что ни один путник, ступивший на землю, подвластную Моco, не смеет шуметь или вести себя каким-либо неподобающим образом: все знают, что земля эта принадлежит Моco.

Побывал Моco и на Фиджи. Там его прозвали Моа-о-ле-тиале, Толстый Хряк. С Фиджи он возвратился на Самоа и поселился тогда в Фалелима — вот еще одно место, где жил он на этих островах. Называют его также Нифо-лоа, Длинный Зуб, ведь ему под силу жевать даже оо-о-попо, ту часть спелого кокоса, что похожа на губку.

А еще его называют Фале-малеиа [5].

53. Сау-маэ-афе

Сау-маэ-афе принадлежит к числу аиту. Это полудух-получеловек: отец ее был обычным человеком, а мать — духом. Отца Сау-маэ-афе звали Сами, он жил в деревне Аламуту, что в местности Салеимоа [1]. Мать Сау-маэ-афе, аиту, сошлась с Сами во время одного из своих путешествий, когда она направлялась на Саваии. Сами решил, что она настоящая, живая женщина, а вовсе не аиту — до того она была хороша собой.

Мало кто из жителей Салеимоа видел Сау-маэ-афе, но известно, что это девушка редкостной красоты. Прекрасен ее стан, прекрасна ее грудь, прекрасно ее лицо, прекрасны темно-каштановые волосы. Правда, стоит разгневать ее, как она превращается в старую-престарую старуху с омерзительным лицом, с морщинистой кожей.

А с прекрасными юношами, желанными ей, Сау-маэ-афе, напротив, старается приумножить свою красоту: еще восхитительнее делаются ее темно-каштановые волосы, ее грудь. Если же Сау-маэ-афе видит, что прекрасный юноша все равно не пленяется ею, она убивает его.

Сау-маэ-афе влечет ко всем красивым мужчинам на Самоа. Она неустанно путешествует по островам Самоа — от острова Тутуила до местности Фалеалупо, что на Саваии. Где бы ни пребывала Сау-маэ-афе, она убивает невест и жен тех, кто нравится ей самой, убивает из ревности.

О том, что Сау-маэ-афе пришла, юноша может узнать вот как. Он вдруг внезапно просыпается среди ночи, а проснувшись, не может понять, что же могло разбудить его. Но куда бы он ни повернулся, отовсюду до него доносится сладостный запах — запах сандалового масла или запах сеа. Запах заполняет весь угол, где спит этот прекрасный юноша. Вскоре юноша засыпает снова, и сон его долог. Когда же утром он наконец встает, все в восхищении замечают, что он стал еще красивее, что глаза его покраснели и все тело кажется загорелым. Но все же всякий юноша боится прихода Сау-маэ-афе: ведь если она узнает, что у юноши есть любимая, она убьет ее.

А вот какой случай произошел в 1890 году. На главной дороге Фаситоо появилась некая красавица. Она шла по дороге, волосы ее были подколоты, на ней была юбочка из тонготонго, грудь ее была прикрыта. Все жители Фаситоо в восхищении взирали на прекрасную незнакомку. Они гадали, откуда могла появиться эта девушка: ведь она шла одна, никаких других путешественников в Фаситоо [2] тогда не было [3].

Когда девушка дошла до западной окраины деревни, ее приветствовал благородный и знатный вождь Фаситоотаи. Обратившись к девушке, вождь пригласил ее в свой дом испробовать кавы. Она же страшно рассердилась и сказала:

— Придержи язык! Ты не смеешь даже заговаривать со мной.

Вождь отвечал ей:

— Я вышел к тебе без всякого дурного умысла и вовсе не хотел прогневить тебя. Я только пригласил тебя испить кавы у нас.

Тут девушка разгневалась еще больше и сказала:

— Довольно! Не смей говорить со мной.

И вдруг она исчезла — в одно мгновение скрылась из виду.

54. Дух-осьминог

Аиту в облике осьминога попал на Самоа с Фиджи. Он достиг Апиа и поселился там в море, недалеко от берега — где именно, неизвестно. Потом он двинулся вплавь по речке в глубь острова и там поселился в пещере. Туда, в пещеру, он взял с собой большой коралл пунга и гладкий коралл лапа: они были удобны и к тому же украшали его жилище [1]. Решив построить себе там дом, он набрал камней с гор, что стоят вдали от моря. Камни эти должны были стать опорными столбами его дома. На помощь этому аиту собралось множество разных других духов.

Вот однажды, когда дом еще не был закончен, несколько женщин из деревни Танга [2], что недалеко оттуда, пошли купаться. Одна из них была на сносях. Принялись женщины купаться, и тут она почувствовала, что у нее начинаются роды. Они начались прямо в воде. Все остальные женщины принялись кричать и причитать, что их подруга рожает в воде. Духи, строившие дом осьминога, услышали крики и пошли посмотреть, в чем дело. Увидев рожающую женщину, они страшно испугались: никогда раньше не встречалось им такое. В ужасе убежали духи прочь, как можно дальше от того места. Осьминог тоже покинул те места, последовал за другими духами, и гулким был звук его шагов.

Осьминог поселился в горах, на самой вершине, но никак не мог привыкнуть к новому месту. Ему гораздо лучше жилось внизу; там остались его любимые кораллы. И вот другой аиту, по имени Пава [3], отправился оттуда вниз. Он был знаком с некоторыми тамошними жителями, все больше с детьми и с молодыми людьми. Взяв на себя обязанности посланного, он пошел вниз.

А тем временем до жителей Танга уже дошла весть о том, что одна из женщин их деревни разродилась прямо в воде. Жители отправились за ней, чтобы отнести ее домой. Как раз тогда спустился вниз Пава, посланный на разведку, узнать, не ушли ли наконец те женщины: уж очень хотелось осьминогу вернуться на старое место, туда, где он оставил свои кораллы пунга и лапа.

Теперь осьминогу уже ничто не мешало вернуться вниз. И осьминог подарил аиту Пава головной убор из тутовых листьев [4].

В Ваимаунга жили тогда супруги, жену звали Мули-уму, мужа — Мата-фанга-теле. Эти супруги знались с Пава. И так, через посредство Пава, осьминог сделался духом сражения, духом войны для жителей Ваимаунга. Если в Ваимаунга перед сражением слышали, как осьминог идет своим тяжелым шагом в глубь острова,

все трепетали и исполнялись ужаса. Но если осьминог направлял свои гулкие шаги в сторону берега, жители радовались и заранее предчувствовали удачу в сражении. А тутовое дерево по сей день считается деревом жителей Ваимаунга [5].

55. Нифо-лоа

Нифо-лоа — аиту, принимающий временами облик мужчины. Люди, подвластные ему,— его люди — живут в Фалелима и Палаули на Саваии. Один зуб у Нифо-лоа острый и длинный, примерно с палец. Если Нифо-лоа укусит кого-нибудь этим зубом, смерть неизбежна, а спастись можно, только прибегнув тут же к какому-нибудь самоанскому снадобью. По самоанской земле бродит немало духов, исполненных зла, убивающих людей.

Что до Нифо-лоа, у него есть такое правило. Если женщина из Фалелима выходит замуж и отправляется жить к мужу далеко от Фалелима — в Алеипата, или в Туамасанга, или в Аана, Нифо-лоа выслеживает, где ее новый дом, и тоже отправляется туда: он не оставляет такую женщину. Никто на Самоа не знает истинного обличья Нифо-лоа. Но если рядом с домом начинает виться птица веа [1] или появляется белая свинья, самоанец знает, что это Нифо-лоа — ведь до сих пор такой птицы или свиньи не видели в его деревне.

Нифо-лоа позволяет жителям Фалелима возвращаться с моря домой только до наступления темноты. Человеческому глазу недоступен след от укуса Нифо-лоа, но этот невидимый укус приносит невероятные страдания.

Если быстро найти снадобье и приложить его к месту укуса, след от него сразу становится виден; если же снадобье не будет найдено, человек непременно умрет. Тогда след от укуса Нифо-лоа становится виден после его смерти.

Самоанцы до сих пор безмерно боятся Нифо-лоа. Он может укусить своим страшным зубом и мужчину, и женщину, и девушку, может укусить и знатного человека, и простолюдина. Он может укусить в руку, в ногу, в голову — куда угодно, кроме живота. И если уж Нифо-лоа укусит кого-нибудь, с этим человеком нельзя даже заговаривать.

Если Нифо-лоа узнает, что люди отправляются в лес на поиски снадобья от его укуса, он причиняет несчастному такую боль, что тот сразу же умирает. Или он делает по-другому: он сам идет в лес, опережая тех людей, что отправились туда за целебными травами. Вот приходят эти люди к месту, известному обилием целебных трав, а там уже ничего нет: все успел вырвать сам Нифо-лоа.

Но если все обходится и травы для снадобья удается найти, надо приготовить снадобье и приложить его к месту, укушенному Нифо-лоа.

Случись, что человек, идущий по дороге поздним вечером

или ночью, вдруг почувствует слабость, он тут же идет к себе домой и ложится. Его близкие спрашивают у него, что с ним, а он отвечает: «У меня очень болит нога, и меня знобит». Тогда всем становится ясно, что нужно скорее искать снадобье от укуса Нифо-лоа. Посылают за знахарем [2], чтобы он пришел и принес лекарство, но при этом никогда не говорят, что это лекарство от укуса Нифо-лоа, называют его лекарством от зуба вождя. Когда знахарь приходит в дом больного, больной сразу садится, хотя и не знает, что посылали за знахарем. Это верный признак укуса Нифо-лоа. Итак, знахарь подходит к больному, и больной спрашивает, почему знахарю пришлось прийти, кто посылал за ним. На это знахарь отвечает: «Никто за мной не посылал». Тут жертва Нифо-лоа вновь опускается на циновку и засыпает.

Тогда знахарь тихонько просит родственников больного сказать, что у того болит. Они отвечают, что у него болит нога и что его знобит. Знахарь выливает снадобье на ладонь и втирает его в больную ногу. После этого больной спит долго, часов пять-шесть. А знахарь всегда велит родственникам больного следить за ним: ни днем ни ночью его нельзя оставлять одного.

Вот наконец появляется след укуса Нифо-лоа, и тогда становится ясно, что больной поправится: из ранки выйдет гной, выйдет кровь, ведь лекарство, данное вовремя знахарем, помогло. Свои снадобья знахарь готовит, пережевывая листья и кору одного дерева.

56. Нгаунга-толо

Жители Нгаэнгаэмалаэ [1] решили, что больше не станут мириться с аиту Нгаунга-толо (он еще зовется Нифо-лоа) [2] и терпеть его злодейства. Они договорились убить его. И задумали они сделать это так.

Ночью положили они одного из своих на дороге, накрыли тапой, окружили и принялись притворно оплакивать: кто просто рыдал, кто горестно пел и причитал. Люди хотели обмануть аиту, чтобы он решил, будто бы этот человек умер.

А некоторые из местных жителей уселись в засаде по обеим сторонам дороги.

Те же, что собрались вокруг лежащего на дороге, пели и причитали:

— Манутулуиа, Манутулуиа! Аиту, спешите сюда, все-все аиту, спешите сюда. Иди сюда, Тулиа! Иди сюда, Сатиа [3]! Иди сюда, Нгаунга-толо! Идите все сюда, идите скорее!

Пришел к ним Тулиа, но они сказали ему:

— Уходи прочь.

Пришел к ним Сатиа, но и ему сказали:

— Уходи прочь.

Наконец все увидели, что идет Нгаунга-толо. С его появлением наступила кромешная тьма, без единого проблеска света.

Аиту ударил ногой по одной стороне дороги — и все, кто прятался там в засаде, разом убежали. Он ударил по другой стороне — все камни там рассыпались, раскололись, а те, кто сидел там в засаде, разбежались все до одного.

Все до того испугались, что побежали к морю и кинулись в него, чтобы вплавь добираться до Салаилуа [4]. Но некоторых аиту успел настичь и схватил. А потом он бросился вдогонку за всеми остальными, они же успели добраться до Салаилуа и укрыться у местных жителей.

В Салаилуа аиту принялся хватать каждого, у кого тело было соленым, соленым от морской воды: ведь это значило, что такой человек только что бежал из Нгаэнгаэмалаэ. Если же кожа человека не имела вкуса соли, это означало, что он и на самом деле житель Салаилуа. Таких аиту оставлял в живых. А многие той ночью погибли.

57. Леа и Леа

Жили в Салаилуа супруги Леа и Леа [1]. Однажды до них дошел слух о том, что по острову с триумфом проходят новые властители, новые господа Самоа [2] — Моco [3] со всей своей свитой. А Моco путешествовал в сопровождении великого множества знатных и благородных аиту.

Принялись супруги думать, как бы им избежать тех опасностей, которые влекло за собой приближение этой толпы путешествующих по острову победителей. И вот они решили запасти побольше маси, а потом, когда гости придут к ним, подавать маси на двух блюдах.

Вот наконец прибыли знатные путешественники, и супруги пригласили их в дом — отведать приготовленного угощения, испить кавы. Прибывшие же несказанно удивились: они никак не могли поверить, что супругам удастся накормить такую огромную свиту.

Сошел со своего возвышения [4] и направился в дом сам Моco, за ним — все его приближенные. Супруги пригласили гостей усаживаться поудобнее и начали готовить каву. Наконец кава была приготовлена и разлита. Ее хватило всем путешественникам, и все они остались очень довольны ею.

Затем было принесено заготовленное угощение из плодов хлебного дерева. Принесли его на двух небольших блюдах. Но когда принесенное маси раздали, оказалось, что его тоже хватило всем прибывшим.

Все насытились маси и остались в восхищении от ума, сметливости и искусства хозяев: ведь в свите Моco были тысячи разных аиту.

И Моco сказал супругам:

— Из всех краев на Самоа только ваш край останется свободен от всякой беды. Я не позволю ни одному сорняку, ни од-

ному ползучему растению ступить на ваши участки. Граница ваших полей ляжет вон там, вдали, у зарослей, мимо которых мы проходили.

Это обещание сохранило силу до наших времен. Даже новая вера [5] не властна над ним, она не победила, не уничтожила его. Стоит сорнякам добраться до этой деревни, как они гибнут. И никогда никакое проклятие не падет на тамошние поля.

58. Нижний мир Фафа

Если кто-нибудь на Самоа рассердится на непослушного ребенка, он говорит ему: «Дитя, пусть тебе придется вечно стучаться у морских камней, открывающих путь в Фафа» — или же говорит так: «Дитя, пусть тебе придется от века стучаться там, где солнце садится в море».

Слова эти известны и понятны всем самоанцам.

С берега в местности Фалеалупо, что на западной оконечности острова Саваии, хорошо виден вход в Фафа, открывающийся меж прибрежных скал, а далеко-далеко в открытом море отчетливо виден выход оттуда. [...]

В старину на Самоа верили, что туда после смерти входит дух человека. Человек умирает, а дух его отправляется в Фафа и навек остается там. А правитель Фафа, наделенный высшей властью над всем тем краем, носит имя Лео-сиа.

Известно, что одна женщина, по имени Тофои-пупу, очень горевала о своем умершем красавце-муже. И вот соседи надоумили ее пойти к Лео-сиа и попросить, чтобы он позволил ей хоть разок еще взглянуть на умершего мужа.

Женщина послушала их и отправилась к нему. Лео-сиа же сказал ей:

— Знаешь, тебе не стоит горевать об умершем муже, поверь мне. Муж твой теперь в пределе духов, и эта земля — край тьмы — недостижима.

Но женщина сказала в ответ:

— Я готова войти туда вслед за ним.

И она вошла в Фафа, а там нашла своего мужа. Муж сказал ей:

— Здравствуй, приветствую тебя в земле духов. Увы, здесь, в этом краю, нет сна.

Вот наступила ночь, и женщина увидела, как повсюду бродят духи, как на земле валяются разбросанные внутренности людей. Она услышала, как горько кричат духи в этом краю, и в страхе бежала обратно на землю.

По ночам духи приходят на землю людей, а с наступлением утра возвращаются в Фафа. Среди духов Фафа есть очень беспокойные, есть очень страшные. У некоторых духов тела красные, как искры пламени, у других тела черные, как сама тьма.

А есть духи, у которых тела небесной голубизны. Духи, являющиеся нам, приходят именно из Фафа — так говорят, ведь среди них есть огненно-красные духи, есть черные, как мрак, есть лазурно-голубые.

59. Пили

Соала-тетеле женился на женщине с Саваии, а его сестра Муливаи-леле вышла замуж за Тангалоа-аланги, Тангалоа Небожителя. Спустя некоторое время Муливаи-леле родила сына, которого назвали Пили.

Однажды Пили напроказничал и очень рассердил Тангалоа-аланги — настолько, что отец решил убить мальчишку. Тогда Муливаи-леле сказала сыну:

— Пили, бросайся скорее вниз, на землю Мануа.

С тех самых пор Пили и стал называться Пили-пау, Пили, Упавший На Землю.

Итак, Пили поселился на Мануа. В жены он взял дочь правителя Туи Мануа. На своем участке он посадил таро, и вскоре все земли Мануа оказались заняты участками Пили.

Алии — благородные и знатные жители Мануа — решили пойти к Пили и провозгласить его своим правителем, Туи Мануа. Они пошли к Пили и сказали ему:

— Пили, прими титул Туи Мануа, а мы будем служить тебе.

Пили возразил:

— Из этого ничего не получится: мои желания невыполнимы. Я буду требовать от вас очень многого.

Но знатные люди Мануа ответили:

— Мы не боимся никаких твоих заданий, даже самых трудных.

И Пили согласился принять титул Туи Мануа, а знатные люди Мануа стали служить ему.

Но им и на самом деле не удалось выполнить урок, заданный новым господином. Пришлось отправиться к Пили с вопросом:

— Пили, где палка-копалка, где унатало, где щипцы, где раковина аси?

Тут рассердился Пили, ушел от них на Тутуила и поселился в местности Леоне [1].

Остров Тутуила он тоже засадил таро. Алии, знатные люди Леоне, решили сделать Пили своим Туи-теле [2], пошли к нему и сказали:

— Пили, прими титул Туи-теле, и мы будем служить тебе.

— Из этого ничего не получится,— ответил Пили.— Оставьте своему нынешнему Туи-теле его титул: ведь вам никогда не научиться вести мое хозяйство, оно вам не по силам.

Говоря это, Пили как раз готовил волокна гибискуса, чтобы потом сплести из них рыболовную сеть.

Но алии Леоне не отступились и поклялись хорошо служить Пили, когда он станет Туи-теле. Наконец Пили согласился, сказав:

— Хорошо, я стану вашим Туи-теле, и вы будете служить мне.

Но скоро и эти алии пришли к Пили с вопросом:

— Где же палка-копалка, где нож для таро? Где все прочее, что необходимо в хозяйстве?

Рассерженный Пили сказал:

— Разве не втолковывал я вам, что не по силам вам будет мое хозяйство?

В гневе ушел он от них на остров Уполу.

Там он взял в жены дочь Туи-аана. А таро начало расти повсеместно и там, на Уполу. Как-то Туи-аана сказал своей дочери:

— Дочка, твой муж, наверное, не умеет ловить рыбу. Он только и знает, что занимается своим таро, одним только таро, и больше ничем.

Дочь Туи-аана пошла и рассказала об этом Пили, и тогда Пили приказал:

— Иди и собери для меня лодки.

Собрали несколько лодок, но Пили остался недоволен:

— Нет, этого мало. Иди и найди еще.

Еще несколько лодок нашлось, но Пили опять сказал жене:

— И этого мне мало. Ступай к отцу, пусть он даст еще лодок. А я пока пойду готовить сеть.

Днище своей сети Пили укрепил в проходе Туту, а отверстие сети — в проходе Мангиа. В эту сеть вошло великое множество рыбы. Вскоре вся сеть была полна. Тогда Пили приказал доставить к нему заранее приготовленные лодки и стал наполнять их пойманной рыбой. Уже не осталось ни одной свободной лодки, а в сети по-прежнему было полно рыбы. Тут-то Туи-аана преисполнился восхищения и страха.

Всю рыбу, что не поместилась в лодки и осталась в сети, Пили пришлось выпустить обратно в море. Тогда-то и появилась пословица «Улов Пили выброшен в море». Так говорят, если затраченный труд пропал впустую. А еще с тех пор пошла другая пословица: «Пили один закинул в море свою сеть». Так говорят, когда хотят похвалить человека, сумевшего в одиночку справиться с трудным делом.

А разгневанный Пили затем отправился в Аопо и там тоже посадил свое таро. Вся земля от Аопо до Асау покрылась его участками, на которых росло таро. Жители Аопо решили сделать Пили своим вождем, Туи-о-Аопо. Там и умер благородный и знатный Пили-о-Аопо, оставив после себя большое потомство. Его детьми — знатными отпрысками благородного вождя — были вожди Туа, Ана, Санга и Толуфале. Туа правил в Ануа, Санга — в Туа-масанга, Ана правил в Аана, Толуфале — на Маноно и Аполима [3]. А все они восходили к Пили.

60. Тиитии, сын Таланга

Таланга был вождем в Фангалии [1]. Сына Таланга звали Тиитии. У Таланга было немалое хозяйство: в глубине острова он посадил таро, и участок этот надо было возделывать. Еще на том участке росла малайская яблоня, и на ней зрели яблоки для сына Таланга.

Каждое утро Таланга вставал засветло и отправлялся работать на свой участок. Сыну же стало интересно, куда это поутру ходит его отец. Вот однажды Тиитии попросил:

— Дорогой отец, позволь мне пойти с тобой.

Но Таланга не согласился:

— Нет, ты останешься здесь. Тебе трудно будет идти со мной, ты еще, чего доброго, поднимешь шум и потревожишь аиту.

С тех пор сын каждое утро просил отца взять его с собой, а отец всякий раз отказывал ему.

Но наконец Тиитии удалось выследить, куда ходит отец, и тогда он пошел следом за ним. Таланга же и не подозревал, что сын идет за ним. Пройдя часть пути, Таланга остановился и сказал такие слова:

— Заросли тростника, заросли тростника, раздвиньтесь, пропустите меня. Это я, Таланга, я иду работать.

И заросли тростника раздвинулись, пропустив его.

Дойдя затем до скалы, Таланга сказал:

— Камни, камни, раздвиньтесь, пропустите меня. Это я, Таланга, я иду работать.

И камни разошлись, пропустив его.

Тиитии слышал, как его отец обращался к зарослям тростника и к скале. Он подошел к ним и сказал те же слова, что говорил его отец. Заросли тростника раздвинулись, камни расступились, и так Тиитии проник туда, где работал отец. Таланга же не заметил появления сына.

Тиитии потихоньку залез на яблоню, отец в это время работал спиной к нему. Таланга взглянул вверх и сказал:

— Ох уж эти птицы фуиа, они съедят все яблоки, что поспевают для моего сына.

А Тиитии тем временем съел яблоко и кинул огрызок в спину отцу. Таланга продолжал работать, и тогда Тиитии кинул вниз второй огрызок.

Отец посмотрел в его сторону и наконец заметил сына. Он сделал Тиитии знак, чтобы тот поскорее слезал с дерева и вел себя как можно тише: ведь они были совсем рядом с жилищем аиту Мафуиэ [2]. На это Тиитии воскликнул:

— Неужели ты, как трус, боишься этого аиту?

Спустившись, Тиитии спросил у отца:

— А что это там так дымит и грохочет?

Таланга ответил:

— Нам надо вести себя потише. Разве ты не знаешь, что это и есть костер аиту Мафуиэ?

Тут сказал Тиитии:

— Подожди меня здесь. Я пойду и добуду огонь из этого грохочущего костра.

Ужасный страх за сына охватил Таланга, и он воскликнул:

— Даже не пытайся сделать это! Ты погибнешь, если пойдешь туда.

Но Тиитии остался непреклонен и повторил:

— Жди меня здесь. Я иду добывать огонь.

Итак, он выступил вперед, и Мафуиэ спросил его:

— Кто это посмел ступить на мою землю?

— Я,— ответил Тиитии.

— Ну хорошо,— сказал Мафуиэ,— решай, как мы с тобой будем мериться силой. Какое состязание в силе ты выберешь — кулачный бой или схватку?

На это Тиитии ответил:

— Тебе решать, какое состязание будет первым.

— Хорошо,— согласился Мафуиэ,— давай сюда руку, я буду крутить ее.— И первый протянул руку.

Тиитии схватил протянутую руку аиту, долго тянул и крутил ее и наконец оторвал: Мафуиэ остался без правой руки. Едва успела эта рука упасть на землю, как Тиитии схватил левую руку врага. Тут вскричал Мафуиэ:

— Прошу тебя, сохрани мне жизнь, оставь мне эту руку! Платой за мою жизнь будет огонь, с которым ты уйдешь отсюда. Если по дороге он начнет гаснуть, положи в него веточки какого-нибудь дерева, и он снова разгорится.

Вот так впервые появился огонь на Самоа.

Когда Таланга увидел сына, возвращающегося с огнем, он несказанно обрадовался и исполнился благодарности к отважному сыну.

[...] Между Летонго и Лаулии [3] жил другой аиту. Он жил в пещере в самой глубине острова и очень любил гладкие камни — ведь он был осьминог. На этих гладких камнях он чувствовал себя прекрасно. Ни одному путнику не удавалось спастись оттуда: осьминог прилипал к телу несчастного и мигом съедал его.

Тиитии узнал об этом пожирателе людей и отправился в его земли с двумя своими советниками. Одного из тех двоих звали Фату-ати, другого — Фату-ата. Итак, они пришли к пещере втроем, Тиитии схватил осьминога, выволок его из пещеры и принялся бить — до тех пор, пока не забил его насмерть. Затем они втроем перенесли осьминога в Ваилеле и там разрезали на части. Тиитии сказал Фату-ати и Фату-ата:

— Теперь слушайте меня. Когда мы с вами все сделаем, вы возьмете голову осьминога и отнесете ее моей тетушке, которая живет в глубине острова, вдали от моря. А остальное мы оставим себе.

И вот Фату-ати и Фату-ата надели голову осьминога на палку и понесли. Когда же они прошли почти весь путь и уже были рядом с

домом тетушки Тиитии, они сели прямо у дороги и съели все, что было внутри головы. Еда была сытной, и они остались очень довольны. А потом они на том же месте справили нужду и свои нечистоты вместе со всяким мусором побросали в пустую голову осьминога. Набив ее, они отправились прямо к почтенной даме.

А тетушка Тиитии была слепая. Услышав, как на землю опускают тяжелую ношу, она спросила:

— Что это?

— Это голова осьминога. Тиитии послал ее тебе в подарок,— ответили Фату-ати и Фату-ата.

Старушка ощупала голову — а голова была очень большая — и сказала:

— Я очень благодарна Тиитии. Но зачем же он прислал мне так много? Как же вы сами?

Они ответили:

— Мы оставили себе туловище.

Старушка коснулась головы убитого осьминога, и от этого пальцы ее стали липкими. Она обсосала пальцы и принялась копаться в содержимом головы, брать то, что там было, горстями и есть. И вот наконец она поняла, что же было у нее на пальцах и во рту. Разгневавшись, она стала клясть Тиитии. Ведь она не знала и не догадывалась, что Тиитии тут ни при чем; и сам Тиитии тоже не ведал о том зле, которое причинили его советники старой женщине. И уж никак не мог знать Тиитии, что теперь его тетка желает ему зла.

Однажды Тиитии решил, что следует собрать вместе все ветры, которые дуют на свете, и соединить их в скорлупе одного кокоса [4]. Тогда сразу бы стало и приятно, и радостно, и прохладно.

Тиитии собрал все ветры, дувшие на Уполу. Но на Саваии оставался еще один ветер — западный ветер Лаи. Тиитии послал на Саваии своих людей, приказав им поймать западный ветер и упрятать его в кокосовую скорлупу. А Фату-ати и Фату-ата, прибыв туда, увидели красную собаку, гулявшую у входа в какую-то пещеру. Они вернулись к Тиитии и сказали ему, что им очень хочется заполучить эту собаку. И вот Тиитии отправился ловить ее.

Собака тем временем успела скрыться в пещере. Едва Тиитии вбежал в пещеру, как вход в нее замкнулся. Так Тиитии погиб в пещере, а все потому, что то была не обычная собака, а дух — аиту Сале-вао [5].

И до сих пор западный ветер по-прежнему дует с Саваии, и от него, не успев дозреть, падают плоды фруктовых деревьев, кокосовых пальм, хлебных деревьев. При этом обычно говорят: «Погиб наш урожай, погиб совсем, загубленный западным ветром». И есть поверье, что ветер этот берется из нетленного тела Тиитии.

61. [Как были собраны вместе ветры, дующие на Самоа]

Однажды Тиитии, сын Таланга, отправился в плавание. Тут подул туаолоа [1], и Тиитии приказал:

— Поймать его и спрятать у меня в лодке. Это плохой ветер.

Затем подул один из северных ветров, мату, и Тиитии велел:

— Поймать его, это скверный ветер, он приносит бури.

И этот ветер был пойман и надежно спрятан в лодке Тиитии.

Вскоре поднялся матауполу [2], приносящий дождь. Его Тиитии тоже счел дурным, и он тоже оказался у него в лодке. Вслед за ним задул тоэлау [3]. И его решено было поймать: слишком он силен. За тоэлау поднялись новые ветры — лауфала, фаатиу, пиипапа [4]. Про все эти ветры Тиитии сказал, что они плохи, и все они были скоро собраны в его лодке.

Ветер тонга [5] был ничуть не лучше остальных — ведь он несет с собой дожди, а на людей нагоняет тоску и слабость.

Последним же задул легкий, приятный ветерок, и Тиитии сказал:

— А вот этот ветерок пусть гуляет на свободе. Без него и на суше и в океане придется плохо. И к тому же мне нравится, как он треплет мне волосы.

62. Сина-асаулу

Благородная Сина-асаулу жила на диком, скалистом и пустынном берегу между нынешними местностями Салаилуа и Лата [1].

Вождю с острова Тутуила, носившему имя Лата, очень хотелось завязать дружбу с благородной Синой. И вот как-то Лата прибыл к ней и спросил, чего бы ей хотелось с его острова, с Тутуила, ведь он бы мог привезти ей оттуда все, что она пожелает. В ответ госпожа спросила его:

— А от меня чего ты хочешь?

— Пусть в твоих владениях будет построена для меня лодка,— отвечал Лата.

— Хорошо,— согласилась госпожа,— ты же привези мне со своего острова поющую раковину пу [2].

Вождь отправился в свой край на поиски поющей раковины, а Сина занялась приготовлениями, необходимыми для строительства лодки. Она велела своим мастерам отправиться в лес, выбрать там подходящее дерево и приступить к сооружению лодки. Мастера тотчас же отправились в лес. Но, отдавая им приказ, Сина забыла поговорить с духом, охранявшим тот лес,— не попросила у него ни разрешения, ни помощи [3]. И тогда дух тот пришел туда, где лежало дерево, которое мастера выбрали для лодки и которое они уже успели повалить, и сказал дереву:

— Слушай меня, дерево. Никто не валил тебя, ты никуда не падало. Пусть сейчас же соединятся ветви твои и ствол. Поднимайся и вставай, я приказываю тебе, слышишь?

Дерево тут же ожило и поднялось.

Мастера вскоре снова пришли к тому месту, но поваленного дерева не нашли. Вернувшись к своей госпоже, они рассказали ей об этом, и она сразу догадалась, какую совершила ошибку. Сейчас же отправилась она просить прощения у духа. Дух сказал ей, что она и вправду разгневала его, но госпожа не стала долго разговаривать с ним, а скорее снова позвала мастеров и велела им приниматься за дело. И вот уже на берегу стояла готовая лодка, и мастера были свободны.

А тут с Тутуила прибыл Лата с обещанной поющей раковиной. Она была завернута во множество тутовых листьев. Лата сказал благородной Сине:

— Вот твоя поющая раковина. Только не спеши разворачивать этот сверток. Дождись, пока скроется за горизонтом верхушка моей мачты, той, что на построенной лодке, а уж тогда начинай распаковывать сверток.

И она послушалась Лата. Лодка уплыла, и только когда она уже совсем скрылась из виду, Сина принялась разворачивать сверток с той самой раковиной, которую ей так хотелось иметь. Она снимала один тутовый лист за другим — а их было чуть ли не сто — и наконец увидела свою раковину. Но это была вовсе не раковина пу, а лишь простая раковина палааy [4]. Тут Сина впала в страшный гнев и стала осыпать проклятиями и саму лодку, и всех, кто сидел в ней. Было приказано сейчас же вернуть лодку к ее берегам и разбить в щепки.

И вот лодка была возвращена к берегам Сины-асаулу, разбита, расколочена в щепы, а все и всё в ней обратилось в камень. Лата тоже погиб на том самом берегу, и оттого-то берег получил свое нынешнее название — Лата.

63. Лодка Лата

В Тафангафанга — есть такая местность [1] — построили для Лата лодку. Он пустился на ней в плавание и достиг острова Саваии. Вот почему одна из местностей на острове Саваии носит название Лата.

Покинув Саваии, Лата поплыл дальше и достиг островов Тонга. Там, на тонганской земле, он скончался; тонганцы же бережно разобрали его лодку на части, чтобы понять, как она построена, и научиться делать такие суда.

Им удалось построить лодку, и с тех самых пор на лодках и появились такие приметные домики, какие и сейчас можно увидеть на палубе,— фале-фааманyа [2]. Домик, открытый с одной стороны, располагается на одной из палуб двойной лодки.

Вот и вся история о Лата.

64. Тинги и Лау

Тинги был благородный и знатный человек из Амоа [1], Оло — благородный и знатный вождь в Фалелатаи [2], а Лау была дочерью благородного вождя из Танга [3], первой красавицей своего края. Ее, эту прекрасную знатную девушку, сватали многие вожди Самоа. Она же выбрала благородного Оло и стала жить с ним.

Вот как-то в Танга прибыл из Амоа высокородный Тинги; прибыв туда, он сразу направился к дому Оло и Лау. Лау обратилась к нему с вопросом:

— Куда ты направляешься, благородный господин?

— Я ищу балансир для своей лодки,— отвечал Тинги.

На самом же деле ему не нужен был балансир: он искал не балансир, а жену.

В это время Оло как раз не было дома, он ушел в море ловить рыбу. В его отсутствие Тинги лег с Лау и сделал ее своей женой.

Вернувшись, Оло застал у себя дома Тинги и сказал ему:

— Останься, отдохни у нас, благородный мореплаватель!

Оло спросил у Тинги, откуда тот прибыл. Тинги отвечал ему:

— Я прибыл сюда с берегов Фаасалелеанга.

Тогда Оло спросил, куда и зачем держит Тинги свой путь. Тинги отвечал:

— Я ищу балансир для своей лодки.

— О,— воскликнул Оло,— здесь в лесу немало крепких деревьев, древесина которых может пойти на балансир!

Оло искренне поверил, что Тинги ищет балансир для своей лодки.

Он сказал Тинги:

— Прекрасно, завтра утром мы с тобой отправимся в лес, и ты сможешь подобрать себе древесину для балансира.

Наутро Оло и Тинги отправились в лес за древесиной для балансира. Оло сразу забрался в самые заросли, а Тинги быстро вернулся к Лау. Опять было все как накануне. Когда же Оло вернулся, Тинги сказал ему:

— Приветствую тебя. Мы разошлись в твоем лесу, потому что я в нем впервые и плохо его знаю. Мне пришлось довольно скоро вернуться сюда.

И вот уже Тинги отплыл оттуда в свой край, а Лау в положенный срок родила сына — от Тинги.

Лау с сыном жила по-прежнему в той же земле. Мальчик вырос, стал сильным и крепким. Как-то Оло взял его с собой забрасывать невод. На берегу Оло сказал мальчику:

— Сынок, когда я закину невод, скорей беги сюда.

И вот Оло закинул невод, а мальчик нагнулся и стал рассматривать песок и воду у берега. И вдруг из лужицы на берегу выпрыгнули две молодые рыбки манини [4]. Из-за них-то мальчик и не выполнил приказа Оло: он забыл обо всем, сидя на корточках и наблюдая за этими рыбками. Ему удалось их поймать, и он

посадил их в выдолбленный кокос, налив туда морской воды. Тут подошел Оло и спросил мальчика:

— Ты почему же не выполнил моего приказа, не побежал ко мне, когда я закинул невод? Нет, ты точно не мой сын, и я тебя убью.

Зарыдав, мальчик бросился к матери. А пойманных рыбок он взял с собой.

Лау тотчас спросила его:

— В чем дело, почему ты так горько плачешь?

Сын отвечал ей:

— Я плачу потому, что Оло грозится убить меня. Он говорит, что я не его сын.

— Это правда,— сказала Лау,— ты не его сын. Ты сын благородного вождя Тинги из Амоа.

Тут как раз вернулся Оло, и мать с сыном, оставив свой дом, пустились в путь. Оло же пустился за ними вслед, и вот они все втроем оказались в доме Тинги. Зажили там, у Тинги. А Лау стала допытываться у Тинги:

— Скажи, какое имя мы дадим мальчику?

Тинги решил:

— Пусть в его имени соединятся имена мое и твое — Тинги и Лау.

Тогда Оло стал просить:

— Будь добр, Тинги, прибавь и мое имя к имени мальчика. Пусть его зовут Тингилау-ма-оло [5].

И мальчика назвали Тингилау-ма-оло.

А рыбки, которых он принес с собой, тем временем подросли, и их пришлось перенести в водоем между камнями, где их нелегко было найти.

Как-то Тингилау-ма-оло отправился в лес на промысел. По дороге ему встретились две женщины из Палапала [6]. Он спросил их:

— Куда вы идете?

— Хотим набрать морской воды,— отвечали женщины.

Эти женщины пришли как раз к тому месту, где в прибрежном водоеме плескались рыбки — питомцы Тингилау-ма-оло. Наполнили женщины свои сосуды соленой водой, а рыбок убили. Взяв воду и убитых рыбок, они двинулись в обратный путь. По дороге им опять встретился тот юноша. Он спросил:

— Откуда у вас эти рыбки?

Женщины отвечали:

— Этих рыбок мы нашли внизу, у моря, в водоеме между камнями.

Посмотрел Тингилау-ма-оло, а это его рыбки! Тут же бросился он на женщин и обеих убил, воскликнув при этом:

— Это за моих рыбок, за бедных манини.

Потом он отрезал у убитых рыб спинки, натер их кокосовым маслом, куркумой, положил в маленькую изящную корзинку, отнес домой и там спрятал под крышей. Вскоре в дом пришла его тетка и нашла спрятанные останки. Не долго думая, она проглотила их.

Когда Тингилау-ма-оло, вернувшись, не нашел ничего в своем тайнике, мать сказала ему:

— Твоя тетка съела все, что ты здесь прятал.

На это юноша ответил:

— Ну что ж, раз она съела эти останки, она должна родить два морских создания — взамен тех рыбок, что я воспитывал.

И действительно, женщина вскоре родила два морских создания — это были две черепахи. Тингилау-ма-оло назвал их Утууту и Тонга [7]. Он отнес их в водоем между камнями. А жители Амоа стали носить туда корм для черепах Утууту и Тонга.

А тем временем слух о появлении Тингилау-ма-оло дошел до Аэ с Тонга; Аэ был оратором при великом Туи Тонга. Он решил отправиться к юноше и посмотреть на него. Немало времени провел он у благородного вождя, а когда все было готово для отплытия назад, на Тонга, он спросил Тингилау:

— Скажи, прошу тебя, нельзя ли, чтобы Утууту и Тонга доставили меня домой, на остров Тонга?

На это Тингалау сказал:

— Отчего же, конечно, можно. Только об одном прошу тебя: по прибытии позаботиться о моих воспитанниках, не забудь сделать так, чтобы они могли спокойно вернуться сюда, в наш край.

И вот Утууту и Тонга помчали Аэ на остров Тонга. Прибыли они туда, и Тонга сказала Утууту:

— Подожди меня здесь, в открытом море, а я доставлю Аэ на берег.

Вот прибыли они к самому берегу, Аэ вышел на сушу — и как схватит Тонга! Схватил он Тонга, стал звать своих людей, они прибежали и убили бедную черепаху. Вот так погибла одна черепаха Тингилау; второй же удалось остаться в живых и вернуться на Самоа.

Как только Тингилау увидел, что Утууту возвращается, а Тонга — нет, он понял, что одна черепаха погибла на Тонга. Жгучее желание отомстить охватило его, и он бросился к самоанским аиту. Сначала он помчался в Сафотулафаи и Сапапалии [8], стал звать тамошних аиту, но они не откликнулись на его мольбы. Тогда отправился он в Салелолонга. Там он обратился к беспощадному, жестокому аиту по имени Супа [9]. Этот аиту из Салелолонга привез Аэ с Тонга и отдал его в руки Тингилау из Амоа [10]. Тингилау же убил Аэ.

65. Тингилау и Сина-амумутилеи

Тингилау стало известно о необычайной красоте Сины-амумутилеи, дочери Туи Фити, и он решил жениться на этой красавице. Сина узнала об этом и исполнилась ответной любви к Тингилау. И хотя они еще не видели друг друга, оба уже были влюблены. Наконец девушка, не в силах более ждать, отправилась на Самоа, в Пата [1]. Найдя дом Тингилау, она вошла в него, а

там ведь никто не знал ее. Выглядела она столь необычно, что советники Тингилау — их звали Улуселе-атамаи и Улуселе-валеа — не могли понять, кто перед ними: аиту или обыкновенная живая девушка. Тогда они взяли два клубня таро, очищенный и неочищенный, две птичьи тушки, ощипанную и неощипанную, и все это поднесли гостье. Сина взяла лишь очищенное таро и ощипанную птицу, и тогда они уверились, что перед ними человек, а не аиту.

Увидев прекрасную незнакомку, Тингилау сразу влюбился в нее, она отвечала ему тем же. Но, желая проверить, испытать Тингилау, Сина не стала раскрывать ему свое имя.

И вот вскоре первый пыл любви прошел, и к Тингилау вернулась тоска по неведомой и желанной дочери Туи Фити. Он забыл свою жену, стал всячески пренебрегать ею. На одно только он согласился — отправиться с нею на Фиджи, чтобы увидеть принадлежащие ей богатства.

Сина и Тингилау отплыли на Фиджи в разных лодках. Достигнув рифа, что окружал остров Сины, самоанцы стали метаться в поисках удобного прохода к берегу. Сина же, боясь, как бы чего-нибудь не случилось с лодками, стала звать их:

— Если вы меня любите, плывите проходом Футу.

С тех пор и пошла пословица упу алофа [2], слова напутствия, произнесенные Синой. Произнося их, человек хочет сказать: «Следуй моему совету, и все тебе удастся».

Самоанцы послушались совета Сины и вскоре все были в лагуне. Сина поняла, что теперь настало время открыть им, кто она такая, и запела:

С грустью сижу я одна в этой лодке,
О Туи Фити, О Туи Тонга!
Расстелите на берегу циновки,
О Туи Фити, О Туи Тонга,
И на них станет эта лодка,
О Туи Фити, О Туи Тонга!
В лодке другой сидит Тингилау,
О Туи Фити, О Туи Тонга,
Муж, забывший меня совершенно,
О Туи Фити, О Туи Тонга!
Но теперь я открою ему свое имя:
Я — Сина-амумутилеи,
О Туи Фити, О Туи Тонга [3]!

Тингилау, услышав эту песню, очень обрадовался, тут же вернулся к Сине, и они были счастливы до конца своих дней.

66. Как дети Туи Фити приплыли на военных лодках с Фиджи на Самоа к вождю Ваэа

Алоива-афулу и Тауа-путупуту, Аио-уфи-туну, Тауа-тинги-улу и их сестра Апа-ула были детьми владыки Фиджи, Туи Фити. Они собрали свои военные лодки и отплыли на Самоа, собираясь идти войной на вождя Ваэа. Они сели в самую большую лодку. Лодка их была столь велика, что, когда они достигли Самоа, корма лодки оказалась у берегов местности Сафуне, что близ предела Тоамуа, а нос — у берегов Мулинуу [1]. Как раз в это время мать Ваэа спустилась на берег с факелом: она шла ловить рыбу [2].

Старица посветила факелом — и увидела у самого берега лодку. Высветив лодку, она решила не выходить на риф, быстро схватила несколько крабов и раковин, которые успела заметить в свете факела, и поспешила назад, к себе. Там она сразу пошла к Ваэа и рассказала ему об увиденном. Ваэа ничего ей не сказал. Когда же ночь перевалила на вторую половину, он сошел на берег, втащил приплывшую лодку на песок и взгромоздил ее на самую верхушку высокого дерева. А сделал он все это так, что никто в лодке даже не проснулся.

Еще была ночь, когда Алоива позвал Тауа-тинги-улу:

— Надо вычерпать воду со дна, ведь наутро нам предстоит драться.

Юноша попробовал на ощупь дно лодки, а вода вся уже вычерпана. А когда он вылил за борт ту малость, что еще оставалась в лодке, он не услышал всплеска, а услышал только, как вода стекает по листьям и по земле.

Вскоре занялось утро, пришел к тому месту Ваэа и сказал:

— О диво, благородные вожди, как оказались вы так высоко?

Они не ответили ни слова. Тогда Ваэа сказал:

— Так вот, жизнь ваша кончена, сейчас я всех вас убью.

Тут заговорил Алоива-афулу:

— О высокородный вождь, пощади нас, сохрани нам жизнь. В качестве же выкупа возьми нашу сестру, только пощади нас.

И Ваэа взял в жены Апа-улу. Когда она понесла, начались приготовления к обратному плаванию: Апа-ула должна была родить на Фиджи.

Напутствуя ее, Ваэа сказал:

— Посмотри, видишь камень, на котором я стою? В память об этом камне ты и назовешь дитя, которое должно у тебя родиться.

И вот уже лодка отплыла от берега, а Ваэа продолжал стоять на том камне — камне, получившем название Туи-о-савалало [3]. Лодка же понеслась к Фиджи и достигла берега как раз тогда, когда Апа-ула родила. Родила она в море, и тут же явились морские рыбы, готовые ухаживать за младенцем [4].

Ребенок рос и креп, а когда вырос, то остался жить в море, а на сушу не вышел. Целыми днями он только и знал, что катался по волнам на доске. Однажды шум и визг, с которым носился по волнам Туи-о-сава-лало, привлекли внимание братьев Апа-улы. Они тотчас отправились к матери мальчика и приказали ей привести его на церемонию питья кавы [5]. Несчастная мать отправилась рыдать на берег. Плача и причитая, она стала звать сына:

Туи-о-сава-лало, нагони на море волны,
Длинные волны, что до берега долетают.
Если на берег взбегут они белой пеной,
Значит, ждет пощада тебя и удача.
Если ж они разобьются с пеной кровавой,
Значит, ждет тебя одна лишь погибель.

И вот море забурлило, покрылось красной пеной; из него показался Туи-о-сава-лало и спросил:

— Что случилось, госпожа моя?

Мать отвечала:

— Мне было приказано прийти за тобой: я должна отвести тебя на церемонию питья кавы.

Услышав это, сын заплакал:

О горе, горе!
Молодая луна
Сияет над Ваителе,
Над Тауфаапуэ и над Мангеле,
Над Ваиафеаи и над Мутиателе [6]...
О Апа-ула, мы пойманы в сети,
И жизнь наша в чужих руках.

И вот Туи-о-сава-лало был доставлен по приказу на святилище и там умерщвлен. Мать же умолила Тауа-тинги-улу:

— Когда убьют моего мальчика, попроси для себя его голову. А потом принеси эту голову мне.

Итак, когда мальчика убили, брат Апа-улы, Тауа-тинги-улу, попросил:

— Благородные вожди, дайте мне его голову.

Взяв голову, он отнес ее Апа-уле. И Апа-ула, в то время как ее родные братья поедали ее единственное дитя, отправилась к Ваэа. Прибыла она туда и нашла только голову Ваэа: все тело его уже успело уйти в землю [7]. Ваэа проговорил:

— Приветствую тебя, Апа-ула, ты наконец-то пришла, но слишком поздно. Одна только голова Ваэа осталась над землей [8]. Теперь же ступай на Саваии, там найдешь моего брата Ваа-тау-сили — он и расправится с твоими врагами.

Апа-ула послушалась его и отправилась на Саваии искать Ваа-тау-сили. В местности Леалателе [9] на дороге ей встретился мальчик, гонявшийся за бабочками и кузнечиками. Он был уродлив, да так, что смотреть на него было просто страшно.

Апа-ула спросила, не знает ли он, где найти Ваа-тау-сили, а он ответил, что он и есть Ваа-тау-сили. Она не поверила ему и решила двигаться дальше, в сторону Фалеалупо [10]. Мальчика она взяла с собой, и вскоре люди, встретившиеся им по дороге, сказали, что он и вправду Ваа-тау-сили. Тут она совсем растерялась и подумала, что ей не удастся выполнить приказ Ваэа: Ваа-тау-сили вряд ли годился в настоящие мстители.

Но вот наконец они достигли Фалеалупо. Там мальчик забрался в пещеру и уснул в ней. Пока он спал, тело его приняло обычную форму, и он превратился в могучего, крепкого юношу.

Вот откуда пошла поговорка «Ваа-тау-сили растит свое тело во сне». Так говорят о том, что пока не готово, не приспело, но еще успеет измениться. Всему свое время...

Ваа-тау-сили вырос таким огромным, что пещера стала ему мала. Он проломил в ней вход и вышел вон. Теперь уже Апа-ула уверилась в том, что он справится с врагами. «Ваа-тау-сили готов» — так говорят о чем-то, что вполне хорошо, совершенно.

Ваа-тау-сили вырвал из земли кокосовую пальму — она должна была служить ему палицей, и вместе с Апа-улой они отправились на Фиджи. Там он уложил замертво всех братьев Апа-улы.

67. Ви и Во

Жили некогда супруги Ви и Во [1]. У них был ребенок — дочь по имени Сина-усуиману. Вот как-то к их берегам прибыла вереница лодок — то были соа Туи Фити [2]. Туи Фити спросил у Сины-усуиману:

— Благородная девица, не ты ли будешь дочь Ви и Во?

Девушка отвечала:

— Я, я дочь Ви и Во.

— Значит,— сказал Туи Фити,— эта процессия сватов к тебе.

Девушка обратилась к гостям:

— Прошу вас, располагайтесь в доме, а я пойду приготовлю все необходимое для кавы.

А сама первым делом отправилась к родителям и рассказала им о сватовстве Туи Фити. Ви и Во сказали:

— Идем и сначала выпьем кавы с благородными гостями.

Вот кава была испита, и тогда прибывшим было сказано, что пора возвращаться к лодкам, на которых они приплыли. Пришло время прощаться, потому что при доме Сины им делать нечего: она слишком молода для замужества.

Отплыл оттуда Туи Фити и вскоре повстречал лодки сватов Туи Тонга. Туи Тонга обратился к Туи Фити:

— Приветствую тебя! Скажи, где побывала твоя лодка?

Туи Фити отвечал ему:

— Мы плавали навещать девицу по имени Сина-усуиману с Самоа.

— И где же эта девица? — спросил Туи Тонга.

Отвечал Туи Фити:

— О, ее давно уже нет, она скончалась.

— Что ж,— сказал Туи Тонга,— мы отправимся поклониться останкам Сины.

И вот Туи Тонга со своими сватами достиг берега. Обращаясь к девушке, он сказал:

— Эти сваты прибыли к тебе.

— Прошу вас, располагайтесь в доме,— сказала девушка,— а я пойду приготовлю все необходимое для кавы.

А сама она прежде всего отправилась к родителям и рассказала им о сватовстве Туи Тонга. Потом она пошла готовить каву. А Ви и Во решили:

— Им надо сказать то же, что было сказано сватам Туи Фити.

И вот этим знатным просителям тоже пришлось отплыть прочь. Когда они уже вышли в открытое море, им встретилась лодка Тингилау [3]. Тингилау сказал:

— Приветствую вас! Скажите, где побывала ваша лодка?

Туи Тонга ответил:

— Мы плавали навещать девицу по имени Сина-усуиману с Самоа.

И Тингилау решил:

— Мы тоже отправимся на Самоа, навестим Сину, проведаем о ее здоровье.

Так прибыли в тот край сваты Тингилау. Их тоже угостили кавой, а после кавы сказали им то же самое, что говорилось до этого знатным просителям. Пришлось и этим сватам уплыть ни с чем.

[...] Как-то раз Ви и Во спустились к морю и стали бросать кокосы в воду. А потом все трое — Ви, Во и Сина — отплыли от родного берега. И достигли они края Туи Тонга. Когда они прибыли к берегам той земли, там собрался совет, чтобы решить, что может быть позволено, а что — запретно для Сины. Ви и Во остались ждать в море, неподалеку от берега, а Сина одна вышла на берег. Она пошла прямо на святилище, где заседал совет во главе с Туи Тонга.

— Что это у вас здесь? — спросила Сина.

Тут Тонга ответил ей:

— Мы собрались на совет, чтобы решить, что позволено тебе, а что — нет.

На это Сина сказала:

— Распусти свой совет и пойдем к тебе в дом.

Совет разошелся, и Сина с Туи Тонга пошли к нему в дом. Там Сина сказала Туи Тонга:

— Пусть будет так: когда сядет солнце, твои люди принесут на святилище дары. Пусть принесут они их на пяти полапола [4] и на каждой пусть будет то, что у вас табу.

Все было исполнено так, как она сказала. Зашло солнце, и на святилище явились Ви и Во. Все дары, принесенные на святи-

лище местными жителями, они мгновенно съели [5]. Тем временем уже спустилась ночь, настало время сна. И Сина сказала:

— Твой подголовник и твоя циновка станут теперь и моими. Ты ведь знаешь, что мои собственные далеко отсюда, в краю, из которого я приплыла к тебе.

Так Туи Тонга и Сина легли вместе. Но вот настало время дню сменить ночь, и тут пришла Во, которая спросила Сину:

— Сина, что говорит тебе твое сердце?

Сина отвечала ей:

— Сердце мое говорит мне, что не следует оставаться здесь, с этим человеком.

И снова они спустились к морю с кокосами, бросили их в воду, а сами поплыли дальше. Вскоре они достигли берегов Пата, что в местности Фалелатаи, где жил Тингилау со своими. Сина отправилась к Тингилау; пришлось ей подниматься высоко в горы, где Тингилау запускал своих голубей [6]. Сина сказала ему:

— Отпусти голубя, пойдем к тебе в дом.

Они пошли в лесную хижину Тингилау. Необычайная любовь к Сине проснулась в душе Тингилау. Вот пришли они в хижину, и Сина обняла ноги Тингилау, и они легли вместе, и уснула Сина на груди Тингилау.

Наутро же Тингилау снова отправился пускать своих голубей.

А другая жена Тингилау, у которой уже были от него дети, вскоре стала упрекать Сину:

— Больше всего наш благородный господин любит ходить в море на промысел. Но с тех пор как ты появилась здесь, он не выходит в море и совершенно забыл обо всем.

Пришел Тингилау, а Сина плачет. Он стал спрашивать ее:

— Отчего ты плачешь, скажи мне.

Сина отвечала ему:

— С тех пор как я появилась здесь, у нас нет рыбы.

И вот Тингилау отправился на промысел, а пока его не было, его жена захватила дух Сины [7]. Так не стало Сины. Тингилау вернулся, а Сина уже умерла. Зарыдав, он поднял лицо к небу и стал молить:

— О дева Таусии-оиоиэ [8], прошу тебя, пойди к Солнцу, пусть Солнце смягчит мою боль!

И дева отправилась к Солнцу:

— О Солнце, Тингилау умирает от горя.

Солнце же сказало:

— Спускайся на землю. Возьми девяносто самых тонких циновок и накрой ими тело умершей.

Внизу же, на земле, Ви и Во в рыданиях стали причитать:

— Тингилау слишком беден, у него не найдется столько циновок.

Тингилау и Таусии-оиоиэ отправились тогда на поиски. Тем временем Солнце спустилось вниз, на другой край той земли, и на-

чало там пожирать местных жителей. И сказало Солнце Тингилау:

— Ступай к своей второй жене: у нее ты отберешь дух умершей.

Так Сина-усуиману вернулась к жизни.

68. Леота

Леота, о котором идет здесь речь, носил также имя Фаатау-сау. Женой его была Сеуману-филиа, дочь Ау-фале из Салелолонга. Она родила ему Тонги, Поэ и Матуу. Матуу был меньшой. А на этого знатного и благородного человека, Леота, нашла ужасная болезнь: он весь покрылся язвами. Началось все с ног, а потом перешло и на голову. И тогда Леота лег на дно своей двойной лодки, и лодку эту поставили в большом доме, построенном из теса хлебного дерева. Дом этот все знали как «дом лодки».

Вот пришел туда сын Леота, Тонги, и принес вождю еду. Вождь сказал ему:

— Сынок, пищи, которую ты принес, мне не надо. Мне надо лишь, чтобы ты поджег этот дом. Если же ты на это не согласишься, мне не нужно ничего из того, что ты принес.

Любовь к отцу помешала мальчику исполнить его волю.

Следующим пришел туда Поэ и тоже принес отцу еду. Вождь же обратился к нему:

— Сынок, пищи, которую ты принес, мне не надо. Поскорее подожги этот дом, прошу тебя, иначе все, что ты принес, мне будет не в радость.

Но любовь к отцу помешала и этому сыну выполнить его наказ.

Следующим явился Матуу, который тоже принес вождю еду. Леота Фаатау-сау сказал ему:

— Сынок, сжалься, прошу тебя, подожги этот дом. Только вместе с ним сможет сгореть моя скверная болезнь, от которой я так страдаю.

И Матуу послушал отца, поджег дом. Дом сгорел, а то, что от него осталось, покрыло тело Леота. И он сказал:

— Я рад принять подношение, принесенное Матуу.

А Тонги и Поэ сказал Леота такие слова:

— Вы оба должны теперь служить Матуу и приносить ему изысканные дары. Он будет вашим господином, вы же будете состоять при нем советниками, ораторами.

А этот Матуу носил также имя Сеиу-лима-лоло. В жены Сеиу-лима-лоло взял Фиааи-опаа, дочь Улингиа и Фале-афа из местности Фалеата. Она родила ему сына Матуу и дочь Тапуу-туутумаи.

Туи-сунга из Сунга [1] женился на Тапуу-туутумаи, и у них родился Салиманга-лемаи [2]. А брат Тапуу-туутумаи, Матуу, взял в жены Тавателе, дочь Туи-самоа из Фалеалили, и у них родился Лемафаи-туунга [3].

Салиманга-лемаи же женился на Туи-тонга-маатоэ, дочери Туи-аана Тама-ле-ланги, правителя Аана.

Потом Салиманга-лемаи заболел. Пришел к нему Матуу, и Салиманга-лемаи стал просить его:

— Нет ли у тебя какого-нибудь человека, который мог бы состоять при мне, пока я хвораю, служить мне, произносить за меня речи?

Матуу отвечал:

— Вообще-то я должен был бы запретить это своему сыну, потому что вел он себя скверно.

Но делать было нечего, и к тому же больной сказал:

— Пусть юноша придет сюда лишь на время моей болезни.

И вот Матуу приказал Лемафаи-туунга:

— Ты пойдешь к больному вождю и будешь служить ему, пока он не выздоровеет.

А перед уходом юноши они еще здесь, в его родном краю, стали готовить фаауси. Приготовили и маило [4], чтобы подавать фаауси больному. Все приготовленное сложили в деревянную посудину, и Лемафаи-туунга с дарами отправился к больному вождю.

А Туи-тонга-маатоэ, жена Салиманга-лемаи, жила там рядом, в отдельном доме. Когда юноша с маило в руках направился к больному, Туи-тонга-маатоэ попросила:

— Юноша, внеси маило сюда, в мой дом.

Юноша ответил ей:

— Госпожа, изволь подождать: фаауси, что я несу, предназначается больному вождю.

Но она стала настаивать:

— Неси все сюда.

Пришлось ему войти в дом и сесть там.

Женщина же сказала:

— Дай мне то, что ты принес, положи мне это на ладонь.— И добавила: — Положи-ка мне в рот то, что ты принес.

Юноша стал по кусочку класть ей в рот принесенное кушанье. Когда же ничего не осталось, женщина схватила его руку, поцеловала ее и сказала:

— Прошу тебя, исполни еще одно мое желание. Я очень хочу соединиться с тобой.

Юноша принялся возражать:

— Нет, нет, это невозможно, я боюсь, ведь ты из дома вождя, знатного и благородного.

Но женщина остановила его:

— Не бойся, прошу тебя, ничего не случится, ничего не будет с тобой. Вождь уже видел мое лицо, но я еще не видела его [5].

И юноша лег с ней. А Матуу пришел тем временем к больному вождю и сказал ему:

— Помнишь, я предупреждал тебя, что не следует юноше приходить сюда. Так вот, он пришел и согрешил с твоей женой.

На это вождь сказал:

— Пусть так. Я об одном только молюсь: чтобы она понесла и родила от него, ведь я совсем слаб. Но вот что: они должны покинуть эту землю и отправиться в Папаингалангала [6]. Ведь с возвращением Фале-ата им будет куда труднее, я опасаюсь его гнева.

И юноша с Туи-тонга-маатоэ бежали в Салелолонга, а она в это время уже понесла. Прибыли они туда и укрепили свою лодку у скал в Салетангалоа, что в местности Салелолонга.

Там женщина родила мальчика, названного Таула-папа — Якорь, Брошенный у Скал: ведь они укрепляли свою лодку у тех прибрежных скал.

69. Рассказ о Туу-леа-маанга

Туу состоял главным рыболовом при благородном вожде Улуселе, правившем в Афули, на Мануа [1]. Туу ловил рыбу вершей; в обязанности его входило следить за тем, чтобы у вождя и всей его семьи всегда была рыба. Готовили же ее родственники вождя, а часть готового кушанья они относили рыболову Туу и его родным. Так было у них заведено, и продолжалось это очень долго; союз этот был крепким и надежным. Но вот что случилось однажды. Вершу с рыбой втащили на берег, а в верше оказалась очень большая рыба — такие рыбы называются танафа [2]. Рыболов сразу сказал, что рыба эта плохая, негодная, а потом спрятал ее, утаил от вождя Улу-селе и его родных. И сделал он все это уже в сумерках.

На следующий день вождь Улу-селе вышел на берег прогуляться. Гуляя, он наткнулся на сушившуюся на солнце вершу. Как раз в это время Туу взглянул в ту сторону и увидел, что благородный вождь стоит подле верши и рассматривает ее.

Итак, Улу-селе стал внимательно рассматривать вершу и вдруг заметил, что в ней довольно много рыбьей чешуи; это была чешуя рыбы танафа. Чешуя эта осталась в верше, когда рыбу вытаскивали — тащить ее было нелегко. Улу-селе собрал всю эту чешую и отнес к себе домой. Ни дети, ни все другие его родственники ничего не заметили.

На следующее утро вождь приказал своим детям:

— Идите и готовьте печь, надо накормить нашего рыболова.

Дети пошли готовить земляную печь. Отсылая их работать, вождь велел:

— Когда печь нагреется, вернетесь сюда за мной и я пойду готовить луау [3] для нашего рыболова Туу.

А когда он пришел готовить луау, то насыпал прямо в кушанье набранной рыбьей чешуи. Вся чешуя попала в луау.

Наконец готовое кушанье вынули из печи и разложили в корзинки. Вождь сказал:

— Несите это луау нашему рыболову Туу.

Готовое кушанье было доставлено рыболову Туу, а тот и не

подозревал, что положил туда высокородный Улу-селе. Туу стал звать своих родных:

— Идите сюда, нам принесли луау.

Вот первый родственник подошел, получил луау и тут заметил, что в еде полно рыбьих чешуек. Он сказал Туу:

— В этом луау почему-то полно чешуи.

— Дай-ка сюда,— велел Туу.

Взглянул он, а там чешуя танафа. Тут он догадался, что о той самой рыбе, которую он утаил, стало как-то известно. Очень огорченный, он ничего не стал есть и принялся думать: «Как могли хоть что-нибудь узнать об этой злополучной спрятанной рыбе?» И наконец его осенило, что вождь Улу-селе выбрал эту чешую из верши и что было это накануне, как раз тогда, когда вождь прогуливался по берегу. Ведь он же сам видел, как вождь стоял возле верши и внимательно разглядывал ее.

Страшный стыд охватил Туу, и он подумал: «Я не хочу больше жить, я должен умереть».

Он кинулся на берег, бросился в воду и поплыл прочь. И думал он при этом так: «Уж если умереть, так умереть в море».

Дети Туу и все его родные горевали и плакали — ведь он уплыл от них в такую позднюю, темную пору; они не знали, куда и зачем он поплыл, не понимали почему.

Он же плыл, плыл и достиг берегов местности Нуули [4], на острове Тутуила. Когда он прибыл туда, еще стояла ночь. Он проплыл проходом Авателе; верша его была с ним.

А в это время тамошний оратор, благородный и знатный Ланга-фуа, вышел на своей лодке ловить рыбу на крючок. Лодка Ланга-фуа сновала туда-сюда, и вот он заметил, что в самом начале прохода, между рифами, то появляется, то исчезает какой-то человек. Ланга-фуа бросился туда со всей поспешностью, но волны, бурлившие в проходе между рифами, потопили его лодку. А Туу, которого поддерживала на воде его верша, волны спокойно вынесли на берег. Ланга-фуа стал звать его:

— Где ты, благородный господин? Помоги мне, иначе я погибну!

Туу бросился на помощь, удержал и поставил на воду балансир той лодки и велел Ланга-фуа:

— Забирайся на верх лодки и бери весло.

[...] Потом Ланга-фуа спросил:

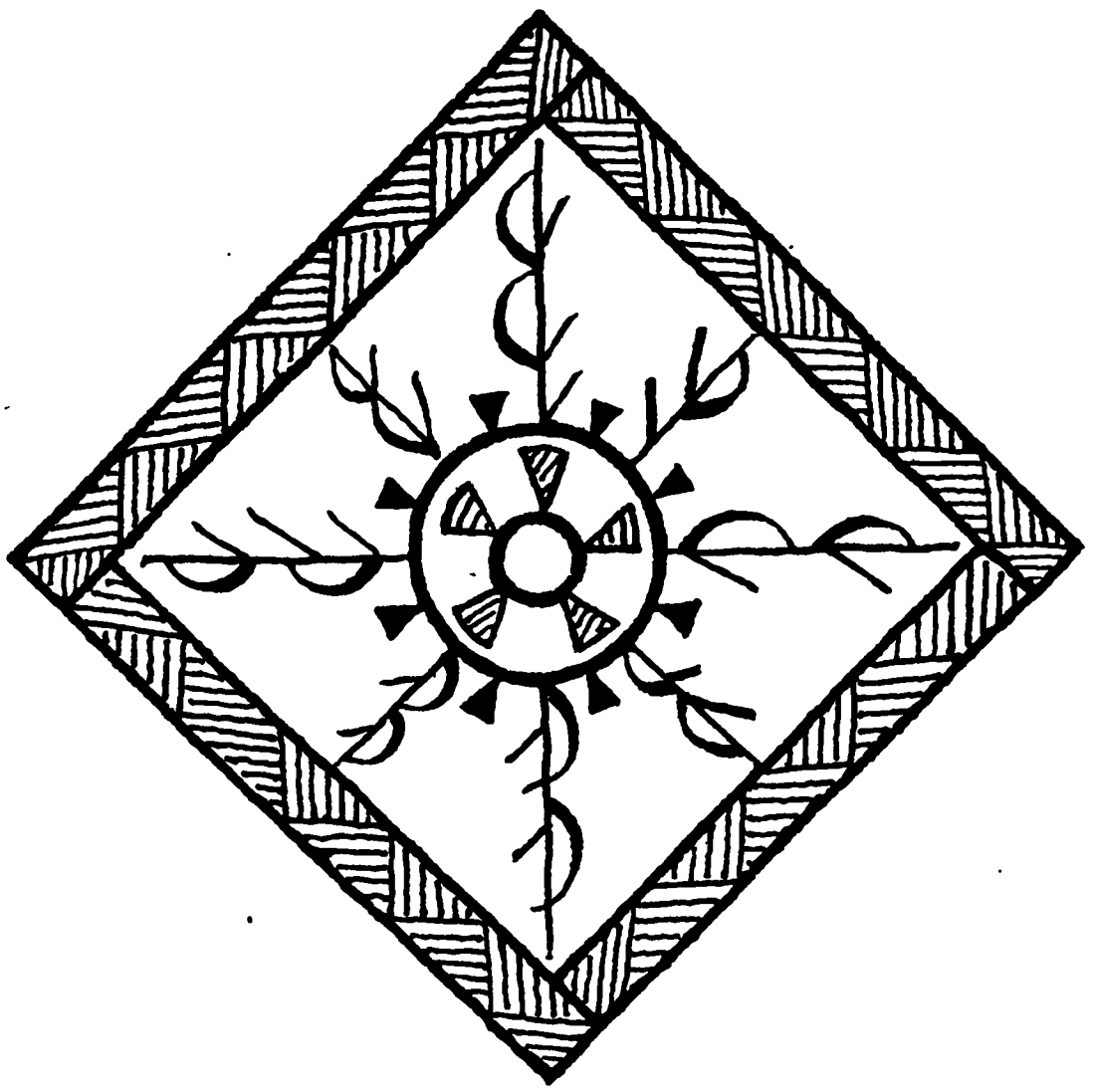
— Кто ты, благородный господин?

И в ответ услышал:

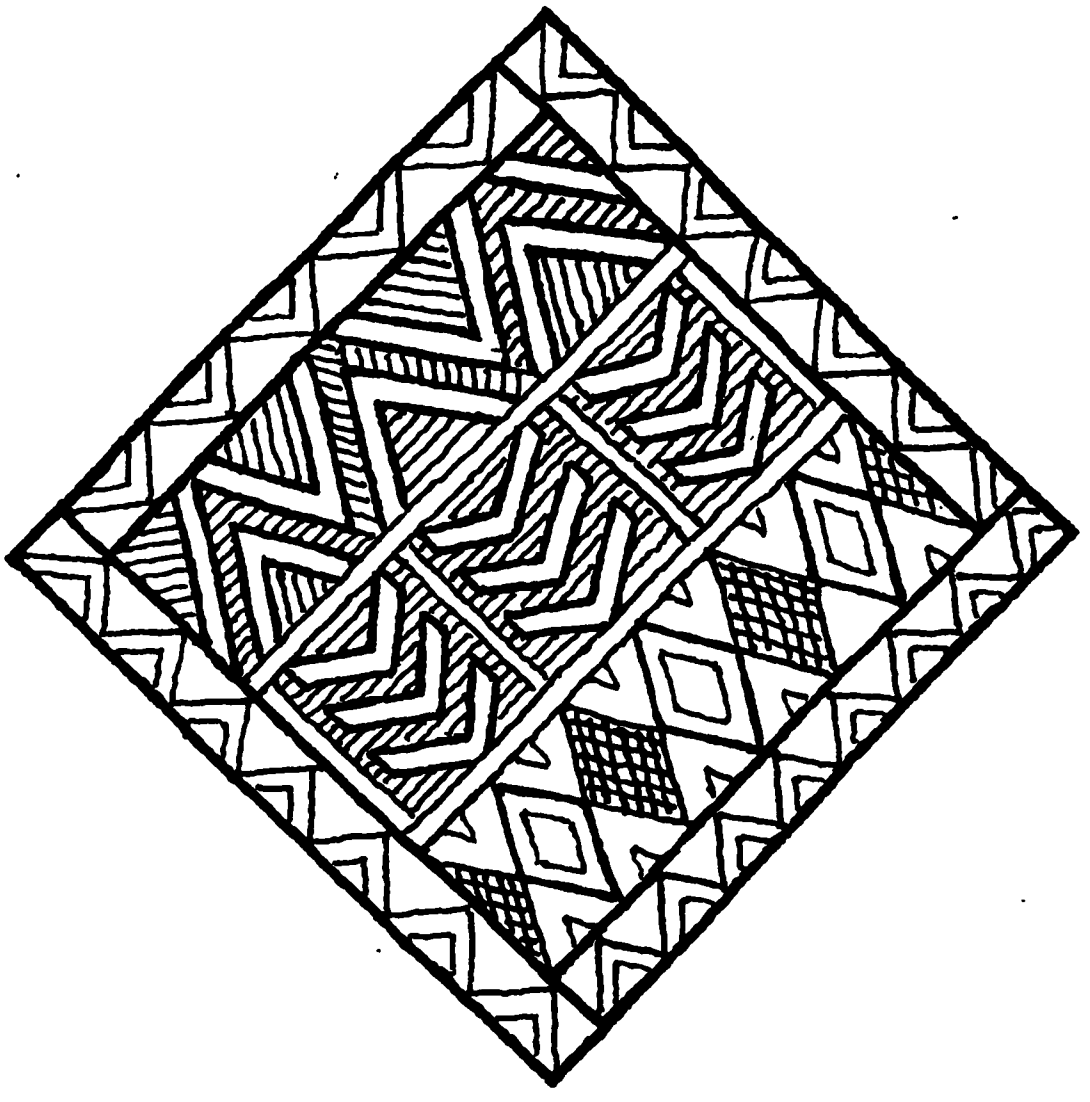
— Я Туу.

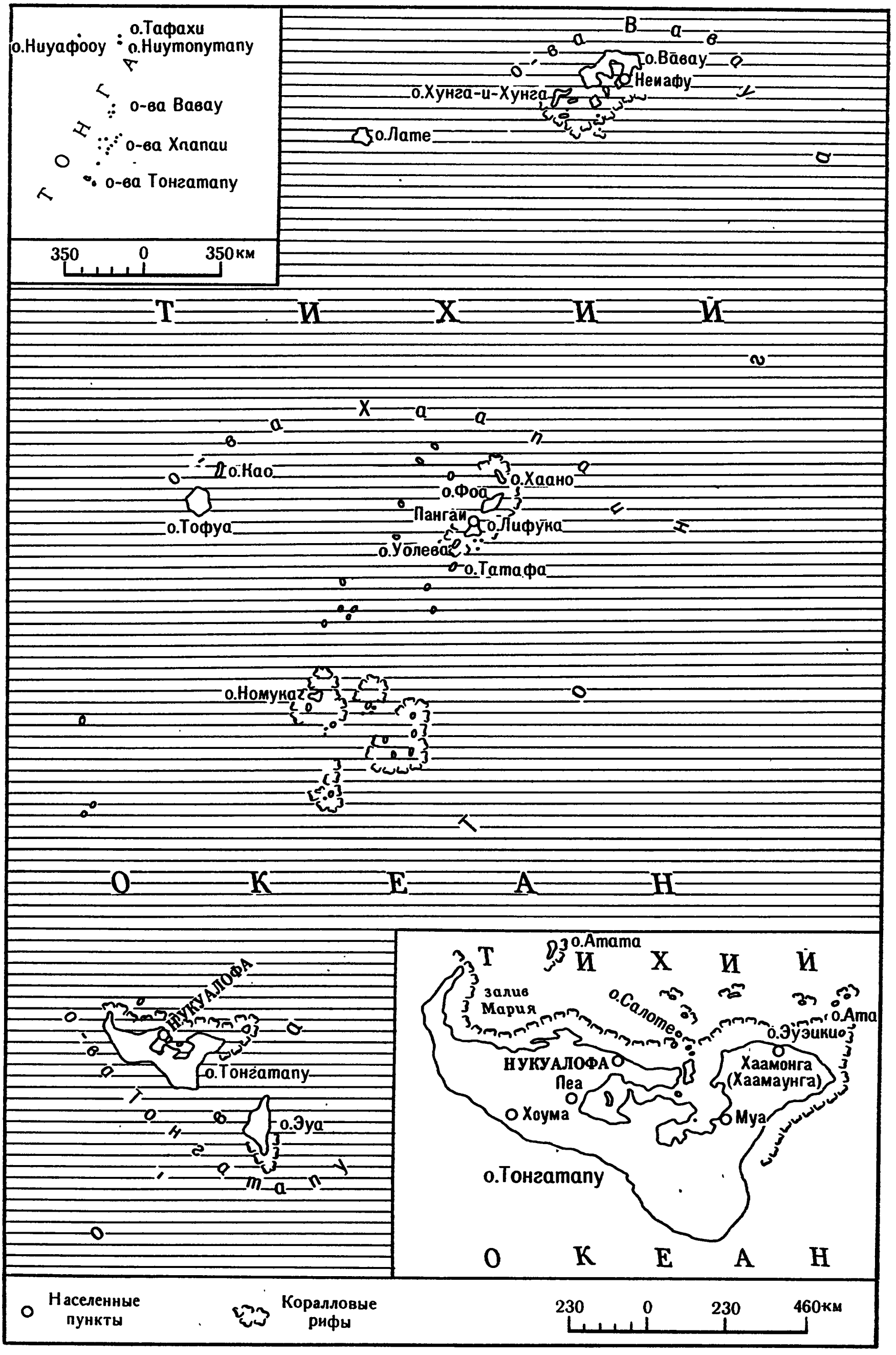
Одна из морских ям там носит название Туу — в тех водах Туу потом нередко ловил рыбу своей вершей. Яма эта сохранилась по сей день.

Но Туу не остался жить в тех местах. Он отправился на Саваии, где по-прежнему занимался рыбным промыслом. Так и живет себе до сих пор на Саваии.



Тонга




о.Тафахи
о.Ниуафооу
о.Ниутопутапу
ТОНГА
о-ва Вавау
о-ва Хаапаи
о-ва Тонгатапу
350 0 350км
ВАВАУ
о.Вавау
Неиафу
о.Хунга-и-Хунга
о.Лате
ТИХИЙ
ХААПАИ
о.Као
о.Тофуа
о.Фоа
о.Хаано
Пангаи
о.Лифука
о.Уолева
о.Татафа
о.Номука
ОКЕАН
НУКУАЛОФА
о.Тонгатапу
о.Эуа
о.Amata
ТИХИЙ
залив Мария
о.Саломе
о.Ата
о.Эуэикио
НУКУАЛОФА
Пеа
Хаамонга (Хаамаунга)
Хоума
Муа
о.Тонгатапу
ОКЕАН
Населенные пункты
Коралловые рифы
230 0 230 460км

70. Остров Ата

И закончилось сотворение острова Ата. Этот остров — самая первая земля, старшая из всех земель. От червей Кохаи, Коау и Момо пошли все живущие на земле люди: все они — потомки этих червей.

И повелел Тама-поули-аламафоа (а он был главным на небесах), чтобы все Тангалоа: Тангалоа-туи-эики, Тангалоа — Высокородный Вождь, и Тангалоа-туфунга, Тангалоа-Мастер, и Тангалоа-аутолонголонго, Тангалоа-Прорицатель,— чтобы все они нашли правителя земли Ата. И вот все Тангалоа обратились к духу по имени Лау-факанаа [1]:

— Послушай, Лау-факанаа, ты должен спуститься вниз, на землю. Вон там лежит твой предел — Ата. Тебе надлежит управлять им и владеть всем, что есть там. Отправляясь вниз, сотвори ветер — ты возьмешь его с собой и будешь управлять им. Если мореходы, выходя в плавание, будут угождать тебе, прося за это попутного ветра и спокойного моря, даруй им хороший, добрый ветер, чтобы лодка их могла спокойно достичь земли, к которой держит путь.

Вот и живет дух Лау-факанаа на острове Ата. И если случается так, что на лодку обрушивается дурной ветер, мореплаватели идут к Лау-факанаа и всячески угождают ему, чтобы он смилостивился над ними и дал им попутный ветер. Мореходы готовят на кокосовом масле угощения для Лау-факанаа, готовят на этом масле ма и все это несут духу. Видя такие подношения, дух смягчается, и тогда уж мореплаватели могут пускаться в путь: Лау-факанаа даст им попутный ветер.

Так вот, сошел Лау-факанаа с небес на землю. С собою он взял рыболовную сеть, чтобы на Ата заняться рыбной ловлей [2]. И до сих пор жители острова ловят рыбу точно такой сетью. Эту сеть закидывают в море в особый день — в день, когда ловят рыбу для Туи Тонга. А происходит эта сеть от той сети, которую принес с собой на землю Лау-факанаа.

Бананы хопа [3] тоже были принесены с небес и посажены на Ата. На земле эти бананы хопа называются путалинга [4], это очень хорошие бананы. А прежде, до того, как Лау-факанаа принес их на землю, здесь, внизу, не было ни одного такого растения. Теперь же их семена рассеяны по всему свету и они растут повсеместно.

Но впервые путалинга появились на Ата, и были принесены они с небес. Сделал это тот же Лау-факанаа. Еще Лау-факанаа принес с собой на землю корень си. Печеные корни си можно есть; их измельчают и соединяют с ма — так получается пои-пои. Много разных других блюд можно приготовить из корней си, они очень хороши и полезны.

А еще с небес на землю был принесен ямс, тот, что называется нгуата [5], светлый ямс, он тоже прибыл с неба на землю Ата. И другой род ямса, туаата [6], тоже был принесен с небес на землю: ему тоже было предназначено расти на острове Ата. Все эти растения разошлись потом по свету, а начало их — на Ата.

Потом разные другие духи сотворили множество растений, пригодных в пищу.

Вот и вся история об Ата.

71. Как появились некоторые земли

Остров Као и остров Тофуа не были выужены из моря крючком — они появились у нас иным путем. И островки Хунга-и-Хунга не были выужены из морской глубины. И острова Лате и Фонуалеи [1] тоже не были выужены крючком. И ни один из островов Фиджи не был выловлен крючком из моря [2].

Все эти земли не были добыты со дна моря, как это было с другими островами,— эти земли упали с неба. Вот почему их называют скалистыми владениями Хикулео [3]. И вот почему все эти земли обезображены скалами и валунами, изрыты трещинами и прорезаны расселинами. Поэтому-то на всех этих землях столько гор, по которым приходится карабкаться людям. Ведь все эти земли возникли не так, как прочие, как те, которые добыл во время своего знаменитого плавания Мауи, выуживавший крючком из пучины моря разные острова.

* * *

Три самоанских духа — Тулувота, Сиси и Фаингаа — решили украсть гору на острове Тофуа. Прибыв туда, они вырвали гору из земли по самое основание — так и получилось большое озеро, что на Тофуа [4]. Тонганские духи были этим очень разгневаны, и один из них, по имени Тафа-кула [5], решил остановить разбойников. Отправившись на островок Луахоко, что в Хаапаи, он нагнулся и выставил свой зад. Свет от его зада был таким ярким, что самоанские духи перепугались: они решили, что уже восходит солнце и что сейчас все их гнусные деяния раскроются. Они бросили гору прямо у берегов Тофуа, а сами бегом пустились на Самоа. А гора эта стала островом Као.

* * *

Островок Таноа раньше находился в самой середине лагуны острова Номука [6]. Но Хаэле-феке [7], дух с островов Отутолу [8], пришел и похитил островок.

Схватив Таноа, он направился к себе на Отутолу, но, когда он добрался до вод острова Фоноифуа, появился дух Тафа-кула. Тафа-кула лег задом к востоку, а Хаэле-феке, увидев на востоке свет (он исходил от зада Тафа-кула), решил, что уже восходит солнце, в ужасе бросил похищенный островок и кинулся прочь [9]. Вот так и оказался островок Таноа у вод острова Фоноифуа [10].

* * *

Островок Нукунаму лежит в группе Хаапаи, между островами Фоа и Хаано. А некогда прежде Нукунаму был частью острова Фоа — той землей, на месте которой теперь находится большое болото. Островом же он стал так.

Хаэле-феке и еще один дух с Самоа приплыли на острова Хаапаи. И они украли кусок острова Фоа, оставив на том месте огромную дыру. Вот там-то и расположено теперь болото Малаэ-амохо. Но все это видел тонганский дух Тафа-кула. Он решил преследовать воришек. Отправившись на остров Тофуа, он забрался там на гору, сбросил набедренную повязку и обнажил свой красный зад. Яркий свет, исходивший от зада Тафа-кула, был похож на свет заходящего солнца. Напуганные самоанские духи тут же бросили украденный кусок земли — и так у северной оконечности острова Фоа возник новый остров — Нукунаму. А потрясенные духи бросились прочь на Самоа.

* * *

В местности Папатаи [11] жили супруги. Мужа звали Маунга-колоа, жену — Тама-танги-каи. У них было трое детей — дочь Хина и сыновья Нгатаи, что значит Морской, и Фануа, что значит Живущий на Суше. Раз Маунга-колоа с сыновьями пошел ловить рыбу и поймал маленькую акулу. Акулу отдали Хине, которая была этим премного довольна. На островке Туанекивале, что в Вавау, она запустила ее в водоем Вахине и все время за ней присматривала [12]. А подзывала она свою рыбку при помощи деревянной колотушки и погремушек, сделанных из кокосов. Колотушка стучала, погремушки гремели, и на этот шум за своим кормом приплывала ручная рыбка. Со временем она стала большой рыбой. Однажды сильной волной захлестнуло водоем, и вынесло акулу в открытое море.

Люди пришли к водоему, а акулы там не оказалось. Стали искать, но нигде не могли найти. Хина была безутешна, и отец решил снарядить лодку: Хина с родителями отправится на поиски рыбы. Долго они искали и наконец нашли акулу в открытом море,

очень далеко от берега. Застучали в колотушку, забили погремушками, акула подплыла и уплыла снова. И тогда Хина сказала родителям, что они могут возвращаться на берег, она же останется здесь и превратится в риф, тогда ее любимица сможет приплывать к ней.

— Я не могу вернуться, оставив ее здесь. Плывите домой, а я ее не покину...

И Хина выпрыгнула из лодки. А супруги поплыли обратно, но по дороге стали говорить:

— Какими же безумцами мы оказались! Приплыли со своей дочерью, а теперь покинули ее.

И Маунга-колоа решил:

— Жена, ты сама доберешься до берега. Я же останусь здесь, чтобы всегда видеть Хину.

И Тама-танги-каи решила:

— Я останусь рядом с тобой.

И муж остался на берегу в Колоа, а жена — на берегу Энеио. Лодка же их поднялась в небо, она называется теперь именем Алотолу, что означает Трое в Лодке, и еще Туингаика, Нанизанная Рыба [13].

А Нгатаи и Фануа ждали своих на берегу. Наконец они решили посмотреть, что же случилось с родителями и сестрой. Отправившись в путь, они нашли в океане сестру. Хина сказала, что родители пустились в обратный путь. Нгатаи тогда сказал брату:

— Отправляйтесь дальше. Я же останусь, чтобы быть ближе к Хине.

С тех пор появились у нас акулы. И с тех пор стоит риф Мата-о-Хина [14].

72. Происхождение Ротума

Холм Талау был некогда высокой горой [1]. Эту гору можно было увидеть даже с Самоа. И духам, жившим на Самоа, совсем не нравилось, что на Тонга возвышается такая большая гора. Все вместе они договорились с Мосо [2] перенести Талау ночью с Тонга на Самоа.

И вот в полночь все духи Самоа собрались в Вавау, готовясь исполнить задуманное ими. Но когда они уже подняли Талау, Тафа-кула [3] увидел этих духов и поспешил остановить их. Тафа-кула лег лицом на восток, спиной к самоанским духам и принялся шуметь изо всех сил, трещать, кричать петухом. Тут самоанские духи решили, что уже наступает рассвет. Они бросили Талау и обратились в бегство. Но когда гора падала на землю, верхушка от нее откололась. Вот эта-то острая верхушка и стала островом Ротума, что недалеко от того места.

73. Происхождение острова Тафахи

Когда-то земля, что теперь называется островом Тафахи, находилась не в море, а в глубине острова Ниуафооу. Но вот однажды злонамеренные самоанские духи, очень вредные, решили скверно пошутить.

Ночью они украли вершину спящего вулкана, что стоит в глубине Ниуафооу, и потащили ее к себе домой. По пути же на Самоа они должны были миновать Ниуатопутапу. Когда они мчались мимо острова, их заметил Сека-тоа [1]; он увидел у них в руках украденный кусок Ниуафооу и решил немедленно вернуть его. Сека-тоа послал одного из служивших ему духов и велел тому пропеть петухом. Услышав крик петуха, самоанские духи понеслись еще быстрее, чтобы успеть домой до рассвета. Дух прокукарекал во второй раз, затем в третий, но от этого самоанские духи не только не остановились, а лишь еще быстрее помчались прочь.

Увидев, что происходит, Сека-тоа понял, что придется ему изобразить рассвет. Едва духи увидели, что появляется солнце, они бросили свою ношу прямо в воду и ринулись к себе на Самоа. С тех пор и возник остров Тафахи, и он напоминает всем о хитрости Сека-тоа. Самоанские духи, осмеянные всем светом, больше не пытались украсть эту землю. Ведь тогда, убегая, они не заметили даже, что солнце восходит не на горизонте, а прямо перед их носом, из ближних вод. Это же было не солнце, а голова Сека-тоа!

74. Путешествие в Пулоту

Вот одна старая история о том, откуда взялся ямс.

Однажды Хаэле-феке, Фаималиэ и Факафуумака [1] решили отправиться в путешествие — они собрались к Хикулео в Пулоту.

Прибыли они туда, а Хикулео в это время не было дома. Тогда Хаэле-феке спрятался в основании главного опорного столба дома Хикулео, Фаималиэ спряталась в основании закругленной стены дома, а Факафуумака в виде камня устрашающих размеров выкатился наружу.

Вот Хикулео вернулся и сразу сказал:

— Появился земной запах, да-да, появился земной, человеческий запах.

И Хикулео велел всем жителям Пулото искать прибывших людей. Искали они, искали, но так никого и не нашли. Тогда Хикулео сам приказал прибывшим выйти и показаться. И они явились перед ним. Хикулео велел принять их как подобает и приготовить им угощение. А еще он добавил, что, если гости не съедят всего, что им дадут, тогда они сами будут съедены.

Хаэле-феке усомнился, смогут ли они съесть все, но Фаималиэ сказала, чтобы он предоставил это ей. Вот стал есть принесенное угощение Факафуумака — ел, ел, пока не наелся досыта. Вот и Хаэле-феке стал есть и тоже ел, пока не наелся досыта. А тут

Фаималиэ принялась за еду. Она съела весь ямс, и свинину, и листья, в которые заворачивали еду, когда готовили ее в земляной печи, и корзины, в которых было принесено угощение, и камни из земляной печи, и палки, на которые надевали корзины, и ручки этих корзин — словом, съела все без остатка.

Хикулео изумился, но все же сказал, что гостям приготовлено еще одно испытание: обобрать дерево ви [2]. Тут уже Фаималиэ усомнилась, сумеют ли они справиться с этим, но Хаэле-феке сказал, что это работа для него. Он подошел к дереву ви, лег головой на его корни, вытянул щупальца в разные стороны, мигом собрал все плоды ви и слепил их вместе в плотный ком. Так было сделано и это.

Тогда Хикулео велел им пойти на берег и нырнуть, задержав дыхание. И вот Факафуумака сказал, что это — для него, и действительно сумел исполнить это.

Тут-то Хикулео и велел им возвращаться назад, на землю: уж очень они всемогущи и устрашают всех в Пулоту.

Стали они садиться в лодку, но Фаималиэ решила побродить по берегу в поисках ямса. И вот она увидела, что в одном месте готовится огромный отборный ямс кахокахо [3], ямс Хикулео, готовить который для него было делом духов Пулоту. Фаималиэ подошла к тому месту, схватила этот огромный ямс и проглотила его. А Хикулео доложили, что ямс, который готовили для него, вдруг исчез. Хикулео приказал обыскать лодку. Долго искали в ней ямс, но так ничего и не нашли: ведь Фаималиэ проглотила кахокахо.

Наконец все трое поплыли обратно. Едва они прибыли к себе, как Фаималиэ плюнула на землю — и повсюду оказался ямс кахокахо. Вот каково происхождение этого ямса, который и по сей день дает богатые урожаи. Говорят, он весь пошел от ямса Фаималиэ.

75. Фаималиэ

Жили некогда два духа — два фаахи-кехе [1], звали их Тутула и Факафуумака (и еще у Факафуумака было имя Вака-фуху [2]). Они решили отправиться в Пулоту, повидать необыкновенный край, о котором столько говорят.

Итак, пустились они в плавание, и об этом узнала Фаималиэ [3], женщина-дух. Она подала им издали знак, чтобы они и ее взяли с собой. Но духи не узнали Фаималиэ и решили, что это кто-то другой, а потому быстро проплыли мимо.

Тогда Фаи побежала по берегу вслед за лодкой, встала в другом месте и опять помахала им, но нет — опять напрасно. Тогда она направилась на мыс, встала там у самой воды. Только тут увидели они, что это Фаи, и, поняв, кто перед ними, остановились и взяли ее с собой.

Мореплаватели направились на Фиджи. Внезапно дно лодки

ударилось обо что-то, и лодка оказалась на мели. Тутула ужасно испугался, но Фаималиэ успокоила его и помогла обрести мужество. И тут как раз налетел порыв ветра и снял их с мели. Но затем лодка получила пробоину, и снова ужасу Тутула не было границ. Что до благородной, кроткой Фаи, то она была настроена на лучшее, сразу принялась вычерпывать воду из лодки и снова все поправила.

И все же обоим духам плавание казалось и дурным, и тяжким, и полным невзгод. Вот уже и второй дух, Факафуумака, тоже загрустил. Фаи успокоила и его. Она велела обоим духам грести и грести без остановки, тогда все будет хорошо, а сама не переставая продолжала вычерпывать воду из лодки. Не успели они обернуться, как уже были в Пулоту.

Тутула выпрыгнул из лодки, подплыл к берегу и первым вошел под навес, где стояли лодки. Охраняла их восьмиязыкая Элеловалу, женщина-дух. Звали ее так потому, что у нее было восемь ртов.

Под навесом стояла Леитана — лодка Хикулео [4]. Эта лодка покоилась на телах людей. Под носом лодки и под кормовой частью было по человеку, а еще двое подпирали балансир. Как только Фаи вошла под навес, она схватила лодку Хикулео, отшвырнула в сторону и расколотила — от лодки остались одни щепки.

Хикулео жил в доме, стены которого были выложены множеством человечьих глаз. Это было и очень красиво, и безумно страшно — отовсюду, куда ни повернись, таращились бесчисленные человечьи глаза.

Хикулео велел приготовить каву и принять гостей как подобает. Но случилось вот что: ни одного из троих гостей найти не могли. Вот почему: Тутула успел спрятаться в одной из балок дома Хикулео, Фаималиэ скрылась в опорном столбе этого дома, а Вакафуху обратился в камень. Вот почему он и носит имя Факафуумака, что значит Превращающийся в Большой Камень.

Хикулео приказал всем жителям Пулоту, наделенным острым чутьем, искать прибывших по запаху. Но и по запаху найти их не удалось. Тогда сам могучий властелин Пулоту заговорил, обращаясь к гостям и приказывая им выйти, показаться ему. Тут мигом прикатился огромный камень — Вака-фуху; с треском раскрылся опорный столб дома — из него вышла Фаи; спустился из своего укрытия Тутула.

Тогда Хикулео велел жителям Пулоту готовить угощение. Вот уже все было сделано и вся еда, запеченная так, как ее делают на острове Хунга, была подана. Угощение оказалось необыкновенно обильным и богатым. Нести его пришлось на высокой и толстой кокосовой пальме, вырытой из земли вместе с корнями. Как только угощение было подано, Фаималиэ все его собрала и разом съела. И кокосовую пальму с корнями и листьями тоже съела. Все, что там только было, она мигом прикончила. Жители Пулоту были потрясены тем, сколько она может съесть.

И великий Хикулео сказал:

— В нашем краю не осталось больше ничего. Но в Лолофонуа,

в подводном мире, есть две огромные раковины, в которых сидят моллюски. Если два других духа пожелают, они могут нырнуть туда и достать их.

Тутула и Вака-фуху тут же нырнули. С ними вместе нырнул и человек Хикулео. Они провели под водой целый месяц. Раковины они достали, но Тутула затеял недоброе и не дал тому третьему, что был из Пулоту, вынырнуть. Так тот погиб под водой.

Жители Пулоту страшно разгневались. Тут как раз было велено принести самое ценное, что было в Пулоту, главное сокровище Хикулео. Фаималиэ схватила это сокровище и тоже съела. Говорят, от этого она понесла, а потому велела своим спутникам скорее собираться и везти ее на Тонга: она хотела родить там. Когда мореплаватели достигли Оа [5], бедная, кроткая Фаи родила. Она произвела на свет ямс.

А другое имя, которое носит Тутула,— Хаэле-феке, Шагающий Осьминог.

76. Лупе-овалу

Говорят, жили некогда супруги Анга-тукуау и Туна-маилангиафу. У них родилась дочь, названная Лупе-овалу [1]. Тут пришел Хикулео из Пулоту, удочерил девочку и назвал ее Лупе Факакана [2]. Когда настало время отнимать ее от груди, Хикулео пришел снова и забрал ее в Пулоту.

Потом у супругов родился сын, которого назвали Атупуха-имоана. Потом родилась девочка, которой дали имя Мапуи-кауфанга. А у Хикулео тоже были дети — Фале-хау и Фале-лава.

И Хикулео поднял южный ветер — тонга и северный ветер — токелау, приказав им охранять со стороны моря землю, где жили супруги: всякий, кто приплывет туда ночью, надеясь проникнуть к Лупе, должен быть убит этими ветрами. И если по морю плыл туда какой-нибудь юноша, хотевший Лупе, оба ветра поднимались и разом убивали его.

В Хихифо, на западе Тонгатапу, жил один человек, по имени Мата-ика-моана. Жил он себе там и жил, но вот ему взбрело в голову добраться до Лупе. Он собрался и пустился в плавание. Плыл он, плыл, достиг острова Атата, там остановился, приготовил себе еду и затем отправился дальше. Так он добрался до морского прохода к земле, где жила Лупе. Было еще рано, и море оказалось совсем тихим. Лодка спокойно вошла в проход и поплыла к берегу. Тут Атупуха-имоана услышал звук плывущей лодки и вскричал:

— Почему ни токелау, ни тонга не обращают никакого внимания на плывущую лодку?

Поднялись оба ветра, но Мата-ика-моана тем временем успел доплыть до самого берега. Ветры закрутили настоящий ураган, но ничего у них не вышло: лодка была уже у цели. Подплыв к берегу, Мата-ика-моана крикнул:

— О Атупуха-имоана, пусть Лупе Факакана остается с вами, но пусть другая девушка, Мапуи-кауфанга, поплывет со мной в Хихифо взглянуть на одиноко стоящую там казуарину [3].

Услышав это, Атупуха-имоана пошел и позвал мать:

— Туна-маиланги-афу, разбуди-ка Анга-тукуау. Там приплыл один человек — простолюдин Мата-ика. Он прибыл с оконечности Хаатафу и домогается нашей Лупе-овалу.

Но матушка его не проснулась, и ему пришлось звать ее снова, повторив все. Только тогда почтенная женщина открыла глаза и позвала мужа:

— Анга-тукуау, разве ты не слышишь, как вопит твой поросенок? Прибыл какой-то простолюдин и глумится над нами. Он домогается Лупе-овалу, а ведь ты знаешь, сколько людей присматривают и ухаживают за ней.

Тут проснулся муж и сразу велел Атупуха-имоана отправляться к Хикулео в Пулоту и там рассказать обо всем. Атупуха-имоана прибыл в Пулоту в то самое время, когда Хикулео и его духи готовили каву. Прибывший сел в том месте, где складывали выжимки после последнего процеживания кавы, и оттуда обратился ко всем:

— Ваэ-ука и Ваэ-хуки-танга [4], ваша кава прекрасно процежена и очень хороша. Но я, я пришел с плохой вестью. Там, на земле, к нам приплыл один проситель — Мата-ика-моана. Он домогается Лупе-овалу.

Тут Хикулео опустил голову и загрустил. А сама девушка, возившаяся с плодами за его спиной, оставила все, села на землю и запричитала:

— О Атупуха, плохие вести ты принес, плохие. Посмотри, вождь грустит и плачет!

Но все же кава была процежена до конца и подана. А потом Хикулео велел Атупуха идти назад, на землю, и сказать просителю, что он получит Лупе. Атупуха отправился на землю. А Хикулео отдал такой приказ:

— Пусть по всему Пулоту будет оглашено, что на воду спускается лодка Масила-фоафоа. За ней поплывет лодка Пунгалото-хоа [5]. Они доставят Лупе на Тонга.

Все было исполнено, и так Лупе отправили в плавание. На земле в лодку сели Мата-ика-моана и Мапуи-кауфанга. Вот плыли все они, плыли и достигли оконечности Хаатафу, а там пошли к дому Мата-ика-моана. Для гостей было приготовлено богатое угощение. Духи из Пулоту сели есть и прикончили все, не оставив ни крошки. Они съели даже палки, на которых носят корзины с грузом.

А Мата-ика-моана, проведя всего одну ночь с Лупе-овалу, затем стал ходить только к Мапуи-кауфанга, и к ней одной. Наконец духи Пулоту начали собираться в обратный путь. Увидев это, Лупе-овалу побежала за ними, бросилась к их лодке и вскарабкалась в нее. Тут все сидящие в лодке заметили, что Мата-ика-моана, а с ним и Мапуи-кауфанга тоже плывут к лодке.

Лупе-овалу сказала духам, что их обоих надо убить — и Мата-ика-моана и Мапуи-кауфанга. Так и было сделано. А затем духи поплыли сообщить об этом тем супругам — Анга-тукуау и Туна-маиланги-афу, а от них двинулись к себе в Пулоту.

77. Происхождение звезды Тапу-китеа

Рассказывают, что жили некогда два простака, два панго [1] — Тапу на востоке Тонгатапу и Китеа на западе. И вот до Китеа дошел слух, что на востоке острова тоже живет панго, и тогда Китеа решила отправиться туда и разыскать этого панго.

Китеа, женщина-панго, пришла к Тапу, когда тот работал на своем ямсовом поле. Она села на краю поля и позвала Тапу:

— Простачок панго, иди сюда.

Тапу оставил свою палку-копалку и подошел к ней. Вместе они пошли к дому Тапу, там он накормил женщину и оставил ее у себя. Так они зажили вместе. Наконец Китеа понесла и сказала Тапу, что теперь им надлежит идти на запад острова: она должна родить там.

У них родился сын, которого было решено назвать Тапу-китеа [2]. Когда мальчик подрос, его проказам не стало границ, его дерзости — предела. Родители утратили счастье и покой, потому что проказливый, непослушный ребенок умудрялся навредить всякому, рассердить и знатного человека, и простолюдина. И наконец родители решили, что ребенка придется убить: тогда он поднимется на небо, а они смогут спокойно смотреть на него с земли. Уж очень измучил их этот ребенок. Так и было сделано. Тапу-китеа отправился на небо и с тех пор появляется в нем звездой.

78. Происхождение Магеллановых Облаков

Некогда жил в Ваини, на Тонгатапу, высокий вождь Маафу [1]; потомки его живут здесь и по сей день. Каждый вечер Маафу ходил купаться в водоем Туфатакале (название это происходит от имен супругов, которые некогда жили там: мужа звали Туфа, жену — Кале). С собой он всегда брал губку из кокосовых волокон. После купания он бросал эту губку на плоский камень, стоявший у самого водоема.

А рядом с тем водоемом жила большая ящерица. Каждый раз, когда Маафу заканчивал купание, ящерица подбиралась к камню и съедала кусок кокосовой губки. Шло время, и вот произошло необычайное: у ящерицы родились близнецы, и не ящерки, а по всему — по виду, облику и по величине — человечки. Она назвала их Маафу Тока и Маафу Леле [2].

Год сменялся годом, мальчики выросли и однажды пришли к матери с такими словами:

— Довольно нам жить здесь в одиночестве и неизвестности. Скажи нам, кто наш отец, и мы пойдем его искать. Мы хотим жить у него.

Старая ящерица понимала, что все равно не удастся скрыть двух ее юных красавцев. С тяжелым сердцем натерла она их ароматным маслом, убрала им волосы, повесила на шею гирлянды из листьев и цветов. А затем рассказала, как и по какой дороге дойти до поселка. В конце дороги они увидят большой дом, в том доме множество людей будет сидеть за кавой [3]. Сразу входить в этот дом не следует: надо посмотреть, кому из сидящих там оказывают наибольшие почести. Это и будет их отец, Маафу, к которому надлежит им подойти.

Итак, сыновья простились с матерью. Следуя ее советам, они очень скоро добрались до того большого дома, где все сидели и пили каву. Они сразу узнали отца, но решили подождать окончания пира и только тогда вошли в дом. Пока они проходили между сидящими там людьми, все поворачивались друг к другу с одним и тем же вопросом: кто эти два красавца? Никто не знал, и было решено, что с Хаапаи или с Вавау приплыла какая-то лодка.

А юноши приблизились к Маафу и сели скрестив ноги на землю рядом с ним. Почтительно ждали они, чтобы Маафу обратил на них внимание. И вот он заговорил:

— Мы не знаем ни кто вы, ни откуда прибыли. Расскажите же нам.

В ответ они сказали кратко, что Маафу приходится им отцом.

Маафу не стал спорить и не спросил даже, кто их мать, боясь, что и она захочет поселиться у него.

Итак, юноши остались у Маафу. Они еще выросли, совсем возмужали. Но, может, из-за необычайного их рождения они были живым воплощением хитрости и зла. А по сноровке и прыти, по ловкости в игре и особенно по умению метать дротик и копье они превосходили всех.

Раз они сломали ногу племяннику Маафу. Но и это не так взволновало Маафу, как волновала его собственная судьба: он все время должен был служить сыновьям мишенью. Они метали свои дротики так, что те пролетали у Маафу над ухом, самого его, конечно, не задевая.

И вот Маафу решил избавиться от сыновей, но только так, чтобы никому и в голову не пришло, что сделал это именно он. Однажды утром Маафу позвал молодых людей и попросил их набрать для него воды в очень далеком водоеме Атавахеа. А набирать эту воду надо было точно в полдень: в это время она слаще всего.

Но Маафу не сказал сыновьям, что у того водоема живет огромная птица и что никто из тех, кто приходит туда за водой, не возвращается домой.

Юноши добрались до водоема ровно в полдень. Один остался на берегу, а другой, с кокосовыми сосудами в руках, зашел в воду. Но не успел он доплыть до середины, как небо покрылось тучами

и раздался страшный свист — как будто издалека приближался ужасный ветер. Подняв глаза, юноша увидел, что прямо на него летит огромная птица. С изумительной быстротой он нырнул и, дождавшись, пока птица пролетит над ним, стремительно выбросил из воды руку и могучим ударом кулака сломал ей крыло. А затем он схватил ее за шею, показал брату и прокричал:

— Смотри, какую замечательную птицу я поймал для Маафу!

Наполнив свои сосуды водой, братья вернулись в Ваини. Совсем не радостным было их возвращение для старого Маафу, но он не подал виду, поблагодарил их и за воду и за птицу.

На следующее утро Маафу послал юношей к другому водоему — Муихатафа. Этот водоем лежал на другом конце острова. Воду там надо было брать с самого дна: у донной воды совершенно особый вкус. Но Маафу не сказал сыновьям, что в том водоеме живет огромная хищная рыба.

Братья прибыли к водоему, один из них вошел в воду и сразу нырнул на самое дно. Но едва он достиг дна, как на него, ощерив пасть, бросилась огромная рыба-хищница. Мгновенно схватил он ее за горло, вынырнул и показал брату:

— Смотри, какую рыбу мы сможем отнести Маафу!

И они вернулись в Ваини — с водой и с новой добычей. Тут уж Маафу потерял всякое терпение и зло сказал им:

— Я от вас устал, не могу вас больше выносить. Вы беспрестанно творите дурные и злые дела. Это вы сломали ногу моему племяннику, это вы без конца угрожаете мне смертью. Так вот, я решил дать каждому из вас по наделу подальше от наших мест. Больше вы не будете никого здесь тревожить!

Братья же, поняв наконец все, отвечали ему:

— Не беспокойся. Мы сами уйдем отсюда, и ты уже никогда не сможешь до нас добраться. Мы возьмем с собой эту птицу и эту рыбу и поселимся на небе. Если же ты захочешь нас видеть, взгляни на небо в темную ночь. Нам же, чтобы увидеть тебя, будет достаточно просто взглянуть на землю.

И братья отправились на небо. Там живут они и сейчас. Мореплаватели знают, что, если плыть по звездам Маафу Тока и Маафу Леле, попадешь как раз к берегам Ваини. [Эти звезды и есть Магеллановы Облака.]

79. Происхождение духа Феху-луни

Говорят, жили некогда супруги, у которых было девять детей. Внезапно старший из этих девятерых скончался. Только похоронили его, умер следующий. Похоронили и его — умер третий. Так друг за другом стали они умирать, и вот уже смерть забрала шестого. Когда хоронили шестого, седьмой брат сказал:

— Вы все оставайтесь здесь, а я отправлюсь узнать, что же происходит с нами. Ведь скоро нас совсем не останется. Видно, есть какая-то сила, уносящая наши жизни.

И еще он сказал:

— Я отправлюсь в путь, а мое мертвое тело останется в пещере — в пещере Макатууа [1]. Даже если бесконечно долгим покажется вам мое отсутствие, не зарывайте мое тело в землю, а оставьте там, в пещере, чтобы я мог потом вернуться в него.

Итак, он взял с собой тонкую циновку киэфау [2] и пошел вниз, в Пулоту. Дойдя до Пулоту, он увидел там дом и костер, горевший прямо перед этим домом. О! То был дом Хикулео. Юноша подкрался к костру и увидел, что на огне готовится ямс. Это был особый ямс, тот, что называется локолока мангавалу,— ямс с твердой кожей и восемью отростками [3]. Юноша отломил один отросток (а всего их было восемь) и съел. Вскоре появился сам Хикулео: он пришел перевернуть ямс. И вот он с изумлением узнал, что один из отростков его ямса исчез. Хикулео вскричал:

— Кто посмел украсть отросток ямса? Похоже, это Туи Хаатала, которому надлежит еще быть на земле!

А юноша снова подкрался к костру и отломил другой отросток. Опять пришел Хикулео, опять заметил это и воскликнул то же самое. Так повторялось до тех пор, пока не исчезли шесть отростков. А затем юноша наконец открылся Хикулео и сказал:

— Это я, Туи Хаа-тала. Я пришел с земли людей.

Говорят, Хикулео был слеп. Он мягко и ласково спросил юношу:

— Так скажи же, скажи мне, зачем ты пришел сюда, в это ужасное место? — И затем Хикулео прибавил: — Пойди к водоему и искупайся. Вот тебе кусок тапы, вытрешься им. Искупаешься, вернешься сюда, и мы с тобой поговорим.

Юноша все сделал так, как сказал Хикулео. Но еще он взял с собой ту тапу, которую принес с земли и которая служила ему набедренной повязкой. Ее он тоже окунул в воду. Она пропиталась водой, он надел ее мокрой и так пошел к дому. Мокрую киэфау он оставил у входа в дом Хикулео. Затем вошел в дом, готовый беседовать с хозяином, и сказал:

— Вот с чем я пришел к тебе. Почти всех в нашей семье уже постигла смерть. Нас было девять, а теперь осталось только трое. Прошу тебя, скажи, что происходит с нами, отчего не проходит и дня, как умирают мои братья, один за другим по старшинству?

И Хикулео ответил:

— Хорошо, я скажу тебе, в чем дело. Это я взял твоих братьев к себе, чтобы они были здесь, со мной. Здесь мы все вместе, и нам горько, что вы живете на земле, оторванные от нас.— Затем Хикулео добавил: — Сегодняшний день был означен не тебе, а другому. Ты поспешил.— (Ведь юноша пришел еще до того, как был похоронен шестой брат.) — Теперь же иди. Все, кто остался там, на земле людей, избегнут скорой смерти.

Юноша вышел из дома Хикулео, взял с собой мокрую киэфау и пошел назад, на землю. Но, вернувшись на место, где он оставлял свое тело, он увидел, что тело зарыли в землю: слишком долго он не приходил туда. Зарыдав от горя, юноша взял свою циновку и повесил на ветку высокого пандануса. С киэфау долго капала

вода, и так возник маленький источник Маааэатану; он есть и в наши дни.

И юноша сказал себе:

— Я не останусь здесь. Буду теперь бродить по разным землям. Не буду заходить только в Пулоту, ведь сказал же Хикулео, что нам, не успевшим до сих пор умереть, еще долго жить на земле.

Так он покинул Эуа. Сначала он отправился на Эуэики, оттуда — на Тонгатапу, оттуда — на Хаапаи, с Хаапаи — на Вавау, с Вавау — на Самоа, а оттуда — на Фиджи. Он появлялся и появляется везде, кроме Эуа. Тонганцы зовут его Феху-луни, самоанцы — Мосо, у фиджийцев есть свое имя для него. Но все это он — Туи Хаа-тала.

Его отец тоже был Туи Хаа-тала. Он первым умер от какой-то болезни. Вслед за отцом не стало матери, а за ней по очереди — по старшинству, как им было положено,— умерли старшие братья этого Туи Хаа-тала.

Говорят, эти умершие братья приходились Хикулео внуками. Еще говорят, что после Туи Хаа-тала никто из живых людей уже не появлялся в Пулоту.

Смерть старших братьев — одного за другим, ибо едва успевали похоронить одного, как умирал следующий — казалась совершенно непостижимой. Явившись в Пулоту, Туи Хаа-тала положил этому конец. Ведь он пришел туда раньше положенного ему самому срока. И, говорят, после этого уже никто не назначался к смерти. Туи Хаа-тала спустился в Пулоту до того, как умер. Потому-то он и смог вернуться на землю. Но связаться с оставшимися своими братьями он уже не мог, потому что, вернувшись, не стал снова человеком: его тело уже успели похоронить. Так он и остался духом.

80. Как рыба ава появилась на Номука

Некогда жили на Самоа супруги, на участке которых росло каштановое дерево. Они заметили, что к этому дереву часто прилетает чайка, садится на самую его верхушку и там почему-то набирает рыбу. Долго не могли они понять, отчего это чайка прилета́ет за рыбой на дерево, и вот наконец муж полез наверх посмотреть, в чем же де́ло. На самом верху дерева он увидел небольшую выемку, заполненную водой. В этой воде плавали маленькие рыбки.

Тогда супруги взяли лист бананового дерева, сложили его в форме чаши, положили туда немного сырого ила и затем пустили туда рыбок, и рыбки могли питаться илом, что лежал на дне.

Потом супруги поплыли прочь с Самоа на поиски края, где есть хорошее озеро. Сначала они приплыли на Ниуа, но тамошнее озеро не годилось. Оттуда они пустились на Вавау, но тоже зря. Тогда они отправились к Хаапаи, и там им попался островок — это был Номукеики,— на котором было озеро. Вода в озере стояла совершенно неподвижно, без ряби и волн. Это было то, что они

искали. Супруги выпустили рыбок в это озеро, и рыбкам оказалось там так хорошо, что они быстро выросли и расплодились. Тогда супруги взяли часть рыбы, собираясь отнести ее в дар Туи Тонга.

А этот остров принадлежал Нгафа [1]. Готовя подношение Туи Тонга, те самоанцы завернули рыбу в листья пандануса. Нгафа же свои дары завернул в листья сахарного тростника. Вождю больше понравилась рыба, завернутая в листья сахарного тростника, и поэтому право на владение рыбой ава он дал именно Нгафа.

Потом пришел туда Хеи-моана [2], взял ава и понес на Номука. А по дороге часть рыбы упала в море. От нее-то и пошли морские ава. А когда рыбу пустили в озеро, что на Номука, вся эта рыба бросилась вперед, прочь оттуда. Говорят, так образовался там проход к морю, но теперь его уже нет. И еще говорят, что в том самом озере водится тукухали — морская змея, дух Хеи-моана.

А тех супругов с Самоа звали Ному и Ики, вот отчего остров, на который они доставили рыбу, носит название Номукеики.

81. Происхождение скал в Танумапопо

Наа-ана-моана был вождем Нукухитулу [1]. У него было две жены — сестры Ила и Хава с острова Нукунукумоту [2].

Сестры часто ходили на берег собирать там разных крабов, обыкновенных и тех, что с длинными клешнями, и много всего другого. В то время на берег было наложено табу: ловить рыбу там не разрешалось.

Спустя некоторое время запрет был снят, и тогда сестры, дождавшись наступления ночи, взяли факелы и пошли на берег ловить рыбу [3]. Подойдя к морю, они расстались — каждая пошла своей дорогой.

Хава шла долго и наконец дошла до ямы, которая была закрыта большим камнем. Отодвинув камень, Хава увидела, что яма кишит рыбой. Рыбы было столько, что казалось, будто сама яма колышется, вздымаясь и опускаясь. Выбрав несколько самых крупных рыб, Хава положила их к себе в корзину и понесла мужу.

А Ила вернулась с одним-единственным крабом пака. Увидев, сколько рыбы принесла сестра, Ила почувствовала стыд, обиду, ревность.

Всю принесенную рыбу Наа-ана-моана почистил и нарезал. Ила же стала все больше ревновать, видя, как Наа доволен сестрой: ведь до сих пор любимой женой была она, Ила.

На следующую ночь сестры снова пошли за рыбой. Ила была уверена, что есть какой-то секрет, известный одной только Хаве. Поэтому Ила отправилась прямо в лагуну, где водились разные крабы, быстро прошлась по мангровым зарослям, так же быстро вернулась и поспешила вслед за Хавой. Хава, видя костер, который развела сестра в мангровых зарослях, считала, что Ила далеко. Итак, она спокойно отодвинула камень, открыла яму и снова выбрала самую

крупную рыбу, которую и сложила в корзину. А Ила стояла поблизости и все это видела.

Наконец Хава пустилась в обратный путь — она несла свою добычу мужу. Едва она успела повернуться к яме спиной, как Ила бросилась туда и тоже наполнила свою корзину рыбой. Чтобы досадить сестре, лишившей ее мужниной любви, Ила отбросила камень прочь, совсем открыла чудесную яму и позвала рыбу:

— Выходите-ка, выходите скорей и убирайтесь прочь!

Хава же, подойдя к дому, почувствовала страшный озноб. Она вошла в дом и закуталась потеплее. Наа тем временем начал чистить рыбу. Вдруг Хава услышала, как поднялся сильнейший шум, и поняла наконец: «Это рыба уходит из ямы. И виновата здесь Ила».

Хава кинулась туда, чтобы остановить рыбу, потянула на себя острова Канатеа и Нуку: она надеялась перекрыть путь уходящей рыбе. Но ничего не получилось. Тогда она потянула на себя еще один остров — Хоуманиу [4]. А тут как раз вся стая рыбы повернула и бросилась в другие воды. Так вся рыба оказалась у другого берега. Хава увидела, что рыба вот-вот уйдет, бросилась к стоявшей там казуарине, вырвала ее из земли, чтобы преградить путь рыбе, но не успела: рыба уже поплыла прочь, к Фолаха.

Хава продолжала тянуть на себя мыс Хаалоанои и мыс Хоуматолоа [5], а потом еще потянула и остров Матаахо — тот остров, на котором стояла казуарина Туаэиту [6], но у нее ничего не вышло.

Тем временем стал заниматься день. Отчаявшись, Хава призвала своих родственников, живших на Нукунукумоту, и попросила их поскорее закинуть в море сеть. А сама Хава обратилась в большой коралл.

Жители Нукунукумоту раскинули свои сети и принялись ждать. Но рыба ушла и от них и направилась в Фота. Теперь такая рыба называется аватонго. Настоящие аватонго всегда мешают плыть лодкам. Ушла вся стая от жителей Нукунукумоту, и им не удалось исполнить просьбу Хавы. Тогда они наказали жителям других островов ждать появления рыбы. Но рыба ушла отовсюду. Как ни старались жители Мауфанга, Фаси и всех других земель, но рыба ушла от них и достигла берегов земли, где правил Туи Ахау — это был дух Хаа-тафу [7]. Там рыба отнерестилась и только тогда вернулась обратно.

Хоть и вернулась вся стая, бедной Хаве уже было все равно: она превратилась в прибрежную скалу. Но одинокой она не осталась: движимый любовью к ней, Наа-ана-моана тоже превратился в камень. Тогда и Ила решила, что ей больше незачем оставаться в живых, и тоже превратилась в коралловую глыбу. С тех пор и стоят они втроем у входа в бухту Танумапопо: вот здесь Хава, вот там Ила, посередине между ними Наа-ана-моана.

82. [Как появились некоторые водоемы]

Махина был отважный воин из Ваипоа, что на Вавау. Он почитал одного духа, и этот дух в знак благодарности охранял заводь, в которой Махина купался. Однажды в этой самой заводи искупалась женщина, только что родившая младенца. Все ее тело было натерто куркумой [1]. Духу не понравилось, как пахнет куркума, и он решил уйти оттуда. Набрав полный рот воды [2], он отправился в путь. Неподалеку от Макаве [3] он повстречал другого духа, и тот рассмешил его, да так, что от смеха часть воды вылилась у него изо рта. Так возник водоем Финеката [4]. И еще расплескал он там воду, и так возник водоем Ваэнгангане [5].

Дух двинулся дальше, прибыл на Тонгатапу и остановился на наветренном берегу близ Ваотуу. Но вскоре и там решила выкупаться роженица. Пришлось духу снова сниматься с места и переселяться в Туфумахина [6]. Там он и выплюнул всю оставшуюся воду.

83. [Мафи, Тули и Куи]

На холме Толоке, что на острове Хаано, в старые времена стоял дом духов. Охраняли его два человека [1] — один слепой, другой глухой. Слепого так и звали — Куи, глухого — Тули. В доме надо уже было обновлять опорный столб, и они отправились в лес, чтобы срубить там высокое железное дерево. Они трудились очень долго: у них не было ничего, кроме каменных топоров,— и наконец дерево повалилось на землю. А пока они работали, один человек, по имени Мафи (он жил на другом конце острова), услышал стук топора. Его дом тоже уже порядочно обветшал, и он решил, что, чем самому трудиться, куда легче украсть уже поваленное дерево. А этот Мафи был огромный великан — выше всех тогдашних людей, хотя в те времена все были великанами.

Он неслышно подобрался к тому месту, где лежало огромное дерево, спрятался и замер в ожидании. И его время пришло. Тули велел Куи посторожить дерево, а сам пошел за новым топором. Как только он ушел, Мафи вылез из своего укрытия и голосом Тули сказал:

— Ну-ка, Куи, проверь, не украли ли дерево?

Куи положил на ствол руку и сказал:

— Да нет, дерево здесь.

А Мафи подкрался, подтащил туда пень, который был примерно такой же в обхвате, как это дерево, и положил его на место срубленного ствола. Покончив с этим, он снова спросил:

— Куи, дерево на месте?

— Да,— отвечал слепой сторож.

Мафи потащил украденное дерево к берегу, но не успел он дойти до кромки рифа, как появился Тули. Он тут же бросился в погоню за Мафи. Тогда Мафи схватил дерево за верхушку и потащил его за

собой. Сам он бежал вдоль кромки рифа — это все было во время отлива. Он успел уже обежать мыс, но Тули по-прежнему бежал следом за ним.

И все же Мафи удалось первому добраться до дома.

Дерево то давно сгнило, дома Мафи нет, ничего не осталось от дома духов, а на прибрежном рифе хорошо виден след от ствола, который Мафи волок за собой: длинная колея тянется от Толоке до противоположной стороны острова [2].

84. Повесть об острове Эуа

На Эуа спустился с небес туи, правитель острова, по имени Токиланга-фануа. Сошли вниз с небес разные существа; существа одной породы расселились в море, создания другой породы обосновались на суше — это были люди. А еще в море среди всех прочих рыб появилась акула. Ее называют хищным духом моря. И вот сошел вниз вождь и правитель Эуа.

Акула появилась на свет хищной и прожорливой по воле Токиланга-фануа, а он из числа богов. Это он приказал кровожадному созданию, акуле с Эуа, плавать повсюду, пожирая все на своем пути.

Токиланга-фануа жил себе и жил на Эуа. Прошло много времени, и вот сестра Токиланга-фануа, которую звали Хина-туафуанга, спустилась с неба на землю и тоже оказалась на Эуа.

Так Токиланга-фануа встретился с Хиной-туафуанга. Токиланга-фануа взял женщину за руку и повел к себе, не подозревая, что перед ним его сестра. И Хина-туафуанга тоже не знала, что это ее брат. Ведь они прежде никогда не виделись: Токиланга-фануа уже давно жил на земле, а Хина-туафуанга только-только спустилась на землю искать брата.

Итак, Токиланга-фануа решил, что перед ним какая-то чужая женщина, а ведь это была его сестра. И Хина-туафуанга решила, что перед нею какой-то чужой мужчина, а ведь это был ее брат. Токиланга-фануа, взяв женщину за руку, отвел ее к себе, и они легли вместе. Уже после того как они спали вместе и удили рыбу, Токиланга-фануа спросил у женщины:

— Кто ты, женщина?

— Хина-туафуанга,— ответила она.

И тут вскричал Токиланга-фануа:

— О горе, горе нам! Как могло это случиться? Как же мы не узнали друг друга? Все оттого, что мы не виделись прежде!

— О, кто ты, кто ты!? — воскликнула женщина.

— Я Токиланга-фануа,— ответил он ей.

И тогда Хина-туафуанга сказала:

— Что же мы сделали, что мы сделали? Как нам быть? Мы согрешили, не узнав друг друга.

Им обоим стало стыдно за содеянное, за то, что они спали вместе. И брат сказал сестре:

— Послушай, ты оставайся здесь, на Эуа, а я пойду искать себе новое пристанище. После того греха, который мы с тобой совершили, мне даже стыдно взглянуть на тебя, сестра моя. Мы росли поврозь — и вот не узнали друг друга. Лучше будет, если ты останешься здесь, а я уйду.

И Токиланга-фануа отправился жить на Самоа, а Хина-туафуанга осталась на Эуа. Но она понесла от брата и, когда пришли ее сроки, родила девочек-близнецов. Они родились не по отдельности, не одна за другой, а оказались соединены спинами. Одну девочку назвали Топу-кулу, другую — Нафануа. Вот откуда пошли эти имена — Топу-кулу и Нафануа [1].

Прошло время, девушки выросли и спросили мать:

— Дорогая матушка, скажи же нам, кто наш отец: мы хотим отправиться к нему.

Хина-туафуанга, их родительница, отвечала:

— О, горе, горе. Горе в том, что ваш собственный отец приходится вам и дядей, а мне — родным братом. С ним, с моим братом и вашим дядей, мы сошлись, не ведая того, что мы — брат и сестра. До того времени мы с ним ни разу не встречались. Он живет на Самоа. Воля ваша, отправляйтесь навестить его. Запомните то, что я сейчас вам скажу. Когда вы прибудете на Самоа и встретите там человека с топором на плече, знайте, что это и есть ваш отец, а мой — брат. Его легко узнать именно потому, что он никогда не снимает с плеча свой топор.

И вот девушки поплыли на Самоа, к отцу, и наконец оказались у берегов Самоа. А когда они еще были в некотором отдалении от берега, туда спустился их отец со своим неизменным топором на плече. Он увидел с берега двух девушек, сидевших рядом. Тут на него что-то нашло: он решил посмотреть, как они испугаются вида его топора. Он не собирался причинять им никакого вреда, а просто решил напугать их шутки ради. Но обе сестры так задрожали от страха, что спины их разделились, и каждая стала сама по себе!

Вот так вышло, что девушки не узнали отца. И Токиланга-фануа тоже не подозревал, что перед ним его дочери, рожденные от него его сестрой Хиной-туафуанга, зачатые тогда на Эуа. Ведь отец и дочери никогда не виделись.

Токиланга-фануа взял девушек за руки, и они пошли с ним. Он отвел их к себе и спал с ними. И только потом Токиланга-фануа спросил:

— Откуда вы?

Девушки ответили:

— Мы прибыли с земли Эуа. Наша мать Хина-туафуанга отправила нас на Самоа на поиски нашего отца. Его зовут Токиланга-фануа.

Тут вскричал Токиланга-фануа:

— О, горе, горе мне, смерть мне! Что же я наделал, что натворил! Я приплыл сюда потому, что согрешил с собственной сестрой. А теперь вы, дети мои, прибыли сюда. И я вновь согрешил, вновь преступил — уже со своими дочерьми! Стыдно, горько, тяжко мне!

Я соблазнил свою сестру, а теперь и вас соблазнил, мои дочери! Я снова нарушил запрет, снова поступил дурно. Но подите же сюда, обнимемся, и вы поплывете домой, к вашей матери, на Эуа.

И они пустились в обратный путь, но обе уже понесли. Плыли они, плыли, и вот Топу-кулу родила мальчика. Она сразу же выбросила его в море, чтобы там он и погиб, утонул: ведь ей казалось ужасным иметь ребенка от собственного отца. Ей было стыдно и горько, вот она и выбросила дитя в море. Так этот мальчик оказался в море и остался плавать в нем, словно какое-нибудь морское создание. Имя его было Хеимоана-улиули. Это он вселяется в морскую змею [2].

Сестры поплыли дальше, и вот разродилась вторая сестра — Нафануа. У нее родилась девочка. А Топу-кулу, родившая первой, сказала:

— Брось своего ребенка в море, как я бросила своего.

На это Нафануа ответила:

— Нет, своего ребенка я не брошу. Я возьму девочку с собой, и, может, она выживет — мне бы очень этого хотелось.

— Зачем тебе этот ребенок? — спросила Топу-кулу.— Неужели у тебя нет никакого стыда? Ведь это ребенок, рожденный от нашего дяди — нашего отца.

Но Нафануа сказала:

— Ну и что ж, все равно я хочу, чтобы девочка осталась жить. Мы возьмем ее с собой.

Вот так девочка оказалась на Эуа. Ее назвали Тафа-кула. Она тоже принадлежит к числу могучих духов, и все жители Эуа служат и угождают ей. Когда солнце печет слишком сильно, жители Эуа несут богатое угощение к порогу жилища Тафа-кулы, задабривают ее подношениями, прося прислать дождь. Чего только не несут они в дар могучему духу — ведь Тафа-кула должна остаться довольна, у нее всего должно быть в избытке, иначе она нашлет на Эуа голод. Если поднимается буря, жители Эуа тоже идут к Тафа-куле, умоляя ее остановить эту бурю.

Так вот, Тафа-кула жила себе на Эуа. Жила она там уже долго, и вот однажды туда прибыл ее брат Хеимоана-улиули, младенцем брошенный на погибель в морскую пучину. Он очень тосковал по родительницам — Топу-кулу и Нафануа — и по сестре Тафа-куле.

Когда Хеимоана-улиули поднимался на берег, туда как раз сходила Тафа-кула — так они впервые встретились. Хеимоана-улиули протянул руку и взял за руку Тафа-кулу; ни один из них не знал, кем они приходятся друг другу, не догадывался об этом. Ни Хеимоана, ни Тафа-кула не подозревали, что они близкие родственники. Ту, что была ему сестрой, Хеимоана-улиули считал чужой женщиной. Тафа-кула же не подозревала, что перед ней ее брат. Они пошли вместе и спали вместе. И только потом спросил Хеимоана у женщины, спавшей с ним:

— Кто ты?

— Тафа-кула,— ответила она.

Тут вскричал Хеимоана:

— О горе, горе! О! Ты — моя сестра!

Тогда Тафа-кула спросила:

— Как?! Кто ты? Кто же ты?

— Я Хеимоана-улиули,— отвечал он ей.

И оба принялись причитать:

— Что мы наделали! Что совершили мы! Все это зло идет еще от Токиланга-фануа и Хины-туафуанга. И наши матери, Топу-кулу и Нафануа, тоже согрешили — с Токиланга-фануа. И теперь мы, брат с сестрой, тоже согрешили вслед за ними!

И Хеимоана принял наконец такое решение:

— Тафа-кула, ты останешься на Эуа, я же вернусь в море, откуда пришел. Мне бесконечно стыдно и страшно от того, что мы с тобой сделали.

Хеимоана вернулся в море, ведь он — из числа морских фаахикехе [3]. Он ушел прочь с Эуа, но его сестра, Тафа-кула, уже понесла от него. Когда пришел ее срок, она разрешилась от бремени прямо на берегу моря и родила мальчика. И она решила так: «Я должна сразу убить этого ребенка». Она принялась терзать его плоть, и уже, казалось, ребенок был мертв. Тогда Тафа-кула, стыдясь своего греха с Хеимоана, своим братом, бросила тело замученного ребенка в море. Волны и ветер подхватили искалеченное, побитое камнями тело мальчика, понесли его и прибили к земле Тофуа [4]. Там волны выбросили его на берег. Так он выжил. Имя его — Лофиа [5]. Говорят, это он властелин огня, пылающего в недрах земли Тофуа, и поэтому тот огонь тоже называется Лофиа [6].

Вот и вся повесть о Токиланга-фануа и Хине-туафуанга, брате и сестре, совершивших кровосмесительный грех. И дети и внуки их преступили вслед за ними: согрешил брат с сестрой, согрешил отец со своими дочерьми, и их потомки согрешили за ними вслед.

А сестрам-близнецам Топу-кулу и Нафануа, которые потом обратились в огромные камни, сохранившиеся и по сей день, поклоняются тонганцы и жители других земель. Топу-кулу и Нафануа любимы на многих островах, любимы и почитаемы. Когда подолгу светит палящее солнце, сестер Топу-кулу и Нафануа просят прислать на землю дождь. Когда наступает голодное время, их просят об изобилии. Когда надвигается буря, их просят о ясной погоде. К ним идут с просьбами о хорошем улове, о богатом урожае, обо всем, что пригодно в пищу и приятно на вкус. И в засуху, и в бурю, и в голод, и в ненастье, и во время сбора урожая, и перед рыбной ловлей — всегда обращаются к ним. Если же человек заболевает, идут уже не к ним — к другим могучим духам.

85. Как появились фонуалото [1]

Жили некогда супруги, мужа звали Фау, жену — Хану [2]. Фау был родом из поселка Месимаси, что на Тонгатапу [3], жена же была из Уалако, маленького местечка на землях Туи Тонга, неподалеку от Месимаси.

Итак, они жили вместе, и вот Хану понесла и в должное время родила девочку. Родители любили эту девочку без памяти, это было единственное их сокровище. Только о ней оба и думали. Но девочка, к ужасному их горю, вскоре умерла. Родители решили похоронить ее как можно достойнее. Фау думал построить маленькую лодку и положить тело девочки в нее, Хану же считала, что ее надо похоронить в камне. Фау тем временем уже приготовился строить лодку и желание Хану очень огорчило его. Тогда Хану сказала ему:

Что лодка?! Дерево скоро истлеет,
Сгниет и на сотни рассыплется щепок,
А тело девочки нашей любимой
В земле останется неприкрытым.
С камнем же что может сравниться?!
В камне останется девочка наша
Столько, сколько останутся люди,
Которые множатся век от века.
Но все ж поступай как пожелаешь:
Теперь ее нет и мне все едино.
Решение Фау нашим станет,
Как постановишь, так и будет.

Сердце Фау смягчилось, и он ответил:

— Нет, Хану, пусть все будет так, как ты хочешь.

Тогда Хану распорядилась так:

— Ты принесешь две боковые плиты, а я — две плиты, что станут по длине могилы. А потом ты принесешь камень, который мы положим на дно, а я добуду камень, чтобы накрыть все.

Гробница была готова, и они стали готовить тело к погребению. Завернули его в тончайшую белую циновку [4], на шею девочке надели ожерелье из раковин каури. В доме же, где стояла гробница, развесили гирлянды пахучих цветов. И сами остались жить в этом доме.

С тех пор и пошел обычай укрывать тело умершего тонкой циновкой, и с тех же пор девушки высокого рождения, выходя замуж, украшают себя ожерельем из раковин каури [5].

И обычай тау-тапу [6] тоже пошел от Фау и Хану: ведь они первыми украсили цветами домик, в котором стояла гробница.

А однажды туда пришла женщина, прислуживавшая в доме Туи Тонга. Она увидела, как супруги украсили гробницу дочери, и восхитилась этим. Она пошла домой и обратилась к Туи Тонга:

— Господин, скажи, о чем я сейчас думаю?

Туи Тонга ответил:

Должна ты, наверное, думать
О лодке, плывущей с Фиджи,
Или о лодке с Ата,
А может, еще о лодке,
Везущей с Эуа каву.
Или о воинах смелых,

Идущих ко мне отрядом,
Или о новой девице,
Что в дом мой
Должны доставить.

На все это она сказала:

О вождь, там, вдали, есть домик,
Цветами пахучими он украшен,
Под тонкой циновкой спит в нем малютка,
Ярко сверкает ее ожерелье.

86. Тахи-фиси

В Лотофоа были доставлены из Хаалаи двое близнецов. В Хаалаи зверствовал вождь Тахи-фиси [1], питавшийся человечьим мясом. Кое-кто еще остался в живых, и вот этих близнецов удалось спасти. Близнецы уговорили жителей Лотофоа построить укрепление, чтобы защититься от набега Тахи-фиси. Когда крепость была готова, из Хаалаи прибыли новые счастливцы, которым удалось спастись от людоеда Тахи-фиси. Они тоже решили укрыться в Лотофоа.

Близнецы приказали всем охранять вход в крепость со стороны Фалелоа: с той стороны Тахи-фиси скорее всего и попытается штурмовать укрепления. Сами же они остались охранять вход в крепость со стороны Фотуа. Этот вход назывался воротами Токутонунга [2]. А в это самое время Матау-ваве, живший на западе острова Лифука, собрался идти войной на Лотофоа.

Узнав о замыслах Матау-ваве, близнецы набрали банановых веток и воткнули их в ряд в песок на берегу Фуху. А весь этот ряд они покрыли светлой тапой, еще не крашенной, и разложили везде костры. Вечером они зажгли все эти костры. Когда воины Матау-ваве прибыли туда, они увидели эти костры, испугались, что их сразу заметят, и решили не нападать с этой стороны. Они повернули к Аханга. Там они решили пристать на своих лодках к берегу в бухте Макапулепуле, но близнецы успели развести костры и там. Снова пришлось воинам Матау-ваве отступить. Они вернулись в Лотофоа и тут увидели, что поселка-то больше нет: его сожгли люди Тахи-фиси.

Ничего там не осталось, но те, кто раньше бежал от Тахи-фиси, объединились с его собственными воинами против проклятого людоеда. Им удалось убить его.

И с тех пор никто не подходил и не прикасался к печи людоеда, что в Хаалаи.

87. Повествование о Мауи

I

Вот история о том, как все Мауи жили в Лолофонуа [1]. Жили там Мауи Мотуа, Мауи Старший, и Мауи Лоа, Мауи Верзила, и Мауи Пуку, Коротышка, и Мауи Аталанга, Строитель Мауи, и еще сын Мауи Аталанга, малыш Мауи — Мауи-кисикиси. Они жили в Лолофонуа и управляли тем краем.

Жили они там долго, но вот однажды Мауи Аталанга сказал всем другим Мауи:

— Я хочу отправиться жить наверх. Больше мне не хочется оставаться в Лолофонуа. Пойду-ка я наверх, возьму с собой своего Мауи-кисикиси, и мы с ним заживем там, на земле.

— Хорошо,— ответили другие Мауи.

И он стал собираться наверх со своим Мауи-кисикиси, совсем еще мальчиком — было ему тогда восемь лет.

И еще Мауи Аталанга сказал:

— Хотя мы и поселимся там, наверху, я буду спускаться сюда, навещать вас и обрабатывать свои здешние земли.

Прочие Мауи ответили Мауи Аталанга:

— Очень хорошо. Ступайте наверх, а потом не забывай нас, приходи сюда.

И вот Мауи Аталанга и его сын Мауи-кисикиси поднялись наверх и отправились на один из островов Вавау. Земля, на которую они пришли, носит имя Колоа. Это первый, старейший из островов Вавау. Этот остров еще называется Хаафулухао. Хаафулухао — это совсем не то же самое, что Вавау, как считают многие. Вавау значит одно, Хаафулухао — совсем другое. И все же многие люди, отправляясь в плавание, думают, что сказать: «Мы плывем на Вавау» — то же самое, что сказать: «Мы плывем на Хаафулухао». Но Вавау и Хаафулухао — разное. Ведь Вавау — это целая страна, множество разных островов; все вместе они и называются Вавау. А среди островов Вавау есть самый старый остров — Колоа, его и называют еще Хаафулухао. Он был создан небожителем Тангалоа. Другие же острова Вавау были выловлены крючком тогда, когда в плавание за землями пустились все Мауи из Лолофонуа.

Вот в чем разница между Хаафулухао и Вавау. Древняя, старейшая земля — Хаафулухао, или Колоа, а Вавау — множество разных островов.

Так вот, Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси прибыли на Колоа, или Хаафулухао, на старейший остров, и остались там. А на других островах Вавау они не жили. Лишь иногда они отправлялись с Колоа на другие земли Вавау.

А на Колоа они решили поселиться в местности Аталанга. Вот почему к имени старшего из этих Мауи прибавляется Аталанга — Мауи Аталанга.

Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси зажили там, а потом Мауи Аталанга взял себе в жены местную женщину, она родилась и вы-

росла в Аталанга. Вот как вышло, что они осели в Аталанга: Мауи-старшему там вообще нравилось, а к тому же он нашел там себе супругу. Но в Аталанга у него не было участка, и растить на острове он ничего не мог: Колоа — очень маленькая земля. Места для участка там не было, и Мауи Аталанга ходил возделывать свои земли вниз, в Лолофонуа.

А Мауи-кисикиси жил себе в Аталанга, время шло, и он рос. Теперь его проделки и его непослушание стали совершенно невыносимы. Поэтому-то Мауи Аталанга все дни проводил у себя дома, наверху, а работать на своих участках в Лолофонуа ходил только ранним утром, еще до света: ведь он боялся, как бы Мауи-кисикиси, попав в Лолофонуа, там тоже не принялся за свои гадкие проделки. Мауи Аталанга ходил вниз только один, зная скверный нрав своего сына Мауи-кисикиси. Мальчик рос до невозможности проказливым и к тому же становился сильнее отца.

Вот так жил Мауи Аталанга у себя в Аталанга вместе с женой и с Мауи-кисикиси. Жене он приказывал:

— Жена, когда я отправляюсь на работу вниз, в Лолофонуа, не буди малыша Мауи-кисикиси. А то он выследит меня, пойдет за мной, найдет дорогу в Лолофонуа и туда тоже отправится проказничать. Нет, пусть уж он остается здесь, наверху, и озорничает у нас дома.

Вот так они жили у себя дома, и всякий раз, когда все еще спали, когда еще петух не начинал своей утренней песни, Мауи Аталанга вставал, выходил из дома и шел в Лолофонуа возделывать свои земли. Ведь он боялся, что Мауи-кисикиси пустится вслед за ним. Именно поэтому он и уходил из дома еще до света, когда было темно. Так и повелось: он уходил почти в полной темноте, чтобы Мауи-кисикиси ничего не заметил.

Мауи-кисикиси жил себе, ничего не замечая. Шло время, и наконец у него возникла мысль: «Куда же ходит отец возделывать землю? Надо поискать, где он работает». И вдруг Мауи-кисикиси осенило: «О, да отец, наверное, ходит работать в Лолофонуа! Ведь здесь, наверху, ему просто негде работать».

И Мауи-кисикиси решил: «Буду следить за ним всю ночь, до самого рассвета. Узнаю, куда же он ходит в темноте, пойду туда следом за ним и тоже буду работать там — буду обрабатывать свою землю там же, где отец обрабатывает свою».

Мауи-кисикиси принялся следить за отцом. Вот как вышло, что он разведал путь в Лолофонуа, путь, которым ходил туда его отец.

Мауи-кисикиси увидел, как Мауи Аталанга встал ночью, до света, взял свою палку-копалку, надел набедренную повязку, все собрал и отправился в путь. Все это видел его сын Мауи-кисикиси.

Мауи Аталанга шел не скрываясь, не таясь — ведь он не знал, что его сын все видит. Дав Мауи Аталанга отойти немного от дома, Мауи-кисикиси тоже встал и пошел следом за отцом. Он шел в некотором отдалении, чтобы отец, Мауи Аталанга, не заметил его. Ведь тогда Мауи Аталанга наверняка остался бы наверху, не дал бы сыну узнать путь, ведущий в Лолофонуа. Вот почему Мауи-киси-

киси шел в отдалении, не показываясь отцу, иначе он никогда не узнал бы дорогу в Лолофонуа, в край, где возделывал землю его отец.

Так шли они, шли и шли, и Мауи Аталанга думал, что он совсем один, а Мауи-кисикиси тем временем шел следом. Они шли очень долго, и наконец Мауи-кисикиси увидел, как Мауи Аталанга остановился у зарослей тростника и осмотрелся по сторонам. Но сам Мауи-кисикиси успел остановиться и спрятаться. Вот Мауи-кисикиси увидел: Мауи Аталанга подошел к высокому тростнику, схватил его за верхушку, вытянул из земли и положил там же. О да! Это и был тростник, скрывавший дорогу в Лолофонуа. Мауи Аталанга спустился на эту дорогу, а прежде чем двинуться вниз, взял за корень вытянутый из земли тростник и установил его на прежнем месте. Так он закрыл свою потайную тропинку.

Мауи-кисикиси сказал себе: «О! Вот это и есть дорога, по которой отец ходит в Лолофонуа возделывать свои земли». И Мауи-кисикиси подошел, вырвал из земли тростник и отбросил его в сторону. А затем пустился по дороге, по которой только что прошел его отец. Но дорога эта теперь осталась открытой, ее никак нельзя было спрятать: ведь скрывал ее тот самый тростник, который Мауи-кисикиси отбросил в сторону. Место, где Мауи спускались в Лолофонуа, так и называется Туахалакахо — Дорога, Скрытая Тростником.

II

Оба Мауи продолжали свой путь, и так озорник мальчишка узнал дорогу, по которой ходил отец. Мауи Аталанга шел первым, а Мауи-кисикиси следовал за ним тайно, не показываясь ему на глаза. И Мауи Аталанга думал, что он совершенно один.

Они шли, и шли, и шли и наконец добрались до участков, которые возделывал Мауи Аталанга. Он остановился там и принялся полоть. Он полол, а Мауи-кисикиси стоял неподалеку и потешался над тем, как отец полет.

Потом Мауи-кисикиси залез на высокое дерево — это была малайская яблоня. Сорвав яблоко, Мауи-кисикиси надкусил его и бросил вниз, прямо к ногам Мауи Аталанга. Увидев это, Мауи Аталанга воскликнул:

— Ой! Похоже на след зубов моего проказливого сына.

Мауи Аталанга разогнулся и стал смотреть по сторонам, пытаясь понять, откуда взялось надкусанное яблоко. Но сколько он ни смотрел, он так и не увидел мальчика, ведь тот спрятался на яблоне.

И Мауи Аталанга снова принялся за работу. А Мауи-кисикиси сорвал еще одно яблоко, надкусил и опять бросил к ногам отца. Мауи Аталанга подобрал и его, взял в руки, рассмотрел и сказал:

— Да, это совершенно точно следы зубов моего проказливого сына.

Тут Мауи-кисикиси крикнул:

— Эй, вот я где!

Отец повернулся к нему:

— Мальчик! Как ты попал сюда?

Мауи-кисикиси ответил:

— Я пришел сюда следом за тобой, по той же самой дороге, по которой ходишь ты.

— Закрыл ли ты спуск на эту дорогу, когда сходил сюда? — спросил отец.

— Закрыл,— ответил сын, но при этом он лгал.

Тогда Мауи Аталанга приказал:

— Спускайся сюда, будешь полоть.

Мауи-кисикиси принялся полоть. Предупреждая его, отец сказал:

— Не смей только оборачиваться назад [2].

Но Мауи-кисикиси, пока полол, все же оборачивался. И вот Мауи Аталанга увидел, что сзади вновь поднялась сорная трава, и ужасно рассердился:

— Сказано же было тебе, гадкий мальчишка, что нельзя оборачиваться, пока полешь! Это табу, и, если нарушишь его, сзади сразу поднимается целый лес сорной травы.

Пришлось Мауи Аталанга вернуться и еще раз прополоть там, где мальчик уже прошелся и где сорная трава успела снова подняться.

Они продолжали работать, но Мауи-кисикиси снова обернулся, и снова поднялись за ним заросли сорной травы. Тут Мауи Аталанга обернулся, увидел это и опять разгневался:

— Зачем я трудился и объяснял тебе, чтобы ты не смел оборачиваться, что это табу?! Как только нарушаешь его, тут же поднимаются заросли сорной травы.

И отец подошел к скверному мальчишке со словами:

— Бросай полоть, мальчик, бросай сейчас же, скверное ты создание. Ступай лучше принеси мне огня.

— А что это такое, что ты называешь «огонь»? — спросил мальчик у отца.

Отец ответил:

— Иди вон к тому дому. Там у огня греется старик. Оттуда ты и принесешь огонь, а на нем мы сможем приготовить себе еду.

И Мауи-кисикиси пошел добывать огонь к тому месту, где грелся старик. А ведь этот старик был Мауи Мотуа, отец Мауи Аталанга и, значит, дед Мауи-кисикиси.

Мауи-кисикиси шел спокойно, не таясь, ведь он и не знал, что Мауи Мотуа — дед ему, отец Мауи Аталанга. Прежде они никогда не встречались, и Мауи Мотуа тоже не знал, что к нему идет Мауи-кисикиси, его внук. А Мауи-кисикиси даже не знал, что это его дед Мауи Мотуа греется возле дома. Ведь каждый из них — и Мауи-кисикиси и Мауи Мотуа — должен был увидеть другого впервые. Вот старик и подумал, что перед ним просто какой-то мальчик, а никак не его внук, как было на самом деле. А Мауи-кисикиси подумал, что это просто какой-то чужой старик, а вовсе не

его дед Мауи Мотуа, как было на самом деле. И не знал, не думал Мауи Мотуа, что к нему за огнем идет сын Мауи Аталанга, этого он не знал.

Малыш Мауи-кисикиси окликнул старика, гревшего у огня свои старые кости:

— Эй, дедушка! Дай мне огня!

Старик взял немного огня и протянул малышу. Приняв его, малыш пошел обратно. Но по дороге он притушил огонь — ничего не осталось.

Малыш вернулся на то же место и окликнул Мауи Мотуа:

— Дай мне огня!

— А где же тот огонь, с которым ты ушел от меня? — спросил старик.

— Он потух,— ответил Мауи-кисикиси.

Старик дал малышу еще огня. Взяв его, Мауи-кисикиси пустился в обратный путь и по дороге опять залил огонь водой. Да-да! Это все были проделки проказника мальчишки, вздумавшего рассердить старика.

И опять, уже в третий раз, отправился малыш к старику за огнем. Когда он пришел и Мауи Мотуа снова увидел его, он страшно рассердился.

Мауи Мотуа встал и грозно спросил у Мауи-кисикиси:

— Что же это такое, мальчик? Зачем ты опять вернулся?

Мальчик сказал:

— Получить от тебя огонь.

Тут Мауи Мотуа спросил:

— А где тот огонь, который я давал тебе, с которым ты уже два раза уходил от меня?

Мауи-кисикиси спокойно ответил:

— Тот огонь погас, пока я нес его. Оба раза погас. Поэтому мне и пришлось вернуться за ним сюда.

Но у старика осталось всего одно полено — огромное тлеющее полено железного дерева. От него шло тепло, согревавшее его старые кости. А все запасы, которые были у старика, иссякли именно из-за проделок Мауи-кисикиси, забиравшего у него огонь и тушившего этот огонь по дороге.

И старый Мауи Мотуа гневно сказал:

— Сумеешь поднять вот это огромное полено — забирай, оно твое.

Старик был уверен, что мальчик не сможет поднять полено, и думал так: «Сейчас нет никого, кому по силам было бы это полено, дающее мне тепло. Разве что когда-нибудь кто-то из потомков Мауи Аталанга сможет поднять эту громадину». Вот поэтому старик и сказал малышу, чтобы тот забирал полено: он не сомневался, что малышу это полено не поднять.

Мауи-кисикиси подошел, взялся за полено и поднял его одной рукой. Мауи Мотуа же закричал:

— Эй, сейчас же положи на землю мое полено! Его тепло греет меня!

Мауи-кисикиси положил полено. А Мауи Мотуа впал в настоящую ярость. В гневе велел он малышу:

— Иди сюда, мы с тобой будем мериться силой.

— Хорошо,— согласился Мауи-кисикиси.

Мауи Мотуа встал и приготовился к поединку. Он сумел схватить Мауи-кисикиси; подняв малыша высоко над землей, он встряхнул его что было силы и бросил оземь. А Мауи-кисикиси опустился прямо на ноги, не разбившись и даже не растянувшись на земле. Тут он в свой черед схватил Мауи Мотуа, поднял его, встряхнул и бросил оземь. Старик упал замертво.

Мауи-кисикиси же пошел с огнем к отцу. Мауи Аталанга спросил его:

— Что же ты делал так долго, скверный мальчишка? Неужели ты и старику устроил какую-нибудь гадость? Уж слишком долго ты ходил за огнем.

Тут Мауи-кисикиси пустился на ложь:

— Я взял у него огонь, и этот огонь потух по дороге сюда. И вот мне пришлось взять это громадное полено, в котором заключен огонь.

Но малыш не сказал, что сам он и тушил этот огонь по дороге.

А Мауи Аталанга тогда спросил:

— Мальчик, а мальчик, скажи, ты ничего не сделал дурного старику Мауи Мотуа?

— Я задержался потому, что старик стал сердиться,— ответил Мауи-кисикиси.— Он стал сердиться на меня за то, что мне пришлось несколько раз обращаться к нему с просьбой об огне. И старик мне говорит: «Подойди-ка сюда». Я спрашиваю его зачем, а он отвечает: «Мальчик! Иди сюда, мы померимся с тобой силами». И вот мы стали с ним состязаться в силе. Мне удалось взять верх: я бросил его оземь.

И спросил Мауи Аталанга:

— Мальчик, как это было?

— Я бросил его оземь,— отвечал Мауи-кисикиси,— и он упал замертво.

— Нет, мальчик, этого не может быть, это неправда! — в ужасе вскричал Мауи Аталанга.

Но Мауи-кисикиси ответил:

— Это чистая правда.

Велик был гнев Мауи Аталанга, велика была и его скорбь — ведь он так любил своего отца Мауи Мотуа! И вот теперь его собственный сын, внук Мауи Мотуа, убил старика! Мауи Аталанга схватил свою палку-копалку и швырнул ее прямо в Мауи-кисикиси. Палка попала мальчику в голову, он зашатался, упал и остался лежать: он упал замертво. А Мауи Аталанга пошел собирать луговую траву: ею надлежало накрыть тело Мауи-кисикиси. Вот откуда пошла эта трава, и теперь она растет везде; ею было укрыто тело Мауи-кисикиси.

III

Итак, Мауи-кисикиси умер. А Мауи Аталанга пошел посмотреть, как там Мауи Мотуа, действительно ли он пал в схватке с малышом. Когда он наконец пришел к отцу, то увидел, что Мауи Мотуа избежал смерти, ожил.

И Мауи Аталанга сказал отцу:

— О отец, мой скверный мальчишка был здесь и пытался сокрушить тебя, но он не знал при этом, кто ты.

В ответ Мауи Мотуа воскликнул:

— Да, это истинная правда! Ведь и я не знал, не подозревал ничего.

Мауи Аталанга сказал:

— К тебе приходил мой сын Мауи-кисикиси, мальчик, который без конца проказничает и наверху, в той земле. А теперь он пробрался сюда и вот, видишь, пытался даже убить тебя.

— Это правда,— отвечал Мауи Мотуа.— Но я думал, что это какой-то чужой мальчишка.

Мауи Аталанга продолжал:

— Я так не хотел брать его сюда! Ведь из-за его проделок я и не приводил его сюда. И все же мальчишка проник в эту землю, сам пришел и тут же отправился делать гадости тебе. Но теперь все, я убил его, и он мертв.

Тут Мауи Мотуа воскликнул:

— Как! Зачем ты убил Мауи-кисикиси? Не следовало тебе делать это. Ведь мальчик не замышлял ничего, к тому же мы с ним тогда еще не знали друг друга. Вот что, иди и нарви листьев дерева нону. Этими листьями покрывают тело умершего, и тогда он возвращается к жизни. Оттого-то и носит это дерево название нону-фиэфиа — дерево, приносящее радость [3].

И Мауи Аталанга пошел, нарвал листьев нону, покрыл ими тело Мауи-кисикиси, и тот ожил. Но это были листья особого дерева, такого нону у нас, на этой земле, нет, и нет его во всем свете. Растет это дерево, нону-фиэфиа, только на небесах и в Лолофонуа [4].

Так вот, Мауи Аталанга укрыл Мауи-кисикиси листьями нону, тот ожил, и Мауи Аталанга спросил у него:

— Хочешь есть?

— Да, очень,— отвечал Мауи-кисикиси.— Я страшно голоден.

— А здоров ли ты? — спросил Мауи Аталанга.

— Я совершенно здоров,— сказал ему сын.— Я только очень хочу есть.

Тогда Мауи Аталанга сказал:

— Ну погоди, сейчас я приготовлю поесть, поедим и отправимся в обратный путь наверх, на землю.

И Мауи Аталанга стал готовить еду. Тем временем малыш Мауи-кисикиси пошел посмотреть отцовское хранилище для бананов [5]. Смотрел он, смотрел и наконец сказал:

— Да, замечательное хранилище, отец! И какое большое!

Мауи Аталанга сказал ему:

— Малыш, подожди, вот будет готова еда, подкрепимся и тогда пойдем посмотрим все.

— Нет, не будем ждать,— возразил Мауи-кисикиси.— Я сейчас, мигом, не успеешь оглянуться, обегу твое замечательное хранилище. Мне очень важно знать, смогу ли я обежать его кругом, задержав дыхание.

И вот Мауи-кисикиси задержал дыхание и пустился бежать. На бегу он крикнул:

— И-и-и-и, я сейчас не дышу!

Он кричал и действительно совсем не вдыхал воздуха. Затем он пошире открыл рот и, тоже не вдыхая воздуха, закричал «а-а-а». Когда же он вернулся к тому месту, откуда начал свой бег, он упал на землю совершенно без сил. Ведь он не дышал ни пока кричал «и-и-и», ни пока кричал «а-а-а» и очень устал. Быстрый бег вокруг бананового хранилища истощил его.

Вот почему говорят: «не успеешь прокричать и-и-и и а-а-а», что значит — не успеешь оглянуться, очень быстро. Это выражение пошло с тех пор, как Мауи-кисикиси, задержав дыхание, сумел обежать вокруг огромного бананового хранилища своего отца. Теперь это выражение используют и на нашей земле, но изначального его смысла не знают. А ведь пошло оно от Мауи-кисикиси, с тех самых пор, как он, задержав дыхание, обежал банановое хранилище отца.

Вот откуда идут эти слова, вот в чем их смысл.

Мауи Аталанга тем временем успел все приготовить, и они с Мауи-кисикиси смогли поесть. Подкрепившись, они стали собираться в обратный путь, наверх. Тут Мауи Аталанга сказал:

— Мальчик, ты пойдешь первым.

— Нет, иди первым сам,— сказал мальчик отцу.

Мауи Аталанга не согласился:

— Малыш, первым пойдешь ты, а то, чего доброго, опять сотворишь здесь, в Лолофонуа, что-нибудь дурное. А ты уж и так успел набедокурить здесь немало.

Мауи-кисикиси же сказал:

— Нет, ты иди первым, а я буду следовать за тобой.

Как ни боялся Мауи Аталанга, что Мауи-кисикиси унесет из Лолофонуа что-нибудь наверх, пришлось ему идти первым. Итак, он пошел вперед, Мауи-кисикиси — за ним. И когда они уходили, Мауи-кисикиси успел прихватить с собой огонь. Шли они, шли, поднимались, но вот Мауи Аталанга остановился на дороге и спросил:

— Мальчик, откуда это тянет дымом?

— Здесь ничего нет,— отвечал Мауи-кисикиси.— Это, наверное, еще запах того костра, на котором ты внизу готовил пищу.

На это Мауи Аталанга сказал:

— Ну что ж, тогда не о чем и говорить. А ты точно не брал с собой огонь, мальчик?

И Мауи-кисикиси ответил:

— Нет.

Они стали подниматься дальше, поднимались долго, но вот снова запахло дымом. Мауи Аталанга снова остановился:

— Мальчик, откуда это тянет дымом?

— Я не знаю,— ответил Мауи-кисикиси.

Мауи Аталанга спросил его:

— Не брал ли ты с собой огонь? — А сам быстро обернулся к сыну и успел заметить огонь в руках у Мауи-кисикиси, хоть тот и старался спрятать его.

Мауи Аталанга кинулся к сыну, вырвал у него огонь, потушил его и гневно сказал:

— Я никогда не видел более шкодливого и непослушного мальчишки и не слыхал ни о ком и ни о чем подобном. Зачем ты взял огонь, куда ты хотел отнести его, а?

Так огонь был потушен.

Они стали подниматься дальше, но Мауи Аталанга не заметил, что Мауи-кисикиси удалось поджечь тонкую полоску тапы, оторванную от набедренной повязки. Полоска начала тлеть с одного конца, и Мауи-кисикиси нес ее за спиной. А Мауи Аталанга думал, что весь огонь уже потушен. Тем временем Мауи-кисикиси нес себе за спиной полоску набедренной повязки, в которой продолжал теплиться огонь.

Они поднимались еще долго и наконец достигли этой земли. Мауи Аталанга вышел наверх первым и тут же спрятался: он решил проверить, не захватил ли Мауи-кисикиси чего-нибудь из Лолофонуа.

Вот Мауи-кисикиси тоже вышел наверх, Мауи Аталанга увидел его и воскликнул:

— Что за ужасный мальчишка! Он все же принес огонь сюда, наверх!

И он приказал:

— Пусть хлынет проливной дождь!

И начался страшный ливень.

Но Мауи-кисикиси тоже успел отдать приказ, он приказал огню:

— Войди в кокосовую пальму! Войди в хлебное дерево! Войди в гибискус! Войди в дерево тоу! Войди во все деревья, что растут здесь!

Вот откуда происходит огонь, вот как он стал известен на этой земле.

Это Мауи-кисикиси принес огонь на нашу землю из Лолофонуа. На этом самом огне готовят пищу, это он горит в земляной печи, на нем жарят рыбу, это он сушит одежду и греет всякого, кто захворал или замерз.

Раньше же на нашей земле не было огня и все ели сырое. А благодаря Мауи-кисикиси, который принес огонь сюда из Лолофонуа, этот огонь есть у нас и теперь. И вот почему огонь берется из деревьев, из их древесины: ведь это по приказу Мауи-кисикиси он перешел во все деревья и навсегда в них поселился. Вот откуда взялся огонь, так говорит старое тонганское предание.

IV

Итак, Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси поднялись на эту землю, к себе в Аталанга. Мауи Аталанга по-прежнему жил там.

Однажды одна старая женщина отправилась за водой к водоему Тофоа [6]. Звали эту женщину, что отправилась за водой, Фуи-лооа [7]. По дороге назад она встретила Мауи Аталанга. Мауи попросил:

— Добрая женщина, дай мне напиться, я очень хочу пить.

Но женщина сказала:

— Нет.

Тогда Мауи Аталанга стал просить ее:

— Дай мне напиться, и тогда я подниму небо высоко вверх, отведу его от земли, и ты сможешь ходить прямо, не сгибаясь.

Тут женщина дала ему напиться, а затем спросила:

— Мауи Аталанга, правда ли ты можешь отвести небо далеко от земли? Ты не обманываешь меня?

— Подожди,— ответил Мауи Аталанга,— вот я напьюсь воды и тогда оттолкну небо так высоко, что ты сможешь спокойно ходить прямо, а не ползать на четвереньках.

И вот Мауи Аталанга пил, пил, пил, наконец напился и оттолкнул небо от земли.

— Ну как,— спросил он,— довольно?

Старая женщина попросила:

— Подними еще немного.

Мауи приподнял небо еще выше и снова спросил у Фуи-лооа:

— Добрая женщина, довольно?

Она попросила:

— Еще, еще немного, чтобы небо было по-настоящему высоким и далеким от земли.

И, собрав все силы, Мауи отвел небо совсем высоко и далеко от земли.

Вот откуда взялось такое большое расстояние от земли до неба: это дело рук Мауи, и сделал он это по просьбе старой женщины, которую звали Фуи-лооа. Вот почему теперь мы можем ходить прямо, не сгибаясь. А прежде, когда небо было низким, люди ходили словно собаки или свиньи или какие-нибудь другие четвероногие звери. А то место, где небо было поднято вверх, называется Текена-и-ланги, Толкание Неба Вверх,— в этом самом месте небо и было поднято высоко.

Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси продолжали жить в своем краю. Но вот они узнали от путешественников, что есть на свете разные плотоядные создания, пожирающие людей: есть людоеды-животные, есть и плотоядные растения. Узнав о них, оба Мауи решили так:

— Отправимся-ка мы на поиски всех этих людоедов, этих ужасных зверей и деревьев, из-за которых гибнет столько людей.

И они отправились на один из островов Вавау — Хаалауфули. Еще этот остров называется Таанеа. Это в Вавау. Там жила в своей норе жестокая крыса-людоедка.

Оба Мауи прибыли туда и застали крысу у входа в нору. Крыса тоже их увидела и бросилась на них. Но они ударили ее, и она отбежала назад. Крыса-то решила, что перед ней люди, такие же, как все другие, кого она убивала и съедала. Она не могла знать, что это были Мауи — Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси, два богатыря, несшие ей гибель.

Но все же крыса почувствовала, что эти двое могут убить ее, испугалась и спряталась в своей норе. Тогда Мауи Аталанга сказал сыну:

— Надо разрушить нору этой крысы и убить ее, иначе она не оставит в живых ни одного местного жителя, всех съест.

Мауи-кисикиси согласился:

— Хорошо, давай развалим ее нору.

Они принялись крушить крысиную нору, и скоро от нее почти ничего не осталось. Тут открылось, что у норы есть другой лаз. Тогда Мауи Аталанга приказал:

— Мауи-кисикиси, ты продолжай крушить здесь, а я пойду с той стороны и подкараулю крысу там — боюсь, она убежит через другой лаз.

Но Мауи-кисикиси возразил:

— Нет, это ты оставайся и круши здесь, а я пойду сторожить проклятую крысу.

Мауи Аталанга рассердился:

— Почему ты упрямишься? Вот выбежит крыса оттуда и съест тебя.

Мауи-кисикиси сказал:

— Не съест, я первым наброшусь на нее и убью.

— Ты смельчак! — воскликнул Мауи Аталанга.— Молодец!

Вот откуда пошел обычай говорить «молодец», когда хвалишь кого-нибудь. Это идет с тех самых пор, как Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси сражались с крысой-людоедкой.

Итак, Мауи-кисикиси пошел к другому лазу, что был немного ниже, и стал поджидать крысу. А отец тем временем продолжал крушить остатки норы. И вот очень скоро крыса действительно выскочила через этот лаз. Тут Мауи-кисикиси схватил ее и стал душить. Так мерзкой крысе-людоедке пришел конец: Мауи-кисикиси убил ее.

Они отправились к себе домой на Хаафулухао, остров, который еще называется Колоа. Снова зажили они там, но вскоре им стало известно, что на земле Эуа живет жестокая птица, пожирающая людей, и еще живет плотоядная ящерица и растет плотоядное тутовое дерево, а еще дерево-людоед тотоэиту [8].

И вот Мауи и Мауи, один и другой, отправились на Эуа, чтобы там сразиться со всеми плотоядными созданиями, какие водились на острове.

Прибыв туда, они сразу убили ящерицу. Так одним людоедом стало меньше. Затем они пошли искать плотоядное тутовое дерево. Когда они подошли к нему, дерево-людоед (оно называется туту или хиапо [9]) наклонило свои ветви к ним, собираясь их схватить

и съесть. Но тут Мауи-кисикиси бросился на него, схватил сам все его ветви и разломал их на множество кусков. Так не стало этого плотоядного дерева.

А они пошли искать второе плотоядное дерево — тотоэиту. Нашли и его. Мауи-кисикиси бросился на него, схватил его ветви и разломал их на много мелких частей. Ветви рассыпались, и так погибло это жестокое дерево — точно так же, как тутовое.

А Мауи отправились дальше — искать жестокую птицу-людоедку. Найдя ее, они остановились прямо рядом с ней. Птица была такой огромной, что по сравнению с ней любой дом показался бы маленьким,— она была высотой с гору.

Мауи Аталанга сказал сыну:

— Иди гони эту птицу, а я тем временем схвачу камень, брошу в нее и убью ее.

Но Мауи-кисикиси ответил отцу:

— Нет, отец, гонись сам за птицей, а я буду кидать в нее камни.

— Ужасный, упрямый мальчишка! — воскликнул Мауи Аталанга.— Таких, как ты, просто нет больше! Разве тебе удастся побить эту птицу камнями?

Тогда Мауи-кисикиси сказал:

— Вот увидишь, отец, как я попаду камнем в эту птицу.

Птица же, стоявшая недалеко, как раз заметила Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси. Она стала скрести землю лапами и надвинулась на Мауи, собравшись проглотить их.

Тут Мауи-кисикиси схватил огромный камень, Мауи Аталанга схватил сразу два. Вот уже у каждого в руках оказалось по два камня. Они стали наступать на птицу.

Мауи Аталанга сказал:

— Малыш, давай я швырну в нее камень. Ведь если твой камень не долетит, эта птица точно нас съест.

Но Мауи-кисикиси попросил:

— Отец, позволь все же мне самому бросить.

И Мауи-кисикиси бросил в птицу огромный камень, но промахнулся и лишь немного задел ее. Тут птица поднялась и взлетела, напуганная огромным камнем, который задел ее.

Она улетела прочь с Эуа и полетела на Тонга [10].

Тут Мауи-кисикиси швырнул ей вслед второй камень. Этим камнем ему удалось сильно задеть крыло и весь бок птицы. Ужасная птица упала в открытое море — долететь до Тонга она уже не могла. Тогда она стала двигаться вплавь, подгребая одной ногой и здоровым крылом. А одно крыло у нее совсем перестало двигаться, отбитое камнем. С трудом доплыла птица до берега Тонга и там, на прибрежном песке, умерла, смертельно подбитая камнем Мауи-кисикиси. Оба Мауи продолжали кидать камни, и они неслись к Тонга. Птица уже лежала мертвая, но они думали, что ей удалось живой достичь Тонга. А ей уже пришел конец.

Вот так не стало ужасной птицы. В память об этом место, куда она упала, называется Толоа, Брошенный Камень. Все знают,

что птица сумела достичь берега, подгребая целым крылом и здоровой ногой, которые не были задеты камнем. Земля, на которую она упала, называется Толоа — именно здесь и умерла плотоядная птица с Эуа. Так настал конец этому чудовищу величиной с гору.

А Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси тем временем были на Эуа. Они стали собирать жителей острова, прятавшихся в лесных зарослях, в пещерах, в разных других уголках. Всех, кто до сих пор прятался, они позвали и сказали им:

— Идите по домам, начинайте возделывать свою землю, пусть она цветет и дает богатые плоды. Хватит вам прятаться. Всем людоедам, терзавшим вас, настал конец, и теперь вы можете радоваться и жить спокойно. Мы убили хищную ящерицу, жившую здесь. Мы уничтожили оба кровожадных дерева, тутовое дерево и дерево тотоэиту. Мы подбили жестокую птицу, и она улетела умирать на Тонга.

Тут все жители Эуа покинули свои укрытия, леса, пещеры и отправились ставить себе дома — ведь всем плотоядным чудовищам на земле Эуа пришел конец.

V

А Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси долго думали и наконец решили:

— Отправимся-ка мы теперь на Фиджи, на землю Мотулики. Там отыщем огромную собаку, пожирающую людей, плотоядное чудовище — проклятие Фиджи.

Они сели в лодку и поплыли на Фиджи. Наконец они достигли Мотулики. Этот остров лежит неподалеку от Бау [11], а Бау — земля, где живет главный правитель страны, хау [12]. И совсем рядом с этим пределом был остров, на котором свирепствовала собака-людоед. Это и был остров Мотулики. А ту собаку звали Фулу-пупута [13].

И вот Мауи приплыли на Мотулики, на остров, где жила собака Фулу-пупута. На самом деле это была не собака — это был дух в облике собаки [14]. Люди говорили, что это был дух атуа. Кто бы ни приплывал на остров, собака тут же сбегала к лодке, хватала и пожирала всех.

Остров давно опустел, собака жила там одна. И только в самой глубине острова укрывались два брата и сестра, бежавшие туда в страхе перед ужасной собакой. Они прятались то в лесных зарослях, то в пещере, то еще где-нибудь. И страшная собака ничего не знала о них. Собака Фулу-пупута все время сидела на берегу и высматривала подплывающие лодки, на которые она бросалась, сразу поедая всех приплывавших. А те трое жили в своих укрытиях. Сестру звали Сина-леле, одного брата — Балуса, другого — Туитаваке. Только они и остались в живых на Мотулики, земле чудовищной собаки. Днем они не готовили ничего. Всю свою пищу они готовили ночью: они страшно боялись собаку, а еще боялись, что кто-нибудь приплывет с Бау и убьет их. Вот они и прятались

по пещерам и разным другим местам — боялись, что их заметит собака или что кто-нибудь приплывет и убьет их.

Собака же жила в пещере. Вход в эту пещеру бывал попеременно то открыт, то замкнут. Как раз в этой пещере собака и сидела, когда лодка Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси пристала к берегу.

Подтащив лодку к берегу, Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси решили так:

— Вот это и есть земля людоедки Фулу-пупута.

И они договорились:

— Оставим лодку здесь и пойдем искать собаку. Найдем и убьем ее.

Они пошли искать собаку, долго искали ее, но так и не нашли. Тогда они вернулись к берегу, где стояла их лодка. Это место было совсем рядом с пещерой собаки.

Посидев на берегу и отдохнув, они решили:

— Можно пойти искупаться и покататься по волнам на доске.

Они вошли в воду, плавали, скользили по волнам на доске, и вот Мауи Аталанга стало холодно. Он сказал Мауи-кисикиси:

— Малыш, я уже замерз. Давай вернемся на берег.

Но Мауи-кисикиси ответил:

— Возвращайся пока без меня, ложись и грейся на солнце, а я скоро приплыву.

Мауи Аталанга лег на прибрежном песке, вытянул ноги и подставил их солнцу. Его разморило, и он уснул. А сын его Мауи-кисикиси все еще носился на доске по волнам.

Мауи-кисикиси удалось поймать одну рыбу — это была тенифа [15], невероятно кровожадная акула. Она подплыла к Мауи-кисикиси, готовясь схватить и сожрать его, и уже бросилась на Мауи, но тут он первым схватил ее, сжал ей голову и убил. Подплыв к берегу, Мауи-кисикиси бросил на песок рыбу и крикнул:

— Отец, посмотри, какая добыча! Смотри, смотри, какая рыба!

Но Мауи Аталанга по-прежнему спал, и Мауи-кисикиси снова пустился плавать на доске, и еще долго его не было. Потом на него бросилась еще одна акула, и ее он тоже убил. Подплыв к берегу, он бросил ее на песок и крикнул Мауи Аталанга:

— Отец! Вот тебе еще рыба!

Но, взглянув, Мауи-кисикиси не увидел отца на песке. О да! Пока Мауи-кисикиси плавал, пещера кровожадной собаки успела открыться, собака вышла оттуда, подкралась к Мауи Аталанга, схватила его и проглотила всего целиком, не жуя. После этого она вернулась к своей пещере, снова забралась в нее и улеглась там отдыхать, переваривая Мауи.

Мауи-кисикиси долго смотрел на берег и наконец поплыл туда, думая про себя: «Не видно моего отца! Неужели эта ужасная собака схватила и проглотила его?» Наконец Мауи-кисикиси оказался на берегу и увидел там следы собачьих лап. И еще он увидел кровь Мауи Аталанга. Тут он вскричал:

— О горе, горе! Что же это, что за горе! Мой отец погиб, его убила эта проклятая собака, а ведь мы сами приплыли сюда, с тем

чтобы убить ее, эту плотоядную тварь! А она нападает на моего отца и убивает его.

И Мауи-кисикиси решил: «Я отправлюсь искать отца и найду, куда унесла его эта страшная собака».

Мауи-кисикиси пошел по следам собачьих лап и пятнам крови, еще заметным на песке. Так он двигался по следам лап и крови.

Он добрался до камней, что были недалеко от берега, везде на них искал следы крови, но ничего не нашел. Он искал очень долго, но так и не нашел ничего. Тогда он спустился к берегу и лег на песок — точно так же, как до этого лежал его отец Мауи Аталанга. Мауи-кисикиси решил притвориться, что он отдыхает, как до этого отдыхал на берегу Мауи Аталанга, прикрыл глаза рукой, а сам из-под руки следил за всем.

И вот вход в пещеру собаки разомкнулся, и собака стала тихонько красться к Мауи, собираясь схватить его и тоже съесть: ведь она думала, что Мауи спит, как спал его отец. Увидев, что собака подбирается к нему и готовится его проглотить, Мауи-кисикиси подумал: «Сразу эту собаку убивать нельзя. Ведь она погубила моего отца».

Собака не успела броситься на Мауи-кисикиси, как он мигом схватил ее за голову. Она вывернулась и ускользнула от Мауи, а он кинулся за ней, бежал изо всех сил, но нагнал ее только тогда, когда она уже влетала в свою пещеру. Перед самым носом у Мауи вход в пещеру замкнулся. Мауи-кисикиси изо всех сил ударил по камню, закрывавшему вход в пещеру, и расколол его. Бросившись на собаку, он начал душить ее, долго душил и наконец убил.

И, взяв собаку, в брюхе у которой был Мауи Аталанга, Мауи-кисикиси отнес ее на святилище того острова. Там Мауи-кисикиси рассек собаке брюхо и вынул оттуда мертвого Мауи Аталанга. Потом он бросил труп собаки в костер, и собака сгорела дотла. А Мауи-кисикиси расчистил место, убрал его, набросал там ворох листьев, а на них положил Мауи Аталанга, чтобы он навек почил на этом месте. А рядом Мауи-кисикиси лег сам.

Так они лежали оба; Мауи-кисикиси лежал неподвижно, не ел, не пил, просто лежал рядом с останками Мауи Аталанга. Оба они лежали совершенно неподвижно. И наконец Мауи-кисикиси постигла смерть. Он умер по своей воле, из любви к отцу, к Мауи Аталанга. И до сих пор их останки лежат там на святилище, недалеко от дороги.

88. Туи-мотулики, потомок Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси

О да! На Мотулики ведь оставалось еще трое людей — сестра и два брата.

Женщину звали Сина-леле. Одного брата звали Балуса; хотя тонганцы и называют его часто Алуса, по-фиджийски его имя — Балуса. Второго брата Сины-леле звали Туи-таваке.

Эти люди жили в пещере, скрытой в скалах. Вот так, в надежном укрытии, и приходилось им жить. Пещера, в которой они прятались, была в труднодоступном, скалистом месте. Там они скрывались от ужасной собаки, которая обязательно бы съела их, если б нашла. Ведь всех остальных жителей острова она уже уничтожила, а эти трое уцелели только потому, что прятались в пещере.

Так жили они очень долго, но вот заметили, что лая собаки не стало слышно. И они принялись думать: «Что же такое с этой ужасной собакой? Почему больше не слышно ее лая?»

И сестра Сина-леле сказала братьям:

— Я пойду и посмотрю, жива ли собака. Может, она умерла, а может, уплыла в другой край. Ведь теперь совсем не слышно ее лая — ни днем ни ночью.

И Сина-леле отправилась на берег ловить рыбу, собирать крабов и раковины. Она пошла по тропинке, которая привела ее к святилищу; на этом святилище и лежали кости Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси. Увидев груды костей, что остались от обоих Мауи, Сина-леле сказала самой себе: «Видно, это были огромные люди. Какие могучие, большие кости!» А это были кости Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси. Но она-то не знала, что собаку убил Мауи-кисикиси — за то, что она погубила Мауи Аталанга.

Сина-леле пошла дальше и дошла до берега моря. На песке она стала высматривать следы жестокой собаки. Искала она, искала, но следов не было: они уже давно стерлись с песка. Тогда она вернулась к себе, в их укрытие, и сказала братьям:

— Странную, волнующую вещь видела я по дороге: на святилище, что по пути к морю, лежат кости двух огромных людей. Я переступила через них, пошла дальше, дошла до берега, везде искала следы страшной собаки, но ничего не нашла.

На следующее утро Сина-леле опять пошла к морю за рыбой, крабами и раковинами, а по дороге вновь перешагнула через кости почивших Мауи, одного и другого. Так она ходила к морю много дней и всякий раз переступала через кости обоих Мауи. И Сина-леле понесла.

Они жили по-прежнему все втроем. Когда беременность Сины-леле стала заметна, братья стали сердиться и ссориться: каждый из них думал дурно о другом.

Балуса думал и говорил:

— Сестра согрешила с Туи-таваке, с кем же еще!

А Туи-таваке думал и говорил:

— Сестра согрешила с Балуса, с кем же еще!

Так они и винили друг друга; Балуса твердил, что сестра забеременела от Туи-таваке, а Туи-таваке повторял, что сестра понесла от Балуса. Думали они так потому, что не могли знать настоящей причины ее беременности. На самом деле, они столько времени прожили вместе, и вот их сестра понесла. Так и не знали они, откуда же ее беременность, и все больше сердились друг на друга, гневались, осыпали друг друга упреками.

Услышав их взаимные упреки, Сина-леле поняла, в чем дело. Желая помирить их, сестра сказала:

— Вам нечего ссориться и сердиться друг на друга. Я слышала, как один корит другого за то, что я на сносях. Но вы здесь совершенно ни при чем. Ничего не было у меня ни с одним из вас. Мне кажется, что я понесла от тех костей, через которые столько раз перешагивала по дороге к морю. Это скорее всего от них, оттого, что я столько переступала через них. Так что не омрачайте свои мысли и не корите меня. Давайте по-прежнему жить в любви и согласии. Ни с одним из вас у меня ничего не было и не могло быть.

Слова Сины-леле совершенно умиротворили обоих братьев. Все трое стали снова жить в мире. К тому же они наконец поняли, что ужасная собака умерла и теперь они могут ходить на берег, ловить там рыбу, набирать воду и больше не бояться собаку, не слышать ее лая.

Так они и жили, и наконец сестре пришел срок родить. Она родила мальчика, но у этого мальчика не было ни мяса, ни жира, а были одни только кости да сухожилия — он весь состоял из костей. Все его тело было скважистым, в нем были одни пустоты, одни дыры; тело мальчика имело такое явное сходство с костями Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси, что стало ясно: этот мальчик, больше всего напоминающий корзину оа [1], происходит именно от них.

Мать стала брать мальчика с собой к морю, когда ходила туда за рыбой и моллюсками. Там она купала его в морской воде и сильно терла его под водой. Носила его к морю, купала, терла — и вот тело мальчика стало срастаться, пустоты исчезли, на костях появилось мясо, все члены крепко соединились друг с другом. Тело ребенка перестало напоминать оа, и он обрел силу.

Спустившись с ним к морю, мать растирала его в воде, а закончив это, всегда укладывала мальчика на спину у самой кромки воды. Под спину она подкладывала ему лист арума, голову опускала на песок, а ноги оставляла в воде.

Уложив ребенка таким образом, мать шла ловить рыбу и собирать раковины. Раз ей попалась рыба теэфо — это молодая кефаль, она называется так, пока не вырастет, не достигнет своей полной величины, тогда уже ее называют канахе — это взрослая кефаль. Женщина открыла сеть, рыба вошла туда, и тут мальчик заговорил:

— Эта рыба для меня особая, да-да, это необычная рыба. Ни один мужчина здесь не смеет есть эту рыбу. Это табу. Эта рыба — табу для меня, потому что сейчас она скользнула по моему телу. Женщины же свободны от этого табу, и им можно есть кефаль. А если все же мужчине нужно будет съесть ее, он должен уйти как можно дальше в лесные заросли и, поев кефали, выбросить подальше кости.

Мать же сказала ему:

— Ну пойдем обратно, возьмем наш улов, приготовим и съедим.

И сын, имя которого было Туи-мотулики, согласился:

— Идем, идем обратно, матушка, а то я уже замерз.

Они пошли домой. Матери не пришлось нести мальчика на спине: он уже мог идти сам, и вообще он стал очень силен, ведь он походил на своих родителей Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси.

Когда они вернулись домой, Туи-мотулики разжег костер; от высокого костра повалил дым. Мать и оба дядьки страшно рассердились на него:

— Что это такое! Мальчик, зачем ты развел тут костер? Нас же могут заметить с Бау или с какой-нибудь другой соседней земли.

На это Туи-мотулики сказал:

— Дорогие, я просто хочу согреться, я очень замерз.

— О горе,— воскликнула мать,— что за бездушный сын! Что ты за ребенок! Зачем ты навлекаешь на нас опасность? Ведь ты развел костер, хочешь согреться, а этот костер увидят вон оттуда или с той земли, увидят, приплывут сюда и убьют нас.

Сын же успокоил ее:

— Матушка, не надо тревожиться. Дай только мне согреться, я ужасно замерз.

А огонь и на самом деле был замечен. Его увидели бауанцы, которые тут же решили снарядить лодки и отправиться посмотреть, что же появилось на давно оставленном пустынном острове. Вот мать Туи-мотулики посмотрела вдаль и увидела плывущие лодки. Она стала считать их, насчитала десять лодок и закричала сыну:

— Вот, ты добился своего! Сюда уже плывут лодки, вон они — целых десять лодок! Сейчас нас всех убьют.

Сын сказал:

— Дорогая матушка, дяди, оставайтесь здесь и не беспокойтесь ни о чем. Пусть только вся эта вереница подплывет поближе.

Юноша уже знал, что в его теле заключена огромная сила, пусть меньшая, чем у Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси, но все равно великая сила.

Когда караван лодок был уже совсем близко, Туи-мотулики вырвал из земли с корнем высокую старую кокосовую пальму. Вырвав ее из земли, он разломил ее пополам — так получились две палицы, которые он воткнул в песок перед собой. Потом он вырвал из земли еще одну старую и высокую кокосовую пальму, ее тоже разломил надвое, а получившиеся палицы тоже воткнул в песок. Так он вырывал из земли и разламывал кокосовые пальмы одну за другой, пока к берегу не подошла первая лодка. Тут Туи-мотулики протянул руку, схватил кокосовую палицу и швырнул прямо в эту лодку. От лодки не осталось и следа, и все сидевшие в ней погибли. Подплыла к берегу вторая лодка, Туи-мотулики снова протянул руку, взял палицу, швырнул ее — и лодка разлетелась в щепы. Все сидевшие в ней погибли. Так было со всеми лодками: от лодки не оставалось и следа, а гребцы погибали.

Но вот, когда девять лодок уже было уничтожено, появилась десятая. И эту лодку, десятую по счету, Туи-мотулики пощадил. Он не стал ничего бросать в нее, оставил в целости лодку, оставил

в живых сидевших в ней людей. А матери и дядькам сказал:

— Давайте сядем в эту лодку и поплывем на ней к Бау.

И они отправились в путь, а достигнув Бау, застали у берега юного вождя Бау, скользившего по волнам на доске. Туи-мотулики приказал:

— Схватите этого юношу, мы возьмем его к себе в лодку и с ним двинемся дальше.

Но тут родственники вождя бросились за ними вслед, умоляя оставить юношу с ними. А имя юноши было Ноке-леву.

Туи-мотулики ответил им:

— Нет, нет, оставьте, не просите нас, мы плывем на Тонга.

Тогда отец и мать Ноке-леву взмолились:

— Хорошо, пусть будет по-вашему, но позвольте нам хотя бы дать вам с собой провизию, ведь этот юноша, Ноке-леву,— вождь бауанцев.

Тут принесли разные съестные припасы, но главным запасом пищи были живые люди.

Наконец лодка отплыла в сторону Тонга. На палубе развели огонь, чтобы готовить еду, и Туи-мотулики было доложено:

— Огонь уже разведен.

Туи-мотулики приказал:

— Скажите же Ноке-леву, чтобы принес сюда провизию, которую надо готовить.

Это передали Ноке-леву, и он приказал:

— Пусть кто-нибудь пойдет на левый борт, возьмет там корень-ев и отнесет на нос.

Один пошел, а его тут же убили, приволокли к огню и потом съели.

На следующий день снова развели огонь в печи и, когда он разгорелся, пошли к Ноке-леву и доложили ему:

— Огонь в печи уже разгорелся.

Ноке-леву приказал:

— Пусть кто-нибудь пойдет на левый борт, возьмет там корень-ев и отнесет их на нос.

Один пошел, его схватили и тоже убили, а потом съели.

О такой лодке, где провизия — живые люди, говорят, что это лодка людоедов. Таковы фиджийские лодки, на тонганских же ничего такого не заведено. На той лодке не было никого с Тонга, все мореплаватели были фиджийцы. Они плыли с острова Мотулики, вождем их был Туи-мотулики, мать вождя звали Сина-леле, одного дядю вождя звали Балуса (на Тонга его называли Алуса), другого дядю — Туи-таваке. Оба они приходились Туи-мотулики дядями по матери. А отцами его были Мауи Аталанга и Мауи-киси-киси: ведь оба эти Мауи встретили смерть на земле Мотулики, что в Фиджи.

Итак, лодка направлялась на Тонга. Мореплаватели хотели разыскать Туи Тонга и остаться жить у него. Они приплыли на Тонга, к западным берегам Тонгатапу. Вожди, приплывшие в этой лодке, Туи-мотулики и Ноке-леву, спросили у местных жителей:

— Не здесь ли живет Туи Тонга?

Жители отвечали:

— Туи Тонга живет на востоке.

Там он действительно жил. То место, где жил Туи Тонга, называется Хекета. Его называют также Муа [2]. Там есть еще место, которое называется Олотеле, это там недалеко. Там в Хекета похоронены Туи Тонга, там находится кладбище — ланги [3], носящее название Тунакава.

И лодка фиджийцев, вождем которых был Туи-мотулики, направилась туда. Очень силен был этот вождь, происходивший от двух Мауи, зачатый от их костей. И с ним был другой фиджийский вождь — юный Ноке-леву. Итак, они поплыли дальше и наконец добрались до берегов земли, где жил Туи Тонга.

Туи Тонга был растроган и обрадован, он сказал:

— Теперь при мне будут состоять чужестранцы, жители Фиджи.

Лодка фиджийцев пристала к берегу в Матауту. Туи-мотулики первым выскочил из лодки, чтобы поставить якорный кол. Но он не стал втыкать этот кол в песок, а вогнал его прямо в прибрежный утес и пробил его колом до основания — так, что в утесе образовалась глубокая скважина, знак силы и мощи Туи-мотулики.

Все приплывшие сошли на берег и отправились к Туи Тонга. А тут как раз принесли большую сеть Туи Тонга, которая так и называлась — Купенга Лахи, Большая Сеть. В ней был богатый улов. Попала в нее и молодая кефаль, и взрослая кефаль тоже попала. А ведь кефаль была табу для Туи-мотулики: она стала запретной для него с тех пор, как малюткой он лежал у самой воды на Мотулики. И молодая кефаль теэфо, и взрослая кефаль канахе была табу для него.

Когда на торжестве у Туи Тонга стали раздавать рыбу (а ведь кефаль тоже была в улове), Туи-мотулики не стал ничего есть, потому что кефаль была табу для него. А Ноке-леву и все другие ели. Так они сидели все вместе, ели, но Туи Тонга заметил, что Туи-мотулики ничего не ест. И все вместе с Туи Тонга сказали:

— О, Туи-мотулики не ест кефаль.

Туи Тонга, заметивший это, спросил у Туи-мотулики:

— Туи-мотулики, почему ты не ешь кефаль?

Туи-мотулики ответил:

— Ты верно заметил, о вождь, что я не ем эту рыбу. Она табу для меня, а стала она табу еще давно, когда я малюткой купался в море у нас в Фиджи. Вот с тех пор я не могу ее есть, и не смею нарушить запрет.

Тогда Туи Тонга стал просить:

— Туи-мотулики, поделись этим запретом и со мной. Я тоже не буду есть кефаль.

Туи-мотулики спросил:

— Если ты примешь мое табу, как быть с уловом? И что ты будешь есть, как обойдешься без рыбы?

— Почему я должен есть только эту рыбу? — удивился Туи Тонга.— Ведь нам известно и доступно множество разных рыб. Давай же, кефаль будет табу для нас, а всякую другую рыбу мы по-прежнему сможем есть.

Так кефаль стала табу и для Туи Тонга, и это было знаком его любви к фиджийцам — ведь кефаль составляла их табу. Вот откуда на Тонга появился запрет есть кефаль. Этот запрет первым принял Туи Тонга [4]. И Туи Тонга отдал приказ, по которому ни маленькие мальчики, ни юноши, ни взрослые мужчины не должны были есть кефаль. Если кто-нибудь, будь это маленький мальчик или взрослый мужчина, поест ее, он ослепнет, или покроется язвами, или потеряет все волосы, или покроется коростой, или заболеет проказой. Вот почему нельзя мужчинам есть кефаль, ни молодую, ни уже взрослую. Если кому-то и придется съесть ее, это надо делать в строжайшей тайне, где-нибудь в чаще, а все кости выбросить подальше. Что же касается девушек и женщин, им можно есть кефаль.

Вот так фиджийская лодка оказалась на Тонга и прибыла к Туи Тонга. От тех, кто приплыл в этой лодке, пошло большое потомство. Вот колено Туи-мотулики, которое носит название Туи-талау. Мужчин у них звали так: одного — Фаингоа, другого — Туи-таваке, еще был у них Моунга-тонга. Так звали мужчин в колене Туи-мотулики. Еще одного у них звали Мапу. Женщин у них называли именем Сили-ика и именем Тулу-кава. Все они пошли от Туи-мотулики — это колено Туи-талау.

Потомство Ноке-леву — колено Соакаи. Они носили такие имена: Соакаи, Кава-ка-ланги, Хавеа. Все они пошли от Ноке-леву, это его колено Соакаи. Они называли своих и именем Уму-фуке-малу, и именем Фуна-киоэланги. Все это потомство Ноке-леву.

А теперь о потомках Балуса, того, которого еще называли Алуса. Его потомки носили имена Ахио, Факаха-фуа и еще Веа-мата-хау. Потомки Балуса обладают высочайшей святостью, все они жрецы — Тау-фана [5]. Только они имеют право прикасаться к святыням, и они могут прикасаться к самым священным предметам на Тонга.

И всех этих потомков стало потом великое множество, и они расселились по разным краям.

89. Рассказ о Мауи

Вот короткий рассказ о Мауи. Если что и не так в этом рассказе, то потому лишь, что я, рассказчик, совсем молод — я ведь этого поколения.

Сначала Мауи жили в Пулоту [1] — оттуда они и пришли. Первым пришел к нам Мауи Мотуа — Мауи Старший, за ним здесь появился Малыш Мауи, Мауи-кисикиси, потом пришел Мауи Аталанга, Мауи-Строитель, а за ним пришел еще один Мауи, точно неизвестно какой.

Мауи принесли с собой огонь. Говорят, что до их появления на земле не было огня, и они-то и принесли его. К тому же рассказывают, что Мауи не собирались оставлять здесь огонь: возвращаясь домой, они должны были взять его с собой в Пулоту. Несли они этот огонь в набедренной повязке Мауи Мотуа. Край набедренной повязки тлел — в нем и был заключен огонь.

Рассказывают, что, как только все Мауи пришли сюда, они тут же принялись за прополку. При этом Мауи Мотуа сказал Мауи-кисикиси:

— Когда полешь, не смей оборачиваться назад. Если же ты хоть раз обернешься, вся сорная трава разом вырастет на прежнем месте.

И еще Мауи Мотуа сказал тому, второму Мауи, что, если с самого начала выполоть всю сорную траву, она уже никогда не сможет вырасти вновь и земля будет чистой, свободной от сорняков.

Но Мауи-кисикиси не выполнил приказ Мауи Мотуа: он оказался нечестен и все время, пока полол, оглядывался назад. И вот когда они еще работали, Мауи Мотуа вдруг почувствовал боль и слабость во всем теле. Это показалось ему очень странным, он обернулся и увидел, что вся земля, которую он только что прополол, вновь заросла сорняками. Ведь Мауи-кисикиси не переставал озираться, пока работал! Тут Мауи Мотуа страшно рассердился на Мауи-кисикиси.

А Мауи-кисикиси взял огонь из тлевшего края набедренной повязки Мауи Мотуа и послал этот огонь в разные стороны, приказав ему вселиться во все деревья. Говорят, с тех пор огонь и берется из дерева.

Затем Мауи-кисикиси бросился бежать, а Мауи Мотуа преследовал его до самого Пулоту.

Вот и весь рассказ о Мауи, ведь я из нынешних людей и больше ничего не знаю.

90. Муни

В Хихифо, на западе Тонгатапу, жил Мотуку-веэ-валу [1]. А в Хахаке, на востоке Тонгатапу, жил Пунга-лото-хоа, иначе называемый Пунга-лото-лава [2]. Вот однажды вышел между ними спор, и они затеяли борьбу. Плохо пришлось Мотуку-веэ-валу: противник гнал его до самого Хаатафу [3], только там он решил остановиться. Так Пунга стал полновластным правителем Тонгатапу.

А в это время жена Мотуку гуляла по берегу в Хахаке. Там встретилась ей лодка, готовящаяся к отплытию; женщина села в эту лодку: ей очень хотелось пуститься в дальнее плавание, повидать другие земли. Но у тех мореходов, что подобрали ее, не было с собой никакой провизии, и вот, достигнув Фаха-ма-Фаха — это такие два рифа в Хаапаи — и не найдя там ничего пригодного в пищу, они убили бедную женщину. А дитя ее — она была на сносях — бросили в волны.

Этого самого ребенка течением отнесло к Лофанга и там волной вынесло на прибрежные скалы. Спустя какое-то время на берег сошли супруги и услышали крики несчастного младенца: лицо его уже принялась клевать какая-то морская птица. Супруги взяли ребенка к себе, усыновили его и дали ему имя Муни.

Муни вырос сильным и крепким, но все повадки, привычки его казались чрезвычайно странными. Жители тех мест завидовали Муни и не любили его. Они все думали, как бы оскорбить его, как бы подвергнуть его испытанию, опасности. И вот наконец придумали. Было решено поставить на том берегу навес для лодок; тем супругам поручили одним поставить целую стенку этого навеса. Жители считали, что нашли верный способ изгнать супругов из поселка: все были уверены, что им не справиться с задачей. К тому же люди прямо сказали тем супругам, что их Муни все время спит и ничего другого не умеет, кроме как спать.

Супруги поняли, что попали в беду, и загрустили: было ясно, что с таким заданием им не справиться. Но когда Муни проснулся и узнал, чем они опечалены, он сказал им:

— Не горюйте, доверьте это дело мне.

На следующий день Муни пошел и свалил несколько кокосовых пальм, а затем выкорчевал из земли дерево кока — дерево с красной древесиной. Все это он сделал в мгновение ока, необычайно быстро.

Тут люди еще больше рассердились на Муни, и супруги, испугавшись, как бы им самим не причинили какого зла, решили разделаться с Муни.

Они приготовили длинную сеть и вместе с Муни отправились на промысел к острову Меама. Прибыв на место, супруги велели Муни оставаться в лодке: они были уверены, что тот скоро заснет и тогда им будет просто отвязать лодку и пустить ее в открытое море. Так все и вышло; подкравшись к лодке, они вытащили из нее весло, шест, черпак для воды и все остальное. Отвязав лодку, они бросились скорей назад, на Лофанга [4]. А Муни волны понесли в открытое море. Он продолжал себе спать и непременно бы погиб, если бы разбитая плошка кумете, оставшаяся в лодке, не застучала о борт: лодка была уже почти до самого верха полна воды. Тут Муни проснулся и понял, что произошло. На счастье, вдали еще был виден островок Као. Вычерпать воду из лодки для Муни было несложно. Один взмах руки — и на носу уже было сухо. Еще один взмах руки — и на корме тоже было сухо. Вот так вычерпав воду, Муни вырвал один из планширей своей лодки и двинулся к Лофанга, гребя им, как веслом.

Муни достиг родного берега с наступлением темноты. Он вышел на берег и остановился отдохнуть у бананового дерева, что росло рядом с его домом. Тем временем супруги в доме разговаривали между собой:

— Хорошо, что парень погиб. Ведь мы даже не знаем, чей он сын, а сами чуть не приняли смерть из-за него.

Так Муни впервые узнал, что это не его родители.

Он вошел в дом и обратился к супругам:

— Скажите мне, кто мои родители, и я отправлюсь искать их.

Супруги отвечали:

— Твои родители — на Большом Тонга, так что отправляйся туда. Станешь на якорь у берега Телио, в Хихифо, а там, как увидишь бегущую дрофу, следуй прямо за ней: она и укажет тебе путь к родительскому дому.

Взяв с собой одного фиджийца, Муни поплыл на Тонгатапу. Они прибыли в Телио, и там Муни велел фиджийцу поставить лодку на якорь. Долго маялся фиджиец, пытаясь воткнуть в прибрежную землю якорный кол, но у него так ничего и не вышло. Следы его попыток до сих пор видны на берегу в Телио. Наконец он воскликнул:

— Здесь везде сплошной камень!

Тогда Муни вылез из лодки и с первой же попытки загнал якорный кол так глубоко в землю, что его не стало видно. Он ушел в землю так глубоко, что никто по сей день еще не видел дна того отверстия [5].

И вот Муни пошел по берегу и увидел бегущую дрофу. Тут она как раз поднялась в воздух и полетела прочь от берега, к зарослям деревьев. Муни двинулся туда. Там в шалаше лежал его отец. Пышная борода отца была похожа на темную тапу. Муни подошел и заговорил с ним, а Мотуку-веэ-валу еще не знал, что перед ним его сын. Но стоило Муни приступить к объяснениям, как отец все понял, принялся осыпать его поцелуями и начал рассказывать о своей судьбе.

Муни попросил отца созвать всех родственников, а сам решил пока отправиться на прогулку. Отпуская сына на прогулку, Мотуку умолял его не говорить громко и не шуметь: ведь он, Мотуку, все еще прятался от врагов, одолевших его. Оттого-то он и скрывался в шалаше, боялся показаться победителям на глаза. Узнав это, Муни громко вскричал:

— Вставай же и зови всех наших, а я пойду и найду тех, с кем надо сражаться!

Это означало, что он идет искать Пунга, чтобы наказать его.

Пунга же жил в Поха [6]. Там стоял большой, закрытый со всех сторон дом, в котором жили его наложницы. А еще там стояло необыкновенно высокое дерево, на котором всегда сидела целая стая летучих лисиц [7]. Одна из лисиц была светлая. Это-то и отличало жилище Пунга: светлая лисица была его особым знаком.

Муни пришел туда, когда Пунга отсутствовал: он ловил рыбу на прибрежном рифе Халакакала. Муни несколько раз постучал в ворота, и одна из женщин вышла посмотреть, не хозяин ли это вернулся.

Увидев Муни, она закричала:

— Эй ты, рванолицый верзила, откуда ты взялся?!

Муни приказал ей:

— Отопри ворота!

Женщина ответила:

— Уходи, уходи, верзила с изорванным лицом. Разве ты не знаешь, что это дом Пунга?

— Я знаю, что это дом Пунга,— ответил Муни.— Открывай-ка поживее ворота, дай мне войти.

Тут все наложницы закричали, зашумели, принялись ругать и гнать Муни, обзывая его рванолицым. Тогда Муни выломал ворота, вбежал в дом и надругался над всеми наложницами. Потом мигом, одной рукой он вырвал из земли необыкновенное дерево. И поныне в Поха видна яма, оставшаяся после этого. Сотворив все это, Муни сказал наложницам:

— Придет Пунга, увидит все это, разгневается — скажите ему, пусть догоняет меня, и мы с ним сразимся, как подобает мужчинам.

Итак, дерево было вырвано из земли, и вся стая летучих лисиц в испуге поднялась в воздух и полетела прочь. Увидев лисиц, Пунга сказал:

— Не иначе в моем доме появился кто-то чужой.

А когда он увидел, что и светлая лисица летит к нему, он загадал: «Если ничего страшного не случилось, эта лисица повиснет на длинной бамбуковой удочке, если же что-то произошло, она сядет на сухую короткую удочку». И вот лисица подлетела прямо к короткой удочке и повисла на ней. Тут Пунга сказал:

— Что же это за человек мнит себя таким всесильным, что смеет входить в мой дом, когда меня там нет?

Взяв свой садок для рыбы, Пунга поспешил домой. Быстро-быстро погреб он к берегу, так быстро, что, казалось, весло не выдержит.

Дома он застал горюющих наложниц и спросил у них, в чем дело. Они рассказали, как приходил человек с рваным лицом, как он силой овладел ими и как потом вырвал из земли необыкновенное дерево. Тут Пунга спросил, где же дерево, а женщины отвечали, что он ушел с ним.

И вот Пунга погнался за Муни. Нагнав его, он схватил то самое дерево, разломил его надвое и стряс с него землю, насыпав при этом два холма: один — у спуска к морю, другой — у дороги, ведущей в глубь острова. Обе насыпи сохранились до наших дней по разным сторонам дороги в Хохолонга.

Затем Пунга сказал:

— Выбирай, как мы с тобой будем сражаться.

— Мне все равно,— ответил Муни.— Схватка так схватка, кулачный бой так кулачный бой. Хочешь, можем и как-нибудь иначе помериться силой.

И вот противники сошлись. Пунга удалось поднять Муни, и он изо всех сил бросил его оземь. Но когда Пунга снова подошел к Муни, тот уже успел подняться на ноги. Теперь он поднял Пунга в воздух и бросил его на землю. Что это был за бросок! От страшной встряски Пунга весь скорчился; тело его ослабело и размягчилось уже в воздухе, пока он летел вниз. А уж когда он упал на землю и остался поверженным лежать на ней, он зарыдал:

— Муни вышел победителем! Мне же теперь остается только быть мягким кораллом пунга.

Муни оставил врага лежать на земле — больше уж с ним ничего не надо было делать.

Вот почему коралл пунга, что растет неподалеку от берега, всегда так мягок, и вот почему так слабосильна коралловая крыса — кума пунга.

Муни же поселился в том краю и прожил там немало времени. А потом он решил отправиться в плавание — доставить своего фиджийца на остров Оно [8], что в Фиджи.

Они приплыли на Оно, не зная, что все жители острова съедены огромной кровожадной собакой. Муни велел фиджийцу пойти к своим, а сам пока лег в лодке. Фиджиец направился в глубь острова, и тут ужасное чудовище кинулось на него, убило его и потащило в свою пещеру есть.

А Муни тем временем надоело ждать, он вылез из лодки и пошел посмотреть, в чем дело. Никого нигде не было, но на берегу еще можно было разглядеть следы его друга. Потом Муни заметил кровь на дороге, и этот след привел его к пещере чудовищной собаки. Он стал звать своего фиджийца, тут выскочила собака и бросилась на него. Он же схватил ее морду и порвал страшную пасть.

Муни догадался, что фиджиец его был съеден этой собакой. В глубокой печали вернулся он к лодке, отвязал ее и лег на дно лодки, решив умереть. Волны понесли его в открытое море и до сих пор все несут...

91. Муни — Рваное Лицо

Матерью Муни была Каэ, женщина, некогда останавливавшаяся на острове Уолева. По пути на Вавау она прибыла на Уолева и в ожидании какой-нибудь лодки осталась на берегу Лолофетау [1]. Вот приплыла туда одна лодка, и Каэ села в нее, собираясь плыть на Лофанга [2] и повидать там Синилау [3]. Оттуда она хотела направиться уже в Вавау.

По дороге Каэ велела гребцам зайти на Луангаху, небольшой островок близ Лофанга. Там она решила родить — ведь она была на сносях. Сойдя на берег, Каэ родила прямо под кустом нгаху, росшим на самом берегу. А рулевой той лодки сказал Каэ, что новорожденного надо оставить. И вот он кинул младенца — это был мальчик — прямо в море. Лодка же вместе с Каэ поплыла дальше — сначала на Лофанга, потом на Вавау.

Ребенка вынесло волнами на риф у берега Лофанга, а там прилетела ржанка, выклевала младенцу один глаз и исклевала все лицо. Но тут пришел на берег Синилау, взял дитя к себе и дал ему имя Муни. Потом же все стали звать его Мата-махаэ, Рваное Лицо [4]: ведь лицо его было все исклевано ржанкой.

92. Откуда пошло имя Туи Татуи

Некогда правил Туи Тонга по имени Туи Татуи, Вождь, Больно Бьющий по Коленям. И вот почему его так прозвали.

В прежние времена жрец, приготавливающий каву, сидел не так, как принято теперь; он сидел в самом центре торжественного круга гостей, а круг этот состоял из вождей и знатных, благородных людей. Их же со всех сторон окружали простые люди, так что неожиданно напасть на Туи Тонга и убить его было очень просто.

А у этого Туи Тонга, у Туи Татуи, была длинная палка. Сидя на торжестве, окруженный со всех сторон людьми, он, бывало, бил этой палкой по коленям всякого, кто подходил к нему слишком близко. Все знали это и держались от него подальше. Так вот он и получил имя Туи Татуи за то, что больно бил палкой по коленям.

А торжественный круг пьющих каву со времен этого Туи Тонга стал таким, каков он и сейчас, в наши дни.

93. Лоау

Это Лоау ввел правила, по которым знатные гости Туи Хаа Така-лауа и Туи Канокуполу должны рассаживаться во время питья кавы.

Это он постановил, что во время питья кавы в семье вождей Моунга-мотуа [1] и также в семье Туи Канокуполу [2] справа надлежит быть Ниу-капу, слева надлежит быть Нуку. Люди из рода Хаа Нгата [3] должны занимать тоуа [4] и охранять вождей, пьющих каву. И если находятся какие злоумышленники, Хаа Нгата наказывают их. Наказывают они плетью за разлитую каву, наказывают палками, если кто вмешается в дела носильщиков и в дела жующих каву. Им дозволено разбивать на куски корень кавы. И они могут отгонять всех чужих кулаками.

И Лоау указал, как следует разносить чаши с готовой кавой. Теперь говорят при этом: «Так постановил Лоау».

[А вот заговор, который произносят перед приготовлением кавы:]

«Пусть готовится кава!

Пусть будет она благословенна, пребудет блáгословенна, пусть будет она бесподобна, словно россыпь небесных звезд. И сойдемся мы с Великим Вождем, и пусть продлятся дни, продлятся месяцы, продлятся годы и еще продлятся годы. Пусть всегда здоров и крепок пребывает Великий Вождь и да пребудут в здравии Туи Фале-уа [5]. Пусть чистым будет Тонга, не будет обложено тучами небо, не будет на нем ни единой тени, земля дрожать не будет. Пусть процветают Лауаки и Мотуа-пуака [6], держатели нашей земли, подвластной Вождю. И пусть плодоносят все деревья наши».

94. Туи Татуи и девушка

Некогда жил правитель Тонга по имени Туи Татуи. Он был сильным, могущественным вождем и держал в страхе жителей многих краев.

Вот однажды Туи Татуи отправился в плавание на Халакакала. Когда его лодка уже подплывала к Халакакала, мореплавателям встретилась женщина — она сидела на наветренном берегу острова Эуэики и болтала ногами в воде. И сам Туи Татуи, и оба его спутника увидели ее. Говорят, что первым ее заметил человек, сидевший на носу. Он обратился к спутникам:

— Разгадайте-ка мою загадку.

— Что за загадка? — спросили они.

Он сказал:

— Вот вам загадка: двойная лодка причалена у наветренной стороны Хаакаме.

Думали-думали они над этой загадкой, но так и не смогли разгадать ее. И тогда их товарищ сказал:

— Вот вам отгадка: вон там сидит женщина, ноги она опустила в воду. Женщина сидит на ветке гибискуса, а морская вода плещется у нее под ногами.

Тут они посмотрели туда, и Туи Татуи, сидевший на корме, стал грести скорее и приказал своим спутникам:

— Гребите-ка побыстрее. Посмотрим, человек это или дух.

Они быстро доплыли до той женщины, и Туи Татуи обратился к ней:

— Приветствую тебя, о девушка, сидящая на наветренном берегу!

Девушка ответила:

— И я приветствую вас, мореплаватели, преодолевающие подводные камни и рифы.

Снова заговорил Туи Татуи:

— Теперь понятно, почему мы, сколько ни искали, не смогли найти ни одной рыбки из тех, что водятся на рифе. Ведь мы уже у самого берега.

И еще он добавил:

— Иди сюда, садись к нам в лодку, и поплывем дальше.

— Куда же мы поплывем? — спросила девушка.— На Тонга или на какой-нибудь другой остров? А может быть, тебе стоит отдохнуть здесь, а завтра мы отправимся в Олотеле [1].

На это Туи Татуи сказал:

— Посмотрим, посмотрим. Надо подумать, что легче. Мы успели заметить, что проход в бухту здесь у вас очень сложен. (Это была хитрость. Туи Татуи нарочно солгал: на самом деле зайти в бухту было очень просто.)

Туи Татуи по-прежнему сомневался, кто перед ним — дух или человек.

Но тут девушка заговорила:

— Не уплывайте отсюда, не надо. Зайти в бухту совсем не-

трудно, если только вы идете сюда с добром, без всякого злого умысла. Тогда никакое волнение на море не сможет препятствовать вам. Но если вы не с добром сюда приплыли и имеете умысел какой, тогда плывите сейчас же в Олотеле, а я лучше останусь здесь и к вам в лодку садиться не стану.

Вот тут Туи Татуи наконец понял, что перед ним человек! Тогда он принялся упрашивать девушку:

— Прошу тебя, смягчись, сядь в нашу лодку, и мы все вместе поплывем на Тонга. Если же ты откажешься, мы все умрем здесь, вот на этом месте.

И тогда девушка взошла на борт. Когда лодка пристала к берегу, Туи Татуи спросил:

— Как тебя зовут, девушка?

— О вождь,— отвечала она,— мое имя Нуа [2].

Она уже успела догадаться, что перед нею Туи Татуи; она узнала его еще тогда, когда лодка подплывала к ее берегу. Ведь прежде ей доводилось слышать, что Туи Татуи — вождь с огромной, вытянутой головой и что такой головы больше ни у кого нет. Поэтому, посмотрев на вождя, девушка сразу поняла, что это Туи Татуи.

Они стали спать вместе. Вскоре Нуа понесла и родила сына, которого назвали Уанга. Затем у них родился второй сын — Афулунга. Затем у них родилась дочь, которую назвали Фатафехи, а после нее родился сын, названный Сина. Всего у них было четверо детей.

Туи Татуи решил посвятить богам несколько сооружений. Это ланги Туи Тонга [3], что в Хекета; это большой могильный камень Фанекинанга; наконец, это кладбища на горе Моунгалафа, что на одном из островов Вавау [4]. Там, на Моунгалафа, и покоятся все четверо детей Туи Татуи.

Туи Татуи жил очень долго, дожил до преклонных лет. Однажды он сказал своим:

— Спешите строить, мне осталось жить совсем недолго.

И он приказал своим людям приступать к работе — готовить место, где будет похоронен он сам. Он тогда был уже очень стар и совсем ослабел, хотя его люди и не замечали этого.

Туи Татуи велел накопать много земли и собрать ее в том месте, где должен был стоять Хаамонга. И приказал он строить так, чтобы никому из потомков не удалось бы создать ничего лучше и превзойти его. То место, где он похоронен, решили назвать Хаамонга-а-Мауи, Бремя, Посильное Одному Мауи [5].

Строительство началось с торжества инаси [6]: жители всех краев прибыли туда с подношениями для Туи Тонга. Приплыли с дарами люди из самых далеких земель — с Ротума, с Футуна, с Уэа, с обоих островов Ниуа, [7] с Самоа.

Затем были взяты три огромных камня. Два из них поставили стоймя и до самого верха засыпали землей. После этого на них положили третий камень — его катили по получившейся земляной насыпи. А потом те два камня откопали, и из земли, покрывшей

их, насыпали могильный холм. Там и похоронили Туи Татуи, а Хаамонга стоит и по сей день памятником тех времен.

Уанга и все остальные дети Туи Татуи посвятили Хаамонга богам и духам. И еще они посвятили им лангилека, что в Муа [8]. А Уанга известен также тем, что перенес деревню Муа во владения своей сестры Фаты-фехи с ее молчаливого согласия. Говорят, жители той деревни подняли ужасный шум, когда их вместе с домами переселяли в другое место. Потом часть новой деревни Муа была заселена людьми Уанга.

Другие из потомства Туи Татуи известны меньше. Все четверо, дети Нуа, были Туи Тонга, и поэтому всем им полагалось приносить дары, угощение. Но неизвестно, какие Туи Тонга, кроме Туи Татуи, возводили дивные сооружения в Хекета.

95. Синилау и девушки-альбиносы

Жили некогда супруги, мужа звали Матанги, жену — Малу [1]. Вот Малу понесла в первый раз и родила двух девочек-близнецов — кровожадных альбиносов.

И снова понесла Малу. Когда она родила, близнецы пришли [2] и отняли у нее дитя. Они тут же съели младенца, как ни горевали, как ни молили их о милости родители. И они не знали, что делать с этими девочками-людоедками, а в тех ведь вселились духи.

Малу опять понесла. Когда пришли ее сроки, она снова родила девочку. Супруги стали думать, как спасти эту девочку от жестоких сестер. И вот они решили поставить для новорожденной особый дом на возвышении и в этом доме собрали все смердящее, все вонючее, что только смогли найти. Надо было, чтобы духи поверили, будто у девочки проказа: тогда они не станут есть ее.

Вскоре страшные сестры явились к родителям и спросили, родила ли мать.

— Да,— отвечали супруги,— родила, но у младенца проказа.

Духи потребовали показать им, где девочка, чтобы самим во всем убедиться. Супруги направили их к ее дому, но, еще не доходя дома, сестры почувствовали жуткий запах и согласились:

— Да, у нее точно проказа, она смердит так, что даже отсюда слышно. Идем к себе.

Они вернулись к себе, а супруги продолжали держать девочку в том доме и присматривали за ней там. Девочка выросла и стала необыкновенной красавицей. Звали ее Офа-хе-какала [3].

Человек по имени Синилау узнал о ее красоте и твердо решил увидеть ее. Итак, он отправился в путь. На ночь он делал привал, а на рассвете он снова пускался в путь, ночью опять привал, наутро снова в путь. Шел он, шел и наконец увидел вдали какой-то дом. Он пошел к нему. А это был дом сестер! Они стали звать его:

— Иди, иди к нам.

Синилау сказал:

— Я жил в своем краю, но родители отправили меня искать

девушку по имени Офа-хе-какала. Она должна стать моей женой.

Духи ответили ему на это:

— Но, кроме нас, здесь никого нет.

Юноша не удовлетворился таким ответом и спросил:

— Нельзя ли мне поговорить и с вашими родителями?

Духи стали уговаривать его не ходить туда: там стоит жуткий запах, ведь в доме живет прокаженная, вся в смердящих язвах. Но Синилау сказал, что это его не пугает и он сходит туда.

Итак, он направился к дому супругов. Те встречали его приветственными словами, он же сказал:

— Спасибо за привет, но я не случайно пришел сюда. У вас есть дочь Офа-хе-какала, и я пришел просить ее себе в жены.

Родители отвечали:

— Не подобает благородному человеку иметь такую жену: ее вид ужасен и отпугнет любого.

Юноша был упорен:

— Отведите меня к ней, я хочу ее видеть.

И отец девушки повел его к ней в дом. Когда они стали подниматься, Синилау увидел ее и был просто ослеплен ее красотой. Он взбежал к ней, и они приветствовали друг друга. Все было сразу решено, и Синилау отправился к своим сообщить о готовящейся свадьбе.

Синилау и Офа-хе-какала соединились, стали жить вместе. Офа-хе-какала вскоре понесла и в положенный срок родила мальчика, которого назвали Лоау. Этот Лоау из Хаамеа, что на Тонгатапу, переселился на остров Лифука в Хаалоау [4]. Это он доплыл до края земли, и с ним было двое его людей — Лонго-поа и Каэ. Лонго-поа выжил, а Каэ за злые свои дела был наказан смертью.

96. Путешествие Каэ

В Хаамеа жил вождь по имени Лоау. Однажды он решил построить лодку и отправиться на ней в водоем на том острове. Следы этого водоема до сих пор заметны в Фатаи. Люди много говорили и много судили о том: надо же, лодка, а предназначена не для океана! «Зачем же плыть в водоем на лодке?»

Но все же Лоау велел своим людям готовиться к плаванию и приказал готовить провизию в дорогу. Он сказал, что потом они поплывут дальше и увидят огромное говорящее дерево пуко, а еще увидят все удивительное и чудное, что есть в Пулоту. Все приказания вождя были исполнены, и лодка отправилась в плавание. Когда гребцы увидели Хаапаи и Вавау, они стали говорить, что здесь и надо остановиться: ведь их лодка не годилась для дальнего плавания. Лоау же не согласился с ними, и лодка поплыла дальше. И вот, пустившись дальше, они достигли Ниуа, но и там не остановились, а поплыли дальше. И вот перед ними предстал Самоа, но они миновали и Самоа.

Плыли они и плыли и вот попали в светлое море, а оттуда отправились дальше и попали в море плавающей пемзы и его миновали. За ним начиналось илистое море. Пришлось мореходам прыгнуть в воду, чтобы тащить лодку, и тут они заплакали, загоревали. Но Лоау, первый среди них, сказал:

— Наше плавание еще не окончено, так о чем же вы горюете? Раз у нас нет никакого дурного умысла, мы не должны погибнуть — не от чего.

И снова плыли они, плыли и плыли и достигли огромного дерева, того дерева, что на повороте всех плаваний — на краю земли. Мачта лодки запуталась в кроне того дерева; двое гребцов выпрыгнули из лодки прямо на высоченное дерево, чтобы оттолкнуть лодку. Они оттолкнули ее от дерева, лодка двинулась и — так говорят — ушла в небо. Вот так погибла вся команда лодки — остались живы только те двое гребцов на дереве. Они решили дождаться прилива, а потом вплавь пуститься прочь от этого места.

[Один из этих двоих], Каэ, плыл очень долго и наконец достиг острова, где жила птица Канивату. Ступив на берег, Каэ сразу увидел там восемь китов. Он улегся между двумя китами и уснул. Тут прилетела эта самая птица, одной ногой оперлась на одного кита, другой — на другого и тоже заснула, наклонясь над Каэ. И Каэ улыбался во сне: он почувствовал это. Когда же рождался день, Каэ услышал птицу: готовясь взлететь, она забила крыльями. Каэ бросился к ней, ухватился за нее, и птица вместе с вцепившимся в нее Каэ полетела — сначала над островом, потом над океаном. Наконец Каэ увидел внизу песок, разжал руки и упал на землю. Поднявшись на ноги, он понял, что это Самоа. Он упал в землю Акана [1]. Он отправился на утреннюю трапезу к вождю Синилау, и Синилау оставил его у себя.

На Самоа любили рыб и ухаживали за ними. Была у них там рыба лонгоули [2], был кит. Жители тех мест брали их с собой в водоемы играть. Но [кита] поймали люди из другого края, убили, разрезали на куски и эти куски китового мяса подвесили под потолком одного дома. Туда пошла невестка Синилау, увидела висящее под потолком мясо, бросилась к нему и проглотила. Она ушла оттуда и понесла, а потом родила китов-близнецов, которых назвали Тонга и Тунунга-тофуаа [3].

Каэ по-прежнему жил на Самоа, но ему очень хотелось вернуться домой, на Тонга, и он попросил у Синилау этих китов: ведь они могли доставить его на родину. И Синилау приказал китам отправляться с Каэ на Тонга. Напоследок он сказал им:

— Плывите на Тонга и возвращайтесь оттуда с кокосами, с пахучим маслом, с тамошней тапой, с плетениями. И смотрите плывите сытыми. Когда вернетесь, я отправлюсь туда.

Но когда киты с Каэ достигли Тонга, Каэ не почувствовал никакой благодарности к Тонга и Тунунга. Он подучил своих людей спуститься на берег и убить обоих китов — заколоть их копьями. Так погиб Тунунга, Тонга же ушел от преследователей и поплыл обратно. Когда он приплыл на Самоа, Синилау уже сидел на бере-

гу, поджидая китов. Он спросил у Тонга, где же его брат, и тут Тонга рассказал ему, как на них напали и как погиб Тунунга.

Синилау долго горевал, а потом созвал всех духов Самоа и попросил их собраться у островков Хунга-и-Хунга и наказать Каэ. Там духи должны были сплести много-много корзин, потом отправиться в Муифонуа, потом на Эуа, потом на Фангалеоунга, потом в Хихифо, потом в Напуа, повсюду собрать плетения, корзины, циновки, сложить из них высокую гору и на самый верх посадить Каэ.

97. Лонго-поа и говорящее дерево

Спутник Каэ, Лонго-поа, покинул край света и достиг острова, на котором росло говорящее дерево пуко. Никто из живых людей не знает, где этот остров.

Стоя на берегу, Лонго-поа пытался понять, куда он попал. Он увидел, что место это совершенно голое: на всем острове росло одно только дерево пуко, окруженное у основания крохотными пальмами, а все остальное было песок и камень.

И хотя Лонго-поа был рад, что ему удалось достичь земли, вид пустого и голого острова привел его в полное отчаяние. Несчастный Лонго-поа, совершенно обессилевший от голода, опустился на землю и зарыдал, как беспомощное дитя. Внезапно он услышал чей-то голос, обращенный к нему. Лонго-поа перестал рыдать и стал прислушиваться к этому голосу, который спрашивал его:

— Почему ты плачешь?

— Потому что я голоден,— отвечал он, все еще не понимая, кто говорит с ним.

— Ну что ж,— сказал голос,— пойди и подготовь печь.

Когда земляная печь нагрелась, дерево пуко приказало ему отломить от него одну ветку и испечь ее. Лонго-поа вскарабкался на дерево, отломил от него большую ветку и положил ее в печь. Подождав немного, он открыл печь: она была полна ямса, свинины, бананов. Страшно голодный, он даже не стал вынимать все это из печи, а принялся отщипывать по кусочку от лежащих в ней кушаний. Приглушив голод, он вынул из печи еду и сел за нее. Но доесть все, что там было, он оказался не в силах, и он снова зарыдал. Дерево пуко спросило:

— Почему ты плачешь?

— Потому что я не могу доесть это,— сказал он.

— Ну что же,— сказало дерево,— сейчас доешь.— И мгновенно от тех кушаний ничего не осталось.

Теперь Лонго-поа начала мучить жажда, и он опять заплакал.

— Почему ты плачешь? — спросило дерево.

— Я хочу пить,— сказал Лонго-поа.

Дерево в ответ приказало ему:

— Пойди и сорви кокос с пальмы, растущей вот здесь, внизу.

Лонго-поа пошел, сорвал не один кокос, а много и тут же принялся пить. Сколько он ни пил, молоко в кокосе не иссякало, и тогда он снова зарыдал.

— Что с тобой теперь? — спросило дерево.

— Я не могу осушить этот кокос,— отвечал он.

Дерево приказало:

— Выпей все, что в нем есть.— И он тут же сумел исполнить это.

Но слезы снова вернулись к нему. Дерево пуко спросило:

— Что с тобой теперь?

Он отвечал:

— Я плачу потому, что мне холодно.

Дерево приказало ему подойти и сорвать с него два листа: на один следовало лечь, вторым — укрыться. Но неблагодарный Лонго-поа сорвал много листьев, уложил их охапкой на земле, накрылся ими. И вдруг листья под ним стали плетеными циновками, а листья, покрывавшие его,— кусками тапы. Всего этого было так много, что он начал задыхаться от жары и снова заплакал.

Дерево спросило:

— Что с тобой?

— Мне очень жарко,— отвечал он.

— Ну что ж, вставай и снимай с себя тапу.

Вскоре Лонго-поа захотел домой и снова зарыдал. Дерево спросило его, отчего он снова плачет, и он сказал, что мечтает вернуться на Тонга. Дерево сказало на это, что духи как раз собираются на рыбный промысел и что ему надо отправиться с ними — держать их корзину для улова, тогда он легко попадет на Тонга. Дерево наказало ему отломить еще одну его ветку: эту ветку надо посадить, как только он прибудет на свою родную землю. Если вовремя посадить ветку, прежде чем появятся его друзья и родные, из ветки вырастет такое же чудесное дерево пуко, способное говорить и давать все, о чем ни попросишь. Но если, прибыв на Тонга, он сначала займется другими делами, а потом только посадит эту ветку, из нее вырастет обыкновенное дерево.

Еще дерево велело ему взять с собой корзину с дырявым дном: заполнить ее займет много времени, и рыбная ловля будет долгой. Тогда уж точно удастся достичь Тонга к рассвету [1].

И вот духи отправились на рыбную ловлю и взяли с собой Лонго-поа, разрешив ему держать корзину для улова. Они вышли в открытое море. Все предвещало хороший улов, и действительно, рыбы было множество. Но почти вся она ушла обратно в море: в корзине-то была дыра. Спустя некоторое время духи спросили:

— Как там наша корзина?

Лонго-поа ответил им:

— Она еще не заполнена.

— Удивительно,— сказали они.— Этот наш улов пропадает впустую. (Вот откуда пошла поговорка об улове, сложенном в дырявую корзину: ее вспоминают, когда хотят сказать, что хорошее дело не дало плодов.)

Но вот занялся рассвет, и духи бросились прочь. А Лонго-поа остался — он достиг Тонга.

Он вышел на берег в Хаамеа и бросился к своим родным, оставив ветку дерева пуко возле дома. Потом он посадил ее, но ведь это было не сразу, так что деревья пуко на Тонга не говорят и не дают никаких плодов.

98. Пасиколе

Пасиколе был самоанец, но жил он на Тонгатапу. Две женщины-атуа, которых звали Сиси и Фаингаа [1], полюбили Пасиколе за золотистый цвет кожи и красоту каштановых волос. В Пасиколе же не проснулось никакой любви к этим атуа: у него уже была жена. Но он знал, что отвергнуть этих женщин он не смеет: ведь они атуа. И он стал думать, как бы ему справиться с ними хитростью.

Вот наконец они явились к нему и сказали, что он должен пойти с ними. На это он предложил атуа понести их. Подвесил на концах длинной палки по корзине, посадил в них женщин, взвалил все это на плечи и понес. Женщинам он приказал смотреть только вверх, на небо и плывущие облака.

Так Пасиколе отнес женщин на гору Холохипепе [2] и там подвесил в корзинах на высоком дереве пуко [3]. Сам же он отправился домой. А те женщины-атуа сидели себе в корзинах, думая, что их несут, и смотрели на бегущие облака.

Прошло два года. Днища корзин прогнили, и тогда женщины-атуа упали вниз на землю. Тут они наконец поняли, что Пасиколе обманул их, и пошли за ним снова.

Как раз в то время Пасиколе решил пойти посмотреть, как там его атуа. Он уже шел к ним, но, не доходя до горы, заметил, что они спускаются оттуда, и понял: надо снова думать, как увернуться от них.

И вот когда они подошли к нему, он сказал, что идет ловить рыбу и приглашает их пойти посмотреть. В лодке Пасиколе велел атуа сесть на носу, а сам сел на корме. Женщинам было приказано сидеть не оборачиваясь.

Итак, все трое сидели в лодке, все было готово, и лодка двинулась вперед. Когда они вышли в открытое море, Пасиколе велел атуа придержать лодку и дать ему нырнуть. После этого он прыгнул в воду, держа в руке садок для рыбы, сильно забил ногами по воде и поднял тучу брызг за кормой. Затем он впрыгнул в лодку и велел женщинам посмотреть на него.

Сиси и Фаингаа чрезвычайно удивились, увидев на Пасиколе ожерелье из цветков хеа и остроконечных листьев паслена, и спросили его, где он взял все это. Пасиколе отвечал, что под водой есть одно место, где растут деревья хеа, и что он может спустить их туда, если только они залезут в сеть. А к сети Пасиколе заранее привесил большие, тяжелые камни.

Вот так он столкнул сеть с атуа в море и оставил там, а сам отправился на берег, домой.

Женщины-атуа долго пытались выбраться из сети; если бы не Тангалоа [4], они бы сидели там до сих пор.

99. Правители Тонга

Первым Туи Тонга здесь, на земле, был Ахо-эиту [1]. Вот почему верховная власть принадлежит Туи Тонга и вот почему все его семейство наделено особыми правами: они ведут свое происхождение с неба. Если кто-нибудь из обычных людей здесь, на земле, важничает и ведет себя надменно, ему говорят: «Разве ты вождь, сошедший с небес?»

Что до Туи Тонга, о да, Туи Тонга — подлинный вождь благороднейшего происхождения. И все его родственники таковы — ведь они происходят с неба. Ахо-эиту спустился оттуда править здешним миром. Он первый Туи Тонга, первый вождь и правитель, наделенный верховной властью на небе и сошедший затем оттуда вниз, чтобы управлять всем здешним миром, всеми нашими землями, ибо власть его начинается от Увеа [2].

Сыном Ахо-эиту был Лоло-факангало. Он стал править после смерти Ахо-эиту. Сын Лоло-факангало, Фанга-онеоне, был третьим Туи Тонга. Сын Фанга-онеоне, которого звали Лихау, был четвертым Туи Тонга. Сын Лихау, которого звали Кофуту, был пятым Туи Тонга. Калоа, сын Кофуту, правил шестым. Его сын Маухау был седьмым Туи Тонга.

Затем последовали Туи Тонга Апу-анеа и Туи Тонга Афулунга. Затем — Момо [3] и Туи Татуи. Это Туи Татуи воздвиг Хаамонга-а-Мауи [4].

Затем правил Туи Тонга по имени Тала-тама. Затем правителем был наречен Туи Тонга Великий по имени Тама-тоу. Но это был не настоящий, живой Туи Тонга, а одетый Туи Тонга чурбак из древесины тоу [5]. Его выдавали за Туи Тонга и почитали, потому что так хотел Талаи-хаапепе, сам не желавший назваться Туи Тонга сразу после Тала-тама. Ведь если бы Тама-тоу не был объявлен Туи Тонга, самому Талаи-хаапепе пришлось бы долго ждать, прежде чем власть перешла бы к нему, если бы и вовсе перешла. А Талаи-хаапепе очень хотелось стать Туи Тонга Великим [6].

Итак, деревянный вождь Тама-тоу был облечен верховной властью, облачен в одежды вождя, украшен по всем правилам. Ему была дана супруга. Три года якобы правил Тама-тоу, а по прошествии этого времени для него была воздвигнута гробница, и его отнесли туда. Распустили слух, что жена его понесла и, значит, должен родиться новый Туи Тонга. Но все это была ложь, низкий обман, шедший от младшего брата Тала-тама — от Талаи-хаапепе.

Так получил власть и стал следующим Туи Тонга Талаи-

хаапепе. Всем было объявлено, что Мохеофо [7] родила от Тама-тоу нового Туи Тонга. На самом же деле власть перешла к Талаихаапепе, младшему брату Тала-тама.

Затем стал править Туи Тонга Тала-каифаики [8]. Следующим Туи Тонга был Тала-фапите. После него правил Туи Тонга по имени Маака-тоэ. Затем правил Туи Тонга Пуипуи.

Следующий Туи Тонга носил имя Хавеа [9]. Он умер насильственной смертью — тело его разрубили пополам. Верхнюю часть разрубленного туловища понесли воды потока, и ее прибило к чужому берегу. Ведь вождь был убит прямо в воде во время купания. Река, в которой он купался, называется Толопона. Она течет недалеко от главной дороги в местности Алакифонуа [10]. И вот верхнюю половину тела вождя, вместе с головой, понесло водой и прибило к морскому берегу. Тут прилетела птица калаэ [11] и стала клевать лицо благородного вождя. С тех пор устье реки, где происходило это, носит название Хоумакалаэ: ведь там птица калаэ терзала благородную плоть погибшего Туи Тонга.

Наконец его останки нашли люди, приходившиеся родственниками его матери. Вождем тех людей был Луфе. Он сказал:

— Ужасной смертью погиб Туи Тонга, тело его разрубили пополам.— И еще Луфе добавил: — Теперь убейте меня, я должен умереть.

Убили Луфе и тоже разрубили надвое. Затем взяли низ его туловища и соединили с останками убитого Туи Тонга, чтобы тело Туи Тонга казалось целым. После этого великого вождя похоронили. Вот как погиб этот Туи Тонга.

Следующим правил Туи Тонга по имени Тата-фуэики-меимуа [12]. Еще был Туи Тонга Ломиаэ-тупуа. И еще правил Туи Тонга по имени Хавеа [13]. На этого Туи Тонга напал фиджиец по имени Тулувота, напал, смертельно ранил вождя, и Туи Тонга скончался.

Затем правил Туи Тонга, носивший имя Така-лауа [14]. Он соединился с женщиной по имени Ваэ. А она, эта женщина, родилась на свет с птичьей головой — с головой, как у голубя [15].

Увидев это, ее родители, Леа-синга и Леа-мата, бросили новорожденную девочку на своем родном острове Ата, а сами уплыли на один из островов Хаапаи.

Наутро вождь и правитель Ата проходил со своими людьми вдоль берега и оказался в том месте, где стояла прежде лодка Леа-синга и Леа-мата. Он сказал:

— Ночью отсюда отплыла лодка.

Его люди прошлись по берегу в этом месте и заметили какой-то сверток. Развернув тапу, они с изумлением увидели новорожденную девочку, ту самую, которую отец и мать, Леа-синга и Леа-мата, бросили потому, что у нее была голубиная голова. А тело у нее было человеческое.

Тут подошел старый Ахе, вождь и правитель Ата. Он подошел, взглянул на девочку и сказал:

— Это девочка, хоть у нее и голубиная голова.

Он взял ребенка к себе, велел ухаживать за девочкой, кормить и растить ее. Так она стала его дочерью. А имя этой девочки с голубиной головой было Ваэ.

Так девочка осталась жить. Когда же она выросла, ее птичья голова, точь-в-точь как у голубя, развалилась, распалась, и на ее месте появилась голова прекрасной женщины. И тогда ее послали в наложницы к Туи Тонга — так она соединилась с Туи Тонга Така-лауа.

И вот женщина, у которой прежде была голубиная голова, родила от Туи Тонга Така-лауа сына по имени Кау-улу-фонуа-фекаи [16]. Это был их первенец. Вторым их сыном был Моунга-мотуа. Третьим родился Мелиноа-тонга. Четвертого сына назвали Лотау-аи. Пятый носил имя Лату-тоэ-ваве [17]; этот мальчик заговорил, еще будучи в утробе матери. Всех этих детей Ваэ-лавеа-моту родила от Туи Тонга Така-лауа.

Их было пятеро братьев. Старшие уже подросли, когда случилось несчастье: был убит их отец — Туи Тонга Така-лауа [18].

Велик был гнев Кау-улу-фонуа-фекаи, Моунга-мотуа и трех их младших братьев. Братья решили отправиться на поиски убийц своего отца. Известно было, что их двое. Завязалось сражение с ними на Тонгатапу, сыновья Туи Тонга вышли победителями и преследовали убийц до самого Эуа.

Юноши сели в лодку и пустились вслед за мерзавцами, убившими Туи Тонга. Уже стали известны имена этих подонков: одного звали Тама-сиа, другого — Мало-фафа. Кау-улу-фонуа-фекаи и его братья пустились за ними вслед, чтобы убить их.

Завязалось сражение на Эуа, и братья вышли победителями. А те двое подонков бежали на Хаапаи. Кау-улу-фонуа-фекаи с братьями поплыли следом. Но те убийцы уже успели подготовиться к сражению и на Хаапаи. Они вступили в бой с Кау-улу-фонуа-фекаи и его людьми, но снова потерпели поражение. Тут уж убийцы бросились на Вавау. Кау-улу-фонуа-фекаи поплыл вслед за ними. На Вавау тоже состоялось сражение, там тоже победителями вышли дети Туи Тонга, а подонки-убийцы бросились на Ниуатопутапу.

Кау-улу-фонуа-фекаи со своими воинами пустился за ними вслед. На Ниуатопутапу разгорелось новое сражение, и опять победили дети Туи Тонга. Убийцы вождя, преследуемые Кау-улу-фонуа-фекаи и его воинами, бросились на Ниуафооу. И там состоялось сражение; жители Ниуафооу оказались слабее и потерпели поражение.

Снова подлые убийцы обратились в бегство. На этот раз им удалось скрыться, и непонятно было, где же они. Дети Туи Тонга отправились в поисках убийц на Футуна. Там тоже состоялось сражение. А Кау-улу-фонуа-фекаи спросил своих братьев, когда они еще только подплывали к Футуна:

— Скажите-ка мне, откуда идет моя боевая сила и храбрость: берется ли она от меня самого, или ее дает мне благосклонный ко мне дух?

Младшие братья Кау-улу-фонуа-фекаи, воины и все, кто был в лодке, отвечали:

— Разве есть на этой земле хоть кто-нибудь, кто силен и храбр сам по себе и кому не помогает никакая сверхъестественная сила? Ведь ты оттого храбр и могуч, что тебе помогает благосклонный к тебе дух. Вот откуда идет вся твоя сила, вся твоя храбрость!

Но Кау-улу-фонуа-фекаи сказал на это:

— Нет, моя сила идет не от духа, вся моя сила от меня самого, от человека.

Младшие братья возразили:

— Как это может быть, что твоя смелость и сила не от духов?

Тут Кау-улу-фонуа-фекаи сказал:

— Вот что я сделаю перед сражением на Футуна. Я как бы поделю свое тело на части. Пусть дух, если он благосклонен ко мне, покровительствует мне и охраняет меня со спины. А грудь свою я буду защищать сам. Так вот, если я буду ранен в грудь, тогда станет ясно, что всем я обязан благосклонности духа. Если же я буду поражен в спину, значит, вся моя мощь от меня самого, а не от духа.

Прибыв на Футуна, они развязали сражение с футунанцами. Во время сражения футунанцам удалось оттеснить приплывших к морю. Но потом тонганцы сумели оттеснить футунанцев в глубь острова. Вот так шла эта бессмысленная и бесполезная битва: ведь подлых убийц на Футуна не было — они бежали на Увеа. Поэтому сражение на Футуна было лишено всякого смысла, но тонганцы полагали, что убийцы там.

Во время сражения футунанцы начали теснить Кау-улу-фонуа-фекаи и его людей к их лодке, к морю. Тонганцы бросились бежать, преследуемые врагом. Бежал к морю и Кау-улу-фонуа-фекаи. А по дороге к морю в засаде спрятался один футунанец. Когда Кау-улу-фонуа-фекаи пробегал мимо, футунанец выскочил из засады, бросился на врага и поразил его в спину. Копье прошло сквозь все тело и вышло из груди. Кау-улу-фонуа-фекаи удалось вытащить копье, он повернулся и этим же копьем ударил человека, кинувшегося на него. После этого Кау-улу-фонуа-фекаи лишился чувств, а когда пришел в себя, сказал:

— Я же говорил, что сила моя берется не от духа. Вот, видите, я был поражен именно в то место, которое должен был охранять дух. А в грудь меня поразить не удалось никому. Я получил рану со спины, а спину надлежало охранять духу. Следи я сам за своей спиной, я не был бы сейчас ранен. Значит, моя сила и моя храбрость идут не от духа, а от меня самого и подвластны мне одному. Ну идемте же теперь садиться в лодку.

Они стали готовиться к отплытию. А на Футуна остался младший брат Кау-улу-фонуа-фекаи, тот, которого звали Лотау-аи, Его схватили футунанцы. Но они не убили его, а решили оставить в живых.

Лодка Кау-улу-фонуа-фекаи отплыла; она была уже пять дней в пути, когда Кау-улу-фонуа-фекаи сказал:

— Давайте все ж вернемся на Футуна. Я не могу превозмочь тоски по своему младшему брату, оставленному там. К тому же рана моя осталась неотомщенной. Я хочу снова сражаться.

И они повернули назад. С Футуна же заметили, что лодка возвращается, позвали младшего брата вождя и сказали ему:

— Лотау-аи, вон ваша лодка. Это плывет ваш вождь.

И захваченный в плен Лотау-аи ответил:

— Разве я не говорил вам, что вождь из-за любви ко мне вернется сюда со всеми воинами? Вам удалось схватить меня. Теперь, если вождь и его воины, вернувшиеся из сострадания ко мне, увидят, что меня уже нет в живых, что вы меня убили, вам несдобровать, погибнет Футуна. Если же они найдут меня живым, ни один из вас не пострадает.

Тут футунанцы стали спрашивать юношу:

— Скажи, Лотау-аи, как нам сохранить жизнь? Мы боимся, что вождь всех нас перебьет.

На это младший брат вождя отвечал:

— Идите опояшьтесь нгафингафи [19], нарвите листьев каштана, сделайте из них себе ожерелья. Все это и спасет вас, потому что это тонганская одежда и тонганские украшения. Потом подите и почтительно склонитесь за моей спиной. Я же буду сидеть впереди всех. Когда появится вождь, который наводит на вас такой ужас, он сразу увидит, что я остался жив, а за это и вам будет сохранена жизнь. И еще: подготовьтесь к торжественному приему — соберите богатое угощение, приготовьте все для питья кавы. Когда произойдет примирение между вами и вождем, вы принесете каву и угощение, мы попробуем всего приготовленного вами, а потом уплывем отсюда.

Когда лодка вождя подплыла к берегу, футунанцы уже были готовы: они опоясались нгафингафи и украсились ожерельями из каштановых листьев. Воинственный вождь вышел на берег и сразу увидел, что его младший брат жив. Младший брат обратился к старшему:

— Сохрани жизнь этим людям. Посмотри, они дрожат от страха.

И вождь Кау-улу-фонуа-фекаи провозгласил:

— Вам сохраняется жизнь. Благодарите за это моего младшего брата.

Тут футунанцы принесли каву и приготовленное угощение. Они выпили кавы с вождем, и так было закреплено их примирение. А ответный дар вождя был вот каков. Он сказал:

— У меня нет с собой ничего ценного и ценимого, что я мог бы оставить вам. Я передаю вам в дар все, что будут привозить сюда лодки, приплывающие с Тонга. Не трогайте и не убивайте людей, которые приплывут к вам, но все, чем будут нагружены тонганские лодки,— все это навсегда ваше. Этим я смогу отблагодарить вас за то, что вы сохранили жизнь моему младшему брату, которого захватили в плен. Я сам был ранен во время сражения с вами. Но сейчас я наперед дарю вам все, с чем приплывет сюда любая тонганская лодка.

Затем тонганцы отплыли на Фиджи — искать подлых убийц Туи Тонга. Приплыв туда, тонганцы затеяли сражение с фиджийцами. Но на Фиджи убийц они не нашли. Тогда они уплыли с Фиджи и направились на Увеа, где тоже состоялось сражение. Увеанцы были побеждены в нем. Тут уж подлым убийцам не удалось никуда бежать. Они были схвачены вместе с другими побежденными; пленники должны были пройти по острову с позором.

Кау-улу-фонуа-фекаи не мог узнать убийц: он знал лишь их имена, а их самих никогда не видел.

В веренице побежденных, с позором прогнанных по Увеа, у всех были длинные волосы. Только двое пленников выглядели иначе, чем все остальные: они были коротко острижены. Вот так, по коротким волосам, вождь и догадался, кто они такие. Ведь у всех увеанцев волосы были длинные. И вот вождь выкрикнул:

— Тама-сиа, вот как зовут одного из вас!

Один из тех двоих ответил:

— Да, это я Тама-сиа.

Тогда вождь обратился ко второму со словами:

— А ты — Мало-фафа!

— Да, я Мало-фафа,— ответил тот.

И вождь воскликнул:

— Долго же мне пришлось искать вас! Ваше счастье, что вам удавалось так долго скрываться от нас. Только поэтому вы и живы до сих пор. Но уж теперь-то вам придется отправиться с нами на Тонга.

И вот лодка вождя с обоими негодяями на борту поплыла на Тонга. Там Кау-улу-фонуа-фекаи приказал разрезать убийц живьем на куски: эти куски должны были пойти на угощение во время тризны по Туи Тонга Така-лауа. Убийц схватили, живьем разрезали на куски и из этих кусков приготовили кушанье.

И был похоронен со всеми почестями Така-лауа, Туи Тонга, павший от руки убийц; власть же перешла к Кау-улу-фонуа-фекаи. Так сын женщины, у которой прежде была голубиная голова, стал правителем Тонга. А своему младшему брату, Моунга-мотуа, он приказал принять титул наследника Така-лауа — Туи Хаа Така-лауа [20] — и поселил его близ нижней дороги в Фонуамоту, что недалеко от Лоамауу. Итак, Моунга-мотуа стал править тем краем, назвавшись Туи Хаа Така-лауа. Вот откуда пошел этот титул. Первым Туи Хаа Така-лауа был Моунга-мотуа, младший брат Туи Тонга Кау-улу-фонуа-фекаи.

А еще от Туи Тонга Кау-улу-фонуа-фекаи пошло такое правило: два главных жреца на церемонии питья кавы, сидящие по обе стороны от Туи Тонга, должны оставаться на некотором отдалении от вождя и не смеют приближаться к нему [21]. Ведь Туи Тонга Така-лауа, отец Кау-улу-фонуа-фекаи, погиб именно во время питья кавы. Вот почему и теперь во время питья кавы гости должны сидеть на некотором расстоянии друг от друга в торжественном круге. А младшим родственникам вождя надлежит сидеть позади него и следить за всем происходящим, чтобы никто не мог под-

красться и убить вождя. Вот эти младшие называются Хуху-эики, Охраняющие Вождя.

Затем правил Туи Тонга по имени Вака-фуху. За ним — Туи Тонга Пуипуи-фату. И еще был Туи Тонга, носивший имя Кау-улу-фонуа [22], и еще правили Туи Тонга Тапу-оси и Туи Тонга Улуаки-мата [23]. У этого Туи Тонга была лодка, которая называлась Ломипеау, Попирающая Волны. На этой лодке плавали к Увеа за камнями для похоронных возвышений паэпаэ, на которых располагали гробницы вождей. Такие кладбища Туи Тонга называются ланги.

Еще один Туи Тонга носил имя Фата-фехи; отцом его был Телеа, матерью — Мата-укипа. Был также Туи Тонга по имени Тапу-оси [24], и был еще один Туи Тонга — по имени Улуаки-мата [25]. Сын этого Туи Тонга, его первенец, Туи-пулоту [26], правил после него как Туи Тонга. Младший сын Улуаки-мата, носивший имя Токе-моана, был Туи Хаа Улуаки-мата, а дочь Улуаки-мата, сестра Туи-пулоту и Токе-моана, носившая имя Сина-итакала [27], была королевой Тонга. И еще у Туи-пулоту и Токе-моана были младшие братья — Фатани и Фале-афу. У всех у них был один отец.

Сын Туи-пулоту носил имя Факанааная и тоже правил как Туи Тонга. И затем был еще один Туи Тонга, носивший имя Туи-пулоту [28]. Далее правил Туи Тонга Пау [29], затем — Маулу-пекотофа [30].

У Пау также был сын по имени Фата-фехи-фуануну-иава [31]. Сыном этого Фуануну-иава был Лауфили-тонга [32].

На этом кончается наш перечень Туи Тонга. В нем нет самых первых Туи Тонга, тех, что вели свое происхождение от червей [33], а ведь они тоже были Туи Тонга. И еще в нем нет королев — женщин Туи Тонга [34]; речь шла только о мужчинах.

Вот имена их всех: Ахо-эиту, Лоло-факангало, Фанга-онеоне, Лихау, Кофуту, Калоа, Маухау, Апу-анеа, Афу-лунга, Момо, Туи Татуи, Тала-тама, Туи Тонга Великий, Талаи-хаапепе, Тала-каифаики, Тала-фапите, Маака-тоэ, Пуипуи, Хавеа Первый, Тата-фуэики-меимуа, Ломиаэ-тупуа, Хавеа Второй, Така-лауа, Кау-улу-фонуа-фекаи, Вака-фуху, Пуипуи-фату, Кау-улу-фонуа, Тапу-оси Первый, Улуаки-мата Первый (Телеа), Фата-фехи, Тапу-оси Второй, Улуаки-мата Второй, Пау, Маулу-пеко-тофа, Фата-фехи-фуануну-иава, Лауфили-тонга.

У Туи Тонга Улуаки-мата, которого также называли Телеа, было три жены. Первой среди них была Тала-фаива. Всякий, кто видел ее, говорил, что равной ей нет и не было, до того она была хороша собой. Подобных ей женщин действительно просто не было на земле, она одна была такая красавица. Эта женщина была к тому же чрезвычайно благородного и знатного происхождения: ни капли простой крови не было ни у ее отца, ни у ее матери. Поэтому и говорили, что эта женщина чрезвычайно высокого и знатного происхождения. Ей не было равных ни по благородству и знатности, ни по красоте, ни по изяществу. Таких, как она, называют факатоуато — наследница знатного рода: и отец и мать такой женщины —

благороднорожденные люди. Тала-фаива принесла Телеа еще пятьдесят наложниц.

Другая супруга Туи Тонга Телеа носила имя Нана-сила-паха. И от нее Телеа получил пятьдесят наложниц.

Третьей женой Телеа была Мата-укипа, от нее Телеа получил сто наложниц. Мата-укипа по приказу Телеа могла есть только рыбьи хвосты и свиные мослы. При раздаче пищи ей всегда давали одни только хвосты и мослы. А две другие жены Телеа ели все самое лучшее: свиные головы, сочную свинину, свиные окорока, рыбьи спинки — словом, могли есть все.

Это сердило и огорчало женщину, которой полагались одни только рыбьи хвосты и свиные мослы, и она стала думать: «В чем же дело? Почему вождь установил такие правила, откуда такая несправедливость? Всякий день мне дают только рыбьи хвосты и свиные мослы, а Тала-фаива и Нана-сила-паха получают рыбьи головы и спинки, свиные головы и окорока. Почему же так?»

И наконец Мата-укипа решила: «Я отправлюсь к своему отцу Кау-улу-фонуа-хуо, и пусть он рассудит, хорошо или дурно обращается со мной Туи Тонга».

Она привязала за спиной своего ребенка и отправилась домой, в Маталику [35]. Там жил ее отец Кау-улу-фонуа-хуо. Он занимался тем, что возделывал землю, и у него были большие участки, где рос ямс, росли банановые деревья, росли и арум, и таро, и ямс уфилеи, и ямс хои, и множество плодов, из которых готовят ма [36].

Отец заметил гостью и обратился к ней:

— Здравствуй, дочка. Кто еще пришел с тобой?

— Мы вдвоем пришли,— ответила Мата-укипа.

Тут отец, Кау-улу-фонуа-хуо, спросил:

— Неужели не нашлось никого, кто мог бы вас проводить? Надо же — прийти вдвоем! Не случилось ли с тобой чего-нибудь, дочка?

— Нет,— ответила Мата-укипа.

Тогда отец сказал ей:

— Что ж, отдохните здесь, сейчас приготовят ямс, а потом вас проводят назад в Муа.

Была приготовлена кава. Затем люди отправились запекать в земляной печи ямс и свинину. И тут дочь бросила отцу такие слова:

— Каковы цели Туи Тонга?

Отец не понял:

— О чем ты?

Женщина продолжала:

— Двум другим женам Туи Тонга подают свинину и рыбу, они едят свиные головы и свиные окорока, рыбьи головы и рыбьи спинки; я же должна есть только рыбьи хвосты и свиные мослы.

Отец усмехнулся и спросил:

— Так что же, ты страдаешь от этого?

— Да,— ответила женщина,— я страдаю от этого.

Тогда отец сказал:

— Тебе не стоит горевать из-за этого. Пусть ты получаешь при раздаче пищи одни только рыбьи хвосты и свиные мослы, но настанет день, и твои дети получат всю эту землю.

Слова отца, который наконец объяснил, почему Мата-укипа всегда получает самое худшее, одни рыбьи хвосты да свиные мослы, успокоили ее. Но ко всему прочему она успела затаить в душе ревность. Она сказала отцу:

— Туи Тонга любит только тех двух жен, и от этого в моей душе родится ревность.

И все же мать с ребенком вернулась обратно. Сердце женщины было немного успокоено словами отца. Она продолжала жить, где жила, и вот умер Туи Тонга, оставив после себя двух детей, рожденных Мата-укипой: сына Фата-фехи и дочь Сину-итакала. Со смертью Туи Тонга власть перешла к Фата-фехи, а королевой, правительницей Туи Тонга стала Сина-итакала. И эти двое были детьми Мата-укипы. Так ведь и предсказывал ее отец, когда говорил, что дети ее получат всю эту землю. И действительно, стал правителем Фата-фехи, стала правительницей Сина-итака-фаилунги-лека.

А вот что можно рассказать о Туи Тонга Туи Татуи. В его доме был чердак, отведенный для сна. Раз оттуда спустилась сестра Туи Тонга, которую звали Лау-тама, королева Тонга. За ней вниз последовала ее прислужница. А наверх, на этот чердак, забрался Туи Татуи. И он решил прибегнуть ко лжи — обмануть свою сестру. Да-да! Он нарочно обманул сестру, чтобы она поднялась к нему наверх и там согрешила с ним.

Окликнув сестру сверху, он сказал:

— Вон плывет вереница лодок, это лодки с Хаапаи. И их видимо-невидимо.

Сестра снизу отвечала ему:

— Это все твои выдумки.

— Это не выдумки,— сказал Туи Татуи,— поднимись сюда и посмотри сама.

Сестра поднялась наверх и осталась там, а ее прислужница ждала внизу. И Туи Татуи соблазнил свою сестру. А прислужнице все было известно.

Туи Тонга жили в Хахаке, на востоке. Их край назывался Хекета. Там находится громада Хаамонга-а-Мауи, и там же на кладбище, в лəнги, лежат Туи Тонга. И еще там находятся Олотеле и дорога Синаулутоа, дорога многих Туи Тонга [37]. Детьми Туи Татуи были Тала-тама и Талаи-хаапепе. Когда Туи умер, править стал его сын Тала-тама. Вместе с Талаи-хаапепе он решил: «Надо уйти отсюда, найти новое место, тем более что здесь трудно уследить за лодками: в любой момент их может унести ветром. Это место скверное, здесь на каждом шагу нас подстерегают трудности и несчастья. И камней здесь слишком много, и приливы очень сильны».

Младший брат Талаи-хаапепе спросил тогда:

— Все это так, но куда же нам идти?

А Тала-тама ответил:

— Мы отправимся в Фангалонгоноа [38], там нам не придется беспокоиться о том, что наши лодки унесет ветром.

Вот почему они отправились в Фангалонгоноа, обосновались там и назвали новое место Муа. Туда перегнали они обе свои лодки. Одна из их лодок называлась Аки-хе-ухо, другая — Тонга-фуэ-сиа.

Вот почему и Лауфили-тонга жил в Муа. Все Туи Тонга, начиная с Тала-тама и Талаи-хаапепе, жили здесь. Это Тала-тама и Талаи-хаапепе решили покинуть старое место. Это они основали Муа, где после них стали жить все Туи Тонга. Все это благодаря Туи Тонга Тала-тама и Туи Тонга Талаи-хаапепе.

А теперь еще о Телеа, которого звали также Улуаки-мата. Ему нравилось бывать в лесах и на наветренных берегах Вавау. Всем местам, где он бывал, он давал свои названия. Часто эти названия давались в память о том, чем он занимался там.

Однажды Телеа и Тала-фаива отправились на остров Эуакафа и устроились там на вершине холма. Там был поставлен их дом, окруженный изгородью.

Рядом росло высокое дерево фоуи [39]. Тала-фаива сказала Телеа:

— Это дерево дурное, оно принесет нам несчастье. Его надо срубить.

Телеа возразил:

— Нет, пусть стоит, это хорошее дерево.

Они прожили там некоторое время. И вот однажды на острове появился человек с земли Макаве, звали его Лоло-манаиа. Он подплыл к Эуакафа, увидев Талу-фаива: эта женщина еще издали привлекла его своей красотой.

Он приплыл на остров и дождался наступления темноты. Когда стемнело, он подошел к дому Телеа и толкнул калитку, чтобы проверить, открыта ли она. Итак, он толкнул калитку, но она оказалась заперта. Лоло-манаиа осмотрел все, но нигде не нашел лазейки во двор. И вдруг, обернувшись, он увидел высокое дерево, то самое дерево фоуи, которое Тала-фаива просила срубить. Лоло залез на это дерево, оттуда проник во двор, в дом и переспал с Талой-фаива, женой Туи Тонга Телеа.

Когда грех этот уже был совершен, Лоло умышленно пометил черным живот женщины, он сделал это, чтобы оскорбить Телеа, показать ему, что жена изменила ему с ним, Лоло [40].

Днем Телеа пришел лечь с Талой-фаива и сразу увидел на животе у жены след. Он спросил:

— Тала-фаива, кто оставил этот черный след у тебя на животе?

Тала-фаива ответила:

— О вождь, будь милосерден, это Лоло-манаиа приходил ко мне. Ты не должен гневаться: разве не говорила я тебе еще тогда, когда ставили изгородь вокруг нашего дома, что нельзя оставлять здесь дерево фоуи, что оно скверно стоит? Ты же тогда сказал мне: пусть, пусть останется. И вот по нему вскарабкался чужой мужчина и проник ко мне. Зовут его Лоло.

Тут Телеа разгневался, поднялся и пошел звать своего человека:

— Эй, Ука! Поди-ка сюда и слушай меня. Ступай и побей, накажи Талу-фаива, потому что она согрешила с чужим мужчиной.

Ука отправился за палкой и с этой палкой пошел к Тале-фаива. Телеа даже не предполагал, что Ука возьмет и забьет Талу-фаива до смерти; он думал, что Ука накажет ее слегка и от этого пройдет его праведный гнев, гнев высокородного вождя.

О горе! Ука пошел к Тале-фаива и забил ее до смерти! Прекрасная и благородная госпожа скончалась от побоев. Ука отправился к Телеа, чтобы сообщить ему об этом. Телеа спросил его:

— Наказал ли ты Талу-фаива?

— Да,— ответил Ука, слуга Туи Тонга.

— И как она сейчас? — спросил вождь.

— Умерла,— ответил Ука.

Тут Телеа вскричал:

— Как умерла?!

А Ука сказал:

— Так, она мертва.

И еще переспросил Телеа:

— Как, неужели мертва жена моя Тала-фаива?

— Да, она действительно мертва,— сказал Ука.

И Телеа воскликнул:

— Увы, увы, горе! Как же мог я положиться на Ука! Я и не подозревал, что ты сможешь убить ее, я думал, ты лишь слегка ее накажешь, чтобы только утишить мой гнев. Я так любил ее, а ты погубил ее! Что ты за негодяй, что за безумец!

И Телеа стал плакать над умершей Талой-фаива. Так прошла вся ночь и прошел еще день, а потом Туи Тонга Телеа отдал такой приказ:

— Идите сооружать гробницу для Талы-фаива.

Его люди воздвигли гробницу. Когда все было сделано, Талу-фаива отнесли туда и похоронили. Вот почему на острове Эуакафа есть кладбище с гробницей, подобающей только очень знатным людям, и вот почему большая казуарина, что растет на этом кладбище, носит имя Талы-фаива.

Вот и все о супруге Телеа, которую звали Тала-фаива. Вот и весь рассказ о ней.

Когда Талу-фаива похоронили и все было кончено, Телеа вернулся на Тонга. Здесь он и умер. С Увеа привезли камни паэ-паэ [41]. Это были камни для погребального возвышения, на которое поставили гробницу Туи Тонга Телеа. А у этого Туи Тонга была большая лодка Ломи-пеау, Попирающая Волны. На этой лодке и перевезли все для его гробницы и для возвышения, все это было с Увеа.

Вот и весь рассказ о нем.

100. Туутанга и Киникинилау

Дочь Ата-мата-ило, второго Туи Канокуполу [1], звали Туутанга.

Однажды ее проносили на носилках вдоль берега Нукунукумоту. С запада Тонгатапу несли ее в Муа: она была назначена в жены самому Туи Тонга.

Вот носилки со знатной госпожой достигли местности Тафаата. А там ее поджидал Киникинилау, ее возлюбленный. Он дал ей знать о себе так: бросил в носилки плод панданyса, нарочно заостренный ножом с одного конца — так, что он был похож на зуб. Туутанга поймала этот плод и сразу догадалась, кто его бросил ей. Она приказала своим людям спустить носилки на землю и направилась к Киникинилау. И он взял с нее слово помнить об этой встрече и тогда, когда она будет жить в доме Туи Тонга.

Туутанга вернулась к носилкам, и они направились дальше, в Муа. Она стала женой Туи Тонга, через некоторое время понесла и в положенный срок родила сына, названного Тафоло.

Родив Туи Тонга сына, Туутанга вернулась в свой дом [2]. А ту встречу в Тафаата она не могла забыть, пока не понесла от Киникинилау. Когда же в Муа стало известно, что она на сносях, Туи Тонга послал ей свой приказ: если родится мальчик, назвать его Паку. Этот мальчик должен был стать главным туфунга при Туи Тонга [3]. И у Туутанги родился мальчик, которого назвали так, как велел Туи Тонга.

А Факафануа [4], вожди Мауфанга,— потомки этого Паку.

101. [Тауфа]

Однажды Тауфа-ахау [1] погнался за вождем Ниу-капу [2], хотел его убить. Вождь и раньше знал о нескольких фале-хуфанга [3], укрывался в них. Он знал их три, два были не слишком надежны, а вот дом Каутаэ [4] был крепок. Туда-то и направился Ниу-капу. Но Тауфа-ахау, опередив его, приказал вождя не трогать, зато дом крепко стеречь. Итак, там установили стражу.

А добрые люди посоветовали Ниу-капу на такой случай прийти туда не с пустыми руками, а с копьями и дротиками, тогда стражники решат, что он свой.

Ниу-капу так и сделал, преспокойно зашел на святилище и вошел в дом.

Все это раскрылось, и Тауфа-ахау приказал отрезать палец кому-нибудь из тамошних людей. Приказание было исполнено, и палец был преподнесен Тауфа-ахау. А это был палец Каутаэ.

На это Тауфа-ахау отвечал подношением: он убил человека и тело его вместе с другими дарами отправил своему жрецу Каутаэ.

Каутаэ загоревал: значит, теперь уж точно придется выдать духу вождя Ниу-капу [5]. Но тут выступила дочь Каутаэ:

— Не горюй, отец. Убейте меня, и тогда Ниу-капу будет свободен.

Ее тут же убили, и тело доставили Тауфа-ахау.

Так Ниу-капу удалось спастись.

И говорят, что, убив дочь, Каутаэ как бы отдал Тауфа свою собственную жизнь. Ведь жрецу лучше самому умереть, чем позволить, чтобы погиб хоть один из тех, кто в доме его ищет спасения.

Благодарный Ниу-капу хотел одарить Каутаэ землями, но тот попросил лишь права на каву вождя. Он получил это право и пользуется им.

102. [Такаи и Тупоу-тоа]

Улу-какала умер на Вавау и был похоронен в Фелетоа [1]. Его сын Моэнга-нонго правил, руководствуясь во всем советами брата Улу-какала — Нау-фиси. Острова Хаапаи были тогда отданы Тупоу-тоа, сыну Туху-ахо. А Моэнга-нонго правил на Вавау недолго: он скоро умер, и тогда власть перешла к Нау-фиси. Нау-фиси же был убит Хала-апиапи, который и стал вождем Вавау. Этот Хала-апиапи был убит Паунга, вождем из рода Туи Тонга.

Паунга же пошел войной на Вавау: он решил сразиться с Тупоу-тоа, только что провозглашенным новым Туи Канокуполу [2]. Прежний Туи Канокуполу — Тупоу-малохи — отрекся от своего титула и удалился от дел после осады Нукуалофа воинами Улу-какала, того самого, что был похоронен в Фелетоа. На Тонга [3] правил тогда Такаи из Пеа; он обратился к Маафу, Лавака, к вождям из рода Хавеа и из рода Хаа Нгатомуа, к Ата и к Веэхала [4], призвал их наречь новым Туи Канокуполу благородного Тупоу-тоа, отца Тау-фаахау. Так Тупоу-тоа стал королем Тонга.

В жены Такаи отдал новому Туи Канокуполу свою дочь Пуле; молодые поселились на Лифука. Паунга с Вавау пошел войной на Тупоу-тоа; бились они, бились, но победа так и не досталась ни одному, ни другому.

Тупоу-тоа отправился тогда на Хаапаи, а по дороге решил пополнить свое войско на Тонга силами Такаи. Узнав о замысле мужа, Пуле послала к Такаи гонца: «Тупоу-тоа хочет просить у тебя воинов, не откажи ему».

Такаи получил это известие, собрал своих в Пеа на совет и велел всем готовиться к приему гостей [5]; принять их следовало на малаэ Вака-таумаи, в местности Мауфанга, что на Тонгатапу. Вот прибыли гости, была принесена и приготовлена еда, и было ее столько, что все святилище оказалось заставленным корзинами с едой. Дважды раздали угощение, затем в третий раз разнесли его гостям, а всего его пришлось разносить семь раз. И этот пир был назван Лофиту [6]. А когда пир закончился, Такаи договорился с Тупоу-тоа, что тот отправится на Хаапаи, а сам Такаи будет собирать своих воинов здесь и затем последует за ним. Тупоу-тоа двинулся на Хаапаи и собрал всех тамошних воинов на Лифука. С Лифука же был передан на Номука такой приказ: как только появятся лодки, плывущие с Тонга, надо дать об этом знать воинам на Ли-

фука. К прибытию гостей с Тонга все было готово. На берегу поставили дом, половину этого дома занимали воины из Хулуипаонго, половину — воины из Коуло [7]. Приготовили и нарезали свинину. Свиные окорока, уже готовые, висели под потолком того большого дома. Все было сделано для того, чтобы превзойти пиршество Лофиту. А потом они отплыли на Вавау и там начали осаду крепости Фелетоа. Когда же крепость пала и Такаи сообщили об этом, он спросил Тупоу-тоа:

— Что будем делать? Вырежем всех или оставим жить?

— Пусть все останутся жить,— решил Тупоу-тоа.

Итак, крепость сдалась, а все, кто в ней был, остались в живых.

И Тупоу-тоа сказал:

— Такаи, мне нечем наградить твоих воинов. Пусть же люди из этой крепости достойно заплатят тебе.

Воины Такаи разрушили там все смотровые площадки, разбили камни, ограждавшие крепость, и страшно рассердили тамошних вождей. И было решено убить Такаи и его людей.

С наступлением темноты к Такаи прокралась одна старуха и сказала:

— Ах, Такаи, ты тут спокойно спишь, а ведь здешние вожди замыслили наутро убить тебя. Они хотят сделать это, когда ты пойдешь пить каву.

Утром Такаи позвал свою старую прислужницу и принялся отчитывать ее. И пока отчитывал, все время размахивал палицей. Люди увидели это и сказали: «Палица Такаи жаждет чем-то пожиться». И вдруг палица обрушилась на эту старую женщину, вмиг сразила ее и разрубила пополам.

Вождей и общинников, замысливших зло против Такаи, охватил страх; они решили: «Такаи все известно» — и стали думать, как умиротворить его. Укрылись же они на святилище [8].

Такаи же был премного доволен и сказал Тупоу-тоа:

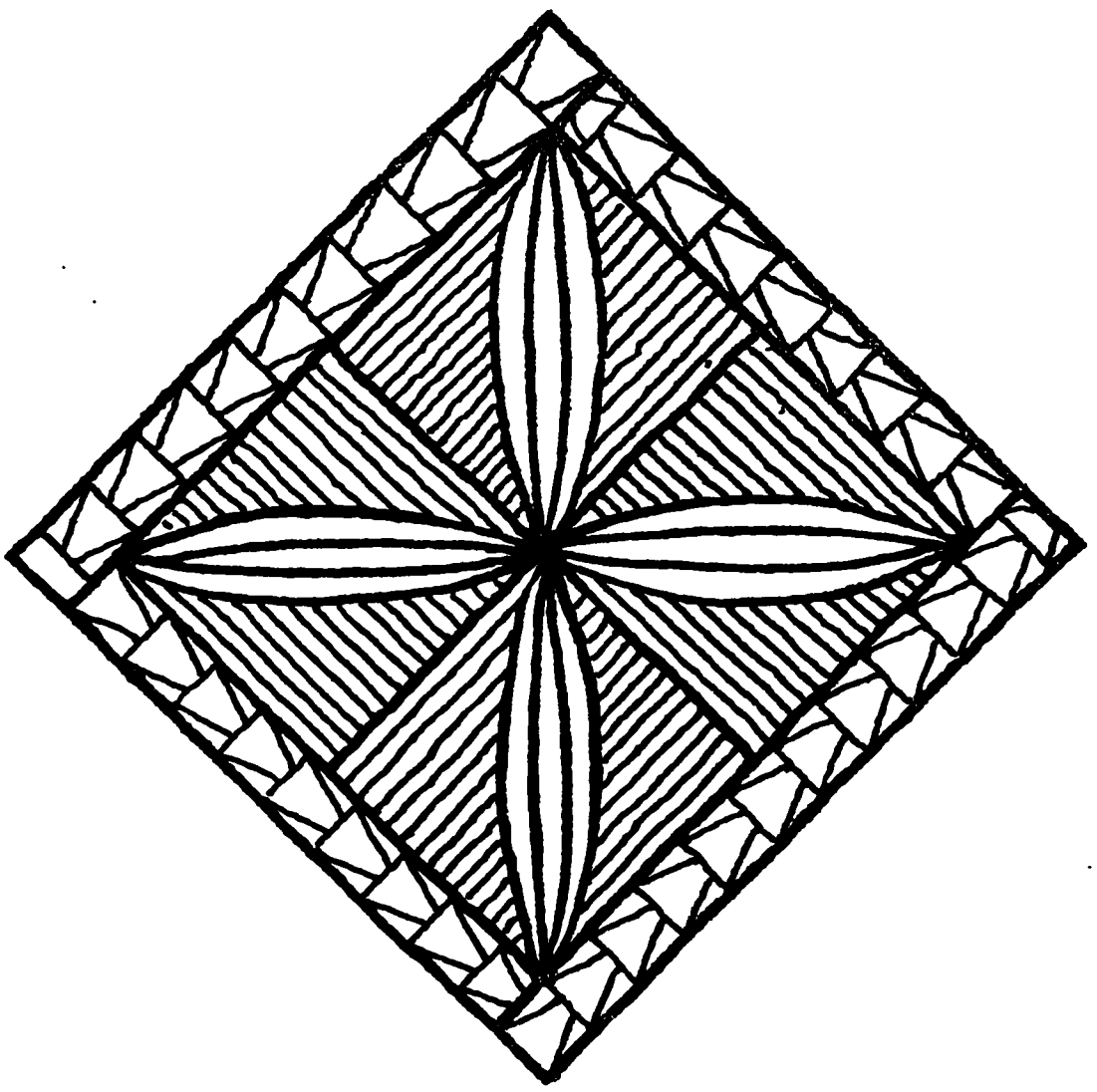
— Тупоу-тоа, мы пришли на Вавау не за богатствами, мы пришли сюда как воины.

[И еще он сказал:]

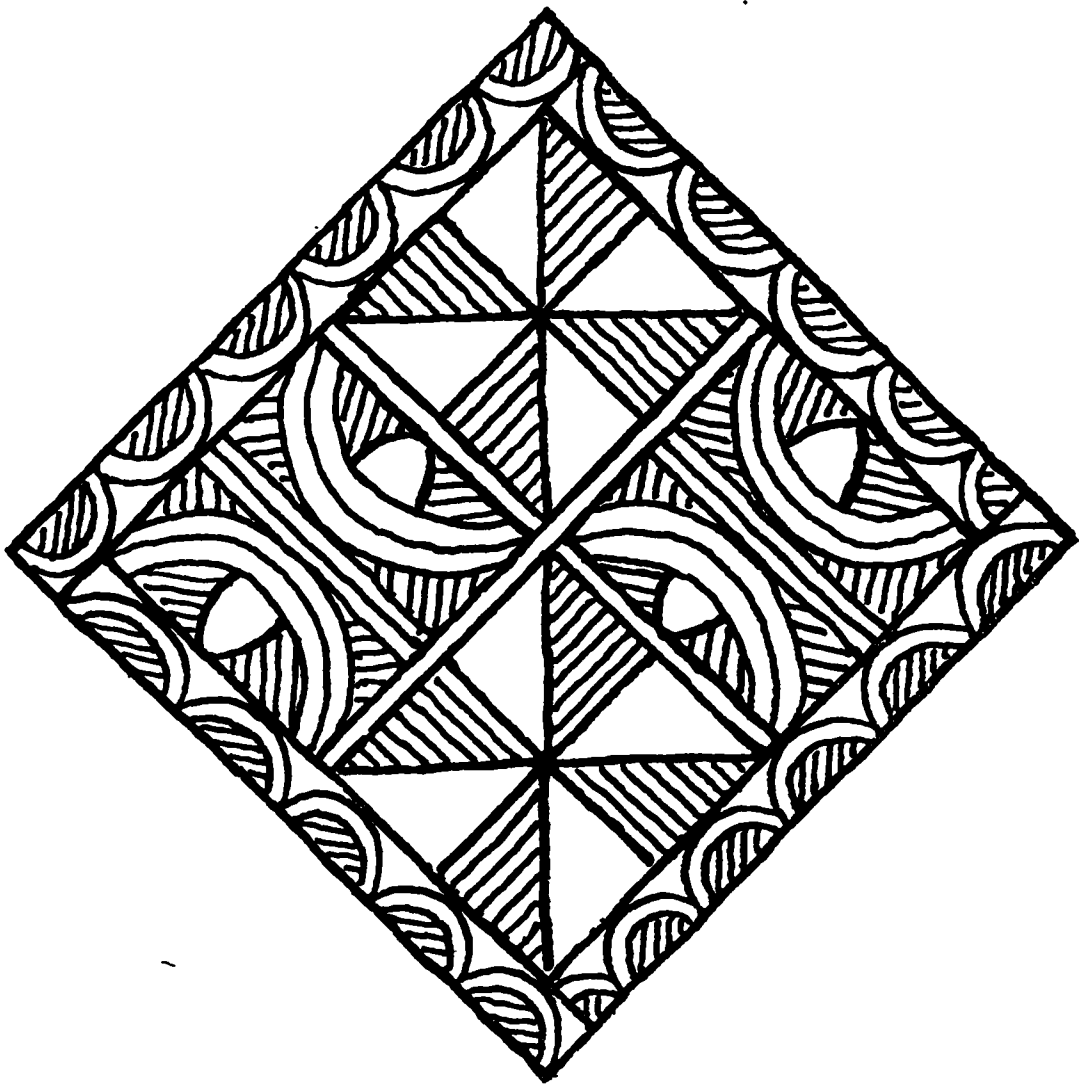
— А теперь ты хочешь убить нас. Я уплываю отсюда на Отеа. Если у тебя есть кого выставить против меня, пусть явится туда, и мы с ним сразимся.

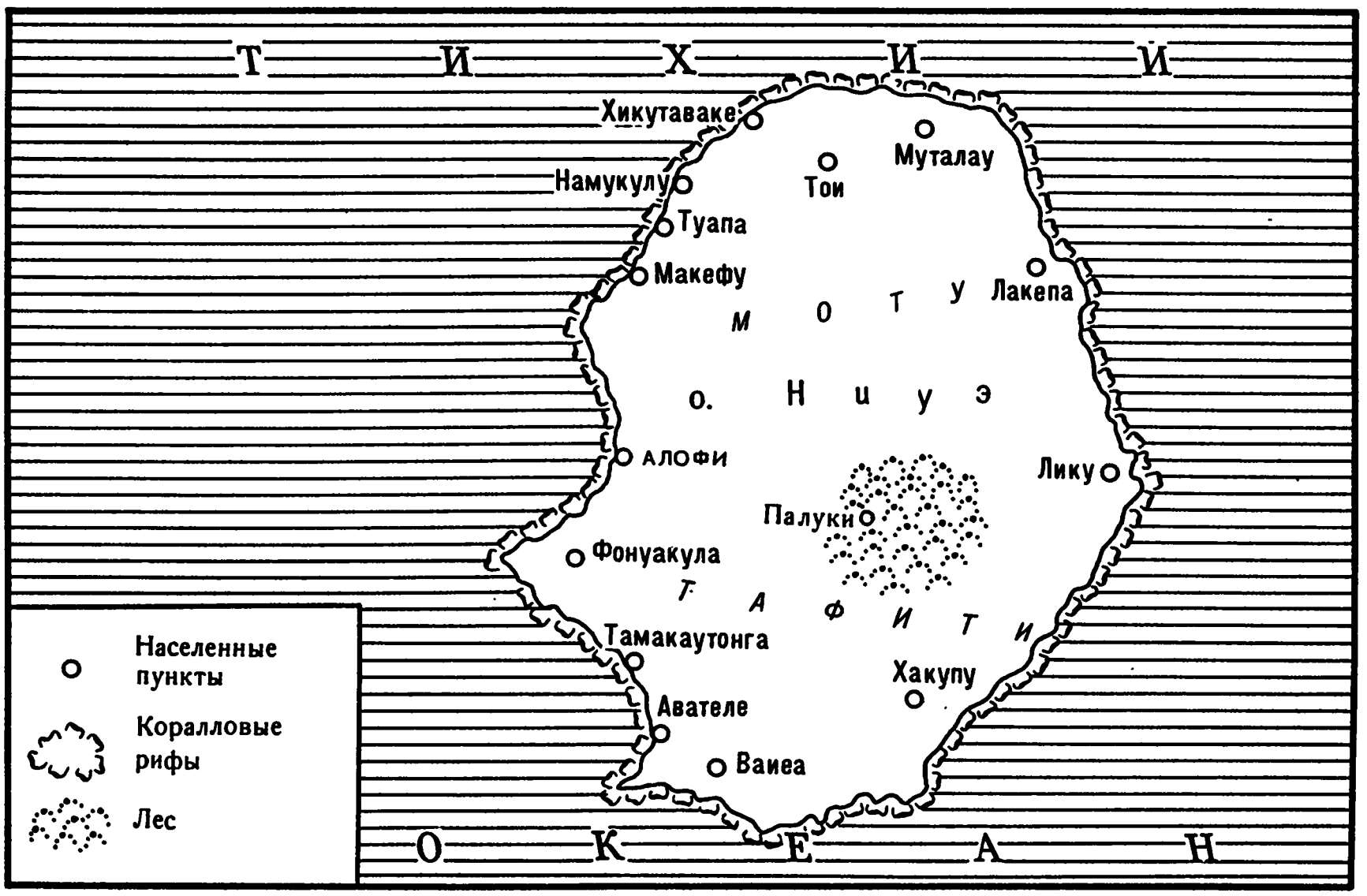
Такаи стал снаряжать свои лодки в плавание. А вожди с Вавау и сам Тупоу-тоа после этих слов Такаи испугались больше прежнего. Они решили помириться с Такаи.

Долго они думали и наконец согласились, что Вуки [9] следует попросить у Такаи разрешения отплыть вместе с ним. Они боялись, что иначе Такаи отправится потом на Хаапаи и погубит там всех. Итак, Вуки и Такаи отплыли на Отеа. Такаи выполнил просьбу Вуки: через пять дней все они покинули Отеа. Вуки и Такаи поплыли на Хаапаи, и там Такаи, любя Вуки, не совершил ничего дурного. Совсем недолго пробыли они на Хаапаи и оттуда поплыли на Тонга. А через два или три года Такаи умер, и его место в Пеа занял его младший брат.



Ниуэ




Т И Х И Й
Хикутаваке
Муталау
Тои
Намукулу
Туапа
Макефу
Лакепа
Мотуу
о. Ниуэ
АЛОФИ
Лику
Палуки
Фонуакула
Тамакаутонга
Хакупу
Авателе
Ваиеа
Таити
О К Е А Н
Населенные пункты
Коралловые рифы
Лес

103. Происхождение человека

Человек произошел от дерева — от кордилины Ти-маталеа; но это не лесное дерево, что растет рядом с другими и чья крона столь раскидиста, а одиноко стоящее Ти-маталеа. Это дерево растет в открытых местах [1].

Вот почему беременным женщинам всегда хочется дотронуться до кордилины, хочется поесть корня ти. Муж и родители беременной готовят ей кушанье из корня ти, запекая его в земляной печи. Будущая мать поест печеного корня — и с этого часа ребенок в ее утробе будет расти и крепнуть. Так заведено на острове Ниуэ, и так было с самого его сотворения. Два дня кушанье готовится в земляной печи, и по прошествии этих двух дней печь можно открывать.

Корень ти едят именно потому, что кордилина Ти-маталеа — предок человека, а ведь все, что есть в родителе, должно переходить от него к ребенку. Точно так же после рождения младенца молоко его матери питает его.

104. Первые тупуа

Этих тупуа [1] было пятеро — они бежали прочь с Фонуа-нгало [2]. Там им жилось легко, они не утруждали себя никакой работой. Работали же, добывали и готовили пищу их родители и все остальные, кто там жил, а им ничего не давали: из-за их лени о них никто и думать не хотел. Наконец, когда все стали ими пренебрегать, они решили сами позаботиться о себе и отправились на поиски другой земли, где можно было бы спокойно поселиться.

Рассказывают о них разное: может быть, они и на самом деле прибыли с Неведомой Земли, а может, с Тулиа, или с Тонга [3], или еще из какого-нибудь края. Вот имена этих тупуа: Фао, Фака-хоко, Хуанаки, Ланге-ики, Ланге-атеа [4].

На побережье, в местности, что лежит между нынешними деревнями Лику и Лакепа, есть место, которое называется Моту; название это сохранилось до наших дней. Это продолжение рифа, маленькая узкая полоска берега. На север оттуда — Мата-каолима, на восток от Моту лежит Макато, а если дойти до Хиола, можно увидеть бьющие из подножия скал ключи с питьевой водой [5].

Вот там, в Моту, они и появились. Они вынырнули из воды, покрывавшей почти весь риф. Фао поднялся из воды, и перед ним открылся путь, который привел его к суше — Тонга-ли-улу. Места там было совсем мало, и он стоял на левой ноге, поджав правую и весь дрожа. Волны то и дело налетали на несчастный клочок суши, и казалось, его вот-вот смоет водой.

Фака-хоко, появившись из воды, остался на том самом месте, где вылез, и не пошел к Тонга-ли-улу помогать Фао.

Появился Хуанаки и спросил у Фака-хоко:

— Ты что же это стоишь здесь и не идешь помогать?

Сам он сразу же направился к Тонга-ли-улу, стал там на левой ноге, поджал правую. Так он стоял, весь дрожа, а волны налетали и налетали на клочок суши, и он уже почти весь был залит водой.

Но все же оба они, и Фао и Хуанаки, принялись за работу. И вот усилиями Хуанаки суша расширилась, земли стало больше, и, значит, им уже было где жить. Вот уже Фао смог поставить обе ноги на твердую землю, а все потому, что Хуанаки работал очень споро. А когда наконец стараниями Фао и Хуанаки возник целый остров, Хуанаки стал называть его. Вот имена, которые он дал острову: Нуку-ту-таха, Моту-те-фуа, Факахоа-моту, Нуку-тулуэа. А вот что они значат. Нуку-ту-таха означает «остров, стоящий сам по себе, не имеющий никакого соседства»; Моту-те-фуа значит «пустынная земля»; Факахоа-моту — «старая земля», начатая трудами Фао, завершенная Хуанаки [6].

Когда все было сделано, Хуанаки сказал Фао:

— Один бы ты не справился с тем, что задумал,— туанаки ноа хе толи о коэ.— И эти слова остались в одном из названий деревни Лику: ее подчас называют Туанаки-ноа-хе-толи-о-атуа [7]. А деревню Лакепа называют еще Мале-лоа-хе-факаэтеэте — «длинное святилище, ровное и гладкое». Ведь именно там Фао почувствовал, как легко и удобно ступать его ногам по длинной широкой площадке, тянущейся от одного края деревни до другого; а устроил ее Хуанаки.

Образ Хуанаки остался запечатленным в скалах местности Ваи-хоко, что на побережье, недалеко от Муталау. Местность эта лежит на запад от Ваи-опеопе; с востока к ней примыкает скалистый берег Уту-вехи, с запада — мыс Кавата. Ваи-хоко лежит как раз между ними. Деревню, что в Ваи-хоко [8], нередко называют Каупу-о-Хуанаки, Зад Хуанаки. Ноги Хуанаки образуют большой скалистый навес, под которым может укрыться множество людей. Образ тупуа и это нависающее скалистое укрытие вечны: скалы и пещеры дошли до наших дней.

Следующим прибыл Ланге-ики. Прибыв, он остался на берегу ждать появления женщин-тупуа, которые решили последовать за этими духами. Из их числа он хотел взять себе жену. Но все женщины, сходившиеся с Ланге-ики, умирали, не вынеся совокупления с ним. Этот тупуа еще является в образе Катуали, морской змеи, подвластной и послушной ему [9].

От него пошло потомство, и дети его тоже звались Ланге-ики.

Они разошлись и расселились по всему острову Ниуэ. А отец их остался жить у себя в Алофи — он был вождем в Пуна-фофоа и погубил там всех женщин.

У него была привычка лежать, растянувшись на песке, на берегу Ваи-келе — это недалеко от Муталау. Вот там-то его однажды настиг Хавилиа [10], настиг и острой раковиной отрезал ему детородный член, из которого потом произошли разные рыбы, совершенно безвредные.

Так Хавилиа, сын Хуанаки, одолел противника. С тех самых пор Катуали боится ветра Хавилиа, помня, как Хавилиа однажды обошелся с ним. Вот почему, когда поднимается ветер и рябит гладь моря, рыба катуали спешит поскорее спрятаться.

Ланги-атеа появился последним. Он прибыл в то время, когда Ланге-ики еще сидел на берегу в ожидании женщин. Ланги-атеа пошел к Хуанаки; посетив Тонга-ли-улу, он вернулся поговорить с Фака-хоко, а потом отправился повидать Фао. К этому времени Фао и Хуанаки успели уже все устроить, так что Ланги-атеа осталось поселиться на вершине скал. Там он лег прямо посреди дороги, которая вела из глубины острова на берег, и хватал всех женщин. А он во всем был подобен Ланге-ики. И женщины умирали, попав к нему, одни долго, другие мгновенно.

Путь, который привел их из моря на берег в Моту, лежит через озерцо на рифе. Ланге-ики появился из воды рядом с тем выступом рифа, о который с шумом разбиваются волны; Хуанаки вышел из воды в середине рифа, в том самом месте, где впадина; Фао появился у самых прибрежных скал. Последним прибыл Ланги-атеа, отправившийся жить на вершину утеса.

И вот когда все они обрели себе дом и пристанище, Хуанаки спел им такую песню:

Пусть теперь мое имя будет
Фоу-тавали, Новое Тесло;
Ведь это я своим теслом
Завершил работу, о да,
Завершил работу,
Что досталась мне
Незаконченной, недоделанной.

Таково повествование о том, как Хуанаки создал этот остров. А вот имена детей Хуанаки: Тангалоа-пупу-ки-мака, Тафеа-хемоана, Тали-маи-нуку, Мака-поэ-ланги, Факана-туа, Лиа-ваха, Ланги-таи-таэа, Лангеики-уа, Хавилиа, Лео-матанги [11].

Каждый из них был наделен необычайной силой, силой и властью над океаном и всем, что в нем есть: волнами, течениями, прибоями, стаями рыб, подводным песком и подводными камнями. И все это умножает честь, славу Хуанаки. А предел на дне моря, подводное начало всех начал — земля Хуанаки, его дом.

Мака-поэ-ланги получил право жить в Намуке — есть такая местность на побережье, неподалеку от Лику, между Лику и Хакупу. Это он гремит могучим громом, разносящимся с небес надо

всем островом, оповещающим каждого о великой силе Мака-поэ-ланги. Это он сбрасывает с неба камни, которые сжигают деревья, перекрывают дороги, замыкают проходы; это его огненные стрелы мелькают в воздухе при каждом ударе могучего грома.

[А потом] повсюду расселились разные тупуа, и их стало великое множество. Некоторые отправились на небо, в край света и тьмы, и возвысились так же, как духи из рода Хуанаки [12]. Вот эти тупуа: Мака-хопокиа, Каи-ноно, Тао-манга, Ланги-лоа, Фуэфоу, Фити-хулунгиа, Монотанга-ту, Ланги-халулу, Тутау, Туланга-момоле, Аноано-тау, Хала-поули, Тумоте-кула, Ланги-офа, Тапа-тутау, Тапа-тулеле, Тапа-ту, Тау-фелелеаки.

Каждый из этих тупуа был наделен необыкновенным достоинством и благородством. Они властвовали над всем, что родит и питает земля, над всеми ее бесчисленными деревьями и цветами, над всеми птицами небесными.

105. Рассказ о тупуа Хуанаки и его сыне Тафеа-хе-моана[1]

Однажды отец с сыном крупно повздорили; сын выбежал на берег моря и бросился в волны, твердо решив утопиться. Но тут мальчик заметил, как по глади моря несется, мчится что-то светлое. Испугавшись, Тафеа-хе-моана повернул к берегу. И все же ему было интересно, что это мчится по волнам.

И вот он принялся строить лодку, а как только лодка была готова, вышел на ней в море, взяв с собой огня: уже успели наступить вечерние сумерки. Выйдя в море, он понял, что видел стаю рыб. Рыбы оказалось великое множество, он наловил ее и поплыл к берегу. Еще сидя в лодке, он стал предлагать рыбу тупуа Ланге-ики [2], но Ланге-ики испугался блестящих рыбьих глаз.

Вот рыбу зажарили на огне и сели есть. Ланге-ики ел, но очень осторожно, все еще побаиваясь блестящих, странных глаз. А Хуанаки и Тафеа-хе-моана ели вовсю. Так Хуанаки и его сын Тафеа-хе-моана помирились.

С тех пор на нашем острове научились строить лодки и стали выходить на них в море в поисках улова. И поныне это так.

106. Семейство Хины

Некогда семейство Хуанаки разделилось: одни, во главе с самим Хуанаки, отправились жить в подводный край, тот, что на камнях и скалах, скрытых под толщей вод. Этот край называется Фонуангало, Неведомая Земля; она на самом деле не известна никому. Другие же отправились на Первое Небо, в край света, и поселились там, ибо и там есть где жить.

Там, наверху, есть еще и Второе Небо [1], то, на котором появляется солнце, восходит луна, светят звезды. И это небо когда-то

нависало низко над землей. Это небо — край Хины [2], и там живет вся ее семья: сама Хина, Хина-хеле-ки-фата, Хина-о, Хина-э, Хина-а, Хина-кула, Хина-таиваива, Хина-ма, Хина-малама, Хики-лау-улу.

Женщины, живущие на Втором Небе, весьма искусны в различных ремеслах. Они умеют плести изящные пояски из человеческих волос и из перьев птицы хенга, умеют делать непревзойденные пояса хенга-палуа, те самые, в которых сплетены вместе светлые и ярко-красные перья птицы хенга. На Ниуэ-фекаи такие пояса, пояса хенга-палуа,— настоящее сокровище, ценятся они необыкновенно высоко. Подобные сокровища есть только у знатных вождей и воинов [3].

В старые времена такой пояс был у Кили-мафити, вождя Муталау; он был очень длинный — почти двадцать саженей. У Ланги-ликолико из Муталау был такой пояс в двадцать восемь саженей длиной, и у него же был двадцатисаженный пояс; у Кула-теа из Хакупу был пояс в двадцать саженей длиной, у Палакула из Муталау — в восемнадцать с половиной саженей. И у воинов были в старину такие пояса — они служили поясами мира.

Земные женщины, работая, взывают к жительницам Второго Неба, что были названы здесь, и просят их: «Хина-э, Хина-о, Хина, Хина-ма, Хина-таиваива, Хина-малама, Хики-лау-улу, наделите нас своим искусством и умением!»

107. Хина-хеле-ки-фата

Хина-хеле-ки-фата, любимая дочь Хины, жила на Втором Небе. Небо прежде нависало над землей совсем низко, и людям на земле приходилось передвигаться ползком или на четвереньках. Небо покоилось на стрелках аррорута и на кустарниках тавахи-каку. А Мауи оттолкнул небо от земли [1]; толкая небо вверх, он уперся одной ногой в землю Туапа, другой ногой — в землю Алиуту, и расстояние между его ступнями было больше семисот саженей. До сих пор на камнях там заметны следы ног Мауи [2].

Однажды Хина послала свое любимое дитя вниз, на Первое Небо, за огнем. Правил на Первом Небе Моко-фулуфулу [3]. Моко-фулуфулу дал ей огня, но в руках у девушки огонь сразу потух. Она вернулась, но новый огонь потух по дороге — Хине-хеле-ки-фата явно не везло. Снова пришлось ей вернуться, и снова огонь у нее потух. Когда она опять вернулась, Моко-фулуфулу подставил ей голову и попросил поискать в ней, а сам схватил девушку (а она была табу) и силой овладел ею. Когда же она вернулась к матери, та схватила ее за ноги и больно отхлестала черенком кокоса.

Дочь разрыдалась и бросилась прочь. Остановилась она лишь на берегу моря, там, где в море впадал какой-то ручей. Она плакала и звала птиц небесных, зверей земных, рыб морских. Рыбы приплыли к ней, и она запела:

Если какая-то рыба добра,
Пусть спешит сюда.
Если же рыба плывущая зла,
Пусть спешит прочь.

К ней приплыло немало рыб, и она стала спрашивать их:

— Вот ты, зачем ты приплыла сюда?

Одна рыба отвечала:

— Я приплыла, чтобы ты оставила на моем теле свой знак.

И Хина принялась метить тело этой рыбы и ее сестер: одних — полосами, других — пятнами, третьих — расцвечивая красным,— и все эти рыбы смотрели на нее. А разукрашенных рыб Хина-хеле-ки-фата отпускала обратно в море. Потом приплыла акула, и женщина спросила ее:

— Зачем ты приплыла сюда?

В ответ же она услышала:

— Я приплыла, чтобы своими зубами обрить тебе голову!

Разгневанная, Хина встала и помочилась прямо на тело акулы.

Последней приплыла черепаха, которой не угнаться было за рыбами. Она плыла в самом хвосте рыбьей стаи.

Хина спросила ее:

— Зачем ты приплыла сюда?

— Я пришла, чтобы подарить тебе пару черепаховых гребней, которыми ты сможешь украсить свои кудрявые волосы.

Это привело женщину в подлинное восхищение. Она спустилась к черепахе и забралась ей на спину. Собираясь отплывать таким образом, Хина взяла с собой немного еды — кокосовых орехов. Черепаха же сказала ей:

— Прежде чем начать кокос, позови меня, и я покажу тебе, как расколоть его; тогда ты сможешь съесть всю мякоть.

Хина-хеле-ки-фата выпила молоко кокоса, высосала все, что там было, но не стала звать черепаху, не стала спрашивать ее, обо что же можно расколоть кокос. Она просто-напросто взяла и расколола его о голову черепахи. Черепаха скорчилась от боли и быстро втянула голову под панцирь. И эту привычку — втягивать голову — черепаха сохранила по сей день.

108. Хина и Моко-фулуфулу

Хина жила на небе, и у нее было двое детей. Однажды она послала их вниз, на Первое Небо, велев им взять огонь у Моко-фулуфулу. А Моко-фулуфулу совершил насилие над старшей сестрой. Дети Хины стали просить у него огня, надеясь вернуться домой до наступления темноты. Тут Моко-фулуфулу сказал:

— Поищите-ка сначала у меня в голове.

Старшая сестра принялась искать у него в голове, а младшая тем временем крепко-накрепко привязала его волосы к опорному столбу дома. Схватив огонь, сестры бросились к себе на небо.

Моко-фулуфулу хотел подняться, но оказалось, что его волосы крепко привязаны к опорному столбу [1].

Сестры прибежали к матери, и та спросила:

— Не поздно ли вы возвращаетесь?

Старшая сестра отвечала:

— Да, мы ослушались тебя, но этот человек оказался хитер и коварен.

И тогда Хина задумала вот что: пусть Моко-фулуфулу поднимется к ним, как бы с тем, чтобы жениться на ее дочери. Для этого вниз была спущена веревка. Моко-фулуфулу поднялся и сказал такие слова:

— О, неужели я здесь, неужели смогу здесь остаться?!

Тут Хина взяла и обрубила веревку, Моко-фулуфулу полетел вниз, и голова его, и тело разбились вдребезги, и он умер.

109. Факахоко

Женщина-дух по имени Луа-тупуа жила в Авателе. Она, по всей видимости, была женой Факахоко, одного из тех пятерых тупуа, что прибыли на берег в Моту [1]. А в Авателе правили вот какие тупуа: Факахоко, Луа-тупуа, Луа-факакана, Луа-тотоло, Луа, Тангалоа-татаи, Тангалоа-факаоло, Тангалоа-фафао и Тангалоа-мотумоту [2]. Эти тупуа хотят рассеять прибрежный песок, не оставив от него и следа, хотят весь его утопить в море.

Когда поднимаются, собираются дождевые облака, в которых прячется сильный ветер, море начинает вздыматься и бурлить. Оно выносит лодки на берег Нуку-лафалафа, оно губит гребцов рядом с мысом Тепа [3], и лишь немногим выпадает редкое счастье спастись от такой смерти. Те, кто видел и знает нрав Факахоко, кому известно, что, гневаясь, Факахоко метит небо своими недобрыми знаками [4], те бегут в Авателе. Того же, кто пренебрегает предзнаменованиями Факахоко, ждет несчастье: лодку его захватит, завертит и разобьет бурей. До сих пор это так.

110. О появлении некоторых тупуа

Немногим тупуа удалось подняться столь высоко, как тупуа Хуанаки и всем, кто пошел от него [1]. Но все же и другие тупуа немало сделали для этой земли. Они прибыли из пучины вод, расселились по всему острову, поднялись на небо и снова спустились под воду. От них пошли на этом острове скалы и камни, от них — кольцо рифа, что окружает многие острова. От них гром и радуга. Они властвуют над сушей и над водой, и по их воле поднимается ураган, а потом устанавливается затишье. Всякий же, кто забывает чтить их, обрекает себя на страшную опасность.

Есть среди них тупуа Тангалоа [2]; в их числе — духи, живущие в лесных зарослях, в камнях, в морских существах.

111. Происхождение некоторых тупуа

От Тали-маи-нуку [1] произошли тупуа-созидатели, устроившие потом все, что есть на нашей земле. Некогда эти тупуа разделились: Хуанаки со своими отправился жить в море, а прочие тупуа поселились на суше. Среди них есть и такие, что ползают по земле, и такие, что летают над нею. Пунга тоже происходит из этого семейства [2].

От Толи-о-атуа [3] произошли обманщики и воры. Это и однозубый Нифо-таха, и вечно голодные Каиханга с Каиха-мулу, и Ателапа — так нызывают птицу куле. К ним же принадлежит Тилалофонуа — Крыса, та самая, у которой Летучая Лисица похитила ее крылья [4]. Что ни оставит человек без присмотра — все они крадут.

А Тали-маи-нуку жил в Тауту. И от него родились Факатафе-тау и Факалангаланга, искушенные в деле войны [5].

112. Матила-фоафоа

Жили некогда Меле, Лата, Факаполото, Хаку-мани и Матила-фоафоа. Матила-фоафоа был непревзойденным метателем дротика [1], а все эти мужчины жили в краю Хины, на Втором Небе. У Матила-фоафоа родился сын, которого он сбросил вниз, в лесные заросли Первого Неба, чтобы там мальчик и умер [2]. Рот младенца отец заткнул куском тапы; этот кусок тапы пропитался слюной изо рта мальчика, и слюна заменила ему молоко. Так младенец ел, так он остался в живых, вырос и начал передвигаться, не зная своих родителей.

Мальчик отправился в путь и набрел на знатную женщину, слепую от рождения. Она как раз готовила на огне восемь клубней ямса. Мальчик подошел к ней и сел поближе к костру, с той стороны, где легко было достать ямс. Слепая брала готовые клубни и скребла их. Вот она вернулась к своему костру, а мальчик успел стащить у нее один клубень ямса и съесть. Слепая вернулась, собираясь скрести готовый ямс, а клубней осталось всего семь [3]. Она сказала:

— От моих восьми клубней осталось всего семь.

Когда она снова пришла к костру, осталось уже шесть, и она сказала:

— От моих семи клубней осталось всего шесть.

Потом исчез следующий клубень, осталось пять, затем — четыре, затем — три, затем — два, затем — один, и наконец мальчик, выросший на слюне из старой тапы, съел все, что было у бедной слепой. В костер же он положил камень, лишь его не пожалев для слепой женщины.

Гневу слепой не было предела. Она пошарила, пошарила вокруг в поисках вора, и тут ей пришла в голову одна мысль. Она сняла набедренную повязку и так, раздевшись, принялась вышаги-

вать туда-сюда, взад-вперед. Мальчик тут же стал смеяться, и так женщина узнала, где вор, похитивший всю ее еду.

Мальчик принялся спрашивать:

— Кто мой отец?

Слепая сказала:

— Пойди и сорви два светлых кокоса ниутеа, только обязательно молодых.

Мальчик пошел, сорвал кокосы, как было сказано, вернулся к слепой и сказал:

— Вот они, у меня.

— Подойди ко мне,— приказала слепая.

Мальчик подошел, взял один кокос, проткнул его и брызнул молоком на правый глаз слепой. Глаз тут же раскрылся. А мальчик взял другой кокос, проткнул его и брызнул молоком на левый глаз слепой, который тоже раскрылся. Женщина очень обрадовалась.

Мальчик же снова спросил:

— Кто мой отец?

Женщина сказала ему:

— Слушай же теперь. Через три дня в Фана-кава-тала [4] состоится состязание метателей дротика. Ты услышишь, как будут говорить о святилище в Фана-кава-тала. Ступай туда и спрячься на краю святилища. Спрячься и жди человека с темным дротиком, он будет метать его последним. Он лучший во всех состязаниях. Это и есть твой отец.

Мальчик отправился туда и стал ждать состязания. И действительно, последним метал дротик Матила-фоафоа. Дротик прилетел точно в то место, где прятался мальчик. Мальчик схватил его, сломал, выскочил из укрытия и бросился бороться с отцом. И сын спросил отца:.

— О Матила-фоафоа, отец мой! Зачем ты бросил меня?

Так сын нашел своего отца.

113. Тупуа Анаана

Это один из духов тупуа, живет он в Алиуту, недалеко от Алофи. Он разводит рыбу, подобно тому как люди разводят домашнюю птицу. Множество рыб, самых разных морских рыб кормится у него.

Однажды он решил пойти навестить Алело-лоа и его детей — Каиханга и Каиха-моту [1]. Эти тупуа жили в Тепа. Итак, Анаана отправился в Тепа, где его с радостью принял другой тупуа со своими детьми. Но рыбы Анаана остались совершенно одни. Присмотреть за ними было некому.

Немного погодя Алело-лоа и его дети стали торопить тупуа, чтобы он поскорее возвращался к себе, к своим рыбам, а то еще явятся какие-нибудь люди и украдут их. Анаана вернулся к себе и стал звать рыб — они должны были подплыть к берегу. Но

приплыло их совсем мало. Он тут же понял, что кто-то побывал в его краю и украл многих его рыб. Он сейчас же отправился к Туаи-мака [2] (это другой тупуа) спросить, не видел ли он кого-нибудь, кто приходил к нему и украл его рыб. Но Туаи-мака ответил:

— Нет, я никого не видел.

Анаана отправился к Лима-уа [3] спросить, не видел ли он кого-нибудь, кто приходил в его предел и увел его рыб.

И Лима-уа ответил:

— О да, я видел, как по твоей дороге проходил один человек.

— Что это за человек? — вскричал Анаана.

И Лима-уа поведал ему, что человека этого зовут Пуи-вао и что он из Ухомоту:

— Я заметил еще и лодку — она до краев была полна рыбы.

От этих слов сердце Анаана сжалось. Но разговор тупуа на этом не закончился: Анаана стал просить Лима-уа:

— Ах, Лима-уа, прошу тебя, помоги мне, придумай, как быть. А то ведь не пройдет и дня, как сюда явится новый вор за моей рыбой.

— Хорошо, я берусь помочь тебе в твоих делах,— согласился Лима-уа.

Анаана же спросил:

— А когда же и как ты поможешь мне, о Лима-уа?

Лима-уа сказал:

— Как только появится какой-нибудь человек, я успею мигом дотянуться руками и до горизонта, и до кромки берега. Проплывет он в середине — я затрясу головой. Пройдет чуть стороной — я взбаламучу воду руками, и его отнесет прочь от берега, к самому горизонту. Пройдет он близ берега — я взмахну руками и нагоню на землю волны. Соберется он проникнуть сюда из открытого моря — я затрясу головой, стану вскидывать и опускать ее, и он погибнет в волнах.

Так они и договорились. У Анаана тут же отлегло от сердца, и он вернулся к своим рыбам и продолжал ухаживать за ними, как прежде. Ведь теперь Лима-уа охранял их.

Через некоторое время Пуи-вао решил снова отправиться на рыбный промысел к водам Халангингиэ, надеясь, что удача снова будет сопутствовать ему. А Лима-уа, увидев приближающегося человека, принялся грести обеими руками, словно веслами, затряс головой — и вот уже море покрылось воронками водоворотов. Пуи-вао изо всех сил пытался преодолеть их и достичь заводи, где множилась рыба. Но море бурлило и вздымалось с необыкновенной силой. Пришлось ему возвращаться в Ухомоту ни с чем. Пуи-вао расстроился — ведь он не смог достичь рыбных заводей, не смог наловить рыбы, такой же крупной, как та, что он украл у Анаана в первый раз.

Это из заводей Анаана пошла та рыба, которую Пуи-вао, украв, пустил в водоем Лалофоу, что в Ухомоту. Там ее и стали разводить.

114. Тупуа Лима-уа

У этого тупуа три имени: Лима-уа, Нгуту-пухи и Фулукови [1]. Дом его в Хоума, что в местности Алиуту. Это сердитый, гневливый тупуа. Жену его зовут Фине-ики. У них двое детей — Фити-утоуто и Кили-уто-манонги [2].

У Лима-уа очень крутой нрав: что ни день, он в гневе, его легко рассердить. А ведь это он властвует над морем. Есть у нас такая поговорка: «Когда отправляешься ловить рыбу, прежде всего накорми и задобри тупуа». Каждый, кто собирается на рыбную ловлю в Туфонуа, должен непременно взять с собой таро, кокосов, папайи и немедленно, в тот самый утренний час, когда он выходит в море, бросить все это духу, чтобы тот успел насытиться.

Вот так задабривают духа, и тогда он пускает рыболовов к водам Онеики, что недалеко от берегов Тамакаутонга. А возвращаясь с промысла, все рыбаки без исключения должны отдать духу часть своего улова: поев рыбы, тупуа подобреет и, благосклонный, пустит их обратно. Так заведено у тупуа Лима-уа.

А вот рассказ о жене Лима-уа, Фине-ики, и двух ее дочерях, которые никогда не покидали своего дома.

Однажды до Ваилоа, где живет много народу, дошел слух о детях Лима-уа и Фине-ики. О них стали рассказывать, и все говорили, что они необыкновенно хороши собой, добры, благородны. И вот один человек задумал добиться дочерей Лима-уа. Звали этого человека Паэте.

И вот наступило утро, и Паэте принялся за дело. Сначала он приготовил ожерелья из пахучих цветов, а потом поднял ветер. Затем он поспешил на прибрежные скалы в Хоума, а юго-восточный ветер понес сладкий запах цветов Паэте к тому месту, где жили Лима-уа с женой и дочерьми. Удивленные, дочери Лима-уа стали спрашивать:

— В наших местах еще не бывало такого дивного запаха, откуда же он взялся, откуда прилетел к нам?

— Да, непонятно, откуда взялся этот сладкий запах,— согласились родители.

А Паэте, посидев еще немного на прибрежных камнях, пошел назад к себе [3].

На следующий день Паэте отправился прямо к Лима-уа — сватать одну из девушек. Пришел Паэте к Лима-уа и Фине-ики, но Фине-ики тут же отвела глаза, на захотев говорить с гостем. И тогда Паэте, не теряя времени, затянул вот эту песню:

Снизойди, звезда небес,
Снизойди и одари меня
Изящной юбочкой для танцев.
Я заждался взгляда твоих глаз.
Замечательны перламутровые раковины,
Которые носит Фине-ики.
Бежит она, бряцают ожерелья!
Снизойди же, взгляни на меня!

Паэте удалось добиться своего: он получил одну из девушек, ту, которую звали Фити-утоуто. Так Паэте обзавелся женой. Вдвоем они отправились к нему, в его родные места. Потом Паэте еще не раз приходил к родителям жены, но всегда возвращался от них домой.

115. Как на Ниуэ научились плести сети

Факаполото и Хаку-мани — вот кто искушен в плетении сетей. Искусством этим владеют также Меле и Лата, которые умеют плести не только сети и неводы для рыбы, но и силки, сети для охоты на птиц. Когда люди принимаются за плетение сети, они обращаются к Факаполото и Хаку-мани, к Меле и Лата, прося их о помощи и совете [1].

Вот сделали Факаполото и Хаку-мани вершу и отправились с ней на промысел. Верша легла на дно, сразу стала глотать рыбу [2]; обруч не давал рыбе выйти обратно, и очень скоро верша раздулась от рыбы. С богатым уловом в корзине Факаполото и Хаку-мани вернулись к себе.

А в семье Хуанаки есть также Пунга, он же Пунга-тало, он же Пунга-фео [3]. Как-то он заметил, что Факаполото с Хаку-мани необыкновенно удачливы в рыбном промысле: раз — и они уже возвращаются домой с уловом. Пунга тоже решил попробовать, но ничего у него не вышло, хоть он и трудился до самой темноты.

Когда те двое в очередной раз вернулись на берег, Пунга стал упрашивать их разрешить ему осмотреть вершу. Сначала они отказывались, но потом, когда он стал уж совсем жалостно просить, разрешили. Но когда они пришли вытаскивать сеть, оказалось, что сеть зацепилась за подводный камень и вся разорвана, ручка верши оторвана, корзина для сбора улова безнадежно испорчена; они высыпали в нее свой улов, а через дыру в днище вся рыба ушла обратно в море. Попробовали снова — опять все не так. Думали они, думали, но так и не поняли, в чем дело. Решили закинуть сеть где поглубже. Но там она зацепилась за что-то на дне. Стали они по очереди нырять, пытаясь отцепить днище сети. Когда же нырнул Пунга, он не отцепил, а еще больше запутал сеть и укрепил ее у дна, так что вытащить ее было почти невозможно. В конце концов те двое бросили сеть и уплыли прочь.

А на следующее утро Пунга пришел туда и осторожно отцепил сеть. Затем он вытащил ее на берег и положил сохнуть. А потом стал аккуратно расплетать ее и расплел-таки до конца. Так он понял, как надо плести сеть. И благодаря этой хитрости, благодаря уловкам Пунга на Ниуэ узнали, как плести сети. Искусство плетения сетей сохранилось до наших дней: до сих пор жители Ниуэ-фекаи умеют плести много разных сетей.

А Пунга принадлежит к семье Хуанаки. Он очень мудр. Кораллы пунга, покрытые сетчатым узором, лежат и на дне моря, и в островных водоемах, и во впадинах на рифе. Это он, Пунга, сумел захватить сеть Факаполото и Хаку-мани.

116. Альбиносы на Ниуэ

Когда-то поднялась сюда женщина с Фонуа-нгало, Неведомой Земли. Звали ее Попо-эфу. Она принадлежала к семье Момоле, члены которой спокойно жили себе в своем подводном крае [1]. Сюда, на нашу землю, они приходили только в первую и во вторую ночь после полнолуния, после выхода ровной и круглой луны, и в ночь перед новолунием. Они поднимались сюда за едой и возвращались к себе до наступления дня. Попо-эфу все время пытались поймать здешние жители, ведь она была хороша собой и кожа ее была очень светлой. Но сколько ее ни ловили, схватить так и не могли, потому что ее тело было очень скользким. И тогда Ту-момоле [2] сплел сеть и преградил ею дорогу, по которой женщина возвращалась к себе. Так Туланга-момоле удалось поймать женщину, которую он сделал потом своей женой.

Она долго просила отпустить ее в родной край. Здесь, на земле, она понесла и родила белокожее дитя — альбиноса. Вот откуда взялись альбиносы на Ниуэ. Глаза альбиносов не выносят яркого света, лучи солнца вредны им, и поэтому альбиносы, выросшие на Ниуэ-фекаи, держат глаза закрытыми или моргают часто-часто.

117. Летающие существа

Первое, самое первое имя голубя — Тама-ла-фафа. Имя птицы фаэтон — Тихатала. Первое имя, которое стала носить летучая лисица,— Хале-вао. Самое старое имя краба — Хали-уа. Первое, самое старое имя птицы куле — Ате-лапа. Крыса же носила прежде имя Ти-лалофонуа [1].

Вот как-то голубь — он носил имя Тама-ла-фафа — поднялся в воздух вместе с летучей лисицей Хале-вао. Они полетели над Нукутапа, над дорогой, проходящей в Олооло, там, где заброшенный лес, и наконец опустились на вершину прибрежного утеса [2].

Ти-лалофонуа была прежде небесной птицей. Хале-вао же, которую теперь зовут летучей лисицей, ползала по земле. Оба эти создания были из одного рода. Посмотрела летучая лисица на крысу, увидела, как та быстро летает, и пришла в восхищение. Она принялась просить крысу, чтобы та дала ей свои крылья — попробовать, только попробовать. Крыса никак не соглашалась, но летучая лисица пустила в ход все свое умение, все ласковые речи и льстивые слова, какие у нее были. Наконец крыса сжалилась над лисицей и согласилась, сказав:

— Хорошо, ты получишь мои крылья и попробуешь, как это летать.

Лисица же попросила:

— О да, дай мне свои крылья, но сделай все так, как ты делаешь для себя. Прикрепи их получше, не то я упаду и разобьюсь.

Итак, крыса сняла свои крылья, надела оба крыла на лисицу, подняла ее в воздух и крикнула:

— Ну лети же!

Летучая лисица Хале-вао поднялась в воздух, рассмеялась и прокричала сверху:

— Посмотри-ка, на мне это не хуже, чем на тебе!

— Спускайся,— позвала крыса,— довольно уже!

Летучая лисица осторожно снизилась и сказала:

— Ну еще немного, совсем немного!

С этими словами она снова поднялась ввысь и улетела прочь, оставив крысу горевать о навсегда потерянном сокровище. На прощание лисица прокричала крысе:

— Поползай-ка теперь по своим испражнениям!

Так стала летать ползучая тварь и осталась ползать по земле небесная птица.

— Эй, лисица Хале-вао, мерзкая душонка, эй, эй, ки-ки, ки-ки,— зовет теперь крыса с земли летучую лисицу.

А лисица отзывается сверху:

— Ке-ке-ке, ке-ке-ке.

118. Откуда пошло название пещеры Фути-окиоки

Жили некогда супруги с детьми. Когда родители уходили возделывать свои участки, дети оставались одни и были предоставлены самим себе. Раз дети решили пойти к пещере, что была в глубине острова, и наловить там птиц пекапека. Увидев, как одна из птиц выходит из пещеры, дети бросились ловить ее, но провалились в пещеру.

Родители стали искать пропавших детей и скоро поняли, что дети упали в пещеру через отверстие в камне. Родители стали думать, что делать. И вот сначала они приготовили большую деревянную посудину. Потом нарвали плодов свечного дерева и высушили их над огнем. Нанизанные на веревку сухие плоды могли дать достаточно света. Приготовив, наконец, крепкие веревки, супруги привязали их к посудине, зажгли высушенные плоды свечного дерева и так спустили посудину в пещеру. Посудина опустилась на камень, стоявший в пещере. Дети уселись в нее, и родители принялись тащить их. Они тянули за веревки, останавливались, отдыхали, снова тянули, снова отдыхали — и наконец им удалось вытащить детей на свет. А та пещера с тех самых пор стала называться Фути-окиоки, Тащить и Отдыхать.

119. Фити-утоуто и Кили-уто-манонги

Фити-утоуто и Кили-уто-манонги были дочерьми Кало-факапаэте и Мата-фине-ики [1]. Они жили в Тамахамау — есть такая местность. Раз сестры отправились в Маиэхи — там они отбивали луб для тапы. Высушив куски луба, они взвалили их на спину

и пошли по северной дороге в глубь острова. Они искали воду, чтобы замочить в ней отбитый луб. Направлялись они тогда в Тукуофе. А двигаясь по дороге, они на ходу твердили заговор:

— Звезды, о звезды, о россыпи звезд...

Старшая сестра повторяла:

— Пусть прольется дождь, пусть прольется дождь...

А младшая, вторя ей, просила:

— Звезды, о звезды, о россыпи звезд, сойдите влагой на землю, взгляните вниз, снизойдите к бедной земле. Пусть прольется хоть немного дождя, пусть прольется дождик. Пусть напитается он влагой облаков, опустится на деревья, на землю...

Вот с этими словами двигалась по дороге в Тукуофе младшая сестра. Старшей же совсем не понравились слова сестриного заговора.

— Ну что ж, проси тогда сама,— сказала ей младшая сестра.

Старшая начала повторять слова своего заговора. А младшая тем временем пошла к банану, сорвала с него один лист и поглядела на землю. А из-под земли, из-под корней этого самого банана, вдруг разом появилась вода. Так младшая сестра доказала старшей, что она говорила должные слова — ведь вода-то появилась. Довольные, сестры отправились к себе в Тамахамау.

Кало-факапаэте, их отец, жил тогда в Муифонуа [2], куда за ним по его приказу последовала и Мата-фине-ики. Фити-утоуто уже была тогда замужем, младшая же сестра жила одна. Как-то Фити-утоуто наведалась к ней, собираясь затем повидать и родителей: она наказывали ей прийти. С ней был ее муж, приходившийся Кили-уто-манонги зятем. Прошло всего пять дней, как супруги гостили у Кили-уто-манонги, но за это время она успела влюбиться в мужа сестры. Старшая сестра заметила, что младшая принялась украшать свои запястья и щиколотки красными листьями кордилины, носить ожерелье из этих листьев — словом, наряжаться напоказ. Она поняла, что дело в ее муже. Стыд и горе охватили ее, она кинулась к сестре, сорвала с нее все украшения, сама надела их, помчалась на берег Халангингиэ и там бросилась в воду. Так, снедаемая горем и ревностью, нашла она смерть в морской пучине.

Родители, узнав у себя в Муифонуа, что их дочь утопилась, тотчас же сказали о своей скорби и гневе младшей, Кили-уто-манонги. У той от известия совершенно упало сердце. Она осталась жить, где и жила, но ей больше не было ни радости, ни покоя. С тех пор она все пела:

О, как дивны морские раковины...
Выйди же из прибрежных зарослей,
Дай мне снова взглянуть на тебя.

А Мата-фине-ики, исполненная печали и тоски по своей старшей дочери, вернулась в тот край и поселилась на прежнем месте. Однажды там неподалеку показались две птицы; они опустились с высоты небес на гладь моря [3]. Мата-фине-ики стала

звать их, но они так и не подлетели к ней. Тогда она сама прыгнула в воду — в том самом месте, где бросилась в море ее дочь. Она поплыла за птицами, надеясь настичь их, но скоро стемнело, и уследить за ними стало трудно.

Мата-фине-ики плыла, плыла и вдруг ударилась ногой о подводный выступ. Стала она высматривать, что это там под водой, ничего не увидела и пустилась плыть дальше. Но тут ее ноги снова ударились обо что-то твердое, и вот она уже стала на ноги и поняла, что стоит на земле, на каком-то острове. Это был остров Фонуа-нгало, Неведомая Земля. Женщина дала знать об этом острове Кало-факафа, своему мужу, и вскоре он тоже прибыл туда.

А Кили-уто-манонги оставалась жить в своем поселке, не зная ни радости, ни покоя. В конце концов она помчалась на берег, бросилась в море и навеки сгинула в нем.

А название той земли — Фонуа-нгало. Еще она называется Ваихатуиэ.

120. Ваи-матанги и Ваи-фуалоло

Были некогда два человека, Ваи-матанги и Ваи-фуалоло, жили они в Хиола, что на побережье острова, к востоку от Моту [1]. Теперь по той земле бегут ключи, что бьют из подножия скал. Ваи-матанги — самый сладкий ключ; свежий и приятный вкус его воды не перебить даже морским волнам, которые набегают на берег и нередко заливают русло ключа. Но стоит приливу закончиться и морю отступить, как из ключа уже можно черпать воду — в ней не остается никакого привкуса горечи. Словом, это самый лучший ключ. И ныне люди пьют из него.

Почти таков же ключ Ваи-фуалоло. Налетают и на него морские волны, заливая его русло. И все же, если прилив не очень силен, вода в ключе сохраняет свою свежесть. Правда, сравниться по сладости с водой Ваи-матанги она не может.

Посередине между двумя этими ключами бьет еще один — ключ Ваи-манга-уа. Из него обычно пьют дети. А те два ключа носят имена Ваи-матанги и Ваи-фуалоло потому, что люди, называвшиеся так, бывало, пили из них. От этих людей и пошел запрет переступать через священные ключи.

Те двое жили в Куланахау и в Каупа — там, где Пауло, вероучитель с Самоа, приплывший в Муталау, поставил первый храм [2]. Однажды Ваи-матанги и Ваи-фуалоло покинули родные места и отправились посмотреть на разные другие земли. Их путь лег на остров Тутуила. Властителя острова звали Моа, это был знатный, благородный вождь. Он никогда не поднимал глаз от земли: ведь стоило ему взглянуть на любое растение, как оно тут же погибало. То же самое происходило от его взгляда со всем, что есть на земле,— с животными, с людьми. Итак, он всегда держал свои глаза опущенными долу, чтобы не погубить взглядом своего острова со всем, что на нем было [3].

Когда Левеи-матанги и Левеи-фуалоло прибыли туда, вождь спросил их:

— Откуда вы, люди? Назовите мне вашу землю, скажите, где она. Чем богата ваша земля?

Они заговорили с благородным Моа и отвечали ему:

— Мы держим путь с Нуку-ту-таха, что зовется еще Мотутe-фуа, и Факахоа-моту, и Нуку-тулуэа. Сладка вода, которую мы пьем там, а едим мы разные мелкие плоды, ягоды, которые дает нам земля. Вот и все.

Вождь приказал приготовить гостям еду. И вот их стали угощать чем-то очень сытным и вкусным — пища была сладкой, нежной. Восхищенные угощением, они облизали губы, обсосали пальцы, покрывшиеся кокосовым маслом, и затем сказали вождю:

— Ничего подобного этому у нас на острове нет.

Пиршество закончилось, и они еще долго беседовали с вождем. А потом вождь дал им два кокосовых ореха: первый кокос — Левеи-матанги, второй кокос — Левеи-фуалоло. И сказал вождь:

— Вот это кокосы, коэ ниуэ [4]. Это вам. Возьмите их с собой, выройте в земле ямку и посадите в нее. Только следите внимательно за их ростом. Ухаживайте за ними, и у вас будут новые плоды, которые станут вашим богатством, а потом богатством ваших детей. Они будут расти для вас и для всех, кто придет после вас.

И сейчас кокосы — необыкновенное чудо и сокровище. Жаждущий пьет молоко кокосовых орехов. Голодный подкрепляется их мякотью. Из волокон кокоса плетут веревки, необходимые в строительстве дома. Волокнистое опушение кокосовых листьев используют при приготовлении пищи — в него заворачивают таро, аррорут, дикий ямс тухои; через эти волоконца процеживают приправу к фаикаи [5]. Срединные прожилки кокосовых листьев связывают в пучки, и такими метелками удобно подметать в доме. В плетенные из кокосовых листьев корзины складывают все необходимое, собираясь в путь. Из этих же листьев плетут циновки, на которых приятно отдохнуть. Листьями кокосовой пальмы покрывают крыши домов. Из листьев плетут опахала, и ими обмахиваются в жару и зной. Их берут с собой путники, передвигающиеся в ночной темноте. Теперь кокос — богатство, за которое можно получить много других ценностей.

И сейчас растут на острове те два вида кокосов, что были получены от вождя Тутуила. Зеленый кокос ниутеа, светлый кокос — кокос Фуалоло. Светлых кокосов на острове немного; их молоко врачеватель дает больным, в этом молоке купают младенцев. Что же касается ключа Фуалоло, текущего в Хиола, то, когда он залит морской водой, пить из него нельзя — надо ждать, пока море отступит назад. Вода этого ключа очень полезна для больных, она возвращает силу и здоровье.

Коричневый кокос ниукула — кокос Ваи-матанги, носившего также имя Левеи-матанги. Из его ключа можно пить не переставая всегда, и не надо ничего ждать. И ныне кокосы Ваи-матанги

во множестве родятся на нашей земле, и все люди всегда пьют молоко этих кокосов.

Именно эти двое людей дали острову имя Ниуэ-фекаи. А всего остров называли трижды: Хуанаки дал ему имена Нуку-ту-таха, Моту-те-фуа, Факахоа-моту и Нуку-тулуэа, Левеи-матанги и Левеи-фуалоло назвали его Ниуэ-фекаи, а капитан Кук назвал его Савити Аилани — Дикий Остров [6].

Капитан Кук прибыл на остров в районе Алофи, зашел в проход Опахи, а Опахи — это деревня рядом с мысом Халангингиэ. Знатные люди Ниуэ раскрасили губы, зубы, щеки соком банана хулахула [7]; они растопырили пальцы, оскалили зубы, чтобы приплывший сюда капитан увидел их, испугался и оставил их остров. Чтобы быть похожими на людоедов, они и раскрасили себе зубы. Вот так остров и был назван Диким. А на самом деле следует забыть имена, данные острову Хуанаки — те три имени, и имя, данное капитаном Куком, и оставить только имя, идущее от Левеи-матанги и Левеи-фуалоло,— имя Ниуэ-фекаи.

121. Фолахау

Женщина по имени Фолахау жила на самой вершине Первого Неба; этот край там, наверху, называется Тукуофе [1]. Женщина эта была мастерицей выделывать тапу.

Вот как-то она принялась за работу, но у нее не было ни капли воды, не в чем было замочить луб. Как раз в это время наступила страшная засуха, изнемогала иссушенная земля, и женщину томила смертельная жажда.

Женщина запела, стала взывать к ползучим тварям, к небесным птицам, но у них тоже не было воды. Она принялась умолять рыб, плавающих по морю, чтобы они дали ей воды. И вдруг земля под нею содрогнулась, женщину затрясло, а из земли появилась и забила ключом вода. Вот уже вода понеслась к дому Фолахау, залила ее луб, подкатилась к ее ногам. Захлебываясь, Фолахау накинулась на воду — ведь жажда вконец измучила ее. Она забыла поблагодарить за появление воды тех, кто спас ее, забыла благословить несущиеся потоки.

Вот почему подводные источники возвращаются на свое прежнее место, уходят на дно расселин; вот почему эта вода не поит весь остров Ниуэ. Жители Палуки, Лику и некоторые жители Алофи берут эту воду, когда готовят аррорут, но вода эта иссякает очень быстро — и все потому, что Фолахау пила ее бездумно, забыв о словах благодарности. Нет ничего слаще этой воды, по сей день нет, а берется она из расселин, выйти из которых не может [2].

122. Нгини-фале

Женщина по имени Нгини-фале — ее называли еще Матангини-фале — была мастерица наносить узор на тапу [1]. Как-то она сидела на берегу моря и двустворчатыми раковинами наносила свои узоры: раковины для работы были у нее припасены и завернуты в край набедренной повязки. И тут к ней приплыл кит, выпустил из ноздрей воды, забил хвостом по воде. Нгини-фале принялась дразнить его:

— Эй ты, твердолобый, эй, твердолобый кит!

Услышав это, кит пришел в ярость. Он подплыл поближе и затаился. А Нгини-фале вскоре пошла на риф собирать морские раковины. Едва она повернулась спиной к морю, кит изловчился, схватил ее, зажал между плавниками и отправил в рот. И вот уже она оказалась в желудке у кита [2].

Могучая рыба унеслась в открытое море. А Нгини-фале, оставшаяся в живых, вытащила из узла на набедренной повязке острую-острую раковину, взяла ее и принялась скрести ею брюхо кита. Огромная рыба начала корчиться от ужасной боли, бросилась на какие-то камни, стала тереться об них брюхом. А Нгини-фале продолжала изнутри скрести раковиной брюхо кита. В конце концов море вынесло кита к берегам земли, которая называется Тонга [3]. Разрезанное брюхо кита открылось, и Нгини-фале вышла наружу. Она села на берегу погреться на солнце, потому что очень замерзла.

Вскоре на берег спустились местные жители и нашли женщину. Они отвели ее к себе, окружили вниманием и заботой. Нгини-фале была хороша собой, и ее взял в жены один благородный человек из числа тамошних вождей. Женщина понесла, и с этого времени муж ее стал горевать, не зная ни дня покоя. Наконец Нгини-фале спросила его:

— Почему ты все время плачешь?

— Потому я плачу, что в чреве у тебя — дитя.

А дело в том, что на этом острове было положено разрезать живот беременной женщины, чтобы вынуть оттуда младенца. При этом женщина умирала [4]. Вот отчего горевал Леи-пуа.

Но Нгини-фале успокоила его:

— Ну что ты! Я покажу всем, как должен родиться на свет ребенок.

И вот ребенок появился на свет. Это был мальчик, и назвали его Муталау. Когда он вырос, он узнал, что его мать приплыла с Моту-те-фуа, и ему очень захотелось побывать на родине матери.

123. Рассказ о ветрах

Жил человек по имени Левеи-матанги [1]. В лесу он расчистил земли и посадил на них таро. Но на этот участок, скрытый от чужих глаз, все время налетали ветры, продували его насквозь

и улетали прочь. Наконец Левеи-матанги изловчился, поймал их, завернул в лист таро и так, завернутыми, отнес в пещеру, что в Тауту, Лику. Там он подвесил их под сводом пещеры.

У Левеи-матанги было два сына — Лефеке и Пупу-ки-мака. Отец сказал сыновьям:

— С этим свертком будьте очень осторожны. Трогать его нельзя.

Но едва отец ушел, один сын подобрался к свертку и проткнул лист таро, в который были запрятаны ветры. В мгновение ока один ветер вырвался наружу и полетел к морю.

Вот почему и теперь над этой землей гуляют ветры. А еще: с тех самых пор то таро, в листья которого были завернуты ветры, стали называть у нас тало-матанги — «таро ветров» [2].

124. Палица

Вете-вихи и Ики-пуле жили в Тонгатити, недалеко от Палуки. Вете-вихи был воином, больше всего он любил сражения. К тому же он умел искусно сочинять песни. Ики-пуле приходился ему младшим братом. Его делом было вырезать из дерева палицы и копья.

Однажды до Вете-вихи дошел слух, что в Аваау готовится сражение. Он тут же отправился в лес в Халопиа и срубил там одно дерево. Это было дерево олуолу. Он принес древесину брату, и тот спросил:

— Какая нужна тебе палица? Большая и толстая или узкая палица факахутуаниу [1]?

Старший брат ответил:

— Нет, палицу факахутуаниу делать не надо.

Младший брат принялся за работу, и вот палица была готова. Он сказал старшему, что палице надо дать полежать немного, чтобы дерево подсохло. Но старший отказался, сказав:

— Нет, ведь уже скоро состоится сражение, и, если я дам ей полежать, мне не с чем будет выступить в военной пляске [2].

Братья заспорили, но последнее слово все же осталось за старшим. Еще молодой, он слишком полагался на свои силы. Итак, он взял палицу, исполнил военную пляску и пропел:

— Аиа, все готово к сражению!

Взяв палицу, он отправился на поле сражения.

В начале битвы Вете-вихи везло, удача была на его стороне. Но потом он повернулся спиной к своим воинам и тут же потерпел поражение. Товарищи стали уговаривать его продолжить битву, а его тянула к земле тяжесть палицы. Тут он вспомнил слова младшего брата. Вскоре силы вернулись к нему, но было уже поздно: поражение было окончательным. Швырнув палицу на землю, он бросился бежать, чтобы спасти свою жизнь.

125. Мауи-матуа и Мауи-тама

Жили на свете Тонга и Нганги; от них и произошли Мауи-матуа и Мауи-тама, старший и младший Мауи [1]. Младший — Титики-таланга, это он вознес небо высоко над землей.

Когда-то небо было очень низким, оно нависало над землей и лежало на побегах аррорута. Оттого-то листья аррорута, некогда прижатые к земле небесами, такие плоские. Людям под нависшим над землей небом приходилось ходить согнувшись, скрючившись. А Мауи поднял небо высоко. Одной ногой он упирался в землю в Туфуки; нога его пришлась там посередине дороги, и от страшного напора там образовалась вмятина. Другую ногу Мауи поставил восточнее, в Фатуана. Эти места до сих пор называются «ногами Мауи» [2]. Крепко упершись ногами в землю, Мауи воззвал к небу:

— Отделись, отделись от земли, поднимись, поднимись высоко, о небо!

И вот от мощного толчка Мауи небо поднялось высоко над землей. А побеги аррорута остались далеко внизу, у самой земли.

Мауи-старший и Мауи-младший жили в Матаве. Там они всегда ночевали, и прошло немало ночей, прежде чем, проснувшись рано утром, Мауи-младший заметил, что старшего, Мауи-матуа, нет. Куда он отправился, младшему было невдомек.

Так было каждую ночь. Когда же солнце поднималось, Мауи-старший возвращался и всегда приносил что-нибудь поесть. Оба Мауи садились есть, но Мауи-тама так и не знал, откуда взялось то, что они едят.

Вот как-то старший в очередной раз вернулся с едой, и оба Мауи принялись за свою трапезу. Мауи-старший ел мягкую пищу, а у младшего Мауи еда была жесткой-прежесткой. И младший спросил старшего:

— Почему у тебя еда мягкая, а у меня — жесткая?

На это старший сказал:

— Положи свою еду на солнце, пусть испечется.

Мауи-тама положил еду на солнце, подождал, но, принявшись за нее через некоторое время, увидел, что она так и осталась жесткой.

Так прошел день. Назавтра, слоняясь по дому, Мауи-младший нашел листья — те, в которые оборачивают пищу в печи. Он принялся внимательно рассматривать находку, и тут у него мелькнула одна мысль. Взяв лист, побывавший в печи, он положил его рядом с листом, который полежал на солнце. Листья оказались разными. А он-то поверил старшему Мауи! И тут Мауи-младший решил: «Надо сегодня же ночью выследить Мауи-матуа».

Вот наступила ночь, оба Мауи стали ложиться спать. Старший сказал:

— Ну давай спать.

И вот уже младший услышал его храп и сопение. Тогда он

встал и связал вместе концы поясов — своего и пояса, который был надет на Мауи-матуа. «Вот теперь,— сказал он про себя,— мы с тобой будем спать». И старший Мауи на самом деле спокойно спал, а младший бодрствовал. Не смыкая глаз он лежал и ждал, когда встанет Мауи-старший, чтобы наконец выследить, куда же тот ходит под покровом ночи.

Вот наступило время звездам выходить в небо. Старший Мауи поднялся, собрался уходить. Тут же конец его пояса потянул за собой пояс Мауи-младшего, тот чуть пошевелился, и Мауи-матуа понял, что младший Мауи не спит. Он решил остаться и подождать, пока юноша заснет. Наконец он услышал, как младший Мауи спит и громко храпит во сне. Тогда Мауи-старший нащупал узел на поясе — это был узел, завязанный младшим Мауи,— и развязал его. Все это время юноша на самом деле не спал, но Мауи-старший и не подозревал об этом. Вот Мауи-тама поднялся и отправился в свой обычный путь.

Когда он ушел, Мауи-младший встал и последовал за ним. Мауи-старший пустился в Талимаитонга, там вытащил из земли несколько стеблей тростника и спустился под землю. Затем он поставил стебли тростника на место и так закрыл отверстие, ведущее вниз. Но младший Мауи успел разглядеть дорогу, по которой ходил старший. Он пошел следом, вытащил из земли тростниковые стебли, скрывавшие путь вниз, и сошел под землю. Спустившись вниз, он увидел, что старший Мауи трудится, возделывает свои участки. Высоко поднимался дым горящего костра. Земля изобиловала растениями и плодами, пригодными в пищу [3].

Мауи-тама забрался на одно из деревьев — это была яблоня. Он принялся есть ее плоды, а несколько яблок упало на землю. Старший Мауи, увидев упавшие на землю плоды, заговорил: он обращался к птицам митикохи [4]:

— Птички, птички митикохи, лучше ешьте вредных букашек и противных червяков, и пусть плоды этого дерева, тянущегося к небу, останутся расти как росли.

При этих словах младший Мауи спустился с дерева. Старший тотчас же бросился на младшего, и началась схватка. Старшему удалось одолеть младшего и швырнуть его на землю. Но младший быстро вскочил и снова бросился к противнику. А старший вновь одержал верх и бросил меньшего на землю. Тут уж младший почувствовал, что силы покидают его. Когда старший снова бросился на него, юноша испугался, что еще немного — и старший Мауи просто убьет его. Но все же младший Мауи твердо решил, что должен одолеть старшего.

Они снова стали бороться, и вот младший одолел старшего и швырнул его на землю. А затем, схватив горящую головню, он бегом бросился обратно, наверх.

Увидев это, старший Мауи принялся клясть его и призывать дождь:

— О грохочущий ливень, о гремящий дождь, пролейся и потуши этот огонь!

Младший Мауи поджег все деревья, что росли там по дороге, но дождь залил этот огонь. Последним деревом, в которое Мауи отправил огонь, был баньян, росший здесь, наверху, в Талимаитонга. Поднявшись следом, Мауи-старший застал там ярко пылающий огонь, который никак нельзя было погасить. И этот огонь поглотил все тамошние деревья.

С тех пор огонь скрыт в деревьях; так и дошел он до наших дней. Всякий, идущий в лес, может добыть огонь. Для этого нужны две вещицы, две палочки: одна называется като-лонга, другая — като-хика [5].

Сначала Мауи-матуа было по вкусу все, что росло и водилось на этой земле и что было пригодно в пищу. А потом он проклял дерево каномеа. Это высокое лесное дерево, подобное вождю среди всех прочих деревьев. Плоды его были сладки и нежны. Проклятие же сделало их горькими. И атиу, небольшое растение, что стелется по земле, тоже давало прежде сладкие плоды. Но и их проклятие Мауи сделало горькими.

И еще Мауи произнес проклятие, сделавшее жгучим и едким гигантское таро — капе, а ведь прежде по вкусу оно было точно таким же, как съедобное таро. А чудесным листьям банана хула-хула [6], росшим вверх, Мауи приказал склониться к земле. И такими, склоненными к земле, они остались и в наши дни.

126. Лауфоли

Речь пойдет об одном человеке. Звали его Лауфоли. Он плавал на Тонга. Как-то на Ниуэ приплыли лодки тонганцев, и тонганцы спросили местных жителей:

— Скажите, что это с вашими панданусами?

— Лауфоли рубит их на дрова,— отвечали те.

А Лауфоли был отважным воином и благородным вождем. Услышав рассказ о нем, вождь тонганцев приказал взять Лауфоли на Тонга. Лауфоли сошел в лодку тонганцев — ту, что была предназначена для троих,— и взял с собой палицу, завернув ее в листья тефифи. Лодка тронулась и поплыла к берегам Тонга.

Там тонганцы приказали Лауфоли срубить одно банановое дерево. Лауфоли велел принести из лодки его палицу. Тонганцы спустились к лодке, искали, искали палицу, но так и не нашли и принесли взамен весло. Пришлось самому Лауфоли пойти к лодке, там он сразу достал свой сверток и развернул листья тефифи. От лодки он направился прямо к дереву. А оно было необычным: в сердцевину его был вставлен брусок железного дерева, очень твердого. Но Лауфоли, взяв палицу в левую руку, одним ударом снес дерево так, что и внутренний брусок не выдержал. Тонганцы просто онемели.

Тогда они послали Лауфоли к расселине, на дне которой бурлил поток. Он перепрыгнул через эту расселину, а тонганцы надеялись, что он найдет смерть на дне.

Они решили послать Лауфоли в пещеру, где жил Толоа-каи-тангата, Толоа-Людоед. Лауфоли отправился туда, но, когда пришел, людоеда там не оказалось. В пещере была его жена. Лауфоли спросил ее:

— Куда он ушел?

Женщина сказала:

— Он отправился на промысел.

— А когда он вернется? — спросил Лауфоли.

Женщина сказала:

— Вот прольется ливень, прогремит гром, содрогнется небо, и он появится со своей ношей — человечьим мясом.

И Лауфоли заметил:

— Омерзительный здесь запах.

Вернувшись, Толоа-каи-тангата увидел сидящего в пещере Лауфоли. Ухмыльнувшись, он двинулся к гостю, и тут Лауфоли нанес страшный удар по его ногам; он отрубил ноги, а потом руки людоеда. Толоа стал молить Лауфоли оставить ему жизнь, обещая никогда больше не есть людей. Лауфоли же приказал:

— Высунь язык!

Тот высунул язык, Лауфоли вырвал его и сжег. Так настал конец Толоа-каи-тангата; теперь тонганцы могли жить спокойно.

Наступила третья ночь, и тонганцы решили, что Лауфоли должен взобраться на гору. Там, наверху, жили люди. И Лауфоли отправился на вершину этой горы. Огромные камни летели и катились на него сверху, но он ловко увертывался и продолжал свое восхождение. Если же летевшие в него камни были невелики, он попросту отбивал их и продолжал подниматься. Наконец он достиг вершины и там принялся размахивать во все стороны своей палицей, чем страшно напугал всех собравшихся там. Они тут же стали молить его о прощении, и он пощадил их. Спустившись вниз, он решил поселиться в том краю. В жены он взял дочь верховного вождя [1]. У них родилось трое детей. Но жена постоянно была недовольна Лауфоли, корила его, жаловалась. Местные жители стали говорить:

— Он чужой нам, так пусть умрет! Смерть чужестранцу!

И тогда Лауфоли отправился назад, на Ниуэ. Прибыв на Ниуэ, он поселился в Лику. Как-то тамошние жители были собраны, им было приказано принести дров и приготовить земляную печь. Печь нагрелась, но люди недоумевали, по какому случаю она готовится. Когда кушанье было уже почти готово, Лауфоли велел своим воинам помешать в печи. Для помешивания там была приготовлена палка саженей шесть длиной. Воинов при Лауфоли было двое — Вихе-кула из Муталау и Кула-теа из Хакупу. Они принялись мешать в печи — а там готовилось кушанье из корней ти,— но у них ничего не вышло. Тогда за это взялся сам Лауфоли. Он справился с огромной палкой и сумел помешать в печи, но внезапно соскользнул по мешалке внутрь, в раскаленную печь. В ней он и погиб. Люди в ужасе закрыли печь, и она тут же зашипе-

ла. К отверстию печи подскочил тонганец, спутник Лауфоли, приплывший вместе с ним на Ниуэ. Вдруг, совершенно внезапно, из печи вылетел раскаленный камень! Он разорвался в воздухе, один осколок отлетел и попал в того тонганца, который тут же умер.

Таков рассказ о бесстрашном Лауфоли и о его непостижимой уму кончине в нутре раскаленной земляной печи — именно там настигла его смерть.

Он предок Мохе-ланги, Мохе-ланги к нему возводит свое родство: он из семейства Лауфоли.

Вернувшись с Тонга к себе на Ниуэ, Лауфоли нарек себя вот этими именами: Тонгиа-ма-тонга, Тапиваи-маи-тонга, Толоа-маи-тонга, Моунга-маи-тонга, Хакеанга-ики, Тангалоа-ке-хе-ики [2].

В именах этих — названия подвигов, которые совершил Лауфоли, пока был на Тонга. И еще о своих деяниях Лауфоли сложил несколько песен.

127. Мохе-ланги

Однажды Мохе-ланги отправился охотиться на птиц в лесных зарослях Каухи. Он заметил двух птиц, но, пока он прицеливался и примерялся, птицы успели улететь. Отлетев на какое-то расстояние, они уселись на другое дерево и принялись клевать его плоды. Мохе-ланги подкрался к ним, но они снова улетели. Мохе-ланги продолжал преследовать их, но уже не сами птицы были нужны ему: он не мог успокоиться, что они все время ускользают от него. Наконец он добрался до дерева туахи. Птицы сидели на его ветке. Вдруг Мохе-ланги заметил, что под деревом что-то спрятано. Откинув листья, он увидел на земле тела двух юношей. Тела уже начали разлагаться, но Мохе-ланги сразу узнал своих сыновей и понял, что кто-то убил их.

Он отправился на поиски убийцы, обошел весь остров и опросил всех, но никаких следов найти не смог. Тогда он велел Пала-ланги добыть ему акульи зубы, чтобы этими зубами обрить голову [1]. Пала-ланги же ответил ему высокомерно:

— Где я возьму акульи зубы? Иди и обрей голову клешнями краба.

Услышав эти слова, Мохе-ланги обратил весь свой гнев на Пала-ланги и сказал ему:

— Замолчи, трус, или отправляйся в Тафити!

На это Пала-ланги отвечал ему:

— Птицы, след которых ты потерял, уже давно пойманы и съедены. Ты напрасно гневаешься на меня: твой человек, Кулатеа, убил детей своего вождя!

Страшная скорбь охватила Мохе-ланги при этих словах. Но он приказал своим воинам готовиться к сражению с Пала-ланги в Улуманго. Готовясь к сражению, Мохе-ланги воспрял духом. И наконец он призвал начать сражение.

Пала-ланги сначала направился в Лику, и его воины прибыли в Улуманго. Там он услышал плач, идущий со дна моря, и испугался этих подводных голосов, испугался могучего войска Мохеланги. А ведь это просто волны набегали и морская пена покрывала берега Улуманго. Итак, Пала-ланги повернул назад и пошел в Матахо, что близ Макефу. Там не было никакого сражения.

Мохе-ланги, прибыв в Улуманго, увидел, что противника там нет. Он увел своих воинов оттуда и настиг врага в Фетики. Пала-ланги был окружен и потерпел ужасное поражение.

128. Фоуфоу

Фоуфоу был вождем в Авателе — в старое время, во времена Нгалианга и Мохе-ланги [1]. Жители острова ненавидели его и все искали случая его убить. Но ничего у них не выходило. Ведь его атуа был Алело-лоа [2]. Фоуфоу долго скрывался в лесных зарослях, прятался по пещерам — и найти его было очень трудно. А скитаясь, он обращался к своему атуа Алело-лоа:

— Слизни своим длинным языком все съестное, что есть на острове, пусть сгинет все, пусть солнце не оставит ничего, пусть настанет на острове голод.

Сам Фоуфоу спрятался в пещере в Туипауа. Его атуа тоже пошел туда, приняв обличье паука. Вход в пещеру паук закрыл сеткой своей паутины. Всякий, кто пришел бы к этой пещере, решил бы, что там никого нет. Много раз приходили к этой пещере в Туипауа жители острова, искавшие Фоуфоу. Но найти его там они не могли, обманутые паутиной, которая закрывала вход в пещеру.

А на острове наступила страшная засуха, без единой капли дождя; это было страшное бедствие, принесшее жителям острова голод и страдания. Есть было совершенно нечего, и, сколько люди ни искали, они ничего не могли найти. А Фоуфоу жил себе в своей пещере и питался плодами дерева малайской яблони, что росла у входа в пещеру. Плоды падали к Фоуфоу в пещеру, и ему всегда было что есть.

Как ни старались люди понять причину голода и засухи, им не удавалось постичь, что же навлекло на их остров такие страшные бедствия. Наконец один человек, прорицатель Тонгулу из Тамахамуа, открыл им причину ужасного несчастья. Он сказал:

— Это человек, пробравшийся в одну пещеру, навлек беду на остров.

Тогда люди Тафити отправились туда, и с ними Фоуфоу покинул пещеру. Выйдя из нее, он стал твердить слова заговора:

Пусть наступит теперь изобилие,
Пусть приплывет крутолобый кит,
Пусть приплывет серебристый кит,
Пусть приползут морские крабы,
Пусть приплывут морские рыбы,

Названные и безымянные,
Пусть настанет изобилие
У порога благородного вождя.

И вот пролился дождь. На острове настало изобилие. Приумножилось все живое. Расплодились звери на земле, приплыли стаи морских рыб. Счастье воцарилось на острове. Воспряли, зажили в радости все люди.

Фоуфоу, вожди Тафити и вожди Матахефонуа стали выбирать вождя, который мог бы управлять благоденствующим островом. Был выбран Нгалианга. Все вожди собрались на торжество в честь Нгалианга — оно состоялось в Палуки. Фоуфоу тоже пошел туда. В день воцарения Нгалианга сложил и пропел Фоуфоу эту песню:

Жители земель
Тепа и Нуку-лафалафа,
В надежде на вас
Пришел я сюда.
Пусть разверзнется небо,
Разверзнется пусть земля.
Новый день наступает!
Уже пора уходить
Вождям с берегов Авателе,
Пора, пора уходить!
Хили-ке-ихи, Факаили-кула,
Нуку-фангамеа, Тала-хоко-иа,
Палица моя обрушивает удары
На новых, пришедших вождей.
Сам же я отправляюсь в море [3].

129. О сыновьях Фоуфоу

Тули-тонга и Тангалоа-хе-кула были из Тафити, они были сыновьями вождя Фоуфоу, правившего в Авателе. Однажды они отправились в Фатуана, чтобы сделать там подношения духам, а оттуда двинулись в Маталоко, где в это время купались жители Моту.

У людей Моту было такое правило: прежде чем выйти из воды, они ныряли, состязаясь, кто нырнет лучше. И вот когда один из них как раз нырял, остальные заметили, что за ними наблюдают двое чужих. С неприязнью они стали подначивать пришедших:

— Ну-ка, вы, тафити, нырните, покажите себя.

Те нырнули, иначе бы им не миновать смерти от руки врагов, моту. Но пока они не достигли открытого моря, они не показывались из воды, плыли под ней. Вынырнули они только в открытом море. А оттуда они направились в Неведомый Край [1]. И они пели вот такую песню:

Мы ныряем неспешно, но споро,
И не слышно при этом плеска.
Оскорбленные, мы ныряем,
Чтобы выплыть в открытом море.

130. Наму-эфи и Нгуту-пухи-пеау

Оба они возделывали землю, но занимались этим по-разному, каждый по-своему. Нгуту-пухи-пеау [1] выращивал таро на внутренних участках, наверху, а Наму-эфи выращивал красноватые бананы на землях, расположенных внизу [2].

И вот однажды поднялся страшный ураган, вздыбились волны — и все таро, выращенное Нгуту-пухи-пеау, погибло. А земли Наму-эфи остались целы, ему было что есть, и он оставался доволен и весел. Тогда Нгуту-пухи-пеау решил спуститься к морю и поселиться на мысе в Алиуту, что в Алофи. И, придя туда, он затянул такую песню:

— Я велю морю нестись скорее, я гоню его к югу, я гоню его к берегу, к южному берегу.

Так он добился того, что море бурлит и стремительно несется куда-то у мыса, что в Алиуту.

131. Лава-кула

Лава-кула женился на Тау-ахи, женщине из Тамакаутонга, и отправился жить к ней. Однажды он решил пойти в Муталау. Прибыв туда, он узнал, что все местные жители ушли охотиться на голубей. Он стал их искать, набрел наконец на их охотничье укрытие и встал у фата [1]. Вскоре охотники поймали двух голубей и поднесли их Лава-кула. А Лава-кула спросил собравшихся там людей:

— Как называется это место?

Фоу-тапу, тамошний вождь, в ответ оскорбительно сказал ему:

— Откуда мог взяться посторонний невежда, не знающий, как называется место, где мы охотимся?

От этих слов Лава-кула исполнился страшного гнева. Он схватил подаренных ему голубей и бросился прочь оттуда, а землю, где прошел, опустошил. Итак, он бросился прочь и бежал долго-долго. Отдохнуть он остановился только в Фалекахо. Затем он снова пустился бежать и наконец прибыл к себе в Халамаханга.

На следующий день он отправился в лес, что в Манауи, и начал строить там большие лодки — для них он брал древесину дерева ата. Лодки были нужны ему, чтобы отомстить жителям Муталау. Он был твердо намерен сражаться, и вот уже был совершен ритуал тунги-маама [2]. Спустив лодки на воду, он достиг Патууту, где тоже совершил обряд тунги-маама. С наступлением вечера он со своими

людьми снова вышел в море, чтобы жители той местности не заметили прибывших.

На следующий день сражение должно было начаться, и он обратился к своим духам, Умупулу и Факатикитики, с просьбой следить за тупуа — покровителями Фоу-тапу: они умели летать. В Полима он приготовил земляную печь, заполненную пиа [3], а в Пололо он приготовил земляную печь с кушаньем из таро. Когда вся еда была готова, он открыл печи. И тут же началось сражение. Фоу-тапу пал в этом сражении, которое велось в Туфакеле. А Лава-кула пел вот эту песню:

Спросил меня чужой: «Где ты живешь?»
И был ему ответ: «В Халамаханга моя земля».
И еще он говорил со мной и звал сюда,
Он — воин, готовый со мною сразиться.
И я сказал: «Мой караван уже в море».
А он: «Не накрыло ль его волнами?»
И снова он говорил со мной и звал сюда,
Он, воин, готовый сражаться, говорил со мной.

И еще он пел вот эту песню, обращаясь к тупуа:

О Умупулу, о Факатикитики,
Вот мое оружие, помогите мне,
Наделите оружие силой! [4].

Потом Лава-кула снова пришлось сражаться с жителями Муталау. На этот раз Тала-махина пошел на него войной. Потерпев поражение, Лава-кула бежал и стал укрываться от врагов: сначала в Хафоу, потом в Моунга-кахи-ну, потом где-то неподалеку от Халангингиэ и, наконец, в Тепа.

Его преследовали, но найти не могли. Противники его знали, что он укрылся в Тепа, но им не удавалось найти дорогу к его убежищу. Наконец они встретили женщину по имени Тиалои, и она выдала им дорогу к этому убежищу, сказав:

— Идите к тому месту, где банановые побеги растут, переплетаясь с ползучими растениями. Оттуда-то и начинается дорога вниз, ведущая к его укрытию.

Те воины немедленно отправились туда, нашли банановые побеги и дорогу, ведущую к убежищу Лава-кула. Лава-кула же, заметив приближающихся врагов, решил броситься в море. Он стал кричать жене:

— Прыгай же, Тау-ахи, прыгай!

Но Тау-ахи не стала прыгать вниз: она хотела жить. Снова закричал Лава-кула:

— Прыгай, Тау-ахи, разве не угождал я тебе все это время, разве не кормил тебя самой нежной пищей?

Но Тау-ахи не обращала на него никакого внимания. Когда враги подошли туда, Лава-кула один прыгнул в море, а женщина бросилась к знатному воину по имени Атеманга и пошла с ним. Потом она стала его женой.

132. Ваи-муа-тифа и Тити-ату

Тити-ату жила в Авателе. Ваи-муа-тифа была прорицательницей, таула-атуа, и жила она в Тамалангау. Однажды Ваи-муа-тифа отправилась в Авателе к тупуа Луа [1]. Там она подружилась с Тити-ату, и они решили поселиться на самом берегу. У обеих были дети, но откуда — они сами не знали. Итак, они стали жить под скалой на наветренном берегу.

Но некоторое время спустя женщины отдалились друг от друга, и Ваи-муа-тифа с детьми ушла жить на подветренный берег. Как-то, совершенно неожиданно, появился там тупуа, которого звали Поту-мате-ланги. Он велел Тити-ату прогнать Ваи-муа-тифа прочь с берега, сказав, что у нее стало слишком много детей.

Поговорив с этим тупуа, Тити-ату, а за ней и ее дети возненавидели Ваи-муа-тифа и ее детей. Берег, на котором жила Ваи-муа-тифа, они усеяли нечистотами. Ваи-муа-тифа пришлось покинуть те места; вместе со своим семейством она двинулась в Палитоа, что близ Авателе. Прибыв туда, она разрыдалась и попросила Луа всколыхнуть море, нагнать к берегу высоких волн, погубить Тити-ату и ее детей.

Налетели волны, накрыли скалы в Туфула, докатились даже до Лиукитиа, что за Авателе. Тити-ату и все ее дети погибли в этих волнах. Только одной девочке удалось спастись. Вода стала спадать, а девочка осталась на ветке прибрежного кустарника тиалетофа. Так она выжила. Ее звали Махе-лепа. Когда она выросла, ее взял в жены один человек из Авателе. Она родила ему много детей, в их числе — дочь по имени Фине-мата. Эта Фине-мата стала потом матерью знаменитого воина Тала-махина [2].

133. Хили-нгуту

У человека по имени Хили-нгуту распух живот, и он умер. Родственники положили тело умершего в лодку, спустили лодку на воду и отправили ее качаться на волнах. Вернувшись к себе, родственники совершили обряд, исполнили пляску тафеаухи [1]. Спустя два дня один человек пошел на берег. Неподалеку от берега он увидел, что кто-то сидит под банановым деревом и очищает банан хулахула [2]. Решив, что он увидел духа, тот человек испугался и побежал скорей к своим:

— Подите к берегу, посмотрите, там черный дух [3]! Он сидит и ест банан хулахула.

Люди пошли туда, а это — это был Хили-нгуту, тело которого они только недавно отправили в открытое море. Морская вода залечила ему живот, и он вернулся живым — его прибило к берегу. Он дожил до старости.

134. Муталау и Матуку-хифи

Тихамау был одним из вождей Нуку-ту-таха. Его главный дом стоял в Хапунга-мо-фаофао, деревне, расположенной в местности Улулаута, что на побережье, недалеко от Леленго-атуа. Тихамау был первым среди вождей, собиравшихся на святилищах Фана-кава-тала и Тиателе; бывал он и в Ваихоко, в каменном укрытии, которое образуют ноги лежащего Хуанаки. Тихамау был первым верховным правителем Ниуэ-фекаи [1].

Матуку-хифи состоял при Тихамау и был его хангаи, вторым после самого Тихамау вождем. Он следил за тем, чтобы на остров не проник кто-либо из чужеземцев с целью захватить этот край. Он нес дозор на вершине скалы в Макатау-какала, что на побережье Онеоне-пата, недалеко от Авателе. Там у него были заготовлены светлые морские раковины. С наступлением темноты он привязывал их тапой себе на глаза и усаживался поудобнее, опершись спиной о камень, обращенный к морю. Раковины, укрепленные на его спокойно закрытых глазах, белели в темноте, и казалось, что он сидит не смыкая век. А на самом деле он спокойно спал до наступления следующего дня.

А в это время Муталау собрался посетить свою прародину [2]. Но Матуку-хифи стоял на страже ее берегов и в своем вечном бдении не дал бы Муталау выйти на берег. И тогда Муталау решил не пытаться попасть на остров ночью или вечером, а приплыть днем, при свете солнца. Как-то, когда Матуку-хифи уже ушел заниматься своими дневными делами, Муталау оставил лодку в Тиоафа и прокрался туда, где ночами нес дозор Матуку-хифи. Спрятавшись, он стал ждать прихода Матуку-хифи; он решил узнать, что же это за человек.

В сумерки Матуку-хифи пришел туда, развел костер, достал раковины, закрыл ими глаза и устроился на своем обычном месте, опершись спиной о скалу. Так Муталау увидел, что Матуку-хифи действовал обманом. Муталау схватил свою палицу, встал на главную дорогу, проходившую там, и одним ударом снес голову Матуку-хифи. Удар палицы обрушился и на скалу, и каменное сиденье убитого стража тоже было уничтожено. Вот так настал конец Матуку-хифи.

А Муталау отправился в глубь острова и в Ваоно — это деревня в местности Малафати, между Лакепа и Лику,— встретился с Тихамау. Они стали спорить, кому из них быть вождем, и Муталау настоял на том, чтобы кинуть жребий. И они стали смотреть, чья палка сможет войти острым концом в камень. Муталау потом отправился жить в Ваингоха, край Хуанаки [3].

Когда Матуку-хифи погиб, его сыновья, Лепо-ка-фату и Лепо-ка-нифо, были совсем маленькими. Когда же они выросли, то стали спрашивать, кто был их отец. Родственники сказали им:

— Ваш отец Матуку-хифи погиб от руки Муталау.

Сыновья Матуку-хифи твердо решили отомстить за отца и стали учиться военному искусству. Наконец они отправились к Муталау

и убили его. Так начались на острове Ниуэ усобицы [4], тянувшиеся до тех пор, пока не появились здесь Пениамина, Тоимата и Пауло. Они принесли с собой слова Иисуса и положили конец войне, которая могла бы тянуться и до наших дней [5].

135. Тухенга

В давние времена жил в Алофи человек по имени Тухенга — он был одним из тех, от кого и пошли нынешние жители Алофи.

На острове тогда царил страшный голод, земля не давала урожая, людям ничего не оставалось, как собирать дикие травы и горькие плоды, да и их не хватало. Тухенга же был бессердечным, жестоким человеком и всех, у кого было хоть немного съестных припасов, безжалостно грабил. Обычно он выслеживал тех, кто выходил на берег обрабатывать дикий ямс; эти люди сначала мыли ямс в соленой воде, потом в пресной, стараясь отбить у него горечь. А Тухенга за это время исхитрялся украсть у них драгоценные клубни. Удачлив он был необыкновенно. Вскоре присоединились к нему человек пятнадцать-восемнадцать его родственников, и тут Тухенга совсем потерял страх и совесть. Он стал бродить по всему острову, убивая многих на своем пути, внушая всем страх. Его родные тоже начали бояться его: перебив всех чужих, он мог не пощадить и их. Они попытались изловить его, но не тут-то было: он был и силен и хитер. Тогда они решили захватить его в его собственном доме, прибегнув к хитрости.

Волосы Тухенга, как и все в те времена, носил длинные и подвязывал их на затылке. А спал он всегда, положив голову у основания опорного столба.

И вот ночью родственники Тухенга прокрались к нему в дом и тихонько развязали узел у него на затылке. Распустив ему волосы, они обмотали их вокруг того самого опорного столба. После этого он уже не мог двинуться. Тут-то и удалось его убить.

Рассказывают, что после смерти Тухенга дух его пел:

Убитый руками людей из Тапеу,
Прокравшихся ночью в мой дом,
Я, воин бесстрашный, стал духом незримым.
Свои же меня и убили!

И путь мой теперь — в подводные дали.
Ликуют: погиб людоед жестокий!
Отныне на острове станет спокойно.
Свои же меня и убили!

И нет больше воина из Макефу.
Сражался и умер он в Ваилоа.
А те, что боялись быть съедены мною,
Довольно на мертвое тело глядят.
Своими же предан я подло!

136. Птица куле и птица века

Две эти птицы жили вместе, в дружбе и согласии. Но вот однажды куле пришло в голову разделить все, что у них было съестного. И вот куле сказал века:

— Все эти длинные листья, и эти широкие листья, и эти круглые листья — мне. А вонючие мушки и пчелы пойдут тебе.

Века очень рассердился: ведь вышло так, что ему досталось все самое скверное, и виноват в этом был куле. Века пошел к морю, а там ему на глаза попалась большая раковина. Он подошел к ней и потерся ногами о ее нижнюю створку. А потом он произнес заклинание:

— Иди, куле, сюда, иди, протяни раковине ногу.

И куле спустился на берег и протянул ноги к створкам раковины. Раковина тут же сомкнула свои створки, и ноги куле оказались прихлопнуты ими. А века поднялся на скалу и оттуда обратился к морю:

— Море, иди сюда, иди скорее, иди живее, поднимайся, накрой куле волнами, погуби его!

И тотчас море начало наступать, забурлило, а ведь века не успел и договорить. Вот куле уже скрылся в волнах, вот море стало уносить его — одна только голова еще оставалась над водой. Но ему все-таки удалось высвободить свои ноги, зажатые между створками раковины. Вот почему у птицы куле такие длинные ноги.

Он тут же вскочил и побежал за века и гнался за ним до тех пор, пока не настиг его у пещеры, что в Нга, а там клювом и когтями расцарапал затылок века так, что посередине получилась глубокая рана. Вот почему голова птицы века наполовину лысая и к тому же он ест всякую гадость. Что до птицы куле, она ест и сахарный тростник, и разные бананы, и таро. Так пошло с тех пор.

137. Крыса и осьминог

Жили на свете крыса, краб и ржанка. Они взялись строить лодку. Наконец, когда их лодка была построена, они стали готовиться к плаванию. Но что им делать, если лодка потерпит крушение? Крыса сказала:

— Если лодка потерпит крушение, я поплыву.

Ржанка сказала:

— Если лодка потерпит крушение, я полечу.

Краб сказал:

— Если лодка потерпит крушение, я утону.

И вот они вышли в море. И точно — лодка перевернулась. Тут же взлетела ржанка, пошел ко дну краб и пустилась вплавь крыса. Крысе удалось доплыть до прибрежных камней, но при этом она чуть не умерла. Вскоре появился осьминог, взял крысу и взвалил ее прямо на голову. Медленно, осторожно пополз осьминог и наконец достиг берега. А затем он пустился в обратный путь.

Крыса же крикнула осьминогу вслед:

— Потрогай-ка свой затылок!

Осьминог провел по голове, а на ней — испражнения крысы. И осьминог так рассердился на крысу, что до сих пор не может ей этого простить.

А отсюда пошел один способ, которым люди пользуются, чтобы поймать осьминога. Берут большую пятнистую раковину каури. К ней приделывают поддельные задние лапы, поддельные передние лапы, поддельный хвост — получается точно, как настоящая крыса. Опускают это в воду и ждут. Как только осьминог видит крысу, он бросается и хватает ее. А вот тут-то люди и хватают его самого [1].

И до сих пор не может осьминог простить крысе, что когда-то она нарочно испачкала его голову.

138. Ржанка и краб

Краб сказал ржанке:

— Если я спрячусь, ты меня не найдешь.

А ржанка ответила:

— Если я спрячусь, ты меня не найдешь.

Вот так они спорили.

Наконец краб спрятался, а ржанка принялась его искать. На дороге, по которой прошел краб, ржанка нашла его следы. А очень скоро ржанка увидела клешни самого краба, бросилась к тому месту и стала раскапывать там то, что было домом краба. И краб выскочил наружу. Вот почему норки крабов так неглубоко спрятаны под землей и людям легко их искать.

После этого отправилась прятаться ржанка. Краб пошел ее искать, но так и не нашел. Он только слышал, как откуда-то раздается голос ржанки:

— Вот я где, слышишь мой голос из-под земли?

И как краб не мог найти дома ржанки, так и никто не может до сих пор найти ее гнезда.

139. Мотылек и паук

Жили на свете два маленьких существа — мотылек и паук. Мотылек сказал пауку:

— Ты прекрасно пляшешь.

— А у тебя прекрасный домик,— ответил паук.

И еще паук попросил мотылька:

— Ты мне не станцуешь?

Мотылек принялся плясать, но у него ничего не выходило, танцевал он плохо.

Паук сказал:

— Пойдем, посмотришь, какой у меня дом.

А прежде чем идти, паук сплел и подвесил в воздухе свою сеть. Теперь же он велел мотыльку:

— Ступай за мной точно по моим следам.

Они отправились в путь; мотылек шел, точно следуя за пауком. Шел он, шел и в конце концов попал в паутину, которую приготовил и растянул в воздухе паук.

Так, запутавшись в паучьей сети, погиб мотылек.

140. Мотылек и бабочка-бражник

Как-то два этих существа поспорили. Бражник сказал:

— Самое прекрасное — это огонь.

Мотылек стал возражать ему:

— Нет, лучше всего — свет и тепло солнца.

Так они спорили и спорили, но вот бражник увидел огонь, подлетел к нему, прыгнул в самое пламя — и сгорел.

А утром следующего дня мотылек проснулся, взлетел и стал нежиться в тепле солнечных лучей.

141. Баньян и лесное дерево каномеа

Два дерева затеяли друг с другом спор. Эти деревья были баньян и каномеа. Баньян сказал дереву каномеа:

— Из всех деревьев мне — больше всего чести. Ведь у меня столько ветвей, столько корней!

А дерево каномеа отвечало баньяну:

— А почему же тогда ты всегда льнешь к другим деревьям? Ведь это они делают твой ствол прямым.

И еще дерево каномеа сказало баньяну:

— Что до меня, я стою само по себе, я без чужой помощи смотрю в небо. И ни на какие другие деревья я не опираюсь.

Так оно и есть: дерево каномеа стоит само по себе, устремившись прямо в небо.

142. Калика и угорь

Калика [1] была сухопутным созданием, угорь же был существом морским. Калика с пятью своими детьми жила под высоким деревом, что росло в Хоума, а угорь жил в водах Хоума, неподалеку от берега.

Вот однажды послала калика одного сына к морю. Ребенок спустился к воде, а оттуда выскочил угорь и мигом съел бедняжку. Следом был послан второй ребенок, угорь и его съел, как первого. Мать ждала сыновей домой, но они все не шли. Тогда за ними был послан третий сын, но и его сожрал угорь. Мать опять стала ждать, но дети все не шли. Был послан за ними четвертый сын, которого тоже съел угорь. Снова напрасно ждала мать — дети все не возвращались; пришлось ей послать за ними последнего, пятого, которого тоже проглотил угорь.

Вот так все пятеро детей калики были съедены угрем. Четверо

детей уже были в желудке угря, а что до последнего ребенка, то угорь уже заглотил его голову, а ноги еще оставались снаружи.

Мать ждала и ждала, дети все не возвращались, и наконец она пошла сама узнать, почему же дети не возвращаются с моря. Она пришла, а все дети уже погибли, съеденные ужасным угрем. Калика зарыдала и принялась умолять угря вернуть ее детей:

— Я-то думала, что мои дети не возвращаются оттого, что они собирают раковины, крабов, рачков на рифе. Мне и в голову не могло прийти, что ты, мой друг, можешь съесть всех моих детей!

И еще просила калика угря:

— Будь так добр, верни мне моих детей, а уж мы приготовим для тебя прекрасное угощение.

Наконец им удалось договориться: угорь выплюнул на землю того, последнего, ребенка, в котором еще теплилась жизнь.

И просительница стала кланяться:

— Мы только на время прощаемся с тобой и идем готовить угощение. Потом я приду за тобой.

Угорь согласился, и было решено сделать так.

Калика с сыном пошли к себе готовить угощение. Оба они отправились в Фоумакула и вырыли там яму. Когда яма была вырыта, калика принялась молить дождь, чтобы он пролился на землю и заполнил яму водой. И вот дождь хлынул над лесом в Матахе, что в Алофи, вот он уже оказался над местностью Хеаи и наконец достиг Фоумакула, где и заполнил водой яму, что вырыли калика с сыном.

Когда яма заполнилась водой, эти двое пошли и наловили много разных пташек и мошек; всю свою добычу они пустили в приготовленную яму с водой. Было ясно, что угощение получилось на славу, и вот уже калика пошла к угрю звать его на обещанный пир.

Калика и угорь отправились; калика была ловкой и быстрой, а угорь полз медленно. Шли они, шли и добрались до скал. Тут угорь стал жаловаться, что земля, где живет калика, слишком далеко. А калика сказала угрю:

— Соберись с силами, потерпи еще немного, уже совсем близко.

Вот так продвигаясь, они наконец достигли местности, где жили калика и ее сын. Когда они прибыли туда, угорь уже еле-еле полз: он совсем стер себе бока по дороге и сил у него уже не было.

Как только они прибыли в нужное место, калика с сыном бросились показывать угрю приготовленное угощение. Угорь был очень доволен, тут же скользнул в яму с водой и досыта наелся. Калика же мечтала всем сердцем только об одном — погубить, убить угря, сожравшего ее детей.

Когда угорь покончил с приготовленным угощением, на острове как раз наступила засуха. Вода, которой калика наполнила яму, тоже вся высохла. Но калика напрасно надеялась, что угря ждет непременная смерть — ведь Фоумакула, думала она, далеко от моря. Нет, угрю все же удалось выбраться из ямы, ускользнуть

оттуда и достичь Туфукиа, что в Алофи. А уже из той местности он смог добраться к себе домой.

Когда-то тело угря было круглым, но с тех пор, как калика хотела погубить его, спина угря стала немного приплюснутой.

143. Рак-отшельник и ржанка

Эти двое договорились, что они наперегонки отправятся на берег и тот, кто придет первым, станет хозяином моря и прибрежных земель.

Рак-отшельник предложил сначала поспать, а уже наутро отправиться к морю. Ржанка заснула, а рак-отшельник не стал спать: он вылез из своего домика и пустился в путь.

Утром ржанка проснулась; собираясь отправляться, она чуть подтолкнула домик рака, а он оказался пуст. Ведь рак еще ночью тихонько выполз оттуда и ушел.

Ржанка мигом поднялась в воздух, но, когда она достигла моря, рак-отшельник уже плескался в воде у берега, а значит, море и побережье достались ему. Ржанка ужасно рассердилась на рака. А рак крикнул:

— Эй ты, уходи отсюда! Это мои владения!

Вот почему ржанки обычно стоят на уступах прибрежных скал — это пошло с давних пор, с тех времен, когда им не досталось никакой другой земли, на которой они могли бы отдохнуть. А рак-отшельник оказался никудышным, скверным товарищем: он нарушил договор, обманул ржанку.

144. Ржанка и краб бегут к морю

Краб жил в витой раковине. Больше всего на свете он любил лежать в ней и спать. Как-то пришла к нему ржанка и сказала:

— До чего же ты ленив, краб! Все лежишь и лежишь. Пойдем лучше придумаем себе какое-нибудь занятие — устроим состязание, развлечемся.

И еще добавила ржанка:

— Ведь ты ленивейшее из всех созданий, ты же ничего не делаешь и делать не умеешь, медлительная ты тварь. Давайка состязаться в скорости. Кто быстрее доберется отсюда до прибрежного рифа, тот и останется на нем жить. Доберешься первым — не придется тебе возвращаться сюда.

На это краб сказал:

— Не такой уж я ленивый и медлительный, как ты думаешь. Ну да ладно, сама увидишь. Итак, завтра утром, как только взойдет солнце, мы с тобой начнем состязание. Путь наш ляжет отсюда, вот из этого леса, на прибрежный риф. И если я опережу тебя, риф станет моим домом.

Ржанка засмеялась:

— Глупый, хвастливый краб, нелегко тебе будет обогнать меня, ведь ты такой медлительный, а я куда быстрее тебя.

Еще долго смеялась ржанка, потом поднялась в воздух и полетела в лес. Там она повстречала крысу. Ржанка обратилась к ней с такими словами:

— Здравствуй, крыса, не хочешь ли ты поглядеть на забавное зрелище?

— Здравствуй, ржанка, я охотно посмотрю на забавное зрелище.

— Тогда,— сказала ржанка,— приходи завтра утром, как только взойдет солнце, к вон тому высокому дереву. Глупый краб просил меня оттуда начать наш путь к берегу: он решил состязаться со мной в скорости. Представляешь, он говорит, что первым достигнет рифа и останется на нем жить!

Тут ржанка залилась смехом; крыса тоже расхохоталась, а потом сказала:

— Я обязательно приду, это должно быть очень забавно.

А ржанка отправилась дальше и повстречала скворца.

— Здравствуй, скворец,— сказала ржанка,— не хочешь ли ты поглядеть на забавное зрелище?

— Здравствуй, ржанка,— отвечал скворец,— я охотно посмотрю на забавное зрелище.

— Тогда приходи завтра утром, как только взойдет солнце, к вон тому высокому дереву. Глупый краб просил меня оттуда начать наш путь к берегу: он решил состязаться со мной в скорости. Представляешь, он говорит, что первым достигнет рифа и останется там жить!

Тут ржанка снова залилась смехом, а скворец, рассмеявшись вслед за ней, сказал:

— Я обязательно приду посмотреть на это.

Ржанка отправилась дальше и встретила собаку. Ей она тоже рассказала о своем завтрашнем состязании с крабом, и обе они стали смеяться. Тем временем наступила ночь, и настала пора ржанке и крабу собираться ко сну под своим высоким деревом.

Ржанка все смеялась и смеялась, но наконец замолкла и заснула. Краб все это время лежал тихо-тихо, но не спал. Когда наконец все смолкло, краб потихоньку выполз из своего домика и внимательно осмотрелся. Все вокруг спали. Тихо и осторожно пополз краб прочь — к берегу.

Вот наконец он достиг берега, оказался на прибрежном песке, а оттуда до рифа было уже рукой подать. Пробравшись на риф, он расположился там и стал ждать ржанку, которая должна была пуститься в путь с восходом солнца.

Поднявшись, ржанка прокричала крабу:

— Эй, сонная головушка, пора вставать! Пора трогаться в путь, пора спешить на берег! Эй ты, глупый краб, вздумавший обогнать меня, поторапливайся!

Краб не отозвался, и тогда все, кто собрался посмотреть на состязание,— крыса, скворец, кошка и собака — закричали:

— Вставай, сонная головушка! Мы ведь пришли сюда посмотреть на ваше состязание!

Кричали они, кричали, а краб все не отзывался.

Потеряв терпение, ржанка крикнула:

— Послушай, друг мой, мы отправляемся, уже пора!

Она заглянула в домик краба, все остальные заглянули вслед за ней — и не нашли там краба. Все страшно удивились. Тут как раз мимо пролетала птица-фаэтон. Ржанка окликнула ее:

— Ты не видала краба?

— Спешите на берег! — ответила та и полетела дальше.

Ржанка, крыса, скворец, кошка и собака тотчас помчались на берег. Завидев их, краб обратился к ржанке:

— Рад приветствовать тебя, дорогая ржанка. Помнишь, ты называла меня медлительным, а вот не успело взойти солнце, как я уже здесь, сонная ты головушка. Видишь, я пришел первым. Так что риф теперь мой. Ты же ступай и располагайся на прибрежных скалах. Сюда же, на мой риф, не смей ходить!

— Киуии, киуии! — зарыдала ржанка.— Выходит, мне остается поселиться на этих скалах, киуии, киуии, киуии...

И она отправилась на вершины прибрежных скал.

145. Отец и трое детей

Однажды отец оставил детей дома, а сам отправился в лес. Уходя, он сказал детям:

— Ведите себя тихо, пока меня нет. Если к вам сюда прилетит одна птица, не смейте дразнить ее.

Но когда отец вернулся домой, одного из детей не было. Тех, что остались, отец спросил:

— Куда делся один из вас?

— Прилетела к нам одна птица, села на панданус, ну, мы стали поддразнивать ее, а она кинулась на нас и одного схватила.

Отец тут же догадался, что это была сова.

И вот отец придумал, что делать. Он искусно укрыл свой дом, так что его не было заметно, двоих оставшихся детей посадил у входа в дом, а сам спрятался. А детям отец сказал:

— Когда птица вернется сюда, насмехайтесь над ней, дразните ее.

И вот птица прилетела, села на панданус, и отец приказал:

— Дразните, дразните ее!

Дети принялись насмехаться над ней, выкрикивая:

— Эй ты, сова лупоглазая!

— Что это вы опять? — спросила сова.

А отец снова приказал:

— Давайте-ка, дразните ее еще!

Наконец сова бросилась на детей, а тут отец кинулся на нее и нанес ей сильный удар по голове. Вот почему у совы такой короткий и загнутый клюв.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ротума

№ 1. [21], 1937—1939, с ротуманск. *.

По варианту, приведенному у У. Рассела [49], Рахо и Мама-фиарере были детьми одного из королей Тонга и женщины по имени Сина-факатофуа («Сина с Тофуа», где Тофуа — один из островов в группе Хаапаи, Тонга). Рахо и Мама-фиарере вслед за своими родителями селятся на о-ве Саваии, Самоа. Рахо женится на Мафиа-ату, и у них рождаются девочки-близнецы Мама-эре (в приведенном здесь варианте она выступает как старшая сестра Рахо) и Ваи-мараси. Мама-эре, понеся от солнца, производит на свет двух девочек, близнецов Хенлеп-ихеруа (см. здесь № 2), которым местные жители поклоняются как сверхъестественным существам с момента их рождения. Ваи-мараси становится наложницей «короля» Самоа (главной женой которого является Мориа-кевиа). Далее обе версии совпадают, но по версии, приведенной У. Расселом, Ваи-мараси рожает не одну дочь, а близнецов: мальчика-урода, которому дают имя Моэа-тикитики (ср. здесь № 6), и девочку. У ребенка Мориа-кевиа ножки оказываются искривленными с рождения (см. здесь № 2, где внук Рахо хром). Этот ребенок получает два имени: Туи-самоа («вождь Самоа») и Сумера.

[1] Возможно, речь идет о какой-либо местности на о-ве Саваии.

[2] Подразумевается, что Мама-эре забеременела от солнца. «Дитя солнца» — один из распространенных солярных мотивов, характерный для океанийской мифологии в целом (ср. здесь № 43).

[3] Букв. «большой рот», «большеротая».

[4] Букв. «кривой рот», «криворотая». О Нуджкау и Нуджманга см. также здесь № 2,15.

[5] Искаженное «Туи Тонга», титул верховного правителя Тонга.

[6] Фуареи — букв. «украшенная [изящная] корзина», Фуаа — «грубая корзина». В целом приписывание имен собственных мифологическим атрибутам (корзинам, оружию, домам, лодкам, домашней утвари и т. п.) характерно как для мифологий народов Океании, так и для мифологий других народов. Подобное называние предметов функционально аналогично акту творения (ср. Бытие, 2, 19—20).

[7] Имеется в виду о-в Футуна в группе Хорн. Острова Хорн, по-видимому, были заселены полинезийцами с Тонга и Увеа.

[8] Один из островов Хорн.

[9] Ротуманский глагол fapui означает «помечать, делать запретным для других какое-либо дерево (обычно этим деревом является кокосовая пальма) и соответственно землю, на которой оно стоит»; отглагольное имя fapui можно перевести как «знак», «помета». Обычно таким знаком служил лист пальмы, который оборачивали вокруг ствола дерева и закрепляли на нем.

[10] Тока-иниуа оставляет на дереве сухой лист, чтобы показать противнику, что

---

* За номером текста следуют в квадратных скобках указание на источник, из которого он взят (полное название и выходные данные см. в списке литературы), время записи текста и язык, с которого он переведен. Все ротуманские и ниуэанские тексты записаны на соответствующих островах; для самоанских и тонганских текстов там, где это возможно, уточняется остров, на котором они записаны.

его знак появился на дереве уже давно, в то время как Рахо только что прибыл на остров: его лист еще не успел засохнуть.

[11] Сааиту — сверхъестественные существа, духи, помогающие людям, особенно во время состязаний и сражений. По ротуманским поверьям, сааиту — духи людей, умерших необрезанными (ср. [49]).

[12] Уэа, Хатана, Хафлиуа (Хофлиуа) — маленькие островки к западу от Ротума.

[13] По-видимому, женщина, упоминаемая здесь, и названная ниже правительница (женщина-сау) — хозяйка острова (см. также № 2).

[14] Малхаха (Малахаха) — один из семи округов (иту), на которые традиционно делился о-в Ротума (см. № 13).

[15] Рахо движется по берегу острова с западной его оконечности, через самую узкую его часть — перешеек Мотуса — на юг в Ваи, где действительно есть несколько крупных ручьев, а уже оттуда — в Мал(а)хаха.

[16] Фалта — квартал в деревне Паоло: большинство ротуманских поселений традиционно делилось на четыре части, своего рода кварталы. Фангута — деревня южнее Паоло (обе деревни — в округе Оинафа).

[17] Для приготовления кавы используется большой сосуд овальной или полусферической формы, установленный на коротких толстых ножках. Дно такого сосуда почти касается земли (ср. примеч. 20 к № 43). Здесь вместо такого сосуда используется углубление в камне. При приготовлении кавы вода необходима для процеживания напитка через фильтр из естественных волокон, а также для промывания фильтра и для омовения рук тех, кто готовит каву.

[18] Согласно другой версии этого мифа (ср. [29]), Рахо забирает на островок Хатана всех своих людей, а по дороге туда превращает в камень трех самоанцев, приплывших с ним, но затем перешедших на сторону Ханите-масу (см. здесь № 2).

№ 2. [49], 20-е годы XX в., с англ.

Согласно различным версиям мифа о происхождении Ротума, Рахо уплывает с Самоа со своей внучкой Ваи-мараси, Тафаки и рулевым Тарифи. Необыкновенные близнецы Нуджкау и Нуджманга либо сидят в лодке, либо летят следом за ней. По пути к тому месту, где должен быть насыпан остров, мореплаватели случайно теряют немного земли из своей корзины, и так возникает риф Ваимоана у юго-восточного берега Ротума.

По версии, приводимой Дж. Гардинером [29], Ханите-масу встречает прибывшего на остров Тока-иниуа и настраивает его против Рахо. Рахо впадает в ярость и бросается разрушать остров, когда Тока-иниуа, наставленный Ханите-масу, требует от него сосчитать волны в океане. Разгневанный Рахо вырывает из земли дерево Филимоту, растущее в округе Мал(а)хаха, и им пробивает яму в Мамфири.

[1] Ханите-масу — букв. «женщина из зарослей», т. е. хозяйка леса и соответственно хозяйка острова. Согласно представлениям ротуманцев, Ханите-масу — дух, имеющий власть над всеми растениями, деревьями, кустарниками (ср. здесь № 1, где она упоминается как женщина, живущая вдали от берега, а также, вероятно, как женщина-сау; см. также № 3).

[2] Хенлеп-ихеруа — букв. «две девушки с песчаного берега» — распространенное название необыкновенных близнецов Нуджкау и Нуджманга, помогающих Рахо (ср. № 1, где обе девочки сразу после рождения отправляются играть на песчаный берег).

[3] Ср. № 1 и примеч. 9 к нему.

[4] Ср. № 1 и примеч. 10 к нему.

№ 3. [29], конец XIX в., с англ.

[1] Жидкость, содержащаяся в зеленых кокосах (молоко), выпивается, а затем кокосы заполняются соленой водой и закрываются конической пробкой, скрученной из листьев. Через несколько дней получается маслянистая масса, которую используют для приготовления блюд, напоминающих европейский пудинг, а также как приправу к рыбе (ср. здесь № 18).

[2] Как указывает Дж. Гардинер, речь идет о большом вулканическом камне в местности Керекере (эта и все другие упоминаемые в рассказе местности находятся в округе Оинафа).

[3] Хафумеа — небольшая скала вулканического происхождения у берегов местности Сав(е)леи, округ Тиу.

[4] Пил-хафу — «выходящий из камня». По другой версии мифа, приведенной у Дж. Гардинера [29], Пил-хафу — отец Тока-иниуа. Он оставляет сына на Ниуафооу, и сын, вырастая, отправляется на поиски отца. Найдя отца и получив его поддержку, Тока-иниуа становится самым удачливым воином. После смерти Тока-иниуа превращается в атуа и остается жить близ одной из деревень округа Джуджу.

№ 4. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Идея верховной власти и института сау, как и многие другие элементы политической системы, были, по-видимому, привнесены на Ротума самоанцами и тонганцами. Ср. в этом же тексте имена Тю-ротома (вождь Ротума), Тю-феуа (вождь Феуа), Туи-те-ротума (вождь Ротума), где Туи (Тю) — тонганское название верховного вождя. Первоначальный статус сау у ротуманцев неясен. Уже первые европейцы, побывавшие на Ротума, отмечали, что реальной власти у сау практически нет. Сау выбирался на определенный срок (обычно около полугода); этот срок назывался тафи (возможно, от tafi «убирать», «сметать»). Продление срока не было сопряжено с особыми трудностями. Сау выдвигали по очереди из числа своих знатных людей все округа (иту) острова, причем один округ выдвигал сау, а в обязанности другого округа входило поселить этого сау в одной из деревень и оказывать ему все необходимые почести, кормить его, работать на него. Ср. в конце мифа о введении подобной очередности. Верховной властью могли быть облечены и женщины (ср. в № 1 упоминание о женщине-сау), однако достоверных фактов здесь нет.

[1] Муа — букв. «глава, вождь» (ср. самоанск, mua «первый»); советник и представитель сау во всех делах, второй человек после сау.

[2] Местность на юго-востоке острова.

[3] Тупуа, в ротуманских представлениях, дух или полудух, иногда человек, наделенный бессмертием. Как правило, тупуа — благосклонный, добрый дух, помогающий людям (ср. здесь № 8). У современных ротуманцев под тупуа обычно понимается идол; то же значение имеет теперь соответствующее самоанское слово.

[4] У ротуманцев дом сау и дома его приближенных выходили на святилище.

[5] Знатных ротуманцев хоронили в деревянных гробах, выполненных в форме лодки; иногда подобные лодки делали закрытыми; ср. здесь № 85, 99.

[6] Вероятно, от названий деревьев: Ман-теифи — букв. «птица каштана (ифи)», Ман-теафа — букв. «птица миндаля (афа)». Неясно, идет ли речь о реальных видах птиц.

[7] Ротуманцы придавали большое значение местам захоронения. На острове сохранилось довольно много кладбищ, причем по некоторым из них можно строить предположения о миграциях на Ротума других океанийцев. Имеются также старые могилы, расположенные между жилыми домами в поселках. Принято устанавливать надгробные камни. На главном кладбище сау, находящемся в глубине острова, в округе Ноатау, на каждой могиле поставлен надгробный камень разной величины и формы. По-видимому, сау и других вождей хоронили в сидячем положении. После похорон с кладбища уходили не той дорогой, которой пришли: иначе, по представлениям ротуманцев, дух умершего, запомнив путь, бросился бы преследовать живых. На о-ве Хатана Дж. Гардинеру показывали могилу, в которой, по легенде, лежит Рахо [29]. На могиле выложен круг из камней, в середине этого круга находится плоский камень с небольшим углублением.

[8] Атуа — общее название духа умершего человека (ср. № 11); Ханфакиу, умерев, тоже становится атуа.

[9] О Тока-иниуа см. здесь № 1.

№ 5. [21], 1937—1939, с ротуманск.

[1] В ротуманской мифологии Тинрау, как правило, враждебный людям злой и кровожадный дух, дух-людоед. Он является людям (чаще всего — именно женщинам) в образе прекрасного юноши. Считалось, что Тинрау — дух одного из умерших членов семьи вождя (ср. здесь № 16, где Тинрау — не дух, а живой сын сау и где этот персонаж выступает в совсем иной роли).

Ротуманское Тинрау соответствует самоанскому Тингилау (ср. № 64, 65), тонганскому Синилау (ср. № 95, 96). В различных океанийских мифологиях под именем Тин(и)рау, Тингилау, Синилау и т. п. может выступать божество, культурный герой, персонаж волшебной сказки.

[2] По другому толкованию, широко распространенное в Океании название Плеяд восходит к словосочетанию «глаза вождя (знатного человека)», что согласуется с не менее распространенным мотивом о том, что Плеяды — это изгнанные или по своей воле поднявшиеся на небо знатные люди. Здесь фактически представлен вариант этого мотива.

[3] Под Небесным Опахалом, по-видимому, имеется в виду часть созвездия Орион (скорее всего Пояс Ориона). Аналогичным образом все созвездие или его часть называлось у фиджийцев, гилбертцев, жителей некоторых Маршалловых островов (ср. также № 6 и № 71, где даются другие версии происхождения Пояса Ориона).

№ 6. [49], 20-е годы XX в., с англ.

У К. Черчварда приводится несколько иная версия (см. перевод на русский язык в [11, № 95]; О Мауи ср. также № 60, 61, 87—89, 125 и Предисловие). Обращает на себя внимание относительная немногочисленность рассказов о Мауи (Моэатикитики) в ротуманском фольклоре.

[1] Паримеа — разновидность банана с красноватыми листьями и короткими и толстыми остроконечными плодами; мякоть этих плодов также имеет красноватый цвет.

[2] Каири — хищная рыба, считающаяся у ротуманцев очень опасной. Взрослые особи действительно страшны не менее, чем акулы.

[3] О тупуа см. примеч. 3 к № 4.

[4] Три звезды, стоящие в небе в ряд,— Пояс Ориона (ср. здесь № 5).

№ 7. [21], 1937—1939, с ротуманск.

В ротуманской мифологии путешествия на небо — очень популярный сюжет (ср. здесь № 8, 15). Наиболее распространенный этиологический мотив (особенно для культурных растений) — «растение с неба» (ср., однако, № 10).

[1] Ротуманские дома традиционно ставились на земляных насыпях или на каменных основаниях-платформах. Пол посыпался измельченной галькой или коралловой крошкой, поверх настилались циновки. Дом обычно был прямоугольный в плане, а более короткие стены делались слегка овальными или в форме трапеции. В каждой из длинных стен оставляли по одному-два проема, которые служили дверями. Эти проемы завешивались «шторами» — циновками (ср. № 8, где герою также запрещается открывать одну из дверей-плетенок, и № 51 о самоанском доме).

[2] Кухонный дом чаще всего представлял собой крытый навес; там же нередко находилось хранилище для некоторых съестных припасов.

№ 8. [21], 1937—1939, с ротуманск.

По другой версии сюжета, приводимой у У. Рассела [49], в банан вселяется дух матери обоих братьев. Находясь в открытом море, братья внезапно слышат, как громко кричит и стонет банановый черенок, выброшенный старшей женой в воду. Братья бросаются к Уэа, а по пути чувствуют, как кто-то мешает им плыть, хватает их за плечи. По этой версии, младшей из жен удается спастись потому, что сначала она призывала не срезать запретные бананы. Однако дух матери все равно жаждет мщения: когда младшая супружеская пара убегает прочь, дух предупреждает их, что скрыться им не удастся и что их ждет наказание. По этому варианту, муж с женой спасаются сами, без посторонней помощи, а детей спасает тупуа Тауматефе (вероятно, «всевидящий, зоркий»). Он учит их, как поступить с останками отца и с многоголовыми духами; последнего, десятиголового духа дети обманывают так, как в приводимом варианте уарепа. Когда в конце повествования Эеатосо спускается к сестре, он умирает от горя рядом с ней, а не возвращается на небо.

Действие начинается на островке Уэа, расположенном примерно в 5 км северо-западнее Ротума (там живут сестры до замужества). Практически весь остров занимает гора Сарафуи (ок. 260 м высотой). На вершине горы, как указывает К. Черчвард, видны углубления, действительно напоминающие следы рук и ног простертого на земле человека; там же находится и маленький естественный колодец. Остальные местности, упоминаемые по ходу действия, расположены на севере и северо-западе Ротума.

[1] Под берегом здесь имеется в виду ближайшая к о-ву Уэа береговая часть о-ва Ротума, где находится родина братьев.

[2] Сэе — разновидность банана с гроздьями, растущими почти вертикально вверх. Парсика — разновидность банана с довольно мелкими плодами, собранными в большие гроздья.

[3] Редкая для ротуманской мифологии реализация тотемных представлений (в принципе банан — характерное для Океании тотемное растение).

[4] Часть улова или какой-либо другой добычи традиционно шла в качестве подношения некоему духу. Вероятно, этим и объясняется данная обязанность сестер. Невыполнение обязательств перед духом приводит к неприятным и даже трагическим последствиям (ср. № 42, 62).

[5] Бананы едят как сырыми, так и печеными, причем печеные бананы считаются более вкусной пищей.

[6] Лепа — общее название больших листьев, которыми накрывают блюда, готовящиеся в земляной печи.

[7] Халава — выдолбленная скорлупа кокосового ореха, служащая ротуманцам сосудом для воды.

[8] См. здесь № 7 и примеч. 1 к нему.

[9] Ротуманцы, как и многие другие народы Океании, на ночь стелили на полу или на специальном возвышении (ср. здесь № 12) плотные циновки, служившие им постелью. Спали также и на голом полу.

[10] Многоголовые духи — мотив, чрезвычайно популярный в меланезийской и микронезийской мифологиях, для Полинезии нехарактерен.

[11] Уарепа — дух, которого представляли как существо с широким плоским телом и множеством ног. По ряду поверьев, это дух, «складывающийся» из многих духов рано умерших детей.

[12] Большие «поющие» раковины. Тонганец велит детям трубить в них.

[13] Тутуре — раковины моллюсков Caryatis gen., которые привешивались к днищам сетей как грузила.

[14] Разновидность дикорастущего тростника, распространенного на Ротума.

[15] Ср. № 7 и примеч. 1 к нему.

[16] На Ротума темно-красные ягоды этого кустарника идут в пищу и для украшения.

[17] Эфу — бамбук с очень толстым стеблем.

[18] Таро с очень большими мясистыми клубнями коричневатыми снаружи и ярко-белыми внутри. Эта разновидность выделяется также большими листьями, белыми с внутренней стороны, растущими на красных черешках.

№ 9. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Ротуманский мир духов во многом напоминает соответствующие подводные миры в представлениях полинезийцев (ср. № 58, 74, 75, 104, 106, 119). Однако в ротуманских представлениях о мире умерших есть и свои особенности, позволяющие предполагать, что они являются более архаичными.

В ротуманской традиции каждому округу (иту) острова соответствует своя подводная область, куда и отправляются духи умерших (см. примеч. 2). Любого ротуманца после смерти встречает в определенном месте дух, который и ведет его в Орои, Невидимый Край. В местности Халаса дух умершего разбивается о прибрежную скалу, а уже после этого он может войти в Орои. Вероятно, здесь и заключено косвенное указание на различие между собственно духом (атуа) и духом умершего (ата). Согласно многим поверьям, духи, давно живущие в Орои,— каннибалы и охотятся за людьми по ночам (ср. № 10). Считалось, что если после смерти человека прилив приносит неприятный запах, то это значит, что тело только что умершего поедают духи из Орои. Духи умерших ныряют в море в Лулу и Джупунга (местности на севере и северо-западе острова) и уже оттуда попадают в Орои.

[1] Ата — дух-призрак, дух умершего, ср. самоанск. и тонганск. ата «дух человека» (покидает тело человека на время сна, болезни и после смерти).

[2] Считалось, что местность под водой, называемая Васере, принадлежит духам умерших из ротуманского округа Джуджу; Пукору — обиталище духов тех, кто при жизни жил в округе Оинафа; Хануахаа — тех, кто жил в округе Ноатау; Лимараэ — тех, кто жил в округах Тиу и Муту (ср. здесь № 13 о более позднем разделении Тиу и Муту); Фалинга-Оно — тех, кто жил в округе Пепсеи.

№ 10. [49], 20-е годы XX в., с англ.

По другой версии, записанной Дж. Гардинером [29], дух дает петуха и курицу в подарок Тону-ава; они договариваются, что человек вернет их духу, как только они дадут потомство на земле. От этих птиц и происходят все куры на острове. Выходя из воды у берегов Ротума, Тону-ава и обе птицы должны произнести заговор.

[1] Юго-восточное побережье Ротума.
[2] Ср. здесь № 9.
[3] Деревня в районе перешейка Мотуса.
[4] Руахау — мыс на юге округа Муту. Таким образом, Тону-ава и дух следуют «обычным» путем, по которому, согласно поверьям, можно попасть в Орои (ср. здесь № 9 и примеч. к нему).
[5] Подвесные полки, которые Тону-ава замечает в доме духа, представляют собой прямоугольные коробки с дощатыми стенками и сетчатым дном, которые укрепляются под потолком и служат для хранения съестных припасов. Такие полки были необходимой принадлежностью ротуманского дома.
[6] Тростник атуанасу (букв. «[для] печения духами») — культивируемая разновидность тростника; в крупные листья этого тростника заворачивают рыбу, запекаемую в земляной печи.

№ 11. [35], начало XX в., с англ.

[1] Саукамо — большая деревня в округе Ноатау, на востоке Ротума; в этой деревне жили вожди острова (см. здесь № 4, 13).
[2] Апе-аиту — «говорящий с духами», человек, способный взывать к атуа и, следовательно, наделенный сверхъестественными возможностями.
[3] Риамкау — по-видимому, сау, правивший в середине XIX в.; он же упоминается здесь в № 4.
[4] Местность на восточном побережье Ротума.
[5] Представление об атуа именно как о духах предков, духах давно умерших людей очень характерно для ротуманских анимистических верований; на это указывают К. Черчвард [21] и А. Хокарт [35; 36]. Однако это представление не является единственным в ротуманской мифологии.

№ 12. [21], 1937—1939, с ротуманск.

По версии, приводимой у У. Рассела [49], тонганца сначала зажаривают в земляной печи, а потом бросают акулам. Происходит это на том участке ротуманского побережья, который обращен к островкам Хатана и Хафлиуа. Согласно этой версии, именно благодаря доброте супругов по отношению к акулам хищные рыбы до сих пор не нападают на людей в водах южного и юго-западного побережья Ротума. В данном варианте действие происходит на юго-западе острова. Перенося акул из одного водоема в другой (см. в тексте), супруги движутся вдоль берега в западном направлении. Ср. здесь № 64, 71, 96.
[1] Здесь (как и в других текстах) неясно, идет ли речь действительно об островах Тонга или о любых далеких («чужих») землях.
[2] Общинный дом (здесь — дом юношей) — место собрания молодых людей; в этом доме они, как правило, и живут до женитьбы. Общинные дома, как мужские, так и женские, известны у целого ряда народов Океании.
[3] Ср. здесь № 8 и примеч. 9 к нему.

№ 13. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Первоначально о-в Ротума делился на шесть округов: Ноатау, Мал(а)хаха, Оинафа, Джуджу, Пепсеи и Тиу. Такому делению соответствует, в частности, очень распространенное среди ротуманцев верование о шести подводных обиталищах духов (Орои): у каждого округа свое обиталище духов мертвых (см. № 9).
[1] Иту Тиу — букв. «большой округ», Иту Муту — «отрезанный округ» (подразумевается, что он отрезан от Тиу).
[2] Ср. здесь № 4 и примеч. к нему, а также № 11.
[3] Традиционно во главе каждого ротуманского округа стоял вождь (пуре, пуре нгангадж — «(благородный) правитель»), занимавшийся в основном внешними делами округа:

№ 14. [29], конец XIX в., с англ.

Имеется в виду самая узкая часть острова в районе Мотуса. Согласно ряду других преданий, перешеек был насыпан правителем (пуре) округа Муту, носившим имя Туэ: Туэ решил соединить два близлежащих островка, так и получился современный остров.

[1] Возможно, речь действительно идет об островах Тонга (ср., однако, № 12 и примеч. 1 к нему).

[2] По-видимому, «бросающий с необыкновенной силой». Имя Сери-мана ротуманское по звучанию, так как в тонганском нет звука [r].

[3] Имя составлено из компонентов sulu «обертка или чашечка цветка» и mata «влажный, сырой».

[4] Холм Соророа находится на территории округа Муту, причем, как указывает Дж. Гардинер [29], на холме было принято показывать небольшую насыпь, которая, по преданию, являлась основанием дома Фоума.

[5] Саваиа — местность на северном побережье округа Муту; название соотносится с самоанским Саваии.

[6] По свидетельству Дж. Гардинера [29], на берегу в Саваиа еще в конце XIX в. действительно были видны развалины какого-то каменного ограждения.

[7] Кири — большой закидной невод (до 18 м длиной) с очень частой сеткой.

№ 15. [21], 1937—1939, с ротуманск.

[1] Ротуманские термины родства не содержат указания на пол родственников, и то, что Нуджкау и Нуджманга — сестры, известно из традиции; ср. их объяснение под одним именем Хенлеп-ихеруа (№ 1, 2). О значении имен сестер см. примеч. 3 и 4 к № 1.

[2] Калэе — вид дрофы.

[3] По-видимому, каннибализм на Ротума не практиковался (ср. здесь № 17). В данном случае каннибализм носит явно ритуальный характер. Выливание крови в особый сосуд, сохранение отрезанной головы — рефлексы ритуалов, связанных с верой в ману (см. здесь № 28, 66, а также [13, гл. I; 60]).

[4] Фарао — напольная циновка, сплетенная из разрезанных на полосы листьев кокосовой пальмы.

[5] Эапа — небольшая циновка с зигзагообразным орнаментом.

[6] Апеи — очень тонкая светлая циновка из тщательно выделанных и обработанных растительных волокон; считалась одним из самых ценных свадебных подарков.

[7] Юбочка из луба изготавливалась из отбитой коры гибискуса, предварительно обработанной и разделенной на тонкие полоски (ротуманская тапа, мало отличающаяся от полинезийской). Такие же полоски шли на изготовление фильтра для процеживания кавы.

[8] Плетеный поясок, как и многие другие плетеные изделия (веревки и пр.), изготавливался из волокон мезокарпия кокосовых плодов.

[9] По-видимому, ротуманское мам(а)рава — дерево Planchonella torricelliensis, достигающее высоты 20—25 м; ср. здесь № 24.

[10] Сиамские близнецы — распространенный близнечный образ океанийской мифологии (ср. здесь № 44—46). Возможно, мотив их физического уродства отражает распространенное представление о неестественности рождения близнецов как таковых.

[11] Здесь подразумевается, что насекомые уничтожают и всю ту ткань, которая соединяет спины близнецов и мешает им разделиться.

№ 16. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Вариант характерной для Полинезии мифологической сказки о Хине (Сине) и ее возлюбленном или муже Тинирау (Синилау). О ротуманском Тинрау см. здесь № 5 и примеч. 1 к нему.

В данном тексте Тинрау выступает не как дух, а как красивый молодой человек знатного происхождения — не менее характерный образ ротуманской мифологии, ассоциируемый с этим именем (ср. также обличье, которое обычно принимает Тинрау-дух, № 5). С этим связано и употребление имени Тинрау как нарицательного: так называют красивого юношу.

[1] В имени Миармиар-тото корень mira — название кустарника, что может служить косвенным указанием на тотемичность брата Тиаф-тото (о тотемичности брата Хины см. [4, с. 320]).

[2] Букв. «живущая в раковине», см. ниже в тексте.

№ 17. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Как предполагает К. Черчвард [21], в повествовании произошли существенные сокращения; в качестве доказательства он приводит слова Мёс-тото о том, что поездка за ририкуиа — последнее испытание, тогда как оно лишь второе по счету. Возможно, что данный текст действительно представляет собой результат сложения ряда текстов и последующей утраты каких-то структурных элементов. Мёс-тото совмещает черты культурного героя (избавление ротуманцев от каннибализма) и героя волшебной сказки (поездка за альбиносом, за ририкуиа).

Аналогичный сюжет об избавлении людей от каннибализма путем приобретения кавы и свинины известен в фиджийском фольклоре; однако в фиджийских вариантах этого сюжета дикий перец и свиньи не вырастают на могиле покойного родственника, как это характерно для полинезийской мифологии (см. здесь № 27 и [11, № 144]), а производятся на свет роженицей (типичный меланезийский и микронезийский мотив, ср. также № 74, 75).

[1] По-видимому, Пуак-лева — «[та, от которой] происходят свиньи».

[2] По-видимому, Пуак-нифо — «с зубами свиньи».

[3] Среди знатных ротуманцев была известна полигиния. У сау одна жена считалась главной (фанохоанга — букв. «сожительствующая»), а все прочие жены назывались «низкими» или «простыми» (норуа). Нередко по прошествии некоторого времени норуа отсылались домой. Существовал также следующий обычай: если у какого-либо клана или округа не было кандидатов на роль будущего вождя, одну из местных женщин посылали к сау как норуа. Если у нее рождался сын, он становился впоследствии вождем (ср. здесь № 99, 100).

[4] Упоминание об альбиносах нередко в мифах и сказках народов Океании (ср. № 21, 40, 95, 116 и Предисловие).

[5] Дух умершего родственника может выступать в роли покровителя живых (ср. № 5, где духом-покровителем становится дух отца). Этим объясняется появление в лодке Мёс-тото его умершей сестры, которая, однако, не упоминается нигде дальше (ср. ниже в тексте о прибытии героев к дому альбиноса, где уже говорится только о живой сестре).

[6] Саре-феке — букв. «шагающий осьминог»; характерный для океанийской мифологии образ духа, дружелюбно относящегося к людям и даже покровительствующего им; ср. самоанский и тонганский мифы (№ 54, 71, 74, 75).

[7] Ририкуиа — ротуманское название сказочного краба, якобы обитающего в песке на берегу и отличающегося от обычных крабов своей ярко-алой окраской.

№ 18. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Действие происходит на юго-западе острова. Селение Киркир-сасы расположено на некотором расстоянии от берега; по ходу действия служанки Киркир-сасы спускаются на берег и идут в западном направлении.

[1] В принципе у ротуманцев была известна татуировка тела; у мужчин татуировались бедра, плечи, верхняя часть спины, у женщин татуировка наносилась на предплечья и на запястья. Таким образом, татуировка, описанная здесь, должна восприниматься как крайне необычная.

[2] Араара — название шершавой стороны листа пандануса. После того как гладкая сторона листа тщательно отделяется (ее используют при плетении особо тонких циновок), оставшаяся грубая ткань листа идет на изготовление самых простых юбочек.

[3] О ферментации мякоти молодых кокосов см. примеч. 1 к № 3.

[4] Ср. аналогичный мотив в № 108, 135.

№ 19. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Повествование содержит элемент исторического предания. Маафу может быть здесь не именем собственным, а титулом наследственных вождей о-ва Ниуатопутапу группы Вавау, Тонга (ср. № 73). Это позволяет более точно локализовать родину завоевателей. О тонганцах на Ротума см. также № 14. Интересно, что самоанское завоевание (а точнее, освоение) острова воспринимается как положительное

явление, в то время как тонганское, несколько более позднее, рассматривается как зло и несчастье для острова.

[1] Местность на южном побережье Ротума.

[2] По-видимому, здесь можно предполагать рефлекс какого-то утраченного ритуала, связанного либо с сознательным глумлением над побежденными, либо с символическим (здесь — через кровь и раны) утверждением власти победителей. Символика власти, обладания вообще очень характерна для Океании (ср. № 1, 2, 20, 36, 49, 54, 99).

[3] Лопта — деревня и местность в округе Ноатау, на востоке Ротума. Оттуда Фээфе плывет на запад, минует перешеек и оказывается у берегов округа Муту, где живет Алили.

[4] Имя Алили, возможно, связано с самоанским словом ali'i «вождь, знатный человек».

[5] Армеа — разновидность полинезийских скворцов.

[6] Светлая, очень тонкого плетения циновка, ценившаяся чрезвычайно высоко; подносилась в дар особо знатному гостю.

[7] Холм Соророа находится на территории округа Муту (см. № 14).

[8] Букв. «правое крыло, правый фланг».

[9] Букв. «натиск».

[10] Остроконечный головной убор, украшенный желтыми и красными птичьими перьями, важный атрибут вождя, особенно в сражении.

[11] Здесь и ниже в тексте сбивание перьев с суру означает глумление над вождем.

№ 20. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Действие происходит в округе Муту (иту Муту). Речь идет о передаче власти над округом, т. е. о передаче звания пуре (см. примеч. 3 к № 13).

[1] Казуарина считалась особым, священным растением, деревом избранных, и она фигурирует в предсказании событий не случайно. Передача пояса символизирует передачу власти.

[2] См. примеч. 2 к № 7.

[3] Перламутровое ожерелье считалось украшением вождя, и его передача, как и передача пояса, означает передачу власти.

[4] В этом эпизоде описывается ритуал передачи мафуа всех знаков отличия, подобающих вождю-оратору, состоящему при правителе округа. У ротуманцев самым существенным при этом было натирание кожи куркумой.

[5] Описываемые действия Фэре — элементы ритуала, отражающего тот реальный факт, что в прежние времена власть переходила от одного вождя к другому только насильственным путем, т. е. что она завоевывалась в сражениях (ср. № 128).

№ 21. [21], 1937—1939, с ротуманск.

[1] Валсесеэ, Аилала — местности в районе перешейка Мотуса.

[2] Ханхап Мака — мыс на северо-западе острова (округ Муту).

[3] Длинные стрелки маранты часто использовались на островах Океании в качестве дротиков, на них насаживался специальный наконечник.

№ 22. [21], 1937—1939, с ротуманск.

Возможно, в рассказе есть элемент исторического предания; в принципе сюжеты, связанные с событиями голодного времени, характерны для океанийских мифологий, и для ротуманской в частности; как отмечает Дж. Гардинер [29], у ротуманцев было известно много историй о голоде на острове.

[1] По-видимому, имя Масиа означает «сильный, могучий».

[2] Маиси — местность на юго-востоке Ротума.

Западное и Восточное Самоа

№ 23. [51], вторая половина XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

Один из наиболее подробных и хорошо сохранившихся мифов творения в самоанском фольклоре. Записан Т. Пауэллом со слов Тауануу, одного из вождей островов Мануа; перевод мифа на английский язык впервые опубликован в жур-

нале «Transactions of the Royal Society, New South Wales» (1891) под названием «Самоанский миф о сотворении мира». После некоторой правки самоанский текст опубликован Дж. Фрэзером.

В самоанской мифологии атуа — родовое название сверхъестественных существ высшего порядка. Атуа можно переводить и как «божество». С принятием христианства это слово стало означать «бог». Атуа рассматриваются как творцы всего живого и как создатели других сверхъестественных существ, а иногда — как их предки. Тангалоа — Творец Земель, или Тангалоа-ланги (Тангалоа-аланги), Тангалоа-Небожитель — главное божество самоанского пантеона. «Семейство» Тангалоа стоит выше всех других божеств.

Тангалоа-демиург пребывает сначала в бескрайнем просторе (самоанск. vanimonimo содержит коннотации «затерянный», «таинственный», «не имеющий установленных границ»). Ниже в тексте появляется Мамао (Даль) — уже со значением измеримого, заданного расстояния.

[1] Папа — «скала», «камень», «основание»; в ряде родственных полинезийских языков означает «основа», «фундамент». Появляющиеся ниже в тексте названия скал и камней образованы сочетанием компонента *nana* с постпозитивным определением.

[2] Небесные Опоры — Туи-те-ланги — букв. «вождь (вожди), подпирающий(ие) небо».

[3] Илу — букв. «бессчетный»; Ниу-ао — букв. «кокосовая пальма до небес (до облаков)», т. е. нечто очень большое и протяженное. Применение всем этим творениям Тангалоа находится только после поднятия неба.

[4] Луа-о — по-видимому, «два облака»; Луа-ваи — «два ручья». Туа-ланги — «за пределами небес, вне небес», т. е. Тангалоа посылает Луа-о и Луа-ваи на землю.

[5] Ао-алало можно перевести как «облака в низине»; Нгаонгао-о-ле-таи — «пустынность моря».

[6] Имеется в виду сердце как вместилище чувств и эмоций. Здесь противопоставлены сердце (Лото), дух (Анганга) и ум, желания, воля. Существенно отличие этого противопоставления от привычного европейцу противопоставления тела и души.

[7] Масало — букв. «мнение, суждение».

[8] Масоа — самоанское название одного из видов аррорута, растения, замечательного не только своей высотой, но и развитым корневищем. Теве (Amorphophallus campanulatus) — высокие травы (до 1 м), широко распространенные на культивируемых землях, в низине. Теве использовали как средство для пыток: его луковица имеет очень горький, едкий вкус.

[9] В этом варианте мифа творения сюжет отделения неба от земли представлен в измененном виде (каждое следующее небо поднимается вверх при помощи Небесных Опор). В то же время здесь сохранилась редкая для самоанской мифологии версия о девяти (в других вариантах — шести и семи) небесах. Ср. ниуэанские представления о многих уровнях небес — № 106, 107.

[10] Тангалоа-ле-фули — Тангалоа Неподвижный; Тангалоа-асиаси-нуу — Тангалоа, Посещающий Земли [внизу] (т. е. острова); Тангалоа-толо-нуу — Тангалоа, Вытаскивающий Земли (возможно, намек на типичный для Океании мотив вылавливания островов из воды; по некоторым из самоанских версий, один из Тангалоа вылавливает крючком из воды огромный камень, из которого затем получается остров); Тангалоа-савали — Тангалоа Идущий, этот Тангалоа служит посланником Тангалоа-демиурга. Лонго-ноа — «глухой». В имени Тули здесь обыгрывается омонимия двух слов: 1) «глухой, непроницаемый» и 2) название птицы (см. также примеч. 10 к № 43). В некоторых самоанских мифах Тули выступает как сын Тангалоа, в других — как его посланный (см. № 24).

[11] Ланги-ули — букв. «черное небо», Ланги-ма — букв. «светлое, сияющее небо». Другое название Ланги-ма — Ланги-лелеи — букв. «доброе, хорошее небо».

[12] Здесь дается одна из известных этимологий топонима Самоа. О его возможных научных этимологиях см. Предисловие. Для полинезийской мифологии в целом очень характерно использование народных этимологий, прежде всего в отношении топонимов.

[13] Букв. «святилище спокойствия; святилище покоя».

[14] В оригинале стоит слово mano, означающее «сто тысяч», а в переносном употреблении «очень много» (ср. «тьма» — в старинном русском счете «десять

тысяч», а в переносном значении — «неисчислимое множество»). См также № 29 и примеч. 1 к нему.

[15] Отсюда распространенные сюжеты о Тангалоа — патроне ремесел (см. также № 42).

[16] Божественное происхождение самих островов Мануа и соответственно вождя этих островов Туи Мануа традиционно являлось объяснением их исключительного положения на Самоа. С этим связана формула «всё Самоа [все острова Самоа] и Мануа», отсюда различные табу, связанные с землей Мануа. См. также № 25, 26.

[17] Народная этимология названия острова Саваии: оно получается от сложения имен Сава («почва») и Ии (значение неясно).

[18] Салеа-ау-муа (Салеааумуа) — местность на западном берегу о-ва Уполу.

[19] Народная этимология названия о-ва Уполу. Уполу-теле — букв. «большой, великий Уполу».

[20] Народная этимология названия о-ва Тутуила. Туту — букв. «свет», Ила — «отблеск, отсвет».

[21] Фуэ — родовое название ползучих и вьющихся растений, лиан. Фуэ-тангата — букв. «Фуэ, [от которого произошли] люди», Фуэ-са — «священный Фуэ». На Самоа произрастает лиана Ноуа sp., называемая фуэ-са или фуэ-селела. О Фуэ см. также № 24.

№ 24. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

По сравнению с № 23 этот вариант мифа творения существенно редуцирован. Однако, несмотря на возможные вариации внутри групп природных объектов, последовательность их творения (в данном мифе — обезличенного) остается достаточно жесткой, а именно: огонь → камень → свет → трава и цветы → кустарники и деревья → черви → люди. Ср. сходные мифы творения о-ва Пасхи [5, раздел 1]. Для облегчения восприятия переводы большинства имен введены в текст. Ниже в комментарии даются буквальные переводы и пояснения.

[1] Папа-нофо — букв. «сидячий (лежачий) камень».

[2] Папа-ту — букв. «крепкий камень».

[3] Мата-аноа — по-видимому, сочетание слов mata «глаз» и anoa «плоть».

[4] Мутиа — Fimbristylis cymosa, трава, растущая небольшими скоплениями между прибрежными камнями.

[5] Мауутонга — растение с узловатыми стеблями, Commelina pacifica или Aneliema vitiense.

[6] Сефа — общее название многолетних стелющихся трав (Graminae).

[7] Ваофали — один из видов трав, объединяемых родовым названием сефа, Centotheca lappacea. Растет в сырых местах.

[8] Маутофу — широко распространенный на Самоа кустарник (Sida rhombofolia и Sida acuta), из коры которого выделывают прочное волокно.

[9] Таваи — высокое дерево с крупными листьями, цветущее белыми цветками (Rhus taitensis); плоды таваи — излюбленная пища диких голубей; из древесины изготавливают ящики для хранения плодов.

[10] Тои — высокое дерево (Alphitonia zizqphoides) с прочной древесиной, которая идет на изготовление весел, домашней утвари; кора тои обладает приятным запахом и применяется в народной медицине; листья используются как мыло, отсюда — название дерева.

[11] Фуафуа — Kleinhovia hospita, дерево, достигающее в высоту 5—20 м, древесина используется при изготовлении лодок. Очень распространено в долинах, на лесных полянах.

[12] Масаме — 1) Antidesma sphaerocarpum, дерево, растущее в прибрежной полосе; кора чуть пепельного цвета; используется при строительстве домов; 2) Glochidion sp., дерево, обычно растущее в солнечных местах, достигает в высоту до 6 м.

[13] Мамала — Homalanthus acuminatus, лесное дерево до 20 м высотой с молочно-белым соком и мелкими желто-зелеными цветками; из древесины изготавливают гонги, барабаны.

[14] Мамалава — Planchonella torricelliensis, лесное дерево до 20 м высотой; древесина используется в строительстве домов и лодок (ср. ротуманск. мам(а)рава, № 15 и примеч. 9 к нему). Под этим же названием известно на о-ве Саваии горное лесное дерево Macaranga reineckei и на о-ве Тутуила — Buchanania merrillii.

[15] Малили — очень высокое (до 25—30 м) дерево Buchaannia sp. с прочной древесиной.

[16] Ваи-лоа (лоа) — кустарник или небольшое деревце, Bixa orellana, один из самых ранних интродуцентов. На Самоа ценятся живые изгороди из ваи-лоа и желтовато-красная краска, полученная из его семян. Эта краска используется, в частности, в косметике и широко известна как «полинезийская губная помада».

[17] Тангалоа, Фуэ, Тули — см. № 23.

[18] Аиту — «духи», «призраки», низшая по сравнению с атуа (см. примеч. к № 23) категория сверхъестественных существ. Многие аиту — духи природы. Самоанцы верили, что некоторые аиту живут на небе вместе с атуа, а некоторые — в подземном мире (см. № 58). Аиту могли выступать в качестве духов-покровителей отдельных людей, семейств, местностей и в качестве патронов некоторых занятий. Чрезвычайной популярностью пользовались аиту — покровители военных действий, разные для разных районов Самоа (ср. № 44, 46, 54).

Имя аиту Нгаио, вероятно, связано с глаголом gāi'oi'o «крутить, скручивать (ся), вертеть». (ср. также полинезийское *ŋaio «червь»). Ср. № 23, где Тангалоа, создавая Туту, Ила, Уполу и Теле, крутит и вертит червей.

[19] Ср. № 43, где дается иная народная этимология названий локтя, колена и др.

№ 25. [27], конец XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

[1] Ле-афи-му-мамао — букв. «огонь, пылающий вдали», т. е. яркий огонь, заметный издалека.

[2] См. примеч. 16 к № 23.

№ 26. [27], конец XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

Здесь представлен традиционный для Океании, но считающийся необычным именно для Самоа мотив заселения островов: автохтоны либо вечно живут на данной территории, не прибывая ниоткуда, либо в незапамятные времена появляются из совершенно неизвестных мест. Последний мотив чередуется с мотивом появления насельников из дальней загадочной и священной страны, например Гаваики у восточных полинезийцев, Матанг у гилбертцев и т. д.

[1] Ср. здесь № 23, 25 — об исключительном положении о-вов Мануа и Туи Мануа.

[2] Атуа — самая восточная из трех крупных территориальных единиц (имевших статус «королевств»), на которые традиционно делился о-в Уполу; две другие — Аана и Туамасанга. Атуа, в свою очередь, традиционно делилась на три района (иту): Аноамаа — «каменистый край», Алеипата (этот район формально не считался иту, но выделялся из состава Аноамаа) и Салефао. В тексте они получают другие имена соответственно по названиям входящих в их состав наиболее известных деревень и местностей: Алеипата — по названию местности и поселка Салеааумуа (ср. примеч. 18 к № 23); Аноамаа — по названию крупного поселка Фалефа; Салефао — по названию протяженного участка побережья в этом районе — Фалеалили.

[3] Разветвленная система политического управления на Самоа, обусловленная отсутствием централизации, подразумевала не только наличие «главной деревни», т. е. столицы в отдельных округах и районах, но и наличие местности, где собирались бы советы вождей и принимались важнейшие решения. Такая местность называлась главной или управляющей (ulu — букв. «глава», «голова»).

[4] Характерный пример народной этимологии.

[5] О Малиэтоа см. Предисловие, № 41 (и примеч. к нему) и № 47.

[6] В самоанском тексте дается европейское название месяца (известные самоанские названия июня — малеленга и олоаману), что указывает на принципиальную возможность инноваций как здесь, так и в других случаях.

№ 27. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

Сюжет о происхождении кавы известен во многих вариантах. Один из таких вариантов приведен У. Черчвардом [22, с. 48—50]. По этому варианту, молодая самоанка уплывает на Фиджи, там выходит замуж за верховного правителя и счастливо живет с ним. Но тоска по родной земле гложет ее, и наконец она решает вернуться на Самоа. С собой она хочет взять что-нибудь полезное и нужное для ее соотечественников. Целый день она бродит по фиджийской земле в поисках того, что было бы достойным подарком самоанцам, но все тщетно. Наконец, устав от поисков, она

садится у подножия холма и засыпает там. На холме растут всего два растения. Проснувшись, женщина видит у их корней крысу. Крыса грызет стебель одного из растений и сразу начинает дремать; значит, это растение приносит покой и сон (сахарный тростник). Второе растение, напротив, будоражит и как бы пьянит крысу (дикий перец — кава). Оба эти растения и берет женщина с собой.

Прибыв на Самоа, она останавливается на Саваии; ее соседом оказывается знатный вождь, хозяин первых на Самоа кур. Этот вождь и хозяйка кавы жаждут заполучить сокровища друг друга, начинают действовать обманным путем, но в конце концов приходят к тому, что честно обмениваются курами и диким перцем. А все их потомки, покидая отчий дом, обязательно берут с собой кур и корни кавы; так они распространяются повсеместно по Самоа.

Действие приводимого здесь текста происходит на о-ве Уполу. Ваилеле — деревня и местность недалеко от г. Апиа. Деревня Лаулии была расположена восточнее Ваилеле. Из Лаулии дочери Фале-сеу идут на юг, в Сииуму, пересекая при этом весь остров, а из Сиуму по южному побережью направляются на запад, где и встречают лодку.

[1] Фале-сеу — «низкий [охотничий] шалаш». В таком шалашике прячется птицелов, рядом с ним лежит сеть для ловли птиц, прикрепленная к длинной бамбуковой палке, в руке у него палка с привязанным на петле ручным голубем, который служит приманкой.

[2] Тиа — 1) место, где устанавливаются охотничьи шалаши и навесы, под которыми прячутся птицеловы; 2) площадка на дереве, откуда ловят птиц закидной сетью.

[3] Таулаиту — медиум; на Самоа лицо, сочетавшее функции жреца, колдуна и знахаря. Традиционно делились на четыре категории: таулаиту, служившие духам войны; таулаиту, обслуживавшие семью (род, местность); таулаиту, «задабривавшие» духов, осуществлявшие контакт между духами и миром людей; собственно знахари и провидцы. Ср. № 11 и примеч. 2 к нему.

[4] Муливаи-леле — букв. «устье водного потока».

[5] Местность на северо-западной оконечности о-ва Саваии.

№ 28. [54], конец XIX — начало XX в., о-в Саваии, с самоанск.

Один из наиболее популярных сюжетов океанийской мифологии — «кокос из головы». По несколько иной версии, записанной О. Нельсоном и опубликованной в «Journal of the Polynesian Society» в 1933 г., появление кокосов у самоанцев связано с историей двух больших семей, из поколения в поколение враждовавших друг с другом. Вражда между ними приводит к тому, что из каждой большой семьи остается только по одной супружеской паре. Одни супруги бегут на юг Саваии, другие — на Фиджи. У супругов, укрывшихся на Самоа, вырастает дочь — красавица Сина, у второй пары — сын, получеловек, полурыба: у него голова юноши и тело угря. Родители отправляют его на Самоа разведать, как обстоят дела у их врагов. На Саваии юноша-угорь встречает Сину и влюбляется в нее. Она тоже любит его и уже готова бежать с ним, но это становится известно ее родителям, которые, узнав, чей сын ухаживает за их дочерью, никак не хотят верить в искренность его чувств. Родители Сины снимаются вместе с нею с места и начинают скитаться по Саваии. Угорь преследует их и даже пытается выходить на берег: так на Саваии, а затем на Уполу возникают прибрежные топи — это пена изо рта юноши-угря. Родители Сины бегут затем на Уполу, а отец Сины воздвигает на Саваии и на Уполу горы, чтобы преградить путь угрю. Однако его ничто не может остановить, и наконец в Моатаа, на Уполу, родственники Сины убивают его. Умирая, угорь дает Сине наказ вырастить из его головы кокос.

[1] Подразумевается, что убитого угря должны съесть.

[2] Для того чтобы выпить кокосового молока, на кожуре кокоса делают три поверхностных надреза; считается, что после этого орех напоминает голову угря.

№ 29. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Маноно — небольшой остров, расположенный между Уполу и Саваии. Маноно всегда играл важную стратегическую роль в междоусобных войнах самоанцев как рубеж между Уполу и Саваии. Жители Маноно издавна пользовались славой лучших воинов и мореходов на всем Самоа.

[1] Mano «сто тысяч; очень много», manono (manomano) «бессчетное количество» (ср. примеч. 14 к № 23).
[2] Салуа, Леиатуа (более распространенное название — Салеиатуа) — названия местностей и расположенных в них поселений на Маноно.
[3] Маина — букв. «быть озаренным, освещенным».
[4] Ааулоа от ааy «риф», лоа «могила, гробница».

№ 30. [52], первая половина XX в., о-в Уполу, с англ.

В редуцированном и несколько измененном виде здесь представлен мотив о ямсе, происходящем из загробного мира,— ср. здесь № 74, 75.
[1] Малиэ — местность на северо-востоке о-ва Уполу, округ Туамасанга.
[2] Песчаный берег между Фалелетаи и Лефанга; раньше там располагалась деревушка.

№ 31. [52], первая половина XX в., о-в Уполу, с англ.

[1] Саматау — местность на юго-западе о-ва Уполу.
[2] Ниуапаи — малаэ в Саматау.

№ 32. [40], конец XIX в., о-в Тутуила, с самоанск.

[1] Подразумевается, что супруги — сверхъестественные злонамеренные существа и что в выдолбленных кокосовых «бутылях» у них вовсе не вода, а рой москитов.
[2] По другим версиям, москиты — наказание самоанцам за нарушение некоего запрета. Жители о-ва Маноно, не нарушавшие запретов, спасли себя этим от москитов (о-в Маноно очень сухой, и в отличие от сырых островов типа Тутуила или Аунуу на нем действительно почти нет москитов).

№ 33. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Одна из распространенных версий о появлении свиней на Самоа. По другой версии, один самоанец отправляется на Фиджи, где в это время уже разводят свиней, там берется запечь большую свинью, а вместо горячих камней (при помощи таких камней забитую свинью доводили до готовности) закладывает внутрь небольшую супоросую матку. С этим связана приводимая в тексте пословица «Пусть появится все, что скрыто листьями» (набив запекаемую свинью горячими камнями, ее закрывали, как пробкой, пучком листьев; в тексте дается иная народная этимология этой пословицы.)

В тексте упоминаются следующие местности: Сафоту и Самаунга — север Саваии, Сили — юг Саваии, Мулифануа, Фатуософиа — запад Уполу.
[1] Возможное толкование Фатуософиа — «[место] начала страха [и] ненависти».
[2] См. примеч. 1 к № 54.
[3] Мауава — букв. «возьми [попробуй] кавы», произносится при поднесении гостю этого напитка.
[4] Как указывает А. Кремер [40, с. 241], на о-ве Саваии действительно известны эти титулы, принадлежащие вождям-ораторам соответствующих местностей.

№ 34. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Леауваа — букв. «экипаж лодки»; более распространенное название — Ауваа; местность на севере Уполу.
[2] Соа — друг-сват, по традиции улаживавший дела жениха и состоявший при доме невесты как бы в услужении. После достаточно длительного пребывания одного или нескольких таких сватов в доме невесты жених в сопровождении друзей и близких появлялся там с официальным предложением (вся эта группа гостей с женихом во главе именовалась аумоэнга). См. ниже в тексте, где описывается прибытие лодок Тонга-ми-ланги. Более подробно о сватовстве см. [58, с. 185—189].
[3] Искаженное Тонга-меи-ланги — «чужеземец с небес»; в имени заключен намек на небесное происхождение жениха.
[4] Понги-са — «священная (кромешная) тьма»; ср. № 23, где ей соответствует ночь (По).

№ 35. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Ср. аналогичный сюжет в тонганской мифологии — № 77, 78.
[1] В самоанском тексте стоит слово panēta — «планета», европеизм, что указы-

вает на принципиальную возможность изменений и сокращений в тексте мифа; ср. примеч. 6 к № 26.

[2] Фалеалупо — местность на западе Саваии.

[3] Лаи — название западных ветров различной силы. Сильный западный ветер приносит ливневые дожди (ср. здесь также № 60, 61).

№ 36. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

О самоанских титулах и их исключительной роли в системе политической власти на старом Самоа см. Предисловие. Титулы ао, о которых идет речь в тексте, передавались по наследству, за них не надо было бороться, и это делало их менее дорогими и престижными, чем «королевские» (высшие) титулы папа (эти титулы ценились больше всего). Как правило, титулы ао принадлежали вождям менее значительных местностей (особенно существенно это было для о-ва Уполу, ср. здесь № 26) или более мелких территориальных единиц. Об ао см. также № 37.

[1] Туи-атуа — верховный вождь «королевства» (округа) Атуа, о-в Уполу. Ср. № 26 и примеч. 2 к нему.

[2] О Малиэтоа см. Предисловие и № 41.

[3] Туи-аана — верховный вождь «королевства» (округа) Аана, о-в Уполу. Ср. № 26 и примеч. 2 к нему.

№ 37. [40], конец XIX в., о-в, Уполу, с самоанск.

[1] Имеется в виду, что на дом распространялась власть духа и что дух покровительствовал Тафа-ингата и его семье. Как указывает записавший этот текст А. Кремер, самоанцы показывали ему этот дом: он был расположен неподалеку от деревни Ваилоа, в местности Фалеата (Уполу).

[2] Тау-аиту — знатный род в Фалеата, букв. «многие аиту» (в имени семьи заключен намек на их связь с духами-покровителями; ср. выше в тексте и примеч. 1).

[3] Тонга — циновки очень тонкого плетения и выделки, ценившиеся у самоанцев выше всего. Поднесение таких циновок означало оказание высочайших почестей.

[4] Ао — титул вождя (ср. здесь № 36).

[5] Титул матаафа со временем приобрел большое значение и стал в один ряд с «королевскими» титулами (папа).

№ 38. [40], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Имя Пипили означает «искалеченный», «хромой».

[2] Ниуафа — разновидность кокосовой пальмы, из мезокарпия плодов которой обычно плетут особенно крепкие веревки — афа (ср. № 37).

[3] См. № 37 и примеч. 4 к нему.

[4] См. № 37 и примеч. 5 к нему.

№ 39. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

О каннибализме, который, если и имел место, почти всегда был привилегией аристократии, см. также № 17, 86, 88.

Очевиден (судя по тому осуждению и ужасу, с которым рассказчик описывает каннибализм) поздний характер данного текста.

[1] Север Уполу.

[2] Сердце, как и голова, считалось важнейшим вместилищем сверхъестественной силы (маны), которую обретал тот, кто съедал его.

[3] Жертвы приплывают с юга Саваии. Мыс, на котором остается ночевать сын вождя, находится западнее Туаланга.

№ 40. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Нгато-аителе, Нгасоло — имена-титулы девушек наиболее знатного, «королевского» рода. О Малиэтоа см. № 36, 41 и Предисловие.

[2] Фалеула — большой поселок на севере Уполу (ср. № 48).

[3] Ауи-матанги — титул вождя-оратора (тулафале) при Малиэтоа.

[4] Се-ланги-нато — имя вождя с о-ва Саваии; он упоминается в самоанских генеалогиях, приводимых у А. Кремера [40, с. 168].

[5] Алатауа — представитель определенной местности, являвшийся знатоком ее законов, правил, устных традиций. Мог выступать также в роли гонца или глашатая.

[6] Здесь неясно, был ли ребенок альбиносом, или у него просто была относительно светлая кожа. Поскольку в мифологиях Океании существует тенденция приписывать альбиносам чудесное или божественное происхождение (ср. здесь № 17, 116), этот мотив здесь вполне вероятен.

[7] Здесь имеется в виду Леуломоэнга, «столица» Аана (ср. № 26). Ниже в тексте дается народная этимология ее названия.

[8] Возможно и другое толкование имени Тама-ле-ланги — «отец [ребенка] на небе» (см. [40, с. 169]).

[9] По многим известным самоанским генеалогиям, первой «королевой» Самоа, имя которой точно известно, действительно была Сала-масина.

№ 41. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

О политической системе на старом Самоа см. Предисловие, № 36, 37, 38, 47 и примеч. к № 36. Захват островов силами какого-либо вождя означал, что этот вождь и его приближенные становились «мало» — «победителями». Жители захваченных земель должны были работать на победителей (ср. № 47).

[1] Угорь и осьминог, по самоанским представлениям, воплощение особой силы, связанной с тотемным характером этих животных (ср. здесь № 17, 54, 74, 75). В них, по традиционным верованиям, часто воплощались духи (имеются в виду аиту, в особенности — покровительствующие человеку); нередко угорь и осьминог воплощали аиту-тау.

[2] Ночное бдение с палицами наготове символизирует испытание нового оружия, без которого все дальнейшие военные действия обречены на неудачу. Ср. здесь № 46 и примеч. 8 к нему, а также № 119.

[3] Мулифануа, Фатуософиа, Тулиаэпула, Нуусунгале — местности на западе о-ва Уполу.

[4] О происхождении титула Малиэтоа см. Предисловие.

№ 42. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Один из вариантов сюжета о духе (божестве) — патроне ремесел. Ср. здесь № 23, 24, 62, 107. О нарушении запретов, наложенных духами (божеством), см. особенно № 62.

[1] О Тангалоа-аланги см. здесь № 23, 24.

[2] Местность на востоке Саваии.

[3] Самоанский дом, прямоугольный в плане, обычно строился так, чтобы одна из меньших сторон или обе эти стороны были слегка закруглены. Эта закругленная внутренняя часть самоанского дома и называлась тала (ср. № 43).

№ 43. [40], конец XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

[1] Туфунга-ули — букв. «мастер, загоревший на солнце». По-видимому, Туфунга-ули тоже сын Солнца, однако в тексте это никак не акспликировано.

[2] См. примеч. 3 к № 42.

[3] Имеется в виду, что Солнце будет пожирать людей.

[4] По-видимому, часть рассказа опущена, так как здесь выясняется, что Солнце успело съесть уже многих и теперь настает черед Луа и Уи.

[5] Атафу — земля, где, по самоанским представлениям, обитает и властвует Солнце. По-видимому, имеется в виду один из атоллов в группе островов Токелау.

[6] Как указывает А. Кремер, речь идет, по всей видимости, об о-ве Мануаэ (острова Кука), поскольку о-в Руруту в группе островов Тубуаи гористый.

[7] Панеа — поющая раковина, несколько видов рода Oliva.

[8] Ману-а-лии (мануалии) — лысуха красная.

[9] Саua — местность на северо-востоке о-ва Тау (острова Мануа).

[10] Название нескольких птиц: Numenius sp., Limosa sp. См. также глоссарий.

[11] Ср. № 24. В действительности компонент tuli в составе перечисляемых слов имеет значение «сустав».

[12] Поговорка означает пожелание ребенку здоровья, покоя и счастья.

[13] Miti — 1) «лизать, сосать»; 2) «скворец»; народная этимология здесь основывается на омонимии.

[14] Фале-ниу — «кокосовый дом», т. е. дом, крытый листьями кокосовой пальмы.

[15] Здесь и далее употребляется имя Тангалоа, а не Тангалоа-ауи — по обычной для полинезийцев традиции сокращать длинные имена.

[16] А. Кремеру показывали дом, о котором якобы идет речь; этот дом находился в местности Фитиута, на север от Сауа (о-в Тау).

[17] Пава — аиту-тау (см. № 54). Отличительный знак Пава — лист таро.

[18] В самоанском тексте стоит слово siva, означающее «танец», однако такой танец всегда сопровождается песней.

[19] Букв. «затронутый, задетый кавой».

[20] Приготавливаемая кава помещается в таноа — большой, обычно полусферической формы сосуд на четырех толстых коротких ножках. Таноа изготавливается из прочной красноватой древесины. Подают же каву в хипу — чашах, сделанных из половинок кокосовой скорлупы, обычно украшенных орнаментом.

[21] Атаата — название взрослых особей рыб Epinephelus sp.; манини саупата — крупные рыбы манини, Acanthurus sp.; аваава — название рыб Terapon sp.; инганга — мальки рыб Eleotris sp.

[22] Пата — плоды равнинного дерева Macaranga harveyana.

[23] Ма(а)фала — разновидность панданyса.

[24] По другим вариантам, Пава и Тангалоа-ауи расстаются врагами и затем Пава, все еще тая обиду на Тангалоа, уплывает на о-в Уполу.

[25] Маиua — западная часть местности Фитиута, о-в Тау.

[26] Тангалоа-моэ-и-тауме — Тангалоа, Спящий на Копре.

№ 44. [27], вторая половина XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

Рассказы о сестрах, рождающихся сиамскими близнецами и впоследствии разделяющихся, очень популярны на Самоа (ср. здесь № 46, [11, № 153], а также № 1, 15; см. также № 45 и примеч. к нему). Эти повествования сочетают элементы этиологических мифов, мифов о культурных героях, рассказов о трикстерах и волшебных сказок. На Самоа с рассказами о Таэма, Тила-фаинга и Нафануа связано много пословиц и поговорок (см. ниже в тексте и в комментарии).

[1] Тау — местность на одноименном острове.

[2] О Фату и Элеэле см. № 23. Фаималиэ — букв. «приносящая (делающая) добро» (ср. здесь № 74, 75), Фаитамаи — «творящий (делающий) войну» или «приносящий (делающий) удачу».

[3] По другой версии этого сюжета, сестры (еще до разделения) прибывают на о-в Тутуила, в поселок Намо, где встречают группу вождей. Эти вожди начинают смеяться над необычным видом девушек, а рассерженные Таэма и Тила-фаинга бросаются на них — одна справа, другая слева. Так их спины и разъединяются. Знатные жители Намо пытаются спастись бегством, но девушки — наполовину духи — догоняют и съедают их живьем. Отсюда — поговорка «Утро в Намо» (о времени, связанном с несчастливым событием). Ср. также № 46 и примеч. 5 к нему.

[4] По другой версии, сестры прибывают на Тутуила во время страшного голода, заходят в один дом и просят положить им в крохотную корзинку совсем немного маси. Видя, как мало может поместиться в корзинку, хозяева соглашаются. Однако корзинка оказывается волшебной: ее никогда не удается заполнить. Так сестры получают весь запас маси. С этой версией связана поговорка «Просьбы маленькой корзинки» (о попрошайке).

[5] По самоанским преданиям, Таэма и Тила-фаинга познакомили с обычаем натираться куркумой всех жителей Самоа или по крайней мере жителей Тутуила.

[6] Повсеместно на Самоа считалось, что именно Таэма и Тила-фаинга принесли на острова искусство татуировки. Татуировка была символом достоинства и чести, рисунок, нанесенный на тело, достаточно четко указывал на социальный статус его носителя. Татуировку могли иметь только мужчины; ср. № 45.

[7] О мало см. № 41 и примеч. к нему.

[8] Тила-фаинга, или Нафануа, почиталась как могущественная покровительница военных действий, аиту-тау (см. также № 46).

№ 45. [40], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Ср. здесь № 43, 44, 46, см. также Предисловие. Действие происходит на о-ве Саваии. В отличие от других вариантов этого сюжета здесь сестры никак не названы, и читателю (слушателю) о многом приходится догадываться.

[1] Намек на фиджийский обычай татуировать женщин, ср. Предисловие.

[2] Подразумевается, что от холода девушка забыла правило и поэтому говорит все наоборот.

[3] Местный вождь-оратор.

[4] Подразумевается, что Лавеа не проявляет интереса к новому ремеслу и девушки, обиженные, направляются дальше.

[5] Вождеский титул в Салевалу; возможно, вождь-оратор (ср. здесь № 20).

[6] Ср. примеч. 6 к № 46.

[7] См. № 44 и примеч. 5 к нему. Здесь же, возможно, содержится намек на передачу самоанцам искусства выделывать тапу.

[8] Инструменты для нанесения татуировки — костяные (реже деревянные) иглы и гребенчатые штампы, по которым ударяют специальными молоточками. Инструменты обязательно хранятся в специальном цилиндрической формы ящичке («пенале»), представляющем собой выдолбленный кусок дерева, украшенный резьбой.

[9] Это правило отражает ритуал задабривания духов-покровителей (в данном случае патронов татуировки). См. ниже в тексте, а также № 44.

[10] Имеются в виду вожди семейств Суа и Тулау-энга, традиционно живших на северо-востоке Саваии.

[11] Титул вождей-ораторов в Салелолонга (Саваии).

[12] Лалоталиэ — по-видимому, от Лало-талиа — «охраняемая [сверхъестественными силами] площадка»; Фангалеле — по-видимому, от Фанга-лелеи — «прекрасная заводь».

[13] Фаамафи — «изобильный, богатый»; Сафата — «священный жертвенник». Оба святилища находились в районе Салевалу.

№ 46. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

О Савеа Сиулео см. также № 49, его тонганский аналог — Хикулео (здесь № 74, 76, 79). См. также [11, № 153, 154]. О Таэме, Тиле-фаинга, Нафануа см. также № 44, 45.

В данном тексте действие происходит на Саваии; Фалелима, Неиафу, Фуалага, Филимапулету, Ауваа, Сапапалии — местности на Саваии.

[1] Ср. здесь № 35.

[2] По одной из версий этого сюжета, Савеа Сиулео был очень напуган шумом, который поднял его брат, и бросился за ним в большом страхе. С этим связана пословица «Перепуганный Савеа Сиулео скользит по волнам», употребляемая по отношению к человеку, который пускается в некоторое предприятие, не будучи уверен в его успехе.

[3] В тексте дается почти буквальный перевод пословицы, которую можно истолковать так: «Мы расстаемся навек, но повторимся в своих детях, которым суждено встретиться». Употребляется при прощании, расставании на долгий срок.

[4] Подразумевается, что девочки были сиамскими близнецами, см. примеч. 5.

[5] Еще один — редуцированный — вариант сюжета о разделении сиамских близнецов (ср. здесь № 44).

[6] По другой версии, сестер встречают и ведут к себе дочери вождя, вышедшие на риф собирать моллюсков. С этой версией связана пословица «Искали ракушки, а нашли знатных девушек» (ср. рус. «Не было ни гроша, да вдруг алтын»).

[7] Ср. здесь № 44 и [11, № 154], где имя Нафануа толкуется иначе.

[8] Ср. связанную с этим самоанскую пословицу «Таии свистнет — в Пулоту услышат» и поговорку «Свист Таии»; обе означают, что человек, находящийся в трудном положении, может рассчитывать на помощь.

[9] Здесь содержится намек на полинезийский ритуал освящения оружия. Оружие становилось действенным только после того, как им убивали жертву (исходно, видимо, человека) (ср. № 41, 124).

[10] О Тама-фаинга см. № 47 и примеч. к нему.

№ 47. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Тама-фаинга — имя одного из самых свирепых, по представлениям самоанцев, аиту-тау (ср. № 44). С реальным Тама-фаинга, человеком, которого считали полудухом или духом, связан один из самых кровопролитных эпизодов самоанской истории — период усобиц 1829—1830 гг. Тама-фаинга не принадлежал ни к одной из «королевских» семей, но вера в его сверхъестественную силу, равно как и его реальные военные успехи, стяжала ему славу непобедимого вождя и позволила получить высшую политическую и сакральную власть (стать носителем титулов папа, см. о них Предисловие и № 34). Против Тама-фаинга объединились предста-

вители знатнейших («королевских») семей о-ва Уполу, и в 1829 г. он был убит. Именно в это время на Самоа прибыли миссионеры Джон Уильямс и Роберт Барф в сопровождении еще шести миссионеров с Таити. Они действительно крестили Малиэтоа (см. в тексте) и основали миссии на Уполу и Саваии. Подробнее см. [58, гл. 8].

[1] См. № 44, 46 и примеч. к ним.

[2] См. № 46; ср. также № 11. Для дальнейшего хода повествования существенно, что эти духи — аиту-тау.

[3] См. о нем Предисловие.

[4] См. № 34 и примеч. 2 к нему.

[5] Подобный головной убор — отличительный знак воина и аиту-тау, см. № 54 и примеч. 4 к нему.

[6] Самоанская форма имени Давид (в английском произношении Дэвид).

№ 48. [40], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Туи Мануа — здесь вождь Мануа.

[2] Сауаи-тангата — сверхъестественное существо, полудух-людоед.

[3] По-видимому, в тексте имеются пропуски, так как юноша должен подвергаться ряду последовательных испытаний, а здесь их оказывается всего два (ср. № 17 и примеч. к нему).

[4] Алуалу — яркие медузы Rhizostoma sp.

[5] Фунгафунга — родовое название ряда морских улиток.

№ 49. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] О Тангалоа, см. № 23, 24, 42.

[2] Ср. такое же рождение Савеа Сиулео (№ 46).

[3] Ср. такое же проявление сверхъестественной силы, № 27.

[4] Название лодки состоит из двух компонентов — mata «глаз» и 'amo «моргать, мелькать [в глазах]» и может быть переведено как «мелькание в глазах»; таким образом, в нем заключено указание на быстроту хода лодки.

[5] Лори считался у самоанцев одним из символов и воплощений Савеа Сиулео.

№ 50. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] Фалеалии — местность на северо-западе о-ва Уполу.

[2] Нгенге — насмешливо-уничижительная кличка толстых людей; исходя из имени, духи и строят предположения о полноте Нгенге.

[3] Местность на востоке Саваии; таким образом, имеются в виду набеги с Саваии на Уполу.

[4] Имеется в виду Леулумоэнга — «столица» Аана.

№ 51. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] Амоа — деревня на западе Саваии; Сатауа — гористый берег на северо-западе Саваии; Асау — местность на запад от Сатауа.

[2] Об устройстве традиционного самоанского дома см. Предисловие, № 42 и примеч. 3 к нему, а также № 43.

[3] По самоанским верованиям, дух человека (анганга, реже — ата, противопоставляется телу) покидает тело своего хозяина на время сна и на время болезни, точно так же как покидает он тело со смертью человека. Поэтому спящий или больной всегда более уязвим, нежели бодрствующий.

№ 52. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Мосо — один из самых популярных в самоанском фольклоре аиту; ему приписывается особое могущество и злая сила; ср. здесь № 55, 57. Самоанскому Мосо соответствуют фиджийский Туту-матуа, рассказы о котором очень напоминают приводимые здесь, и тонганский Туи Хаа Факафануа [31, с. 154]. Возможно, ему соответствует и дух Сека-тоа, персонаж фольклора о-ва Ниуатопутапу (см. здесь № 73).

Аналогичный мотив необычного рождения см. здесь в № 46.

[1] Салеимоа — местность на севере Уполу.

[2] Фангалеле находится на северо-западе Саваии.

[3] Матауту — местность на северо-востоке Саваии.

[4] Путники просят Мосо залезть на кокосовую пальму и натрясти им с нее кокосов.

[5] Фале-малеиа — «дом (место) гнева [благородного человека]»; в имени заключена аллюзия к злому нраву Моco.

№ 53. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] См. примеч. 1 к № 52.

[2] Фаситоо — либо Фаситооута, либо Фаситоотаи; обе местности находятся на северо-западе Уполу; их разделяет «столица» Аана — Леулумоэнга.

[3] Традиционно самоанцы путешествовали группами — маланга («группа путников»); одинокий путник, который легко мог стать жертвой враждебных сил (мыслившихся как в образе людей, так и в образе духов), был редкостью. Отсюда удивление жителей деревни при виде одиноко бредущей девушки.

№ 54. [57], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Пунга — название больших и тяжелых коралловых блоков, используемых как пресс. Лапа — название плоской верхушки кораллового образования.

[2] Танга — поселок на южном берегу о-ва Саваии.

[3] Пава, или Аиту-и-Пава, считался одним из главных аиту-тау; однако в данном варианте он выступает не в этой роли, а в роли посредника между людьми и другим аиту-тау — осьминогом.

[4] Еще в начале XX в. А. Кремер наблюдал в Туамасанга, как из листьев таро и тутовых листьев (отличительные знаки Пава, ср. № 48) делали головные уборы воинам; эти головные уборы назывались «уборами Пава» [40, с. 288].

[5] Ваимаунга — местность на севере Уполу. Приписывание тутового дерева жителям Ваимаунга, возможно, свидетельствует о пережитках тотемизма.

№ 55. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Ср. здесь № 52; Нифо-лоа — одно из имен духа Моco.

[1] Существенно, что птица, названная здесь (Rallus sp.), имеет длинный клюв, отождествляемый с длинным зубом Нифо-лоа.

[2] О знахарях ср. примеч. 3 к № 27.

№ 56. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] Нгаэнгаэмалаэ — деревня на юго-западе Саваии; буквальное значение ее названия — «на запад от святилища», однако неясно, какое святилище имеется в виду.

[2] По ряду самоанских поверий, Нгаунга-толо и Нифо-лоа (см. здесь № 52, 55) — один и тот же дух.

[3] Тулиа, Сатиа — злые духи, обитавшие, согласно самоанским верованиям, в местности Саленга, на западе Саваии.

[4] Салаилуа — следующая на юг за Нгаэнгаэмалаэ деревня.

№ 57. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] Леа и Леа — букв. «этот и эта» или «он и она» (lea — указательное местоимение).

[2] См. здесь № 41, 47 и примеч. к № 41.

[3] О Моco ср. здесь № 52.

[4] Существовал обычай переносить вождя-победителя на специальном возвышении или на носилках.

[5] Имеется в виду христианство.

№ 58. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

В самоанских представлениях о мире умерших Фафа («ад») противопоставлялся Пулоту («рай»), однако это противопоставление не носит четкого характера. Самоанцы верили, что после смерти человека его дух мгновенно покидает тело и отправляется в «нижний мир», находящийся под водой, к западу от о-ва Саваии. Считалось, что все духи, проходящие по о-ву Уполу, должны непременно достичь западного мыса Фатуософиа и оттуда, нырнув в воду, двигаться в Фафа. Сам мыс был окружен легендами; самоанцы считали это место священным и страшным.

Когда человек умирал своей смертью, его дух отправлялся в Фафа вполне «закономерно»; возвращение оттуда было для такого духа невозможно. Если смерть была насильственной, дух умершего мог возвращаться в родные при жизни места

и мучить тех, кто окружал умершего при жизни. Существовали специальные ритуалы, направленные на то, чтобы отвести от поселка такую опасность. Ср. аналогичные ротуманские представления о духах умерших (№ 4 и примеч. 7 к нему).

Под духами в данном тексте подразумеваются не только аиту, но и духи-людоеды, духи предков, а также духи недавно умерших людей (ср. № 51 и примеч. 3 к нему).

№ 59. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Пили — чрезвычайно популярный в самоанском фольклоре культурный герой. Главное деяние Пили — принесение на Самоа искусства плетения сетей. По некоторым версиям мифов о Пили (в частности, по данной), ему приписывается божественное или полубожественное происхождение. С именем Пили связано большое число пословиц и поговорок, две из которых приведены в данном тексте.

[1] Леоне — местность на юго-западе о-ва Тутуила.

[2] Туи-теле — вождеский титул на о-ве Тутуила; букв. «большой (великий) вождь».

[3] Один из вариантов народной этимологии топонимов Атуа, Туамасанга и Аана (см. № 26 и примеч. 2 к нему), которые возводятся здесь к именам детей Пили. Об о-ве Маноно см. здесь № 29. Аполима — небольшой остров у берегов Уполу.

№ 60. [57], конец XIX в., о-в Уполу с самоанск.

Таланга, Тиитии — самоанские названия Мауи Аталанга (Атаранга) и Мауи-тикитики (Мотикитик) соответственно. Ср. здесь аналогичные ротуманский, тонганский и ниуэанский мифы (№ 6, 87, 89, 125). В разных вариантах хозяином огня является либо дух землетрясения, либо (дух-)предок Мауи, либо хтоническое существо мужского или женского пола.

[1] Фангалии — поселок недалеко от Апиа, сéвер Уполу.

[2] Мафуиэ — «землетрясение», отсюда — связь с огнем.

[3] Летонго и Лаулии — местности на севере Уполу, чуть восточнее Фангалии.

[4] Мотив соединения всех ветров вместе очень популярен в самоанском фольклоре. Честь соединения ветров обычно приписывается Тиитии (ср. также № 61) или Тоива (см. № 35).

[5] О Сале-вао см. № 51.

№ 61. [56], вторая половина XIX в., с англ.

Ср. № 60, где также изложен сюжет о собирании ветров. Следует иметь в виду, что одно и то же название может обозначать разные ветры в зависимости от географического положения островов Полинезии.

[1] Туаолоа — название одного из юго-восточных ветров, дующих с мая по октябрь (пассат).

[2] Матауполу — восточный или юго-восточный ветер (пассат); считается на Самоа очень неблагоприятным.

[3] Тоэлау — наиболее общее название самоанских пассатов.

[4] Лауфала — букв. «лист панданyса» (ср. на Ниуэ — Лауфоли, № 126); фаатиу — «выгоняющий на рыбную ловлю»; пиипапа — «прибивающий к скалам» — названия сильных и порывистых ветров (антипассатов), считающихся неблагоприятными.

[5] Тонга — на Самоа южный ветер, пассат.

№ 62. [57], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Известный полинезийский сюжет «лодка Рата», здесь существенно измененный. Ср. здесь № 63; Предисловие.

[1] Салаилуа, Лата расположены на юго-западе о-ва Саваии. Лата — букв. «ближний, соседний».

[2] Пу — самоанское название рога тритона и раковин Cassis sp. Эти раковины ценились очень высоко и нередко выступали в функции примитивных денег.

[3] Обращение за помощью к духу являлось обязательным ритуалом, предшествовавшим всякому строительству или какому-либо другому начинанию. Считалось, что нарушение этого правила влекло за собой самые трагические последствия; в данном случае Сина несет весьма легкое «наказание» (ср. № 8 и примеч. 4 к нему).

[4] Палаау — раковины крупных моллюсков Pterocera sp., не издают характер-

ного поющего звука. Эти раковины ценились гораздо ниже, чем поющие (ср. выше примеч. 2).

№ 63. [40], конец XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

[1] Тафангафанга — местность на востоке о-ва Тау (Мануа).

[2] Фале-фааманua — букв. «дом, построенный по-мануански», небольшой крытый навес, устраиваемый на палубе (двойной) лодки, отправляющейся в дальнее плавание.

№ 64. [40], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Тингилау (Тинилау, Тинирау, Синилау) — один из центральных персонажей полинезийской мифологии; на разных островах ему приписываются разные роли — божества, культурного героя, сказочного героя (ср. № 5, 16, 65, 95, 96).

Ср. сюжет о черепахах с ротуманским сюжетом «две акулы» (№ 12) и тонганскими версиями (№ 71 и особенно № 96). Подробно этот сюжет разбирает Н. Чедвик [20].

[1] См. примеч. 1 к № 51.

[2] Фалелатаи — местность на юго-западе о-ва Уполу.

[3] См. примеч. 2 к № 54.

[4] См. примеч. 21 к № 43.

[5] Тингилау-ма-оло — «Тинги, Лау и Оло». По обычному полинезийскому правилу длинное имя может усекаться, отсюда — Тингилау.

[6] Палапала — деревня, находившаяся на юго-востоке о-ва Саваии.

[7] Обращает на себя внимание устойчивость в различных вариантах этого сюжета имени Тонга (и ниже — Аэ); ср. тонганский вариант (№ 96), где речь идет о китах.

[8] Местности на востоке о-ва Саваии, расположенные рядом с домом отца Тингилау — Тинги. Предполагается, что духи этих мест должны покровительствовать Тингилау.

[9] В самоанском тексте «аиту фаифили» — букв. «враждебный дух».

[10] Салелолонга — местность на юго-востоке о-ва Саваии, южнее Сафотулафаи и Сапапалии. Подразумевается, что Супа является антагонистом своих соседей — духов местностей, к которым Тингилау обращается сначала, и именно из чувства противоречия соглашается выполнить его просьбу.

№ 65. [52], первая половина XIX в., с англ.

[1] Пата — деревня в местности Фалелатаи.

[2] Упу алофа — букв. «слова любви», поговорка или пословица, употребляемая человеком, который хочет показать свое доброе и заботливое отношение к собеседнику.

[3] По материнской линии Сина восходит к Туи Тонга, и этим объясняется ее обращение к нему (наравне с ее отцом Туи Фити). Просьба разложить на берегу тонкие циновки — намек на необычайное богатство Сины и ее родственников, так как циновки тонкого плетения составляли важнейшую часть состояния богатых полинезийцев (ср. примеч. 3 к № 37).

№ 66. [40], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

Очень популярный в океанийской мифологии сюжет. Известна его маорийская версия («История об Апакура», «Тухурухуру», см. [10, № 236, с. 164]) и раротонганская версия, приводимая С. Перси Смитом в его книге «Гаваики» (см. об этом [59, с. 52—54]). Согласно последней версии, описываемые события действительно имели место и датируются временем около 375 г. н. э. В маорийской версии название дома, в котором живут братья и сестра (Уру-о-маноно), возможно, соотносится с названием одного из самоанских островов. Любопытно совпадение имен персонажей в самоанской и раротонганской версиях: соответственно Апа-ула и Апакура, Ваэа и Ваэа-те-ату-нуку, Ваа-тау-сили и Вака-тау-ии.

[1] Мулинуу — узкий полуостров на северо-востоке от Апиа (Уполу). Сафуне — местность на северном берегу, западнее Мулинуу. Таким образом, здесь подчеркивается длина лодки: она занимает всю лагуну местности Фалеата.

[2] Имеется в виду традиционный полинезийский способ рыбной ловли: из сухих

кокосовых листьев или плодов свечного дерева изготавливают факелы и ночью выходят в ними на риф ловить рыбу.

[3] Туиосавалало — букв. «стояние в Савалало»; Савалало — часть современного города Апиа. Камень, на котором, согласно преданию, стоял Ваэа, находится в лагуне у берегов Мулинуу.

[4] Подразумевается, что Апа-ула прячет младенца в море, оставляя его на попечение рыбам, так как ее братья хотят погубить его.

[5] Это означает, что мальчик должен быть принесен в жертву и съеден на церемонии распития кавы.

[6] Туи-о-сава-лало перечисляет местности, находящиеся в краю его отца Ваэа, а значит, родные и для него. Ваителе — деревня в местности Фалеата, север о-ва Уполу; Тауфаапуэ, Мангеле — названия земельных участков, принадлежащих Ваэа; Ваиафеаи — ручей на берегу Ваителе; Мутиателе — деревня на крайнем западе о-ва Уполу.

[7] Гора Ваэа расположена в глубине о-ва Уполу, за г. Апиа. На Ваэа находится могила Р. Л. Стивенсона.

[8] «Одна только голова Ваэа осталась над землей» — пословица, употребляемая, когда надо показать, что случилось необратимое и что изменить ход вещей уже нельзя. Ср. синонимичную пословицу «Пришла, пришла Апа-ула, да уже поздно», намек на которую также содержится в словах Ваэа.

[9] Леалателе — местность на восточном берегу о-ва Саваии.

[10] Фалеалупо — местность на западе Саваии.

№ 67. [40], конец XIX в., о-в Саваии, с самоанск.

[1] Имена родителей Сины восходят к названиям деревьев, что может быть связано с тотемными представлениями (ср. также № 8). Ви — самоанское название полинезийской сливы; во — по-видимому, от ви вао (равнинное дерево, Rheynoldsia pleiosperma).

[2] О сватовстве см. здесь № 34 и примеч. 2 к нему.

[3] О Тингилау см. № 64, 65 и примеч. к № 64.

[4] Полапола — «поднос», сделанный из большого листа кокосовой пальмы.

[5] Уничтожение большого количества пищи — знак сверхъестественной силы и могущества родителей Сины (см. выше, примеч. 1; ср. также № 74, 75, где Фаималиэ повергает врагов в трепет, съедая все, что ей приносят).

[6] Подразумевается, что он охотится на голубей, ср. № 27 и примеч. к нему.

[7] Захватить дух человека (ср. № 51 и примеч. 3 к нему) означает вызвать его болезнь или смерть. По самоанским представлениям, дух можно захватить, прибегнув к колдовству.

[8] Таусии (-иоиэ) — в самоанской мифологии одна из посредниц, осуществлявших связь между небесными духами и божествами и людьми (ср. вестницу Ириду в древнегреческой мифологии).

№ 68. [40], конец XIX в., о-в Уполу, с самоанск.

[1] Сунга — часть поселка Ваилеле.

[2] В имени Салиманга-лемаи компонент Салима — титул вождей Ваилеле.

[3] Другое имя Лемафаи-туунга — Мафа-лима-лелеи, под которым он появляется в ряде самоанских преданий.

[4] Фаауси — блюдо, приготовленное из нарезанного кубиками печеного таро, приправленного теплым кокосовым маслом (пеэпеэ), которое получают, выжимая запеченные кокосы. Фаауси подают на «тарелочках» (маило) из листа кокосовой пальмы.

[5] Имеется в виду, что женщина уже взята в дом вождя, но еще не стала фактически его женой.

[6] Папаингалангала — небольшая пещера в Фангалии, север о-ва Уполу. Расположена в некотором отдалении от берега. Эта пещера могла служить хорошим, надежным укрытием.

№ 69. [40], конец XIX в., о-в Мануа, с самоанск.

[1] Афули — деревня на о-ве Тау, входящем в группу Мануа.

[2] Танафа, или тангафа,— по-видимому, рыбы Cheilinus sp., достигающие длины 1 м и более.

[3] Луау — блюдо, приготовленное из молодых листьев таро и кокосового масла и приправленное соленой водой.

[4] Нуули — местность на южном берегу о-ва Тутуила.

Тонга

№ 70. [30], начало XX в., с тонганск.

Как отмечает Э. Гиффорд, неясно, идет ли речь об атолле Ата, расположенном рядом с Эуеики, на северо-восток от Тонгатапу, или о вулканическом острове Ата, лежащем от Тонгатапу на юг. Скорее всего имеется в виду первый из островов; этот остров, а также остров Эуа считаются древнейшими на Тонга.

О происхождении человека от червей см. [11, № 141], а также здесь № 23, 24. Кохаи, или Ко Хаи, букв. «кто»,— головная часть червя, от которого пошли люди; Коау, или Ко Ау, букв. «я»,— хвостовая часть; Момо — букв. «маленький кусочек», случайно оставшаяся часть червя (в [11; № 141] дается перевод «остатки раздавленного»). В некоторых мифах Кохаи, Коау и Момо возникают из гниющих останков ползучего растения (фуэ), что точно совпадает с самоанской версией этого сюжета (ср. № 24).

В ряде тонганских мифов Тама-поули-аламафоа (Тамапоули Аламафоа) рассматривается как главный созидатель, создающий все, включая других божеств. По другим верованиям, демиургом является один из Тангалоа. Здесь и далее существенно противопоставление божеств (к ним относятся Тама-поули-аламафоа, Тангалоа) и духов: повелитель ветра Лау-факанаа, хотя и живет на небе, является духом.

[1] Лау-факанаа — по-видимому, «успокаивающий (приглаживающий) ветер»; в имени заключена аллюзия на функции этого духа (см. ниже в тексте).

[2] Одна из популярных версий происхождения рыболовных сетей. Ср. о происхождении сетей на Самоа (от Пили, № 59) и на Ниуэ (№ 115).

[3] Здесь (и в ряде других тонганских фольклорных текстов), по-видимому, название сказочных, особенных плодов. На самом деле хопа — разновидность райского, или десертного, банана с короткими, твердыми, желтоватыми изнутри, тупоконечными плодами. Характерный для тонганского фольклора случай несоответствия небесных (подземных, подводных) растений земным при тождестве их имен (ср. здесь № 87, 97).

[4] Путалинга — вид райского банана с сочной мякотью.

[5] Букв. «ямс ата» (ngu «ямс»); в этом названии для тонганца заключено указание на о-в Ата и, возможно, на другую версию сюжета о происхождении ямса и некоторых других растений (герой доставляет растение на Тонга из запредельного мира, и происходит это на рассвете: ata «начало рассвета») (ср. № 74, 75, 97); ср. также примеч. 6. Разновидность культивируемого ямса с крупными клубнями с белой мякотью.

[6] Букв. «ямс ата» (tua «ямс»); ср. примеч. 5. Разновидность ямса со светлыми клубнями и относительно светлыми листьями.

№ 71. [30; 48], начало XX в., острова Хаапаи, о-в Тонгутапу, с тонганск. и с англ.

Характерные океанийские сюжеты о вылавливании земель со дна океана и о происхождении земель с небес. О вылавливании островов из-под воды см. [11, № 227], здесь № 6, 87.

[1] Као, Тофуа, Лате, Фонуалеи — вулканические острова; первые два острова расположены на востоке группы Хаапаи, Лате — самый южный остров группы Вавау, Фонуалеи лежит на север от островов Вавау. Существенно, что острова Вавау в принципе считались у тонганцев древнейшими, созданными раньше других.

[2] Имеется в виду волшебный крючок Мауи (см. ниже в тексте); эта версия происхождения островов Фиджи согласуется с фиджийскими (фольклор острова Вити-Леву, островов Лау).

[3] Хикулео, или Хавеа Хикулео, Оберегающий Хвост, властитель и страж мифической страны Пулоту (см. также [11, № 140] и № 74, 75, 79). Самоанский аналог Хикулео — Савеа Сиулео (см. № 44, 46).

[4] В кратере потухшего вулкана на о-ве Тофуа действительно имеется озеро.
[5] Тафа-кула — букв. «горящий край (зад)»; в имени заключен намек на необычную особенность духа. Считается одним из покровителей о-ва Эуа. По одним представлениям, Тафа-кула мужского рода (см. здесь и № 72), по другим — женского (см. № 84).
[6] Об о-ве Номука см. также № 80.
[7] Хаэле-феке — букв. «шагающий осьминог», ср. здесь № 17 (аналогичный ротуманский персонаж) и № 54 (аналогичный самоанский персонаж).
[8] Отутолу — букв. «три острова в ряд». Не совсем ясно, имеются ли в виду реальные острова в группе Хаапаи.
[9] Подразумевается, что дух боится яркого света (по океанийским представлениям, большинство духов действуют только в темноте, ср. № 9, 10, 58, 97).
[10] Действительно, о-в Таноа расположен рядом с Фоноиуфа, небольшим островком в группе Хаапаи.
[11] Папатаи — местность на о-ве Вавау.
[12] Ср. здесь № 12, 64, 96.
[13] Скорее всего имеется в виду созвездие Ориона или его часть. Ср. здесь № 5, 6 и 78.
[14] Мата-о-Хина — «лик (глаза) Хины»; риф между о-вами Вавау и Ниуа.

№ 72. [30], начало XX в., о-в Вавау, с англ.

[1] Талау — холм на о-ве Вавау высотой около 140 м.
[2] О Мосо см. № 52, 55, 57, 79.
[3] О Тафа-кула см. № 71, 84.

№ 73. [43], начало XX в., о-в Ниуатопутапу, с англ.

Острова Тафахи, Ниуафооу и Ниуатопутапу лежат на севере от островов группы Вавау; административно относятся к группе Тонгатапу; однако с физико-географической точки зрения не входят в архипелаг Тонга. Были заселены тонганцами относительно поздно. Вождеский титул Маату — явно тонганский.

[1] Сека-тоа (Секе-тоа) — дух, считавшийся покровителем о-ва Ниуатопутапу и вождей, традиционно правивших на этом острове,— Маату. По легенде, Сека-тоа был смертным человеком, сыном вождя; старший брат, приревновав, убил его, и после смерти Сека-тоа воплотился в рыбе. По тонганским поверьям, эта рыба — дух Сека-тоа — обитает в водах Ниуатопутапу, недалеко от берега, и является на первый зов любого члена семьи Маату. Отождествляется также с самоанским Мосо (см. примеч. к № 52).

№ 74. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Пулоту — невидимый мифический мир, располагающийся, по разным поверьям, либо под землей, либо под водой. В Пулоту живут предки тонганцев, в Пулоту отправляются духи умерших. Правитель Пулоту — Хикулео. Воплощением Хикулео считалась у тонганцев морская змея (тукухали) (ср. № 80 и об аналогичном образе ниуэанского тупуа № 104).

Нередко в тонганских преданиях можно наблюдать синкретизм Пулоту и Лолофонуа (см. примеч. 1 к № 87); ср. № 9, 10, 49, 58, 75, 119.

[1] Хаэле-феке — см. № 71 и примеч. 7 к нему; Фаималиэ — Творящая Добро, ср. этот же персонаж в самоанском фольклоре (№ 44); Факафуумака (букв. «подобный большому камню») — Превращающийся в Камень.
[2] Ви — полинезийская слива. Задание связано с тем, что это дерево обычно дает очень много некрупных плодов.
[3] Кахокахо — разновидность ямса, считающаяся лучшей и дающая богатый урожай.

№ 75. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

[1] Фаахи-кехе — букв. «другая сторона; другого рода», т. е. не такой, как человек. Наиболее общее в тонганской мифологии название сверхъестественных (в противопоставлении человеку) существ и сил; сюда входят божества, духи природы, духи предков и умерших, а также жрецы божеств и духов. Менее общим названием являлось отуа — «духи природы, божества»; с введением христианства это слово было практически вытеснено европеизмом теволо (от англ.

devil «дьявол, бес, дух»), настолько прижившимся, что он даже получил народную этимологию («брызгающий слюной», te-volo, где volo «язычок, uvula»), связанную с представлением о том, что духи нередко являются людям с пеной у рта.

[2] О Факафуумака см. № 74 и примеч. 1 к нему. Вака-фуху — «обитающий (воплощающийся) в витой раковине»; имеется в виду, что этот дух мог обращаться как в камень, так и в раковину.

[3] О Фаималиэ см. № 74 и примеч. 1 к нему.

[4] Леитана — «выложенная (отделанная) китовой костью». По полинезийским правилам все лодки имели имена (ср. здесь № 49, 99).

[5] Оа — небольшой атолл в группе Вавау.

№ 76. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Из этого текста видно, что представления тонганцев о подземном мире были весьма разноречивы: Лупе-овалу живет и на своем острове, где ее охраняют ветры, и в Пулоту, затем оказывается только в Пулоту и оттуда возвращается на землю.

[1] Лупе-овалу — «голубь, восьмикратно званный».

[2] Значение неясно. Возможно, «Лупе морская» (Пулоту находится, по тонганским представлениям, под водой).

[3] На западе о-ва Тонгатапу росли казуарины, считавшиеся священными. Ср. Предисловие и № 81.

[4] Ваэ-ука и Ваэ-хуки-танга — советники или жрецы кавы при Хикулео.

[5] О Пунга-лото-хоа и Масила-фоафоа см. № 90. По тонганским представлениям, это духи, происходящие из Пулоту.

№ 77. [30], начало XX в., о-в Номука, с тонганск.

Ср. № 35 и 78. Тапу-китеа — тонганское название Венеры.

[1] Панго — букв. «грубый, агрессивный, неотесанный человек, у которого все получается нескладно и которому ни в чем не везет».

[2] Здесь дается народная этимология имени Тапукитеа, получающегося сложением имен мужа и жены (этим объясняется и дефисное написание имени в тексте).

№ 78. [30], начало XX в., о-в Лифука, с англ.

Действие происходит на о-ве Тонгатапу. Подобный же мотив необычного зачатия см. в [59, с. 13—19]. Данный текст интересен тем, что в нем достаточно четко показаны последовательные испытания, которым подвергаются герои (мотив, который в полинезийской мифологии часто редуцируется); ср. здесь № 17 и особенно № 87, где говорится о точно таких же испытаниях (ср. также № 5, 6, 35, 71, 77).

[1] Маафу — букв. «гореть, горящий»; общее название Магеллановых Облаков. Омонимичное слово Маафу — тонганский вождеский титул, ср. здесь № 19, 73.

[2] Маафу Тока — «большой Маафу» (большое Магелланово Облако), Маафу Леле — «малый Маафу» (малое Магелланово Облако).

[3] Имеется в виду общинный дом.

№ 79. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

По некоторым представлениям, Феху-луни — дух рано умершей женщины, по другим поверьям, это дух вождя с о-ва Эуа. Соответственно мог воплощаться и в мужчине и в женщине. Считалось, что этот дух время от времени посещает людей на самых разных островах и может принести человеку болезнь и даже неожиданную смерть при таинственных, непостижимых обстоятельствах (ср. № 52, 55 о самоанском Мосо — Нифо-лоа).

[1] Макатууа — пещера на о-ве Эуа; источник Мааэатану, упоминаемый ниже, находится рядом с этой пещерой.

[2] Киэфау — дорогая тонкая циновка, сплетенная из волокон гибискуса.

[3] Разновидность ямса, клубень которого действительно образует много отростков. Считался одним из сортов «ямса из Пулоту» — ямса Хикулео (ср. здесь № 74, 75 и примеч. 5, 6 к № 70).

№ 80. [30], начало XX в., о-в Номука, с тонганск.

Ава — небольшая рыба, разновидность тунца. Различают ава-тахи, морских ава, и ава-ута, пресноводных ава.

Номука — остров, расположенный между о-вами Тонгатапу и Хаапаи, входит в группу Хаапаи. Номукеики — небольшой остров к югу от Номука. Название

этого острова либо возводится к именам Ному и Ики, как в данном тексте, либо трактуется как «маленький Номука».

[1] Нгафа — дух природы, считавшийся покровителем острова Номука.

[2] Хеи-моана — дух моря (moana «море»), воплощающийся в облике морской змеи; ср. № 74 и примеч. к нему.

№ 81. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Танумапопо — бухта в лагуне Тонгатапу. На Тонгатапу кефаль нередко называли рыбой Хавы. По некоторым версиям данного сюжета, сестры были обращены в скалы за нарушение некоего запрета. Нарушение запрета могло быть и объяснением того, что рыба покинула воды о-ва Тонгатапу.

[1] Нукухитулу — местность на севере Тонгатапу.

[2] Нукунукумоту — небольшой остров к северу от Тонгатапу.

[3] Здесь описывается характерный способ ночной рыбной ловли и собирания продуктов моря (ср. № 66).

[4] Здесь и ниже перечисляются мелкие островки в районе лагуны Тонгатапу.

[5] Мысы на Тонгатапу.

[6] По тонганским поверьям, казуарина Туаэиту была сотворена раньше всех других деревьев и обладала магической силой.

[7] Хаа-тафу, или Туи Ахау,— дух, живущий, по тонганским поверьям, в пещере на Тонгатапу (Ахау — «[обитель] вождя-правителя»).

№ 82. [31], конец XIX — начало XX в., с англ.

[1] В течение двух-трех месяцев после родов мать и младенца натирали куркумой, которая, как считалось, давала тепло и прибавляла матери молока, а ребенку — здоровья и силы.

[2] Подразумевается, что дух забирает всю воду из этой заводи.

[3] Местность на о-ве Вавау.

[4] Финеката — местность на о-ве Вавау; kata «смеяться».

[5] Ваэнгангане — «разлитая вода».

[6] Местность на юго-востоке Тонгатапу.

№ 83. [31], конец XIX в., с англ.

Обращает на себя внимание значимость имен героев: Мафи — «победитель», Тули — «гонящий, преследующий», Куи — «слепой». Возможно, этот текст — трансформация сюжета, характерного для сказок о животных (ср., например, № 136).

[1] Подразумевается, что жреца там не было (ср. № 101).

[2] Ср. здесь № 2, где Рахо прорывает русло ручья своей палкой-копалкой.

№ 84. [19; 48], конец XIX — начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Об Эуа см. также № 70 и примеч. к нему. Самоанскую версию сюжета о сиамских близнецах см. здесь № 44—46. Об инцесте см. здесь также № 3 и Предисловие.

[1] Топу-кулу (искаженное Тапу-кулу) — «священное дерево», дух природы. О Нафануа см. здесь самоанские мифы — № 44, 46 и примеч. 8 к № 44.

[2] См. здесь № 80 и примеч. 2 к нему.

[3] О фаахи-кехе см. № 75 и особенно примеч. 1 к нему.

[4] См. № 71 и примеч. 1 к нему.

[5] Лофиа — букв. «залитый водой, затопленный». Считается духом о-ва Тофуа.

[6] На о-ве Тофуа расположен потухший вулкан, ср. № 71 и примеч. 4 к нему.

№ 85. [30], конец XIX в., о-в Тонгатапу; записано королем Тонга Тупоу Георгом II; прозаический текст с англ., поэтический текст с тонганск.

[1] Фонуалото (букв. «в земле») — гробница или склеп; в фонуалото хоронили только знатных людей (ср. о погребении Туи Тонга № 99).

[2] Имя Фау означает «создатель, строитель, учредитель»; Хану, возможно, «плачущая».

[3] Земли, принадлежавшие семье Туи Тонга, в районе Колонга.

[4] Имеется в виду киэ (тонга) — очень тонкая циновка, сплетенная из волокон, получаемых из гладкой стороны листа пандануса (ср. киэфау — № 79 и примеч. 2 к нему).

[5] Одно из традиционных свадебных правил.

[6] Тау-тапу (букв. «украшения, висящие над могилой») — обычай развешивать гирлянды цветов, цветы и листья над могилой знатного человека. По-видимому, эти цветы играли роль оберега (ср. № 4 и примеч. 7 к нему).

№ 86. [31], начало XIX в., о-в Хаапаи, с англ.

Действие происходит на о-ве Фоа (группа Хаапаи) Лотофоа, Хаалаи, Фалелоа, Фотуа, Аханга — местности на Фоа.

О полинезийских крепостях см. особо [16, гл. V].

[1] Существенно, что в имени вождя имеется компонент fisi (фиджи); ср. № 88, где людоедство приписывается именно фиджийцам. По разным версиям, Тахи-фиси был либо вождем, либо вождем-оратором.

[2] Букв. «место стояния мастеров, мудрецов»; намек на необычные способности и знания близнецов.

№ 87. [19], 1912—1913 гг., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Наиболее полный из известных вариантов тонганских текстов о Мауи; ср. более короткий текст — № 89 и тексты о Муни — № 90, 91.

[1] Лолофонуа (Лалофонуа, «нижняя земля») — мифический мир, запрятанный глубоко под землей или под водой; место, где, по тонганским представлениям, обитают духи и герои, предки и божества.

[2] См. также № 89.

[3] Нону — тонганское название дерева Morinda citrofolia, кора и листья которого используются в народной медицине. Нону-фиэфиа («нону радостное») — одна из разновидностей этого дерева.

[4] Ср. примеч. 3 к № 70.

[5] В хранилище для бананов плоды вместе с определенным набором трав выдерживаются в течение некоторого времени и заквашиваются. В результате получается «тонганский хлеб» (ма). Хранилище представляет собой полуподземное сооружение, все отверстия в котором тщательно закрыты.

[6] Водоем на о-ве Колоа.

[7] В имени Фуи-ло(о)а компонент фуи (fu'i) означает «брызгать водой»; возможно, все имя означает «дождевая туча».

[8] Тотоэиту — «дерево духов»; возможно, имеется в виду реальное дерево (Cerbera odollam) с характерным изогнутым стволом и узловатой толстой корой.

[9] Хиапо — бруссонеция бумажная (тутовое дерево). Туту (tutu) — внутренняя сторона коры этого дерева (идет на изготовление тапы); по-видимому, при записи текста здесь произошла ошибка или был допущен пропуск.

[10] Имеется в виду о-в Тонгатапу. Далее в тексте говорится, что птица умирает на берегу Толоа (тонганское название мыса Кука, южная оконечность Тонгатапу).

[11] Бау (Мбау) — остров у восточного побережья Вити-Леву, считавшийся «пупом» Фиджи. Там жили верховные вожди Фиджи (Туи Фити).

[12] Хау (ср. самоанск. и ротуманск. сау) — фиджийское и затем тонганское название выборного вождя-правителя.

[13] Имя Фулу-пупута состоит из компонентов со значениями «шерсть» и «объевшийся, разжиревший сверх меры».

[14] Ср. здесь № 60.

[15] Тенифа — вид акулы, в которой, по тонганским представлениям, могли воплощаться некоторые духи, например Тауфа (см. № 101).

№ 88. [49], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Фактически является продолжением № 87. Туи-мотулики — «правитель Мотулики»; в имени мальчика содержится указание на его высокое происхождение и положение.

[1] Оа — плотного плетения корзина, в которой тонганские женщины хранили наиболее ценные вещи.

[2] Хекета, Муа — см. здесь № 99 и примеч. к нему.

[3] О ланги см. Предисловие и № 94, 99.

[4] По-видимому, речь идет об обосновании какого-то локального запрета, возможно, существовавшего где-то на Тонгатапу и затем утраченного. На Тонга в целом ничего не было известно о таком табу.

[5] Тау-фана — жрецы, наделенные на старом Тонга значительной властью.

Нередко сакральная власть имела столь же большое значение, как и светская, и эти жрецы могли называться пуле — «правящие».

№ 89. [30], 20-е годы XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

[1] Ср. № 87, где Мауи живут не в Пулоту, а в Лолофонуа.

№ 90. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Сюжеты рассказов о Муни во многом перекликаются с сюжетами о Мауи (чудесное спасение, необычайная сила героя, поиски родителей, подвиги, смерть на Фиджи). Муни особенно популярен на островах Хаапаи, где он практически вытесняет Мауи.

[1] Мотуку-веэ-валу — «цапля о восьми ногах». Интересно, что и Муни и Мауи нередко возводятся к зооморфным предкам или имеют зооморфных приемных родителей (ср. № 6).

[2] Пунга-лото-хоа, или Пунга-лото-лава, — «внутри подобный пунга»; пунга — мягкий камень или мягкое и ломкое коралловое образование. По ряду версий этого сюжета, Пунга — людоед; он избирает Мотуку объектом своих преследований, узнав, что это слабый и безответный человек.

[3] Хаатафу — мыс на западе Тонгатапу.

[4] Лофанга — остров в группе Хаапаи.

[5] Традиционно полинезийские лодки укреплялись у берега при помощи кольев, крепко вогнанных в прибрежный ил или песок; такое устройство заменяло якорь (см. № 41). Место на берегу в Хихифо, где Муни, по легенде, пробил якорным колом скалу, называется «земляной печью Муни» (отверстие в скале напоминает углубление земляной печи).

[6] Поха — местность на востоке Тонгатапу.

[7] По другим версиям, возле дома Пунга росло не чудесное дерево, а огромный побег кавы, размерами превышавший дерево.

[8] Оно (видимо, Оно-и-Лау) — остров в восточной группе островов Фиджи.

№ 91. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

[1] Лолофетау — название наветренного берега на о-ве Уолева.

[2] Лофанга — см. примеч. 4 к № 90.

[3] Синилау в тонганском фольклоре либо легендарный вождь Самоа, либо прекрасный юноша, жених Талама-сины (Сины), либо дух или герой. Здесь имеется в виду вождь округа Аана (ср. № 95, 96).

[4] Другой возможный перевод — Рваный Глаз.

№ 92. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Туи Татуи (Туи-та-туи) — одиннадцатый Туи Тонга, один из самых известных. Ему приписывается сооружение ряда памятников на Тонгатапу (см. № 94, 99), а также различные подвиги, в том числе встреча с черепахой Сангоне (см. [11, № 150]).

Участники церемонии питья кавы садились в круг, на строго определенном расстоянии друг от друга. За вождями, сидевшими в этом торжественном круге, стояли их телохранители (см. № 99). Круг делился на участки в соответствии с происхождением и сакральным статусом сидевших в нем вождей. Положение жрецов, готовивших и разливавших каву, также было строго фиксированным. Всякое нарушение заведенного порядка расположения гостей являлось нарушением табу. Подробно о церемонии кавы у тонганцев см. [15; 23; 31, с. 112, 150; 45]. По другим версиям (см. № 93), церемония и правила размещения участвующих в ней вождей установлены Лоау, жившим во времена Туи Татуи.

№ 93. [31], начало XX в., с тонганск.

О легендарном вожде и герое Лоау см. Предисловие. По-видимому, в тонганской мифологии различается несколько персонажей с этим именем: Лоау Тапу-тока, упоминаемый в рассказе о Туи Татуи и черепахе Сангоне [11, № 150] (он же является, вероятно, героем этого рассказа), Лоау Тонга-фиси-фонуа (см. № 96) и Лоау-реформатор, живший во времена Туи Тонга Така-лауа (см. № 99).

[1] Высокий вождеский род.

[2] Королевский род, ниже Туи Тонга (см. здесь № 99, 100).

[3] Вождеский род (вожди-хранители, состоявшие при высоких вождях).

[4] Тоуа («готовящие каву») — места вождей, имеющих относительно низкое положение. Высшие вожди занимали в круге пьющих каву места, которые назывались алофи.

[5] Туи Фале-уа (Фале-уа — «два дома», «дом двоих») — вождеский род на о-ве Тонгатапу.

[6] Лауаки — букв. «высший, вознесенный высоко»; возможно, в традиционных тонганских представлениях, не дошедших до нашего времени, какой-то атуа. Титул лауаки носили матапуле, служившие Туи Тонга, затем — Туи Канокуполу. Мотуапуака — предок-свинья (motua «старый, предшествующий; старик, предок»; puaka «свинья»). По-видимому, в архаической тонганской мифологии, практически утраченной, почитался как (тотемный) предок и хранитель Тонга. Упоминается в ряде заклинаний и заговоров, особенно на островах группы Тонгатапу.

№ 94. [30], конец XIX — начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

О Туи Татуи см. № 92, 99.

[1] Под Тонга подразумевается Тонгатапу; Олотеле — резиденция Туи Тонга на Тонгатапу (см. также № 99).

[2] По другим легендам, Нуа была дочерью Лоау (см. № 93, 96) и женой Туи Тонга Момо, десятого короля Тонга; в таком случае она приходилась Туи Татуи матерью.

[3] Ланги — гробницы Туи Тонга (см. Предисловие и № 99).

[4] Имеются в виду террасные захоронения тонганских вождей, встречающиеся на о-ве Тонгатапу и островах Вавау.

[5] Хаамо(у)нга-а-Мауи — знаменитый древний трилит на Тонгатапу, расположенный между местностями Колонга и Ниутоуа. Считалось, что камни, образующие трилит, символизируют нерушимость связи между сыновьями Туи Тонга (см. [16, с. 73]).

[6] Инаси — церемония поднесения пищи в дар Туи Тонга; часть более древнего ритуала, имевшего целью «задобрить» властителя и покровительствующих ему духов перед началом какого-либо ответственного предприятия.

[7] Футуна — о-в Хорн, оба Ниуа — традиционное название островов Ниуатонутану: Уэа (Увеа) — о-в Уоллис.

[8] Лангилека — букв. «низкая гробница», кладбище, где хоронили знатнейших вождей (см. также Предисловие; ср. примеч. 3).

№ 95. [30], начало XX в., о-в Тонгатапу, с англ.

Как отмечает Э. Гиффорд [31], уже в начале XX в. тонганцы не выказывали какого-либо особого отношения к альбиносам. Тем не менее в более ранний период альбиносы соотносились с миром сверхъестественного и внушали ужас и отвращение одновременно.

[1] Матанги — «ветер»; Малу — «затишье, штиль, слабый ветерок».

[2] Подразумевается, что близнецы после рождения покинули родительский дом (ср. здесь № 1, 2, 44).

[3] В имени Офа-хе-какала игра слов: «любовь к благоухающим цветам» и «любимая девушка» [kakala — 1) «благоухание цветов, пахучие цветы»; 2) (поэтич.) «девушка»].

[4] Ср. самоанск. топоним Хаалоау, компонентом которого является имя легендарного героя.

№ 96. [30], конец XIX в., с тонганск.

Ср. здесь № 12, 64 и примеч. к ним, а также [11, № 170, 235].

О Лоау см. Предисловие, № 93 и примеч. к нему. Здесь идет речь о Лоау Тонга-фиси-фонуа, «вожде, заплывавшем за горизонт».

Говорящее дерево, о котором идет речь здесь и в № 97,— сказочное растение, которому приписывался не только дар речи, но и способность творить чудеса. По тонганским представлениям, сказочное дерево пуко отличается от обычных пуко — высоких прямых деревьев Harnandia sp.

[1] Акана — по-видимому, тонганское название Аана, одной из трех крупных территориальных единиц, на которые делился о-в Уполу.

[2] Лонгоули — разновидность акулы.

[3] Тунунга-тофуаа — букв. «кит, изжаренный на огне»; в имени содержится указание на обстоятельства гибели кита. По другим версиям, китов назвали Самоа и Тонга и родила их не невестка, а жена Синилау.

№ 97. [17], начало XX в., с англ.

Сходный текст приводится у Э. Гиффорда [30]; см. здесь № 96.

[1] По полинезийским представлениям, духи боятся света и все свои дела совершают под покровом темноты; здесь подразумевается, что на рассвете духи должны убежать (ср. здесь № 71 и примеч. 9 к нему).

№ 98. [30], конец XIX в., с тонганск.

[1] Ср. № 71, где говорится, что это самоанские духи.

[2] Холохипепе — холм на о-ве Тонгатапу высотой около 60 м.

[3] Здесь речь идет не о говорящем сказочном дереве (см. № 96, 97), а об обычном (Harnandia sp.).

[4] Имеется в виду один из многих духов, носивших имя Тангалоа, возможно, дух моря.

№ 99. [48], начало XX в., о-в Тонгатапу, с тонганск.

Сходные тексты приводятся у Э. Гиффорда [30; 31].

[1] Ахо-эиту (Ахоеиту) — легендарный Туи Тонга, которому приписывалось божественное происхождение — от Тангалоа (см. [11, № 149]). Как считает Э. Гиффорд [31, с. 51], Ахо-эиту, правивший в середине X в. н. э., был сыном тонганки и вождя-иммигранта.

[2] Известно, что тонганцы регулярно плавали на о-в Увеа (Уоллис), и есть основания думать, что в определенные периоды истории (например, в XVIII в.) их власть распространялась на этот остров.

[3] Считается, что Момо перенес резиденцию Туи Тонга с юго-востока на северо-восток о-ва Тонгатапу.

[4] См. здесь № 92, 94 и примеч. к ним. Правление Туи Татуи относят ко времени около 1200 г.

[5] Тама-тоу — «человек из [древесины] тоу»; тоу — тонганское название казуарины.

[6] Один из самых неясных, если вообще когда-либо имевших место, эпизодов тонганской истории. Существует версия, согласно которой у Тала-тама (Талаатама) было два сына; старший был убит младшим, носившим имя Талаи-хаапепе; таким путем младший хотел добиться власти. По другой версии, Тала-тама приходился Талаи-хаапепе старшим братом; по неясным причинам Талаи-хаапепе не захотел или не смог править сразу после него. Преследуя некий замысел, Талаи-хаапепе в течение длительного времени выдавал за Туи Тонга деревянную куклу, которую называли Великий Туи Тонга Тама-тоу. По преданиям, эту куклу захоронили в одной из гробниц на Тонгатапу, однако исследование гробниц, проведенное учеными в конце XIX — XX в., показало, что это скорее всего легенда. Утверждается, что инсценированные похороны «деревянного Туи Тонга» сопровождались известием о том, что его супруга родила наследника.

[7] Мохеофо — женщина, которая на время отсылалась к вождю в качестве наложницы или должна была принимать путешествующего вождя; в данном случае — женщина, назначенная в жены Туи Тонга.

[8] Правление этого Туи Тонга относят ко времени около 1250 г.

[9] Хавеа Первый (см. ниже в тексте).

[10] Алакифонуа («земля Алаки») — местность на Тонгатапу, получившая свое название от названия расположенного там поселка.

[11] Калаэ — птица с длинными ногами и красным клювом, вероятно, Porphyrio vitiensis.

[12] Этот Туи Тонга известен в преданиях своим безуспешным сватовством к самоанской красавице Хине (Сине). Его соперником, добившимся расположения девушки, оказался ее собственный брат Нгана-татафу. Хина подарила ему двух рыбок (это были скумбрии), и считается, что скумбрии появились в водах Тонга именно во время правления Тата-фуэики-меимуа.

[13] Хавеа Второй.

[14] Правил около 1450 г. Считается, что именно при этом Туи Тонга политиче-

ская система была существенно перестроена (в сторону укрепления династической власти и аристократии) Лоау-реформатором (третий Лоау в тонганских преданиях и мифах, ср. примеч. к № 93).

[15] Ср. версию сюжета о Ваэ, приведенную ниже в тексте, и версию в [11, № 152].

[16] Кау-улу-фонуа-фекаи — Кау-улу-фонуа Жестокий. Имя Жестокий он получил за расправу с убийцами отца (см. ниже в тексте). Считалось, что именно он завоевал Увеа, где власть тонганцев продержалась затем до конца XVIII в.

[17] Лату-тоэ-ваве — «действующий скоро»; в имени содержится указание на необычное развитие его носителя (сверхъестественное развитие героя — характерный мотив полинезийского фольклора).

[18] По преданию, Туи Тонга был убит во время трапезы на островке Матаахо, в лагуне о-ва Тонгатапу. Его не погребали, пока убийцы не были наказаны; следовательно, его труп был набальзамирован (искусство бальзамирования, как полагает Э. Гиффорд [31, с. 53], пришло на Тонга с Самоа).

[19] Нгафингафи — парадные циновки очень тонкого плетения.

[20] По преданию, именно Кау-улу-фонуа-фекаи ввел около 1470 г. титул Туи Хаа Така-лауа. Этот вождеский род был менее знатным, чем Туи Тонга. Однако уже около 1500 г. светская власть перешла к династии Туи Хаа Така-лауа («вожди — наследники Така-лауа»), а сакральная власть сохранялась за династией Туи Тонга. Всего известны имена шестнадцати Туи Хаа Така-лауа. Около 1600 г. светская власть перешла от Туи Хаа Така-лауа к роду Туи Канокуполу (см. о нем № 100); к роду Канокуполу принадлежит и нынешний король Тонга — Тауфаахау Тупоу IV.

[21] Ср. здесь № 92, 93.

[22] Двадцать седьмой Туи Тонга, Кау-улу-фонуа Второй.

[23] Улуаки-мата Первый, он же Телеа (ниже в тексте назван этим именем). По преданию, появился на свет преждевременно. У его отца было две жены, и духи сделали так, что родила раньше та, которая понесла позже (ср. здесь № 1); ее сыном и был этот Туи Тонга. По легенде он утонул (или был утоплен) в море. Из балансира его лодки была затем сделана чаша, которую тонганцы показывали первым миссионерам.

[24] По другим генеалогиям этот Туи Тонга носил имя Кау-улу-фонуа Третий. О нем упоминает А. Тасман, видевший его в 1643 г. (по [31, с. 56]).

[25] Улуаки-мата Второй.

[26] Туи-пулоту Первый.

[27] Сина-итакала Вторая, сестра Туи-пулоту (см. также примеч. 34).

[28] Туи-пулоту Второй.

[29] Э. Гиффорд [31, с. 56] сообщает, что Пау правил около 1770 г. и умер около 1784 г.

[30] Маулу-пеко-тофа умер около 1806 г. (по [31, с. 57]).

[31] Этот Туи Тонга умер около 1810 г. (по [31, с. 57]).

[32] Последний в списке тридцати пяти поколений Туи Тонга, умер в 1865 г.

[33] Ср. здесь № 70 и [11, № 140, 141].

[34] Женщины Туи Тонга (сестры Туи Тонга) формально считались выше и знатнее мужчин. Первой Туи Тонга, чье имя сохранилось в генеалогиях, была сестра Туи Татуи — Лату-тама.

[35] Местность на севере о-ва Тонгатапу.

[36] Уфилеи — разновидность ямса, по вкусу напоминающая скорее картофель или батат; хои — дикий ямс, Dioscorea bulbiferum; ма готовят обычно из бананов, и здесь подчеркивается, что на участке их росло особенно много.

[37] Синаулутоа — дорога, по которой проходили все торжественные шествия и на которой встречали знатных гостей.

[38] Фангалонгоноа — «спокойный берег».

[39] Фоуи — разновидность пандануса.

[40] Подразумевается, что Лоло наносит на живот женщины татуировку.

[41] Паэпаэ — камни, которыми обкладывали насыпь, служившую основанием дома, или могильный холм. Здесь идет речь именно о камнях для кладбищ Туи Тонга; то, что эти камни привозили с Увеа, должно было свидетельствовать о могуществе и величии власти Туи Тонга.

№ 100. [30], Нача.ю XX в., о-в Нукунукумоту, с англ.

Действие происходит на о-ве Нукунукумоту (острова Тонгатапу), прилежащем к Тонгатапу, и на самом Тонгатапу. Тафаата — местность на о-ве Нукунукумоту.

[1] О Туи Канокуполу см. № 99 и примеч. 20 к нему.

[2] Существовал обычай, по которому женщин на время брали в дом Туи Тонга, а затем отсылали домой (ср. здесь № 17 и примеч. 3 к нему).

[3] Туфунга — здесь мастер-рыболов.

[4] Вождеский титул рода Туи Хаа Така-лауа; Факафануа правили в Мауфанга (о-в Тонгатапу).

№ 101. [31], начало XX в., о-в Тонгатапу, с англ.

О Тауфа см. Предисловие. По тонганским представлениям, Тауфа может воплощаться только в акуле, но никогда не принимает образ человека.

[1] Тауфа-ахау — букв. «вождь Тауфа».

[2] Вождь, ставший затем королем Тонга Тупоу Георгом I (см. Предисловие).

[3] Фале-хуфанга — «дом спасения»; домик богов на святилище, в котором можно было укрыться от гнева духа.

[4] Жрец Тауфа.

[5] Здесь действует принцип эквивалентного обмена дарами и подношениями.

№ 102. [31], 1900-е годы, о-в Тонгатапу, с англ.

Действие происходит в начале XIX в. По этому историческому преданию можно судить о характерных для традиционного тонганского общества частых усобицах и в некоторой мере связанной с ними частой смене вождей. Тупоу-тоа — отец короля Тонга Тупоу Георга I. Стал Туи Канокуполу в 1812 г.

[1] Фелетоа — местность и крепость (см. ниже в тексте) на о-ве Вавау.

[2] Т. е. ставшим главой Тонга. О Туи Канокуполу см. здесь № 99 и примеч. к нему. Ср., однако, называемых ниже в тексте вождей, правивших отдельными островами и пользовавшихся немалой властью.

[3] Имеется в виду о-в Тонгатапу.

[4] Перечисляются знатные (вождеские) семьи о-ва Тонгатапу. Подробнее о них см. [31].

[5] Здесь и ниже описываются ритуальные пиршества, обязательно предшествующие началу военных действий (ср. здесь № 127, 128, 132).

[6] Лофиту — «семикратно» (указание на то, что во время ритуального пиршества угощение разносили семь раз).

[7] Хулуипаонго — название южной части о-ва Лифука, Коуло — северной.

[8] Т. е. под охраной духов (ср. здесь № 101 и примеч. 3 к нему).

[9] Неясно, о ком идет речь; возможно, здесь имеется в виду дочь Такаи, жена Тупоу-тоа, до этого фигурировавшая под именем Пуле.

Ниуэ

№ 103. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Ти-маталеа — кордилина дикорастущая.

№ 104. [55], 1901 г., с ниуэ.

Вполне вероятно, что здесь идет речь о заселении острова самоанцами с Саваии в период около 700 г. н. э.

[1] В ниуэанских представлениях тупуа — сверхъестественные существа, духи. Соответствуют самоанским аиту. В ниуэанских поверьях, различались тупуа — духи-хранители и духи зла. Если какому-либо человеку приписывалась сверхъестественная сила, он тоже признавался тупуа.

[2] Фонуа-нгало — Неведомая Земля, упоминаемая в целом ряде ниуэанских мифов (см. № 106, 116, 119), напоминает мифическую землю Гаваики, самоанскую и тонганскую землю Пулоту. Неведомая Земля, по ниуэанским верованиям, находилась глубоко под водой, отсюда ее название — «подводный предел».

[3] Тулиа — одна из легендарных прародин ниуэанцев; локализация неясна.

Тонга здесь не является названием реальных островов, а означает любую «чужую» землю.

[4] Имена тупуа значимы: Фао — букв. «устанавливающий вехи», Фака-хоко — «созидающий», Ланге-ики (от Ланги-эики) — «вождь [с] небес», Ланге-атеа — по-видимому, «светлокожий».

По другим версиям этого сюжета, тупуа было четверо: Хуанаки, Ланге-ики, Мака-поэ-ланги и Луа-тупуа, причем имя последнего находит параллели в песнях и преданиях маори, где упоминается Руатупуа. Каждый из названных тупуа почитался как дух-хранитель определенной местности на Ниуэ.

[5] Моту — участок берега на северном побережье острова. Хиола — местность на восточном побережье, южнее Моту. Об упоминаемых здесь ручьях см. № 120.

[6] Нуку-ту-таха — самое древнее название Ниуэ. Моту-те-фуа — букв. «бесплодная земля»; Факахоа-моту — букв. «старый», «старая земля»; Нуку-тулуэа — по-видимому, «земля, стоящая на пути [лодок]».

[7] Гонорифическое название поселка Лику, употреблявшееся в церемониях; другое гонорифическое название Лику — «[деревня], возведенная трудом [духов] из клочка суши Тонга-ли-улу». Гонорифические названия имелись у всех поселков острова.

[8] Деревня, о которой идет речь в тексте, не сохранилась.

[9] Морская змея считалась воплощением Ланге-ики (ср. здесь № 80, 84 о Хеи-моана).

[10] Хавилиа — букв. «несомый ветром», название одного из ветров.

[11] Имена значимы: Тангалоа-пупу-ки-мака — Тангалоа, Собирающий Камни; Тафа-хе-моана — Несомый Морем; Тали-маи-нуку — [Существующий] со Времени [Существования] Земель (аналог этого имени встречается в маорийских генеалогиях); Мака-поэ-ланги — Камень, Летящий с Неба (ср. также примеч. 4); Факанатуа — Дающий Веру; Лиа-ваха — Витающий в Пространстве; Лангеики-уа — Лангеики Второй; Лео-матанги — Голос Ветра.

[12] См. также № 106. Из этого и других текстов следует, что, несмотря на формальное различие атуа (божеств) и тупуа (духов), последним нередко приписывались черты божеств. В ряде случаев тупуа назывались божествами (о Хуанаки и Тафе-хе-моана см. здесь № 105).

№ 105. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Тафеа-хе-моана (букв. «несомый морем») — культурный герой ниуэанцев, почитаемый как родоначальник и покровитель строительства лодок и рыболовства.

[2] О Ланге-ики см. № 104.

№ 106. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] О нескольких уровнях небес ср. № 23.

[2] У ниуэанцев Хина — тупуа, покровительница плетения.

[3] На Ниуэ было очень развито искусство плетения поясов различного вида — из перьев, волос, растительных волокон. Разные пояса надевались людьми в зависимости от социального статуса. Хенга-палуа, или кафа-палуа (пояс из перьев хенга),— пояс, который надлежало носить воину или вождю. Перья для такого пояса сплетались в тонкие шнурки, которые затем свивались в веревки толщиной в палец; веревки скреплялись вместе в готовый пояс. Такие пояса ценились ниуэанцами выше других; ценность пояса определялась, в частности, его длиной (пояса много раз обвивались вокруг талии).

№ 107. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Традиционный для Полинезии мотив отталкивания неба от земли (см. № 87, а также [2; 10, с. 13; 11, № 225]).

[2] На берегу между Алофи и Алиуту действительно есть небольшая впадина, напоминающая след ступни.

[3] Моко-фулуфулу — букв. «волосатый Моко»; моко — родовое название ящерицы, в виде которой иногда представляли этого духа.

№ 108. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Ср. аналогичный мотив в № 18, 135.

№ 109. [55], 1900—1901 гг., с ниуэ.

[1] См. здесь № 104.
[2] Здесь тупуа и атуа (к последним относятся Тангалоа) объединены в одну группу сверхъестественных существ; ср. № 104 и примеч. 12 к нему.
[3] Нуку-лафалафа — мыс на западном побережье Ниуэ; Тепа — мыс на юго-западном побережье Ниуэ.
[4] Под недобрыми знаками Факахоко имеются в виду грозовые тучи.

№ 110. [55], 1900—1901 гг., с ниуэ.

[1] Хуанаки рассматривается как главный демиург и творец острова. Ср. здесь № 104.
[2] Еще один пример смешения категорий атуа и тупуа (ср. № 104 и примеч. 12 к нему; № 109 и примеч. 2 к нему).

№ 111. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] О значении имени Тали-маи-нуку см. примеч. 11 к № 104; из данного текста следует, что он рассматривался как нетварное божество (атуа), однако никаких других упоминаний о нем больше нет.
[2] О ниуэанском Пунга см. № 115.
[3] Толи-о-атуа — букв. «восхождение божества», Восходящий Дух (ср. № 104 о восхождении тупуа на сушу).
[4] Нифо-таха — букв. «однозубый»; Каиханга — «вор, воровство»; Каиха-мулу — «крадущий пищу»; Ти-лалофонуа — «ходящая по земле»; Ате-лапа — одно из названий лысухи красной.
[5] Факатафе-тау и Факалангаланга почитались в Тауту как духи войны.

№ 112. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

Один из вариантов распространенного сюжета о покинутом младенце — ср. мифы о Мауи, Муни (№ 6, 87, 90; [11, № 226]). Данная версия сопоставима также с маорийским преданием о Тафаки и Фаитири (существует также гавайская версия этого сюжета) и с раротонганским — о Тараури. Ниуэанскому Матила-фоафоа соответствует маорийский Матира-хоахоа, тонганский Масила-фоафоа (см. № 76).
[1] Метание дротиков было одним из самых распространенных и любимых состязаний в Океании; в целом ряде мифов обыгрывается мотив «чудесных» дротиков (ср. здесь № 21).
[2] Причиной убийства младенца в данном случае может служить то, что он живет в земле женщин (в земле Хины), где мальчиков не оставляют в живых.
[3] Ср. тот же мотив в № 15 (Нуджкау и Нуджманга крадут ямс у слепых близнецов) и в № 79.
[4] Фана-кава-тала — святилище в Улулаута, на севере острова.

№ 113. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Алело-лоа — букв. «длинный язык», здесь дух тупуа (ср. № 128 и примеч. 2 к нему). Каиханга, по другой версии, сын Тули-о-атуа (см. № 111). Каиха-моту — букв. «крадущий земли».
[2] Туаи-мака — букв. «древний камень».
[3] Лима-уа — букв. «двурукий», дух тупуа (ср. здесь № 114).

№ 114. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.
[1] Лима-уа — ср. № 113 и примеч. 3 к нему. Нгуту-пухи — букв. «брызжущий [водой] рот», Фулу-кови — «грубый», «злой».
[2] См. здесь № 119.
[3] Такой магией Паэте как бы обеспечивает себе некоторую гарантию успеха в делах сватовства.

№ 115. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] См. № 112, где Факаполото, Хаку-мани, Меле и Лата живут на Втором Небе.
[2] Здесь и далее в тексте подразумевается, что верши и сети были живыми существами, находившимися в услужении у Факаполото и Хаку-мани.
[3] Пунга — 1) название легких коралловых образований; 2) название раковин, служащих грузилами для рыболовных сетей.

№ 116. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Момоле — букв. «скользкий, натертый маслом»; под подводным краем имеется в виду Фонуа-нгало.

[2] Совпадение имен подземных жителей и вождя Ту(ланга)-момоле указывает на их родство (ср. такой же мотив в № 44, 46).

№ 117. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Здесь даются сказочные, поэтические названия животных; многие из них архаичны. Краб назывался либо Хали-уа, либо Халева. О названии крысы см. примеч. 4 к № 111.

[2] Имеются в виду местности на востоке острова.

№ 118. [42], 20-е годы XX в., с англ.

№ 119. [42], 20-е годы XX в., с англ.

[1] См. здесь № 114, где Фити-утоуто и Кили-уто-манонги — дочери Фине-ики и Лима-уа. Фине-ики — сокращение имени Мата-фине-ики; являются ли Лима-уа и Кало-факапаэте именами одного и того же духа, неясно.

[2] Муифонуа — название южной части острова; в данном случае имеется в виду само побережье.

[3] Появление птиц воспринимается как некий знак.

№ 120. [55], 1901 г., с ниуэ.

Ср. самоанскую версию происхождения кокосов (№ 28). Ваи-матанги и Ваи-фуалоло называются здесь также Левеи-матанги и Левеи-фуалоло.

[1] См. № 104 и примеч. 5 к нему.

[2] О Муталау см. № 104; Каупа — местность на северо-западе острова, где в 1849 г. была сооружена первая церковь. Пауло, руководивший ее строительством, был миссионером самоанского происхождения; именно он первым добился реальных успехов в христианизации ниуэанцев (см. [55, ч. I, IV]).

[3] Вполне вероятно, что упоминаемый здесь остров Тутуила не соотносится с реальным самоанским островом. Моа — имя семейства, правившего на островах Мануа (Туи Мануа). О «злом глазе» этих вождей говорится также в некоторых самоанских преданиях.

[4] Правильно: ko e niu ē «это — кокос». На Ниуэ традиционно были известны четыре разновидности кокосовых пальм: ниутеа — пальма со светлыми, зеленоватого оттенка плодами на светлых черенках (они названы в тексте кокосами Фуалоло); ниукула — пальма с темными коричневыми плодами (самая распространенная разновидность, в тексте называется кокосом Ваи-матанги); ниухиата — пальма с желтоватыми плодами, меньшего размера, чем плоды ниукула; ниутонга («кокос из чужих краев») — разновидность, появившаяся позже других, в первой половине XX в.

[5] Фаикаи — печеная рыба, приправленная соусом из мякоти кокосового ореха.

[6] О Хуанаки и названиях, данных им острову, см. № 104; о визите на Ниуэ капитана Дж. Кука см. Предисловие. Ниуэ-фекаи — полное название острова.

[7] Хулахула (точнее, фути-хулахула) — бананы с красноватым соком. Этим соком натирали щеки и зубы перед сражением для устрашения врага.

№ 121. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] На Ниуэ также есть местность, носящая название Тукуофе.

[2] Бóльшая часть пресной воды на Ниуэ традиционно набиралась из расселин в скалах. Несмотря на то что уровень воды в этих расселинах существенно выше уровня моря, он может подниматься и падать с приливом и отливом соответственно.

№ 122. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] На изначально белую тапу при помощи раковин наносили узор; краска для такой «набивки» изготавливалась из корня свечного дерева.

[2] Здесь возможна параллель с сюжетом о Хине и Тинирау, который ниуэанцам был известен.

[3] См. примеч. 3 к № 104.

[4] Как указывает опубликовавший этот текст С. Перси Смит [55], кесарево сечение описывается и в маорийском предании о Тура.

№ 123. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

Ср. здесь № 61.

[1] Левеи-матанги — букв. «сторожащий ветер» (ср. № 120). По-видимому, Левеи-матанги может быть отождествлен с духом ветров, почитавшимся на Ниуэ.

[2] Таро с очень крупными листьями.

№ 124. [42], 20-е годы XX в., с англ.

[1] Факахутуаниу — узкая, довольно длинная палица, отличавшаяся большой прочностью.

[2] Военная пляска такало — символическое испытание оружия перед сражением (об испытании оружия см. № 41, 44, 46).

№ 125. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

Ср. здесь № 60, 87.

[1] Возможна и более конкретная интерпретация имен Мауи: Мауи-отец и Мауи-сын, но прямого указания на это в тексте нет.

[2] См. примеч. 2 к № 107.

[3] Типичный мотив изобилия пищи, характеризующего подземный, «чужой» мир.

[4] Митикохи — разновидность полинезийских скворцов.

[5] Като-лонга (кату-лонга) — длинная палочка, като-хика — короткая палочка. Традиционный способ получения огня заключается в том, что эти палочки терли друг о друга (способ «выпахивания», см. описание в [12, с. 137]).

[6] См. примеч. 7 к № 120.

№ 126. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Лауфоли проходит три испытания и завоевывает право жить среди тонганцев.

[2] Тонгиа-ма-тонга — «отважный воин, [побывавший] на Тонга»; Тапиваи-маи-тонга — «перешедший водный поток на Тонга»; Толоа-маи-тонга — «[убивший] Толоа на Тонга»; Моунга-маи-тонга — «[совершивший подвиги] на горе́ [на] Тонга»; Хакеанга-ики — «наследник вождей»; Тангалоа-ке-хе-ики — «Тангалоа-вождь».

№ 127. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Голову обривали в знак траура.

№ 128. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Нгалианга — пату-ики Ниуэ, правивший в начале XIX в. (см. также № 129); о Мохе-ланги см. также № 127.

[2] Здесь атуа фактически дух-покровитель. Алело-лоа называется то атуа, то тупуа (см. № 113 и примеч. 1 к нему).

[3] Ср. с обрядом передачи власти, описанным в ротуманском предании (№ 20). Уход в море, о котором говорится в песне, означает символическую смерть, открывающую дорогу к власти новым вождям.

№ 129. [42], 20-е годы XX в., с англ.

[1] Фонуа-нгало, см. № 104, 106, 116, 119.

№ 130. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Нгуту-пухи-пеау — дух моря, «[хранитель] воро́т волн».

[2] Участки Наму-эфи находились ближе к берегу, на первом, более низком, террасном уступе (см. Предисловие).

№ 131. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Фата — охотничий навес, служащий укрытием для птицеловов, охотников (ср. самоанск. тиа, № 27 и примеч. 2 к нему).

[2] Тунги-маама — «зажигание огней», ритуал зажигания костров и шествия с факелами, предшествующий битве.

[3] Пиа — аррорут и блюдо из аррорута. Лава-кула готовит угощение духам, чтобы задобрить их и заручиться их поддержкой.

[4] Ср. здесь № 124.

№ 132. [42], 20-е годы XX в., с англ.

[1] О Луа см. здесь № 109.
[2] Тала-махина — вероятно, реальное историческое лицо; жил, по-видимому, в Палуки в конце XVIII — начале XIX в. Упоминается также в № 131.

№ 133. [42], 20-е годы XX в., с англ.

[1] Тафеаухи — пляска, исполнявшаяся ночью, с зажженными огнями в память об умершем. Видимо, часть более древнего ритуала, имеющего целью отвести от живых злые намерения духа умершего и не дать ему вернуться в родные места.
[2] О бананах хулахула см. примеч. 7 к № 120.
[3] По ниуэанским поверьям, духи умерших совершенно черные.

№ 134. [55], 1901 г., с ниуэ.

[1] Тихамау считался первым древним пату-ики Ниуэ; это единственный из древних «королей», о котором есть упоминания в преданиях. Имена пату-ики, следовавших за ним, не сохранились. Длительное время на Ниуэ отсутствовала верховная власть (см. Предисловие). Тихамау, по преданию, жил на западе острова.
[2] О рождении Муталау см. здесь № 122.
[3] Подразумевается, что победу одержал Муталау.
[4] О вражде между севером и югом см. Предисловие и № 129.
[5] Христианизация острова, активно начатая миссионером Пауло (см. № 120) и продолженная миссионерами-самоанцами Пениамина, Тоимата, Самуэла, Мосе и др., в определенной степени способствовала централизации острова и прекращению усобиц.

№ 135. [55], 1900 г., прозаический текст с англ., поэтический текст с ниуэ.

№ 136. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

Куле — лысуха красная; века — дергач (коростель). Данный сюжет — один из самых популярных океанийских сюжетов сказок о животных, ср. [10, с. 86—100].

№ 137. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Способ ловли осьминога при помощи приманки, сделанной «под крысу», действительно существует (описан в [42, с. 96]).

№ 138. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

№ 139. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

№ 140. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

№ 141. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

№ 142. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

[1] Калика — название небольшого сухопутного краба.

№ 143. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

№ 144. [39], 60-е годы XX в., с ниуэ.

Упоминание в тексте кошки показывает, что это современная переработка известного сюжета (ср. № 143): кошки появляются на Ниуэ только в конце XIX в.

№ 145. [42], 20-е годы XX в., с ниуэ.

ГЛОССАРИЙ*

А и т у (рот., сам.) — родовое название духов, сверхъестественных существ, под которым объединяются духи (божества) неба, духи природы, духи умерших предков, иногда — духи недавно умерших; см. также а т у а, т у п у а, ф а а х и к е х е.

А и т у-т а-у (сам.) — дух войны, военных действий.

А л и а (сам.) — см. д в о й н а я л о д к а.

А л и и (сам.) — вождь или человек знатного, благородного происхождения и положения (в противопоставлении общинникам, простолюдинам).

А н г а н г а (сам.) — дух, находящийся или находившийся в живом существе (противопоставляется т и н о — «телу», «плоти»). По полинезийским представлениям, духи не отбрасывают тени, поэтому толкование «тень» было бы здесь неудачным. Ср. тон. а н г а а н г а — «тело умершего (покинутое духом)».

А р у м, или аронник (Arum) — род многолетних трав семейства ароидных. Из клубней получают муку. В свежем виде большинство трав ядовито.

А р р о(у)р у т — крахмал, получаемый из корневищ маранты, а также сами растения, дающие этот крахмал, прежде всего Maranta arundinacea.

А с и — 1) съедобный гребенчатозубый моллюск (Arca sp.) с крупной, крепкой ребристой раковиной; 2) скребок из раковины этого моллюска, предназначенный для очистки клубней, кореньев.

А т а (сам., тон.) — дух живого или только что умершего человека, дух-воздух (ср. а н г а н г а). Отличается от а и т у или а т у а непременной связью с живым или недавно жившим человеком.

А т у а, о т у а (тон., ниуэ) — 1) дух, сверхъестественное существо (противопоставленное человеку), незримый дух, способный воплощаться в людях, особенно в жрецах, а также в некоторых животных, в частности акулах, ящерицах, птицах; 2) в современном употреблении — бог.

А ф т е а (рот.) — дерево с очень прочной древесиной, считавшееся у ротуманцев лучшим строительным материалом для лодок. Возможно, Terminalia sp.

Б а н а н (Musa) — род многолетних растений семейства банановых. Высокие и гигантские травы (отсюда закрепившееся название «банановое дерево», которое следует считать метафорой) с большим корневищем и коротким стеблем. На одной оси может развиваться по нескольку сотен плодов. Различают р а й с к и й б а н а н (Musa paradisiaca) и собственно б а н а н, или десертный банан. В Океании — одна из важнейших культур. Плоды употребляются в свежем, запеченном и сушеном виде.

Б а н ь я н — дерево рода фикус, семейства тутовых. Различаются два вида баньяна — бенгальский фикус (Ficus bengaliensis) и баньян священный (Ficus religiosa). В Океании произрастает преимущественно второй вид. Это очень большое дерево с развивающимися из ветвей воздушными корнями, которые подпирают мощную, раскидистую крону. Издали одно дерево кажется целой рощей. На многих островах почитался как священное дерево, дерево духов.

Б а т а т, или сладкий картофель (Ipomea batatas) — многолетнее травянистое растение. Большинство видов батата — стелющиеся по земле растения с удлиненными корневыми клубнями, которые используют в пищу. Одна из важнейших культур на островах Океании.

Б р у (с) с о н е ц и я — род деревьев и кустарников семейства тутовых. Наиболее распространена и существенна в Полинезии бруссонеция бумажная, или бумажная шелковица (Broussonetia papyrifera), из коры которой выделывали тапу (см.). Другие названия — тут, тутовое дерево, шелковица.

В о ж д ь-о р а т о р — второе лицо после вождя данной территориально-политической единицы, человек, не принадлежащий по рождению к знатному роду, но являющийся знатным по положению. Выступал как один из важнейших советников вождя; одной из главных задач вождя-оратора являлось произнесение речей и регулирование разнообразных встреч, ритуалов, церемоний. Мог выступать также как посланный и как глашатай вождя.

---

* Там, где это существенно, в скобках после поясняемого слова указывается, к какому языку оно относится (рот.— ротуманский, сам.— самоанский, тон.— тонганский, ниуэ — ниуэанский).

Гардения (Gardenia) — вечнозеленый кустарник или небольшое дерево семейства мареновых с крупными душистыми цветками белого, желтого или лилового цвета, за которые она и ценится больше всего. В Полинезии известно несколько десятков видов гардении.

Гибискус, или гибиск (Hibiscus) — деревья, кустарники, травы семейства мальвовых; волокна многих видов гибискуса используются в плетении.

Двойная лодка, или двойное каноэ — двухпалубная лодка, как правило, большого размера, с балансиром. Предназначалась для особенно далеких и тяжелых плаваний. На палубе лодки устраивались крытые навесы (домики, хранилища для провизии). Подобные лодки могли перевозить на большие расстояния тяжелые грузы и большое число людей.

Драцена (Draceaena) — род древовидных растений семейства агавовых, с широкими плотными листьями и цветами, собранными в метелки. В Полинезии произрастает несколько десятков видов драцены.

Дрофы (Otides) — птицы отряда журавлеобразных; размеры крупные или средние. Обитают в местностях неподалеку от берега и в безлесных горах. В Океании встречается несколько видов дроф.

Железное дерево — листопадное дерево семейства гамамелидовых. Высота достигает 15—25 м. Кора серая, отслаивающаяся. Некоторые железные деревья живут до 200 лет. Твердая и прочная древесина традиционно использовалась для изготовления оружия, дубинок, служила строительным материалом.

Индийский миндаль — тропическое плодовое дерево, Terminalia catappa.

Иту (букв. «сторона; род, община, общество») — «округ», территориально-политическая единица, характеризуемая, как правило, единой верховной властью. На иту делились обычно крупные острова.

Ифи — каштан, или таитянский каштан (Inocarpus edulis), дерево семейства буковых. Достигает в высоту 25—30 м. Плоды съедобны. Древесина, хорошо противостоящая гниению, использовалась в строительстве традиционных полинезийских жилищ.

Кава — слабоалкогольный напиток, изготовленный из разжеванного и процеженного корня дикого перца (Piper methysticum) с добавлением воды; нередко так называется и сам корень или все растение.

Казуарина (Casuarina) — название ряда деревьев и кустарников. Насчитывается более 50 видов казуарин. В Полинезии считалась священным растением.

Калиа (тон.) — см. **Двойная лодка**.

Каномеа (ниуэ) — высокое лесное дерево, Planchonella torricelliensis.

Кариэ (рот.) — см. **двойная лодка**.

Каури — морской брюхоногий моллюск семейства ципрей (Monetaria moneta, Monetaria annulus) с красивой блестящей раковиной, покрытой характерными темными пятнами. Раковины каури ценились очень высоко.

Кефали, или морские кефали (Mugilidae sp.) — родовое название ценных промысловых рыб семейства окунеобразных. Обитают в морских прибрежных водах. Некоторые виды достигают 5 кг.

Кока (тон.) (Bischovia javanica) — дерево с твердой красноватой древесиной. Из коры получали краситель, использовавшийся, в частности, при окраске тапы.

Кокосовая пальма, кокос (Cocos nucrifera) — пальмовое дерево, произрастает преимущественно по побережью. Съедобные плоды (кокосовые орехи) содержат так называемое кокосовое молоко и масло. В зрелом кокосе содержится около 30—50% масла; важное сырье (копра) для получения пищевых и технических масел. Кокосы широко используются в традиционной кухне народов Океании, являясь одним из важнейших пищевых продуктов. Ствол кокосовой пальмы считался прекрасным строительным материалом. Мезокарпий (сухое волокнистое покрытие) плодов и листья использовались в плетении, строительстве домов и т. п.

Кордилина (Cordyline) — декоративное растение семейства лилейных, деревья и кустарники высотой от 2 до 12 м. Нередко различают культивируемые и дикорастущие кордилины. Всего известно около десяти видов. Листья некоторых разновидностей имеют ярко-красную окраску.

Куркума, или турмерик (Curcuma longa) — травянистое тропическое растение семейства имбирных. Из корневища получают желтую краску, которая традиционно использовалась для раскраски кожи и окраски тапы. Толченое корне-

вище, обладающее ароматным запахом, добавляется в приправы. В Океании куркума считалась священным растением.

К у м е т е (тон.) — выдолбленная и отполированная половинка крупного кокосового ореха, служившая сосудом для питья, в частности чашей для кавы.

Л а л а (сам., тон.), р а р а (рот.) — береговой кустарник или небольшое дерево, по-видимому, Desmodium sp.

Л е т у ч а я л и с и ц а, или летучая собака (Pteropus) — тропическое животное отряда рукокрылых. Морда заостренная, уши небольшие, и голова действительно напоминает собачью или лисью. В Океании известно несколько десятков видов летучих лисиц. Питаются плодами и цветками деревьев. На ночевку слетаются в большие стаи, по нескольку сотен животных. Ночуют в кронах деревьев. На многих островах летучие лисицы считались воплощением духов, были объектом почитания.

Л о л и (сам.) — вид морских огурцов (см.).

Л ы с у х а к р а с н а я — птица Porphyrio sp. На лбу выделяется характерное яркое пятно («лысина»).

М а, м а-т о н г а (тон.) — блюдо из ферментированных (заквашенных) бананов, выдержанных вместе с набором определенных трав в специальной подземной яме-хранилище. В современном употреблении м а означает «хлеб», отсюда частое название этого блюда — «тонганский хлеб». Ср. м а с и.

М а г е л л а н о в ы О б л а к а, Большое и Малое — две звездные системы неправильной формы, заметные на небе Южного полушария невооруженным глазом в виде неярких туманных пятен. Название связано с тем, что открытие галактик традиционно приписывается одному из участников кругосветного путешествия Ф. Магеллана.

М а л а й с к а я я б л о н я (Eugenia malaccensis) — дерево семейства миртовых с пурпурными цветками и ярко-зеленой кроной, в Океании широко распространено. Плоды съедобны и действительно несколько напоминают яблоки.

М а л а э (рот. м а р а э) — святилище, место, специально отведенное для религиозных церемоний, ритуалов, приема гостей, состязаний. В Западной Полинезии и на Ротума представляло собой открытую расчищенную площадку (как правило, в центре поселка), нередко обнесенную стеной, оградой или рядом вертикальных каменных (реже — деревянных) плит. На площадке располагались отдельные предметы, считавшиеся священными (камни, раковины; военные трофеи и действующее оружие; погребения знатных людей, кости и черепа и др.) и представлявшие собой объекты поклонения, а также домики богов.

М а л и э т о а — вождеский род и соответственно титул верховных вождей и «королей» Самоа. Исходно род и титул верховных вождей одного из трех «королевств», на которые делился о-в Уполу.

М а м а л а в а, м а м (а) р а в а (сам., рот.) — высокое лесное дерево, до 30 м высотой, Planchonella torricelliensis или Buchanania sp.

М а н а — магическая сверхъестественная сила, заключенная во всем живом и особым образом актуализованная в определенных людях, объектах природы, некоторых предметах и всем сверхъестественном, т. е. связанном не с людьми, а с духами.

М а н г р о в ы, или мангры — труднопроходимые заросли вечнозеленых деревьев и кустарников с надземными дыхательными корнями, обычно располагаются вдоль берега.

М а р а н т а (Maranta) — растение семейства марантовых с яркой пестрой листвой, побеги вытянуты в форме стрелок. Многие виды в корневищах содержат крахмал.

М а с и (сам.) — блюдо из ферментированных (заквашенных) хлебных плодов, бананов и др., выдержанное определенное время в специальном подземном хранилище, которое держат герметически закрытым. В традиционной самоанской кухне маси было важнейшим из запасаемых впрок блюд.

М а т а п у л е (тон., букв. «лицо правителя») — см. в о ж д ь-о р а т о р.

М а ф у а (рот.) — вероятно, от общеокеанийского слова со значением «старший, старый; предок, родитель» — см. в о ж д ь-о р а т о р.

М и т и — полинезийский скворец (Sturnidae sp.).

М о р с к и е е ж и (Echinoidea) — иглокожие, обитатели морского дна. Могут свободно перемещаться с помощью своих игл, торчащих во все стороны, или вгрызаться в скалы, подводные камни, служащие им домом.

Морской огурец, или новозеландский огурец — голотурия (Holothuria), иглокожее. Животное длиной до 30 см с зеленоватым брюшком и многочисленными ножками, которые и придают его поверхности сходство с огурцом. Употребляется в пищу.

Нгау (сам.) — морской заяц, съедобная улитка Dollabella sp., высоко ценится за свои размеры и вкус.

Нгаху (тон.) — береговой кустарник, Scaevola.

Олуолу (ниуэ) — дерево с очень прочной древесиной, Planchonella membranacea, из которой изготавливали палицы и весла лодок.

Пандануc, или пандан (Pandanus) — древовидное растение семейства пандановых, достигает в высоту 10 — 15 м. От нижней части ствола и ветвей отходят придаточные воздушные корни, поддерживающие все дерево, которое опирается на них как на ходули. Насчитывается несколько сотен видов пандануса. Плоды некоторых видов съедобны. Прочные волокна коры и листьев используются в плетении.

Пассаты — относительно устойчивые воздушные течения, характерные для тропических широт океана. В Южном полушарии представлены южными и юго-восточными ветрами. Существенно, что названия ветров варьируют в зависимости от географического положения острова.

Патуики (ниуэ) — «король», владыка Ниуэ, выборный верховный вождь, ср. сау.

Поипои — «тонганский пудинг», приготавливается из ма (см.) и соуса, сделанного из измельченного корня кордилины.

Полинезийская слива (ви) — спондиас (Spondias dulcis), растение с множественными мелкими сочными плодами. Очень популярно на островах Океании. Плоды действительно несколько напоминают сливу.

Поющие раковины — раковины моллюсков нескольких видов, в том числе тритона и Cassis sp. Издают характерный протяжный звук. Служили сигнальными трубами, могли выступать также в функции примитивного духового инструмента. Ценились очень высоко.

Пуко (тон.) — высокое лесное дерево, до 30 м, Harnandia sp. В тонганском фольклоре — сказочное дерево.

Пуле (рот. пуре) — букв. «управляющий, правитель», вождь, стоящий во главе определенной территориальной единицы, или любой человек, независимо от происхождения получающий право власти не по наследству. Таким образом, важнейшим в статусе пуле являлось обладание властью, а не происхождение.

Рак-отшельник (Anomura sp.) — ракообразное с мягким брюшком, лишенным прочной оболочки. Приспособлен к тому, чтобы заполнять витые полости раковин морских моллюсков. Захваченный таким образом домик рак-отшельник всюду носит на себе, а затем, вырастая из него, бросает и ищет новый, большего размера.

Рангкари (рот.) — дерево с соцветиями коричневатых пахучих цветков, вид Aglaia edulis.

Ржанка (Charadriidae sp.) — птица подотряда куликов. В Океании представлено несколько видов.

Рог тритона (Tritonium tritonis) — сигнальная труба, одна из наиболее известных поющих раковин (см.).

Сау, хау (рот., сам., тон.) — «правитель, завоеватель», выборный верховный вождь, на Ротума — вождь острова.

Свечное дерево — более известно как молуккское дерево (Aleurites moluccana), или лумбанг. Высушенные и пропитанные маслом плоды нанизывают в гирлянды или надевают на специальный шест, зажигают и используют для освещения. Из семян получают масло.

Сеа, хеа (сам., тон.) — большое дерево, Parinarium insularum, с пахучими цветками, из которых плетут ожерелья-гирлянды. Высоко ценится душистое масло из плодов дерева.

Сенга, хенга — название некоторых видов попугаев, в том числе лори, Vini sp.

Си (рот., сам.), ти (тон., ниуэ) — кордилина (см.).

Соа, хоа — букв. «друг, напарник». На Самоа — посредник в брачных делах со стороны жениха, сват, представитель жениха.

Табу, или тапу — запретное, священное; система запретов на совершение тех

или иных действий. Нарушение запретов карается сверхъестественными силами. Табуированным считалось все, что относилось к духам, вождям, жрецам, предметам культа; табу (постоянные или временные) могли накладываться на обычных людей, предметы, поступки.

Тавахи-какау (ниуэ) — береговой кустарник, Leucaena glauca.

Тапа — материя из луба (см.), предварительно вымоченного в воде и после просушки на солнце тщательно отбитого деревянными колотушками. Тапу окрашивали естественными красителями и наносили на нее узор штампом, в роли которого выступали, в частности, раковины гребенчатозубых моллюсков. Служила основным материалом для одежды, покрытий, подстилок. Изготавливалась повсеместно в Полинезии, за исключением Новой Зеландии.

Таро (Colocasia esculenta) — тропическое многолетнее растение семейства ароидных, одно из древнейших культурных растений, важнейшая культура в Океании. Крупные клубни таро, достигавшие в весе до 5—6 кг, запекали или высушивали на солнце.

Таулаиту (сам.) — говорящий с духами, медиум.

Тефифи (ниуэ) — ползучее вьюнковое растение, Ipomea gracilis.

Тиалетофа (ниуэ) — береговой кустарник, Bikkia grandiflora.

Тоа (тон., ниуэ) — казуарина (см.).

Туи (рот. также тю) — «король», верховный вождь, владыка.

Туи Тонга — 1) правители, «короли» Тонга, принадлежавшие к роду вождей Туи Тонга; 2) название всех «королей» Тонга, независимо от их принадлежности к конкретному роду.

Туи Фити — «владыка Фиджи»; за пределами Фиджи так называли, как правило, вождей о-ва Бау.

Тулафале (сам.) — от сочетания «оратор, говорящий» и «дом»; см. вождь-оратор.

Тули (сам., тон.) — название ряда перелетных птиц: Numenius sp., Limosa sp., Heteroscelus sp., Arenaria sp.

Тупуа (рот., ниуэ, возможно, тон.) — дух, сверхъестественное существо, противопоставляемое человеку; иногда — человек, обладающий (временно или постоянно) сверхъестественными способностями. По-видимому, исходно тупуа как низшие духи противопоставлялись соответственно аиту (рот.) и атуа (ниуэ), однако в дальнейшем это различие стерлось.

Туфунга — мастер, человек, владеющий секретами некоторого ремесла. Эти секреты передавались по наследству, и таким образом с течением времени возникали семьи и роды туфунга.

Угорь морской (Congridae) — название костистых рыб 22 семейств. Одна из древнейших промысловых рыб Океании. Обитает на мелководье, ведет скрытный образ жизни, прячется в расселинах скал и рифов, в норах, вырытых в грунте. Может передвигаться по суше, оставаясь долгое время без воды. Большинство угрей — хищные рыбы. Живут большими колониями (так называемые угревые сады).

Унатало (тон.) — каменный или костяной нож для очистки клубней таро и других растений.

Фаахикехе (тон.) — наиболее общее название различных категорий сверхъестественных существ (духи природы, духи умерших, полудухи).

Феси (рот.) — дерево с очень прочной древесиной, Afzelia bijuga.

Фау (сам.), хау (тон., ниуэ) — гибискус.

Фуэ (сам., тон.) — общее название для многих видов ползучих растений и лиан.

Хангаи (ниуэ) — см. Вождь-оратор.

Хифо (рот.) — дерево Callophyllum inophyllum.

Хлебное дерево (Artocarpus gen.) — дерево семейства тутовых, соплодия которого употребляют в пищу печеными и сушеными (теперь также жареными). Важная пищевая культура в Океании. Чаще всего под этим названием выступает хлебное дерево обыкновенное (Artocarpus atilis, или Communis).

Эики, ики — вождь, представитель знатного вождеского рода.

Ямс — растение рода диоскорея (Dioascorea) со съедобными клубнями. Важнейшее культурное растение Океании. Различают культурный и дикий ямс, некоторые виды дикого ямса ядовиты. В Полинезии насчитывается около двух десятков видов и около ста разновидностей ямса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов В. И.* Происхождение и миграции полинезийцев (по лингвистическим данным).— Пути развития Австралии и Океании. М., 1981.
2. *Луомала К.* Голос ветра. М., 1976.
3. *Мелетинский Е. М.* Повествовательный фольклор народов Океании.— Сказки и мифы Океании. М., 1970.
4. *Мелетинский Е. М.* Полинезийская мифология.— Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
5. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. Сост., пер., предисл. и примеч. И. К. Федоровой. М., 1978.
6. О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1978.
7. *Петрухин В. Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе.— Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979.
8. *Путилов Б. Н.* Песни Южных морей. М., 1978.
9. *Пучков П. И.* Этническая ситуация в Океании. М., 1983.
10. Сказки и легенды маори: из собрания А. Рида. М., 1981.
11. Сказки и мифы Океании. М., 1970.
12. *Те Ранги Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.
13. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
14. *Andersen J. C.* Myths and legends of the Polynesians. Auckland, 1969.
15. *Beaglehole E., Beaglehole B. P.* Pangai, a village in Tonga.— Polynesian Society Memoir. 18. Wellington, 1941.
16. *Bellwood P.* The Polynesians, prehistory of an island people. L., 1978.
17. *Brown G.* Some nature myths from Samoa and Tonga.— Folklore. 1918, vol. 28.
18. *Buck P.* Arts and crafts of the Cook Islands. Honolulu, 1944.
19. *Caillot A.-E.* Mythes, legendes et traditions polynésiennes. P., 1914.
20. *Chadwick N.* Notes on Polynesian mythology.— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Northern Ireland. 1930, vol. 60.
21. *Churchward C. M.* Tales of a lonely island. Sydney, 1940.
22. *Churchward W. B.* My consulate in Samoa. Folkestone — London, 1971.
23. *Collocott E. V.* A description of the kava ceremonial in Tonga.— Journal of the Polynesian Society. 1910, vol. 19, № 1.
24. *Collocott E. V.* The supernatural in Tonga.— American Anthropologist. 1921, vol. 23, № 4.
25. *Dixon R.* Mythology of all races. Vol. 9: Oceania. Boston, 1916.
26. *Finney J. C.* The meaning of the name Samoa.— Journal of the Polynesian Society. 1973, vol. 82, № 3.
27. *Fraser J.* Folk-songs and myths from Samoa.— Journal of the Polynesian Society. 1896—1898, 1900, vol. 5—7, 9.
28. *Freeman D.* Kinship and political authority in Samoa.— American Anthropologist. 1964, vol. 66, № 3, pt 1.
29. *Gardiner J. S.* The natives of Rotuma.— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Northern Ireland. 1897/1898, vol. 27.
30. *Gifford E. W.* Tongan myths and tales. Honolulu, 1924.
31. *Gifford E. W.* Tongan society. Honolulu, 1929.
32. *Goldman I.* Ancient Polynesian society. Chicago, 1970.

33. *Golson J.* Polynesian navigation. Wellington, 1973.
34. *Haddon A. C., Hornell J.* The canoes of Oceania. Vol. 1—3. Honolulu, 1935—1938.
35. *Hocart A.* The meaning of the Rotuman word 'atua'.— Man. 1915, vol. 15, № 75.
36. *Hocart A.* Rotuman conceptions of death.— Man. 1915, vol. 15, № 5.
37. *Keesing F., Keesing M.* Elite communication in Samoa. Stanford, 1956.
38. *Kirtley B.* A motif index of traditional Polynesian narratives. Honolulu, 1971.
39. Ko e peka mo e kuma. Wellington, 1965.
40. *Krämer A.* Die Samoa-Inseln. Bd 1. Stuttgart, 1902.
41. *Levison M., Ward R. G., Webb J. M.* The settlement of Polynesia. Minneapolis, 1973.
42. *Loeb E.* History and traditions of Niue. Honolulu, 1926.
43. *Mahony B. G.* Legends of the Niua Islands.— Journal of the Polynesian Society. 1915, vol. 24, № 1.
44. *Mariner W.* An account of the natives of the Tonga islands. L., 1817.
45. *Newell W. H.* The Kava ceremony in Tonga.— Journal of the Polynesian Society. 1947, vol. 56, № 4.
46. *Panoff M.* L'ancienne organisation ceremonielle et politique en Samoa.— L'Homme. 1964, vol. 4, № 2.
47. *Poignant R.* Oceanic mythology. L., 1967.
48. *Reiter P.* Traditions tonguiénnes.— Anthropos. 1907, Bd 2; 1919/1920, Bd 14/15; 1933, Bd 28.
49. *Russell W.* Rotuma, its history and traditions.— Journal of the Polynesian Society. 1942, vol. 51, № 4.
50 *Sahlins M. D.* Social stratification in Polynesia. Seattle, 1958.
51. The Samoan story of creation, eds. J. Fraser, T. Powell, G. Pratt.— Journal of the Polynesian Society. 1892, vol. 1.
52. *Schültz E.* Proverbial expressions of the Samoans. Wellington, 1965.
53. *Sharp A.* Ancient voyagers in Polynesia. Auckland, 1963.
54. *Sierich O.* Samoanische Märchen.— Internationales Archiv für Ethnographie. 1904, Bd 16.
55. *Smith Percy S.* Niue island and its people.— Journal of the Polynesian Society. 1902—1903, vol. 11—12.
56. *Stair J. B.* Jottings on the mythology and spirit-lore of old Samoa.— Journal of the Polynesian Society. 1896, vol. 5.
57. *Steubel O.* Samoanische Texte. B., 1896.
58. *Turner G.* Nineteen years in Polynesia. L., 1861.
59. *Tupou Posesi Fanua.* Po Fananga: Tongan folktales. San-Diego, 1975.
60. *Williamson R. W.* Essays in Polynesian ethnology. Cambridge — London, 1939.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

При составлении указателя был использован общий указатель сюжетов С. Томпсона (по изданию: *Thompson S.* The motif-index of folk-lore. Bloomington, 1955—1958) и указатель Б. Кертли [38], в котором наиболее типичные сюжеты океанийского фольклора проиндексированы с учетом региональных особенностей. В [38] новые сюжеты, нехарактерные для евразийского региона, на который ориентирован указатель С. Томпсона, помечаются следующим образом:

— звездочкой там, где они логически сводимы к имеющимся в основном указателе,

— знаком + там, где их место в классификации Аарне — Томпсона вызывает сомнения.

Здесь эти обозначения сохранены и используются также в тех случаях, когда в них возникает необходимость при индексации сюжетов исключительно по указателю С. Томпсона (без привлечения материала [38]).

№ 1 — A 15.2*, A 116, A 901, P 250.1+, T 521, T 573.
№ 2 — A 15.2*, A 430, A 435, A 901.
№ 3 — K 1821.11*, T 415, T 558.
№ 4 — A 1231, B 151.2.0.4*.
№ 5 — A 773, E 327, E 631.
№ 6 — A 761, A 955.8, A 1415, A 92.1.1*, H 900, T 572.2.3.
№ 7 — A 2681.14*, A 2686.4.2, C 611.1, F 10.
№ 8 — A 941.0.1, A 2635*, C 611.1, C 621.2.2, E 182, E 541.2, E 631.5.7*, E 632.2*, F 51.3*, F 56, F 401.4.2, F 511*, G 501, G 586*.
№ 9 — F 133.
№ 10 — A 2635*, F 133, F 153.
№ 11 — F 401,3.
№ 12 — B 551.1, E 32, Q 211.6.2, Q 281, Q 415.9.
№ 13 — A 1617, K 100.
№ 14 — N 440, N 825.2.
№ 15 — A 116, F 54.1, F 523, F 952, K 333, S 300.
№ 16 — F 239.4.3, F 300.
№ 17 — A 1724, A 2611.0.1, F 527.7*, G 10, G 15, H 1331, N 813.
№ 18 — G 519.9*.
№ 19 — F 521.1, H 1010.
№ 20 — D 1812.
№ 21 — F 527.7, H 1591, W 28.4+, Z 221+.
№ 22 — A 1617, H 1550, W 0.
№ 23 — A 1, A 101.1, A 651.1.6, A 652.2, A 702.7.2*, A 715.8*, A 740, A 760, A 810, A 814.1, A 830, A 955, A 1200, A 1224.2.
№ 24 — A 165.2.2, A 1191.3*, A 1221.4, A 1224.2(?).
№ 25 — A 188, A 1653.1.
№ 26 — A 1630, A 1640, A 1641.
№ 27 — A 1423.3, A 2611.0.1, A 2611.3, A 2681.51, A 2684.4*, A 2686.3.1, Q 244.
№ 28 — A 2611.3.
№ 29 — A 955.3.2.1.

№ 30 — A 1423.1, A 1730, A 2635*, A 2684, A 2686.4.3, D 150, K 329*, Q 432, Q 551.3.
№ 31 — A 1587, T 554.7.1*.
№ 32 — A 2034, D 231, K 1700, Q 551.3.
№ 33 — A 1421*, A 1514.1.
№ 34 — A 974, Z 139.8+.
№ 35 — A 761, A 781.1.
№ 36 — A 1653, Q 113.0.1.
№ 37 — A 1616*.
№ 38 — Q 113.0.1.
№ 39 — A 1517, G 15.
№ 40 — A 1617, A 1653, F 527.7, T 145.
№ 41 — A 1653, B 476, B 477, D 1094, H 1199.20*.
№ 42 — D 1881, D 2161, F 271.2.3, F 343.21*, H 0*, T 111, T 481.2.1*.
№ 43 — A 711.2, D 2156.12*, T 521.
№ 44 — A 465.5.1, A 485, A 1465.1, F 523.1*.
№ 45 — A 1440, A 1453.5, A 1465.1, A 1546.0.4*, A 1587, C 231, C 241, Q 2.
№ 46 — A 310, F 402.1.16*, F 562.3, G 73.2*, T 541.1.
№ 47 — F 402.1.16*, F 411.6*, F 499.6*.
№ 48 — A. 2139*, H 1154.4.1*, H 1163.1*.
№ 49 — D 2072.0.3, D 2105, F 401.3.7, T 111.1, T 541.1, T 554.10.
№ 50 — A 974, K 1715.4, Q 411.
№ 51 — A 1587, A 1617, E 721.1.2, E 721.4.1*, F 499.6*.
№ 52 — F 401.3.11*, F 402.1.4, T 541.1.
№ 53 — D 1980, F 402.1.4*, F 499.6*.
№ 54 — A 485, F 401.3, J 1745.3*.
№ 55 — F 401.3.7, F 402.1.4, F 402.1.5.
№ 56 — K 571, Q 411.
№ 57 — D 2105, Q 42.
№ 58 — E 421.3, E 481, F 87, F 93.
№ 59 — A 512.3, A 541.2, A 1457.3, A 2686.4.2, Q 325, R 215, T 111.1.
№ 60 — A 300.0.2*, A 1415.0.2, D 2142.1, D 2143.7*, F 92.4, F 162.3, F 401.3.7*, F 402.6.4.1, H 1562.9.2*.
№ 61 — A 1120, A 1122, A 1124, C 322.1, D 1543.7.
№ 62 — C 939.3, F 441, K 149.2*, Q 266, Q 552.12.
№ 63 — A 1445.1, A 1617.
№ 64 — E 614.4, Q 280, Q 285, T 481, T 554.5.
№ 65 — H 0*.
№ 66 — A 511.4.1, D 1812.5.1, D 2156.12*, Q 211, Q 215, Q 411.
№ 67 — C 211, D 2061, E 726.3.
№ 68 — A 1617, D 2161, T 481.
№ 69 — C 221.1.3.1, C 999*.
№ 70 — A 830, A 1423.1, A 2635*.
№ 71 — A 772, A 814.1, A 951, A 955.3.2, A 955.8, A 955.10, A 955.11, A 960.0.1*, A 974, A 983, A 2100, D 1787, D 2122, D 2136, F 403.2.3.9*, F 403.2.3.14*, F 419.2, K 1715, K 1886.3.2, K 1886.3.3.
№ 72 — A 955.10, K 1886.3.1.
№ 73 — A 955, K 1886.3.1.
№ 74 — A 310, A 2686.4.3, D 231, F 10, H 1103.4, H 1141, H 1543, H 1601.1, T 555.
№ 75 — A 310, D 231, F 163.3.2.1, H 1400, H 1543, H 1550, H 1601.1, T 555.
№ 76 — A 310, F 87, Q 411, T 145.0.1.
№ 77 — A 761.
№ 78 — A 515.1.1, A 761, A 778.0.1, F 610, F 628, F 636, F 639.2, G 353.3, G 355*, H 1385.3, T 511.8.7, T 549, T 617, T 688+, Z 210.1+.
№ 79 — E 80*, E 481, E 721.1.2.6*, F 81, F 101, Z 71.5.
№ 80 — A 1617, A 2122.
№ 81 — C 619.6*, C 961.2, D 2105.
№ 82 — A 928, A 941.0.1, A 946*, F 403.2.
№ 83 — A 983, F 531, K 1859*, K 1881.
№ 84 — A 421*, A 955, T 411, T 415, T 550.

№ 85 — A 1547, H 510.
№ 86 — G 10, K 1715*, K 1883.8, Q 211.7+, Q 411, R 215, R 245.
№ 87 — (I) A 500, A 955, F 92.1, (II) A 2688, C 331, F 162.3, H 79.9*, K 328*, N 349.3+, Q 211, Q 411, (III) A 1414, A 1599*, D 950, (IV) A 625.2, A 1617, B 16.4.2*, B 33, G 353, G 354, G 384*, Q 42*, (V) B 16.1.2, G 351.3, Q 211, Q 411, W 34.4+, Z 356*.
№ 88 — A 511.4.1, A 1517, G 221.1.3.1, F 614.2, F 624.12*, G 10, T 539.6*, T 550.8*, Z 356*.
№ 89 — A 1414, C 331.
№ 90 — A 511.1.6, A 2872, D 1812.5, G 351.1, H 900, H 1381.2.2.1, T 471.4*.
№ 91 — A 511.2.1*.
№ 92 — A 1514.1, A 1653*.
№ 93 — A 1514.1, P 682+.
№ 94 — H 0*, H 548*.
№ 95 — G 10, G 73, H 1381.3, K 515.1, K 523, K 1818.1, S 73.1, S 75.1*, T 11.1.
№ 96 — B 472, B 552, D 950, F 711.2.3, F 711.2.4, Q 280, Q 285, R 245, T 511.5.1, T 554.14*.
№ 97 — D 950, F 383.4.
№ 98 — F 300, K 676, K 714.4.3*.
№ 99 — A 1617, D 350*, Q 151, Q 211, Q 241, S 118.1, T 415, T 481, T 551.3.
№ 100 — A 1650, M 10*, M 311*, T 22, T 35.
№ 101 — F 402, K 500, K 527, N 846.2, Q 65+, Q 111.8, Q 113.0.1, R 345*, S 260.1, W 28.4.
№ 102 — H 1561.2, N 825.3, W 34.4*, Z 312*.
№ 103 — A 1236.4*.
№ 104 — A 5.1*, A 151.3, A 282, A 284, A 285, A 440, A 830, A 901, A 2139*, B 91.5.
№ 105 — A 1445.1, A 1457.
№ 106 — A 625.2, A 651.1, A 1453.2*.
№ 107 — A 625.2, A 901, A 1414, A 2412.4, A 2462.4*, K 328*, T 471.
№ 108 — A 1415, K 963, Q 411, T 471.
№ 109 — A 281.
№ 110 — A 280, A 281, A 288, A 405, A 950, A 960, A 1142.
№ 111 — A 110, A 457, A 2455.0.1*.
№ 112 — A 511.2.1, H 151.10.1*, H 1381.2.2, K 333.
№ 113 — A 281, A 421, A 445, A 1457.6, K 300.
№ 114 — A 421, T 111.
№ 115 — A 1453.2, A 1457.3, K 335.0.14*.
№ 116 — A 1614.10*, F 564.8*.
№ 117 — A 2241.2.1*.
№ 118 — A 1617.
№ 119 — D 2143.1, F 153, F 412.3*, T 481.
№ 120 — A 1423.3, C 93*, C 615*, K 1715.4.0.1*.
№ 121 — A 651.1, A 943*, D 2151.8.
№ 122 — F 911.4, Q 395, Q 415.9*, T 584.3.
№ 123 — A 282, A 1122.1.1*.
№ 124 — C 936*, D 1094.
№ 125 — A 625.2, A 1414, A 2769.2*, A 2771.8*, F 92.1, F 162.3, K 2388+, S 112.
№ 126 — D 1094, H 931, H 1562.
№ 127 — F 412.3*, Q 211.
№ 128 — D 2105, D 2143.1, F 401.3, F 403.2, K 500.
№ 129 — F 93, F 133.
№ 130 — D 2151.3.1.
№ 131 — F 403.2, H 2213, R 215, W 154.
№ 132 — Z 356.
№ 133 — E 1, E 422.2.4.
№ 134 — K 1889.7*, Q 211.12, Q 411.
№ 135 — K 635, K 811, Q 212.
№ 136 — A 2217.3.4*, A 2371*.
№ 137 — A 2494.16.7, B 295.2*, B 296.2*, K 952.1.2.
№ 138 — B 298.3*.

№ 139 — K 730.2.1*.
№ 140 — J 711*.
№ 141 — A 2785*.
№ 142 — A 2305, G 355*, K 897*.
№ 143 — H 1594, K 11.
№ 144 — A 2434.3*, H 1594, K 11.
№ 145 — A 2343*.

Сводный регистр

A 1: 23 — **A 5.1***: 104.— **A 15.2***: 1, 2. — **A 101.1**: 23.— **A 110**: 111.— **A 116**: 1. 15.— **A 151. 3**: 104.— **A 165.2.2**: 24.— **A 188**: 25.— **A 280**: 110.— **A 281**: 109, 110, 113. — **A 282**: 104, 123. — **A 284**: 104. — **A 285**: 104. — **A 288**: 110. — **A 300.0.2***: 60. — **A 310**: 46, 74, 75, 76. — **A 405**: 110. — **A 421***: 84. — **A 421**: 113, 114. — **A 430**: 2. — **A 435**: 2. — **A 440**: 104. — **A 445**: 113. — **A 457**: 111. — **A 465.5.1**: 44. — **A 485**: 44, 54. — **A 500**: 87 (I). — **A 511.1.6**: 90. — **A 511.2.1**: 91, 112. — **A 511.4.1**: 66, 88. — **A 512.3**: 59. — **A 515.1.1**: 78. — **A 541.2**: 59. — **A 625.2**: 87 (IV), 106, 107, 125. — **A 651.1**: 106, 121. — **A 651.1.6**: 23. — **A 652.2**: 23. — **A 702.7.2***: 23. — **A 711.2**: 43. — **A 715.8***: 23. — **A 740**: 23. — **A 760**: 23. — **A 761**: 6, 35, 77, 78. — **A 772**: 71. — **A 773**: 5. — **A 778.0.1**: 78. — **A 781.1**: 35. — **A 810**: 23. — **A 814.1**: 23, 71. — **A 830**: 23, 70, 104. — **A 901**: 1, 2, 104, 107. — **A 928**: 82. — **A 941.0.1**: 8, 82. — **A 943***: 121. — **A 946***: 82. — **A 950**: 110. — **A 951**: 71. — **A 955**: 23, 73, 84, 87 (I). — **A 955.3.2**: 71. — **A 955.3.2.1**: 29. — **A 955.8**: 6, 71. — **A 955.10**: 71, 72. — **A 955.11**: 71. — **A 960**: 110.— **A 960.0.1***: 71.— **A 974**: 34, 50, 71.— **A 983**: 71, 83.— **A 1120**: 61.— **A 1122**: 61.— **A 1122.1.1***: 123.— **A 1124**: 61.— **A 1142**: 110.— **A 1191.3***: 24. — **A 1200**: 23. — **A 1221.4**: 24. — **A 1224.2**: 23, 24. — **A 1231**: 4. — **A 1236.4***: 103. — **A 1414**: 87 (III), 89, 107, 125. — **A 1415**: 6, 108. — **A 1415.0.2**: 60. — **A 1421***: 33. — **A 1423.1**: 30, 70. — **A 1423.3**: 27, 120. — **A 1440**: 45. — **A 1445.1**: 63, 105. — **A 1453.2***: 106. — **A 1453.2**: 115. — **A 1453.5**: 45. — **A 1457**: 105. — **A 1457.3**: 59, 115. — **A 1457.6**: 113. — **A 1465.1**: 44, 45. — **A 1514.1**: 33, 92, 93. — **A 1517**: 39, 88.— **A 1546.0.4***: 45. — **A 1547**: 85. — **A 1587**: 31, 45, 51. — **A 1599***: 87 (III). — **A 1614.10***: 116. — **A 1616***: 37. — **A 1617**: 13, 22, 40, 51, 63, 68, 80, 87 (IV), 99, 118. — **A 1630**: 26. — **A 1640**: 26. — **A 1641**: 26. — **A 1650**: 100. — **A 1653***: 92. — **A 1653**: 36, 40, 41. — **A 1653.1**: 25. — **A 1724**: 17. — **A 1730**: 30. — **A 2034**: 32. — **A 2100**: 71. — **A 2122**: 80. — **A 2139***: 48, 104. — **A 2217.3.4***: 136. — **A 2241.2.1***: 117. — **A 2305**: 142. — **A 2343***: 145. — **A 2371***: 136. — **A 2412.4**: 107. — **A 2434.3***: 144. — **A 2455.0.1***: 111. — **A 2462.4***: 107. — **A 2494.16.7**: 137. — **A 2611.0.1**: 17, 27. — **A 2611.3**: 27, 28. — **A 2635***: 8, 10, 30, 70. — **A 2681.14***: 7. — **A 2681.51**: 27. — **A 2684**: 30. — **A 2684.4***: 27. — **A 2686.3.1**: 27. — **A 2686.4.2**: 7, 59. — **A 2686.4.3**: 30, 74. — **A 2688**: 87 (II). — **A 2769.2***: 125. — **A 2771.8***: 125. — **A 2785***: 141. — **A 2872**: 90. — **B 16.1.2**: 87 (V). — **B 16.4.2***: 87 (IV). — **B 33**: 87 (IV). — **B 91.5**: 104. — **B 151.2.0.4***: 4. — **B 295.2***: 137. — **B 296.2***: 137. — **B 298.3***: 138. — **B 472**: 96. — **B 476**: 41. — **B 477**: 41. — **B 551.1**: 12. — **B 552**: 96. — **C 93***: 120. — **C 211**: 67. — **C 221.1.3.1**: 69, 88. — **C 231**: 45. — **C 241**: 45. — **C 322.1**: 61. — **C 331**: 87 (II), 89. — **C 611.1**: 7, 8. — **C 615***: 120. — **C 619.6***: 81. — **C 621.2.2**: 8. — **C 936***: 124. — **C 939.3**: 62. — **C 961.2**: 81. — **C 999***: 69. — **D 150**: 30. — **D 231**: 32, 74, 75. — **D 350***: 99. — **D 950**: 87 (III), 96, 97. — **D 1094**: 41, 124, 126. — **D 1543.7**: 61. — **D 1787**: 71. — **D 1812**: 20. — **D 1812.5**: 90. — **D 1812.5.1**: 66. — **D 1881**: 42. — **D 1980**: 53. — **D 2061**: 67. — **D 2072.0.3**: 49. — **D 2105**: 49, 57, 81, 128. — **D 2122**: 71. — **D 2136**: 71. — **D 2142.1**: 60. — **D 2143.1**: 119, 128. — **D 2143.7***: 60. — **D 2151.3.1**: 130. — **D 2151.8**: 121. — **D 2156.12***: 43, 66. — **D 2161**: 42, 68. — **E 1**: 133. — **E 32**: 12. — **E 80***: 79. — **E 182**: 8. — **E 327**: 5. — **E 421.3**: 58. — **E 422.2.4**: 133. — **E 481**: 58, 79. — **E 541.2**: 8. — **E 614.4**: 64. — **E 631**: 5. — **E 631.5.7***: 8. — **E 632.2***: 8. — **E 721.1.2**: 51. — **E 721.1.2.6***: 79. — **E 721.4.1***: 51. — **E 726.3**: 67. — **F 10**: 7, 74. — **F 51.3***: 8. — **F 54.1**: 15. — **F 56**: 8. — **F 81**: 79. — **F 87**: 58, 76. — **F 92.1**: 87 (I), 125. — **F 92.1.1***: 6. — **F 92.4**: 60. — **F 93**: 58, 129. — **F 101**: 79. — **F 133**: 9, 10, 129. — **F 153**: 10, 119. — **F 162.3**: 60, 87 (II), 125. — **F 163.3.2.1**: 75. — **F 239.4.3**: 16. — **F 271.2.3**: 42. — **F 300**: 16, 98. — **F 343.21***:

42. — **F 383.4**: 97. — **F 401.3**: 11, 54, 128. — **F 401.3.7**: 49, 55, 60. — **F 401.3.11***: 52. — **F 401.4.2**: 8. — **F 402**: 101. — **F 402.1.4**: 52, 53, 55. — **F 402.1.5**: 55. — **F 402.1.16***: 46, 47. — **F 402.6.4.1**: 60. — **F 403.2**: 82, 128, 131. — **F 403.2.3.9***: 71. — **F 403.2.3.14***: 71. — **F 411.6***: 47. — **F 412.3***: 119, 127. — **F 419.2**: 71. — **F 441**: 62. — **F 499.6***: 47, 51, 53. — **F 511***: 8. — **F 521.1**: 19. — **F 523**: 15. — **F 523.1***: 44. — **F 527.7***: 17. — **F 527.7**: 21, 40. — **F 531**: 83. — **F 562.3**: 46. — **F 564.8***: 116. — **F 610**: 78. — **F 614.2**: 88. — **F 624.12***: 88. — **F 628**: 78. — **F 636**: 78. — **F 639.2**: 78. — **F 711.2.3**: 96. — **F 711.2.4**: 96. — **F. 911.4**: 122. — **F 952**: 15. — **G 10**: 17, 86, 88, 95. — **G 15**: 17, 39. — **G 73**: 95. — **G 73.2***: 46. — **G 351.1**: 90. — **G 351.3**: 87 (V). — **G 353**: 87 (IV). — **G 353.3**: 78. — **G 354**: 87 (IV). — **G 355***: 78, 142. — **G 384***: 87 (IV). — **G 501**: 8. — **G 519.9***: 18. — **G 586***: 8. — **H 0***: 42, 65, 94. — **H 79.9***: 87 (II). — **H 151.10.1***: 112. — **H 510**: 85. — **H 548***: 94. — **H 900**: 6, 90. — **H 931**: 126. — **H 1010**: 19. — **H 1103.4**: 74. — **H 1141**: 74. — **H 1154.4.1***: 48. — **H 1163.1***: 48. — **H 1199.20***: 41. — **H 1331**: 17. — **H 1381.2.2**: 112. — **H 1381.2.2.1**: 90. — **H 1381.3**: 95. — **H 1385.3**: 78. — **H 1400**: 75. — **H 1543**: 74, 75. — **H 1550**: 22, 75. — **H 1561.2**: 102. — **H 1562**: 126. — **H 1562.9.2***: 60. — **H 1591**: 21. — **H 1594**: 143, 144. — **H 1601.1**: 74, 75. — **H 2213**: 131. — **J 711***: 140. — **J 1745.3***: 54. — **K 11**: 143, 144. — **K 100**: 13. — **K 149.2***: 62. — **K 300**: 113. — **K328***: 87 (II), 107. — **K 329***: 30. — **K 333**: 15, 112. — **K 335.0.14***: 115. — **K 500**: 101, 128. — **K 515.1**: 95. — **K 523**: 95. — **K 527**: 101. — **K 571**: 56. — **K 635**: 135. — **K 676**: 98. — **K 714.4.3***: 98. — **K 730.2.1***: 139. — **K 811**: 135. — **K 897***: 142. — **K 952.1.2**: 137. — **K 963**: 108. — **K 1700**: 32. — **K 1715***: 86. — **K 1715**: 71. — **K 1715.4**: 50. — **K 1715.4.0.1***: 120. — **K 1818.1**: 95. — **K 1821.11***: 3. — **K 1859***: 83. — **K 1881**: 83. — **K 1883.8**: 86. — **K 1886.3.1**: 72, 73. — **K 1886.3.2**: 71. — **K 1886.3.3**: 71. — **K 1889.7***: 134. — **K 2388+**: 125. — **M 10***: 100. — **M 311***: 100. — **N 349.3+**: 87 (II). — **N 440**: 14. — **N 813**: 17. — **N 825.2**: 14. — **N 825.3**: 102. — **N 846.2**: 101. — **P 250.1+**: 1. — **P 682+**: 93. — **Q 2**: 45. — **Q 42***: 87 (IV). — **Q 42**: 57. — **Q 65+**: 101. — **Q 111.8**: 101. — **Q 113.0.1**: 36, 38, 101. — **Q 151**: 99. — **Q 211**: 66, 87 (II, V), 99, 127. — **Q 211.6.2**: 12. — **Q 211.7+**: 86. — **Q 211.12**: 134. — **Q 212**: 135. — **Q 215**: 66. — **Q 241**: 99. — **Q 244**: 27. — **Q 266**: 62. — **Q 280**: 64, 96. — **Q 281**: 12. — **Q 285**: 64, 96. — **Q 325**: 59. — **Q 395**: 122. — **Q 411**: 50, 56, 66, 76, 86, 87 (II, V), 108, 134. — **Q 415.9***: 122. — **Q 415.9**: 12. — **Q 432**: 30. — **Q 551.3**: 30, 32. — **Q 552.12**: 62. — **R 215**: 59, 86, 131. — **R 245**: 86, 96. — **R 345***: 101. — **S 73.1**: 95. — **S 75.1***: 95. — **S 112**: 125. — **S 118.1**: 99. — **S 260.1**: 101. — **S 300**: 15. — **T 11.1**: 95. — **T 22**: 100. — **T 35**: 100. — **T 111**: 42, 114. — **T 111.1**: 49, 59. — **T 145**: 40. — **T 145.0.1**: 76. — **T 411**: 84. — **T 415**: 3, 84, 99. — **T 471**: 107, 108. — **T 471.4***: 90. — **T 481**: 64, 68, 99, 119. — **T 481.2.1***: 42. — **T 511.5.1**: 96. — **T 511.8.7**: 78. — **T 521**: 1, 43. — **T 539.6***: 88. — **T 541.1**: 46, 49, 52. — **T 549**: 78. — **T 550**: 84. — **T 550.8***: 88. — **T 551.3**: 99. — **T 554.5**: 64. — **T 554.7.1***: 31. — **T 554.10**: 49. — **T 554.14***: 96. — **T 555**: 74, 75. — **T 558**: 3. — **T 572.2.3**: 6. — **T 573**: 1. — **T 584.3**: 122. — **T 617**: 78. — **T 688+**: 78. — **W 0**: 22. — **W 28.4+**: 21. — **W 28.4**: 101. — **W 34.4+**: 87 (V). — **W 34.4***: 102. — **W 154**: 131. — **Z 71.5**: 79. — **Z 139.8+**: 34. — **Z 210.1+**: 78. — **Z 221+**: 21. — **Z 312***: 102. — **Z 356***: 87 (V), 88. — **Z 356**: 132.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОТУМАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ *

Только со сверстниками играй — они тебе равны.
Голубь от сети улетит, а от страха — никуда.
Любой дождь кончается.
Всякий прилив приходит и прочь уходит.
Бревно, что начало тлеть, сгорит без остатка.
В тлеющем бревне всегда огонь сидит.
Зуб за зуб.

Помешивают в земляной печи, а Хопо еще нет.
Вечно этот наш Хопо торопит с едой...
Открывают земляную печь, а Хопо все нет,
Нашего Хопо, что только и знает просить есть.

Собака всегда возвращается к своей блевотине.
Не торопись со словами.
Новый день — новые беды.
Ломай ветку, ломай, пока не сломается.
Змея спит, не тереби ее.
Своими делами сам и будешь побит.
До своей цели непременно дойдешь *(о человеке, который своими делами накликает на себя беду).*
Что ни испечешь — получится зола.
На гнилое дерево не обопрешься *(о человеке, на которого нельзя положиться).*
В опасном месте всегда растет дерево джоджи *(о незаметном, но сильном человеке, на которого можно положиться в трудную минуту).*

Джоджи — крепкое гибкое дерево, растущее по склонам холмов; за побеги джоджи удобно цепляться при восхождении наверх.

Ни один краб на огне сразу не краснеет *(о нетерпеливом человеке; о человеке, похваляющемся еще не сделанным делом).*
Птичка силок видит *(о взволнованном, напуганном человеке).*
Будто сидит на пустом кокосе, а внутрь забрались муравьи *(о суматошном, беспокойном человеке).*
Совсем места не знает *(о суетливом человеке, о ребенке).*
Ночной богатырь *(о человеке, который бодрствует по ночам, а днем спит и ленится работать).*

---

* Перевод выполнен по изданию: *Parke A.* Fäeag 'es fūaga: Rotuman idioms. Auckland, 1971.

Шарит по кокона *(о человеке, который встает есть по ночам).*

Кокона — навесная полка в ротуманском доме; на этой полке хранят съестные припасы (ср. здесь № 10).

Об одном и том же — много раз *(о болтуне).*

Пустой кокос на ветру *(о болтуне или ворчуне).*

Все глаза жжет *(о хвастуне).*

От него глаза щиплет *(о ловком обманщике).*

Собака на всех прохожих лает *(о крикуне или сплетнике).*

Словно горячее жует *(о неразборчиво говорящем человеке).*

Поступает как житель Малахаха *(о коварном, хитром человеке).*

Жители округа Малахаха традиционно считаются на Ротума хитрецами и обманщиками.

Словно рыба, зарывшаяся в песок *(о лицемере).*

В проливе Хатана море спокойным только кажется *(о плохом человеке, притворяющемся добрым и хорошим).*

Как будто морских угрей наелся *(о злом, сердитом человеке).*

Чудовище, пожирающее камни *(о жестоком человеке).*

Красный дух *(о недобром, привередливом человеке, которого трудно задобрить и который сам не знает, чего он хочет).*

Не стоит охотиться на птиц со знатным человеком *(о человеке, которому трудно угодить).*

Точно как Мата-сина: самому хочется ухулеи, а делает вид, что нет *(о привередливом человеке, которого надо долго уговаривать).*

Ухулеи — разновидность ямса с короткими мясистыми клубнями.

Всех вокруг щекочет *(о веселом человеке).*

То ли стар, то ли молод — не понять *(о пожилом человеке, который ведет себя несоответственно возрасту).*

Ноги от воды не обсохли *(о новичке или человеке невысокого положения).*

Наелся сырых мух *(о человеке, который берется не за свое дело).*

Целится в луну *(о неудачливом поклоннике, ухаживающем за красивой или знатной девушкой).*

Не людей пугает, а одни деревья и камни *(о человеке, не выполняющем своих угроз).*

Любовь его придет к концу *(о непостоянном человеке).*

Рак-отшельник извернется — сам себя укусит *(о членах одной семьи, обижающих друг друга).*

Он уже выкурил свою трубку *(о человеке, побитом в драке).*

Тянется, тянется, а не достает *(о неудачнике).*

Корзина для улова *(о человеке, который всегда уносит домой угощение с праздничного пира).*

Словно скат вери *(об обжоре).*

Вери — крупная скатовая рыба, которая глотает все, что попадается ей на пути.

Словно корзина без дна *(об обжоре, который никогда не может наесться).*

Гневается Ноху *(о человеке, который в гневе вредит самому себе).*

Ноху — скала, выступающая в море у берега Ахау. Считается, что эта скала — окаменевший человек или дух. По легенде, женщина по имени Ноху жила в округе Оинафа, но, поссорившись со своими домашними, ушла из дома. Она направилась в Малахаха, но по дороге все время оборачивалась на островок Хауа. Этот привычный вид сердил ее еще больше и мешал ей сделать остановку в пути. Это заставляло ее идти дальше. Только у берегов Ахау, когда она обернулась и уже не увидела Хауа, она решила остановиться.

Словно дерево, что растет у дороги *(о человеке, который часто хворает)*.

Все, кто проходит с ножом в руках мимо стоящего у дороги дерева, могут сделать на нем надрез; от этого дерево чахнет.

Словно утонувшая в море крыса *(о человеке, промокшем под дождем)*.
Словно сожженное апеа *(о светлокожем человеке)*.

Таро апеа при запекании белеет.

Словно спелый хата *(о красивом человеке)*.

Хата — плод одноименного дерева, разновидности пандануса.

Словно рыба посо *(о толстом человеке, о беременной женщине)*.

Рыбы посо, вытащенные на берег, раздуваются от воздуха.

Половина неба *(о большом, крупном человеке)*.
Благородный господин умен и всем хорош *(о хорошем работнике)*.
Ранний утренний туман *(о человеке, который рано выходит на работу)*.
Трудится, как птица калэе *(о человеке, занятом полезным делом)*.
Господин с длинными руками *(о вожде, который, не располагая сам большим богатством, держит при себе богатых мафуа и имеет богатых родственников)*.
Огонь во все стороны ползет *(об умелом земледельце)*.
Как ни привязывай голубя, все равно убежит и станет гулить издалека *(о юноше или девушке, перестающих слушаться своих родителей)*.
Топор хорошо подходит к рукояти *(о счастливой супружеской паре)*.
Огонь пылает, но не греет *(о женщине, которая завлекает мужчин в корыстных целях)*.
Словно зубы вытягивает *(о сильной боли)*.
Тонга и то ближе *(о непонятном)*.
Моей алави туда не дотянуться *(о чем-то недостижимом и недоступном)*.

Алави — палка для снятия плодов с дерева.

Все равно что жевать *(о простом, легком занятии)*.
Наш костер все равно погаснет *(о невыполнимом предприятии)*.
Лодка перевернулась *(о внезапном несчастье, неудаче)*.
Словно блеск молнии *(о неожиданном)*.
Темнее пещеры *(об очень темной ночи)*.
Этот дождик только духов поливает *(об очень слабом дожде)*.
Солнце пахнет землей Тингареа *(о вечернем часе; о заходе солнца)*.

Тингареа — имя вождя местности Лоса (запад острова).

САМОАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ *

Обжегшись о камни в земляной печи, возьмешься за щипцы.

Кокос внутри сладок и сочен, а зубам больно.

Для того чтобы выпить кокосового молока, кожуру кокосового ореха прокусывают зубами.

Еще растет дерево, а уже смерть его близка.

Силен дух, да ноги разбиты.

Благородный ошибется — наказать его, простолюдин споткнется — не заметить того.

Не спорь о пути луны с высоким вождем *(т. е. сильный всегда побеждает)*.

У белой птицы друга нет.

Рыбка плавает — чайка ждет.

Кузнечик скачет — враг сторожит.

Скат сам улизнет, а колючки оставит.

У ската очень острые хвостовые кости. Если схватить ската за хвост, он может спастись, обломав эти кости. Оставаясь в ране, острые кости приносят ужасную боль.

Краба его же клешней и убивают.

У пойманного краба отрывают клешню и ею закалывают его.

В горы рвется рак-отшельник, а трещит его домик *(т. е. решает один, а исполняет другой)*.

Заглядится плотник — промахнется тесло.

Напрасно радуется рукоять сверла, когда ломается острие.

Человек зло во рту носит.

Пусть дело доходит до угроз, но не до пинков.

От слов больно не бывает.

Боль, кровь и обиды надо проглатывать.

Боль дальше кожи не проходит.

Хоть и живет Фаонуу подле малаэ, не стоять ему там во время совета *(т. е. можно быть очень близко от желаемого, но так и не достичь его)*.

Воины погибают, сила живет.

Разорение забывается, сила помнится *(т. е. цель оправдывает средства)*.

Люди разные — умы разные.

Мудрый человек сперва подумает, потом скажет.

Вечером решишь, утром передумаешь.

Сауа одно просил, Мата-утуааи другое исполнил *(в значении: Услужливый дурак опаснее врага)*.

Ночной дождь только попусту грохочет.

Вся вода, что по Песенга бежит, в Оо сгинет.

Песенга — ручей на юге о-ва Уполу, Оо — болото там же.

Всякая змея только грозится.

Ни в Пау, ни в Вау *(в значении: За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь)*.

---

* Перевод выполнен по изданию: *Schültz E.* Proverbial expressions of the Samoans. Wellington, 1965.

На Тонга подерутся, на Самоа расскажут.
В зарослях случится — в поселке заговорят.
Сам скроешься под навесом, а рука выдаст.

При ловле голубей охотник скрыт в специальном шалашике; под движением руки имеется в виду закидывание сети или выброс приманки.

Сеть, что в ночи запуталась, утром распутают.
В Палаилауа все давно решено, а в Малиэ только заговорили.
Гекконы в море не плавают.

Геккон — сухопутная ящерица.

На всех — только вода в водоеме.
Благословенна луна, что уходит и всегда возвращается назад.
Только в открытом море узнаешь того, кому вести лодку.
Ле́са проверяется на берегу.
Тот за рыбой поплывет, кто плел кусок сети.
Каждому мастеру — своя часть лодки.
Придет время хлебных плодов, найдется и палка *(т. е. найдется способ снять их с дерева)*.
Кто хвалит — тот просит.
С утра хорошо верить, что вечера нет.

Ужин — основное время приема пищи. Тот, кто не заботится с утра о пропитании, не сможет прокормиться вечером.

Улов собран, весла на месте *(в значении: спор или некоторое предприятие окончены)*.
Охотничий навес разобран, все унесено прочь *(в значении: окончание какого-либо дела)*.
Охотничья сеть уже под потолком *(в значении: Конец — делу венец)*.
Охотишься на птиц, помни и об опасности.
Не остановишь палицей копья, если оно уже попало в цель.
Кто ложится, выпив одной воды, тот встает в надежде на сытные яства.
Сегодня мой черед, завтра твой будет.
Каждому — свой счастливый день.
В Пуава устанешь, в Фангалеле отдохнешь *(в значении: все меняется)*.

Пуава, Фангалеле — местности на о-ве Уполу.

Всякое затишье ветром чревато.
Если гости в дом, пусть приходят днем *(в значении: всему свое время)*.
На промысел утром ходят, не вечером.
Сначала дом, потом все остальное.
Сперва опорный столб, потом стропила *(т. е. сначала надо сказать о самом главном)*.
Сначала к духу, потом за голубями.

Перед началом всякого важного предприятия, в частности перед охотой, необходимо задобрить духа подношениями.

За акулу — плата.

Первая акула, пойманная с борта новой лодки, преподносится хозяином лодки жителям родного поселка. Они, в свою очередь, отпла-

чивают ему различными съестными припасами. Подношение, отданное рыбаку за акулу, называется «платой» за нее.

Хлебное дерево с верхних ветвей обирать начинают.

Такая же тайна, как узор татуировки *(о чем-либо, что бессмысленно скрывать).*

Известно каждой ящерке и кузнечику *(в значении: Шила в мешке не утаишь).*

Все равно что дикого ямса ждать *(о бессмысленном ожидании, о безнадежном предприятии).*

Плачут камни, рыдает земля *(о глубокой скорби).*

Пришел как будто за огнем, а сам просит маси *(о лицемере).*

Тапатапао все бродит и бродит *(о беспокойном человеке).*

Эту сеть уж не починишь *(о старом и больном человеке).*

Рукоятка сверла *(о болтуне и лентяе).*

От его слов и лодка ко дну пойдет *(о болтуне).*

Придорожная трава *(о человеке, который всех знает и обо всех судачит).*

Словно лодка на ветру *(о покладистом человеке, о послушном ребенке).*

Тот, кто ест хлебные плоды, не помнит, как его кормили запеченным в листьях ямсом *(о неблагодарном человеке).*

Остаются ему только драные перья *(о легкомысленном человеке).*

Рыба от сети бежит *(о суматошном человеке).*

Опоздаешь к разбору улова — не жалуйся.

Завяли листки ямса — его нет, новый ямс пошел — его нет, вторые листья появились — тут и он *(об опоздавшем).*

Урожай ямса собирают, когда его листья начинают вянуть и желтеть. При появлении новых ростков ямс еще пригоден в пищу, но при появлении больших новых листьев он уже несъедобен.

Так же часто виден, как и лодка, что с ветром унеслась *(о человеке, редко показывающемся на глаза и приходящем в гости).*

Одних угри сгубили, других — аиту Пангоа *(в значении: Между двух огней).*

ТОНГАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ *

Маленькая рыбка думает, что ее заводь и есть океан.

Старые птицы — назад на Току *(т. е. под старость тянет в родные места).*

Току — название острова.

Напрасно старается птица фуива.

Фуива — птица, оповещающая громким криком других птиц о добыче, которая не достается ей самой.

Ухоженное поле не тем хорошо, что много ямса дает *(т. е. важно не количество ямса, а его вкус; в значении: Медленно, но верно).*

Маленькая крыса прибежит, тоже хвостик обожжет *(в значении: Двое дерутся, третий — не приставай).*

Всякому духу только ночью хорошо *(в значении: все дурное происходит незаметно, под покровом темноты).*

Не о ранах думай в схватке — о победе.

---

* Перевод выполнен по изданиям: *Churchward C. M.* Tongan dictionary. L., 1959; *Shumway E.* Intensive course in Tongan. Honolulu, 1971.

Появится большая рыба, забудешь о мелкой, что раньше приплывала.

И самый лучший ямс гнилым бывает *(обычно о знатном человеке)*.

Что теперь увяло, то прежде цвело.

Ветер попутный, да парус разорван.

Водоросли всегда потоком несет *или:* Водоросль, гонимая волнами *(о человеке, не имеющем своей точки зрения и своей позиции, подчиняющемся решению большинства)*.

Кошка, когда цыпленка ест, тихо сидит *(об обманчивой внешности; в значении: В тихом омуте черти водятся)*.

На гнилой ветке меи сидишь.

Меи — хлебное дерево.

Мудрость молодой пальмы *(о преждевременном суждении, о новичке в каком-либо деле)*.

Молодая кокосовая пальма, плодоносящая в первый раз, обязательно роняет орехи. Старое дерево уже умеет «держать» свои плоды.

Скворец всегда спешит к баньяну *(о человеке, паразитирующем на чужом богатстве, престиже и т. п.)*.

Считается, что скворцы первыми прилетают обирать плоды баньяна.

Еще поле не убирали, а он уже подбирать спешит *(о человеке, пользующемся результатами чужого труда)*.

Бедное дерево у дороги растет *(т. е. оно никому не принадлежит, и все, кто проходит мимо, срывают с него плоды или ломают его ветви; о человеке, подвергающемся беспрестанным обидам и насмешкам)*.

Как кокосовая пальма на ветру *(о веселом человеке)*.

Если б язык туда же указывал, куда и рука *(т. е. если бы слово не расходилось с делом)*.

Маленькая рыбка — в дар Талануку *(о человеке, отдающем незначительную, но ценную для него самого вещь тому, у кого всего в избытке)*.

Мечта о камне с Тофуа *(т. е. мечта о чем-то недоступном)*.

Считается, что на о-ве Тофуа — самый красивый и самый крепкий камень (ср. здесь № 99), однако этот камень трудно добывать, так как остров очень скалистый.

Хорошо судить, когда сидишь под кокосовой пальмой.

Словно голубю котоне есть *(о важном, но трудном деле)*.

Котоне — разновидность фикуса; ягоды котоне очень нравятся голубям, однако глотать их птицам трудно.

Мой посох об эту землю уже опирался *(об общеизвестном факте, событии)*.

На бесплодной земле до бесчувствия трудятся *(о бессмысленном занятии)*.

Сколько камней ни найдешь, моря не заполнишь.

Хоть и скудная земля, а рядом лежит *(в значении: Лучше синица в руках, чем журавль в небе)*.

СОДЕРЖАНИЕ

М. С. Полинская. Предисловие 5

РОТУМА

1. Как был насыпан остров Ротума 43
2. Происхождение Ротума . . . 47
3. Тока-иниуа 47
4. Первые сау на Ротума . . . 49
5. Сина-пуале-тафа и Сина-нуалекиза 53
6. Моэа-тикитики 55
7. Происхождение краснолистной драцены и гигантского таро 57
8. Эеатосо 58
9. Орои 69
10. Тону-ава 69
11. Атуа по имени Куре . . . 71
12. Две акулы 71
13. Как произошло отделение округа Муту от округа Тиу 75
14. Как на Ротума образовался перешеек 76
15. Нуджкау и Нуджманга . . 77
16. Тиаф-тото 81
17. Мёс-тото 83
18. Киркир-саса 87
19. Тонганцы, приплывшие на Ротума во главе с Маафу . . 90
20. Как была передана власть из Мофману в Фангута . . . 94
21. Два альбиноса, приплывшие с Тонга 96
22. Масиа и его верные товарищи 99

ЗАПАДНОЕ И ВОСТОЧНОЕ САМОА

23. Происхождение Мануа и всего Самоа 103
24. Происхождение земли и людей 108
25. О детях По и Ао 109
26. Происхождение самоанцев 110
27. Откуда пошло растение, из которого делают каву . . . 111
28. Сина и ее родители, или Как на Самоа появились кокосы 113
29. Как появился остров Маноно 114
30. [Как на свете появились летучие лисицы] 115
31. [Почему на Самоа нельзя проходить между срединными опорными столбами дома] 116
32. Рассказ о том, как у нас появились москиты 116
33. Самоа-нангало 117
34. Происхождение скал на берегу Леауваа 119
35. Тапуитеа 120
36. Происхождение высших самоанских титулов папа и ао 121
37. Дети Тафа-ингата 122
38. Откуда пошло имя Матаафа 123
39. Как был положен конец человеческим жертвам 123
40. Тама-ле-ланги 125
41. Добрые воины, славная битва 126
42. Строители лодок, присланные Тангалоа с неба . . . 129
43. [Тангалоа-ауи, сын Солнца] 130
44. Рассказ о сестрах-близнецах Тити и Тити 136
45. Происхождение татуировки 141
46. Таэма, Тила-фаинга и Нафауна 142
47. Тама-фаинга 145
48. Фалеула 148
49. Птица сенга 149
50. Нгенге и аиту с острова Саваии 150
51. Сале-вао 151
52. Мосо 152
53. Сау-маэ-афе 153
54. Дух-осьминог 154
55. Нифо-лоа 155
56. Нгаунга-толо 156
57. Леа и Леа 157
58. Нижний мир Фафа 158
59. Пили 159
60. Тиитии, сын Таланга . . . 161
61. [Как были собраны вместе ветры, дующие на Самоа] . . 164
62. Сина-асаулу 164
63. Лодка Лата 165
64. Тинги и Лау 166
65. Тингилау и Сина-амумутилеи 168
66. Как дети Туи Фити приплыли на военных лодках с Фиджи на Самоа, к вождю Ваэа 170
67. Ви и Во 172
68. Леота 175
69. Рассказ о Туу-леа-маанга . . 177

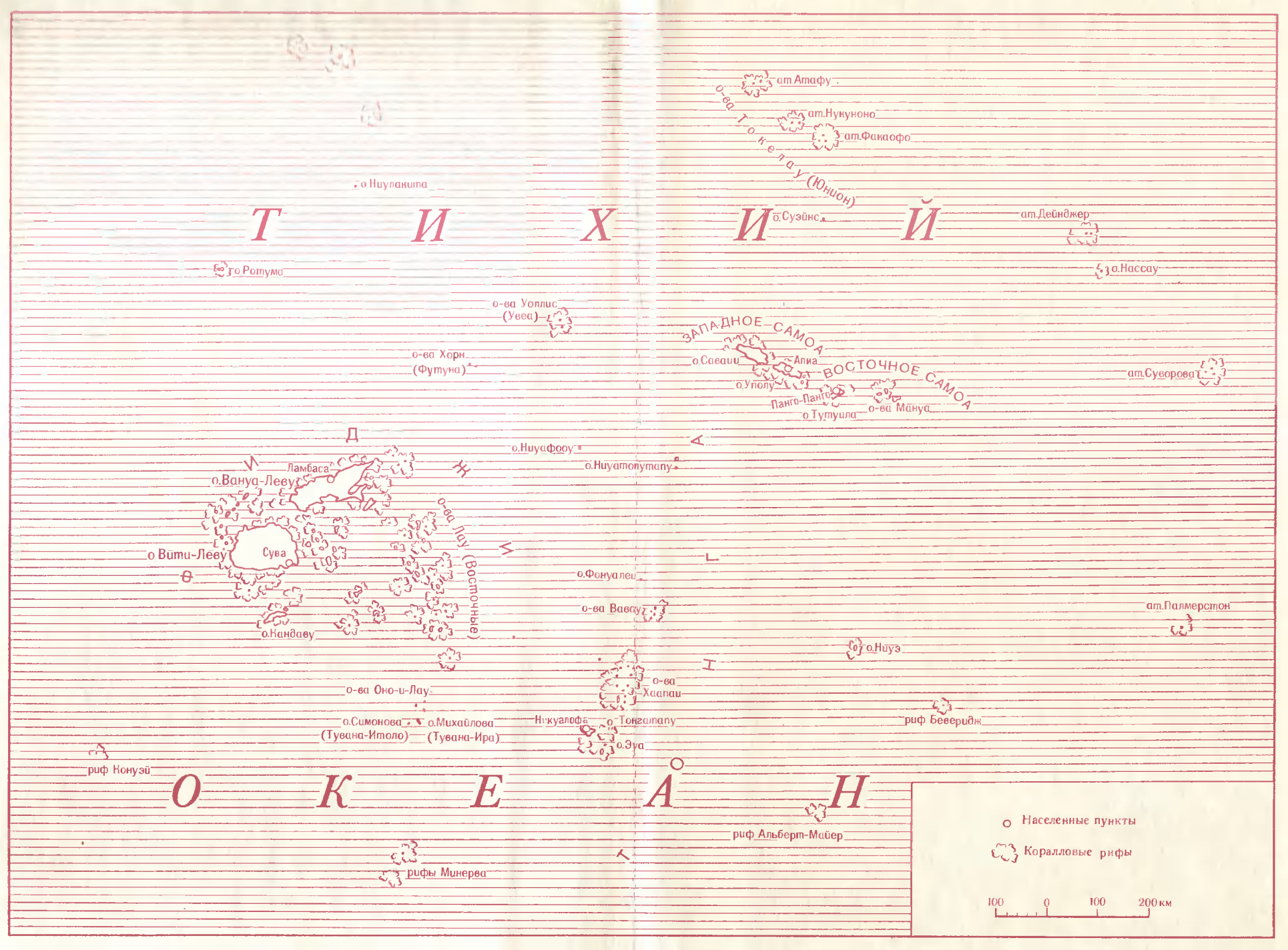
ТОНГА

70. Остров Ата 181
71. Как появились некоторые земли 182
72. Происхождение Ротума . . 184
73. Происхождение острова Тафахи 185
74. Путешествие в Пулоту . . . 185
75. Фаималиэ 186
76. Лупе-овалу 188
77. Происхождение звезды Тапукитеа 190
78. Происхождение Магеллановых Облаков 190
79. Происхождение духа Фехулуни 192
80. Как рыба ава появилась на Номука 194
81. Происхождение скал в Танумапопо 195
82. [Как появились некоторые водоемы] 197
83. [Мафи, Тули и Куи] . . . 197
84. Повесть об острове Эуа . . . 198
85. Как появились фонуалото . 201
86. Тахи-фиси 203
87. Повествование о Мауи . . . 204
88. Туи-мотулики, потомок Мауи Аталанга и Мауи-кисикиси 218
89. Рассказ о Мауи 224
90. Муни 225
91. Муни — Рваное Лицо . . . 229
92. Откуда пошло имя Туи Татуи 230
93. Лоау 230
94. Туи Татуи и девушка . . . 231
95. Синилау и девушки-альбиносы 233
96. Путешествие Каэ 234
97. Лонго-поа и говорящее дерево 236
98. Пасиколе 238
99. Правители Тонга 239
100. Туутанга и Киникинилау . 250
101. [Тауфа] 250
102. [Такаи и Тупоу-тоа] . . . 251

НИУЭ

103. Происхождение человека . 255
104. Первые тупуа 255
105. Рассказ о тупуа Хуанаки и его сыне Тафеа-хе-моана 258
106. Семейство Хины 258
107. Хина-хеле-ки-фата . . . 258
108. Хина и Моко-фулуфулу . . 260
109. Факахоко 261
110. О появлении некоторых тупуа 261
111. Происхождение некоторых тупуа 262
112. Матила-фоафоа 262
113. Тупуа Анаана 263
114. Тупуа Лима-уа 265
115. Как на Ниуэ научились плести сети 266
116. Альбиносы на Ниуэ . . . 267
117. Летающие существа . . . 267
118. Откуда пошло название пещеры Фути-окиоки . . . 268
119. Фити-утоуто и Кили-уто-манонги 268
120. Ваи-матанги и Ваи-фуалоло 270
121. Фолахау 272
122. Нгини-фале 273
123. Рассказ о ветрах 273
124. Палица 274
125. Мауи-матуа и Мауи-тама 275
126. Лауфоли 277
127. Мохе-ланги 279
128. Фоуфоу 280
129. О сыновьях Фоуфоу . . . 281
130. Наму-эфи и Нгуту-пухинеау 282
131. Лава-кула 282
132. Ваи-муа-тифа и Тити-ату 284
133. Хили-нгуту 284
134. Муталау и Матуку-хифи 285
135. Тухенга 286
136. Птица куле и птица века . . 287
137. Крыса и осьминог . . . 287
138. Ржанка и краб 288
139. Мотылек и паук 288
140. Мотылек и бабочка-бражник 288
141. Баньян и лесное дерево каномеа 289
142. Калика и угорь 289
143. Рак-отшельник и ржанка 291
144. Ржанка и краб бегут к морю 291
145. Отец и трое детей 293

Примечания 294
Глоссарий 332
Литература 337
Типологический указатель сюжетов 339
Приложение 344
Ротуманские пословицы и поговорки 344
Самоанские пословицы и поговорки 347
Тонганские пословицы и поговорки 349



ат.Атафу
о-ва Токелау (Юнион)
ат.Нукуноно
ат.Факаофо
о.Ниулакита
Т И Х И Й
о.Суэйнс
ат.Дейнджер
о.Ротума
о.Нассау
о-ва Уоллис (Увеа)
ЗАПАДНОЕ САМОА
о.Саваии
Апиа
ВОСТОЧНОЕ САМОА
о-ва Хорн (Футуна)
о.Уполу
ат.Суворова
Панго-Панго
о.Тутуила
о-ва Мануа
о.Ниуафооу
о.Ниуатопутапу
Ламбаса
о.Вануа-Леву
о-ва Лау (Восточные)
о.Вити-Леву
Сува
о.Фонуалеи
о-ва Вавау
ат.Палмерстон
о.Кандаву
о.Ниуэ
о-ва Хаапаи
о-ва Оно-и-Лау
о.Симонова (Тувана-Итоло)
о.Михайлова (Тувана-Ира)
Никуалофа
о.Тонгатапу
риф Беверидж
о.Эуа
риф Конуэй
О К Е А Н
риф Альберт-Майер
рифы Минерва
Населенные пункты
Коралловые рифы
100 0 100 200 км